

М. И. ДРАГОМИРОВ

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

В О Е Н Н О Е
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА ~ 1956

КРАСНОЗНАМЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА СУВОРОВА I СТЕПЕНИ
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

М. И. ДРАГОМИРОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ВОЙСК

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Л. Г. БЕСКРОВОНОГО

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1956

М. И. ДРАГОМИРОВ

В развитии военного дела большое значение имеет военная теория, к которой относятся приведенные в систему руководящие положения и принципы военного искусства и метод исследования явлений войны.

Как один из видов идеологии, военная теория есть категория надстроечная, и, следовательно, в классовом обществе ее социальная природа целиком определяется тем базисом, которому она служит и который она защищает.

Военная теория имеет две стороны. Во-первых, она включает в себя исследование объективных явлений и законов военного дела, военного искусства и метод исследования этих явлений и законов и, во-вторых, имеет идеологическую сторону, т. е. занимается истолкованием явлений военного дела в целом.

В процессе развития общества военная теория постепенно превращается в военную науку.

Наша советская военная наука впитала в себя все лучшее, что было создано в прошлом, и является наследницей всех достижений русской военной науки на всех этапах ее развития.

История развития военной науки представляет собою историю борьбы прогрессивных военных теорий с реакционными, историю победы всего нового, отвечающего ходу исторического процесса.

Вторая половина XIX в. — весьма важный этап в развитии военной теории. Это было время утверждения буржуазно-помещичьего строя в России, время проведения буржуазных военных реформ. На месте обветшалой фео-

дальной военной системы утверждалась новая, буржуазная. Далеко не все военные круги понимали необходимость и неизбежность перестройки военной системы. Реакционеры, стоявшие во главе армии, сопротивлялись перевооружению войск, введению в армии новой тактики стрелковых цепей, введению новой системы обучения и воспитания и держались уже давно изжившей себя организации войск, устаревшей, но привычной формы боевой подготовки.

Одним из военных деятелей, понимавших важность военных преобразований в армии, был М. И. Драгомиров, который выступил в защиту новых принципов организации войск и новой системы боевой подготовки, отвечающей требованиям времени. Сторонник утверждения буржуазной по своей сути военной идеологии, Драгомиров стал одним из признанных военных идеологов пореформенной России. Он оставил весьма обширное литературное наследство. На трудах Драгомирова русская армия училась более трех десятков лет.

Конечно, доктрина Драгомирова уже устарела. Но при разработке основ нашей современной военно-педагогической системы мы не должны забывать все то ценное, что было создано в этом отношении в прошлом. Еще в 1920 г. Владимир Ильич Ленин указывал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

Разработка теоретического и практического наследства выдающихся русских полководцев и военных деятелей стала важнейшей задачей военных историков после Великой Отечественной войны.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 262.

Михаил Иванович Драгомиров родился 8 (20) ноября 1830 г. близ г. Конотопа, Черниговской губ., в семье русского офицера, активного участника Отечественной войны 1812 г.

Первоначальное образование Драгомиров получил в Конотопском городском училище, окончив которое он поступил в Дворянский полк (впоследствии Константиновское военное училище).

В 1849 г. Драгомиров, как один из лучших выпускников, был направлен на службу прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк и стал готовиться к поступлению в академию Генерального штаба.

В 1854 г., имея чин поручика, Драгомиров поступил в академию и закончил ее с золотой медалью в 1856 г. Его имя было занесено на мраморную доску, на которую записывались имена выдающихся выпускников этой академии.

Военное поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг. произвело на Драгомирова огромное впечатление. Изучая опыт обороны Севастополя, где особенно ярко проявились героизм и стойкость русских солдат и офицеров, он понял и оценил значение морального фактора в войне. Заинтересовавшись вопросом о роли человека и техники в современной войне, Драгомиров еще во время учебы в академии изучает тактику и военную историю и особенно полководческое искусство Суворова. К этому времени относится выход в свет его первой военно-исторической работы «О высадках в древние и новейшие времена» (1856 г.).

По окончании академии Драгомиров был назначен в Гвардейский Генеральный штаб, в котором прослужил до 1858 г. За успешную службу в Генеральном штабе Драгомиров в 1857 г. был произведен в чин штабс-капитана.

Неудачи русской армии в Крымской войне заставили многих задуматься о причинах этих неудач. Революционеры-демократы прямо указывали на главного виновника поражения России — на русский царизм. Редактор «Военного сборника» Н. Г. Чернышевский, объединив вокруг себя передовых военных людей (Обручев, Аничков и др.), начал печатать в журнале статьи, в которых кри-

тиковалась постановка военного дела в России. В статьях прямо говорилось, что истинные причины поражения нужно искать не столько в армии, сколько в существующей феодально-крепостнической системе. «Огорченные последним неуспехом (в Крымской войне. — Л. Б.), мы не дали себе труда вникнуть в истинные причины неудачи и все успехи неприятеля приписали превосходству их военного устройства, их оружия и даже тем не важным особенностям строя, которыми они от нас отличались»¹.

Ряд статей («Голос из армии», «Изнавка Крымской войны» и др.), в которых показывались отрицательные стороны армейской действительности, привлек к себе внимание молодых офицеров, горячо откликнувшихся на критику. Иначе отнеслось к этой критике царское правительство, для которого программа Чернышевского-редактора оказалась неприемлемой. После ухода в конце 1858 г. Чернышевского из редакции журнала последний перестал быть выразителем передовой военной и общественно-политической мысли 60-х годов.

Крупное влияние на умы молодых офицеров оказали работы А. И. Астафьева, в частности его труд «О современном военном искусстве», вышедший в 1856 г., в котором автор подверг резкой критике работы Ллойда, Бюлова, Жомини и поставил вопрос о необходимости пересмотра принципов ведения боя. «По нынешнему улучшению и влиянию на бой огнестрельного оружия, тактика должна изменить строй, отдав все предпочтение рассыпному строю перед колоннами. Нужно рассыпать не только роты и батальоны, но даже целые полки и бригады»². В этой же работе Астафьев поставил вопрос о необходимости поднять воинский дух армии путем изменения всей системы воспитания. Он осторожно намекнул на необходимость ликвидации крепостного права и установления нового общественного порядка.

Работы Астафьева встретили резко отрицательную оценку в официальных органах печати за «слишком оригинальные» мысли. Работы эти оказали определенное влияние на молодого Драгомирова.

В 1858 г. Драгомирова направили за границу для изучения постановки там военного дела, и он принял уча-

¹ «Военный сборник» № 1, 1858 г., стр. 81—82.

² А. И. Астафьев, О современном военном искусстве, СПб., 1856, стр. 168.

стие в австро-итало-французской войне 1859 г. в качестве наблюдателя при сардинской армии. По возвращении в Россию Драгомиров представил отчет: «Очерки австро-итало-французской войны 1859 г.», который свидетельствует о том, что, по мысли Драгомирова, одной из главных причин побед и поражений являются моральные устои армии и ее начальников и поэтому нравственной подготовке войск должно уделяться главное внимание.

Основные тезисы Драгомирова можно сформулировать так:

1) «В военном деле, скорее волевым, чем умовым, на первом месте стоит человек с его нравственной энергией», поэтому в бою нравственная сторона должна преобладать над материальной.

2) На войне победа добывается усилиями войск, а техника лишь устраняет препятствия и не может задаваться самодовлеющими целями, ибо «техника прилагается к войскам»; механизация боевого дела невозможна.

Правильно отметив роль человека в войне, Драгомиров ошибочно считал, что военное дело находится в зависимости от психического фактора. Не понял он и значения техники — материального фактора.

По возвращении в Россию в 1860 г. Драгомиров получил назначение в Военную академию на должность адъюнкт-профессора по кафедре тактики с оставлением на работе в Гвардейском Генеральном штабе. В это время академия переживала период, связанный с проведением военных реформ, являвшихся составной частью буржуазных реформ. Ликвидация крепостной зависимости, судебная реформа, организация земств и др. меры неизбежно должны были привести к буржуазным преобразованиям в армии. Главная задача состояла в создании массовой армии буржуазного типа. В проведении реформы царизм опирался на либералов, охарактеризованных Лениным как идеологов буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая также боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. «Либералы, — писал В. И. Ленин, — ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»¹.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96—97.

Либеральные круги в армии возглавлял Милютин, который в 1861 г. был назначен на пост военного министра. С момента его прихода на этот пост началась энергичная подготовка к проведению военной реформы. Одним из первых мероприятий явилась реорганизация центрального военного аппарата и создание военных округов (1861—1864 гг.). Вслед за этим началась реформа военно-учебных заведений и преобразования в области внутренней организации армии и обучения войск. Последним крупным шагом было принятие в 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности. Хотя военная реформа, согласно ленинской характеристике, была самой буржуазной из всех реформ 60—70 гг., русская армия сохранила многие черты феодально-крепостнической системы до Октябрьской революции.

Многое было сделано и в области перевооружения армии. В 1866 г. были приняты на вооружение шестилинейная винтовка и медные нарезные пушки и начата подготовка к переходу к оружию, заряжающемуся с казенной части. Опыт австро-прусской войны 1866 г. заставил ускорить разработку новых конструкций. В результате в конце 60-х годов на вооружение русской армии была принята винтовка Горлова и Гуниуса (так называемая берданка), а с начала 70-х годов появилась стальная артиллерия.

Первооружение русской армии и постепенный переход к новой тактике стрелковых цепей нашли свое отражение в уставах, изданных в период с 1857 по 1874 г.¹

К этому времени взгляды передовых кругов русской армии на характер боевых действий изменились. Введение дальнобойного нарезного оружия решительно изменило тактику. Новые формы ведения наступательного и оборонительного боя обязывали солдата освоить более сложную военную технику и научиться пользоваться ею в бою. При этом он должен был действовать более самостоятельно, чем ранее (стрелять, делать перебежки, применяться к местности, наносить штыковой удар). Таким образом, потребовалась более глубокая тактическая подготовка не только офицеров, но и солдат.

¹ «Правила для совокупных учений пехоты с легкой артиллерией» (1857 г.), «Руководство для образования стрелков» (1859 г.), «Устав о строевой пехотной службе» (1862—1874 гг.) и др.

Драгомиров понял характер новых требований, предъявляемых изменившимся оружием к тактике, и выступил с рядом статей, в которых заявил о необходимости более решительной перестройки системы боевой подготовки. В статьях, опубликованных в «Военном сборнике», «Русском инвалиде», «Оружейном сборнике» и других изданиях, он ратовал за возрождение суворовской системы обучения и воспитания войск. Он издает суворовскую «Науку побеждать» со своими комментариями и указывает на необходимость внедрения суворовских принципов в войска. Драгомиров выступил также по этому вопросу с лекциями в академии. Его статьи и лекции по тактике привлекли всеобщее внимание и были оценены как лучшие в академии.

В 1864 г. Драгомиров получил назначение начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Вскоре Военное министерство вновь направило полковника Драгомирова за границу, и в 1866 г. он прислал с театра военных действий в «Русский инвалид» ряд очерков о войне между Австрией и Пруссией¹, а по возвращении в Россию написал отчет об этой войне, в котором развивал те же мысли, что и в предыдущем отчете. С этого времени Драгомиров становится крупным авторитетом в широких армейских кругах. Свои выводы в части боевой подготовки войск он обобщил в курсе тактики для военных училищ и в ряде статей по воспитанию войск.

По возвращении из-за границы Драгомиров продолжал научно-педагогическую деятельность в академии и вскоре был произведен в генерал-майоры. В 1869 г. он был назначен начальником штаба Киевского военного округа.

В период с 1868 по 1870 г. Драгомиров, доказывая приоритет в войне нравственного начала, требовал, чтобы внедрению новой техники предшествовало улучшение человеческого материала. Этим противопоставлением «морального и материального начала» Драгомиров показал, что он подходит к оценке явлений с идеалистических позиций. И критика справедливо упрекала его в недооценке военной техники.

В 1873 г. Драгомиров был назначен командиром 14-й пехотной дивизии. Получив возможность осуще-

¹ «Русский инвалид», № 188, 198 и 203 за 1866 г.

ствить свои принципы на практике, Драгомиров занялся решительной перестройкой системы боевой подготовки вверенной ему дивизии в соответствии со своими взглядами. И он добился больших результатов. Личный состав дивизии твердо усвоил основы новой тактики стрелковых цепей. Солдаты были бодры, полны энергии и разумного отношения к делу, офицеры прекрасно знали свои обязанности и охотно занимались с солдатами. Свой опыт по командованию этой дивизией Драгомиров изложил в «Памятной книжке чинов 14-й пехотной дивизии 1873—1875 гг.».

Продолжая разрабатывать вопросы тактики, Драгомиров опубликовал серию статей, изданных позже отдельной книгой, озаглавленной «Армейские заметки».

Прекрасные результаты боевой подготовки 14-я дивизия продемонстрировала во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Дивизия Драгомирова была включена в состав IV пехотного корпуса, который обеспечивал переправу через Дунай. Накануне военных действий Драгомиров писал из Зимницы: «Пишу накануне великого для меня дня, где окажется, что стоит моя система воспитания и обучения солдат и стоим ли мы оба, т. е. я и моя система, чего-нибудь».

Переправа дивизии была произведена образцово. Удачно действовала эта дивизия на Шипкинском перевале.

Во время боев на перевале Драгомиров был тяжело ранен и вынужден был покинуть армию.

По излечении Драгомиров выехал в Петербург и в 1878 г. был назначен начальником Николаевской военной академии. За время его руководства академия превратилась в крупный центр русской военной науки. В 1879 г. Драгомиров издает свой основной труд — «Учебник тактики». В предисловии к этому учебнику он писал: «В надежде, что опыт минувшей войны побудит, наконец, обратить должное внимание на «подготовку войск», мы сосредоточили в особом отделе необходимые указания по этому вопросу». На протяжении двадцати лет учебник тактики Драгомирова служил основным пособием для подготовки офицеров.

В 80-е годы Драгомиров дважды ездил во Францию для изучения новых видов скорострельного оружия. Признавая целесообразным внедрение его в армии, Драгоми-

ров считал, что главное не в том, каково оружие, а как им владеет солдат, ибо сила армии — в солдатах, овладевших техникой.

В 1889 г. Драгомиров назначается командующим войсками Киевского военного округа. Здесь он еще раз получает широкую возможность проверить на практике свои военно-педагогические взгляды. Решительно борясь с палочной системой обучения, искореняя рукоприкладство и проявляя заботу о солдате, Драгомиров не устает повторять, что солдат — это человек, обладающий волей, разумом, чувствами, что задача офицеров состоит в том, чтобы путем всестороннего обучения развить в солдате все хорошие задатки и поставить их на службу родине.

В это время Драгомиров продолжает вести большую теоретическую, публицистическую и педагогическую работу. Он живо откликается на все вопросы, которые волнуют армию, пишет ряд инструкций и наставлений. Особый интерес представляет его «Опыт руководства для подготовки частей к бою» (эта работа выдержала несколько изданий) и «Солдатская памятка», которая издавалась 26 раз.

В 1900 г. Драгомиров разработал полевой устав, с которым русская армия начала в 1904 г. войну с Японией.

Широкие армейские круги попрежнему прислушивались к авторитету Драгомирова, продолжали видеть в нем носителя прогрессивных идей 60—70-х годов, поборника новых форм ведения боевых действий. Однако с 80-х годов Драгомиров был уже не тот. Внешне он продолжал еще говорить о передовом характере боевой подготовки войск, но уже не ратовал за широкую инициативу солдат. Продолжая настаивать на повышении специальных военных требований в соответствии «с опытами последних войн», он уже был против того, чтобы «обращать армию в школу грамотности». Его страшит «мастеровщина», т. е. рабочая прослойка в армии. Он боится проникновения в войска революционных идей и призывает религию на помощь делу воспитания, чтобы сохранить у солдат «верность престолу».

В 1903 г. Драгомиров уходит в отставку, поселяется в своем родовом хуторе под Конотопом и всецело отдается военно-публицистической деятельности.

Драгомиров был избран почетным членом Московского и Киевского университетов, оставлен после ухода

в отставку почетным членом конференции (совета) Николаевской академии Генерального штаба, состоял также почетным членом Михайловской артиллерийской академии. В 1896 г. он был избран почетным членом шведско-норвежской королевской военной академии, а в 1900 г. — почетным членом национального общества «Médailles militaires» во Франции.

Умер Драгомиров 15 (28) октября 1905 г.

М. И. Драгомиров сыграл крупную роль в истории русской армии. Однако, изучая литературное наследство Драгомирова, необходимо помнить, что он принадлежал к господствующему классу и был одним из его идеологов. Все искания Драгомирова были направлены на укрепление буржуазно-помещичьего государства и армии. Он ищет такие формы и способы подготовки войск, которые в новых условиях отвечали бы интересам господствующего класса, укрепляли бы армию, а тем самым и существующий государственный строй.

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДРАГОМИРОВА

Будучи последователем одной из разновидностей идеалистической философии — позитивизма, Драгомиров все явления военного дела, сущность войны как общественного явления рассматривал с позиций идеализма. Война, говорил Драгомиров, — это явление, свойственное природе человека. «В природе, — писал он, — все основано на борьбе, а человек не может стать выше какого-либо из законов природы»¹.

Драгомиров решительно не соглашался с Л. Н. Толстым, который утверждал, что война противна человеческой природе и разуму. Он считал, что «война есть дело, противное не всей человеческой природе, а только одной стороне этой природы, — именно человеческому инстинкту самосохранения...»²

Два фактора влияют на войну — человек и техника.

Главная роль в войне, утверждал Драгомиров, должна принадлежать человеку. Но «человек» Драгомирова — это нечто абстрактное. Он отрывал человека от конкретной общественной среды и отрицал ее влияние на

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. 1, СПб., 1881, стр. 417.

² Там же, стр. 452.

склад мышления и характер человека. По Драгомирову получается, что человек обладает вечными и неизменными качествами, к которым относятся ум и воля. Ум служит инстинкту самосохранения, а воля порождает инстинкт самоотверженности. Так как у солдата при поступлении в армию ум и воля находятся в определенном соотношении, задача состоит в том, чтобы системой воспитания и обучения развить волю в ущерб уму. Отделяя ум от воли и искусственно приписывая им антагонистические качества, Драгомиров делает ошибочный вывод, что военное дело есть «более дело волевое, чем умовое».

Из неверного противопоставления воли и ума Драгомиров делал вывод, что оружие имеет также двойственный характер. Метательное, т. е. огнестрельное оружие отвечает уму, а холодное — «силе воли, энергии нравственной». Отсюда он заключал, что тактика обуславливается духовными силами природы человека, а не военной техникой, в которой лишь раскрываются заложенные в человеке способности. «Оружие, — писал Драгомиров, — есть не самостоятельная, а подчиненная данная; оно есть не более как продолжение органов человека, усовершенствование его двоякой способности: нанести вред издали и сойдясь с ним грудь с грудью»¹.

Драгомиров отдавал предпочтение холодному оружию, ибо оно «дает быстрый и решительный результат в руках того, кто не боится погибнуть», и активно воздействует на нравственную сторону человека, в то время как огнестрельное оружие наносит потери издали, решительного результата не дает и «подрывает нравственную основу боя не только у противника, но и у себя, так как ослабляет наступательный порыв»².

Драгомиров не отрицал роли огнестрельного оружия вообще, он лишь предостерегал от переоценки этого оружия. «Я ведь всегда говорил, — писал Драгомиров, — что пуля и штык не исключают, а дополняют друг друга»³. Развивая свою мысль далее, он продолжал: «Я всегда стоял и буду стоять за штыковое воспитание не потому, что я ставлю огонь низко, а потому, что мо-

¹ 14 лет (1881—1894), Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1896, стр. 52.

² Там же.

³ Одиннадцать лет, Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова за 1895—1905 гг., кн. 2, СПб., 1909, стр. 336.

рально штыковая работа есть дело неизмеримо более трудное, нежели стрельба»¹. С этих позиций он выступал против «огнепоклонников», отрицавших значение штыка в конкретных условиях конца XIX и начала XX в., когда автоматическое оружие только зарождалось. Драгомиров, например, возражал против введения на вооружение пулеметов, так как, кроме отрицательного, по его мнению, нравственного результата, они потребуют большого расхода боеприпасов, с чем русская промышленность не может справиться. «Мечта о безграничном снабжении патронами, — писал он, — конечно, вздор, несообразенный со страшным объемом тех потребностей, которым должна удовлетворить тыловая работа»².

Возражал он также против введения щитов в артиллерии и стрельбы с закрытых позиций, что, по его мнению, притупляет нравственные начала и возбуждает чувство самосохранения в человеке. По тем же соображениям он выступал против применения инженерного дела в обороне и наступлении. На учениях частей Киевского военного округа он отказался от самоокапывания, считая, что «поклонение лопате» дело вредное и якобы противоречащее суворовскому духу. Все это говорило о том, что Драгомиров явно недооценивал роль военной техники и преувеличивал значение морального фактора. Объективно Драгомиров защищал техническую отсталость русской армии. Его выводы были опрокинуты боевой практикой русско-японской войны и справедливо подвергнуты суровой критике. Пытаясь оправдаться, Драгомиров писал, что люди, «с непонятным упорством приписывающие М. Драгомирову презрение к огню, имеют дело не с подлинным, а фиктивным, ими сочиненным Драгомировым. Дав себе труд справиться с его учебниками тактики, они бы открыли, что по его убеждению всегда было, что огонь и штык не исключают, а дополняют друг друга. Вспомним бы хотя и то, что первый предложивший учение с боевыми патронами и зарядами, — это был Драгомиров и никто другой». Однако в это оправдание никто не верил. Все помнили, что он настойчиво внедрял суворовское положение «пуля — дура, штык — молодец», которое имело свой смысл в условиях применения гладко-

¹ Одиннадцать лет, Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова за 1895—1905 гг., кн. 2. СПб., 1909, стр. 337.

² Там же, стр. 339.

ствольного оружия и, конечно, было неприемлемо в условиях применения дальнобойного автоматического оружия, ибо оно приводило к тяжелым потерям на полях сражений.

Драгомиров не понимал того, что человек есть продукт общественных отношений, что с изменением материальных условий жизни меняется и человек.

Стремление Драгомирова доказать неизменность человеческой природы имело определенный смысл в условиях обострения борьбы классов и нарастания революционного подъема в России в конце XIX и в начале XX в. Реакционный характер его выводов о развитии биологических инстинктов, якобы извечно присущих человеку и получающих расцвет в армии, имел целью укрепить армию, не допустить проникновения в нее революционных идей и сделать послушным орудием в руках царизма. Вот почему Драгомиров столь резко обрушивался на рабочих, которых он презрительно называл «фабричными выжигами» и которые принесли в армию новую, пролетарскую идеологию, убедительно показав порочность тезиса о вечности и неизменности человеческой природы. Драгомиров предпочитал видеть в армии крестьян, которые представляют «благодатный материал» для политической обработки.

С позиций идеализма выступал Драгомиров и по вопросу о роли военной науки и военной теории. Он противопоставлял военную теорию военной науке, полагая, что в военном деле может иметь место только военная теория. Наука и теория вовсе не одно и то же, утверждал Драгомиров, ибо теория возможна и необходима в военном искусстве; наука же в нем немыслима, как и во всяком искусстве. «В настоящее время, — писал он, — никому в голову не придет утверждать, будто может быть военная наука; она немыслима точно так же, как немыслимы науки поэзии, живописи, музыки»¹.

Драгомиров придавал исключительное значение военной теории, ибо владение ею облегчает понимание военных явлений. Он решительно отрицал стремление видеть в теории собрание готовых рецептов и догм, которые могут быть безоговорочно применены в любом случае. «Теория — это арсенал, в котором вы находите всевозможные орудия: но что именно взять из этого арсенала —

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. I, СПб., 1881, стр. 444.

дело того, кто берет; и странно было бы, если бы он ожидал, что арсенал ему подскажет, что в известном случае из него взять следует»¹. Драгомиров отчетливо понимал, что теория дает лишь принципы и не сводится к сумме частных фактов, явлений.

Однако Драгомиров не смог подняться до понимания того, что в основе теории должна лежать система взглядов, отражающих существующие закономерности в военном деле. Военное дело было для него стихией, которая не подчиняется никаким законам, а сама война представлялась суммой случайностей.

С этих позиций Драгомиров рассматривал и сущность армии как общественного явления. «Набранная и даже организованная масса — толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована в военном отношении»². Уже прошло время, говорил Драгомиров, механической выучки войск на основе принципов линейной тактики. В конкретных условиях победы буржуазного строя в России армия комплектуется из юридически свободных людей, из которых составляется армейский организм. Задача состоит в том, чтобы сделать этот организм послушным орудием в руках господствующего класса. Строителя русской буржуазной армии привлекает опыт строительства французской буржуазной армии в период утверждения капитализма во Франции. Он публикует статью неизвестного французского автора, предпосылая ей свое предисловие, в котором подчеркивает важность ряда положений автора. Особенно привлекает его дух решимости и отваги, который был присущ французской буржуазной армии. «Делать все противное тому, что делалось прежде и удержалось еще у других; выбирать всегда исполнение самое трудное; предпочитать предприятия, которые робкая тактика противников отвергала или считала невозможными, вот в чем состояла новая теория французов... С этого времени такие военные операции, которые прежде считались необыкновенными, стали делом обыденным. То, что было редким в военном деле, стало обычным, что считалось чудесным, повторялось чуть ли не каждый день»³.

¹ М. Драгомиров, Тактика, ч. I, СПб., 1872, стр. 7.

² М. Драгомиров, Подготовка войск в мирное время, Киев, 1906, стр. 1.

³ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, Приложение 2-е, стр. XII.

Выдвинутая автором статьи «теория невозможного», которой французская армия была обязана наибольшими успехами, а ее противники крупными поражениями, целиком привлекла Драгомирова. Привлекла его также фигура Карно, «этого великого в своей скромности *organisateur de la victoire*, как его называет вся Франция»¹, которого так бесцеремонно отодвинул в тень Наполеон.

Драгомиров решил опубликовать статью, в которой выдвигались весьма смелые для того времени мысли: «Чтобы вести войну способом грандиозным и необыкновенным, нужно было основателям новой системы побудителей грандиозных и необыкновенных: революция сумела найти их. Она поставила массы людей в ряды армии; она же доставила и средства предводитель ими. В прежние века вооружали людей из-за небесного блаженства, в наш — они вооружаются во имя благ земных. Революция провозгласила, что всякий призван сражаться за высшее земное благо: за свободу. Для ее защиты она потребовала от человека неслыханных усилий и подвергла его беспримерным испытаниям. Все, что только человеческая природа способна совершить и претерпеть, революция повелела своему защитнику совершить и претерпеть. Революция же внушила ему убеждение, что жертва его свободна и приносится для собственной выгоды, что, жертвуя собою для родины, он оказывает услугу человечеству»².

В боевой практике французских войск Драгомирова привлекали их высокий нравственный уровень и твердая дисциплина. Именно этих качеств хотел добиться Драгомиров от русской пореформенной армии.

Но яacobинская армия была армией революционной по своему духу и, конечно, ее опыт не мог быть положен в основу боевой подготовки войск русской буржуазной армии. Драгомиров обращается к опыту Суворова, стараясь в нем найти ответы на основные вопросы боевой подготовки. Обращение к опыту Суворова обогатило военную теорию Драгомирова, но в то же время механическое перенесение Драгомировым некоторых положений Суворова («пуля — дура, штык молодец» и т. п.) в практику 2-й половины XIX и начала XX в. не принесло ожидаемых результатов.

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, Приложение 2-е, стр. I—II.

² Там же, Приложение 2-е, стр. XXII.

ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДРАГОМИРОВА

В 60-е годы XIX в. передовая общественная мысль России была прикована к вопросам воспитания. На страницах периодической печати появлялись выступления лучших общественных деятелей, ученых и педагогов. Наиболее яркими были статьи Добролюбова и Чернышевского в «Современнике», Пирогова в «Морском сборнике» («Вопросы жизни») и Ушинского в «Педагогическом сборнике» («Человек как предмет воспитания»). Во всех этих работах выдвигалась идея всестороннего, гармонического развития человека. В то же время эти статьи были средством критики и осуждения господствовавшей в то время сословно-классовой системы воспитания.

Выступая со своими военно-педагогическими статьями, Драгомиров преследовал определенную цель — перестроить русскую армию на буржуазной основе и сделать ее сильной в новых исторических условиях.

Принципы обучения и воспитания

В основе военно-педагогических взглядов Драгомирова лежит утверждение, что главной силой в армии является человек. Предназначение его в том, чтобы вести бой, который завязывается, развивается и завершается как единый процесс. Рассматривая бой как цельное явление, в котором единство действий достигается тем, что войска руководствуются каким-то установленным планом и управляются, Драгомиров полагал, что эта плановость относится не только к большим массам войск, но и ко всем, даже к самым малым подразделениям, вплоть до отдельного солдата. Бой вообще требует от человека напряжения всех его духовных и физических сил; современный же бой, протекающий длительное время, требует, кроме того, сохранять это напряжение во все время боя.

Таким образом, основной задачей воспитания является подготовка человека для боя, ибо от этого зависит состояние подготовки как мелких подразделений, так и армии в целом.

Человек приходит в армию уже с какими-то задатками, и дело армии — развить эти задатки, необходимые

для профессии война. Этого можно добиться путем гармонического воспитания. «К какой бы деятельности человека ни готовили, нужно при этом соображаться с его нравственным, умственным и физическим строем»¹.

Эта идея не нова, признает Драгомиров, она в свое время была блестяще осуществлена Суворовым, который, «сознав ясно, что для победы нужно укрепить солдата умственно, нравственно и физически, он и свою систему воспитания сообразил строго последовательно с этой целью, не делая никаких уступок»².

Эту общую задачу должна решать армия, которая, по мнению Драгомирова, перестала быть только вооруженной силой, а, став массовой, «превратилась в жизненную школу».

Воспитание Драгомиров рассматривал как сложный процесс, состоящий из собственно воспитания и обучения.

Под *воспитанием* Драгомиров подразумевает такой процесс воздействия на солдата, в результате которого будут развиты:

1) «Чувство долга, доведенное до самоотвержения, или готовность пожертвовать собою для выручки товарищей; неустранимость, находчивость, беспрекословное повиновение воле начальника во всем, касающемся службы».

2) «Способность выносить все тяжести и лишения военного времени безропотно и без быстрого истощения сил»³.

Под *обучением* же Драгомиров понимает воздействие, обеспечивающее:

1) «Искусное действие своим оружием».

2) «Умение согласовать свои движения и действия с товарищами».

3) «Ловкость в преодолении встречаемых на местности преград и умение пользоваться ими для соответственного укрытия от осмотра и выстрелов неприятеля, не лишаясь возможности, однако, его видеть и стрелять по нем»⁴.

¹ М. Драгомиров, Учебник тактики, СПб., 1881, стр. 19.

² Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 226.

³ М. Драгомиров, Учебник тактики, СПб., 1881, стр. 53.

⁴ Там же.

Определив эти общие задачи, Драгомиров излагает свою военно-педагогическую теорию, в основу которой он положил ряд учебно-воспитательных принципов, составивших систему практической подготовки.

На первое место Драгомиров ставил принцип целесообразности в обучении. «В военном деле соображение с духовным и умственным строем человека требует в занятиях — целесообразности, в отношениях — строгой законности, в жизни материальной — хорошей пищи, одежды, а также физических упражнений, которые, держа организм в постоянной деятельности, не доводили бы его однако ж до истощения, а напротив укрепляли»¹.

Принцип целесообразности выражается в положении, что в мирное время солдат нужно учить тому, что им нужно будет на войне.

Второй принцип — это систематичность и последовательность в обучении.

Главной задачей обучения, как полагал Драгомиров, является вооружение человека определенным комплексом знаний, поэтому необходимо, чтобы обучение строилось на основе твердых учебных планов и программ. Четкое расположение учебного материала должно обеспечить глубокое усвоение этих знаний. В процессе длительной практики были выработаны следующие правила обучения: а) от простого к сложному, б) от легкого к трудному, в) от известного к неизвестному. Соблюдение этих правил позволяет весь ход обучения осуществлять последовательно и систематически.

В практике военного обучения, говорит Драгомиров, последовательный ход познания протекает так: а) от образования понятий мы идем к б) систематизации новых понятий и установлению связи с предыдущим и, наконец, приходим к в) выводам и установлению законов или правил. В результате обучаемый должен получить знания, под которыми подразумеваются факты, понятия и законы военного дела.

«То время, когда думали, будто через руки и ноги можно действовать на сердце и голову, прошло безвозвратно... Правда, и до сих еще пор остались люди, думающие таким образом, как всегда это бывает при переходе от старого взгляда к новому; но они мало-помалу

¹ М. Драгомиров, Учебник тактики, СПб., 1911, стр. 20.

отступают от своих убеждений под давлением нарезного оружия, которое день за днем, шаг за шагом заставляет их принимать многое такое, что прежде считалось бы нетерпимую ересью»¹.

Третий принцип — сознательность в обучении. Драгомиров кладет в основу суворовское положение: «Всякий воин должен понимать свой маневр» — и анализирует его. Он справедливо утверждает, что усвоение военных знаний невозможно без понимания того учебного материала, который требуется усвоить. Необходимо, чтобы мысль солдата работала, чтобы он понимал целесообразность изучаемого. Обучение должно быть сознательным также потому, что люди должны верить в свои знания и в свои силы, «ибо в деле, кто себе не верит, тот и с основательными знаниями бывает бит», а для этого необходимо, чтобы солдаты понимали цель всякого приема и действия, чтобы каждый мог применить свои знания на практике, в бою, и не растеряться.

Принцип сознательности в обучении заключается в том, чтобы в педагогической практике обеспечивать применение самых активных методов, заставляющих работать органы чувств, будящих мысль и обеспечивающих максимальную самодеятельность учащихся.

Четвертый принцип Драгомирова — наглядность — целиком согласуется с требованием обучать солдата активно и составляет один из краеугольных камней его военной педагогики. «Войска нужно учить в той последовательности, в какой изучается всякое практическое дело в жизни... Сначала присматриваются, как нужно делать, а затем и сами пробуют свои силы на деле»². Драгомиров сделал вывод, что учить нужно главным образом «показом, а не рассказом», т. е. учить наглядно. При этом он исходил из следующих положений:

- а) Показ (наглядность) повышает активность восприятия, так как при этом участвуют все органы чувств.
- б) Наглядность обеспечивает активность мышления.
- в) Наглядность создает условия для более легкого и прочного усвоения знаний.

¹ М. Драгомиров, Опыт руководства для подготовки частей к бою, ч. I, изд. 7-е, дополненное, СПб., 1896, стр. 5.

² 14 лет (1881—1894), Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1896, стр. 24.

г) Наконец, наглядность обеспечивает активную роль учащихся при руководящей роли учителя, и «лучше раз показать, чем двадцать раз рассказать».

Показ должен обязательно сочетаться с активным воспроизведением. «Делай так, как я». Это правило незыблемо. Однако оно требует от офицера безукоризненного мастерства. Нужно, пишет Драгомиров, всячески остерегаться показа того, как не следует делать, ибо солдат будет воспроизводить буквально все, что ему покажут. Поэтому офицер должен изучить свой предмет до совершенства, и тогда он будет уверен в полном успехе своего дела.

Пятый принцип — прочность усвоения.

Сохранение в памяти знаний и навыков требует целой системы упражнений. В том, что солдаты забывают выученное, но не закрепленное, ничего удивительного нет, говорит Драгомиров. Задача и состоит в том, чтобы самое существенное и абсолютно необходимое закрепить путем повторений и упражнений. Твердые знания превращаются в навыки и умения посредством тренировки. При этом нельзя тренировку смешивать с муштрой. Муштра — это выработка навыков без осознания их целесообразности и необходимости для практической деятельности. Особенно ярко такой метод подготовки войск выявился при Николае I, когда солдат заставляли до тонкости изучать искусство маршировки для парадов. Драгомиров был против такой муштры, но за выработку твердых навыков. Тренировка нужна для того, чтобы знания довести до автоматизированных навыков. В бою долго размышлять некогда, нужно действовать, но для этого нужно обладать выучкой, даже мастерством, а оно достигается путем долгого и упорного труда.

Шестой принцип обучения заключается в связи военной теории с практикой военного дела. «Всякая практическая деятельность человека есть не более как ряд мыслей, воплощаемых в поступках», человек «постоянно проходит делом, на практике, тот же самый путь, который при изучении чего-либо мы проходим мыслью», — пишет Драгомиров. Таким образом, правильное усвоение теории вооружает человека для его деятельности. Но этот процесс имеет две стороны. В жизни наблюдается, говорит Драгомиров, «громадное влияние того, что человек делает, на то, как он думает», следовательно,

умственное развитие солдата должно быть достигнуто рациональным направлением его практической деятельности.

Рассматривая принцип связи теории с практикой с этих двух сторон, Драгомиров требует обогащения теории практикой, устанавливая приоритет практики над теорией. «Теория, если сам теоретик не покажет, как ее перевести в жизнь, так навсегда теорией и остается. В практических делах мало знать, нужно уметь; научиться же уметь можно только с глаза, т. е. с показа, а не с рассказа: ибо чего в нашем деле человек не видел, того он и не умеет»¹.

Принцип связи теории с практикой Драгомиров еще называет принципом жизненности. Этим критерием необходимо руководствоваться при разрешении задач воспитания и обучения. «Учить тому, что нужно на войне», «Учить в той последовательности, в которой изучается всякое практическое дело в жизни», «Учить активно» — все это нужно для того, чтобы войска всегда были готовы к бою.

Нужно, говорит Драгомиров, военной науке «спуститься на землю и внимательно отнестись к тем жизненным мелочам, пренебрежение к коим в нашем деле ведет к роковым ошибкам на войне»².

Таковы общие педагогические принципы, которые легли в основу всей системы воспитания Драгомирова.

Многие из этих принципов, выведенные из практики обучения и воспитания в течение длительного времени, не потеряли своего значения и в наше время. Мы, конечно, вкладываем в эти общие принципы новое содержание в связи с теми изменениями в военном деле, которые произошли в машинный период войны. Но и в новых исторических условиях столь же важно выработать военно-педагогическую систему, в основе которой лежали бы определенные принципы, составляющие фундамент боевой подготовки войск.

Весь процесс обучения и воспитания Драгомиров рассматривает как единый общий процесс, однако он довольно четко разграничивает три области, дополняющие друг друга; это — умственная, нравственная и физическая подготовка.

¹ 14 лет (1881—1894). Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1895, стр. 289.

² Там же.

Умственное развитие

Умственная подготовка составляет предмет военного образования, которое «имеет в виду приготовить человека бить врага возможно меньшими потерями и усилиями»¹.

Подготовка солдата в пехоте, коннице и артиллерии должна вестись по заранее выработанным программам, в которых будет определен объем образовательных сведений, что предохранит от увлечения какой-либо одной стороной дела. Программа должна состоять из следующих частей: а) строевая подготовка на местности; б) соединение строя и движений, применяемых в бою, с действием оружием на местности; в) взаимодействие родов войск. Таким образом, говорит Драгомиров, «Образование в массе составляет уже синтез своего рода: соединение в одно целое всего того, что относится собственно к маневрированию»².

Все эти вопросы Драгомиров рассматривал, исходя из общих законов педагогики, ибо задача воспитания солдата заключается в решении вопроса, «как рекрута обратить в солдата, т. е. специализировать его». Необходимо научить человека оперировать военными понятиями, заставить его направить весь ум и внимание на военные задачи, добиться того, «дабы полезные для войны и боя убеждения и действия обратить военному человеку в привычные и, наоборот, всемерно остерегаться от сообщения ему навыков бесполезных или вредных при исполнении его великого назначения». Таким образом, дело заключается в том, чтобы отобрать и привить человеку знания, определяющие взгляды, которыми он будет руководствоваться в своем поведении. Это, по Драгомирову, и составляет задачу формирования мировоззрения солдата.

В процессе воинского обучения производится огромная работа над формированием воинского мышления. Для разрешения поставленной задачи Драгомиров привлекает весь арсенал педагогической науки.

«1) Что ни изучал бы человек, он всегда начинает с того, что разлагает предмет изучения на части (анализ).

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. I, СПб., 1881, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

2) Изучает каждую из них порознь, причем прибегает к новому разложению: это мы видим и на строе, и на стрельбе, и на гимнастике, и, наконец, на фехтовании.

3) Соединяет эти части постепенно по две, а потом и больше; но соединяет их так, как они представляются соединенными в изучаемом предмете (синтез).

4) Если этого соединения не сделаем, т. е. если остановимся на изучении частей предмета порознь, тогда каждая из этих частей стремится к своему собственному, самостоятельному совершенству, отрицающему основную общую цель, иногда до полного ее забвения»¹.

В многочисленных военно-педагогических статьях Драгомиров обстоятельно разбирает вопросы формы и методов обучения, исходя из основного положения, что умственное развитие солдата должно быть достигнуто рациональным направлением практической его деятельности. Отсюда вытекает его требование обучать активными методами, обеспечивающими наглядность и самостоятельность. Отсюда также его требование обеспечивать гармоническое развитие, ибо «здравый метод воспитания солдата будет тот, который наиболее сообразен с свойствами человека. Военное дело требует гармонического развития всех сторон человеческой природы, каждой силе которой соответствует известная часть этого дела»².

Касаясь методов преподавания, Драгомиров дает ряд указаний такого, например, порядка:

1) «Опытнейшие педагоги давно уже согласились насчет того, что в деле образования важно не то, что преподается, но как преподается, т. е., другими словами, что залог развития человека лежит не в предмете занятий, но в манере ведения занятий. Нужно вести занятия с солдатом так, чтобы он ясно понимал, зачем всякая эволюция исполняется», и «не торопитесь заключать, что если вас не понимают, то потому, что не развиты; проверьте лучше себя, доразвились ли вы сами до того, чтобы всякий вас понимал»³. В первой части это утверждение ошибочно, так как содержание обучения и со-

¹ Одиннадцать лет, Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова за 1895—1905 гг., кн. 1, СПб., 1909, стр. 276.

² Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. 1, СПб., 1881, стр. 62.

³ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 135—136, 168—169.

ставляет основу миропонимания, но зато вторая часть весьма полезна, т. к. она требует учитывать степень развития обучаемых.

2) Умело преподавать молодым солдатам нелегко. Успех преподавания будет тем больше, чем лучше будут осуществляться следующие требования: «а) сообщать понёмногу — одну, много две мысли враз и тотчас же требовать повторения; идти дальше не иначе как вполне убедившись, что все понятно; б) избегать книжных слов; в) при малейшей возможности прибегать к примеру или, еще лучше, к показу; г) брать из устава не все сплошь, а только то, без чего солдат обойтись не может»¹. Главное вначале «учить не многому, но много, т. е. основательно».

3) Обучая войска, следует практиковать их в тех действиях и приемах, из сочетания которых складывается всякое боевое действие (наступление, оборона и т. д.) на войне. Венцом боевой подготовки, по мнению Драгомирова, должны быть односторонние или двусторонние маневры, как это делал Суворов. «Когда, после шестидесятипятiletнего забвения, я вывел на свет божий систему обучения атаке Суворова, комментировал его великую «Науку побеждать», то... привлекал внимание интересующихся военным делом к действительно национальным для русских приемам образования и воспитания войск»².

4) Избегать, как величайшей опасности, всех тех упражнений, «которые отвечают инстинкту самосохранения», и, наоборот, давать возможно большее развитие упражнениям, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности ко всем неожиданностям. «Солдат должен быть готов на все и во всяком строе: покажите ему поэтому атаку конницы и пехоты и в развернутом строе, и в колонне, и в каре, как на заднюю, так и на переднюю шеренгу, чтобы он не привыкал считать, будто известные положения непременно требуют и известного постоянного строя. При этом условии для него не будет неожиданностей»³.

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 179.

² Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. I, СПб., 1881, стр. 357.

³ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 232.

В этих словах выражено требование борьбы с графоманством, с шаблонизацией и стремление привить солдату смелость, находчивость, развить у него сметку и инициативу, столь важные в бою. «Развитие сметки и особенно упорства, характера, притупление инстинкта самосохранения,— насколько это возможно в живом существе,— укрепление ума последнего солдата положительным знанием военного дела,— вот суворовская система во всем ее простом и осязательном величии»¹.

Суворовская система опрокидывала шаблон и рутину. Этого же добивался и Драгомиров, применяя и раскрывая суворовскую систему в новых условиях.

5) Наконец, громадный интерес представляют указания Драгомирова о том, что офицер должен вооружиться терпением и самоотвержением в своей педагогической работе, он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится быть воспитателем и руководителем войск.

Нравственное воспитание.

В деле подготовки войск главное место занимают вопросы воспитания. «Воспитание,— говорит Драгомиров,— важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, нежели умовое»².

Важность воспитания, по Драгомирову, определяется той ролью, которую оно играет в деле подготовки человека к выполнению им воинского долга. Задача состоит в том, чтобы, во-первых, добиться от человека понимания своего долга перед родиной, во-вторых, в том, чтобы вооружить его необходимыми знаниями, навыками и умением, которые создают базу для уверенности в борьбе.

Драгомиров считал, что одних умений и знаний мало, хотя при современных сложных способах и средствах ведения войны военное образование стало делом более сложным, потому что усложнилось существо изучаемого и значительно расширился его объем. Но наряду с этим значение воспитания осталось все-таки первенствующим,

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1880 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 226.

² М. Драгомиров, Подготовка войск в мирное время, Киев, 1906, стр. 1.

так как усовершенствованные способы и средства ведения войны, для применения их и для сопротивления им, требуют от воина и большего нравственного напряжения, чем прежние более простые.

Что это именно так, утверждает Драгомиров, свидетельствует опыт всех войн и особенно последней русско-японской войны, которая доказала, что и в «современную нам эпоху в военном деле на первом плане попрежнему остался человек, живая сила, с его нравственной энергией».

Человек обладает умственными, нравственными и физическими качествами. Однако первенствующую роль всегда будет иметь нравственный элемент, определяющий поведение человека во время войны.

Каковы же те задачи, которые ставятся в области нравственного воспитания? Этих задач несколько, но есть одна общая, а именно: нравственная энергия, развитая и укрепленная, которая нужна солдату для одержания победы над противником. Победа будет, подчеркивает Драгомиров, до известной степени в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее, хотя бы ценою собственной гибели, ибо только тот может победить, т. е. погубить другого, кто сам способен решиться на погибель. При этом нравственная энергия должна быть развита до степени готовности хоть самому погибнуть, лишь бы погубить противника.

Но для разрешения этой общей задачи необходимо, чтобы солдат обладал определенными нравственными качествами, которые сделают армию «твердой и упругой».

На первый план Драгомиров ставит воспитание патриотизма, под которым он подразумевает чувство любви к родине. Правда, он не говорит о том, что это естественное чувство используется правящими классами в их личных интересах, а только о том, что это чувство должно быть доведено до степени самоотвержения.

«Выше всего... стоит готовность страдать и умирать, т. е. самоотвержение: оно освящает повинование, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести родине жертву высшей любви»¹.

¹ 14 лет (1881—1894), Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1896, стр. 113.

Средствами укрепления патриотизма являются: приведение к присяге, объяснение ее значения и смысла и беседы с солдатами общего и военно-исторического характера, в которых будет раскрыто историческое прошлое русского народа и охарактеризованы подвиги русской армии.

Самоотверженность, как высшая форма проявления любви к родине,— тот фундамент, на котором зиждется нравственность каждого человека, призванного защищать свою родину. Но самоотвержению нельзя просто научить, оно должно быть следствием всей системы воспитания, проникать всюду и вытекать из всей практики военного дела. Следствием этого, считал Драгомиров, должна явиться нравственная упругость человека, под которой он понимал способность человека воспринять все остальные нравственные качества, образующие цельный характер военного человека. Воспитание состоит в развитии и укреплении характера на нравственных основах, в стремлении сделать основы обязательными для солдата.

Однако один только патриотизм не разрешает всех воспитательных проблем. Для успешного решения поставленных перед армией задач необходима дисциплина. Коренным вопросом нравственного воспитания массы людей и будет являться вопрос дисциплины. Драгомиров не говорит, каков должен быть характер этой дисциплины. Он лишь рассматривает ее как цементирующее начало, превращающее армию в организм. Классовый характер его положений совершенно отчетливо выражается в требовании исполнять приказания начальников, не рассуждая о целесообразности их приказов: «Не смей рассуждать о существе приказания и, напротив, напряги все силы ума, воли и физики, чтобы исполнить его толково, по духу и сердцу начальника»¹. Смысл этого положения понятен. Драгомиров требует, чтобы в результате воспитательной работы солдат был готов стать на защиту интересов господствующего класса и, не задумываясь, использовал свое оружие против тех, кто посягает на эти интересы.

Вообще воинская «дисциплина есть совокупность нравственных, умственных и физических навыков, нуж-

¹ М. Драгомиров, Подготовка войск в мирное время, Киев, 1906, стр. 18.

ных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению».

Основа дисциплины — строжайший порядок, а здоровый внутренний порядок в войсках возможен лишь тогда, когда в войсках будут знать и строго соблюдать уставы.

«Дисциплина,— говорит Драгомиров,— дело взаимное, т. е. бывает крепка только там, где она существует не только снизу вверх, но и сверху вниз, ибо тот же самый закон, который налагает на солдата известные обязательства, обеспечивает его от неправых посягательств, и начальствующие лица, которые позволяют себе подобные посягательства, суть нарушители и закона и дисциплины»¹. Поэтому, говорит Драгомиров, воспитывая солдата, нужно помнить, что солдат — человек и потому «для него, как и для всякого человека, ни одна обязанность не должна обходиться без соответствующего права». И когда Драгомиров обнаружил в войсках своего округа факты кулачной расправы, то в приказе № 319 от 27 октября 1889 г. он писал: «В некоторых частях дерутся. Прошу помнить, что в дисциплинарном уставе ясно указано, какие на нижних чинов можно налагать взыскания и кроме коих никто иных налагать не смеет. Рекомендую охотникам до ручной расправы ознакомиться с XXII т. Св. В. П. 1869 г., ст. 185, из которой они откроют, чего могут ожидать в будущем, если позволят себе впредь, рядом с дисциплинарным уставом... сочинять свой собственный»².

На наказания Драгомиров смотрел, как на средство укрепления дисциплины, а не как на самоцель. Требовательность командира и взыскательность должны сочетаться со справедливым подходом, и тогда наказания, накладываемые этим командиром, будут восприниматься солдатом как следствие его проступков, которых он больше не повторит. «Накажи и забудь — вот идеал русского солдата», — писал Драгомиров.

К дисциплине Драгомиров относил также и чинопочитание, или субординацию, под которой подразумевается воинская вежливость. Это дело также взаимное, и нужно, чтобы все уважали русский мундир. Это уважение будет

¹ М. Драгомиров, Подготовка войск в мирное время, Киев, 1906, стр. 11.

² Сборник руководящих приказов генерал-адъютанта Драгомирова, Киев, 1892, стр. 1.

больше чувствоваться и проявляться там, где оно будет идти сверху. Он справедливо полагал, что солдаты лучше и внимательнее относятся к отдаванию чести там, где и офицеры отвечают исправно на отдаваемую честь, понимая, что им даже неловко быть менее благовоспитанными, чем солдаты.

В то же время субординация заключается не только во внешнем чинопочитании; это — гораздо более глубокое понятие. Оно включает «обязанность всякого воинского чина обращаться снизу вверх с докладами, сверху вниз с приказами...»

Это особенно важно во время боя, где всякий, от солдата до главнокомандующего, в любую минуту находится на своем посту и должен постоянно помнить, кого он должен слушаться, кому может и кому не имеет права отдавать приказание.

Постоянное памятование и исполнение этого — коренные условия дисциплины боя; его можно, а следовательно, должно привить путем практики в мирное время, и, таким образом, дисциплина и ее составная часть субординация должны обеспечить единоначалие в войсках, без которого немисливо существование воинского организма.

Дисциплина выражается в сознательном подчинении. «Воспитывает не строгость, — писал Драгомиров, — а неуклонность и непрерывность применения раз поставленного, но непременно дельного, целесообразного требования»¹. Основанием же этого подчинения является доверие к начальнику. «Чем он может приобрести это доверие?» — задает вопрос Драгомиров и отвечает на него так: «Характером, знанием дела, заботливостью о солдате и, наконец, всяческой справедливостью, в том числе соразмерностью налагаемых взысканий. Результатом доверия является тот благородный, единственно достойный человека и единственно полезный в бою страх, который побуждает солдат дрожать за успех дела, развивает в них горячее желание положить себя для достижения этого успеха, развивает в них, если можно так выразиться, армейский патриотизм»².

*Томас
Красин*

¹ 14 лет (1881—1894). Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1896, стр. 226.

² Там же.

Таким образом, Драгомиров полагает, что в армии не должна иметь места палочная дисциплина, а вместо нее должно быть строгое, неуклонное выполнение уставов и инструкций. Армия будет сильна дисциплиной, а методами ее укрепления будут: а) нормальное отношение начальствующих лиц к солдатам, б) равномерность требований по службе, в) строгое различие проступков и упущений и сообразное со степенью вины наложение дисциплинарных взысканий, г) постоянная проверка исполнения отданного приказа (контроль).

Наряду с исполнительностью Драгомиров полагал необходимым воспитывать в солдате инициативу, или, как он говорил, частный почин. Появление нарезного оружия и увеличение его скорострельности привело к развитию тактики стрелковых цепей. Действия в цепи потребовали от солдата сметки и инициативы в разрешении поставленной задачи. Об этом Драгомиров пишет так: в настоящее время необходим солдат «более подготовленный в тактическом отношении, при непременно условии воспитания в духе сознания необходимости проявления частного почина». Следовательно, инициатива и будет формой проявления сознательности для лучшего исполнения приказа.

На основе патриотизма и дисциплины вырабатывается храбрость, решительность и неустранимость солдата. Эти качества не присущи вообще всем людям и появляются у солдат в результате правильного воспитания. В мирное время эти качества нужно развивать путем выработки самообладания и бесстрашия, которые, в частности, обуславливаются твердой уверенностью в силе своего оружия и мастерством владения этим оружием. Одним из способов выработки хладнокровия и самообладания Драгомиров считал обучение тактическим приемам под ружейным огнем. Чтобы приучить солдат к спокойствию на стрельбах, Драгомиров сам иногда становился у мишеней и проверял действительность огня стрелков.

Не менее важно развитие стойкости и упорства. Все воспитание войсковое «должно быть преимущественно направлено к тому, чтобы рядом систематически и настойчиво проводимых упражнений довести упорство солдата и офицера до возможного, в зависимости от индивидуальных свойств, максимума. Упорство — способность, подде-

жащая развитию, как, впрочем, и всякая другая способность»¹.

Упорство, стойкость и хладнокровие должны быть превращены в привычку. «Для человека всегда дело было не в мере опасности, а в мере привычки к ней. Чем более укоренить привычку преодолевать страх, сопряженный со специальностью, для которой человек предназначен, тем он легче и лучше исполнит свое назначение», а для этого в мирное время нужно учить так, как на войне, но, говорит Драгомиров, к сожалению, «в мирное время учат стрелять, но стоять под выстрелами пока не учат».

Только на этой основе и возможна «решимость безропотно переносить труды, холод и голод и все нужды солдатские», или самоотвержение. И здесь особенно велика роль примера начальников, разделяющих в дни испытаний с солдатом последний сухарь и последний пук соломы.

Одним из важных элементов воспитания является поддержка уверенности в себе, в своей силе, в своей неокружимости. Недостаток воспитания в этой части может привести к пагубным последствиям, ибо, говорит Драгомиров: «Армия — сила живая; в ней все держится на понятиях, которые она себе составила о враге и о его средствах. Презирать врага так же опасно, как и поднимать его силу собственными рассказами и бабьими сплетнями на степень неодолимости: будь она самая ничтожная, а поднимается, благодаря рассказам, на степень неодолимой»².

Русской армии издавна знакомо требование взаимной выручки и боевого товарищества. В военном деле, указывает Драгомиров, все основано на единодушии, на товариществе, а поэтому все способствующее развитию товарищества должно быть поощряемо, а все препятствующее ему — устраняемо.

Понятие взаимной выручки Драгомиров трактует весьма широко. Всю третью часть учебника тактики посвящает он раскрытию этого понятия и рассматривает его, начиная от элементарного представления о взаим-

¹ 14 лет (1881—1894), Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, СПб., 1896, стр. 77.

² Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг., т. I, СПб., 1881, стр. 499.

ной выручке (в духе суворовского: «сам погибай, а товарища выручай») до широкого понимания взаимодействия войск, как формы взаимной выручки.

Наконец, особое место должно занять формирование чувства чести — чести военнослужащего и чести воинской части. Личная честь должна быть связана с честью боевой части, с честью боевого знамени. «В порядочной части,— пишет Драгомиров,— все может перемениться, все может умереть для войсковой жизни, одно остается неизменным и вечным, насколько вечны создания человека: дух и знамя — его вещественный представитель. Часть, в бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенную, несмотря на самые тяжелые, иногда гибельные положения; часть, потерявшая знамя,— то же, что опозоренный и не оплативший свой позор человек...» Знамя, писал там же Драгомиров, это «не условная военная святыня только, но святыня в прямом и непосредственном значении этого слова»¹.

Воспитание воинов в этом направлении и будет завершением всей нравственной подготовки солдат и офицеров, «ибо там, где человек любит свою родину,— любит свою часть, там он не задумывается жертвовать собою для ее блага».

Таковы основы нравственного воспитания войск, выработанные Драгомировым. Нравственные принципы он рассматривает как надклассовые, общечеловеческие категории, существующие вечно и неизменно, пока существует человек и человеческое общество. Драгомиров, таким образом, рассматривал моральный фактор изолированно, вне связи с социально-политическими и экономическими основами государства, вне связи с характером войны, в отрыве от народных масс, которых он боялся.

Будучи идеологом самодержавного буржуазно-помещичьего государства, он, конечно, и не мог дать другого толкования явлений. Для нас важно, что Драгомиров боролся за создание рациональной системы воспитания, что все эти нравственные начала Драгомиров умел передавать войскам, умел воспитывать армию на этих принципах и вести ее в бой, важно также и то, как он осуществлял свою *воспитательную теорию* на практике.

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858--1880 гг., т. I, СПб., 1881, стр. 475.

Большое значение имеет выдвинутое Драгомировым положение о связи и взаимодействии духовного и физического состояния человека и его навыков. Физически развитые и натренированные солдаты и офицеры будут легче переносить все тяготы и лишения походов, будут более стойки в бою. Они не растеряются в самых сложных условиях боевой обстановки. Твердая закалка и натренированность будут основой бодрости духа, а она в свою очередь позволит дольше и легче выносить все испытания до достижения победы.

Основная задача физического воспитания заключается в развитии выносливости. Последняя же достигается путем проведения гимнастических упражнений, развивающих организм солдата; сообразно военным требованиям, сюда относится гимнастика, затем носка всего того, с чем солдат не расстается на войне, и походные движения.

Если гимнастика развивает силы, ловкость и даже влияет на бесстрашие солдата и этим создает предпосылки для выносливости, то носка снаряжения и походные марши служат непосредственно для тренировки выносливости.

Драгомиров и здесь полностью согласился с практикой Суворова. Он писал, что носка полного снаряжения и частые походные движения составляли одну из главных сторон суворовского воспитания солдат; результаты известны. Кто понимает, что успех войны «в ногах», т. е. в быстроте движения (маневрирования), тот должен согласиться, что лучшего ничего нельзя придумать для того, чтобы сделать солдата выносливым в самых трудных положениях.

Итак, физическое воспитание завершает весь комплекс воздействия на солдата и, входя в систему воинского воспитания, является неременной его частью.

Требования к офицеру-воспитателю

Вся сложная задача обучения и воспитания солдата целиком ложится на офицера. Драгомиров ставил перед офицерством ряд вопросов, над которыми задумывались широкие массы офицерского корпуса. Эти вопросы вытекали из того нового положения, которое возникло после

военной реформы 1874 г. Эта реформа изменила весь армейский строй. На смену солдату-рекруту, призванному служить в армии 25 лет, пришел солдат, обязанный отслужить короткое время. В среду дворянского офицерства пришел офицер-разночинец. Армия не изменила своей задачи, но методы решения этой задачи должны были значительно измениться.

Теперь, указывает Драгомиров, бытовые условия нашего общества изменились. Военное обучение весьма усложнилось. Теперь нужно успевать делать за месяц, а иногда дни то, что прежде делалось годами. На офицера возлагается многотрудная задача «воспитать и образовать солдат» при участии младшего командного состава, который он сам же готовит.

Но для того, чтобы справиться с этой задачей, офицер должен сам обладать определенными умственными и нравственными качествами. Чего же требует от офицера-воспитателя Драгомиров?

Во-первых, быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата. Офицер сам должен обладать всем тем, чему он хочет научить своих подчиненных. Преданность, готовность к самопожертвованию, храбрость, инициативность, чувство взаимной выручки и дисциплинированность — все эти качества в нем самом должны быть доведены до совершенства. Такой офицер «будет близок солдату и солдат будет верить такому офицеру безгранично». Мало того, чтобы офицер обладал качествами, он должен уметь передать, перенести их на своих подчиненных. Он должен уметь людей посылать в бой и не бояться смерти. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство. Но у того, кто сам не боится смерти, не бояться ее и солдаты. За таким командиром они готовы идти всюду и всегда, говорил Драгомиров.

Во-вторых, обладать искренней преданностью и любовью к военному делу. «Велика и почтенна роль офицера... и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: «Много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от того не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем, ни одного не заморил бестолковой работой или невниманием к его нуждам; ни

в одном не подрывал доверия к собственным силам»¹. Каждый офицер обязан помнить, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии примериться к нему, а он к ним должен примериться, а поэтому он обязан быть внимательным к малейшим нуждам подчиненных.

Не менее важным было требование Драгомирова «делить с солдатом тягость службы».

Завершая перечень этих требований, Драгомиров писал: нужно, чтобы офицер сам твердо знал основы «солдатской науки» и обладал умением вести воспитательно-образовательную работу.

На офицеров Драгомиров возлагал, таким образом, задачу обучения и воспитания солдат в духе интересов господствующего класса. Рекомендуя им ряд прогрессивных методов боевой подготовки, Драгомиров входил в противоречие с реакционными целями этой подготовки. Противоречивость взглядов Драгомирова отражает кризис русской буржуазной военной мысли конца XIX и начала XX в.

Идеи Драгомирова в области обучения и воспитания войск представляют собой попытку применения взглядов Суворова в новых исторических условиях. Эти идеи, объединенные в его работах по подготовке войск, образуют законченную военно-педагогическую систему.

Драгомировская идея всестороннего развития солдата и офицера для выполнения общественной функции — защиты родины — не потеряла актуальности и в наше время.

В 1918 г. в книжку красноармейца, составленную Высшей Военной инспекцией и утвержденную «как обязательную для всей Красной Армии», В. И. Лениным был внесен целый раздел, состоящий из мыслей Суворова и Драгомирова. Приводим этот раздел, названный в книжке «Помни», полностью:

«1) Сам погибай — товарища выручай (а товарищ в беде выручит).

2) Не бойся смерти, тогда наверное побьешь. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 3—4.

3) Никогда не отбивайся, а всегда сам бей, одними отбивами врага не одолеешь.

4) Тебе трудно, но и неприятелю не легко (а начнешь его бить — ему и совсем не в моготу станет и скорее пардону запросит).

5) Откуда бы враг ни появился, его всегда можно достать либо пулею, либо штыком, что сподручнее, тем и бей; а терять голову оттого, что враг появился не отсюда, откуда его ожидали, а сбоку или сзади, значит самому лезть к нему в петлю.

6) В бою смены нет, есть только поддержка. Одолеешь врага, тогда и служба кончится.

7) Как бы плохо ни приходилось, никогда не отчаивайся; держись, пока силы есть.

8) Пока идет бой — выручай здоровых, а раненых без тебя подберут. Побьешь врага, всем сразу легче станет: и раненым и здоровым.

9) Не удалось одолеть врага сразу, лезь на него в другой, третий, четвертый раз, и так без конца, пока не одолеешь его (потому что и он тебя в покое не оставит до тех пор, пока не доконает совсем).

10) С толком, но смело лезь вперед (скорее побьешь врага и скорее тебе легче станет)»¹.

Положения Драгомирова о формах и методах обучения и воспитания войск в значительной своей части могут быть применимы в нашей военно-педагогической работе. Таковы, например, следующие его положения:

«Дело воспитания и образования солдата должно стать непосредственно офицерским делом».

«Дело воспитания и образования не должно зависеть от частных взглядов того или другого начальника. Необходимо во всей армии установить единство во взглядах на задачи военного воспитания и образования».

«В деле подготовки войск должны быть резко разграничены: подготовка одиночная и подготовка части... Чем лучше и всестороннее будут подготовлены отделения, тем прочнее будет и подготовка взводов, рот и батальонов». Весь объем знаний должен быть выражен в программах и учебниках, определяющих границы знаний, навыков и умения.

¹ Книга красноармейца, изд. Военного отдела ВЦИК, М., 1918, стр. 107—108.

Все дело подготовки солдата должно изменяться в зависимости от состояния военного дела. «Ввиду того, что воспитание и образование солдата всегда должны быть сообразены с состоянием военного дела, необходимо, чтобы офицеры-воспитатели были периодически проверяемы и в законах тактики, уставов и тех задач воспитания и образования солдата, которые являются в данное время вполне современными».

Весь процесс обучения и воспитания должен осуществляться активно и передовыми методами, при которых в обучении будут участвовать все органы чувств и человеческого тела. Это возможно, если сами офицеры-воспитатели глубоко и серьезно понимают свои задачи, досконально знают предмет обучения и обогащают себя знанием основ теории обучения, которая учит тому, «как нужно вести и организовать войска, дабы они возможно менее поддавались неблагоприятным случайностям».

Так же свежи идеи Драгомирова о роли военной публицистики, посредством которой к армии доходят самые передовые идеи и заставляют работать общественную мысль.

Таковы идеи одного из замечательных военных педагогов XIX в., и мы не должны предавать их забвению, как и все то, что помогает нам строить и укреплять боевое могущество наших Вооруженных Сил.

Л. Г. Бескровный

ТРУДЫ
М. И. ДРАГОМИРОВА

ИЗ СОЛДАТСКОЙ ПАМЯТКИ

.....
— Зри в части — семью; в начальнике — отца; в товарище — родного брата; в подначальном — меньшого родню; тогда и весело и дружно, и все ни почём.

Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают. Сам погибай, а товарища выручай.

Под выстрелом наступай врассыпную, атакуй вместе: бьют кулаком, а не растопыренными пальцами.

Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет.

Держись кучи; одна беда — не беда, две беды — полбеды, разброд — беда.

Не жди смены — не будет; поддержка будет. Здорово побьешь, тогда отдохнешь.

Только того бьют, кто боится.

Всегда бей, никогда не отбивайся. Сломился штык, бей прикладом; приклад отказал — бей кулаками; попортили кулаки — вцепись зубами. Только тот бьет, кто отчаянно и до смерти бьется.

В бою солдат — тот же часовой; и умирая ружья из рук не выпускай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять; стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишуются, а штык не обмишуются; пуля дура, а штык молодец.

Цель каждую пулю; без толку стрелять, только чорта тешить. Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля. Береги патрон: выпустишь на удачу издали, подойдешь ближе, тут бы и стрелять, а стрелять нечем. Хорошему солдату тридцать патронов довольно на самое горячее дело.

С убитых и раненых патроны забирай.

Наскочишь невзначай на неприятеля, или он на тебя — бей не задумываясь, не дай опомниться. Молодец тот, кто первый крикнет ура. Трое наскочат: первого — заколи; второго — застрели; третьему — штыком карачун. Храброго бог бережет...

Для хорошего солдата нет флангов и тыла, а везде фронт, откуда неприятель.

К коннице стой всегда лицом; подпусти на 200 шагов; залп, на руку и застынь.

На войне и не доешь и не доспишь, и подобьешься — на то война. Даже настоящему солдату бывает трудно; а жидкому и совсем тяжело. Но если тебе трудно, то неприятелю не легче, а может труднее твоего; только свое трудное ты видишь, а неприятельского не видишь: но оно всегда есть. Потому не раскисай; а чем хуже тебе, тем упорнее и отчаяннее бейся; побьешь, сразу станет тебе лучше, а неприятелю хуже; только претерпевый до конца спасается.

Не думай, что сразу дается победа; враг тоже бывает стоек. Иногда не удастся взять и с двух, и с трех раз: лезь в четвертый и дальше, пока не добьешься своего.

Пока бьешься, выручай здоровых; только, побив врага, вспоминай о раненых. Кто об них хлопчет во время боя и оставляет ряды — плохой солдат, а не сердобольный человек; не товарищи ему дороги, своя шкура ему дорога. Побьешь — всем будет хорошо — и здоровым, и раненым.

В походе своего места не оставляй; остановился на минуту, отстал на 120 шагов. Иди веселей, не раскисай.

Пришли на бивак — не всем отдыхать. кто спит, кто сторожит. Кому спать, тот спи спокойно, пока не разбудят: товарищи стерегут. Поставят сторожить — стой бодро, хоть 100 верст прошел.

Попадешь в начальники, держи людей крепко в руках и приказывай толком, а не командуй дуром: «марш» «вперед». Сначала скажи, что сделать, чтоб всякий человек знал, куда и зачем идти, тогда и марш, и вперед пойдет. **ВСЯКИЙ ВОИН ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ СВОЙ МАНЕВР.**

Атаману первая чарка и первая палка.

.....

Обывателя не обижай, он нас поит и кормит.

Солдат не разбойник.

Держи себя чисто, одежду и амуницию в порядке. Ружье, сухарь и ноги береги пуще глаза. Учись хорошо обертывать портянки, а к походу пропитай их сальцем — ноге мягче.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, мягку, справедливу, благочестиву! Молись богу! от него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит! Он вам генерал!

Послушание.

Обучение.

Воинский порядок (дисциплина).

Чистота.

Здоровье.

Опрятность.

Бодрость.

Смелость.

Храбрость.

Победа!

Слава, слава, слава!

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ НА ВОСПИТАНИЕ И ТАКТИКУ ВОЙСК

Часто случается слышать мнение, будто усовершенствование оружия совершенно изменяет образ ведения войны; это мнение большею частью принимается на веру безусловно, далеко не будучи безусловным, и ведет только к ложным понятиям о предмете. Представляются вопросы: 1) в чем причина кредита подобного мнения; 2) что действительно справедливого в нем и что кажется только справедливым?

Причины доверчивости к подобным мнениям понятны; не говоря уже о том, что перемены в равнодействующей должны быть, как только изменяются свойства хотя одной составляющей, распространению их весьма много способствует еще и следующее обстоятельство: продолжительный мир отражался, — по крайней мере до настоящего времени, — весьма неблагоприятно на характере образования войск, а следовательно, и на воззрениях на военное дело вообще.

Копоть казарм, пыль плацпарадов навевает совершенно другие мысли, формирует совершенно другие взгляды, чем те, которые возникают при обстановке, где впереди — неприятель с гранатой, пулей и штыком; где сцена — безбрежное поле, на котором каждую минуту, в каждом лесу, овраге, деревне можно наткнуться на врага. Нравственная сторона человека выводится из равновесия; напряжена так, как ни в одной области мирной деятельности человека напряжена не бывает.

Чувство самосохранения говорит: «удались от зла и сотвори благо»; долг твердит: «если уважаешь себя, де-

лай свое дело»; наконец чувство необъяснимое, но совершенно человеческое, неодолимо стремится, если не всех, то избранных на опасность; стремится сделать то, чего от человека нельзя требовать, что он дает произвольно, по вдохновению, развивая страшное величие и самоотвержения, и той власти над враждебными случайностями, которая ослепительной молнией освещает тайники души человеческой, недостижимые анализу и исследованию ни на одной арене, кроме поля сражения. Тут сразу становится ясно, что для уничтожения врага нужна стройность в душе гораздо больше, нежели в формах, и горе тому, кто не запасся первою в мирное время...¹

А в мирное время обыкновенно ею не запасаются, напротив, неизбежно доходят до убеждения, будто ничто так не портит войска, как война. Вывод странный, но совершенно логически вытекающий при условии известных отправных точек. И пусть не думают, чтобы это было личное мнение, нет, оно всасывается в кровь, распространено более, нежели кажется, и высказавшие его вслух заслуживают не обвинения, а полного сочувствия за последовательность раз принятому началу и за прямое поставление вопроса.

Это-то убеждение, — высказывается ли оно, или гнездится в сердце бессознательно, — обнаруживает ту уже степень развития мирных упражнений, на которой они *из подготовки к войне обращаются в нечто самостоятельное*, имеющее само в себе цель. При этом взгляде на дело становится понятным, что всякий насильственный возврат к действительному военному делу представляется совершенною новостью, громадным шагом вперед. В этом и заключается главнейшая причина кредита мнения о перевороте в тактике. Подметившие этот переворот были совершенно правы с своей точки; признав, может быть даже незаведомо для самих себя, самозаконность мирно-военной тактики, они, само собою разумеется, невольно должны были смотреть на отрицание ее войною, как на возникновение тактики совершенно новой.

В сущности, это не более как возврат к тем вечным и неизменным принципам, которые от века осуществлялись войною и которые кончатся только с миром...² Раз-

¹ Многозначие автора.

² Многозначие автора.

личные усовершенствования оружия и военные катастрофы, обнаруживающие силу этих усовершенствований,— суть не более, как внешняя обстановка, заставляющая забывчивое человечество возвращаться к этим принципам.

Мы предположили себе целью проследить, насколько в настоящее время это возможно, те явления, которые обуславливаются последними усовершенствованиями ручного огнестрельного оружия, и показать характер их влияния на понятия о военном деле, на механизм построений и на организацию войск.

Цель военного сословия в народе заключается в том, чтоб бить врагов его с возможно меньшими усилиями и потерями. В отношении к общему складу народной жизни эта цель обращается, разумеется, в средство, весьма сильное и применимое к делу в исключительных случаях: бьют врага не из удовольствия побить, а с тем, чтобы заставить его подчиняться тому, что сами считают за истину¹.

Этой цели человек может достигнуть двумя способами: или сам бросившись на врага, или бросив в него чем-нибудь, сам оставаясь от него поотдал. Отсюда два рода оружия (холодное и огнестрельное), которое представляется таким образом не как нечто самостоятельное, отдельное от человека, но не более как *дальнейшее развитие его врожденных средств, как продолжение его органов*. Палка есть не более как усовершенствованный кулак; сабля, шпага — не более как усовершенствованная палка. Ясно, что подобная же аналогия справедлива и относительно оружия метательного. Ясно также, почему человек, приученный бояться какого-либо оружия в первой степени его развития, уже тем самым расположен бояться последующих, усовершенствованных его видов.

Итак, в этой, как и в других областях своей деятельности, что бы человек ни изобретал, он, так сказать, улучшает только самого себя, развивает различные стороны собственных свойств, таящиеся в них как зародыш, но не придумывает ничего такого, что не заключалось бы уже в нем самом.

¹ Справедливо или ошибочно считают — это другой вопрос, подлежащий здесь разбору тем менее, что человеку дорога не истина, а то, что он принимает в данную минуту за истину.

Ясно, следовательно, что как ни далеко пойдет это усовершенствование органов, характер их отправлений, а тем более подчинения их человеческой воле, останутся постоянны. Одним словом: могут изменяться количественные и даже качественные отношения вследствие усовершенствования оружия, но человек остается тот же.

Естественные, выводимые из этого заключения: 1) общие типические черты образа действий в бою собственно — должны всегда остаться неизменными; 2) имеет больше шансов на успех не тот, у кого оружие лучше, а тот, у кого энергия человека (умственная и нравственная) не притуплена.

Римские легионы последней эпохи и дикари; армии первых коалиций в революционные войны и французские ополчения; наконец, неаполитанские войска и гарибальдийцы показывают это с неопровержимой очевидностью. Во всех этих случаях перевес совершенства оружия и совершенства форм был на стороне тех, которые были побиты. Так из этого следует — пожалуй, скажут некоторые, — что усовершенствованное оружие вздор, что порядочное устройство вооруженной силы и рационально выработанные в мирное время уставные формы скорее вредны, нежели полезны? С первого взгляда действительно так кажется, и это вводит в заблуждение некоторых, останавливающихся на этом первом шаге мысли и не идущих далее. Но, приглядевшись несколько внимательнее, нетрудно заметить, что виновато не оружие и не усовершенствованные формы, а *непонимание их свойств и отношений к человеческой природе*. Это непонимание ведет к тому, к чему оно ведет везде и всегда — к применению вещи несообразно с ее свойствами, или, иначе говоря, к злоупотреблению ею. Злоупотребление это выражается односторонним развитием человека, призванного действовать этим оружием, образовать эти формы, т. е. обращением его в нечеловека, притуплением в нем некоторых свойств его природы. Итак, нам предстоит, во-первых, показать свойства оружия и форм; во-вторых, характер их отношений к человеческой природе. Начнем со второго.

Во все эпохи холодное оружие было представителем нравственной энергии, — и как такое одно только оно могло привести к решительным результатам. Это и дало право Суворову, великому знатоку человеческого сердца,

сказать: «пуля дура, штык молодец». Обвиняли его за этот афоризм, не заметив, что остановились на форме, а дух упустили. Тот же Суворов говорил: «береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко». Тот же Суворов советует, идя в атаку, высылать вперед лучших стрелков, а от залпов отказаться¹. Это показывает, что он не пренебрегал огнестрельным действием, напротив, понимал такие его свойства, которые обнаружены были только нарезным оружием, да и то пока не для всех.

Со времени введения метательного оружия в полевую войну всегда оставалась и останется истиною, что слишком исключительное желание поражать неприятеля только издали есть в то же время нежелание сходить с ним на дистанцию меча, пики, штыка; что мало ранить зверя издали, нужно добить его вблизи, если хотят результата охоты. Из этого уже видно, что в метательном поражении обнаруживается и шаг вперед умственного развития, и как бы некоторая несостоятельность со стороны энергии нравственной: кто начинает бить издали, тот становится умнее, хитрее, но в то же время он за себя боится больше. После этого становится понятным, почему появление в полевой войне метательного оружия совпадает с нравственным упадком древних армий...² Но шаг сделан, и шаг рациональный; ошибка была только в переливе в крайность, неизбежном следствии всякой новости. Дело не в том, чтоб беречь себя только для сбережения, а в том, чтобы сохранить себя *более* способным, а неприятеля сделать *менее* способным к решительной свалке. Дело не в том, чтобы беречь себя, а в том, чтобы без толку не жертвовать собою.

Из этого видно также, почему рыцари считали первое время низостью употребление метательного оружия; почему еще Фридрих считал перестрелку врассыпную разбойничьей манерой драться. Со стрельбой последний уже примирился, но со всеми естественными последствиями этого средства, необходимыми для достижения им наибольшего результата, не мог еще освоиться.

Ясно из сказанного, что холодное оружие — представитель энергии нравственной; огнестрельное — предста-

¹ Примечание не приводится.

² Многоточие автора.

витель ума. Не нужно много ума, чтобы лезть на штык, а в то же время не нужно много храбрости, чтобы выстрелить в неприятеля из-за камня или куста с расстояния даже 400, 500 шагов, не говоря уже о 1000.

Из этого видно: 1) что средства нанесения вреда неприятелю, которыми может располагать человек, находятся в неизбежном, присущем их природе, антагонизме, т. е. что чем более человек способен ходить в штыки, тем он менее способен быть хорошим стрелком и наоборот. А как человек, по своей природе, должен быть одинаково способен на то и на другое, то ясно, что совершенство в чем-нибудь одном — отрицает человека. Антагонизм этот проявляется во всем: в дисциплине, напр., увлечение подготовкой к холодному удару приводит к аффризму: «не смей рассуждать», увлечение стрельбою — к сентиментальному стремлению заставить рассуждать человека, т. е. заставить его рассказывать наизусть о том, сколько дыр в замочной доске и т. п., и все это под предлогом «развить» его. В том и в другом приводятся неизбежно к тренчикам, к шагистике; в первом — принимая это слово в прямом, во втором — в переносном смысле. В 1-м забывая, что у человека есть голова, во 2-м забывая, что болтать о деле еще не значит уметь его делать. В строю этот антагонизм обнаруживается еще резче: действие холодным оружием требует строя сомкнутого, безусловного подчинения воле одного; действие оружием огнестрельным требует рассыпного строя и вместе с тем возможно полного предоставления каждой единицы самой себе. Нечего и говорить, что отдельно ни то, ни другое не может быть терпимо; ибо солдат, исполняющий малейшее движение не иначе, как по приказанию, есть нравственный труп, который пропадает, как только его предоставили самому себе, и напротив, солдат, предоставленный слишком самому себе, отучается подчиняться приказанию, т. е. теряет способность обращаться мгновенно в автомата, когда это необходимо для успеха дела. В первом случае армия обращается в громадную инертную массу, гибнущую вроде медведя, на которого напала стая пчел, в несколько сот раз уступающая ему и массой и силою; во втором — в тело разлагающееся, потерявшее свою жизненную силу и в котором каждый атом стремится к эгоистическому существованию.

Le bon soldat doit tenir entre l'homme et la chose,

сказал один писатель; нет, скажем мы; солдат только тогда и хорош, когда он человек в полном значении этого слова. Только человек способен к срастанию в массы, когда ему сознание говорит, что в этом залог успеха; только человек может остервениться до последнего зверства, если обстоятельства его вынуждают к тому; только человек, наконец, может забыть врага и делиться последним куском хлеба с тем, кто за несколько минут перед тем посягал на его собственную жизнь.

2) Чем оружие совершеннее, тем удовлетворительное действие им требует большей практики, тем влияние его отличительных свойств на человеческую натуру резче и доведение ее до крайних последствий по тому или другому пути достигается быстрее.

Это уже показывает, до какой степени строго должно следить, чтобы упражнения те и другие шли не иначе как об руку. Мы изложим здесь основы, на которых должно быть введено стрелковое образование солдата, чтобы достигнуть этой цели.

Свойства стрельбы, как только сделалась она достоянием пехоты, были поняты вначале весьма односторонне. Полагали, что совокупностью выстрелов, одновременно сделанных, можно достигнуть *издали* совершенно того же результата, какой достигается ударом в штыки *в свалке*. Это понятие о стрельбе осуществилось в форме развернутого строя, как дающего наибольшую массу выстрелов.

Понятно, что подобное мнение было неизбежно при несовершенном понимании свойств выстрела и могло быть опровергнуто практически только дальнейшим знакомством с этими свойствами. Удивительного ничего нет, если воображали вначале, что достаточно положить ружье в пояс и спустить курок, чтоб попасть в цель. Разумеется, если бы это было так, ни о чем другом не оставалось бы заботиться для нанесения наибольшего вреда противнику, как о возможно большем количестве огней на данном пространстве и в данное время.

Тут не было замечено: 1) что выпустить пулю не значит еще попасть; 2) что для последнего нужно: а) определить расстояние до цели; б) прицелься соответственно; в) спустить курок, не нарушив прицельной линии, что положительно невозможно при ожидании команды, выстрелах сбоку, стесненном положении и проч. Но всего этого и заметить было нельзя; оно существовало

в зародыше в гладкоствольном выстреле и, конечно, не могло обратить на себя внимания в самом начале и потому уже, что человек так нетерпеливо обыкновенно стремится к цели, которую увидел, хотя бы и ошибочно, что зачастую забывает внимательно определить все средства, необходимые для ее достижения.

Войны фридриховского периода, представляющие в апогее владычество изложенных понятий о выстреле, показали ясно, что подобная стрельба ни к чему не ведет. Но этот факт заметили, высчитали, что в некоторых сражениях приходится на 10 т. выстрелов один убитый, да тем и ограничились, объяснив себе это явление первыми попавшимися под руку резонами. Несовершенство оружия, отсутствие хладнокровия, ведущее к раннему открытию огня, и торопливость людей в стрельбе — стояли обыкновенно на первом плане. Но, приглядевшись к этим резонам, нетрудно увидеть, что виноваты всему этому не столько солдаты и оружие, сколько метод обучения. Действительно, в мирное время если и учили стрелять, то с заранее отмеренных дистанций, т. е. избавляли человека именно от той заботы, которая должна предшествовать каждому его выстрелу; на маневрах приучали к стрельбе холостыми патронами, с которою неразрывно соединены требования единовременности залпов, непрерывности пальбы рядами. Это само собою вело возможно быстрое, т. е. небрежное исполнение заряжания, а о прицеливании и определении дистанций не было и помину. Конечно, кого учили, положим, в течение десяти лет заряжать в строю и стрелять торопливо холостым патроном, тот будет заряжать и стрелять из строя точно так же и боевым, когда ему придется это сделать на одиннадцатый год.

Дело, следовательно, не в недостатках человеческой природы, а в непонимании ее свойств, из которых главное то, что *одним примерным обучением она делу не выучивается*. Полагали, что, обучая стрельбе в строю холостыми патронами, обучают, само собою, и строевой стрельбе боевыми; а пришли к тому, что обучили только произведению единовременных звуков и совершенно отучили человека соединять с понятием о выстреле понятие об определении расстояния, прицеливании и проч. Господству этой системы немало способствовали также и свойства гладкоствольного оружия, которое действительно

не отличалось особенной меткостью; неуспех стрельбы валили на этот недостаток, который доставлял такой прекрасный предлог отделаться от необходимости серьезно подумать о более рациональном методе ведения солдата.

Со введением нарезного оружия нельзя более успокаивать себя подобными доводами и возникает настоятельная потребность определить, как вести стрелковое образование солдата наилучшим образом и с возможно меньшими издержками для казны.

Итак, первое последствие введения нарезного оружия в войска заключается в развитии понятий о свойствах выстрела и в перемене взгляда на образование солдата.

В чем заключается последняя? Нарезное оружие показало, что выстрел только тогда может быть хорош, когда стрелок в выборе времени и места¹ для его произведения предоставлен совершенно самому себе; когда он настолько хорошо знает свое дело, что легко принимает в расчет все обстоятельства, имеющие влияние на выстрел, как: освещение, состояние погоды, направление ветра и т. под.; одним словом, когда он рассуждает. Таким образом, вопрос образования становится категорически: солдат только тогда хорошо будет действовать штуцером, когда подготовлен к тому не только физически, но и умственно. Сама собою является потребность развить его. Но во всем этом нет практики энергии нравственной; предоставление человека самому себе естественно ведет его к стремлениям, слишком эгоистическим, которые на войне могут разрешиться перевесом инстинкта самосохранения над чувством долга; необходимость признать за человеком право рассуждать может повести к тому, что он начнет умничать там, где для успеха дела нужно беспрекословное повиновение. Итак, нарезная стрельба, выдвигая вопрос уважения к личности, в то же время распускает массы, враждебна им. Ясно, следовательно, что она должна быть уравновешена занятием, которое доставило бы и начальникам, и подчиненным ту нравственную сдержанность (необходимую принадлежность энергии нравственной), без которой формирование из единиц одного стройного целого невозможно.

¹ Само собой разумеется, в известных пределах, полагаемых тем, что каждый стрелок составляет часть цепи, которой не смеет оставить.

Но ведь успех развития умственного и нравственного, независимо от метода занятий, обуславливается преимущественно манерой обращения; следовательно, является необходимостью разрешить и этот вопрос, который прежде разрешали слишком несложно.

Итак, со введением нарезного оружия изменяются: 1) понятия о характере воспитания солдата; 2) понятия об отношениях к нему. Те и другие имеют преимущественно в виду воспитать солдата так, чтобы он вошел в общее тело не изуродованным нравственно и физически, но, напротив, укрепленным. Одним словом, задача представляется в следующей форме: вести солдата так, чтобы он, узнав свою специальность, не перестал быть энергичским и толковым человеком. Но в эти отношения само собою входит сознание необходимости удвлетворить и прочим нуждам единицы, и вопросы воспитания солдата для его цели и разумного сбережения его становятся нераздельны.

Мы далеки от мысли, будто усовершенствование нарезного оружия было единственною данною, подвинувшею вперед столь важные вопросы; мы указываем только ту долю влияния, которая принадлежит ему в более ясной постановке этих вопросов.

Из сказанного выше нам предстоит разобрать, по предмету статьи, следующий вопрос: какой путь избрать в образовании солдата, дабы последний был способен исполнять свое назначение наидействительнейшим образом?

Вопрос этот разлагается на три отдела:

1) Что должен уметь делать солдат, дабы победа над врагом доставалась ему по возможности дешевле?

2) Какое место во всех занятиях солдата должно быть предоставлено изустным объяснениям; в какой мере так называемым примерным обучением облегчается действительное изучение предмета?

3) Каким образом различные отделы образования солдата слить при мирных упражнениях в одно так, чтобы ни один не развился на счет других?

Понятно, что от более или менее удовлетворительного разрешения этих вопросов на деле будет зависеть и большая или меньшая годность солдата к бою.

Вопросы эти разрешаются рационально по общим законам умственной работы человека. Что бы человек ни

изучал, он всегда идет одним путем: предмет изучения, представляющийся ему цельным, разлагает на части, изучает их порознь, затем соединяет их снова, т. е. возводит к синтезу, бывшему отправною точкою работы мысли.

Так как всякая практическая деятельность человека есть не более как ряд мыслей, воплощаемых им в поступки, то ясно, что и в этой области он постоянно проходит делом, на практике, тот же самый путь, который при изучении чего-либо он проходит мыслию.

Поэтому, чем рациональнее разложена известная практическая деятельность, предписываемая человеку, на составные части, чем благовременнее они сольются в одно целое, тем дело будет узно лучше, мало того: тем пища, даваемая уму, будет здоровее и тем он разовьется действительнее.

Вот точка, с которой должно рассматривать метод какого бы то ни было образования: все достоинство его определяется одним — в какой мере он рационально разлагает предмет и в какой мере способствует или препятствует слитию продуктов разложения в одно целое.

При сознательном применении к делу сказанного закона результаты выходят превосходные; но беда в том, что обыкновенно не дают себе труда — ни точно определить составные части предмета, ни во-время соединить их в одно. От этого неумения переходить из одного логического момента в другой и возникают те несообразности, которые так часты в областях практической деятельности.

Иначе и быть не может: стремясь к какой-нибудь цели, не позаботятся разумно разложить ее на части, произвольно определяют состав ее тем, что первое бросается в глаза, и, разумеется, приходят в результате совершенно не к тому, к чему хотели притти. Образчик подобного *qui pro quo* мы уже видели на фридриховском выстреле: имели в виду обучить стрельбе, а обучили производству одновременных звуков. Это ирония логики вещей, указывающей человеку приведением его к практической нелепости, что не все то было принято в расчет, что следовало принять.

Другая ошибка, случающаяся уже при большем развитии понятий о предмете, но приводящая к тому же принятию части за целое, заключается в том, что даже и сознав все составные части известной цели, ставят их безучастно одна около другой и изучают каждую само-

стоятельно, не замечая, что совершенство в каждой из них отдельно враждебно общей цели, к которой они должны быть направлены. Притом подобное совместное развитие нескольких специальностей не может быть продолжительно: которая нибудь из них непременно возьмет верх, и конечный результат выходит тот же, что и при несовершенном разложении предмета.

Влияние подобных бессознательных отклонений от общей цели на человека, приготовляемого к военной специальности, понятно: они приводят к развитию тех сторон человеческой природы, которые соответствуют привилегированным отделам образования, к преследованию тех из них, которые антипатичны этим отделам. Одностороннее развитие уничтожает в солдате человека, и он, встречаясь с ополченцем, *меньше его знающим, но больше его человеком*, уступает ему.

Какие же составные части общей военной цели: бить врага с возможно меньшими усилиями и потерями?

1) *Можно* поражать его издали, следовательно, солдат должен уметь стрелять.

2) Если враг этому не уступает, *должно* быть в состоянии сойтись с ним на штык, следовательно, солдат должен уметь фехтовать.

3) Необходимо быть способным преодолевать все преграды, противопоставляемые противником; уметь пользоваться самому теми, которые встречаются на местности; для того и другого солдат должен быть ловок и находчив.

4) Необходима большая выносливость солдату, чтобы противустоять лишениям военного времени, выносливость, возможная только при развитии физической силы и при железном здоровье.

Третье и четвертое достигаются гимнастическими упражнениями¹, которые в то же время служат подготовкой к хорошему состоянию и первых двух отделов, т. е. боевого образования собственно.

5) Полезно уметь в случае надобности создать искусственные преграды врагу, поэтому солдат должен быть освоен с землекопством.

Наконец, 6-е, солдат должен уметь единовременно с другими двигаться, подчиняться командам и распоря-

¹ Разумеется, при условии хорошей пищи и здорового помещения.

жениям и, главное, *единодушно действовать* со своими товарищами в достижении данной цели. Он должен быть до глубины души проникнут сознанием круговой поруки с ними. Это сознание есть уже венец дела.

Рассмотрим каждый отдел в частности, покажем его принцип и разложение на составные части.

СТРЕЛЬБА

Принцип: попадание издали — нежелание сходить на штык.

Следствия: необходимость признания за солдатом права рассуждать — неизбежность, при исключительном упражнении в стрельбе, перехода к умничанию. Неуясненная потребность развить солдата ведет к стремлению обогатить его ум полупознаниями, несколько не помогающими ни совершенству дела, ни рациональному развитию личности.

Конечный результат: солдат обращается в умничающий и *дорожащий собою* лафет, настолько хорошо устроенный, что сам может определять расстояние и вовремя спускать курок. Способность срастания в массы утрачивается.

Разложение выстрела в изучении его

Заряжание

Выстрел

Определение расстояния
Установка прице-
ливания

Спуск курка
Звук выстрела
Действие его

Прицеливание и спуск курка с капсюлем

Выстрел холостой

Выстрел боевой в отмеренной дистанции

Выстрел боевой с определением расстояния на глаз самим стрелком. Выстрел в движении, а также в движущуюся цель.

Скобки показывают постепенное прибавление, при обучении, составных частей выстрела, до полного перехода к тому из них, который единственно стоит названия бое-

вого, — к выстрелу с расстояния, определенного самим стрелком. Эта постепенность необходимо должна быть соблюдается при обучении; но до тех пор, пока она не доведена до конца — цель не достигнута.

Мысль Фридриха — «ничего не сделано до тех пор, пока хотя что-нибудь еще осталось сделать», — имеет здесь полное применение.

А между тем недалеко еще то время, когда воображали, что достаточно уметь стрелять с отмеренных расстояний, чтобы солдат хорошо стрелял с неотмеренных. В настоящее время уже начинают понимать, что это все не одно и то же; уступка в пользу военной стрельбы сделана, но весьма нерешительная. Попрежнему продолжают употреблять большую часть патронов на стрельбу с отмеренных дистанций, не обращая внимания на то, что ни один неприятель не позволяет отмеривать до себя расстояние цепью или веревкой. — При нынешнем состоянии оружия смело можно сказать, что не столько произведение хорошего выстрела, сколько определение расстояния затруднительно. Но даже предполагая, что эта последняя часть образования доведена до совершенства, дело далеко не все сделано: мало знать буквы, нужно иметь привычку складывать их в слово. Уметь составлять из известных данных одно целое иногда труднее, нежели знать эти данные порознь в совершенстве. И специализм в какой-нибудь одной части именно тем и вреден, что располагает пренебрегать синтезом дела.

ФЕХТОВАНИЕ

Принцип — искусство отражать удары с возможностью их наносить.

Военное фехтование: искусство наносить удары с возможностью их отражать. В деле тот бьет, кто не столько думает о своей защите, сколько о нанесении удара врагу. Фехтование приучает надеяться на *ловкость руки*; военное фехтование требует, чтобы человек надеялся на *самого себя*. Первое ведет к тому, что человек теряется, как только замечает, что его противник искуснее.

Выгодные последствия: ловкое обращение с оружием, привычка видеть у груди острие штыка.

Невыгодные — развитие оборонительных стремлений предпочтительно перед наступательными; развитие приемной стороны до тонкостей, вроде салютов и т. п.

РАЗЛОЖЕНИЕ

1) Приемы нанесения ударов и отражения их. Слишком продолжительная остановка на их изучении ведет к тонкости исполнения и к забвению цели, для которой они служат.

Вообще делать приемы в воздух ошибочно, потому что не дает человеку видимой цели. Колите в чучелу, в мешок, набитый шерстью, песком, но непременно *во что-нибудь*. Военное фехтование не столько должно иметь в виду ловкость, сколько решительность и силу удара.

2) Комбинация приемов в бою примерном против товарища. *Выгода*: вводит в дело живого противника; *неудобство* — приучает к более нежным и ловким, нежели сильным ударам. Поэтому фехтование на рапирах, которое все основано исключительно на ловкости, не должно быть допускаемо в образовании солдата.

3) Дуэли на холодном оружии, которые, с уничтожением телесного наказания, могут быть введены между солдатами за личные оскорбления; они заинтересуют к серьезному изучению фехтования, которое при такой мере никогда не обратится в сборник приемов и салютов, лишенных действительного смысла, а всегда будет представлять жизненный интерес. Во французской армии дуэли этого рода существуют¹.

ГИМНАСТИКА

Принцип — развитие ловкости и силы. В конечном выражении — акробатство.

Как отдел вспомогательный, гимнастика не должна быть предметом официальных смотров, которые неминуемо рождают стремление выказаться, т. е. по возможности приблизиться к совершенству в конечном его выражении. Пределы военной гимнастики, как средства гигиенического, должны быть определены докторами, имея в виду достигнуть следующих целей: а) притупления чувства самосохранения и укрепления здоровья и сил солдата. Все упражнения, ведущие к развитию преиму-

¹ У нас этот обычай неприменим, ибо едва ли отвечает народному характеру.

щественно одной ловкости, не могут быть терпимы в ней.

б) Приучение солдата к выносливости в тех положениях, которые составляют постоянную принадлежность военного времени. С этой целью к военной же гимнастике должно отнести постоянные походные движения и носку полного снаряжения, как необходимый отдел, без которого невозможно дельное воспитание воина. То и другое весьма важно еще и в смысле внушения солдату правильных понятий об обстановке его в военное время. Носка в мирное время ранца и сумы пустых не только затемняет представление о том, с какою целью они существуют, но еще ведет и к изменениям в этих вещах, несообразным с их назначением; ранец подклеивают картонной бумагой, чтобы он не сплющивался; в политуру вставляют деревянный станок¹. Солдат приучают к удобствам, невозможным на войне, как возка шинелей на подводах во время маневров и других занятий. В то же время это дает и начальникам ложное представление о степени усилий, каких можно требовать от солдата: необремененный поклажей солдат идет больше и быстрее того, который несет на себе все по положению. Из этого видно, что в разбираемом случае примерное исполнение² может быть допущено только вначале, для приучения рекрута к ощущению ранцевых и подсумочных ремней; но как только он с этим свyksя, необходимо переходить к действительному исполнению и этой части его обязанностей, т. е. к носке ранца с поклажей, сумы с 40 или 60 боевыми патронами; в противном случае не только физика не приучается к солдатской работе, но даже и понятия о предмете извращаются. То же самое относится и к походным движениям: только серьезные воспитывают и солдата и офицера.

¹ Политурой в тогдашнем снаряжении назывался клеенчатый цилиндрический чехол для шинели.

² Для незнакомых со смыслом этого термина у военных считаю не лишним заметить, что он имеет два совершенно противоположных значения: 1) им определяется исполнение чего-либо, могущее служить *примером*, т. е. превосходное во всех отношениях; 2) им же определяется и кажущееся только исполнение, т. е. наружный вид исполнения, без действительности оного. Здесь это выражение употреблено в последнем смысле. Примерная носка поклажи заключается в носке того, что существует для поклажи, но без нее. Точно так же существует примерное заряжание, примерная стрельба, примерное движение вперед, т. е. так называемый шаг на месте, и проч.

УМЕНИЕ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ВСТРЕЧАЕМЫЕ ПРЕГРАДЫ И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМИ

Гимнастика, развивая силу, неустрашимость и ловкость, служит превосходной подготовкой к этому отделу, но еще не дает его; гимнастические преграды не то, что местные, и приучаться преодолевать последние можно только на местности. Так как случайности местности бесконечно видоизменимы, то понятно, что большее или меньшее умение их преодолевать, или ими пользоваться, определяется исключительно сметливостью солдата.

Развитие ее требует двух условий: местности возможно пересеченной и разнообразной и полного отсутствия каких бы то ни было правил применения к местности. Последние могут только помешать развитию сметливости.

Преодоление местных преград есть неоспоримо важнейшая часть этого отдела; вторая половина его, т. е. умение пользоваться преградами для своей защиты, приобретает сама собою и тем менее должна составлять предмет индивидуального обучения, что принцип ее есть *удовлетворение чувству самосохранения*. Понятно, к чему ведет он в конечном выражении, т. е. в стремлении к совершенству. Солдат, которого сметливость не только не была притуплена, но развита дельным направлением мирных занятий, сумеет примениться к любому предмету и не получив на это указаний в мирное время.

В этом встретит затруднение только тот, кто приведен к убеждению, что без приказания не может даже переменить и позы: не говоря уже о перемене места на несколько шагов в сторону от точки, занимаемой им по симметрическому расчету.

Итак, при условии известных нравственных свойств, вот что должен уметь делать солдат, дабы победа над врагом доставалась ему по возможности дешевле.

Переходим ко второму вопросу.

Какое место во всех занятиях солдата должны занимать изустные объяснения и в какой мере так называемым *примерным* обучением облегчается действительное изучение предмета?

Насчет первой половины вопроса царит теперь, по новости предмета, порядочная разногласия. Сознание необходимости развить солдата породило ее. Некоторым

кажется, что вернейший залог к умственному развитию солдата заключается в изустном объяснении ему всего касающегося его специальности; даже и того, что само собою разумеется¹. Обобщая эту кажущуюся истину, вообразили, что все дело в теоретическом преподавании; и готовы учить солдата чуть не астрономии. Это сентиментальничанье — естественное следствие увлечения стрельбою. Другие, привыкнув объясняться с солдатом больше на пантомимах, находят, что и «добра из этого не выйдет», что дисциплина упадет, если солдат будет *все знать* и проч. и проч. (Кто из них прав, кто виноват? Как обыкновенно в жизненных явлениях бывает, оба правы и оба виноваты, и истина заключается в синтетическом примирении противоречий, а не в исключении одного из них, как несущественного. Первые правы, говоря, что солдат рассуждать должен; но они не видят, что неуясненное стремление развить в нем эту способность, прямой дорогой, ведет к уничтожению в нем способности, — не менее необходимой, — срастаться в массы. Вторые правы, требуя, чтобы он был безусловно послушным орудием в руках начальника; но они забывают, что для дела это необходимо и полезно *только в известные минуты*; забывают, что обращать в постоянный режим полезное временно не значит помогать делу, а вредить ему, ставя человека в положение, противное его натуре; забывают, что способность обращаться в деятельного и предприимчивого автомата возникает только тогда, когда человек *сам* в состоянии сознать всю важность и необходимость этого; когда он, наконец, предшествующими отношениями к массе, которой составляет часть, заинтересован считать ее дело своим делом. Те и другие виноваты, наконец, тем, что не видят громадного влияния того, *что человек делает, на то, как он думает, другими словами: что работающий дельно в практической сфере не может думать не дельно в теоретической.*

Если такова сила над человеком того дела, которым он занимается, само собою понятно, что эта сила может иметь благотворное или вредное влияние и на ум солдата, смотря по тому, в какой мере метод его занятий будет отвечать или противоречить деятельности человеческого существа вообще.

¹ Зачем нужно чистить ружье и т. п.

Соответствие метода занятий этой деятельности разовьет солдата несравненно действительнее всех возможных рассказов; противоречие ей затормозит это развитие, каким бы премудростям солдата ни обучали теоретически. Он будет затверживать требуемое, как попугай; и, как попугай же, ничего не будет знать.

Итак, *умственное развитие солдата должно быть достигнуто рациональным направлением практической его деятельности*; только тогда оно будет прочно. Все остальные средства развития составляют только пособие указанному главному и должны быть предоставлены личной пытливости солдата. Обязанность начальников доставить все средства к удовлетворению этой пытливости, но ни в каком случае не предупреждать ее объяснениями того, о чем солдат и не думал спрашивать; познания, втираемые последним путем, — тепличный, а не натуральный цветок, и плода от него ждать нечего.

Некоторым может быть покажется, что сам солдат никогда и ни о чем не спросит: опасаться этого — значит сомневаться в человеке: станьте в верные отношения к солдату, ведите дельно практику, и можете быть уверены, что не оберетесь вопросов. Только тот солдат не имеет пытливости, которому работа его опротивела своею бесцельностью и который дрожит перед начальником.

Сообщить практической деятельности солдата то направление, при котором она могла бы развить его и умственно, не трудно. Весь секрет этого заключается в одном: должно давать рекруту¹ только работу *целесообразную*, т. е. такую, чтобы она сама говорила свою цель, а не подавала бы повода к многословным объяснениям, для чего что делается.

Объяснения в этом случае сводятся на мелочную казуистику² и служат более для услаждения самих учителей, нежели в пользу рекрута, который почти никогда их не понимает.

Для простолюдина нет лучше науки, как примером, особенно еще если он сразу видит, что его учат делу: не рассказывайте, что нужно делать, а покажите, как сделать, и один подобный показ будет стоить ста объяснений.

¹ А впоследствии и солдату.

² Так, например, некоторые находят, что полезно объяснить солдату, почему ружье, при хватке на караул, берется таким, а не другим образом, и т. п.

Стрельба и фехтование, — т. е. то, что нужно знать для боя один на один, — представляют именно такую работу. Как бы рекрут ни был туп, он сразу поймет, к чему служит то и другое, хотя может быть и не расскажет понятого. Да за последним и гнаться особенно нечего: ведь назначение солдата *знать делать дело, а не рассказывать о деле*; и в применении к большинству второе может быть достигнуто не иначе, как в ущерб первому.

Подготовка, необходимая для стройности масс, уже не составляет целесообразного занятия для человека, только что взятого от сохи; поэтому, как искусство, она должна быть отнесена ко второму периоду одиночного образования. Как бы рекрута на первых порах ни убедительно толковали необходимость упражнений в ходьбе, неподвижной стойке, он не поймет вполне этой необходимости, пока не освоится личным опытом с условиями движения и действия масс.

Поэтому и здесь объяснения не у места; самое же лучшее приучать рекрута к условиям сомкнутого строя, пользуясь случаями целесообразных движений той части, к которой он принадлежит; как отводы к столу, на работы, на гимнастику и тому под. На таких случаях он сразу сам поймет, почему нужно идти в ногу, одновременно принимать команду, следовательно, быть внимательным к ней и пр. и пр.

После этого нетрудно определить и значение примерного обучения рекрута чему бы то ни было. Всякое примерное исполнение есть *часть* известного действия, которая принимается за *все* действие. До тех пор, пока упражняются в частях этого действия по необходимости удовлетворить закону анализа, упражнение, неоспоримо, полезно и примерным названо быть не может. Всякая часть в этом случае обращается и принимается *только за то, что она действительно значит*. Так, напр., учась спускать курок, вы и не воображаете, что за каждым спуском следует выстрел. Примерное исполнение именно в том состоит, что это воображать должно; что должно прицелиться, упереть ружье, как при настоящем выстреле, и в то же время ограничиться одним спуском курка.

Этот способ обучения возник вследствие мысли, что делу можно выучиться, исполняя только часть его, а остальные — дополняя воображением и объяснением учителей. К сожалению, по существу предмета прихо-

дятся дополнять воображением именно труднейшее, занимаясь действительным исполнением самого легкого. Так, примерное заряжание (ныне уже уничтоженное) состояло в том, что проделывали руками около ружья все движения, необходимые при зарядании, но ружья не заряжали. Кончилось короткостью движений, невозможную при зарядании патроном, и тем, что, приступая к боевой стрельбе, приходилось обучать заряданию снова (на этот раз уже настоящему). То же замечается при примерном, т. е. холостом выстреле: заметили, что солдат вовсе не целится, производя его. Обучающие начали требовать, чтобы он целился, а сами между тем продолжают оставаться впереди цепи, т. е. желают, чтобы солдат считал холостой выстрел за боевой, а не замечают, что сами его таким не считают. Это уже показывает, что как бы человек ни был логичен, *он никогда не в состоянии верно провести одною мыслью все практические последствия известного действия: только осуществление последнего во всей его полноте и целости дает и все естественные последствия его.* Закон этот с грустной непреложностью осуществляется на всех примерных упражнениях; несмотря на все усилия приблизить их к действительному исполнению, практика неминуемо приводит к естественным последствиям *самого исполняемого действия*, а не к тем, которых добиваются, подразумевая под этим действием другое.

Из оказанного становится понятным, что многословные объяснения и примерное обучение составляют две стороны одного и того же метода. Первые вызываются преимущественно стремлением дополнить словом то, что не исполняется на самом деле. Но слово не есть дело и дела заменить не может: сколько бы ни говорили о цельном действии, всегда достигнут только того, *что составляет естественное последствие одной исполняемой части его.* Ясно из этого, что примерное исполнение и многословные объяснения, при рациональном воспитании солдата, не должны находить места.

Переходим к третьему вопросу: какие средства употребить, чтобы одна какая-либо часть образования солдата не разрослась в ущерб другим, а следовательно, и общей цели?

Во-первых, заметим, что вопрос этот в особенности важен в применении к образованию масс, а не единиц.

Единица, как самостоятельный деятель, должна уметь только стрелять и колоть штыком, т. е. имеет целесообразные занятия. Движению и стойке ее обучать нечего: то и другое она знает еще с однолетнего возраста настолько, насколько ей одной нужно. Но единица, как составной атом массы, должна быть подготовлена к согласованию своих действий с другими подобными ей единицами, — согласованию, необходимое внешнее условие которого *стройность движений*. Следовательно, отдел этот не есть какое-либо новое действие, а только согласование движения нескольких единиц: двигается ли часть стройно или в беспорядке, неприятель от этого собственно не терпит еще никакой потери.

Это определяет главные свойства стройности движения: *отсутствие целесообразности в ней собственно; необходимость ее в массах для успешного применения к делу пули и штыка*. Прибавив к сказанному: *неодолимое обаяние, производимое на человека видом стройного движения масс, стремление, вследствие этого, достигнуть в стройности артистического совершенства и трудность, с какою дается это совершенство, получим полную характеристику разбираемого отдела солдатской работы. Дабы определить, к чему приводит строевое увлечение, и найти средства противустоять ему, обратимся к основной его идее — *единству движения* и определим отношение последней к синтетической идее всего военного дела — *единству действия*.*

Единство движения относится к одной физической природе человека и в конечном выражении приводит: к однообразию форм и автоматизму, последнее по той причине, что живое существо никогда не в состоянии достигнуть той точности и отчетливости движений, какой можно достигнуть автоматом.

Единство действия предполагает одинаковое напряжение как физических, так и духовных сил; требует существа всесторонне живого. Следовательно, единство движения входит в единство действия только как составляющая и по духу своему (автом.) ему враждебна.

Заключение понятно: высокая степень единства движения не может быть приобретена иначе, как в ущерб единству действий, т. е. способности достигать военных целей. Это обнаружилось только после ряда горьких, но совершенно неизбежных опытов: человек всегда замечает

первою внешнею оболочку идеи, а не сущность ее. Поняв единство действия *только* единством движения, начали осуществлять этот идеал в мирном обучении войск. Пришли, следовательно, опять к тому же примерному обучению и ко всем его последствиям. Мы тем откровеннее можем говорить об этих последствиях, что, благодаря бога, от них уже отрешились, но считаем необходимым указать их, в предостережение от возврата. Вот они относительно индивидуума:

1) Тончайшее разложение стройности движения на составные элементы, изучение каждого из них в отдельности, как: стойка, составные части шага, самый шаг, повороты и проч., *не давая всему этому никакой цели, а ставя целью самое исполнение.*

2) Физическое совершенство может быть достигнуто и физическими средствами.

3) Дисциплина отклоняется от нормы, формула которой — закон должен стоять выше личности начальника и подчиненного.

4) Характер практических занятий отражается на складе понятий; характер отношений, не давая практики воле, как силе нравственной, расслабляет последнюю.

5) Автоматизм для живого существа весьма затруднителен; чтобы в нем утвердить, необходимо ежегодно возвращаться к азбуке дела.

6) Привычка искать единства, однообразия во внешности переходит во внутреннюю и гарнизонную службы: святейшие обязанности в оных уступают место обрядовой стороне дела, однообразию которой везде и всегда начинает считаться верхом хорошего состояния службы.

Влияние единства движения на массах отражается еще рельефнее. Мы проходим молчанием явления этого отражения потому, что бесстрастный разбор еще не всегда принимается у нас чуждым каких-либо задних мыслей.

Довольно и того уже, что вред увлечений в эту сторону у нас признан. Но в теории сознать мало: выше уже показано, что как бы ни были здравы мыслью, это ни к чему не приведет, если не будем здравы и практикою; у последней есть своя логика, которая рано или поздно насмеется над вами, если не будете верны ее законам.

С чем нужно соединить маневрирование масс, дабы парализовать вредные его стороны? Выше уже сказано, что самое опасное свойство маневрирования заключается

в том, что по собственной своей сущности оно нецелесообразно и что, вследствие этого, целью в нем является одно достижение внешней стройности движения, т. е. искусство для искусства. Следовательно, нужно соединить его с одним из тех действий, которые целесообразны, т. е. с боевой стрельбой или с ударом в штыки. Как это сделать? Ответ не труден: *должно соединять маневрирование с тем либо другим так, как это приходится делать перед неприятелем.*

Действия против неприятеля представляют два резко отличные друг от друга момента.

1) Сближение с ним и ослабление огнем — от 1 500 ш. до 100 ш.

2) Движение в атаку на противника, удар в штыки и свалка — от 100 до 0.

Первый отдел осуществится, следовательно, учением с боевыми патронами против мишеней.

Посмотрим следствия этой комбинации. А для этого припомним вкратце основные свойства составляющих.

Маневрирование

Единство движения; результат — признание массы; отрицание индивидуума; отрицание права рассуждать — автоматизм.

Стрельба

Действие враспынную; издали; когда удобно; результат — признание индивидуума; признание права рассуждать; отрицание массы.

Следствия соединения:

1) Исполняя то и другое совместно и современно, не дадим развиться ни автоматизму на счет личности, ни личности на счет способности срастаться в массы.

2) Стремление от анализа к синтезу в практике, *так далеко, как это возможно* в мирное время, дает и уму здоровую пищу и усиливает способность его выводить правильные умозаключения. Понятия очищаются.

3) Между начальником и подчиненным возникают отношения сдержанные; начальник, видя одинаковую необходимость и автоматизма, и индивидуализма, видя, что человек не в силах уберечься от уклонений в ту либо другую сторону, приводится к убеждению, что отношения могут быть определяемы только одним законом. Послед-

ний становится выше личности начальника и подчиненного.

4) Начальники уезжают за фронт, т. е. туда, где они будут находиться в деле; выгода нравственная и материальная. Солдат, привыкнув всегда видеть начальника впереди на мирных занятиях, невольно приходит к неутешительным размышлениям, видя, как он, при первом неприятельском выстреле, уезжает за фронт. Солдат привык слушать команду спереди; здесь ему приходится привыкать слушать ее сзади; и когда приходится? когда нравственная сторона выведена из равновесия, т. е. когда человеку труднее всего отказываться от усвоенных привычек.

5) Холостая стрельба исчезает для солдат, раз доведенных до боевой. Ружье будет уклоняться не иначе, как для боевого выстрела; явится полное внимание ко всей обстановке последнего.

6) Уставы вводятся строго в границы только применимого в бою. Все сложные формы и эволюции исчезают из них; начальники и солдаты, имея цель впереди, будут обращать преимущественное внимание на нее, а не на строгое соблюдение равенства и уставных интервалов.

7) Все силою вещей становятся на ту точку: *что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение.* Можно ли сделать репетицию сражению? Войска, привыкшие ничего не делать без репетиции, хорошо ли будут себя чувствовать перед разрешением самой трудной своей задачи, которой репетиции сделать нельзя? Следовательно:

8) Репетиции исчезнут. Но ведь они не более как следствие заблаговременно назначаемых смотров; следовательно:

9) Заблаговременно назначаемые смотры заменятся неожиданно назначаемыми. Нравственный выигрыш большой: цель заблаговременно назначаемых смотров заключается в том, чтобы скрыть настоящее состояние части, а не показать его.

Уясняется понятие о значении смотров: *они должны иметь целью проверку метода ведения солдата, а не высшей степени совершенства, до которой последний достиг в данном отделе образования.* Потому что если метод выдержан верно, совершенство приложится; между тем как совершенство показанное не всегда бывает действитель-

ным. Ротный командир виднее на домашнем ученье, нежели на параде. Понятие о службе становится вернее; увидят, что дело на ней делается не порывами, а ровной тягой. Заблаговременно назначаемые смотры с релетциями вызывают только порывы.

Поймут, что разные специализмы в солдатской науке немислимы; что совершенство в них, независимое от общего склада образования, — уродство, вредящее, а не помогающее делу, что должна быть одна только специальность, это специальность солдата, в которую все частные специальности влиты настолько, околько по назначению каждой приходится.

10) Поймут, что, выучившись читать, странно возвращаться к азбуке; возврат каждую осень к составным элементам маневрирования, — вредно действующий, как всякое бесцельное повторение чего бы то ни было, — исчезает. Начнут заниматься только тем, что по существу своему требует постоянной практики, как прицеливание, стрельба, фехтование, гимнастика. Толковая работа укрепит ум к делу, а не к разговорам.

Вот последствия перехода от анализа к синтезу в военной специальности, которые можно уже предвидеть теперь. Нет никакого сомнения, что они будут несравненно плодотворнее, составляя результат шага, строго верного законам деятельности человеческой природы.

Для полноты должно заканчивать этот отдел образования совокупным маневрированием пехоты с артиллерией, сопровождаемым боевою стрельбою обеих.

Этот отдел образования дает полное понятие о первом периоде действий против неприятеля, выжидającego нас на месте. Примерным упражнением его назвать нельзя: в мирное время это будет действие и маневрирование против мишеней и ничего больше. Не нужно ни самому делать усилий воображения считать неподвижные доски неприятелем, ни принуждать к этому других. Доски пусть остаются досками. Дело здесь не в том, чтобы их считать неприятелем, а в том, что *с своей стороны солдат будет против них исполнять все то, что будет исполнять против неприятеля*; чего теперь нет.

Из этого уже видны достоинства и недостатки подобного упражнения: оно целесообразно, но далеко еще не ставит солдата совершенно в то положение, в котором он находится в бою. Сравнивая солдатскую науку с чте-

нием, — в ней недостает самой трудной и страшной буквы — деятельного и смертоносного противника. В этом отношении, разбирая вопрос с чисто военной точки, чрезвычайно полезно, при возможности, завершать образование армии, проводя ее через страны, в которых война составляет почти нормальное положение; если не всегда в смысле опасности, то, по крайней мере, в смысле ожидания ее. Французы пользуются таким образом своим Алжиром.

Как подготавливать массы ко второму периоду боя (от 100 ш. до 0)? Суворов оставил бессмертный образец того, как должно вести этот отдел образования. — Он знал, что человеку всегда нужна видимая цель, знал, что успех атаки определяется стройностью в душе более, нежели в формах, и осуществил то и другое своей системой, о которой можно составить понятие из его «Науки побеждать» и инструкций, данных австрийцам в 1799 г.

Целесообразности атаки он достигал двумя средствами:

а) При односторонних маневрах точным соблюдением одного — чтобы атаке была непременно видимая цель: плетень, изгородь, канава, что-нибудь подобное.

Останавливать атакующую часть было предписано, пройдя предмет, представляющий неприятеля¹.

б) При двухсторонних маневрах других атак, кроме сквозных, не было. Вот как говорит об этом сам Суворов в своей инструкции австрийцам: «В этом и весь секрет: пехота проходит сквозь пехоту и кавалерию; кавалерия сквозь пехоту и кавалерию; а как только все прошли насквозь, — строятся линии опять на прежнем расстоянии, где и командовать *стой!* Задняя линия проходит сквозь переднюю и *налево кругом!* — Кавалерия *по четыре налево кругом!* Тут уже станут на заднюю шеренгу. Тот же самый маневр повторяется снова. — Армия, которая прежде была атакующею, теперь уже стоит на месте, а стоявшая прежде теперь атакует — и то же самое наблюдает. *Vinci, Vinci!*» — Суворов имел право сказать это: он так понимал человека, что мог быть уверен в успехе, раз учили солдата по его указаниям.

¹ История войны 1799 г. гр. Милютинна, приложение 73, 2-я часть: «во время учения командовать *стой* и бить отбой на том самом месте, на котором предполагается неприятель и которое всегда должно быть обозначено забором или плетнем».

Действительно, если разбирать атаку в штыки со стороны ее отношений к духовной стороне человека, нельзя не заметить, что успех ее не столько зависит от геометрической стройности, сколько от привычки людей делать совокупные усилия против какой-нибудь одной цели. С этой точки нет ничего вреднее, в смысле подготовки к атаке, как движение, хотя бы и самое стройное, если оно непоследуемо каким-либо единоклассным усилием. Валовые работы¹ несравненно более приготавливают стройность атаки, нежели движение в пространстве или хоть и против неприятеля, но с остановкою за 50 шагов от него. Последнее приучает не к атаке, а к остановке в тот момент ее, когда именно остановки не должно быть ни в каком случае. Суворовское правило, — чтобы всегда была цель атаке, — достигает, при единстве движения, и единства усилия: всякий видит, ближе чего он не должен и думать останавливаться. Мало того: видимая цель дает возможность и начальникам приобрести навык глазомера, играющего в действии холодным оружием еще более решительную роль, нежели в стрельбе. Там неверное определение расстояния ведет к промаху, т. е. к потере пули; здесь же оно ведет к тому, что начальник слишком рано или поздно скомандует на руку, ударит бой к атаке, поднимет свою часть на ура. Исход этому «рано» или «поздно» один — гибель части: или нравственная, если часть даст тыл; или материальная, если она потерпит большие потери, благодаря неумению начальника пустить ее в атаку. Само собою разумеется, что видимая цель атаке еще важнее в кавалерии, где расстояния больше, а действие мгновеннее. Это показывает, что действие холодным оружием требует мишени точно так же, как и действие огнестрельным. Последнее создано, потому что слишком явно; первое умерло с Суворовым; непонятый современниками, не обративший внимания последователей, его способ атаки пришел в забвение.

Второе суворовское правило заслуживает еще большего подражания, нежели первое.

Раз уже было упомянуто об обаятельности движения масс на человека; эта обаятельность переходит в весьма неблагоприятное влияние на нравственную его сторону,

¹ Вроде битья свай, поднимания больших тяжестей и т. п.

если масса враждебна. Поэтому весьма важно приучать солдат к виду масс, решительно на них наступающих. Но решаясь приучать к этому, какое правило принять для остановки? Чем ближе остановимся, *не дойдя* до живой цели, тем хуже; остановка на расстоянии значительном может быть обусловлена разными причинами; остановка вблизи показывает одно — нехватило духу сблизиться на штык. Где же останавливать? Суворов и эту задачу решает гениально: *останавливать, пройдя насквозь враждебную массу*, и затем повторять тот же маневр, на заднюю шеренгу. Этот прием обучения вдвойне замечателен; он показывает: 1) что при двухсторонних маневрах не должно быть отступления; 2) что у Суворова не было ни задней, ни передней шеренги: лицевую стороною становилась та, против которой был неприятель. Понятно, что в войсках, воспитанных таким образом, неожиданности, даже вроде появления неприятеля в тылу, никого особенно не поражали, потому что никто не был приучен мирными упражнениями считать это особенно важным. Швейцарская кампания наградила доблестного старика свыше меры за верное отношение к человеческой природе: вся она великое свидетельство того, что для суворовской армии ни «тыла», ни «флангов» не существовало: был везде «фронт», откуда появлялся неприятель.

Способ, которым Суворов освоивал кавалерию и пехоту друг с другом, не менее замечателен. Достаточно обратить внимание на современное отношение этих родов войск во всех европейских армиях, чтобы убедиться, до какой степени Суворов понимал, что именно необходимо для рационального их воспитания. Теперь пехота и кавалерия большею частью воспитываются так, что они боятся друг друга. Кавалерийская лошадь отшатывается, если пехотинец сделает перед нею «кладсь» или «на руку»; пехота, завидев только кавалерию, считает долгом остановиться и построить каре, хотя бы та и не думала атаковать; иногда случалось, что неожиданное появление кавалерии вблизи пехоты просто наводило на последнюю панический страх и заставляло ее поворачивать назад. Понятно, чего можно ожидать в военное время от пехоты, усвоившей такое преувеличенное понятие об опасности кавалерийской атаки. Понятно также, к чему способна кавалерия, ближе 50 шагов никогда не видевшая пехоты.

При суворовской манере проводить один род войск сквозь другой — ничего подобного. И пусть не думают, чтобы это было необходимо делать на быстрых аллюрах — нет: цель упражнения не есть атака, а *приучение людей и лошадей к впечатлению, производимому видом противника*. Понятно, что при действительной атаке на пехоту нетрудно пустить вокачь ту лошадь, которая ее не боится, потому что знает; и наоборот — как бы лошадь ни отлично была наскакана, не заставите ее понестись с полною решительностью на пехоту, которой она боится, потому что не знает.

Упрек этой системе в устарелости, который так часто раздается у нас со стороны людей, не имеющих ясного представления о деле, но с претензиями на прогрессизм, не может иметь места, во-первых, потому, что она относится исключительно к нравственному складу человеческого¹, законы деятельности которого неизменны были и будут; во-вторых, потому, что она представляет безусловно верное разложение акта успешной атаки на ее составные части: а) умение вести процесс самой атаки в смысле: определения расстояний для последовательных ее фазисов, привычки людей напрягать свои усилия именно в ту минуту, когда они подходят к видимому препятствию; б) понимание той простой вещи, что человек, как и лошадь, смело лезут только на то, что они хорошо знают, с чем они освоены, хотя бы и не были приучены к идеальной стройности движения. Что не быстрота и стройность движений уничтожают в них боязнь; но что отсутствие боязни даст беззаветную решительность атаке, при возможной быстроте и достаточной стройности. Не можем закончить этого отдела, не заметив, что одно из средств, способствующих подготовке людей к удару холодным оружием, заключается в уважении ко всей обстановке удара, как: прием на руку, бой к атаке, ура. Все эти предметы, не имея сами по себе внутреннего смысла и заимствуя его от самого удара, тогда только сохраняют в глазах солдата свое значение, если их не будут повторять попусту слишком часто; в противном случае они перестают напоминать солдату то действие, к которому должны готовить его.

¹ А не к какому-либо оружию.

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ НА БОЕВЫЕ ФОРМЫ МАСС

Главнейшее изменение в формах, обусловленное распространением нарезного оружия, заключается в повсеместном принятии двухшереножного строя для пехоты, который будет иметь следствием уменьшение силы батальонов на целую треть. Будет ли эта часть употреблена на сформирование новых батальонов, останется ли в массе народа (что еще выгоднее), выигрыш в экономии людей получится громадный. По настоящее время третья шеренга удерживалась исключительно по рутине; несмотря на то, что давно были уже обнаружены недостатки трехшереножной формы, ее держались, как обыкновенно держится человек вещей, с которыми связывает его сила привычки. А между тем и прежде знали, что: 1) держать под выстрелами людей, которые сами вредить неприятелю не могут, нерационально; 2) сила батальона, как единицы для удара холодного, от уничтожения третьей шеренги не уменьшается, что доказали английские батальоны, и что понятно было бы и без этого примера, если бы обратили внимание на то, что успех штыкового удара определяется не столько численностью, сколько решимостью, нравственной энергиею тактической единицы¹.

Оставляя в стороне великий вопрос нравственной силы, освящающей все в военном деле, даже атаку с палками на людей, вооруженных наилучшим оружием; обращаясь исключительно к материальным условиям, определяющим силу батальона, и тут видим, что сумма силы его не уменьшилась от уменьшения числа людей. Сравнив два батальона: один в 1000 человек, вооруженный оружием, стреляющим, с грехом пополам, на 300 шагов, и другой в 600 человек, открывающих огонь с 1200 шагов, а на 500 даже способных поражать отдельных людей, в выборе усомниться трудно. Итак, введение нарезного оружия отразилось на массах уменьшением числа индивидуумов, необходимых на сформирование одной тактической единицы, т. е. тем же, чем оно отразилось на индивидууме только в другом виде, — сбережением человека.

¹ У французов батальоны в последнюю кампанию были не более 600 человек, у австрийцев тысячные.

Затем характер построений отдельной тактической единицы изменится только в следующих отношениях: 1) развернутый строй обратится в исключительную форму, к которой будут прибегать в весьма редких случаях, потому что он не довольно подвижен для холодного удара, не довольно дает свободы для действия огнестрельного; 2) расположения поротно сделаются теперь, если не сразу преобладающим строем для боевых линий, то, по крайней мере, приобретут одну степень значения с колоннами к атаке. Причина этого понятна: с увеличением дальности и действительности стрельбы весьма часто будут основывать успех обороны главнейше на огнестрельном действии, прибегая к штыку только затем, чтобы отстоять позицию цепи, или затем, чтобы покончить с противником, ослабленным предшествовавшими действиями. Если взять к этому в расчет, что с увеличением дальности выстрелов является возможность тем же числом стрелков оборонить гораздо большее пространство, будет ясно, что, сравнительно, цепи будут растянутее, чем при гладкоствольном оружии. Эти два обстоятельства (т. е. большое протяжение цепи, не позволяющее сосредоточенному баталиону подавать помощь отдаленным ее пунктам, и то, что действие холодным оружием имеет одну цель — отстаивание позиции цепи) и определяют, что баталион при обороне чаще будет разделяться на роты, чем то было доньше.

При наступлении необходимость по возможности обеспечить от огня и быстрее пройти пространство, отделяющее от противника, заставит также предпочесть расположения поротно, баталионным колоннам.

Следовательно, общие баталионные строи (колонна к атаке, полувзводная из середины) обращаются в резервный порядок рот. Но вместе с тем уставная связь баталиона, как тактической единицы, исчезает и он обращается уже в совокупность самостоятельных тактических единиц — рот. Из этого два следствия: 1) баталион часто будет занимать больше места, чем занимал обыкновенно доньше. Вместе с увеличением пространства возникает разнообразие обстоятельств, определяющих форму и образ действия, которые не всегда будут одинаковы для всех рот баталиона; 2) является необходимость обратить особенное внимание на то, чтобы с потерей уставной связи между ротами не терялась связь нравственная,

внутреннее единство, т. е. чтобы роты до глубины были проникнуты сознанием круговой поруки, необходимости выручать своих.

То и другое требует образования здравых и энергичных начальников, или, — что одно и то же, — нравственно самостоятельных. Только такой командир бросится без приказания на помощь товарищу, когда тому плохо; только такой командир решится переменить боевую форму своей роты сообразно обстоятельствам, тоже не ожидая приказания.

Но чем же вырабатывается эта самостоятельность? Во-первых, отношениями личными между чинами военной иерархии, во-вторых, рациональным отношением к уставным формам тех, которые, в качестве начальников, призваны непосредственно к осуществлению этих форм. Первое просто и ясно и заключается в одной формуле: ведет себя достойно перед неприятелем только тот, кто ведет себя достойно перед начальником. Есть, конечно, исключения, представляющие первое без второго, но говорю о большинстве и единичные примеры тут не у места. Военный начальник, как бы он маловажен ни был, должен быть рабом только одного закона, но ничьего произвола. В тех случаях, где условия успеха требуют последнего, тот же закон узаконяет произвол. Да даже и без этого чем человек независимее, тем он в такие минуты подчиняется безусловнее, внося в дело не одну послушность трупа, а вместе с нею и всю энергию и предприимчивость существа самостоятельного.

Второе (рациональное отношение к уставным формам) определяется превосходно выражением Пеница: «расположение, в котором ожидаем атаки, менее важно, чем дух войск» и наполеоновским: «чтобы побеждать, нужно менять тактику каждые 10 лет». Понятно, что под тактикой здесь разумелись только те либо другие формы деятельности, но не самая деятельность.

Что такое форма в тактике, каких целей ею стремятся достигнуть и каким условиям поэтому она должна удовлетворять?

Назначение формы в тактике — комбинация известного числа индивидуумов в собирательную единицу для облегчения им взаимного содействия в достижении общей цели. Цели эти достигаются или холодным, или огнестрельным оружием, в зависимости от временных и местных обстоятельств. Влияние рода оружия на строй

всегда одно и то же — огнестрельное требует тонкости строя и возможной свободы личности; холодное — глубины строя и возможного подчинения личности воле одного. Но это влияние, как оно ни определено, должно зачастую уступать требованиям минуты, слагающимся из расположения духа наших или неприятельских войск, отношения сил, местной и атмосферической обстановки и, наконец, того бесчисленного множества неуправляемых влияний, которые обуславливают положение минуты и которые исчезают вместе с нею.

Эти-то условия минуты зачастую отрицают типические формы, свойственные каждому роду оружия, и самые нормальные из них делают нелепыми, самые нелепые нормальными. Ясно из этого, что ни одна форма не может быть названа ни безусловно хорошою, ни безусловно дурною. Всякая из них в свою очередь бывает то превосходит, то гибельна.

Из этого следует: 1) необходимость понимания свойств форм офицерами, дабы они могли быть вполне свободны и быстры в выборе формы в данную минуту; 2) необходимость совершенно свободного отношения офицера ко всякой форме, чтобы он не полагал, напр., что если в колонне к атаке сделать дистанцию шагом меньше уставной, то от этого погибнет все дело, не говоря уже о перемене, напр., относительного положения рот.

Форма, составляя необходимое проявление единства массы, тем не менее теснит единицы; это уничтожение самостоятельности индивидуума тогда только хорошо, когда к нему прибегают как к мере временной. Если же известную форму воспроизводить слишком часто, кончается тем, что тип ее становится чем-то священным в глазах солдат и начальников, и отступления от этого типа, неизбежные на войне, смущают, а для некоторых даже составляют признак неуспеха. Понятно после этого, до какой степени вредно в военном деле благоговение перед формами, как бы они ни были совершенны. Должно помнить, что строгое соблюдение формы на войне невозможно; следовательно, и войска должно воспитывать не в благоговении к форме, а так, чтобы даже и потеряв форму, т. е. обратившись в толпу, они сохраняли способность исполнять возлагаемые на них назначения.

Здесь время сказать несколько слов о порядке, потерю которого столь многие считают гибельною.

Есть два рода порядка: первый — артистический, порядок для порядка, заключающийся в строжайшем соблюдении прямолинейности фигур, равенства расстояний, перпендикулярности флангов и фронта — это порядок уставный; он необходим для совершенства формы, рассматривая ее как цель, а не как средство. Есть другой порядок — тактический, в котором уставный порядок является только одним из средств для достижения цели. Основа этого порядка одна: способность войск достигать возлагаемых на них назначений. С этой точки всякий порядок хорош, в котором войска бьют врага, а не бывают им биты. Но скажут: ведь устав тоже имеет в виду ту же цель; разницы никакой нет. Есть, и огромная. Уставный порядок, ставя основой прямолинейность и симметрию, требует, во-первых, продолжительной практики; продолжительная практика в построении форм ведет к рабскому им подчинению, к принятию убеждений, что все дело заключается не в том, чтобы достигнуть цели при посредстве формы, а в том, чтобы построить самую форму. Забывают одно, что форма должна быть сообразна строго с свойствами материала, из которого ее строят, а не втискивать этот материал в безжизненные нормы прямолинейной геометрии.

Так как устав, с одной стороны, не может обнять всех видоизменений форм, потому что они бесчисленны; с другой, стремится к геометрически правильному их воссозданию, то ясно, что, ограничиваясь только некоторыми из них и смотря на все другие как на уродство, он делает посягательство именно на то, без чего достижение общей цели невозможно: на личную самостоятельность призванных осуществлять эти формы.

Идея допускает осуществление себя в какой угодно форме: все ей одинаково дороги и милы, все одинаково нормальны при известных временных и местных условиях и уже по этому самому все ею отрицаются, как нечто постоянное. С точки зрения идеи, вера в магическую силу формы — нелепость. Как нет в природе нормального цветка, нормального животного, точно так же не может быть и нормальных боевых форм. Как всякий цветок, всякое животное, исчезая, никогда уже не воспроизводятся в строгом тождестве, так же точно боевые формы, вызванные к жизни известными отношениями сил, местности и времени, исчезают с минованием условий, их вызвав-

ших, и уже никогда не повторяются как тождество. Нет ничего антипатичнее идее, как тождество осуществлений, нет ничего антипатичнее форме, как существование форм, ей нетождественных.

Устав, имея в виду только одно образование форм, уже поэтому самому стремится сковать жизненную текучесть, идее свойственную; всякая форма становится в нем чем-то самостоятельным и враждебно относится не только к тем формам, которые ее отрицают, но даже к вариациям основного своего типа, если только они не попали в устав. Это значение формы, при продолжительных упражнениях человека в воспроизведении ее, и для него обращается в убеждение; он не может представить себе стройности вне типов, даваемых уставом, и теряет даже до самого представления о том, что форма сама себе целью никогда быть не может. Раз дошли до такого склада понятий, само собою разумеется, что даже формы самые геометрически-беспорядочные, попав силою вещей в устав, на первое время подчиняются линейке и циркулю.

Нарезное оружие подвинуло и этот вопрос к рациональному разрешению, поставив категорически в число форм и такую, которая, повидимому, есть отрицание всякой формы, т. е. рассыпной строй. Скажут, может быть, что это сделано уже давно; да, давно, но не для всех. Рассыпной строй, как предоставление полной самостоятельности действий каждому индивидууму, существовал всегда в тех армиях, в которых или сознавали, или инстинктивно чувствовали, что в военном деле все составляет человек, а не формы и не оружие. В других армиях если рассыпной строй и существовал, то до такой степени был стеснен точностью требований, стремлением обустроить каждый шаг, каждое движение, что, по духу требований, был, если можно так выразиться, более сомкнутый, нежели сам сомкнутый. Одно сохранение равнения и интервалов, строго одинаковых, составляло дело, гораздо более трудное, чем то же самое в строе сомкнутом. Заслуга нарезного оружия именно в том и состоит, что оно обратило в постоянные и неизменные истины то, что до него обуславливалось исключительно личным пониманием и расположениями, как ведущих армию, так и тех, из кого она была составлена.

Относящееся к форме одной тактической единицы относится, только в большей еще степени, к формам сово-

купности тактических единиц, к так называемым боевым порядкам.

Если расположение одной тактической единицы потребует, сравнительно с прежним, большего пространства, то тем более это будет иметь место при расположении нескольких тактических единиц. Итак, распространение нарезного оружия, вероятно, отразится на боевых порядках тем, что протяжение их фронта будет больше прежнего.

Это ведет: 1) к разорванности его, в смысле уничтожения уставной связи по линиям; 2) к затруднению управления боем и к предоставлению части этого управления частным начальникам; 3) к большему вероятно прорыва линий. Но эти кажущиеся невыгоды ведут опять-таки к одному — к уяснению свойств боевых действий и тех данных, от которых зависит успех в них; т. е. ведут к возведению геометрических форм деятельности в тактические.

Порядок не представляет непрерывности, это правда; и по привычке к непрерывности кажется с первого взгляда, что потеря ее составляет невыгодную сторону расположения. Посмотрим же, в какой мере эта непрерывность и прежде была полезна и необходима.

Вековой опыт показал, что прорыв сплошной линии, образуемой людьми, в одном каком-либо пункте неминуемо ведет к оставлению ее на всем протяжении. Эту великую истину открыл и первый потребовал воспользоваться ею грек Эпаминонд. Результаты известны. Явление это с первого взгляда странное, совершенно естественно и объяснимо; залог успеха в военном деле определяется не столько степенью материальной потери противника, сколько поселением в нем убеждения в невозможности нам сопротивляться. Опрокинув неприятеля на одном пункте, мы как бы говорим ему, что он и на других должен ждать того же. При непрерывности линий соседи опрокинутых невольно подаются назад; то же самое делают соседи соседей, и так дальше.

Если таково свойство непрерывных линий, является сам собою вопрос: каким образом парализовать его, сделать успех действий менее зависимым от прорыва? Представляются два разрешения: 1) составить линию по возможности устойчивее, делая ее достаточной глубины и ставя в нее надежнейшие войска. Надежность войск определяется одним: чтобы они не оставляли рядов; инициа-

тивы личной не нужно — она могла бы повести к нарушению сплоченности линий. Так эта задача была разрешена линейной тактикой: в ней третья шеренга, бесполезная для огня, все-таки была оставлена преимущественно в видах доставления большей плотности линии. Этот же самый резон выставляли обыкновенно в настоящее время в пользу трехшереножного строя приверженцы его. Но сразу видно, что это разрешение не уничтожает слабой стороны непрерывности: употребив большее усилие, все-таки достигали, со всеми его последствиями, прорыва и плотной линии, 2) второе разрешение состоит в заключении к противоположному: «если непрерывность расположения представляет столь важный недостаток, то вероятно эта форма не соответствует свойствам человека. Следовательно, нечего и усиливаться совершенствовать ее, а лучше перейти к противному — к расположению с промежутками. Это можно сделать тем более, что части, рядом стоящие, друг другу помощи подавать не могут: у всякой бывает обыкновенно своя работа на руках. Нужно устроить так, чтобы всякая часть дралась сама за себя и не подчинялась бы впечатлению явлений, происходящих вправо и влево от нее». Так разрешен был вопрос перпендикулярной тактикой; сознав невозможность взаимной помощи между частями, рядом стоящими, она основала упругость сопротивления боевой формы на тесной связи частей 2-й линии с соответствующими им частями 1-й линии¹.

Вместе с этим открывается обширное поле личной деятельности частных начальников, а иногда даже и солдат. Этот порядок, естественно, представляет более совершенную форму; и именно потому, что более соответствует свойствам человека. Итак, перерывчатость боевого порядка, которая вероятно выступит еще резче при распространении нарезного оружия, не только не составляет недостатка, а ведет напротив к лучшему. Она отчасти парализует влияние неудачи в одном пункте, на войска, занимающие другие.

¹ В предупреждение недоразумений, считаем не лишним заметить, что перпендикулярная тактика в историческом развитии не шла таким строго логическим путем; но им вообще не идет ничто, развиваемое самой жизнью. Излагая не историю этой тактики, а дух ее, указываю на одни руководящие идеи, на одно логическое движение их.

Она поведет и к другому: докажет, что однообразие построения всех тактических единиц, которое осталось от линейной тактики, — анахронизм, и что право изменять боевую форму этих единиц должно быть предоставлено командирам их.

1) Самый боевой порядок в общем необходимо должен сделаться разнообразнее, и нерациональность каких-либо норм для него обнаружится с полной рельефностью. Признав форму в две линии с резервом за самую упругую, вспомнят однако же, что незачем тратить два батальона там, где можно обойтись одним, и перейдут к тем понятиям, при которых, нисколько не увлекаясь требованиями симметрии, будут ставить расположение свое в зависимость исключительно от цели, которой намерены достигнуть. *Всякое расположение будет признано нормальным при той обстановке, местной и временной, которая его вызывает.* Отсюда возникнут не только расположения в одну линию с резервом, в две линии без резерва и, наконец, просто в одну линию, но и все соединения этих форм. Объяснимся примером. Положим, мы решились наступать нашим правым флангом, оставаясь в оборонительном положении на левом; ясно, что правый фланг будет построен не в две, а может быть даже в несколько линий, для повторения удара; между тем как левый будет в одну с слабым резервом, а иногда может быть и вовсе без резерва.

2) Большая, сравнительно с прежним перерывчатость боевого порядка действительно затруднит управление; но опять и здесь это кажется неудобством при том недостатке самостоятельности в частных начальниках, который составляет естественное следствие линейной системы их образования. Раз явится потребность иметь их самостоятельными во что бы то ни стало, волею-неволею поймут и то, что самостоятельность не вырабатывается при обулавании каждого шага. Некоторым кажется, что эта несамостоятельность составляет свойство самих начальников, а не следствие системы: грустная ошибка, показывающая, какое вредное влияние произвела система на самих рассуждающих таким образом. Усумниться в способности человека быть самостоятельным и здравым может только тот, кто сам раб в душе.

3) Большая вероятность прорыва указывает только на одно — на необходимость усилить резервы на счет бое-

вых линий, к чему представляется полная возможность при дальности нарезного оружия, позволяющей меньшим числом людей держать противника в почтительном отдалении дольше, чем то было можно при гладкоствольном оружии.

Вместе с этим, передовые расположения (т. е. впереди главной позиции) приобретают значение несравненно большее против прежнего, в особенности тогда, если назначены исключительно для поражения противника огнем. Прежде высылка передовых цепей не только была бы бесполезна, но даже вредна. Огонь их начинал быть действителен со столь близкого расстояния, что когда неприятель подходил на это расстояние, им приходилось отступать: или чтобы не быть захваченным, или чтобы не мешать действию собственных войск на главной позиции.

Теперь не то: передовая цепь, высланная, положим, на 1000 шагов, при благоприятных местных обстоятельствах ничем не рискует, подпуская к себе противника на 400, 300 шагов, и, следовательно, имеет полную возможность заставить его пройти под огнем шестью или семьюстами шагов больше.

Понятно, в какой мере это должно способствовать к притуплению энергии противника, — и усталостью, от движения целиком, и нравственной тревогой, которая не может не расшатывать тактического его порядка.

Итак, в этой, как и в прежде разобранных сторонах, нарезное оружие ведет к одному — к уяснению понятий относительно значения боевой формы и отношения ее к человеческой личности. Становится ясно, что *только форма, строго основанная на свойствах этой личности, как нравственных, так и физических, представляет залогом на успех.*

Одно из свойств этой личности — удобовпечатлительность от всех неожиданностей, особенно если они имеют враждебный характер. Это свойство личности необходимо иметь в виду первым, определяя условия действия масс, которые доступны тому же впечатлению, и в степени тем большей, чем масса больше.

Приняв это в соображение, легко понять: 1) чем неожиданнее для неприятеля форма, в которой мы принимаем против него данное действие, тем больше шансов на успех, лишь бы эта форма не мешала самим

нам употреблять выгоднейшим образом свое оружие. Например: положим, мы имеем дело с неприятелем, который привык считать колонну к атаке единственной законной формой для движения, предшествующего удару в штыки, и который так часто упражнялся в этом движении, не оканчивая его ударом, что понятие о последнем в его воображении несколько не соединяется с понятием о первом. Положим еще, что мы идем на него в атаку в ротных колоннах и знаем, что движение только сближает, но цели еще не дает; люди, приученные уклонять штык не иначе как для удара, электризуются от страшного: на руку; раздается бой к атаке, который также они не привыкли слышать даром; они знают, что значит этот бой, он не обратился для них в звук, лишенный смысла от частого повторения; они приготовлены к минуте; они знают, на что идут. Противник, ошеломленный уже и тем, что видит против себя ту форму, которой не ожидал, поражается еще большей неожиданностью — видя, что движение последуемо тем, чем он сам не привык кончать движения. Шансы на успех с нашей стороны будут громадны.

В этом смысл изречения Наполеона о перемене тактики каждые 10 лет. Великий мастер дела видел, что совершенство формы определяется одним — мерою неожиданности ее для противника. И нельзя не заметить, что сами французские войска его эпохи не удовлетворяли этому идеалу; к концу великого периода революционных войн они обращаются сами в рутинистов, понимая один только штык и ничего больше и не понимая, что одним им нельзя было парализовать английскую форму — форму пули, не исключавшей штыка. Их одолела не столько стрельба, сколько собственная безумная отвага — результат предшествующих успехов, — отвага, посылавшая их на атаку недоступных позиций без малейшей подготовки; без малейшей гибкости в применении средств, данных человеку для нанесения вреда врагу.

2) Войска должно воспитывать так, чтоб разнообразие форм противника не поражало их неожиданностью. Средство и тут одно: сделать начальников тактических единиц полными распорядителями выбора форм для своих частей (в границах устава, конечно) и не притуплять их уверенности в себе жесткими замечаниями в тех случаях, если этот выбор не совсем удачен. Только это

может расположить начальника вникать в смысл формы, а не останавливаться на уставной ее оболочке; а со вниканием в этот смысл сама собою придет и свобода в применении форм к делу.

Повторяем вкратце выводы этого отдела.

1) Усовершенствование оружия не изменяет тактики боевой, а только возвращает к ней войска, воспитанные под влиянием мирно-тактических понятий, и выводит наружу такие свойства, которые в несовершенном оружии существуют в зародыше.

2) Двойственность оружия соответствует двойственности сил человеческой природы: метательное отвечает уму, холодное — силе воли, энергии нравственной.

3) Предпочтительное упражнение в действии которым-нибудь одним из них обращает человека в одностороннего специалиста, т. е. в не-человека, между тем как на войне только цельный человек одерживает успех. Эта односторонность развития отражается неминуемо на складе понятий, а следовательно, и отношений между чинами военной иерархии: все принимает направление в духе предпочитаемого упражнения, следовательно, в ущерб общему принципу войска.

4) Стройность движения, необходимая для согласования действий масс, сама по себе нецелесообразна, но увлекательна, и по частному своему принципу тоже враждебна общей идее войска; увлечения стройностью можно избежать только одним путем — соединяя маневрирование с действием метательным или холодным оружием так, как то делается перед неприятелем.

5) Мишени равно необходимы для действия холодным, как и метательным оружием. В первом случае они даже необходимее.

6) Усовершенствование метательного оружия, выдвигая вопрос уважения к личности, уясняя взгляд на значение формы, в крайнем выражении распускает последнюю и дает слишком много простора эгоистическим побуждениям человека. Увлечения в сторону метательного оружия должно опасаться тем больше, чем оружие совершеннее, и является настоятельная необходимость уравновесить стрельбу, слив ее с маневрированием. Шаг этот, показанный с другой стороны уже в пункте 4-м, в особенности потому полезен, что отвечает общему закону дея-

тельности человеческого ума — переходу от анализа к синтезу.

7) Здравый метод воспитания солдата будет тот, который наиболее сообразен с свойствами человека. Военное дело требует гармонического развития всех сторон человеческой природы, каждой силе которой соответствует известная часть этого дела.

О СРЕДСТВАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РАЗВИТИЮ ТАКТИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В ВОЙСКАХ

ВОЕННАЯ ИГРА

Распространение нарезного оружия, выдвинув на первый план вопрос индивидуального развития вообще, заставило подумать и о тактическом образовании собственно. При увлечении одним маневрированием тактическое образование привелось к знанию тонкостей устава, и это не могло не отразиться вредно на складе умственной деятельности военного люда. Придя к убеждению, что стройность форм и движений составляет важнейшее в военном образовании, естественно поставили себе целью достижение в ней совершенства, мало-помалу забыли боевые цели собственно и, разумеется, оказывались несостоятельны, столкнувшись лицом к лицу с неприятелем.

При таких столкновениях обнаруживалось, что начальники, умевшие превосходно *командовать*, терялись, когда приходилось *распоряжаться*. Пока столкновения разыгрывались в нашу пользу, никто не обращал на это внимания; вспоминали, правда, что иногда начальник части, получив приказание занять, напр., деревню, спрашивал, на сколько шагов за — или перед нею следует расположиться; но это никого не останавливало, потому что подобные вопросы приписывались всегда личным свойствам вопрошавшего, а не системе образования.

Но пришли затем времена другие: за каждое слишком линейное понимание назначения неприятель стал называть жестоко. Заметили тогда, — несколько поздно, —

что недостаток распорядительности составляет общее, а не исключительное явление; что, напротив, распорядительность стала исключением. Тогда невольно задали себе вопрос: как добиться ее от начальников?

Явилось несколько разрешений этого вопроса, смотря по вкусам и взглядам каждого.

Были такие, которые находили, что если дело и шло плохо, то благодаря не ошибочной системе образования, а ее непониманию и тому, что эта система не была применена к делу с достаточной последовательностью.

Были и такие, которые, отправляясь от мысли, что успех в бою возможен только для человека нравственно и умственно самостоятельного, что, кто строит военную систему на совершенстве выучки и на гнете личности, строит на песке, — утверждали, что если таковой самостоятельности не оказалось в решительную минуту, то потому, что она не требовалась и в предшествовавшую тому эпоху мирно-военной деятельности, а напротив тщательно искоренялась, как нечто крайне вредное и благоустроенному войску вовсе ненужное.

Они доходили до того, что утверждали, будто какие-либо нормы для маневрирования в бою частей, больших одной тактической единицы, не имеют никакого смысла, устраняя для начальников необходимость распоряжаться и доставляя возможность, вместо распоряжения, отделяться автоматически односложной командой; что ум и воля не только не могли развиваться в подобных тисках, а напротив, должны были ослабнуть, не находя в них никакой себе гимнастики; и что, следовательно, несостоятельность их, обнаруженная тяжелыми минутами, не есть принадлежность личностей, а следствие системы, по которой эти личности были приготавлиемы к боевому делу.

При таком взгляде на дело, разрешение вышесказанного вопроса было просто: прежде чем хлопотать о новом, нужно очистить от нелепостей старое; не притягивать к развитию насильственно, а похлопотать сначала об уничтожении причин, тормозивших развитие в прошлом. Думать о каких бы то ни было улучшениях, не начиная их с изменения системы отношений, значило, по мнению этих господ, то же, что вырывать левой рукой насажденное правой: водотолчение, которое может быть сравнено только с шагом на месте и которое в конечном

результате дает опять то же самое: умственное и нравственное расслабление, наружный блеск, внутренний разлад.

Наконец, третьи пришли в разрешении того же вопроса к такому заключению: и люди хороши, и система прежняя недурна, только неполна — в ней нет отдела, который имел бы в виду развитие собственно распорядительности. Есть, правда, маневрирование в поле; но оно требует так много места, исполнение самой незначительной задачи растягивается на такое продолжительное время, сопровождается зачастую такою путаницей, что маневрирование не может быть вполне назидательно для всех и делает невозможным передачу дела во всей идеальной чистоте¹. Приняты были, правда, для ослабления этого неудобства маневрирования меры довольно радикальные, вроде изыскания для маневров мест не слишком пересеченных и принятия уменьшенных, сравнительно с боевыми, дистанций между частями: но все же это не совершенно освободило практику в распоряжениях от влияния пространства и времени: недостаток весьма важный потому в особенности, что лишает возможности разрешить большое число задач.

Сознав этот недостаток разрешения тактических задач на местности и войсками, подумали, нельзя ли его устранить? Нельзя ли придумать такой способ упражнений, при котором можно бы маневрировать не маневрируя, т. е. не испытывая всех тех препятствий местных и временных, *от влияния которых не свободно ни одно действительное военное явление?* При таком способе можно было бы решать большое число задач, *хотя и совершенно не в тех условиях, в которых приходится разрешать их на деле.*

К числу жаждущих этого улучшения в системе военного воспитания принадлежат поборники распространения военной игры в войсках; не как игры, которою можно заниматься или не заниматься, но как обязательного отдела образования, долженствующего даже иметь решительное влияние на назначения и производство.

Это последнее мнение на очереди в настоящую минуту; оно близко даже к осуществлению, и потому не лишено будет интереса для военной публики нашей уясне-

¹ Т. е. так, как в действительности оно не происходит.

ние вопроса — полезна или вредна военная игра; и если полезна, то в какой именно степени?

Со времени приведения в систему г. Кузьминским и доньне военная игра составляла не более как времяпровождение для офицеров, ознакомившихся основательно с военной историей, теорией тактики и с топографическим выражением местности; занимались ею преимущественно на картах; впрочем в академии генерального штаба последнее время стали заниматься ею и на моделях.

Теоретическая и в особенности историческая подготовка была делом первой важности при этой игре, как предохранительное средство от принятия знания военной игры за знание военного дела. История, с той прихотливостью развития, с той неожиданностью разрешения, которая свойственна всему совершающемуся в действительности, предостерегала в особенности от подобного увлечения.

В начале нынешнего года г. Н. предложил распространить военную игру в войсках, заменяя карты моделями, как более удободоступными для понимания без предварительной топографической подготовки; он предлагает игру *не как применение изученного предварительно, но как средство для изучения военного дела теми даже, которые им занимались прежде только с уставной, а не с тактической точки.* Таким образом игра перестает быть игрою, а возводится уже на степень науки, что г. Н. и высказывает, определяя ее «наукой тактических и стратегических состязаний». Оставляя в стороне оригинальность подобного определения, в силу которого оказывается, что должна существовать также и наука состязаний, напр., в бегах, перехоже: 1) к усовершенствованиям, сделанным г. Н. в военной игре; 2) к значению, которое он дает этому приятному и невинному занятию; и 3) к пределам, которые ему полагает.

1) Главнейшие усовершенствования заключаются: а) в весьма прочной массе, из которой приготавливаются модели, б) в прибавке крутизномера, необходимого на съемке и совершенно бесполезного при тактических упражнениях; с) в накладных, разрисованных различными местными предметами свинцовых листках, назначенных для видоизменения местности моделей. Улучшение, менее существенное, представляет вилочка, расстояние между концами которой определяет величину двухминутного хода пехоты (250 ш). По рекрутской школе ско-

рость движения 220 ш. в две минуты; почему допущена г. изобретателем вилочки разница в 30 шагов от установленной нормы — объяснить трудно. В игре это тоже можно допустить, потому что там воля вольная предполагать даже летающие войска; но занятия обязательные должно стараться сообразовать друг с другом так, чтобы подобных противоречий не было.

2) Г. Н. придает военной игре значение, до такой степени важное, что полагает даже в унтер-офицеры производить не иначе, как по предварительном удостоверении в знании виц-унтер-офицером модельной тактики.

3) Пределов военной игре г. Н. не полагает: все чины должны играть в военную игру *по обязанности*; разыгрывать все боевые явления, не исключая даже штыковых свалок.

Уже давно известно, что всякое нововведение в занятия войск должно делать с крайней осмотрительностью, по зрелом обсуждении не только одной видимой, осязаемой стороны, но и влияния его на умственный склад солдат и офицеров. Г. Н., конечно, имея в виду это обстоятельство, исчисляет вероятные, по его мнению, последствия распространения военной игры.

Вот они:

«1) Она возбуждает умственную деятельность и направляет ее к развитию (?) военных соображений; приучает вникать в смысл данного боевого поручения, дает навык обсуживать: трудности исполнения военного предприятия¹; принимать своевременно меры предосторожности, быстро и правильно соображать все (?) необходимые распоряжения при разных обстоятельствах, для выигрыша боевого дела.

2) Военная игра приучает оценивать влияние местности на ход боя и к свойствам местности применять: расположение, движение и действия войск.

3) Военная игра обнаруживает теоретические познания в военном искусстве и боевую опытность играющих², способствуя при состязании (?) соображений выказать свою находчивость и военный взгляд (?).

Упражнения в военной игре готовят играющих быть начальниками, достойными своего звания (???)».

¹ И, следовательно, учит исполнителей находить это исполнение иногда невозможным?

² Даже когда они боя и в глаза не видали?

Надежды г. изобретателя так велики, что если бы хотя десятая доля их осуществилась, предложение его можно бы было причислить к благодетельнейшим из нововведений. К сожалению, они высказаны бездоказательно и невольно представляется вопрос — дают ли право питать эти надежды как свойства самой игры, так и свойства человеческой природы?

В предшествующей статье об образовании войск показано, что даже те стороны образования, которые прямо необходимы для достижения боевых целей (стрельба, фехтование, маневрирование), взятые отдельно, приводят к несообразностям, отрицающим боевое дело собственно¹ и обнаруживаемым превратным складом понятий; военная игра к числу этих отделов не принадлежит: на практике ничего не приходится разрешать шашками и на модели; понятно, до какой степени должен быть велик вред от увлечения этой игрою.

Чтобы это показать, должно разобрать: 1) на какое место военная игра может претендовать в отделе маневрирования; 2) какого именно рода возбуждает она умственную деятельность в играющих; 3) кто из военных может безнаказанно заниматься ею и какие военные явления подчиняются розыгрышу, какие нет.

1) Уже известно, что изучение всякого предмета начинается с разложения его на составные части, с изучения каждой порознь и кончается соединением их в одно целое. Маневрирование представляет три отдела: 1) Маневрирование на местности ровной без видимой цели (*учение без применения к местности*), имеющее целью одно приучение к стройности движения; 2) маневрирование на местности пересеченной также без видимой цели, (*учение с применением к местности*); 3) наконец, маневрирование с противником² (*маневры*). Известно, что каждый из этих отделов составляет особую науку, кото-

¹ Случай доставил мне недавно новое подтверждение этой истины: по мнению одного из стрелковых специалистов, стрельба с неопределенных расстояний не есть конечная цель стрелкового образования, но только средство поверить людей в умение определять расстояния на-глаз. Мнение, невольно наводящее на мысль, что, напр., и все мы едим не для насыщения собственно, а только для проверки — хорошо ли действуют наши челюсти.

² Здесь представлено разделение, которое в силе теперь; если припомним, у Суворова не было отделов маневрирования без видимой цели.

рые враждебны между собою: так, после маневров является необходимость подтянуть стойку, уравнять шаг и т. п., иначе не будет желаемой стройности на учениях без применения к местности...¹ Переходя к учениям с применением к местности, приходится отучать людей от той неподвижности и однообразия поз, которых от них требовали на ученьях без применения к местности, и т. п.

А между тем эти отделы составляют совершенно естественные части одного целого и без изучения их обойтись невозможно. Остановка на маневрировании с противником, не соединенная со стрельбой, повела к системе мирно-военной тактики с ее боязнью обходов, преувеличенным значением численного перевеса, с остановкою от неприятеля в 50 шагах при атаке и проч., и проч., *несмотря на то, что маневрирование составляет необходимую часть солдатской науки, целиком применимую к делу боевому*; можно себе представить, до какой тактики должна довести военная игра, в которой нет ничего общего с делом действительным.

Из этого видно, что военная игра составляет занятие в полном смысле слова примерное и относительно маневрирования более самостоятельное, чем было примерное заряжание ружья, примерное отмыкание штыка относительно действительного заряжания, действительного отмыкания штыка: там по крайней мере обращались с одним и тем же ружьем в обоих случаях. Следовательно, военная игра не может стать не только в число первостепенных, но даже в число обязательных отделов образования, и частых упражнений в ней должно избегать для пользы самого дела. Подтверждением опасности частых в ней упражнений могут служить инструкции г. Н., приложенные к его военной игре; они представляют целый кодекс правил модельной тактики, не имеющей, по духу, ничего общего с действительной. Но разбор инструкций отнесен до следующей статьи; здесь предположено проследить общие основания игры.

2) *Какого рода умственную деятельность возбуждает игра?*

В поле человек употребляет все усилия, чтобы не потеряться в пространстве, чтобы отдать себе отчет во взаимном отношении различных частей его, трудно

¹ Многоточие автора.

объемлемых глазом и *притом видимых в перспективе*; на модели он обнимает разом десятки квадратных верст, видит то, чего на деле видеть не в состоянии, и *притом сверху, а не в перспективе*. Вместе с тем линию в дюйм он должен представлять себе линией в 50, 25 сажен; выпуклость, закрываемую концом пальца, довольно большой горой и т. п. Итак, в поле воображение стремится заключить большое в малый объем; на модели — малое представлять большим. Понятно, что последней работой оно не только не укрепляется к дельной работе в поле, а ослабляется, становится к ней неспособным. Не будет, следовательно, преувеличением, если к фразе г. изобретателя: «военная игра возбуждает умственную деятельность» прибавить: «противоположную той, которая необходима в поле».

3) *Кто может безнаказанно заниматься военной игрой, как игрой, а не обязательно?*

Даже те, которые возятся с картою целую жизнь, зачастую затрудняются воссоздавать в воображении местность по карте или модели; можно себе представить, до какой степени усилие поддерживать в себе эту иллюзию должно быть велико и бесполезно для тех, которые, кроме настоящей местности, понимаемой ими очень хорошо, не видали и не понимают никаких более или менее изуродованных ее подобий? Для ума простого, реального¹, не привыкшего ни к каким отвлечениям, вообразить, напр., что зеленое пятно в вершок не есть зеленое пятно, а лес в несколько верст в окружности, вовсе не легко, а главное бесплодно; зачем простолюдину начинать изучение свойств леса с зеленого пятна, когда, прожив до 20—25 лет в поле, он очень хорошо понимает, что такое настоящий лес? Неудивительно, если он будет путаться на модели в том самом, что ни мало не затрудняло бы его на местности. А между тем, добродушный учитель припишет это тупости человека, а не тому, что, привыкнув к настоящей работе, он никак не может сузить свое воображение настолько, чтобы игру в куклы принимать за настоящую работу. Репутация подобного солдата будет сделана сразу: неразвит, не может быть унтер-офицером...² Прежде чем валять таким образом с плеча, не мешало бы подумать — в чем неразвит? Ней тоже

¹ Как у простолюдина.

² Многоточие автора.

попал бы, вероятно, в неразвитые за то, что никак не мог взять в толк разницу масштабов.

Простолюдина должно стараться учить делу по возможности на самом же деле. Привыкнув с малолетства видеть вещи не иначе как такими, каковы они в действительности, он может быть скорее испорчен, чем развит всяким занятием, в котором считают за необходимое потчевать его подобием дела, вместо самого дела. Поверхностных наблюдателей вводит в заблуждение то, что в подобных случаях человек очень хорошо рассказывает на модели, что нужно делать; грустная иллюзия, способная удовлетворить заинтересованное самолюбие, но ничего не дающая на пользу делу; чего не расскажет русский человек, когда он зависим?.. Беда в том, что против неприятеля *нужно делать; разговорами* от него не отделаешься; а доказывать, что уменье говорить о деле и уменье делать дело — суть две вещи совершенно различные и развивающиеся не иначе, как одна на счет другой, кажется, излишне. Можно еще до некоторой степени допустить упражнения, приучающие только говорить о деле, для тех, которые должны объяснять его другим; но для тех, которые должны быть исполнителями, подобные, если можно так выразиться, болтательные занятия могут быть только вредны, приучая к резонерству о деле, а не к самому делу.

Не назовет же г. Н. знанием дела того, если унтер-офицер положит цепочку по окраине зеленого пятна, а на самом зеленом пятне поставит шашку, означающую резерв. Считать это распорядительностью — самое наивное самообольщение; достаточно раз видеть этот процесс, чтобы исполнять его машинально, не соединяя с ним и тени мысли о том, что пришлось бы делать на практике в случае соответствующем. Сомневающимся в этом достаточно вспомнить тех из школьных товарищей, которые задалбливали геометрию от доски до доски и отвечали с интонациями голоса, обнаруживающими понимание, пока им не переменили букв.

В военной игре, имея дело с мелкими частями, этой перестановки букв сделать нельзя, т. е. нельзя варьировать задачи до бесконечности, чтобы уберечься от задалбливания. Г. Н. придумал, правда, накладные изображения различных предметов, нарисованных на свинцовых листках; но это сущности дела не изменяет: ведь зеленое,

напр., пятно на свинцовом листке остается тем же зеленым пятном; и по его краю точно так же вытянется цепочка, и на нем точно так же поставится резерв. Наконец, занятия нижних чинов военной игрою бесполезны и потому, что она нисколько не упражняет в индивидуальном применении к местности; на деле унтер-офицеру приходится большею частью располагать одиночных людей или звенья за такими предметами, которые не вошли в масштаб рельефов г. К.

Посмотрим, в какой мере игра может быть полезна офицерам и какие военные явления подлежат розыгрышу, какие нет.

После сказанного выше, едва ли может быть подвержено сомнению, что упражнения на моделях не могут способствовать развитию тактического понимания местности; на практике в этом отношении не так трудно *воспользоваться* *узнанным*, как *узнать*; и так как тактическое знание местности приобретается возможно частым наблюдением местности и *только одной местности*, то бесполезность для этого каких-либо моделей обнаруживается сама собою.

Посмотрим, в каких случаях военная игра может служить развитию распорядительности.

Вся тактика представляет в этом отношении два отдела, резко различных по характеру своему; первый имеет предметом распоряжения, делаемые в хладнокровном состоянии духа, как: распределение марша, расположение на позиции и другие решения, принимаемые вне непосредственного влияния неприятеля. Его можно назвать статикой, потому что во всех подобных случаях нравственная сторона войск и распоряжающихся ими находится в равновесии. Другой отдел, динамический, имеет предметом все решения, принимаемые в сфере непосредственного влияния неприятеля, которое выводит нравственную сторону и войск, и распоряжающегося из равновесия до такой степени, что зачастую люди, прозорливые и находчивые в хладнокровном состоянии, делаются совершенно неспособными к какому-либо здравому решению в этом положении¹.

Первый отдел, по характеру своему, рутинен, в смысле

¹ И наоборот: люди в спокойном состоянии духа, повидному, самые обыкновенные, под выстрелами являются и прозорливыми, и распорядительными.

большого постоянства в приемах. Он и должен обратиться в рутину для того в особенности, чтобы не затруднять ни начальников, ни солдат под выстрелами мыслью о таких вещах, которые постоянно делаются одним и тем же образом. Определить расстояние при выстреле для солдата, распределить марш своей части для офицера, с принятием всех военных предосторожностей, и т. п. должно обратиться в инстинкт своего рода. Правда, данная случайностей и разнообразие местности имеют влияние на приведение в исполнение подобных решений и вне опасности от неприятеля, но это влияние не настолько важно и потому уже, что здесь за ошибку в распоряжении не приходится платить так дорого, как то приходится в сфере влияния неприятеля. Понятно, что при изучении этого отдела военная игра может служить подспорьем, но и то в том только случае, если руководящий игрою, при полном знании дела, не давит своим авторитетом играющих. Последнее условие чрезвычайно важно; если его нет, всякий будет занят мыслью не о том, чтобы в данном случае распорядиться лучше, а о том, чтобы заслужить одобрение руководящего, что далеко не одно и то же. Это условие предполагает полную необязательность игры и принятие ее игрою, а не занятием серьезным.

Во втором отделе — ничего подобного; мера, повидимому, превосходная с точки зрения тактических учебников, не говоря уже об модельных, ведет к гибели на деле; нелепая с точки зрения тех же учебников — оказывается превосходною. Теории для этого отдела нет и быть не может, потому что нет ее для изменений, происходящих в душе человека под влиянием опасности. Всякому известно, что успех в бою зависит преимущественно, почти исключительно, от нравственного одушевления; где та теория, которая научила бы начальника приготовить часть к атаке словом, взглядом; проехав по фронту этой части, сразу определить ее настроение в ту минуту?

Рядом с этим, данная случайностей, игравшая в первом отделе роль второстепенную, здесь тяготеет над каждой мерой грозным фантомом, обращающимся зачастую в роковую действительность. Перевернутое или переданное приказание, не тщательная рекогносцировка, убитый начальник — одним словом, одна из тех бесчисленных и неизбежных случайностей, которые вплетаются во всякое боевое явление необходимой данной, переворачивает вверх

дном лучший план, и счастье еще если не ведет к несправивой катастрофе. Предотвратить ее может только человек, *вполне свободный от рутинных представлений о бое* и обладающий большою гибкостью ума и силой воли, которые одни могут дать власть над подобными минутами.

Все данные статикн составляют не более как средства в динамике; как комбинировать эти средства; атаковать или нет, стрелять или атаковать и когда атаковать — для практики в решении таких и им подобных вопросов мирно-военные занятия не представляют ровно никаких средств. *Лучшего*¹ относительно этого отдела *не существует* ни для какой меры: существует только *необходимое в данную минуту*. Уловить эту минуту, иметь настолько решимости, чтобы ею воспользоваться — могут только глаз и воля, не затуманенные никакими закаменными правилами, которые так легко вырабатываются даже при маневрировании в поле, а в игре и тем более.

В этом положении человек с простым, здравым смыслом часто выйдет из затруднения гораздо лучше, нежели учившийся воевать по моделям: первому главным делом станет достижение цели, не закрываемой от него миражем теоретических правил; у второго соблюдение этих правил станет целью. Что это так, достаточно указать на героев в австрийском вкусе, оправдывавших свое поражение тем, что против них действовали «не по правилам».

Основываясь на этом резком отличии тактической статикн от динамики, можно сказать решительно, что если упражнения на модели могут быть подспорьем в изучении первой, то не только бесполезны, но положительно вредны относительно второй. Как бы ни было сильно воображение играющих, они не могут, сидя над моделями и шашками, настроить себя на тот лад, который составлял бы хотя призрак настроения, возникающего под пулями и штыками на местности.

Раз согласившись с этим, поймут, до какой степени неуместно поползновение разыгрывать шашками страшные боевые минуты; оно составляет жалкую их профанацию, которая может не дать, а только извратить представление о них. Обращать в игрушку подобные кризисы, как штыковая свалка, опасно; этим можно опошлить человека, а не приготовить его к ним. На модели так легко

¹ Теория же ищет во всем лучшего, и там она опасна.

решиться на атаку; ведь шашки не умирают, даже не мнутся от этих бескровных столкновений, зазвучит ли при этом в человеке хоть одна нравственная фибра из тех, которые при атаке настоящей приходят в такое напряжение?

В минуте решимости на атаку, в которой столько страшноторжественного, столько борьбы в сердце каждого — от начальника до последнего солдата, — вслед за которою польются реки человеческой крови, тысячи иногда людей в последний раз смотрят на свет божий, в этой минуте нет места игрушкам, и только марсомания мирная, доведенная до крайних последствий, могла внушить печальную попытку подвести ее под обух разрешения шашками, костями, в хладнокровном состоянии...¹ В какое положение будет поставлен человек, воспитанный по этой системе, воображающий, что он знает и как в атаку ходят, и как бой готовят, и даже сколько и когда процентов войска потери несут, когда ему придется стать лицом к лицу с смертоносным врагом? Приучат ли его шашечные атаки ждать этой минуты так, как ее порядочный и здравый человек ждать должен? Конечно, нет; с этим согласятся, полагаю, самые закоренелые марсоманы мирные; а если это так, то по какому праву вы позволяете себе озаглавливать священным именем атаки игру в куклы; по какому праву позволяете себе вселять в уме и сердце людей под таким страшным названием впечатление столь пошло-безобидного происшествия, как столкновение двух шашек? Если вы будете называть это игрой — в добрый час: дети играют и в свадьбу, и в обед, и в гости — почему взрослым не поиграть в атаку, коли есть охота? Но если вы возводите эту забаву на степень обязательного занятия, будто бы подготовляющего человека к минуте, составляющей его конечное назначение, — шутка, игра заходит слишком далеко, и долг каждого человека, мало-мальски понимающего военное дело, остановить вас и не допустить, насколько силы хватит, подобного развратительного начала в воспитание войск.

Но оставим духовную сторону атаки; кто думает учить на шашках, как должно распоряжаться людьми, тот, конечно, не может быть заподозрен в преувеличен-

¹ Многогочие автора.

ном понятии о значении этой стороны. Обращаясь к геометрической обстановке атаки, сразу видно, что и она не играет никакой роли в шашечных столкновениях; на модели нельзя приучить человека отмеривать расстояния, на которых нужно: ударить бой к атаке, взять на руку, рвануться на ура. Чему же собственно учат шашечные столкновения? Сколько можно судить, учат одному — серьезные вещи обращать в шутку, в игрушку; за это в военное время бьют без пощады: там может показать себя порядочно занимавшийся действительным делом, а не воображавший, что игра в куклы может когда-либо стать делом!

Итак:

1) Военная игра — занятие вполне примерное (т. е. такое, в состав которого не входит ни одной реальной данной) и потому ни в каком случае не может быть занятием для нижних чинов, а только для офицеров, приученных понимать отвращения с малолетства в школах.

2) Она не только не приучает к пониманию местности, а, напротив, отучает от него, равно как и от принятия в расчет пространства и времени.

3) Она должна быть ограничена розыгрышем всех положений, предшествующих бою, но не дальше. Следовательно, сюда могут войти только: бивачные, аванпостные, боевые расположения и движения с военными предосторожностями до столкновения с неприятелем.

4) Военная игра не может быть ни в каком случае занятием обязательным, чтобы не посягнуть на нравственную самостоятельность подчиненных из-за забавы; чтобы, приучая их смотреть на забаву, как на дело серьезное, не расположить их смотреть наоборот: на серьезные обязанности с шуточной точки. Примеры подобного уже видели: поставив обязанности наружного чинопочитания в число серьезных дисциплинарных отношений, кончили тем, что на деле они стали выше знания святейших обязанностей (как караульные и им подобные); и однако необходимости наружного чинопочитания никто отвергать не станет, между тем как не только необходимость, но даже польза военной игры подвержены большому сомнению.¹

¹ Замечания на «Руководство по военной игре» опущены.

ХАРАКТЕР И ОБЪЕМ ТАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Военное искусство заключается в умении бить врага с наименьшими для себя усилиями и потерями. Ясно, что достижение этой цели возможно только при полном знании свойств всего того, что служит к нанесению вреда врагу, ибо, не зная орудий, которыми известная цель достигается, невозможно применить их к делу.

Из этого видно, что в военном деле представляется два, резко отличных друг от друга, отдела: первый — *знание* свойств всех данных, имеющих влияние на успех или неудачу войны и боя; второй — *умение* воспользоваться этими данными в известную минуту, для достижения предположенной цели. Собственно теория военного искусства может иметь предметом исследования преимущественно только первый отдел, т. е. свойства военных данных; за второй она не может и не должна браться, потому что находчивость, нужная для применения к делу военных данных, составляет удел природных дарований и долговременной боевой практики.

Посмотрим же, свойства каких данных подлежат исследованию теории военного искусства.

Главнейшее средство для нанесения вреда противнику есть, конечно, *войско*, обученное единодушно действовать, вооруженное возможно лучшим в данную эпоху образом, следовательно, уже по этому самому — *постоянное и регулярное*, так как набранное вдруг, а не постоянное, войско не может обладать ни достаточным единодушием, ни умением владеть своим оружием, в настоящее время весьма сложным.

Итак, войско составляет первый предмет исследования в теории военного искусства. Чтобы определить, какие

главнейшие отделы должно представить это исследование, посмотрим, что нужно войску для того, чтобы оно было надежным оружием в руках распорядителя какого-либо военного предприятия.

Положим, что армии нет и ее пришлось бы сформировать вновь. Вопросы, которые представились бы в подобном случае, были бы следующие: сколько, из каких сословий и каким образом набрать людей, необходимых для составления армии? Каким образом поддерживать ее постоянно в определенном числе, пополняя неизбежную убыль (*комплектование*)? Какие средства принять для того, чтобы огромная масса людей могла быть устремлена к достижению одной и той же цели (*формирование и организация*)?

Далее возникают вопросы продовольствия, обмундирования, ремонта лошадей, снабжение армии оружием и огнестрельными припасами; вопрос обучения и воспитания солдата, как одиночного бойца и как составной частички какой-либо единицы высшего порядка (роты, батальона, эскадрона), и, наконец, образование офицеров всех степеней.

Исследование свойств войск по отношению к этим вопросам составляет предмет *военной администрации*, которая занимается, следовательно, разрешением задачи о возможно полном удовлетворении всех нужд как армии, так и каждого отдельного солдата, в каком бы положении они ни находились, с наименьшими издержками для казны.

Приготовляя армию для войны и для боя, администрация дальше не идет; как употреблять войска в бою, как двигать их до сближения с противником, как располагать для боя и на отдых, как обеспечивать войска от неожиданных нападений противника — все эти вопросы исследует *тактика*.

Следовательно, тактика учит употреблять то, что администрация подготавливает: тесная связь между этими двумя отделами теории военного искусства ясна; мало того: они должны, так сказать, сдерживать друг друга, ибо администрация, имея в виду преимущественно экономию, может иногда стремиться к достижению этой главной своей цели и в ущерб боевой годности войск; наоборот, тактика, имея в виду боевую годность войск, может потребовать для этого таких жертв, каких ни один госу-

дарственный бюджет не был бы в состоянии вынести без крайнего истощения народа.

Необходимость самой тесной связи между тактикой и военной администрацией обнаруживается особенно в вопросе о воспитании и образовании войск; только тактика может в этих вопросах верно поставить те цели, к осуществлению которых должна стремиться военная администрация в мирное время для того, чтобы армия была способна к выполнению боевых назначений. Соображаясь с состоянием военного искусства в данную эпоху, тактика определяет основания, которых должно держаться, чтобы образование и организация войск не приняли ложного направления. Эти основания получают свое развитие в различных *уставах*, служащих при образовании и воспитании войск руководством, имеющим обязательную силу закона.

Из вопросов, составляющих предмет исследования военной администрации и тактики, видно также, что та и другая находятся в тесной связи с *артиллериею*, так как эта последняя имеет целью изготовление оружия и огнестрельных припасов, снабжение которыми есть дело администрации, и так как свойства оружия имеют первостепенное влияние на строй и характер действия войск в бою, что составляет предмет тактических исследований.

Итак, задавшись вопросом об исследовании свойств войск, мы получили уже три обширных отдела теории военного искусства, которые, находясь между собою в самой тесной связи, должны, однакож, подлежать самостоятельной разработке: иначе усовершенствование их было бы невозможно.

Но это еще далеко не все. Войска действуют не иначе, как под влиянием условий места, где они расположены, и времени, когда они действуют. Исследование этого влияния места и времени на действия войск — одним словом, влияния *обстановки* действия — составит вторую часть теории военного искусства, которая распадается также на несколько самостоятельных отделов.

Сюда относится: а) Исследование влияния различных местных предметов на расположение, движение и действия войск, входящее в тактику; исследование искусственных средств, служащих к усилению известной местности, избранной для боя, которое составляет предмет *полевой фортификации*. б) Пособие к пониманию местно-

сти, даваемое *военною топографией*, предмет которой — изображение местности со всеми предметами, могущими иметь влияние на действие войск. *Военная статистика*, доставляющая данные для того, чтобы судить о состоянии как военных средств противника, так равно промышленного богатства края, в котором ведется война, что весьма важно и для чисто военных и для административных соображений.

До сих пор я указал только на влияние местности на действия войск; обращаюсь теперь к влиянию на них времени. Эта данная, в высшей степени изменчивая, обнаруживает на войска влияние до такой степени сильное, что иногда заставляет или отказываться от предприятий, повидимому, самых верных, или решаться на такие, которых успех, повидимому, невозможен. Эту данную составляют случайности минуты, в которую предстоит действовать, приходящие и исчезающие вместе с нею. Такие случайности заблаговременно знать нельзя, а нужно уметь пользоваться ими, или их парализовать в то же мгновение, как они возникают.

Из сказанного видно, что подобная данная не может подлежать исследованию теории, и так как она неизбежно вплетается во всякое военное предприятие, то ясно, что теория не может дать никаких правил для поведения на войне, ибо на каждый новый случай самому действующему приходится выводить правило. Но это же показывает, до какой степени основательно должно быть знакомым со свойствами военных средств, чтобы применять их к достижению цели возможно лучшим образом при столь изменяющейся обстановке.

Для пояснения сказанного укажу на некоторые из случайностей, столь могущественно способствующих или препятствующих достижению цели.

На первом плане в этом случае, конечно, должно быть поставлено нравственное состояние войск и их руководителей. Так как сила человека в бою зависит не столько от его физических средств, сколько от его убеждения в своей непобедимости, то если войска имеют это убеждение или, наоборот, если почему-либо его не имеет противник, то можно решаться на самые, с первого взгляда, дерзкие предприятия.

Для примера приводим атаку укрепленного горного перевала Сомо-Сиерры в Испании Наполеоном. Около

12 000 испанцев с 16 орудиями защищают этот перевал; французская пехота сделала попытку атаковать его и успеха не имела. Тогда Наполеон пустил в атаку на батарею польских уланов своей гвардии, в колонне справа по четыре, по горной дороге: батарея взята, пехота обратилась в бегство еще прежде, нежели уланы доскакали до батареи. С первого взгляда кажется, что давать подобные назначения кавалерии просто нелепо; но, взяв в расчет, что испанские войска были вновь набранные, едва устроенные, что такие войска подчиняются впечатлению неожиданности весьма быстро, станет понятно, что, напротив, упомянутое употребление кавалерии было великолепно соображено с основным ее свойством — действовать на воображение.

Другой пример. В 1805 году, по занятии французами Вены, предстояло перейти через Дунай, имеющий в этом месте около версты ширины; по ту сторону моста стоял австрийский отряд; орудие было направлено вдоль моста; на мосту все приготовлено для его разрушения. С первого взгляда кажется, что перебраться на левый берег по этому мосту не было никакой возможности. Мюрат, начальник французского авангарда, вступает на мост и, в сопровождении всей своей свиты, пешком, идет на орудие, делая знаки, что он приближается с мирными намерениями; непосредственно за свитой тянулись войска. Австрийцы растерялись, и пока они думали, орудие было окружено французскими войсками, которые тотчас же начали переправляться на левый берег.

В обоих этих случаях французы распорядились совершенно противно так называемым правилам, и именно потому дерзость их увенчивалась каждый раз блистательным успехом. На чем же держался этот успех, когда, кроме гибели, ничего, повидимому, ожидать было нельзя? Держался на нравственном настроении противника в минуту действия и на том, что французы — сознательно или инстинктивно, это все равно — воспользовались им.

Но нравственное настроение в высшей степени изменчиво и потому должно быть причислено к случайностям: войска, бывшие накануне непобедимыми, бывают иногда объята паническим страхом на другой день после победы вследствие самых ничтожных причин.

Французская армия, одержав сольферинскую победу 24 июня 1859 года, стояла на следующий день бивуаком

на месте битвы, имея цепь аванпостов из африканских конных егерей по Минчио. За Минчио стояли австрийцы. Нужно сказать, что у австрийцев есть полк, форма которого весьма сходна с формой африканских конных егерей. Итальянцы, служившие погонщиками в наемном обозе французской армии, почему-то знали этот полк. Случилось так, что обоз с этими погонщиками был в первых линиях бивуаков в то время, когда от аванпостной цепи к бивуаку подъезжал французский конно-егерский разъезд. С криком «тедески! тедески!» (т. е. немцы) итальянские погонщики бросились куда глаза глядят. Эта случайность мигом разнеслась по бивуаку, и войска, в неопisanном брожении, схватились с бивуака и без всякого распоряжения стали в ружье. Есть даже основание думать, что этим не ограничилось, т. е. что были части, которые, став в ружье, не остались на месте. По счастью, начальникам скоро удалось восстановить порядок и спокойствие; тем не менее паника была так велика, что распространилась до Брешии (город верстах в 40 в тылу французского бивуака): начальник транспорта с ранеными, подходившего к этому городу, приказал обрубить постромки и ускакал со своими людьми и лошадьми, оставив раненых на произвол судьбы.

К случайностям относятся также свойства и нравственное настроение главнокомандующего в минуту действия.

То, чего себе нельзя позволить, имея дело с решительным противником, дает верный успех с нерешительным или таким, у которого воображение преобладает над умом, т. е. который по натуре расположен делать из мухи слона. Наконец, один и тот же человек не всегда бывает в одинаковом настроении: как бы он силен духом ни был, и на него находят минуты слабости и неуверенности, что зависит от многих причин. Стоит только попасть в такую минуту — и может удасться то, за что, быть может, пришлось бы жестоко поплатиться час назад или час спустя.

Ясно уже из этого, что лучшая решимость против одного будет нелепостью против другого, т. е. что в двух положениях, совершенно одинаковых во всем, за исключением свойств начальника, придется решаться на меры совершенно противоположные.

Начало кампании 1757 года Фридриха II представляет лучшее тому подтверждение. Оно прямо противополо-

ложно правилам, которые может предложить теория, и именно поэтому великолепно удалось.

Перед началом кампании силы Фридриха были разбросаны вдоль северных и восточных границ Богемии верст на двести, в четырех местах, между тем как большая часть австрийских сил могла быть быстро сосредоточена у Праги. По «правилам» следовало бы сначала стянуть все колонны вне опасности от нападения противника, т. е. потерять очень много времени, и потом уже наступать. Фридрих и не подумал предварительно стягивать своих сил, а пустил их почти прямо на Прагу с тех мест, где они стояли. Только вступив в Богемию, его четыре колонны стягиваются в два корпуса, разделенные рекою Эльбою и значительным пространством, и в таком порядке подступают к Праге. Затем, когда восточный корпус приблизился к Праге, Фридрих с частью западного переправляется через Молдаву не далее как верстах в семи от австрийцев и в таком положении остается более полусуток. С точки зрения теоретика, подобные действия представляют не более как ряд ошибок, и Жомини, хотя и великий теоретик, но все же теоретик, эти маневры ставит в упрек Фридриху. Но дело в том, что австрийцы подчинены были обаянию Фридриха, потому что уже были биваемы им, и не раз; в том, что они имели двух главнокомандующих, которые никогда не были одного мнения: если один на что-нибудь решался, то другой находил эту решимость или слишком смелую, или несвоевременную. Фридрих, превосходно понимавший характер своих противников и знавший, что делается в австрийской главной квартире, видел ясно, что все предосторожности, которые можно бы было принять, вступая в Богемию, отняли бы только у него время и были бы приняты против мнимой, а не против действительной опасности. Принимать предосторожности, советуемые в подобных случаях теорией, значило бы, говоря попросту, распускать дождевой зонтик и в то же время быть убежденным, что дождя не будет.

Наконец, случайности чисто материальные могут иметь столь же сильное влияние на изменчивость мер, принимаемых для достижения одной и той же военной цели.

Положим, для того, чтобы атаковать неприятеля, я ожидаю присоединения отряда, находящегося в таком расстоянии, что он легко и во-время может ко мне при-

соединиться. Но пошел дождь, распутивший дорогу, пехвачен ординарец, с которым послано приказание присоединиться; наконец, отряд заблудился: на присоединение его рассчитывать нельзя, и, решившись сначала на атаку, придется отказаться от нее, т. е. перейти к решимости совершенно противоположной.

В 1815 году, открывая кампанию, Наполеон предпринял двинуться корпусам средней своей колонны к Шарльруа в следующем порядке: 1-му кавалерийскому корпусу (Пажоля) в два с половиной утра; 3-му пехотному корпусу (Вандамма) вслед за ним, в три часа; за ним 6-му корпусу в четыре; молодой гвардии в пять; старой в пять с половиною.

В этом порядке Наполеон рассчитывал переправиться через Сомбру у Шарльруа до полудня.

Пажоль с кавалерией начал движение по диспозиции и достигнул моста через Сомбру около восьми с половиной часов, но с одной кавалерией дальше идти не мог: мост был баррикадирован и прусские стрелки обстреливали его. Пехоты не было: корпус Вандамма не получил диспозиции, ибо офицер, с нею посланный, на дороге упал с лошади и сломал себе ногу; вместо трех, Вандамм снялся с бивуака в шесть часов утра, а переправа через Сомбру средней колонны, которая, по предположению Наполеона, должна была окончиться до полудня, окончилась только часам к пяти или к шести пополудни.

В том же 1815 году Наполеон в сражении при Линьи решил направить в правый фланг пруссаков корпус Эрлона, бывший в другой (левой) колонне, верстах в десяти от правой массы французских сил, которою командовал Наполеон. К вечеру Наполеон приготовился уже нанести решительный удар в центр пруссаков, как вдруг получил донесение, что за левым его флангом показались какие-то войска. Хотя Наполеон и не полагал, чтобы это был неприятель, но придержал резерв, т. е. отказался на некоторое время от решительной атаки.

Из представленных примеров можно видеть, что случайности, на войне неизбежные, до такой степени бесчисленно разнообразны, что перечислить их нет ни возможности, ни пользы, так как дело не в том, чтобы их знать наперечет, а в том, чтобы во-время подметить на деле и иметь настолько решимости, чтобы с изменением обстоятельств изменить быстро и меры для достижения пред-

положенной цели. Вот почему теория правил для действий дать не может; вот почему в деле только тот успевает, кто, при полном знании боевых свойств войск и местности, даваемом теориею, надеется, когда нужно действовать, не на теорию, а на собственный взгляд и здравый смысл.

Припомнив сказанное, можно уже отдать себе ясный отчет в том, что может дать теоретическое изучение тактики и чего не может. Оно может дать ясное представление о боевых свойствах войск и местности, но не может научить: ни задаваться целями для достижения, ни пользоваться военными средствами наимыгоднейшим образом в данном случае.

Эти две последние цели недостижимы для теории и могут составлять принадлежность только живой личности, развившей в себе способность правильно смотреть на дело, отгадывать положение по нескольким, самым иногда ничтожным, приметам, выводить из них заключение и мгновенно решаться на осуществление его.

Теория дает общую формулу, которая именно потому и не представляет какого-либо частного случая, что одинаково представляет их все. Как воспользоваться этой формулой в данном случае, какие преобразования сделать, какие цифры подставить — дело человека, а не общей формулы, ибо он один может принять в соображение случайности минуты, под влиянием которых приходится общую формулу обращать в частный случай.

Эта-то несостоятельность теории в области применения и подавала повод людям, не совсем знакомым с делом, доходить до отрицания пользы теории в военном искусстве. Но они не замечали той простой вещи, что таков удел теории во всех науках без исключения, даже в самой точной из них — в математике. Ведь знание теории математики не есть еще ручательство за умение составлять из вопросов уравнения; а это составляет конечное применение математики. Один из лучших математиков последнего времени¹ говаривал, что и в математике «правила существуют только для посредственности».

Все великие люди сознавали эту истину, но не вдавались в длинные рассуждения: истина казалась им совершенно понятною и естественною. Маршал Саксонский

¹ Остроградский.

прямо говорит: «*Toutes les sciences ont des principes, la guerre seule n'en a pas*»¹. Наполеон хотя и предлагает некоторые будто бы правила, вроде: *не делайте флангового марша в виду неприятеля, не назначайте пункта сосредоточения там, где вас может предупредить противник*, но, во-первых, в этих советах нет ничего положительного, ибо он говорит не *что должно делать*, а только чего следует остерегаться; во-вторых, тот же Наполеон говорит, что должно соображаться прежде всего со средствами, которые имеешь, и с обстоятельствами, при которых действуешь. Следовательно, не только можно, но должно пренебрегать иногда его же вышеприведенными советами, или, правильнее, решать их в отрицательную сторону. В его собственной деятельности находим тому подтверждение: в сражении под Ваграмом он предписывает фланговое движение корпусу Массены не только в виду, но под атаками неприятеля; в 1800 году он, став на сообщения австрийцев, разбрасывает по обеим сторонам реки По свои силы, и что он не мог сосредоточивать их ранее нападения противника, доказательством может служить сражение при Маренго.

Теория — это арсенал, в котором вы находите все возможные оружия; но что именно взять из этого арсенала, дело того, кто берет, и странно было бы, если бы он ожидал, что арсенал ему подскажет, что в известном случае из него взять следует.

После этого ясно, что несостоятельность теории в деле применения служит доказательством не ее ненужности, а, напротив, пользы и необходимости: чем труднее владеть каким-либо оружием, тем тщательнее должно изучить его свойства перед употреблением в дело. Иначе придется знакомиться с этими свойствами из ряда горьких опытов, между тем как теоретически это можно сделать без малейшего пожертвования, в спокойном состоянии духа. Зная свойства, на деле придется разрешать только одну задачу: каким из них воспользоваться в данном случае? Не зная же их, придется вместо одной задачи разрешать две, т. е. знакомиться сначала со свойствами из кровавого опыта и затем уже ими пользоваться, если из опыта цел выйдешь. Должно помнить, что в деле, о котором говорю, всякое неудачное употребление войск,

¹ «Все науки имеют правила; одна война не имеет правил».

Вследствие незнания их свойств, ведет к тому, что ляжет без толку десять, сто, ляжет тысяча лишних голов — и из-за чего же? Из-за того, чтобы офицер узнал, например, что кавалерию по пересеченному месту пускать в атаку нелепо, что вести пехоту в атаку на стену, не разбив стены, значит вести на убой, и тому подобное. Согласитесь сами, лучше это узнать из книжки, чем в поле, подобным путем. И относительно подчиненных это будет честнее, да и относительно себя тоже расчетливее.

Но если теория не может дать указаний на то, как задаваться военными целями и какие именно средства употреблять для их достижения, то все же остается необходимым почерпнуть насчет этого хотя некоторые указания. Богатый запас их представляет *история войн*, т. е. подробное описание кампаний, с указанием целей, которых стремились достигнуть всяким маневром, всяким сражением. Она показывает, какими целями великие полководцы задавались при известной обстановке и каким образом они устремляли все военные средства для достижения своих целей; как они выходили иногда победителями из положений, в которых, повидимому, не было надежды и на спасение.

Так, например, Фридрих должен был дать лейтенское сражение во что бы то ни стало, ибо в то время, когда он действовал против французов и разбил их в средней Германии под Россбахом, другая его армия была разбита наголову под Бреславлем австрийцами, которые заняли Силезию. Дело подходило к зиме, а на зиму тогда прекращались военные действия, так что оставалось или попытать счастья в бою, в надежде выгнать австрийцев из Силезии, или допустить их остаться там на зиму. Но так как эта провинция была присоединена недавно от Австрии, то последнее было крайне опасно, и пришлось решиться на первое. С 30 000 Фридрих атакует 80 000 австрийцев и одерживает одну из блистательнейших своих побед благодаря своему уменью дать такую нравственную заправку своей армии перед сражением, что ни солдаты, ни начальники не допускали для себя возможности середины между гибелью и победой.

Итак, вот еще отдел теории военного искусства, способствующий изучению практической его стороны и полезный тем в особенности, что отучает от безусловности

выводов, которая составляет неизбежный недостаток исследования умозрительного. История войн представляет запас материалов для всех отраслей теории военного искусства и единственный источник к приобретению верного понятия о последнем и высшем отделе этой теории — о *стратегии*, имеющей предметом постановку целей для кампаний и сражений и направление всех средств к достижению этих целей.

Тактика, имея предметом исследование главнейшего из этих средств — войска, находится в самой тесной связи со стратегией. Связь эта до такой степени тесна, что трудно даже провести резкую грань между тактикой и стратегией, а вернее признать во всяком военном предприятии два элемента: стратегический или элемент соображения указания цели, и тактический или элемент исполнения, достижения цели.

Наконец, в тесной связи со стратегией находится *фортификация долговременная*, так как крепости строятся на основании стратегических соображений и, быв построены, обнаруживают, в свою очередь, влияние на эти соображения при последующих войнах.

Имея понятие о теории военного искусства, в ее общности, можно перейти к более подробному определению предметов тактического исследования. Из сказанного уже известно, что тактика исследует боевые свойства войск и местности.

Но бой составляет только конечный момент войны или известного ее периода; ему предшествуют маневры, т. е. передвижение войск с целью занять для боя выгоднейшее, относительно противника, положение. Понятно из этого, что тактика не может ограничиться только исследованием чисто боевых свойств войска, а должна также показать, каким условиям подчиняются походные движения и расположение войск на отдых: 1) вне опасности от неприятеля, 2) в сфере этой опасности. К последнему отделу относятся также и охранительные меры, принимаемые как на марше, так и во время отдыха, для обеспечения войск от неожиданных нападений противника.

Притом, так как тактика должна иметь предметом исследование боевых свойств войск и местности, а не постановку правил для действия, то естественно рождается

вопрос: каким образом должно вести войска, чтобы они обладали желаемыми свойствами? Следовательно, кроме всего сказанного, в тактике должен найти место и отдел воспитания войск в мирное время.

Итак, предмет тактики составят: 1) *исследование оснований воспитания войск*; 2) *исследование их боевых, походных и сторожевых свойств*; 3) *исследование влияния, которое обнаруживает на войска местность при достижении возлагаемых на них назначений*.

Вопрос воспитания войск в мирное время должен стать на первом плане, ибо давно уже известно, что в военное время войска делают только то, что привыкли делать в мирное¹; следовательно, поведение их в бою находится в прямой зависимости от мирной подготовки, которая поэтому должна быть подчиняема тактическим требованиям².

Так как свойства войск обуславливаются оружием, которое они в известную эпоху употребляют, то должно начать с исследования свойств этого последнего.

Человек обладает двумя средствами для нанесения открытого вреда: он может или *броситься на противника сам, или бросить в него чем-нибудь, сам оставаясь поодаль от него*. Отсюда два рода оружия: 1) *непосредственно наносящее удар, называемое холодным оружием*, и 2) *служащее только для бросания в противника какого-либо тела*³, метательное, которое называют *огнестрельным*, по роду метательной силы, действующей в этом оружии.

Для употребления всякого оружия требуются бесстрашие и уменье; но для холодного требуется преимущественно бесстрашие, для огнестрельного — уменье. Эта разница в свойствах оружия определяет и дальнейшую разницу как в результатах употребления его, так и в порядке расположения нескольких людей, действующих тем или другим оружием для достижения одной и той же цели.

Так как метательное оружие употребляется издали, то, во-первых, нельзя рассчитывать сразу попасть в противника; мало того: даже и попав, нельзя рассчитывать

¹ Выражение маршала Саксонского.

² Здесь оканчиваются определения автора предметов исследования тактики, затем Драгомиров переходит к определению, в общих чертах, свойств войск. — *Примечание редакции журнала.*

³ Камни, пули, стрелы, ядра, гранаты и прочее.

уничтожить его и с нескольких раз: может удастся, а может и нет. Из этого видно: 1) что для успешного действия им требуется некоторый промежуток времени, иногда продолжительный; 2) что результат действия им не всегда бывает решителен, а против масс даже и никогда решителен не бывает. Военная история почти не представляет примеров того, чтобы противника можно было *принудить* отступить одной канонадой или перестрелкой.

Следовательно, огнестрельное оружие годно не столько для окончательного удара, сколько для подготовки его.

Холодное оружие достигает результата в самый короткий промежуток времени, ибо наносит удары на таком расстоянии, на котором труднее промахнуться, достигает результата решительного, ибо сразу: или вы уничтожаете врага, или он вас. Нужно прибавить, что кто имеет настолько силы воли, чтобы сойтись на дистанцию шашки или штыка, тот уже этим самым так действует на противника, что заставляет его дать тыл, даже иногда не дождавшись столкновения. Следовательно, холодное оружие столько же способно для окончательного удара, сколько не способно для подготовки его.

Итак, вкратце, свойства оружия будут: 1) метательного — продолжительность времени для достижения результата и нерешительность этого последнего; 2) быстрого достижения результата и решительность его. К этому должно прибавить еще, что успех стрельбы требует спокойствия стрелка и действия на месте, успех удара холодным оружием зависит, напротив, от порыва и от быстрого движения вперед.

Посмотрим теперь, какого порядка размещения людей требует то и другое оружие в случае, если несколько человек должны действовать для достижения одной и той же цели.

Разрешение этой задачи, очевидно, лежит в свойствах оружия: успех стрельбы зависит, кроме умения стрелка, еще от того, чтобы стрелку не мешали его же товарищи и чтобы он не был стеснен во времени, необходимом для тщательного заряжания и прицеливания. Следовательно, успех стрельбы требует просторного размещения людей и того, чтобы их не подчиняли строгому соглашению своих действий: в один ли момент выстрелят все стрелки, назначенные для достижения известной цели, или нет — это

решительно все равно, лишь бы выстрелили метко: вот основное начало успеха стрельбы. Итак, стрельба требует просторного размещения людей; требует, чтобы в выборе мгновения для выстрела каждый стрелок был предоставлен самому себе, следовательно, требует строя *рассыпного*, и притом тонкого и неглубокого, чтобы каждый человек мог стрелять.

Успех удара холодным оружием требует преимущественно отваги, неостанавливаемой никакими опасностями; из опыта же известно, что люди идут на опасность дружнее, когда идут в массе, а не врассыпную. Имея это в виду, должно согласиться, что успех удара холодным оружием будет вероятнее, когда люди размещены друг к другу близко и притом так, что могут ударить на противника как один человек, т. е. единодушно, следовательно, и одновременно. Это предполагает, кроме близкого размещения, еще и то, чтобы люди не только в действии холодным оружием, но даже в движениях, предшествующих этому действию, были подчинены команде одного лица¹. Вот основные черты порядка размещения, требуемого холодным оружием и называемого *строем сомкнутым*. Кроме того, для удара холодным оружием требуется не только сомкнутость, но еще и глубина строя, т. е. совершенно противоположное тому, что нужно для стрельбы.

Из свойств оружия выводится также и сила строевых частей. Так как вопрос об удобстве управления людьми играет в особенности важную роль при действии холодным оружием и так как оно, давая решительный результат, должно быть признано главным, то и силу строевых частей стали определять в зависимости от условий действия этим оружием.

¹ Из этого не следует, чтобы рассыпной строй не нужно было подчинять команде одного лица; но следует только, что характер командования в том и другом строю существенно различен. В рассыпном строю командир более руководит действиями, нежели командует. Например, он дает сигнал стрелять: из этого не следует, чтобы все подчиненные его тотчас начали стрелять, а начнут стрелять только те, против которых противник виден, и притом на дистанции действительного выстрела. В сомкнутом строю значение команды совершенно другое: хотя бы противник был в самом близком расстоянии, солдат не смеет выстрелить без команды; равно не смеет не выстрелить, если команда дана; не смеет двинуться с места и даже переменить положения без команды.

С первого взгляда кажется, что чем больше людей принимает участие в ударе, тем лучше. С этого действительно и начали в практике. Но рядом вековых опытов обнаружено, что благоприятное влияние числа на силу строевой части простирается до известного только предела, за которым возрастание числа не увеличивает боевой силы части, а только затрудняет и движение ее (следовательно и действия) и управление ею.

Действительно: так как успех действия холодным оружием основан на быстроте, одновременности движения и на единодушии удара, так как чем больше людей должны согласовать свои движения, тем самые движения будут медленнее и неодновременнее, так как одновременность действий и движений возможна только при подчинении массы воле одного, то ясно, что сила части ¹: 1) должна быть такова, чтобы не препятствовать достижению наибольшей быстроты движения при сохранении сомкнутости; 2) должна быть сообразна с мерою способностей одного человека управлять себе подобными и *наблюдать* за ними.

Опыт показал, что масса от 600 до 800 человек удовлетворяет вполне этим условиям: быстрота ее движения на местности, не представляющей особенных препятствий, немногим разнится от той, которой может достигнуть и один человек без истощения сил; а место, занимаемое ею в сомкнутом строю, таково, что один начальник может охватить эту массу и голосом и глазом ².

Таким образом установился баталион, как основная единица тактической организации пехоты. У нас сила его принята несколько больше показанной нормы (около 1000 человек), в расчете на неизбежную убыль в людях до столкновения с противником.

Но управление массой от 600 до 1000 человек для одного лица положительно невозможно, если эта масса не представляет правильных подразделений на части, из которых каждая имеет своего начальника. Такое подразделение необходимо для действительности наблюдения за каждым входящим в состав баталиона, для удобства

¹ Т. е. число людей, ее составляющих.

² Последнее в высшей степени важно, ибо в части найдутся люди всякого сорта, т. е. и такие, которые расположены исполнять свои обязанности не по сознанию долга, а по сознанию, что за ними смотрят в несколько глаз.

обучения, для облегчения хозяйственных распоряжений и, наконец, чтобы возможны были в порядке быстрые переходы из одного строя в другой, равно и отделение какой-либо части баталиона для особого назначения.

Основное условие этих подразделений то, чтобы они как для строя, так и для внутреннего управления были одни и те же. Необходимо это для того, чтобы солдат постоянно оставался под командою тех, кто его знает и кого он знает.

В настоящее время эти подразделения установились так, что баталион разделяется на несколько рот (от четырех до восьми), рота на два взвода и четыре полувзвода, каждый полувзвод на два отделения. Для внутреннего управления каждый полувзвод (или капральство) делится на десятки.

У нас принято деление баталиона на четыре роты (стрелковые, саперные, крепостные, губернские и линейные баталионы) и на пять рот (баталионы действующих армейских войск, гвардейских и гренадерских).

Ротами, взводами и полувзводами командуют офицеры, ближайшие помощники которых как в строю, так и по внутреннему управлению — унтер-офицеры; отделениями и десятками заведывают унтер-офицеры или ефрейторы.

У французов баталион делится на восемь рот, так что в строю каждая рота вместе составляет и взвод; у австрийцев баталион шестиротного состава. Разнообразие числа рот, на которое баталион в различных армиях делится, показывает, что для этого числа нет определенной нормы. Должно заметить только, что, при сложности нынешнего образования солдата, деление баталиона на малое число рот сильного состава неудобно потому, что делает затруднительными тщательные занятия с каждым солдатом порознь, и потому еще, что уменьшает число офицеров, действительно близких солдату и получивших навык подчинять его своей воле.

За недостатком офицеров — что в деле случается тем чаще, чем офицеры лучше, т. е. чем менее шадят себя, — частями рот командуют унтер-офицеры, которые, следовательно, должны быть к этому подготовлены заблаговременно.

Действие огнестрельным оружием требует подразделения полувзводов на звенья, от трех до шести человек в каждом, которые и составляют собственно стрелковую

тактическую единицу: постоянного выгоднейшего числа звеньев, соединяемых вместе для стрельбы, нет, ибо в рассыпном строю строгой одновременности движения не требуется, а для управления совершенно достигает цели то подразделение, которое потребно и для успешного действия холодным оружием.

Пехота, естественно, была первым родом оружия по времени возникновения, и соединение ее в стройные массы — первым шагом в военном искусстве. Но на этом долго нельзя было остановиться; вопросы о том: нельзя ли увеличить быстроту движений пехоты и силу ее метательного действия, должны были неизбежно возникнуть.

Значительное увеличение быстроты движения не допускается, однако, физическим складом человека: ему придали лошадь, и образовалась *кавалерия*.

Сначала она представляла превосходство в том только, что давала возможность неожиданно появляться и исчезать перед противником. Превосходство огромное, и это, вероятно, было причиной, что от кавалерии весьма долгое время больше ничего не требовали, кроме разведывания о противнике, утомления его и преследования. Только в последнее время, именно при Фридрихе II, ее начали употреблять и для нанесения стремительных ударов, сомкнутым строем, в бою¹. Таким путем образовался род войска, значительно усложнившийся, весьма сильный при столкновении с противником и ничтожный, оставаясь на известном, даже весьма близком, расстоянии от него. Быстрота движения ставит этот род войска в полную зависимость от местности, к метательному по-

¹ Возможность подобного употребления предвидел еще и Густав-Адольф, запретивший своей кавалерии стрелять и требовавший от нее стремительных ударов; но это не вызвало подражания в других кавалериях и умерло вместе с шведскою. Начиная с Фридриха II, все европейские кавалерии мало-помалу пришли к убеждению, что на огонь в бою кавалерии рассчитывать нечего и что единственный залог успеха есть нападение на противника на всем скаку.

Древние кавалерии едва ли также употребляли атаку в карьер, ибо римская и греческая плохо ездили, а нумидийская и кавалерия восточных народов, по всей вероятности, действовали подобно нынешним иррегулярным кавалериям, которые не столько рассчитывают на сомкнутость при ударе, сколько на одиночную ловкость наездников, на утомление противника и на хитрость. В древности есть только один намек на кавалерию в нынешнем ее смысле — это боевые колесницы греков.

ражению он не способен, а свойства холодного оружия делают и его «оружием минуты»¹, т. е. родом войска, неспособным к выжиданию, который может сделать все, если минута для атаки выбрана удачно, и гибнет в обратном случае; который подготовить своего удара не в состоянии.

Тактическая единица кавалерии — эскадрон — должна была выйти меньше, чем пехотная, вследствие и сложности состава, затрудняющей управление, и быстроты движения, с увеличением которой число людей, назначаемых для одновременного удара, естественно, должно становиться меньше. Практика установила выгоднейшую силу эскадрона в 120—150 коней. Кроме того, эскадрон делится на четыре взвода, а взводы делятся на отделения, по три ряда в каждом. Деление на взводы нужно для строя и для внутреннего управления; деление на отделения — только для строя.

Желание увеличить силу метательного действия пехоты повело к изобретению метательных машин, превратившихся, с изобретением пороха, в артиллерию. Но та же односторонность, которая составляет принадлежность кавалерии, обнаруживается и в артиллерии, только в обратную сторону. Огромная сила на значительных расстояниях и полное бессилие при нуле расстояния, другими словами — неспособность к собственной защите, раз как неприятель достигнул орудий; сложность состава (люди, машины и лошади); полная зависимость от местности — вот отличительные черты артиллерии. Кроме того, и положение человека значительно в ней изменяется сравнительно с ролью, которую он играет в других родах оружия: в пехоте и кавалерии оружие дается человеку для действия; в артиллерии человек придается к орудью.

Все сказанное относительно метательного действия пехоты применимо вполне и к артиллерии, т. е. что для успеха действия ей нужен продолжительный² промежу-

¹ L'arme du moment — выражение маршала Саксонского.

² С введением артиллерии сражения становятся продолжительнее и является возможность удерживать противника на значительном от себя расстоянии, т. е. возможность выигрыша времени. Эту возможность имеет и пехота, по способности к метательному действию, но в степени несравненно меньшей. Точно также она обладает и кавалерийскою способностью броситься на врага без выжидания, но также в пределах гораздо более ограниченных.

ток времени: единственный ее боевой строй — рассыпной; что предела для боевой сборной единицы в артиллерии нет; что единицу составляет собственно орудие; батарея же образует более хозяйственное, нежели тактическое подразделение¹.

Различие, существующее между разными родами оружия, обнаруживается и в нравственном складе трех родов войск: пехота должна обладать и стойкостью и стремительностью, следовательно, ей одинаково нужны и пассивное упорство и отчаянная храбрость; кавалерия на месте ничего не значит, значение ее возникает только при стремительном движении, следовательно, в ней должна быть выработана, развита преимущественно отчаянная храбрость, способность бросаться очертя голову на самые, повидимому, невозможные цели, способность сразу ставить все на карту. Недостаток стойкости в ней может быть вознагражден только способностью повторения удара даже после испытанных неудач. Артиллерия в движении ничего не значит, на месте — все: следовательно, от артиллериста требуется только то пассивное мужество, при котором человек способен в виду самой близкой, неминуемой опасности навести орудие с таким же спокойствием, как будто неприятель в 500 сажнях от него, при котором он способен умереть на оружии, если на батарею нахлынула пехота или кавалерия, но не сдать его.

Из сказанного ясно видна необходимость соединения всех трех родов оружия для успешного действия: недостаток силы холодного и метательного удара в пехоте вознаграждается кавалерией и артиллерией; недостаток стойкости (или неспособность выигрыша времени) в кавалерии вознаграждается пехотой и артиллерией; наконец, недостаток собственной защиты в артиллерии вознаграждается кавалерией и пехотой, которые должны ее отстаивать в то время, когда она не может действовать, т. е. когда находится в движении или когда неприятель надел на нее.

¹ В описании сражений, т. е. там, где имеется в виду проявление исключительно боевых способностей войск, соединение всякого числа орудий называется батареей: и 2 орудия батарея, и 50, и 100 тоже батарея. Сила артиллерии в тех же описаниях всегда определяется числом орудий, а не числом батарей.

Из сказанного видно также, что пехота и кавалерия способны и к отдельному действию; артиллерия же одна, т. е. без прикрытия, действовать не может.

Разрешение вопросов о силе и составе тактических единиц делает возможным переход и к разбору средств, которыми эти единицы и совокупность их приводятся в движение и в действие, одним словом — к разбору способов передачи воли начальника войскам.

Начальник может изъявить свою волю:

1) *Командой*, заранее условленной, т. е. известной всем людям, составляющим часть или совокупность частей.

2) *Сигналом*, заменяющим команду в тех случаях, когда голос не мог бы быть услышан.

Недостаток обоих этих средств заключается в том, что ни одно из них не может выразить вполне мысли начальника: командой или сигналом можно определить направление движения, строй, начало действия оружием или прекращение его; но цели — *для чего* приказывается строй или движение, *против чего* следует действовать, ни команда, ни сигнал не указывают, да и указать не могут. Цель, предписываемую войскам к достижению, можно указать им только:

3) *Приказанием*, т. е. живою человеческою речью, и *личным примером*. Так как в бою для войск главное знать цель, которой они должны достигнуть, то ясно, что уметь отдать приказание обстоятельно, кратко и энергично должно быть поставлено выше умения командовать или подать сигнал.

Из этого не следует, конечно, чтобы можно было пренебрегать первыми двумя средствами, но следует то, что должно всеми мерами остерегаться прибегать к команде или сигналу там, где можно достигнуть цели не иначе, как приказанием.

Из определения того, что можно выразить командой или сигналом, видно, что эти средства уместны только в применении к одной тактической единице, т. е. там, где команду или сигнал нетрудно дополнить личным примером или немедленным распоряжением. При действии же совокупности единиц эти средства должны быть заменены приказаниями, за весьма редкими исключениями, да и то не в виду неприятеля; в виду же неприятеля, если сигнал или команда возможны, то не более, как

средство для начала единовременного исполнения уже известного, заранее отданного приказа. Сигналы и команды составляют неудовлетворительное средство изъявления воли при соединении нескольких батальонов и потому еще, что не могут быть слышны в шуме и суматохе боя. Наконец, сигнал может иногда служить предварением не только своим, но и неприятелю, а иногда может быть даже им подан (например, сигнал отбой).

Вот, в общих чертах, свойства главного предмета тактических исследований — *войска* — относительно соединения его в сборные единицы и относительно приведения в действие. Из сказанного видно, что эти свойства истекают из физических и душевных свойств человеческой природы вообще, и чем устройство войск более сообразно с ними, тем войсковой организм будет сплоченнее, так сказать, здоровее, тем боевая годность войск больше.

В следующей статье увидим, что для совершенства армии в боевом смысле образование ее и воспитание должны быть возможно последовательнее подчинены тому же началу — строгого соответствия духовным и физическим свойствам человека.

ОБ ОТНОШЕНИИ СТРОЕВЫХ УСТАВОВ К ТАКТИКЕ

I

Есть вещи, о которых понятия, повидимому, установились так прочно, что о них и говорить нечего; но на деле выходит не так: зачастую устанавливаются не столько понятия, сколько фразы, их выражающие. Эти фразы переходят из уст в уста, мало-помалу прибалтываются, смысл слов исчезает из сознания и остается одна только музыка их; остается только ярлык понятия, точно на пустой бутылке: свидетельствует он о содержимом, а между тем содержимого давно и след простыл.

Причину этого неутешительного явления заметить нетрудно: человеку, в большей части случаев, лень бывает вдумываться в мысль так, чтобы усвоить ее себе если не со всеми, то хоть с главнейшими ее последствиями: это очень трудно, да и утомительно; гораздо легче усвоить себе ярлык мысли, внешнее выражение ее, одним словом — фразу. А фразой блеснуть и приятно, и полезно; к чему же мысль, когда можно обойтись и фразой? Зачем задавать себе лишнюю работу и дворянскую голову ломать, когда и без этого можно прожить, и хорошо прожить...¹

Последствия симпатии к фразе и нерасположения к мысли понятны: под одними и теми же словами разумеются вещи, совершенно различные, и выходит нечто вроде мысленного столпотворения вавилонского; зачастую говорящие думают, что понимают друг друга, издавая одни и те же звуки, а в сущности это только акустический обман, ибо за одинаковыми выражениями всякий разумеет свое.

¹ Многозначие автора.

В теории военного дела, которая не оставила себя частоколом формул, на манер математических, которая выражается обыкновенным языком и обращается преимущественно к здравому смыслу человека, подобные вещи случаются сплошь да рядом: все выражено так просто, так понятно, все основано на здравом смысле — а кто же допускает мысль, что его не имеет? — тут всякий, следовательно, может судить и рядить, насколько хватит сил и охоты.

За примерами ходить недалеко: «что такое боевой порядок?» Построение для боя какой бы то ни было части: и малой, и большой. Это вам всякий скажет; а между тем назовите колонну к атаке, или каре, или другой боевой строй роты или батальона боевым порядком, на вас вытаращат глаза. В воображении большинства, со словами «боевой порядок» сочетается фигура в две перерывчатые линии с резервом; какой же после этого боевой порядок колонна к атаке? А возвратитесь к определению боевого порядка, и вам опять воспроизведут с дипломатической точностью: *«всякое построение войск для боя»*.

Есть ли тут понимание того, что говорится, усвоена ли здесь одна только фраза, или же и мысль, ей соответствующая, предоставляю суду читателя.

Еще пример: «что такое позиция?» всякий скажет: место, избираемое для боя обороняющимся. А если отряд мал и занимает поэтому только одну рощу, или деревушку, или отдельное строение, то в отношении к отряду что будут составлять эти: роща, деревушка, строение? Позиции, конечно? Нет — скажут вам — не позиции, а «отдельные местные предметы».

Этих примеров, полагаю, достаточно, чтобы избавить от упрека в преувеличении сказанное выше насчет преобладания ярлыка перед тем, что он представляет, для многих и многих сознаний.

Поэтому дело не лишнее обращаться от времени до времени к понятиям и определениям, повидимому, избитым и давно всеми усвоенным. Кажется, что о них уже все говорено и переговорено, что поднимать рассуждения о подобных предметах значит, попросту, воду толочь; а дойдет дело до применения этих, всякому известных, понятий, оказывается, что известны не понятия, а только их ярлыки.

К числу подобных мнимо-избитых и, в действительности, мало понятых вещей должно причислить также и вопрос о том «*в каком отношении устав находится к тактике*».

Где кончается устав и начинается тактика? Могут ли они быть смешиваемы? И если могут, то в разрешении каких именно задач и насколько именно?

Вот вопросы, на которые, поставив их, вы рискуете опять получить в ответ стереотипную фразу: *устав дает определенную форму порядкам построения, нужным тактике для расположения, движения и действия войск в бою и вне оною*. И опять к этой фразе неизбежный припев: «да кто же этого не знает, да это само собою разумеется», и проч. и проч. Так и видишь перед собою старательного и уверенного в своем знании индивидуума, который, задолбив, например, все геометрические фигуры и умея по книжке расставить буквы в приличных местах, воображает, что он знает геометрию. А начерти ему фигуру несколько иной формы да перемени буквы, и стал в тупик...¹

Отличительная черта устава, как и всякого закона, есть строгая, педантическая определительность; устав не рассуждает: он приказывает. Тактика совершенно напротив; она ничего не приказывает, а только советует, и притом сопровождая свои советы не только доказательствами, но и замечаниями, что они, эти советы, не могут быть применены во всех случаях; что много может быть таких случаев, в которых поведение, прямо противоположное совету, будет наилучшее. Устав *исполняется*, тактика *применяется*; устав нужно *заучить*, тактику — *уразуметь*.

Уже из того, что устав относится более к памяти, нежели к соображению, видно, что он должен быть по возможности краток; в противном случае мы будем давать военным, при изучении его, практику более в запоминании, нежели в соображении, между тем как в бою главнейшее — находчивость, соображение.

Какие же предметы, при таком взгляде на устав, должны попадать в него? Это определяется тем, что устав — закон и, следовательно, может предписывать к исполнению только то, что всегда делается известным,

¹ Многоточие автора.

постоянным порядком: делается так, а не иначе. Из этого видно, что его роль может быть одна: *способствовать соединению в одно тело того количества людей, которое может в бою действовать как один человек, или, выражаясь по принятому, которое может составить одну тактическую единицу.* Так как для единодушного действия людей, составляющих тактическую единицу, требуется одновременность движения, то ясно, что уже по этому самому для всех эволюций этой единицы должны существовать постоянные и всем ее членам *заблаговременно* известные правила. Но даже определить все возможные формы, в которых одна тактическая единица может быть поставлена в необходимость действовать, устав не в состоянии: потому не в состоянии, что этих форм бесчисленное множество, и попытка определить все их повела бы только к безмерной толстоте устава; повела к развитию памяти на счет соображения, а цели, т. е. определения всех форм, все-таки не достигла бы.

На этом основании устав дает только основные типы боевых порядков батальона, предоставляя соображению начальника видоизменять эти типы, смотря по обстоятельствам.

Вот граница устава в том, что касается эволюций; в отношении действия оружием его роль не шире: основываясь на свойствах человека и оружия, устав дает правила, *как* должно стрелять в массу и в одиночку, *как* работать штыком и прикладом в массу и в одиночку; но *где* прибегнуть к тому, где к другому оружию и в *какую* минуту — устав предписать не в состоянии. А советов он, опять повторим, давать не может, ибо он приказывает.

Но чтобы заключить устав в эти границы, нужно сознавать их разумность и необходимость; если их упустить из виду, по незнанию ли, или просто по невниманию, в устав неминуемо попадут тактические советы, потому что человеку весьма трудно удержаться на одном перечне правил для движений и действий: его неодолимо влечет в применение их. Вследствие этого, в уставах зачастую встречаются тактические советы; но участь их самая горькая: попав в закон, они или приобретают характер неизменного правила — вещь в высшей степени опасная в применении к боевому делу; или же остаются мертвою буквою, если по духу своему не поддаются определительности, характеризующей закон.

Примеры приискать нетрудно: возьмем эволюцию переправы, недавно отмененную.

Наступательная переправа со стрельбой есть собственно атака дефиле, т. е. тактическое предприятие. Всякое тактическое предприятие представляет известную комбинацию уставных эволюций, разнообразящуюся в зависимости от обстоятельств. Так, если неприятель намерен отстаивать упорно переправу, придется его обстрелять с нашего берега, затем пустить в атаку известное число частей через мост, которые должны опрокинуть то, что их встретит на том берегу, и затем уже, если неприятель сдал, рассыпать новую цепь для преследования его огнем и штыком.

Если, напротив, неприятель расположился не с тем, чтобы упорно сопротивляться, а только с тем, чтобы нас хоть сколько-нибудь задержать, он не примет атаки; в этом случае чем скорее рассыпаться по совершении переправы, тем лучше. Итак, в первом случае прежде всего нужно подумать об атаке, во втором — о рассыпке новой цепи. В уставе неизвестно почему отдано было преимущество последнему, т. е. рассыпанию тотчас по переправе, полагалось переправляться даже без боя к атаке.

Теперь положим, что войска основательно заучили этот способ переправы, и перенесем мысль в бой: начальник, получивший назначение атаковать переправу, естественно будет расположен употребить в дело способ, которому его учили, как лучшему, и, наткнувшись на стойкого противника, неминуемо потерпит неудачу. Вот к чему ведет введение в устав тактических советов.

Возьмем советы другого рода, противные духу уставов, духу строгой определенности: хоть бы, например, совет относительно того, что дистанции и интервалы между ротами, при расположении батальона в ротных колоннах, зависят от усмотрения батальонных командиров. Никому в голову не приходит пользоваться этим советом, так как незадолго перед тем, и в том же уставе, интервалы и дистанции определены в шагах: совет совершенно рациональный остается мертвой буквой. И иначе быть не может, ибо если известное дело должно быть исполняемо по усмотрению начальника, то и в уставе следует это выразить, и дальше не идти, а не выставлять один какой-либо случай как бы образцом, к которому это усмотрение должно стремиться.

Итак, нужно признать за истину, что, как только известное дело по свойству своему не может исполняться всегда одинаково, устав о нем и трактовать не должен: всех случаев исполнения он не переберет, а те, которые в него попадут, станут для исполнителей слишком обязательными, т. е. изучаемыми, как и всякий закон, не для соображения, но для неуклонного исполнения. В последнем случае неизбежен подрыв самостоятельности, стремление в деле распоряжаться, не соображаясь с обстоятельствами, а на основании устава, хотя бы то было и наперекор обстоятельствам. Если эта точка зрения на устав верна, то нельзя не согласиться и с тем, что роль устава в применении к расположению и маневрированию совокупности баталионов должна быть еще более ограничена, и что не только уставный характер построений, но даже самые средства изъявления воли начальника — команда, сигнал — уместные в отношении одного баталиона, годятся весьма не во многих случаях, когда речь идет о нескольких баталионах.

Действительно: главная причина, по которой устав может дать основные типы сборных строев баталиона, есть та, что баталион в подобных строях занимает мало места, вследствие чего всякая боевая случайность охватывает, так сказать, весь его состав одновременно; кавалерийская атака грозит одновременно *всему* баталиону, случаи атаки на пехоту и отражения этой атаки опять падают на весь баталион, а не на часть его. Понятно, что если весь состав части находится в одном и том же положении, то и форма строя, соответствующая положению, должна быть симметрична и однообразна для всех частей баталиона. Нельзя допустить, например, случая, чтобы в то время, когда начальник разворачивает баталион для стрельбы, одна какая-либо его рота была поставлена в необходимость атаковать противника в штыки, и, наоборот, нельзя допустить, чтобы в колонне к атаке, идущей в штыки, какая-либо рота имела право развернуться для стрельбы. Раз боевой порядок части, соответственно различным положениям, чаще бывает однообразен, чем разнообразен, понятно, что его можно и должно определить заблаговременно, т. е. уставным путем.

К чему же баталионный устав пришел, имея возможность определить заблаговременно все боевые порядки целого баталиона? Пришел к тому, что боевые порядки баталиона поставлены в нем между весьма широкими пределами: между тонким развернутым строем, с одной стороны, и глубокой колонной с узким фронтом — с другой; следовательно, устав допускает и все промежуточные формы. Что же из этого видно? А видно то, что и в области устава признано, что боевые расположения даже малой части могут быть бесконечно разнообразны, что из них нет лучшего на все случаи, а всякое хорошо на своем месте и в свое время.

Придет ли кому-нибудь в голову считать один из боевых порядков баталиона нормальным, а остальные отступлением от нормы? Конечно, нет. А между тем, когда дело дойдет до боевых порядков совокупности баталионов, чуть не всякий исповедует необходимость такой нормальной формы.

Но пойдем далее. В том же уставе для одной тактической единицы есть отдел, допускающий раздробление этой одной единицы на части меньшие: разумею отдел о ротных колоннах. В этом отделе первое, что бросается в глаза, это — что баталион занимает гораздо более места, нежели в сборных баталионных строях; второе — что баталионный командир никаких исполнительных команд не подает, а подает только предварительные, момент же начала исполнения предоставляет усмотрению каждого ротного командира. Произошло это оттого, что как только часть занимает значительное пространство, нет таких боевых случайностей, которые могли бы разом охватить ее всю. Для пояснения этого положим, что одной из рот первой линии грозит кавалерийская атака; ротам же второй линии и даже другой роте первой линии эта атака не грозит. И точно так же во всех боевых явлениях: одна рота может атаковать, между тем как соседняя ей рота будет находиться в пассивно-оборонительном положении, и т. под.

Итак, начало, на основании которого уничтожены исполнительные команды в отделе ротных колонн, можно формулировать так: *роты, расположенные на значительных интервалах и дистанциях друг от друга, не могут находиться совершенно в одинаковом положении; следовательно, баталионный командир может указать им цель*

для достижения, но минуты, в какую именно начать известное движение или действие, и средств, какими цель может быть достигнута, указать не может, ибо это каждый ротный командир должен определить сам — в зависимости от обстановки, в которой находится его рота и которой батальонный командир может и не знать.

К сожалению, такое начало проведено в уставе не совсем последовательно, и это заставляет вдаваться в некоторые рассуждения, которые, в противном случае, были бы излишни. Если при расположении в ротных колоннах батальонный командир не может взять на себя выбора мгновения для начала движения, то тем менее он может взять на себя огульное определение строев, в которых роты должны располагаться. Роте первой линии грозит, например, кавалерийская атака, и она строит каре; рота, стоящая за нею уступом во второй линии и атаке не подвергающаяся, не только может, но и должна развернуться, чтобы дать более сильный залп. Много можно представить подобных примеров, показывающих, что при толковом взгляде на дело не кто другой, как только ротный командир может определить строй своей роты и что, следовательно, при расположении батальона в ротных колоннах все роты его почти всегда должны находиться в разных строях.

Этот не договор в уставе повел к тому, что строй в полувзводных колоннах стал для рот как бы нормальным, и убеждение, что все роты должны находиться в одном и том же строю, до такой степени сильным, что бывали примеры, как роты, занимавшие укрепление, строили каре, потому что на равнине, прилегающей к укреплению, был подаваем сигнал строить кучки. Может быть, скажут, что это — непонимание дела ротными командирами. У нас входит в моду все валить на неразвитость людей, на несметливость офицеров; а поставлены ли они в такое положение, чтобы их сметливость вырабатывалась, до этого дела нет. Попробуем же разобрать дело с этой последней точки. Положим, вы ротный командир; вам ежедневно твердят на ученьях, что по сигналу «строить кучки» вы должны строить ротное каре, и ни разу не говорится о случаях, когда его не следует строить, несмотря ни на какие сигналы или команду. Выходите вы на маневр, твердо усвоив истину, что по сигналу строить кучки следует строить каре: само собою разумеется, что

вы его построите, где бы ни находились; построите и потому, что услышите заветный сигнал, и потому еще, что вы не допускаете мысли, будто можно не построить каре, когда другие его строят. Кто это возьмет в расчет, тот едва ли бросит упрек несметливости и неразвитости тем, которых и не думали развивать. Человек делает то, что привык делать. Вы приучаете его к однообразию, и он стремится к нему потом, на зло здравому смыслу, на зло всему; приучаете человека смотреть, что однообразие в бою самое пустое и последнее дело, а важное выбрать строй по местности и другим обстоятельствам — и ему в голову не придет смотреть на то, в каком строю стоит его сосед, а будет он думать о том, в каком строю ему самому стать лучше.

Итак, и из баталионного учения видно:

1) Что, строго говоря, боевые порядки даже одного баталиона бесконечно видоизменяемы.

2) Что как только баталион разделяется на роты, баталионный командир может заботиться о том только, в одну или в две линии роты поставить, и если в две, то одну или две роты отделить во вторую линию; затем определять, в каком строю каждая рота станет, он не может и не должен: это дело уже командира той роты.

3) Что даже и в применении к одному баталиону, раз он не в массе, исполнительная команда не допускается.

Посмотрим же, в какой мере применяются эти начала к расположению совокупности баталионов.

Чем отряд больше, тем на большее пространство разбрасывается его боевой порядок, тем многочисленнее и разнообразнее будут частные случайности, действующие на ту или на другую часть боевого порядка, но тем менее возможна такая случайность, которая охватила бы весь боевой порядок. Вследствие этого, разнообразие боевых порядков, замечаемое даже в применении к одной тактической единице, повторится неизбежно и здесь, но только в степени несравненно сильнейшей. Возьмем первую боевую линию: один баталион пришелся на местности, удободоступной для кавалерии, но дающей закрытие от огня: он расположится в колонне к атаке; мало того: он нуждается в поддержке — в баталионе, за ним во второй линии поставленном. Другой пришелся за каким-нибудь недоступным ни для пехоты, ни для кавалерии местом — ни его атаковать, ни он атаковать не может: и он рассы-

пает длинную цепь, растягивается за нею в одну линию ротных колонн и в частном резерве не нуждается. Третий — пришелся на местности пересеченной, но доступной для атак пехоты, и он станет в две линии ротных колонн и будет нуждаться также в частном резерве. Итак, в отряде мало-мальски значительном всякое звено боевого порядка будет иметь свой особый боевой порядок, не в видах разнообразия, но для пользы делу, для экономии сил: для того, чтобы, не ставя лишних войск за недоступными местами, иметь возможность сосредоточить их больше за доступными. Принимая в расчет, что всякая норма не может не быть симметрична, спрашивается, есть ли тут хоть малейшая возможность придумать норму сколько-нибудь годную? Едва ли найдутся бесстрашные, которые скажут: есть! а если и скажут, то должны в то же время признать, что им дорого не дело, а внешность; должны признать, будто они думают, что неприятеля можно побить одной красивой формой расположения. Какую норму можно придумать для всех частей боевого порядка, в котором всякое звено¹ располагается где в одну, где в две, где даже в три линии в самых боевых линиях, не считая общего резерва?

Эта неизбежность бесконечного разнообразия звеньев боевого порядка применяется с наименьшею очевидностью и к виду общего боевого порядка всего отряда, так как история показывает, что, по обстоятельствам, он представляет все возможные варианты, начиная с растянутого в одну линию и кончая расположением в глубоких колоннах.

Для подтверждения этого в примерах нет недостатка: Ланн под Фридландом вытягивается в одну линию — и по необходимости казаться сильнее, чем он был, и по убеждению, что Бенигсен, подверженный слабости делать из мухи слона, примет ширму за дело и не попытается заглянуть, есть ли что-нибудь за этой ширмой или нет.

Мак-Магон под Маджентой дерется в двух линиях без резерва, потому что в бой вступил уже тогда, когда ни на какие неожиданные предприятия со стороны

¹ Под звеном боевого порядка разумеется каждый батальон первой линии со своим частным резервом, поставленным во второй линии.

австрийцев он рассчитывать не мог, следовательно, в общем резерве не нуждался, а между тем шел в атаку, следовательно, должен был принять меры, чтобы батальоны, непосредственно для нее назначенные, имели за собою поддержку, т. е. линию частных резервов.

Тот же Мак-Магон под Сольферино располагается первоначально в одну линию с общим резервом, ибо поставлен в необходимость занять растянутую оборонительную позицию и при обстоятельствах еще неразъяснившихся. Не имея намерения атаковать, он отказывается от частных резервов и употребляет их для продолжения боевой линии; а для того, чтобы парировать возможные случайности, он сохраняет общий резерв.

В ту же кампанию, под Монтебелло, Форе дерется в одну линию, ибо сил у него мало, волею-неволею приходилось ставить все на карту, и это было тем более разумно, что австрийцы, уверовавшие в безусловное постоянство двух линий с резервом, подставляли ему свои силы под удары по частям, даже не подумав подавить его своим превосходством в силах, употребив сразу значительную часть их.

Что касается до употребления двух линий с резервом, то примеры его можно насчитывать десятками, и потому мы здесь не приводим ни одного, тем более, что у нас замечается преобладающее стремление не против, а в пользу исключительного употребления этой формы.

Наконец, расположение Наполеона во все три дня боя у Арколе представляет боевой порядок, имеющий вид нескольких глубоких колонн. Возразят, может быть, что под Арколе иначе как в глубоких колоннах нельзя было драться. Совершенно так; но дело именно в том и заключается, чтобы видеть это «нельзя», а его может видеть только тот, который ни мирным обучением, ни собственным пристрастием не расположен признавать одной какой-либо формы за наилучшую. Предполагая, что Наполеон сформировался бы на каких-нибудь нормальных порядках, он никогда бы и не подумал перенести поле сражения на гати, пролегающие по невылазному болоту.

Из сказанного видно, что принцип как для батальона, так и для многих батальонов остается один и тот же, т. е. *что боевые порядки могут представлять все возможные варианты, от тонкого растянутого строя до глубокой колонны*, и с этой точки лица, принимавшие четыре нор-

мальных порядка, все-таки последовательнее, чем отстаивающие один: те все ж допускали хоть намек на то, что боевые порядки должны быть разнообразны, и если грешили, то разве тем, что остановились на четырех, между тем как с равным правом они могли бы остановиться и на 400, и на 40 000 боевых форм. Одним словом, предела тут быть не может для того, кто задается мыслию привести к нормам то, что не допускает никаких норм.

Чему же приписать желание остановиться на одной или на нескольких формах там, где их бесчисленное множество? Прежде всего тому, что их хотели подчинить правилам устава; но как устав для всех боевых порядков правил дать не может, то и останавливается на нескольких. Эти привилегированные формы становятся главными, а на остальные мало-помалу начинают смотреть, как на уродство, как на *отступление* от закона. Кажется, непонимание того, что этого дела обуставить нельзя, очевидно.

IV

Сказанного достаточно, чтобы убедиться, что в бою какой-либо однообразный и постоянный порядок невыносим, следовательно, не должно его допускать и при мирном обучении войск. Но человечество так сформировано, что на доказательстве главного пункта остановиться нельзя: найдутся неизбежно особи, которые, подчиняясь стремлению отстоять то, к чему они привыкли, приводят частности, по их мнению, говорящие в пользу предмета их обожания, и воображают, что ими опрокидывают основной довод. Займемся же этими частностями.

Говорят, например, так: *нормальный порядок приучает войска к быстрому и ловкому исполнению команды; облегчает построение боевого порядка, ибо если даже, при этом построении, части и не совершенно придутся на тех местах, где быть должны, их можно потом перевести на эти места; нормальный порядок дает начальнику легкое средство изготавиться к бою при неожиданном появлении неприятеля, ибо стоит произвести коротенькую команду, и боевой порядок будет построен; отсутствие нормальных порядков требует от частных начальников такой степени самостоятельности, какой они не представляют, и т. под.*

Слова, слова и слова, должны на это сказать мы; или: ярлыки, ярлыки и ярлыки, за которыми нет и тени правильного представления о том, что и как в бою делается. Разберем по порядку эти ярлыки.

«Нормальный порядок дает средство к быстрому и ловкому исполнению команд войсками», *в деле, в котором команда немислима при боевой обстановке*, прибавим мы. Это может покажется удивительным, а между тем оно так, и если у нас не сознается, то потому только, что мы судим по мирным ученьям о том, какими средствами войска можно приводить в движение и в действие на деле. Перенесемся мыслию в военную обстановку. Положим, что идет только полк с батареей в походной колонне. Займет он в глубину не менее версты, и то при самых благоприятных обстоятельствах, т. е. при широкой и хорошей дороге, при свежих силах людей. Взяв это в расчет, спрашивается: где найдется человек настолько голосистый, чтобы его команда слышна была на версту? Если такие феномены редки, то становится ясным, что команда в этом случае является средством несостоятельным и должна быть заменена *приказанием*, посылаемым через адъютантов или их заменяющих. И необходимо заметить при этом, что в сказанном случае о бое и речи еще нет. Что же выйдет, когда возьмем положение боевое? Выйдет, что не только в применении к совокупности баталионов, но даже и в применении к одному баталиону команда иногда представляется средством, для изъявления воли начальника далеко неудовлетворительным. Причины тому следующие: шум и суматоха боя решительно делают невозможным слышать всякую команду даже в одном баталионе, разделенном на ротные колонны, не говоря уже о двух и более баталионах.

В баталионном учении, как уже сказано, это имелось в виду и выразилось уничтожением исполнительной команды баталионного командира при порядке в ротных колоннах; но в бою, как оказывается, и предварительная даже для одного баталиона не всегда возможна и должна уступать место приказанию.

Это резон внешний, или материальный, несостоятельности команды в бою относительно совокупности баталионов; но есть резон более важный, резон, показывающий несостоятельность этого средства в самом духе или в идее его.

Что такое команда? Команда есть фраза обыкновенной человеческой речи, сокращенная до невозможности, выражающая не мысль начальника, а только намек на нее. Если я, например, скомандовал: *равнение на середину, шагом марш*, то ведь из этого никто из моих подчиненных не поймет еще, *куда именно и зачем я их веду*, между тем как знать, что собираемся сделать, составляет в бою первостепенное условие, первостепенное потому, что если даже начальник и будет убит, никто не потеряется, ибо всякому известна его мысль. Представьте себе баталион, которому, идя в атаку на деревню, начальник не сказал, что имеется в виду атаковать деревню, а только прокомандовал равнение и проч.; баталионного командира убили, и баталион, будь он хоть наихрабрейший, неминуемо смешается.

При обратном предположении, всякий человек в баталионе знает, что именно нужно взять, и хотя бы несколько начальников, один за другим, были убиты, он все-таки не лишается возможности исполнить свое назначение. В этом разгадка суворовского приема обучения, которым требовалось иметь для атаки непременно видимую цель и предупреждать о ней часть. Заметим еще одну особенность команд: ими равнение назначается куда-нибудь в сторону, т. е. внимание людей притягивается не в направлении неприятеля, а туда, где его нет. Назначение равнения, положим, необходимо для стройности движения; если команде предшествует приказание, вы притягиваете внимание подчиненных к сущности предстоящего дела; не отдали приказания, и этому вниманию дается единственная, и притом самая последняя, несущественная в бою цель, ибо в бою нужно равняться не по крайнему или среднему, а *по переднему*, как учил Суворов.

Итак, даже при действиях одной части, даже в том случае, где команда дополняется личным примером начальника, приказание неизбежно должно предшествовать команде. Нетрудно понять, что когда дело идет о движениях и действиях совокупности баталионов, командой ничего нельзя выразить так, чтобы вас поняли. Действительно: можно ли определить порядок построения частей для боя? Нет, невозможно, ибо всякая из них в боевых линиях построится в свой особый боевой порядок, который только случайно может быть одинаков с боевым

порядком другой части. Можно ли дать сигнал или команду для атаки, не указав, что должно атаковать? Подобный вопрос даже странен: до такой степени немисливо обойтись в этом случае без приказа. В батальонах команда могла быть дополнена хотя личным примером; для начальника совокупности батальонов личный пример, кроме особенно важных случаев, невозможен, ибо если начальник займется одним батальоном, то упустит из виду все остальные.

Из этого, кажется, можно вывести заключение, что команда немислива при действиях и движениях в бою нескольких батальонов. В австрийском уставе одним из основных принципов при маневрировании нескольких батальонов принято, чтобы все распоряжения передавались не иначе, как посредством приказаний. Приняв в соображение сказанное, всякий поймет, что иначе и быть не должно.

Вот резоны, по которым мы считали себя вправе к аргументу: *«нормальный порядок дает практику войскам в быстром и ловком исполнении команд»*, прибавить: в деле, в котором употребление команды в бою немисливо.

Но может быть, хоть оно и неприменимо в бою, зато полезно в смысле упражнения войск в быстроте и подвижности? Совершенно так! но ведь для этого и существует так называемое линейное ученье, которое дает возможность начальнику поверить батальоны в том, знают ли они свое дело, как каждый в отдельности, так и по отношению к другим батальонам. При этом понятны какие угодно перестроения и движения, не исключая и огульного перестроения всех батальонов в один какой-либо строй. Собственно это не бригадные, полковые или дивизионные ученья, а батальонные ученья нескольких батальонов для проверки последних в том, умеют ли они: строить различные строи, становиться друг от друга на определенных начальником дистанциях и интервалах и проч. Тактическая цель тут немислива: с тактической точки определение старшим начальником строев батальона, определение движения по знаку сабли (что не допускается даже при маневрировании в ротных колоннах одного батальона) составляют полнейшую несообразность.

Кажется, подобных учений довольно для того, чтобы утвердить батальоны в уставной части; мы же скажем,

что не только довольно, а слишком довольно, ибо часто производимые линейные учения неминуемо приучают к однообразию и вселяют батальонным командирам непреодолимое пожелание построиться в один строй с соседом.

Если это так, если уставная часть достаточно может быть изучена на линейных учениях, то само собою понятно, что странно вводить исполнение по командам в отдел о боевых порядках, который уже есть конечное приготовление войск к маневрированию при боевой обстановке, следовательно, должен быть подчинен и условиям этой обстановки. А если команда при построении в боевой порядок немыслима, то немыслима какая-либо заблаговременно установленная для него форма. Если вам приходится рассылать приказания, так лучше сразу построить тот боевой порядок, который по обстоятельствам лучше.

Перейду ко второму аргументу: *«Нормальный порядок, допуская исполнение сложного построения по коротенькой команде, облегчает переход в боевой порядок, ибо даже если части и не совершенно придутся на тех местах, где быть должны, их можно потом перевести на эти места».*

Во-первых, странно какому-нибудь батальону пройти, например, сто шагов вправо для того, чтобы потом те же сто шагов пройти влево. Не лучше ли сразу занять то место, которое по здравому смыслу занять следует?

Во-вторых, заниматься начальнику совокупности батальонов перестановкой тех из них, которые не придутся на должных местах, не приходится: это то же, что и батальонному командиру на учении всего батальона заниматься исправлением стойки — невоздержанность, запрещаемая даже уставом. Если батальонный командир не хорошо занял позицию, он не знает значит своего дела, и такого нужно поправить, а не брать его роли на себя, занимаясь переводом его части на должное место. При нормальном порядке подобный не знающий своего дела командир находит готовую защиту своего незнания в буквальном исполнении уставных правил, установленных для построения этого порядка.

Следовательно, в этом случае устав является самым надежным оплотом равнодушия к своему делу, непонимания его.

В-третьих, имея в виду и постепенность власти, и несостоятельность команды в бою, не лучше ли начальнику, не торопясь командовать, отдать приказание непосредственным своим подчиненным насчет того, что они должны делать со своими частями, например, в дивизии бригадным командирам? Эти последние, осмотрев участок позиции, который должны занять, отдадут соответствующие приказания полковым командирам, а эти батальонным, и только каждый из последних должен приискать выгоднейший порядок для своей части, объяснив ей также назначение, на нее возложенное. При таком условии всякий будет знать, какую роль должен исполнить для достижения общей цели, указанной главным начальником, что немислимо при команде: *стройся в такой-то порядок*, которая, если ее даже и все услышат, определит, на каких дистанциях, интервалах и в каком строю стать, но о том, что предстоит делать, не даст ни малейшего намека.

«Сколько разговоров!» — вероятно, возразят некоторые. Да, будет много разговоров, и даже пустых, если начальник, привыкнув только командовать, потеряет способность отдавать приказания ясно, кратко и энергически; если же этой способности дана была практика в мирное время, разговоры длинны не выйдут, дадут в результате толковое, сознательное, а не механическое исполнение, ибо всякий поймет, чего от него хотят.

Некоторые полагают, что так будет нарушен секрет. Поздно нарушать его в виду неприятеля; да и странно делать для исполнителей секрет из того, что они должны исполнить. Это то же, что предложить человеку на разрешение вопрос вроде следующего: скажи мне, что написано на известной мне странице книги, которую я задумал? Согласитесь сами, смешно. Суворов смотрел на значение секрета в этом деле иначе; вот что он говорит в своей инструкции австрийцам:

«Не довольно, чтобы одни главные начальники были известны о плане действия: необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. *Каждый воин должен понимать свой маневр*».

А если воин должен понимать свой маневр, то само

собою разумеется, что он может понять его только из приказания, а не из команды. Вот как смотрят на эти вещи гениальные военные практики; вот отчего у них войска делают свое дело хорошо.

Построение боевого порядка по команде и потому еще опасно, что располагает начальников, воспитанных по мирной системе, думать, будто с их стороны все распоряжения сделаны, раз команда произнесена; и в этом главная причина путаницы и беспорядков, бывающей в бою. Да ее не может и не быть: вообразите себе войска, которые, вместо приказания что делать, получают только приказание, в каком строю, на каких дистанциях и интервалах им расположиться...¹

Имея это в виду, можно сказать положительно, что если бы даже боевые порядки и не были так бесконечно разнообразны, какими они представляются в действительности, если бы даже человек и был в состоянии крикнуть на расстояние, например, версты, то и тогда бы не следовало допускать построение по команде. В мирное время это, конечно, удобно: не потому ли так и отстаивают систему нормальных порядков? Нельзя не согласиться, что такое соображение не последней важности: если нет нормального порядка — поди-ка выдумай свой боевой порядок, за который еще, пожалуй, в шапку попадет. Согласитесь сами, неудобно; то ли дело, не ломая головы, скомандовать: «стройся в боевой порядок!» — и цель достигнута, и замечания никто не может сделать... Да как же и сделать его за исполнение того, что написано в уставе?

Но хорошо ли приучать войска, назначаемые для боя, к тому, что удобно на мирных ученьях, а там неприменимо, — это вопрос, который, кажется, заслуживает тоже внимания. Возьмем в параллель два приказания: «станьте там-то в колонне к атаке», как обыкновенно говорится в мирное время; и другое — «станьте там-то и удержитесь во что бы то ни стало». Разница между двумя приказами вот какая: по первому, в случае позорного поведения части, вы с полным правом можете ожидать от начальника ее такого оправдания: «я исполнил ваше приказание — стал в колонне к атаке, где вы приказали»; вторым приказанием вы ставите человека в необходи-

¹ Многоточие автора.

мость или исполнить приказание, или ожидать совершенно заслуженной кары: тут нет места отговоркам, нельзя сослаться ни на колонну к атаке, ни на ротные, ни на какую-либо другую форму. Команда: *стройся в боевой порядок*, как уже выше показано, не заключает в себе ничего, кроме определения формы построения.

«Существование нормального порядка дает легкое средство начальнику изготовить свои войска к бою при неожиданном появлении неприятеля». Уже из сказанного видно, что нормальный порядок не дает этого средства: построить какую-либо форму не значит еще изготовить войска к бою; но даже предполагая, что в построении боевого порядка заключалось бы все изготовление к бою, этот аргумент в пользу нормальных порядков показывает в представляющих его не совсем полное знакомство с тактической азбукой. Нужно помнить, что даже разезды без авангарда, арьергарда и бокового охранения не ходят, а о значительных отрядах и говорить нечего. Взяв это в расчет, окажется, что неожиданность на войне представляется совсем не в том виде, в каком она рисуется под впечатлением мирно-военных упражнений. Только в мирное время мыслима неожиданность, требующая мгновенного перехода в боевой порядок; в военное же неприятель с неба не падает, способностью летать также не одарен, следовательно, всегда есть время распорядиться толково, каждому сказать не только то, где ему стать, но и что на том месте делать.

Итак, воображающие, что переход в боевой порядок на войне может быть необходим с такою быстротою, как делается, например, в театре перемена декораций, не совсем понимают дело, о котором говорят.

Как после этого не сказать, что для многих и многих важны ярлыки дела, а не самое дело? С первого взгляда кажется, что как будто и дело человек говорит: есть тут и неприятель, и неожиданное нападение — уж чего, кажется, ближе к бою? — а приглядеться внимательнее, и выходит, что это только слова, слова и слова...¹

С какой бы стороны ни разбирали мы нормальный порядок, все выйдет одно и то же: составляя его для боя, именно боя-то и не имели в виду, а упоминали о нем, так сказать, из приличия: нельзя же в самом деле, говоря

¹ Многозначие автора.

о боевом порядке, не поговорить и о бое! Как поговорить, это другой вопрос.

А что боя в виду тут не имелось, лучше всего показывает последний из приведенных аргументов, что *«нормальный порядок не требует самостоятельности в частных начальниках»*. Приводящие этот резон говорят, что если этой самостоятельности нет, лучше прибегнуть к такой форме, которую можно заучить заблаговременно, и затем уже строить ее, не думая. А можно ли драться не думая? Смеет ли не думать тот, от кого зависит решение вопросов вроде следующего: пожертвовать или нет в данном случае десятком, сотней, тысячью жизней? Если нет, то в мирное время нужно, кажется, хлопотать о том, чтобы несамостоятельным начальникам давать возможно более усиленную практику для размышления, а не стараться изо всех сил избавить их от необходимости размышлять.

И вот что значит человеческая логика: резон, который один достаточен для того, чтобы безвозвратно убить желание какой-либо нормы в разбираемом вопросе, выставляется как аргумент в пользу этой нормы...¹ Невольно иногда пожалеешь, что тактика не обеспечила себя хитрыми формулами от тех людей, которые, не изучив дела, даже не дав себе труда подумать о нем хорошенько, решают его на основании непосредственных впечатлений, которые им кажутся внушениями практического здравого смысла.

Есть еще один резон, который очень любят приводить защитники нормального боевого порядка в оправдание своего стремления подчинить в построениях масс все правилам, заранее всем известным и имеющим характер закона: *«многие опытные генералы в пользу нормальных боевых порядков»*, говорят иные. Действительно, были между боевыми генералами некоторые, также стремившиеся к норме; но происходило это именно оттого, что они сами действовали без нормы и не изведали на себе ее мертвящего влияния, а между тем неудобства отсутствия нормы видели очень хорошо из собственной практики. Но что же не имеет неудобств? И если смотреть на дело со стороны неудобств, то, кажется, нужно взвесить, где их больше, а не указывать в одной системе

¹ Многоточие в тексте.

только на ее неудобства, а в другой только на выгоды. Самый резкий пример подобного стремления к норме, при нынешней тактике, представляет, конечно, генерал Дибич, которому приписывают мысль бывших четырех нормальных порядков; но к чему привели эти порядки, показала практика и, кажется, настолько осязательно, что едва ли в ней можно найти хотя тень оправдания нормы в этом деле.

При том же примеры подобного стремления к норме людей действительно боевых представляют исключения крайне редкие; гораздо более боевых людей, которые говорят таким образом:

*«Невозможно дать точных правил насчет того, как следует располагать свои силы для боя. Это расположение разнообразится в зависимости: от числа и рода войск противника, от их нравственного состояния в минуту действия, от характера войны и местности, нравственных свойств начальников и, наконец, от предполагаемой цели»*¹. Приведенные слова выражают не личное чье-нибудь мнение, а результат взгляда на дело целой блистательной плеяды боевых генералов Наполеона I. Позволяем себе иметь скромную надежду, что защитники нормальных порядков не откажут же этой компании в некоторой боевой опытности...²

Из всего сказанного выводится следующее заключение: *устав не может браться за определение боевых и походных форм совокупности батальонов*, потому, во-первых, что устав дает только нормы, между тем как сказанные формы бесконечно разнообразны и не допускают никаких норм; во-вторых, что для получения толкового исполнения начальник, имеющий дело со многими частями, должен действовать на них приказаниями, а не командой, заранее всем известной; посылая же приказание, лучше прямо человеку сказать, что он должен делать, нежели сначала ему приказать перейти в порядок, приличный для дела.

¹ См. Ordonnance sur le service des armées en campagne, titre XIII: „On ne peut guère fixer des règles précises sur la manière de disposer ses forces. Cette disposition varie en raison du nombre et de l'espèce des troupes opposées de leur état moral au moment où l'on se trouve, de la nature de la guerre, de celle du terrain, de la capacité des chefs, et enfin de l'objet qu'on se propose“.

² Многоточные автора.

Но чтобы это было еще осязательнее, представим пример увлечения нормальной формой самый назидательный потому именно, что норма была сочинена не в кабинете, а взята из практики, и притом такого великого учителя, как Наполеон. У него следующею за баталионом строевою единицею была бригада.

Побригадно атакует он праценские высоты в сражении под Аустерлицем; побригадно же располагается Мармон в сражении под Лейпцигом, и много можно насчитать других подобных примеров, показывающих, что при действии больших сил он считал маневренной единицею бригаду. Строилась она в две линии с резервом в тех случаях, когда нужно было атаковать или противодействовать атаке. Тип этого строя был следующий: два баталиона в первой линии, два баталиона за ними в частном резерве и один или два баталиона в общем резерве. К этому нужно прибавить еще два важные начала наполеоновской тактики: сильный резерв и полное удобство смены и поддержки расстроенных частей соответствующими им частными резервами. Австрийцы подметили и сказанные начала, и бригадный порядок и приняли его за норму расположения в своем линейном ученьи, основанном во всем прочем на началах весьма рациональных, как: *независимость относительного расположения баталионов в бригаде от порядка их номеров, замену команд приказаниями при маневрировании масс, бõльших одного баталиона.* То и другое, как не трудно понять, может служить довольно сильным средством для вызова сообразительности частных начальников; но нормальная форма обратила все это в ничто.

Кампания 1859 года застаёт австрийскую армию в то время, когда она не только изучила, но даже переучила бригадный боевой порядок в две линии с резервом и уверовала в него чуть не как в такой, что стоит его только построить, и неприятель побежит. Вследствие такой веры в превосходство одной формы, расположения австрийцев в ту кампанию представляют все без исключения одну общую характеристическую черту — слабость боевых линий, силу резервов; резервы никогда не употребляются значительными частями, а всегда по-мелочи; не успел баталион пострелять или сделать демонстрацию атаки, как его уже сменяют другим, т. е. дают право думать, что он все сделал, что мог, и что больше от него требо-

вать нельзя. Результат всего этого должен быть и действительно был один: полное поражение при всякой встрече. И не могло быть иначе, ибо, благодаря бригадному строю и силе резервов, случаются, например, подобные расположения: в корпусе пять бригад или 25 батальонов; из них две назначаются в боевые линии, три в резерв; каждая из бригад боевых линий строится по норме — в две линии с резервом. В результате получается, что *из 25 батальонов на непосредственное отстаивание позиции употребляется всего четыре*. А между тем норма, которая повела к подобной нелепости, действительно превосходна: она сама по себе отвечает наибольшему числу случайностей и обставлена при маневрировании самым рациональным образом, благодаря замене команд приказаниями, благодаря тому, что, по австрийскому уставу, всякий батальонный командир есть полный распорядитель боевого порядка своего батальона и приучен не смущаться от того, если, будучи по номеру, например, 4-м, он придется правее 2-го.

Вот к чему ведет норма в расположении; к тому же ведет она и в действии. Действуя по «правилам», нельзя идти в атаку, не подготовив ее предварительно огнем. Генерал Жабо, в сражении при Палестро, в ту же кампанию зашел во фланг сардинской армии, неожиданно для последней; вместо того, чтобы тотчас же ударить в штыки, он, по мирной норме, выкатил батарею и начал «подготавливать» атаку, но, на беду, потревожил своими выстрелами 3-й полк зуавов, стоявший бивуаком в тылу Палестро: зуавы собрались, ударили на австрийцев без всякой подготовки, почти уничтожили бригаду и захватили 5 орудий. Вот разница между войсками, выученными «лучшим» способом расположения и действия, и другими, которые не знают никаких лучших способов, а знают, что в бою всякий хорош на своем месте и в свое время.

Может ли после этого устав брать на себя определение лучших порядков расположения и действия, прошу судить читателя.

V

Если форма боевого порядка не подчиняется уставным определениям, то тем менее им можно подчинять маневрирование боевых порядков. Но это также сделано и также принесло известные плоды: буквальное приме-

нение в совокупности баталионов того, что верно только относительно одного баталиона, и, вследствие этого, полное противоречие боевым условиям.

При нынешней тактике, не допускающей сплошных непрерывных линий — а только интервальные, перерывчатые — части, стоящие в одной линии, почти никогда не могут подать помощи друг другу холодным оружием, ибо слишком далеко стоят одна от другой, да и притом каждая должна заниматься тем, кто находится против нее со стороны неприятеля. Если они не могут дать друг другу штыковой помощи, если каждая из них работает сама по себе, то и без объяснений понятно, что требование от них строгого равнения не оправдывается никаким боевым резонансом. Стоите ли вы в 10, 20 шагах позади или впереди общей линии, вы не лишаетесь возможности оказывать своим соседям ту помощь, которую вы в состоянии оказать издали, т. е. поддерживаете их своим огнем, занимаете неприятельскую часть, против вас расположенную, следовательно мешаете ей накинуться на кого-либо из ваших соседей. Итак, с этой точки равнение бесполезно; а если принять во внимание привычки, внушаемые стремлением к строгому равнению людям и начальникам, то сразу окажется, что приучать к нему совокупность баталионов не только бесполезно, но положительно вредно: позиций, вытянутых в струнку, в природе нет, следовательно, расположения на них всегда будут без «равнения». Кто привык равняться, неизбежно будет стеснен на позиции тем, что выровняться ни *по кому* не может. При атаке помощи справа и слева ждать нельзя, так как в перерывчатых порядках она может притти только сзади; следовательно, части, расположенной в 1-й линии, при атаке опять нечего взглядываться направо и налево, а должно лезть как можно решительнее вперед. Кто привык равняться, тот не посмотрит на дело с этой точки, тот и при атаке будет равняться, и притом *по задним*, а не *по передним*, ибо и в мирное время приучают не к тому, чтобы отставшие догоняли, а к тому, чтобы опередившие приостанавливались. Не правда ли, отличная обстановка для развития порыва, на котором все держится в атаке?..¹ В чем же разгадка этой, так последовательно сложившейся, антибоевой системы ведения боль-

¹ Многозначие автора.

ших учений? Разгадка опять в том, что в эти ученья бес- сознательно перенесли все то, что делается в одном баталионе и там уместно; в том, что эти ученья *обу- ставили*, между тем как их следовало подчинить, и то самой широкой, *тактической инструкции*.

В устав для баталиона введено, и совершенно осно- вательно, равнение по одной из точек, избранных в са- мом фронте баталиона; другими словами: введено, чтобы баталион равнялся или на фланг, или к середине. При- вычка к этому важна в людях, составляющих баталион, если не в боевом, то в образовательном смысле, но все же важна, ибо если известное число людей назначено составлять одну массу, способную *двигаться и действо- вать как один человек*, то всякое средство, приучающее их к тому, должно быть употреблено в дело, в том числе и равнение. Часть, сплоченную в одно целое при помощи этих средств, люди которой приучены держаться в рядах, нетрудно будет тому, кто энергичен и понимает дело, заста- вить в бою равняться не направо или налево, а *по перед- ним*, т. е. по тем, которые при атаке больше рвутся вперед.

Если в баталионе равняются налево и направо, то от- чего же и многим баталионам, поставленным в линию, точно так же не равняться? Устав один, и следовательно нельзя нарушать в четвертой его части того, что предпи- сывается в третьей и в предыдущих. Как видите, вывод совершенно логический, раз допущено, что устав возмо- жен для совокупности баталионов. А какие понятия и привычки вырабатывает система, построенная на этом логическом выводе, показано выше.

Но это еще не все. Перенос баталионного равнения в линейное ученье извратил и понятие о непосредствен- ных подкреплениях боевой линии, обратил их *из частных резервов этой линии во вторую линию*, т. е. в нечто це- лое, почти независимое от первой. В опровержение этого нельзя сослаться на тот параграф, где говорится, что она назначена для поддержки первой линии: этот параграф обращен в ничто и названием «вторая линия», и прави- лами, установленными для ее маневрирования. Слово ни- чего не значит; значит дело, которое за ним скрывается и которое зачастую бывает противоположно слову. А дело заключается вот в чем:

Во-первых, существует начальник 2-й линии, следова- тельно, она считается чем-то самостоятельным.

Во-вторых, в ней назначается равнение по среднему баталиону, следовательно, командиры баталионов 2-й линии смотрят не вперед, не на свой баталион 1-й линии, а направо или налево.

В-третьих, для второй линии назначена дистанция, на которой она должна находиться от первой, пока не получит приказание идти вперед, между тем как в деле эта дистанция определяется расстоянием неприятеля до нашей первой линии и местностью: неприятель близко к моему баталиону 1-й линии, и я должен подвести свой ближе; неприятель далеко, и я могу стоять дальше от 1-й линии, чтобы меньше терпеть от огня. Местность действует точно так же: за одним батальоном первой линии есть закрытие шагах в пятидесяти, и его частный резерв располагается за этим закрытием; за другим батальоном открытая местность, неприятель от него далеко, и частный резерв этого баталиона может держаться от него шагах в 500, 600.

Из этого видно, что в деле и положение противника, и местность рвут так называемую вторую линию в клочки и требуют другой, более разумной, связи *между каждым баталионом первой линии и за ним стоящим во второй*. А если эта связь единственно разумная, то какая-либо норма для дистанций немислима; немисливо также и название «второй линии», а следует заменить его термином «частные резервы боевой линии».

В-четвертых, на мирных ученьях смена делается всею линией, а не побаталионно; по приказанию старшего начальника, а не по усмотрению каждого баталионного командира; следовательно, вторая линия принимается в мирной практике чем-то независимым от первой линии.

Кто смотрит на части второй линии как на частные резервы первой, тот не ограничится коротенькой заметкой, что вторая линия назначается для поддержки первой, а проведет эту мысль последовательно и в расположениях, и в маневрировании; тот не назначит общего начальника второй линии, а подчинит части ее командирам частей первой боевой линии; тот даже на ровной местности не только не потребует равнения от частных резервов, а иному охотнику до равнения, пожалуй, и напомнит, что его внимание должно быть приковано к своему баталиону первой линии, а не к тому, чтобы стоять на одной высоте с частными резервами других баталионов.

Наконец, кто поймет, что в применении к учению совокупности баталионов устав немислим, тот откажетса от исполнений по знаку сабли, которые даже для баталиона в ротных колоннах не приняты; от равнения знамя в знамя, от стремления добиться одной ноги при движении баталионов на тесных интервалах и от многого другого откажетса тот, кто поймет, что в разбираемом деле уставу и уставным средствам нет места. Дай бог, чтобы этого пришлось ждать по возможности менее долго. Скоро это не сделается, но сделаться должно. Одного только нужно желать: чтобы этого добиться теоретическим путем в мирное время, а не практическим, т. е. не при помощи нравочений вроде того, какое было прописано австрийцам в 1859 году.

Слова нет, подобная система труднее для начальников, требует размышления, а не заучивания, подвергает ответственности за распоряжение (а этого мы страх как не любим), ибо лишает возможности прикрыться буквой устава; но на все эти неудобства мы ответим словами великого Суворова: *«тяжело в учении — легко в походе; легко в учении — тяжело в походе»*. Подчиняться инстинкту самосохранения до того, чтобы из-за удовлетворения ему портить и себя, и других для боя — дело некрасивое: и потому, что в бою за это беспощадно бьют, и потому, что это напоминает учителя и ученика, условившихся заблаговременно в том, какую страничку первый спросит у второго на экзамене. Всякий нормальный порядок представляет именно такую страничку, задолбленную из целой огромной книги, книги дела, которую нельзя заучить, а должно уразуметь.

Смеем желать, чтобы наш слабый голос не остался гласом воиющего в пустыне; чтобы заметки, здесь высказанные, нашли отголосок в рядах офицеров нашей доблестной армии. Тогда, и только тогда, можно малопомалу отделаться от рутины, глубоко засевшей в большинстве сознаний и, к несчастью, безраздельно в них царящей, на зло существу дела, на бесполезную гибель тысяч людей...¹ Уже давно сказано, что *войска нужно учить в мирное время только тому, что должны они делать в военное*: ибо там они могут делать только то, что знают и что привыкли делать. Этой истины не при-

¹ Многоточие автора.

дет в голову оспаривать тем, которые приглядывались к натуре человека и знают, что привычка имеет на него безусловное и неотразимое влияние. Употребим же все усилия к тому, чтобы привычки наших солдат и офицеров соответствовали духу военных и боевых условий, а не шли им вразрез. Употребим все усилия к обузданию в себе стремления к уставному однообразию в том, что бесконечно разнообразно при боевой обстановке; будем хлопотать не об уничтожении личной умственной деятельности начальников, а о том, чтобы вызвать самое полное проявление ее.

ПРЕДИСЛОВИЕ К УЧЕБНИКУ ТАКТИКИ

В предлагаемом учебнике имелось в виду свести в объеме, по возможности сжато, все то, что нужно знать строевому офицеру в наше время по тактике. На сколько эта цель достигнута, судить не мне. Считаю только необходимым разъяснить причину видимой несообразности между первой и второй частями учебника.

Есть, как известно, два взгляда на предмет тактики: по первому она должна представлять свод правил для действия войск, считая эти последние данной известной и удовлетворяющей условиям, требуемым для войны и боя; по второму тактика может дать только исследование боевых свойств войск и местности, а о применении их к достижению известной цели, если и говорить, то для большего разъяснения только тех же свойств, но не более. Придерживаясь, вместе с большинством современных теоретиков, последнего взгляда, я логически был приведен к необходимости развить отдел свойств преимущественно перед прикладным, изустные ответы из коего, как убедил меня опыт, вовсе не служат ручательством того, что человек, хорошо, например, рассказывающий, как должна действовать пехота, сумеет удовлетворительно решить по этому вопросу самую несложную задачу.

Весьма существенная разница между поставленными выше двумя точками зрения на тактику будет яснее из примера. Артиллерийский огонь достигает наибольшей действительности на расстояниях 1000—500 сажен; это свойство современной артиллерии — неизменное и постоянное; данная положительная. Вывод из него, подсказываемый непродуманным, первичным впечатлением, тот, что в бою артиллерия не должна подъезжать к не-

приятелю ближе наибольшей действительности своего огня; и такой вывод, с первой точки зрения на тактику, был бы уместен, особенно при оговорке, что, впрочем, могут быть случаи, когда нужно подъезжать и ближе наибольшей действительности. Но, введя эту последнюю поправку, что же мы собственно сказали? не более, не менее, как общее место, смысл которого тот, что могут быть случаи, когда не следует подъезжать ближе наибольшей действительности; а бывают случаи, когда следует подъезжать ближе этой действительности. И выходит, что все тут дело не в том, чтобы это уметь переговорить с чужого голоса, а в том, чтобы знать, когда следует сделать одно, когда другое. Обилие рассуждений подобного рода в прежних тактиках и было причиною, что знание свойств отошло на задний план; а многие приходили даже к тому убеждению, будто тактика есть не более, как неудобоваримая болтовня.

При второй точке зрения на тактику изучение свойств войск и местности выступает на первый план, а рассуждения о том, как применить их к делу, — на второй. Всякий преподаватель должен постоянно оттенять эту существенную разницу между исследованием свойств и описанием их применения. В изложении первых следует требовать знания твердого и положительного; к изустному же изложению вторых должно относиться снисходительно. Еще лучше вести преподавание так, чтобы, объяснив известное свойство, выводов из него требовать от самих обучаемых: только этим путем можно вызвать их мысль к самостоятельности. Не нужно думать, чтобы это было дело трудное: при малейшем внимании из всякого свойства возникает много вопросов¹, решение которых в положительную и отрицательную сторону будит мысль обучаемого, осваивает его с самостоятельным отношением к предмету и освобождает от слабости, которой человек так подвержен, успокаиваться на каком-нибудь частном выводе, принимая его за общий на все случаи.

¹ Примеры подобных вопросов приведены в некоторых местах курса. Но для образчика вот еще несколько: часовая скорость движения пехотинца — 4 версты; суточная 20—25. Вопросы: 1) Когда эта скорость будет меньше? 2) Когда ее можно увеличить? Как увеличить: а) на малые расстояния; б) на большие (т. е. суточную)? 3) Как облегчить солдата при необходимости увеличить скорость? При атаке в штыки положено бросаться с криком «ура». Когда не только не полезно, но вредно кричать «ура»? и т. п.

Дело в том, что язык разговорный, к сожалению, лишен той особенности, которая в высокой степени свойственна, например, языку математическому, дающему возможность в одной формуле сосредоточивать положительные и отрицательные решения, да вдобавок между такими иногда пределами, к $\pm \infty$. Это часто забывают: и словесный вывод, сделанный из известных данных и при известной обстановке, пускают гулять по свету как безусловный, т. е. верный при всякой обстановке. Быть настороже против подобной односторонности нужно во всем и всегда; тем более, что всякий односторонний вывод заманчив, ибо всегда бывает весьма нагляден. Можно указать на целые эпохи, служившие подобным односторонним мнениям и, разумеется, приводившие к катастрофам. Дело преподавателя, преданного своему делу, вооружить слушателей спасительною осторожностью против безусловных выводов: их нужно приучить задаваться относительно самого даже общего теоретического положения вопросом: а не может ли быть случая, когда положение, прямо ему противоположное, будет верно?

Рядом с рациональной постановкой теоретического преподавания тактики необходимо позаботиться и о том, чтобы обучающиеся получили реальное представление о войсках, военных сооружениях и учреждениях. Ни описание, ни чертеж этой цели не достигают, а нужно видеть самые предметы. В деле практическом действительно понимается только то, что приходит в сознание через глаз; и если нет возможности вполне строго осуществить в преподавании тактики педагогическое начало «давать всегда прежде предмет, а потом его знак», то по крайней мере не должно забывать показывать предмет хоть после того, как усвоен знак. Всякий без труда согласится, что человек, видевший хотя одно эскадронное учение, будет иметь о коннице гораздо более ясное представление, нежели другой, основательно изучивший по книгам тактику конницы и в жизнь не видевший никакой конной части. Заведывающим обучением будущих офицеров это постоянно нужно иметь в виду и не упускать ни одного случая показать им прочие роды оружия, фортификационные сооружения и обоз различного рода.

Невольно рождается сомнение, что при таком взгляде на теорию военного искусства, повидимому, и места нет прикладному отделу. Есть и большое; только путь изу-

чения его иной, нежели путь изучения свойств военных элементов. Это путь задач в поле и на планах; путь ознакомления с тем, как мастера дела достигали военных целей при различной обстановке, т. е. изучение истории войн. Второй путь не всем, к сожалению, доступен¹, но первый открыт теперь всем: не говоря о существующих уже сборниках задач, готовится и в непродолжительном времени выйдет задачник, составляющий приложение к этому курсу. Военный, давший себе труд проделать не все, но хоть по несколько задач из каждого отдела задачника, значительно подвинется в знакомстве с прикладною тактикою.

При решении задач не должно никогда упускать двойной цели: первая определяется содержанием решения задачи; это дело ума; вторая — манерою ведения занятий, которая действует на волю обучаемых. Должно вести занятия так, чтобы не подрывать у занимающихся веры в себя. Если этого нет, наилучший руководитель не только не поможет, но напортит; что толку в том, если он научит, как располагаться для боя, для отдыха, как принимать сторожевые меры, и в то же время задерживает, запугивает человека? Правда, он ему ум несколько подготовил, а волю подорвал. Но у запуганного человека и ум, как бы он ни был развит, плохо действует. В нашем деле подобная наука хуже невежества: потому хуже, что успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только легчайший путь к успеху.

В людях, назначаемых для такого дела, в котором так называемое благоразумие есть зачастую не более, как малодушие, а безумная, повидимому, решимость является самым разумным и осторожным поступком, воспитание характера, воли должно быть поставлено выше всего и прежде всего. И потому при разборе задач не торопиться разносить, если решение не пришлось вам по вкусу; а лучше прослушать внимательнее доводы, на основании которых оно принято. И если после таких объяснений окажется, что в принятом решении нет ничего противоречащего свойствам войск и отстаивается оно с убеждением и знанием дела, предлагать поправки не как исправление ошибки, но только как другой способ решения.

¹ Хотя при доброй воле и этот путь не закрыт.

Только равнодушие к делу, грубое невнимание к свойствам войск, наконец, хлыщеватое поползновение спорить только из-за удовольствия поспорить, делают разнос вполне законным и оправдываемым. Руководитель должен вооружиться терпением, самоотвержением и уважением к чужим мнениям; он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится в руководителя.

Задачи, начинаясь на плане, должны кончаться в поле; эти последние — составляют венец дела. Кто плохо решает задачи на плане, но находчив в поле, тот вполне годится для дела; кто, напротив, решает их хорошо на плане, а в поле теряется, — никуда не годится. Коренной недостаток задач на планах тот, что при них приходится говорить о том, что в поле приходится делать. Всякий руководитель должен помнить эту особенность занятий на планах и остерегаться придавать им значение, большее того, какое им принадлежит, как приему чисто подготовительному.

Как при задачах на плане, так и тем более в поле, руководитель должен поставить себе за правило: 1) *сначала показать самому, как что делается*; только после этого он может ожидать толкового исполнения показанного; 2) *не давать известного тактического действия разом*, а непременно разложить его на составные части и каждую показать отдельно, так сказать, *по приемам*. Оба эти начала и в настоящее время прилагаются, как известно, в занятиях войск; но прилагаются, к сожалению, не до конца; а в конце-то приложение их и важно. Нужно в тактической выработке войск поступать точно так же, как поступаем в строевой выработке. Никому в голову не придет потребовать, например, правильной стойки, прикладки, спуска курка и тому подобное, не показавши предварительно на себе, как это делается¹; и в то же время мы нисколько не затрудняемся потребовать прямо, без предварительного показа, вещей несравненно более трудных и сложных, как: прикрытие артиллерии, толко-

¹ А толковый учитель иногда нарочно даже ошибается, например, свалит прицел и потребует, чтобы ученик его поправил, дабы убедиться, понимает ли он дело. Вообще должно заметить, что путь намеренных ошибок представляет действительнейшее средство к утверждению в деле обучаемых.

вое вождение разъездов в различных случаях, содействие конницы пехоте и обратно и тому подобное. С полным убеждением говорим, что до тех пор, пока тактика не будет показываема войскам в поле по приемам, рассчитывать на толковое исполнение тактических комбинаций, т. е. маневрирования, нельзя. Только этим путем тактическое образование может быть обращено войскам в метод, в рутину.

Нельзя скрыть от себя того, что усвоению такого пути в деле тактического образования личное самолюбие и опасение за свой авторитет в руководителях полагают препоны довольно существенные: критиковать всегда легче, чем сделать. И оттого стремление к идеалам на слове и зачастую полное бессилие на деле...¹ Руководитель не должен бояться и сам учиться, а следовательно и ошибаться; тогда и руководимые не будут бояться ошибок; должен искренно сознавать свои ошибки; тогда и руководимые будут поступать так же. И, говорим по опыту, *ничто более не утверждает авторитета руководителя, как подобное отношение к делу.*

При массе обучаемых, занятия на планных досках² всегда предпочтительнее занятий на планах.

Независимо преподавания теории, обучающий должен стараться расположить слушателей к тому, чтобы они сами выдерживали свою мысль в сфере боевых и военных положений, *а особенно в готовности на смерть.* Никакого труда не стоит, идя или едучи куда-либо, задаваться по дороге вопросами: как бы я расположился для обороны этого оврага, высоты, деревни, роши, моста? Как бы я их атаковал?³ К каким бы работам прибегнул для усиления позиции? Если неприятель появится с фронта, с тыла, с фланга, что сделаю? Приучить свою мысль к готовности на смерть составляет условие капитальной важности в военном воспитании; в бою только тот бьет, кто не боится погибнуть; для человека, воспитавшего себя таким образом, нет неожиданностей: ибо более того,

¹ Многоточие автора.

² Обыкновенные черные доски, на которых масляными красками изображается план какой-либо местности. В настоящее время приготавлиются в Виленском и Казанском юнкерских училищах. Приготовление их может быть легко заведено везде.

³ Веллингтон наметил Ватерлооскую позицию за год до того, как ему пришлось на ней обороняться, разумеется, и не предполагая, что она ему понадобится, а по привычке.

на что он сам себя обрек, неприятель ничего с ним сделать не может. И только при этом условии выручка своих в бою обращается для человека в высший непререкаемый военный догмат, а дерзость и упорство в достижении цели станут делом естественным.

В учебнике принято два шрифта, дабы отличить более обязательное при изучении от менее обязательного. Есть места, изложенные и крупным шрифтом, которые так же важно знать, как трудно их изустно излагать. Таков, например, весь отдел об одиночном воспитании и образовании. И потому нам кажется, что в этом отделе преподавателю не следует скупиться на разъяснения, а на репетициях должно требовать основательного знания; но на экзамене ограничиваться основными только положениями.

Думаем так потому, что понимать этот отдел может всякий; но излагать толково может только человек, занимавшийся на практике делом воспитания и образования и крепко вдумавшийся в него. Есть сверх того места, в высшей степени важные, которые должно стараться укоренить в сознании, как военный догмат; но которые в устах отвечающего были бы неуместны, ибо их нужно уметь высказать с духом, или лучше совсем не говорить; проникнуться же ими всякий может и должен. Руководители занятий сами без труда отменят подобные места и предостерегут учащихся от включения их при ответах.

За исключением чертежей, представляющих уставные строи, и тех, к коим приложен масштаб, все остальные должно принимать как схемы только; для выигрыша места, приходилось сближать части (как, например, в боевых порядках батальона); но, предупредив об этом учащихся, следует при ответах требовать от них соразмерного черчения, особенно относительно дистанций в глубину.

Дабы дать желающим хотя сколько-нибудь реальное представление о том, что такое тыл армии в наше время, в конце приложения схематические таблицы снабжений разного рода. Мысль приложить подобные таблицы к учебнику принадлежит ген. *Демьяненко*ву, а осуществление ее полковн. *Газенкампу*ву, которым приношу глубокую благодарность за эту помощь, равно как ген.

Нарбуту, без содействия коего этот курс или вовсе не появился бы, или появился бы значительно позже, и ш.-к. *Шимановскому*, помогшему мне в составлении артиллерийского отдела.

В заключение не могу не упомянуть и о тех, уже умерших людях, которым принадлежат отправные точки и дух подлежащего учебника; это барон *Н. В. Медем* и *А. П. Карцов*. Барон *Медем* первый провел у нас ту мысль, что теория военного искусства должна иметь целью исследование свойств военных элементов, а не постановку правил для применения их. *А. П. Карцов*, наш непосредственный учитель, оставил в своих слушателях глубокое впечатление вдохновенными импровизациями о значении нравственного элемента на войне. Ни прежде, ни после мне не приводилось слышать на эту тему ничего, даже близкого по убедительности и силе. Мне принадлежит только посильное разрешение вывода, логически вытекающего из этих посылок и заключающегося в том, что *если теория военного искусства должна иметь целью исследование свойств военных элементов, если важнейшее из этих свойств есть нравственная энергия человека, то как нужно поступать, чтобы эту энергию не только не подорвать, но, напротив, развить и укрепить?* Этот вопрос вызвал и сродные ему — относительно ума человека и его физики; ибо, имея дело с человеком, нужно брать его целиком, как он есть, а не создавать себе человека гипотетического, т. е. представляющего только одну волю¹, или один ум², или, наконец, одну физику³.

Разрешению этих вопросов пришли на помощь: марш. *Мориц Саксонский* со своим великим афоризмом, что на войне человек делает только то, что привык делать в мирное время; *Суворов* со своей гениальной системой воспитания и образования войск; *Бюжо* и *де-Брак* со своими глубоко верными, практическими замечками. Таким путем мало-помалу возник отдел воспитания и образования войск в мирное время, который до того не находил места

¹ Как у большинства военных практиков, даже самых выдающихся (*Наполеон*, *Фридрих*), терявших к концу деятельности способность считаться с препятствиями.

² Как у большинства военных теоретиков.

³ Как бывает иногда при мирных увлечениях.

в тактике. Из сказанного видно, что этот отдел не представляет собственно ничего нового, кроме незначительных в сущности добавков, обусловленных усовершенствованием огнестрельного оружия.

Могут заметить: да неужели же прежде оставляли без внимания труды таких людей, как марш. Саксонский, Суворов, Бюжо, которые показали делом, что они умели и водить войска в бой, не только готовить их? Конечно, обращали, но, вероятно, не считали эти труды годными для тактики, занятой тем, как следует употреблять войска в бою, а не тем, как их должно готовить для боя. В этом и заключается, по нашему мнению, вся рациональность и плодотворность точки зрения бар. Медема, что она располагает обращать внимание на положительную, а не на творческую сторону военного дела, которая, как всегда и во всем, дело живой личности, а не теории. Нужно уметь, если позволено будет так выразиться, отточить и закалить орудия, которыми достигается известная цель; нужно ознакомиться основательно с их свойствами; а как и когда употребить каждое из них — дело употребляющего, а не теории.

С глубокою благодарностью приму все замечания на недостатки курса и с готовностью буду отвечать на все недоразумения по оному. А в ожидании тех и других должен предупредить об одной довольно существенной недомолвке: в вооружении пехоты сказано, что прицелы у нас приняты до 1500 шагов; а в разборе свойств огня говорится, что можно иногда стрелять и на расстояния до 3000 шагов. Для этой последней стрельбы предполагается ввести или *приставные*, или *боковые* прицелы. Первые, в случае надобности, насаживаются на постоянный прицел и снимаются по миновании надобности; вторые приспособляются к ложе со стороны, которая при прикладке смотрит вправо. Эти последние представляют то преимущество, что не составляют отдельной части, которая в бою легко теряется, и, кроме того, позволяют прицеливаться, упирая приклад в плечо, что при приставных невозможно. Образец бокового прицела предложен у нас генералом Фроловым.

15 июня 1879 г.

М. Драгомиров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение этого учебника долгом считаю сказать несколько слов о том, как должно смотреть на изложенные в нем советы и на исследование свойств войск. Свойства войск — данная довольно постоянная, — и чем основательнее с нею познакомиться, тем лучше. Но на тактические советы должно смотреть как и на все советы вообще: их следует *слушать*, но в поступках *слушаться* только собственного здравого смысла. Нет ни одного самого здравого совета, который при известных обстоятельствах не обращался бы в самый бестолковый: поэтому-то прежде всего следует надеяться не на какую-либо книжку, а на собственную голову, которой не может заменить никакая книжка в военном деле, не допускающем постоянных правил, ибо на всякий новый случай самому приходится создавать новое правило тут же, на месте, мгновенно. Вот причина, по которой необходимо самостоятельно относиться к преподанным здесь советам; почему я не нахожу лучшего окончания этому курсу, как великое слово Тюренна, заканчивавшее все его наставления своим подчиненным: *outré ça, messieurs; je vous recommande le bon sens*, т. е. «сверх всего этого, господа, я вам советую руководствоваться собственным здравым смыслом». Как бы совет ни был хорош, он никогда не в состоянии обнять и предвидеть тех случайностей, которые могут возникнуть в минуту действия и которые для достижения указанной цели требуют иногда поведения, прямо противоположного тому, которое сообразно совету.

Собственно говоря, все излагаемое в тактике, за исключением исследования свойств войск, имеет в виду не столько преподание положительных правил для действия, сколько вызов на размышления об этом предмете. Лучше читает не тот, кто усердно запоминает прочтенное, а тот, который при каждом прочитанном совете задает себе вопрос: «а не может ли быть обстоятельств, при которых поведение, прямо противоположное совету, будет наилучшее?» В некоторых местах учебника для примера сделан уже этот переход к обратному.

Только при таком взгляде в тактической теории на все то, что не касается собственно свойств войск, можно выработать в себе способность переходить от принятой ре-

шимости к прямо противоположной, если того обстоятельства потребуют.

Какие же это обстоятельства? Их бесчисленное множество; укажу на главнейшие: противник нерешительный вызовет вас на беззаветную дерзость; решительный, напротив, заставит действовать осмотрительнее, хотя и решительно; если в вашем собственном уме преобладает хитрость, вы примете совершенно не те меры, на которые в том же самом положении решится человек, одаренный преобладанием отваги над хитростью; войска ваши ободрены удачей — вы действуете так; упали духом — действуете иначе.

Наконец, неуловимое для теории разнообразие местности и обстоятельств минуты опять ведет к неминуемым изменениям решимости в данном случае.

Из этого можно видеть, что тут требуется не только полное отсутствие рабства перед советами теории, но еще и такая гибкость ума и воли, которые не требуются ни одной человеческой деятельностью, кроме военной.

Итак, господа, имейте прежде всего в виду здравый смысл; будьте внимательны к приметам; берегите и уважайте солдата, но не балуйте его и постоянно держите в руках; будьте внимательны к малейшим его потребностям, даже предрассудкам, но рукою закона карайте беспощадно за отступления от военных обязанностей; решайтесь быстро, без колебаний; действуйте так, чтобы для вас не было середины между гибелью и победой; не допускайте мысли о возможности поражения в самых отчаянных положениях — и смело можете быть уверены в том, что выйдете с честью из встречи с любой армией.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ, ВЫЗВАННЫХ ПОСЛЕДНИМИ ДВУМЯ КАМПАНИЯМИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория должна указать возможно лучшее; практика достигает возможного.

... Односторонние увлечения большинства современных писателей происходят от невнимания ко всем свойствам главного орудия на войне — человека и от преклонения, вследствие того, перед тем из них, которое в данную минуту почему-либо резче бросается в глаза¹. Так как подобные идолы минуты могут меняться, то сообразно этому и мнения писателей, забывающих всего человека, отличаются непостоянством и шаткостью: сегодня штык и глубокий строй — все, огонь ничего; завтра огонь и тонкий строй — все, штык ничего. Бывали даже и такие, которые пробовали поклоняться лопате, ставя ее наряду с оружием. И очень, очень редко прокинется автор, который вспомнит человека и, вспомнив его, скажет, что всякий идол минуты есть только часть дела, а не все дело; что нужно не что-нибудь одно, а и огонь, и штык, и лопата, и все строи, нужные в бою и вне оною; что остановиться на чем-нибудь одном, значит, затянуться в односторонность, за которую рано или поздно, но непременно, бьют. И замечательно то, что от подобных увлечений не всегда бывают свободны даже люди, весьма талантливые и не по одним верхам знающие теорию военного дела: пример Б., который от признания ее начал

¹ Иногда даже преклонялись не перед основным каким-либо свойством, а перед его производным. Какие свойства человека мы признаем основными в военном деле, будет показано ниже.

в виде формулы переходить к незаведомому для себя отрицанию их, когда речь пойдет об идоле настоящей минуты, т. е. об огнестрельном оружии и о явлениях, им вызванных в минувшую войну. Пример поучительный тем в особенности, что показывает, как логика оставляет тех, которые, принимаясь рассуждать о военном деле, забывают о человеке. Он показывает еще и другое: именно то, что можно понимать формулу начала, как фразу, и не быть в состоянии применить его к факту; что человеку мало убедиться в истине какого-либо начала логическим путем, а необходимо еще свыжнуться с этим началом, дабы получить способность открывать его в фактах, не подчиняясь случайностям их внешнего выражения, т. е. не принимая этих случайностей за нечто постоянное и существенное. Одним словом, начало становится убеждением, т. е. руководной нитью в действиях и суждениях только тогда, когда оно срастается с человеком, *обращается для него из факта логического в физиологический*. Это объясняет и устойчивость застарелой рутины, которую так трудно бывает побороть; и непоследовательности тех, которые, став одною ногою на новую дорогу, во что бы то ни стало усиливаются остаться другою на старой. Это же показывает, что мало доказать логически истину какого-нибудь начала, а нужно еще, так сказать, втирать его в сознание, повторяя, развивая, переворачивая его на все лады, пока оно не водворится на месте того, что должно вытеснить. Да и то не всегда удается добиться понимания: иногда не только потому, что старое слишком вросло в сознание, но и потому еще, что самая специальность, которой предался человек, мешает зачастую пониманию, укоренив в нем свое начало: порядка низшего и подчиненного, но до такой степени овладевающее сознанием, что в нем не остается места ни для чего другого. Пример — Пленнис, дошедший до признания за истину той несообразности, будто технические усовершенствования более надежны, нежели все другие элементы победы, зависящие собственно от сил человека или от состояния его духа.

Эти увлечения прямо указывают на необходимость при всяком теоретическом исследовании постоянно иметь в виду психические основания военного дела, коренящиеся в свойствах человека.

Попытаемся же определить их.

Внутреннюю основу военного дела составляет начало товарищества, так как оно основа и воинского организма. *«Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают»* — вот первая воинская заповедь. В ней корень долга и самоотвержения, не вынужденных, но от сердца идущих; в сознании ее единственный залог того, чтобы войско было *одним* телом, имело *одну* душу. Это значение товарищества сознавалось всегда, что доказывают самые наименования частей *compagnie* (товарищество), *дружина* и т. п.; доказывает также великое значение, придаваемое товариществу там, где внешняя опасность постоянна.

Начало товарищества есть сила составная из двух сил, равно присущих человеку, хотя между собою и противоположных: *самоотвержения и самосохранения*. Это видно даже из самого определения товарищества, первая половина которого требует самоотвержения («не думай о себе, думай о товарищах»), а вторая оправдывает эту жертву, показывая, что в ней заключается удовлетворение и личному инстинкту самосохранения («товарищи о тебе подумают»).

Первая составная, т. е. самоотвержение, давая человеку силу приносить себя в жертву даже до смерти, в применении к делу борьбы с врагом вызывает понятие о взаимной выручке, как о святейшем законе, вызывает решимость между победой и гибелью не признавать середины, т. е. производить дерзость и упорство в достижении целей: человеку, проникнутому желанием «положить душу свою за други своя», нечего быть нерешительным, нечего унывать в самых отчаянных положениях — ведь хуже того, на что он сам себя обрек, неприятель ничего ему сделать не может. Но то же самоотвержение, в крайнем своем выражении, приводит и к безумным жертвам, к бесплодной гибели: давая человеку силу стремиться на опасность, оно отучает его взвешивать не только меру опасности, но даже задаваться вопросом о том, как легче ее преодолеть. Одним словом, самоотвержение, будучи представителем нравственной энергии, Воли, в последнем своем выражении исключает хитрость, сноровку, т. е. ум. Материальный представитель высшего выражения Воли — штык.

Вторая составная — инстинкт самосохранения, производящий эгоистическую заботу о себе, стремление выйти

поскорее из борьбы, преувеличение опасности, впечатлительность к неожиданностям. Понятно, куда стремится эта сила, сама по себе, в конечном выражении; но в сочетании с первой она вызывает заботу о том, чтобы дело борьбы облегчить для себя, затруднить для противника при помощи искусства и различных материальных приспособлений; вызывает, одним словом, деятельность ума. Самоотвержение презирает опасность, самосохранение преувеличивает ее: при взаимодействии этих сил получается в результате оценка ее в меру действительную и стремление приюхать средства к преодолению ее с возможно меньшими для себя усилиями и потерями. Материальный представитель этой составной — огнестрельное оружие.

Кажется излишне доказывать, что ни одна из этих сил исключена быть не может, ибо другая не представляет всех условий для победы над врагом; все дело заключается в стройном, гармоническом их сочетании: как в обучении войск, так в действии их, так, наконец, в исследовании явлений войны и боя. Это тоже равновесие воли и ума, — только в другом выражении, — которое Наполеон признает высшим даром в полководце. Припомним, что он же предпочитает, если сказанного равновесия нет, перевес воли над умом обратному. И если это предпочтительно даже в полководце, то и говорить нечего, что безусловно желательно на всех средних и особенно низших степенях воинского товарищества. Самоотвержение и потому должно иметь верх, что оно не имеет другой цели, кроме указанной к достижению; между тем как у самосохранения есть своя собственная цель — избавиться от опасности.

Но так как исследователи военных вопросов большею частью дают свои выводы без внимания к этим основным силам и к невозможности исключения которой-либо из них, то и получается обыкновенно односторонняя апология или чисто в пользу самопожертвований, или чисто в пользу самосохранения. Первое увлечение свойственно, в большинстве случаев, натурам энергическим, видевшим часто бой лицом к лицу и не раз испытывавшим сверхъестественную мощь Воли. Они знают, как благодаря энергическому проявлению Воли целые тысячи сдавались в плен свите с небольшим конвоем (1796); они знают, как 20-ти тысячные армии разбивали 70-ти тысячные

(Лейтен 1763); они знают, наконец, как целые десятки тысяч проходили по таким тропинкам и в такое время года, по которым в то время года не отваживаются проходить одиночные охотники (Суворов 1799), — и они преклоняются перед непостижимым, обаятельным величием этой силы... Гениальнейшие полководцы к концу своей деятельности поддавались увлечению ею, доходя иногда до полного игнорирования препятствий, по существу неодолимых; факты: атака Суворовым С.-Готарда¹, поход 1812 года, последняя атака под Ватерлоо Наполеона; страшное упорство, не сдававшееся на самые очевидные доводы, Фридриха и того же Наполеона к концу их карьеры. Да и как им было не увлечься? Ведь им столько раз случалось одолевать казавшееся невозможным силою Воли, что прощательно было притти к убеждению, что для этой силы нет и не может быть невозможного, кроме силы воли еще превосходнейшей. А таковой они, конечно, ни в ком из противников признавать не могли, ибо с их стороны это значило бы потерять веру в самих себя.

Увлечения в области инстинкта самосохранения свойственны таким исследователям, которые не видят² далее того, что показывает им материальный глаз, и которые поэтому неспособны сосредоточиться мыслью на том, что происходит в сердце человека под пулями, гранатами и на дистанции штыка. Выводы их бывают весьма осязательны, — столь же осязательны, сколько и односторонни; например: стрельба неприятеля смертоносна, следовательно, атаковать его с фронта нельзя, а нужно охватить; если же нельзя охватить, то нельзя и надеяться на успех атаки с фронта. Люди беспокойно стоят под огнем и даже самопроизвольно бросаются вперед и рассыпаются, дабы в трескотне найти развлечение от гнетущего их чувства опасности, — явление не новое, давно известное и объясняемое недостатком самообладания в людях. Но исследователям второй категории кажется, что это так и быть должно, и что это составляет характеристическую черту современного боя. И получается таким образом, незаведомо для самих авторов, оправдание инстинкта самосохранения за теми пределами, вне которых проявлениям его присвоено другое наименование.

¹ Не выждавшим влияния обходных колонн, им же направленных.

² Или если и видят, то не ясно.

Принимая за доказанное, что нельзя упускать из виду ни самоотвержения, ни самосохранения, выводим, что руководящая мысль воспитания и образования может быть выражена так: *способствовать развитию самоотвержения и его производных всем строем воспитания и образования, не исключая однако ж и самосохранения в тех его проявлениях, которые (как применение к местности, хорошее фехтование и стрельба, разные средства создания неприятелю препятствий) способствуют легчайшему достижению цели в бою.* Затем все должно быть устремлено на пригнетение вредных проявлений этой последней силы в бою, как: преувеличение опасности, впечатлительность к неожиданностям, быстро наступающее за началом боя уныние, недоверие к своим силам и т. под. Это дух обучения¹; объем же его определяется аксиомой: «что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение», выводимой из закона силы привычки над человеком, влияние коей в особенности могущественно в те минуты, когда человек находится в беспокойном состоянии духа.

Установив эту точку зрения, посмотрим, каких дополнений и изменений следует желать теперь в воспитании и образовании войск.

Представляется, во-первых, вопрос: *какие существенные изменения в свойствах вооруженной силы побуждают желать изменений в ее обучении?*

Первое и менее существенное изменение, хотя оно сильнее бросается в глаза, заключается в распространении усовершенствованного огнестрельного оружия. Признаем его менее существенным потому, что непосредственное влияние изменения оружия заключается только в изменении приемов обучения действию этим оружием, в изменении строев и в том, что бой начинается с более дальнего, чем прежде, расстояния.

Второе — *первостепенной важности* — короткие сроки службы. То сцепление, которое достигалось прежде само собою, путем механической долгодетней свички, теперь должно составить предмет воспитания и потребует усиленной, непрерывной и строго последовательной работы. Набрать людей, конечно, легко, но нужно, чтобы они срос-

¹ Под обучением будем разуметь всю систему как воспитания, так и образования.

лись в органические тела; так как при коротких сроках службы эта задача чисто механическим путем разрешена быть не может, то возникает необходимость прибегнуть для этого, при воспитательной работе, еще к содействию тех личных внутренних инстинктов человека, которые по настоящее время оставались в полном небрежении и гибли бесполезно для дела.

Не подлежит сомнению тот факт, что современные войска страдают недостатком внутреннего сцепления и самообладания под огнем. Мы это считаем именно «недостатком», а не характеристическою и естественною чертою современного боя, в силу того соображения, что и сами односторонние приверженцы огнестрельного оружия признают, что потери теперь не больше как и в сражениях наполеоновской эпохи: следовательно, и эти приверженцы должны признать, что солдат подчиняется не действительности оружия, а оптическому и акустическому его эффекту. Каким же путем достигнуть сцепления и самообладания? До сих пор считали, что лучшее для этого средство составляют упражнения в сомкнутом строе. *Последние кампании показали, что оно недостаточно; что сомкнутый строй дал уже в этом отношении все, что мог, и более дать не в состоянии.* Будучи средством чисто механическим, сомкнутый строй мог иметь воспитательное значение только тогда, когда ему на помощь приходила сила привычки, т. е. когда солдат оставался в рядах 10, 15 и более лет. Теперь этого более нет; сомкнутый строй из главного средства обратился во вспомогательное: солдат должен сохранять сомкнутый строй потому, что имеет внутреннее к этому расположение, владеет собой и приучен подчиняться начальнику; а не потому подчиняется начальнику, что стоит в сомкнутом строе.

Как же воспитать в солдате подобное подчинение? Средство одно: обратиться к его внутреннему миру и в нем искать точек опоры для подчинения и для органического сцепления между людьми, составляющими часть.

Для достижения этой цели первое средство укоренить между людьми знание обязанностей внутренней и гарнизонной службы; второе — составление строя и нравственная закалка людей.

Укоренение знания обязанностей внутренней и гарнизонной службы. — Об этом столько уже говорилось, что и повторять неловко. Нужно хлопотать о сознательном

усвоении обязанностей внутренней службы, ибо они теперь известны не вполне; да если и известны, то случайно, по рутине, не все и не всем. Нужно подумать, наконец, о том, чтобы существенные обязанности гарнизонной службы стали на первый план, а формалистика ее на второй.

Составление строя. Если товарищество есть основная сила воинского организма, то прежде всего следует подумать о том, чтобы не только не препятствовать его укоренению, но всеми мерами тому способствовать: как между людьми одной части, так и между частями. На этом основании ранжир внутренний или нравственный в роте, эскадроне, батарее должен быть предпочтен внешнему: ни малейшей разницы между расположением в строю и дома; рядом строятся и живут дружные между собою, а не близкие по одному только росту люди¹. Звено, десяток — не номинальные только, а действительные организмы, из которых слагаются организмы высшие; начальники их ответственны в строю и вне его; избираются в должности по характеру, знанию дела и по мере уважения, снисканного у товарищей и начальников; состав частей изменяется, по возможности, реже; мелких переводов никаких — ни для уравнивания рядов, ни по другим причинам внешнего свойства. Одним словом, признать, наконец, что войско должно быть органически срастающейся, а не механически сплавиваемой массой, и к участию в этом великом акте срастания призвать те внутренние симпатические инстинкты человеческой природы, которые теперь не обращают ничьего внимания и погибают бесплодно. При таком составе строя внутреннее сцепление будет даже в новонабранной массе; а чувство товарищества не может не дать всех своих плодов; драться бок-о-бок с человеком, к которому лежит сердце, или с таким, у которого с вами общего один только рост — не одно и то же.

В силу того же начала товарищества необходимо подумать о том, чтобы устранить все поводы к антагонизму между частями, а не плодить эти поводы.

Но призвать сказанные инстинкты на помощь устойчивости строя в бою недостаточно; нужно еще, чтобы:

¹ За начальством всегда остается право разрушать товарищества, почему-либо могущие быть вредными для дела.

1) солдат понял, что сплоченность строя дает не только успех, но и спасение от гибели; 2) чтобы солдат и офицер привыкли спокойно выносить те оптические и акустические влияния боя, которые не составляют сами по себе действия, а только предварение о нем, а между тем производят на молодой состав сильное впечатление.

Средство достигнуть первой цели — почаще ставить солдата в такое положение, из которого было бы видно, что сообща дело и быстрее и легче делается, чем вразброд, и что сообща его можно сделать только при полном подчинении воле начальника.

Вторая цель ведет нас в область приемов обучения, в настоящее время почти несуществующих; они имеют целью приучить глаз и ухо солдата¹ к явлениям боя, следовательно, отнять у этих явлений впечатление неожиданности: если не вполне, то в мере возможности.

Упражнения в самообладании. На молодые войска в первый период боя неблагоприятно действует свист пуль и гранат противника; нужно поэтому освоить их с этим звуком в мирное время. Приемы для этого: 1) обстреливание; 2) ученье на пространстве между мишенями и артиллерией во время стрельбы боевыми зарядами; также стрельба артиллерии поверх пехоты при ученьях с боевыми зарядами и патронами.

Первый прием мог бы быть применяем так: по окончании предварительного обучения, т. е. при производстве² рекрута в солдаты, он подвергается последнему испытанию — в хладнокровии под выстрелами. Для этого он становится перед мишенью, хоть № 3-го; а стрелок, выбираемый, конечно, из отличных, стреляет в нее по сторонам испытуемого, со станка, поставленного от мишени шагах в пятидесяти.

Выдержавший испытание удовлетворительно объявляется солдатом. Обряд этот, обставленный с некоторою торжественностью, составил бы посвящение рекрута в солдаты и вместе наглядное его убеждение в том, что солдату не только стыдно, но смешно бояться звука пули. При самом небольшом внимании, подобную обстрелку можно обратить в молодецкую потеху, которую солдат

¹ Следовательно, и нервы.

² Мы знаем, что этот переход, к сожалению, не поставлен как «производство», но по духу он должен быть производством более существенным, чем из рядовых в унтер-офицеры.

полюбил бы. Повторять обстрелку следует ежегодно с офицерами и со старыми солдатами, уделив на нее хоть пять патронов из положенного на человека отпуска. Употребленные подобным образом, они не будут потеряны: что толку, если солдат отлично стреляет в спокойном состоянии духа, а под выстрелами неприятеля у него руки ходуном ходят? Не обращают внимания на то, что искусство без спокойствия в бою ничего не стоит, и что стрелок не очень искусный, если он приучен к свисту пуль, сделает более неприученного, хотя бы последний и был искуснее.

Излишне, кажется, доказывать, что этот прием воспитания не представляет действительной опасности при теперешних ружьях; а редкие несчастные случаи и при самом невинном занятии возможны; следовательно, с ними можно и должно мириться, достигая такой великой цели, как укрепление солдата в самообладании.

Ученья под выстрелами артиллерии. При крутизне полета принятых теперь артиллерийских снарядов стрельба через головы своих войск признается возможною в бою, следовательно, должна быть признана необходимой и в мирное время: иначе будет производить на своих неожиданные и неприятные впечатления в деле. Стрельба этого рода принесет ту громадную пользу, что разжалует свист неприятельских снарядов из неожиданностей в ряд самых обыкновенных явлений для наших войск. Наконец, войска менее будут стеснены в выборе мест для учений и для стрельбы: условие в наше время весьма немаловажное.

Возможность этого благодетельного приема воспитания неопровержимо явствует из следующей таблицы:

Примечание. Принято при составлении ее то условие, что снаряд, летящий над головою в двух с небольшим сажнях¹, не может иметь вредного действия.

Орудие 4-фунтовое	Саж е н				
Дистанции	700	600	500	400	300
Безопасные пространства начинаются от дула в	23,17	27,79	36,15	44	61,37

¹ В трех сажнях над поверхностью земли. Все это было верно относительно прежней артиллерии; относительно дальнобойной данные изменяются.

Безопасные пространства кончаются от мишеней (прибавляя утроенное среднее квадратическое продольное отклонение) в	48,2	51	56,3	64,4	78,9
Длина безопасного пространства	628,63	521,21	407,55	291,6	159,73

Следовательно, отложив круглым счетом от дул орудий и от мишеней по 50 сажен при дистанции в 700, по 60 при дистанции в 600 и в 500, по 70 при дистанции в 400 и по 80 сажен при дистанции в 300 сажен, получим безопасные пространства в 600, 480, 380, 260, 140 сажен. Эти последние цифры остаются верными и в применении к стрельбе из 9-фунтовых орудий.

Понятно, что при стрельбе на первые две дистанции в безопасном пространстве могут обучаться даже крупные части. Понятно также, что став на черте безопасного пространства, ближайшей к орудиям, пехота может под выстрелами артиллерии упражняться в стрельбе на самые дальние дистанции по мишеням, поставленным в направлении артиллерийских мишеней, — впереди, или на линии, или за линией этих последних.

Во избежание перехода границ безопасного пространства, достаточно будет самого редкого внутреннего оцепления, которое обозначало бы эти границы со стороны орудий и мишеней.

И без объяснения понятно, какую можно извлечь громадную пользу из обоих этих приемов для нравственной закалки людей; при современном состоянии огнестрельного оружия и при коротких сроках службы они составляют необходимое дополнение к сквозным атакам, достигая той же цели относительно оптического и акустического эффекта огнестрельных снарядов, какой сквозные атаки достигают относительно оптического эффекта кавалерийской и пехотной атак. В силу могущественного влияния привычки на человека, для него всегда было дело не в мере опасности, а в мере привычки к ней: даже неприятные впечатления, испытываемые часто, он выносит спокойнее и с большим самообладанием, нежели приятные, но неожиданные и непривычные.

Возражения и против этого приема, могущие заключаться в том, что могут быть несчастные случаи и что пехота будет мешать артиллерии, не имеют состоятельности. При тщательном снаряжении гранат несчастные случаи, по заверению артиллеристов, невозможны, и опасение их только заставит усовершенствовать операцию снаряжения; что же до помехи, то ведь она и в сражении неизбежна, следовательно, артиллеристам тоже нужно к ней примениться. Сами артиллеристы сознают это и всю пользу от подобной практики¹.

Полагаем, что эти три меры² должны дать устойчивость строю в огнестрельный период боя, утраченную им не вследствие действительности современного огня, а вследствие того, что при коротких сроках службы сомкнутый строй уже более не может вполне иметь прежнего своего образовательного значения. Первая и вторая меры дают людям внутреннее расположение держаться вместе и на месте³, если начальник признает то нужным; а последняя отнимет характер неожиданности⁴ у тех явлений боя, которые при современной недостаточной подготовке людей дают возможность инстинкту самосохранения подавлять самоотвержение и его производную, т. е. чувство долга.

В этих приемах, против целесообразности которых нет логических доводов, мы видим новое подтверждение высокого значения в военном воспитании и образовании сквозных атак, как завершения курса нравственной закалки людей и офицеров. Последовательно и настойчиво пройдя подобный курс, мы гарантируем войска от всех акустических и оптических неожиданностей, в бою возможных: и им останется преодолевать в деле только одно

¹ См. «Артиллерийский журнал» № 11, 1872 г., стр. 1, 592, статья г. Забусова.

² Т. е.: 1) признание участия внутренних влечений в составлении строя, 2) утверждение людей в убеждении, что дружное, и самое выгодное для них лично, действие получается не иначе как при полном подчинении воле начальника, 3) обстреливание пулями и ученья под траекториями гранат.

³ Равно как и быстро собираться из рассыпки.

⁴ Предупреждая недоразумение, заметим, что роль неожиданности в бою принадлежит всякому явлению в бою, хотя бы и известному, если только мы не привыкли преодолевать впечатленье, им производимое.

впечатление, производимое потерями. Конечно, без привычки не легко выносить и это одно впечатление; но еще тяжелее сверх него выносить и все перечисленные.

Правило, советуемое стараться в бою и на войне всегда предпринимать то, чего противник не ожидает, в большинстве случаев верно, ибо основано на весьма сильной производной инстинкта самосохранения, именно на парализующем влиянии всякой неожиданности на человека неподготовленного. Из этого следует, что военный человек должен быть веден так, чтобы его ничем удивить было нельзя; так, что все воинское обучение, если оно хорошо соображено, в общем представляет систему приучения войск ко всем неожиданностям, в бою возможным. Если это так, то какой неисчислимый нравственный ущерб должно наносить войску все то, что, имея постоянного характера в бою, при мирном обучении заключается в постоянные тесные рамки! Подобная система оказывается направленною к тому, чтобы не уменьшать, а увеличивать для войск число неожиданностей, чтобы приучать войска не преодолевать неожиданности, но озадачиваться ими.

Маневрирование. Азбуку маневрирования составляет обучение строям и эволюциям вне условий пространства и времени: это то же, что, например, упражнение в чистописании без мысли о том, что пишешь. Как начало, это неминуемо и составляет существенную часть дела; но *не все дело.* Конечно, необходимо привыкнуть понимать и исполнять команду; необходимо привыкнуть согласовать свои движения с товарищами; но еще необходимее уметь применять это знание к делу. И потому долго останавливаться на первом — значит неминуемо упустить второе, значит целое принести в жертву части. Отсюда необходимо останавливаться поменьше на ученьях первого рода и большую часть времени посвящать на вторые, т. е. на маневрирование. Отсюда же явствует бесполезность повторения всего того, что не забывается, раз оно изучено, вроде, например, ружейных приемов и т. п. Это соответствует тому, как если бы человека, не только умеющего писать, но и выражать письменно свои мысли, возвращать периодически к писанию палочек.

Итак, с солдатами, уже знающими элементарную часть строя, других учений, кроме как по «прикладной

тактике»¹, полезнее не производить. Это предполагает не только указание цели (атаковать или обороняться), не только указание места нахождения и рода предполагаемого противника, не только внимание к местности, но нечто большее и существеннейшее; именно постоянное и неослабное внимание к тому, чтобы смысл всего происходящего на ученьи был доступен всякому, в нем участвующему. Это единственное средство добиться того, чтобы и люди, и офицеры участвовали в ученьи не одними руками и ногами, но также сердцем и головой; это единственное средство добиться важнейшего, именно навыка ясно и вразумительно выражать свою волю всем начальникам, от большого командира и до старшего в звене. Уча учимся. Этот навык мы считаем важнейшим потому, что *толковое исполнение чего-либо, прежде всего, обуславливается пониманием со стороны исполнителя того, чего от него хотят.* Если этого нет, путаница неизбежна. Нужно ли говорить, что этот элемент учений находится в таком состоянии, что требует полного забвения старых привычек, полного перевоспитания? Кому не случилось получать такие, например, приказания: «идите туда-то», да еще с прибавкою «в таком-то строю»? Для чего идите, неизвестно. Укажите цель, а я уж пойду и строй приищу. Кому не случилось видеть, как, получив от старшего начальника совершенно ясное приказание, начальники подчиненные, разъехавшись или разойдясь по своим местам, и не подумают даже передать его своим частям? А если начнут передавать, то выходит такое, что не найдешь ни подлежащего, ни сказуемого, ни связки? И это происходит отнюдь не от неспособности, а просто от непривычки произносить перед строем что-либо другое кроме команд². Мы все и всегда чего-то суетимся и куда-то торопимся на ученьях; к чему? Напутать всегда успеет. А в бою прежде всего нужно спокойствие...³

И потому первое и главное внимание на маневрах должно быть постоянно устремлено на редакцию приказания и на то, чтобы передача первоначального приказанья, определяющего цель ученья, так и последующих,

¹ По выражению Богуславского.

² Привыкшим только командовать в строю также странно начать говорить, как непривыкшему командовать странно бывает начать выкрикивать команды.

³ Многозначие автора.

вызываемых его развитием, происходила дельно, т. е. спокойно, определительно, без малейшей суеты или торопливости и в порядке постепенности доходила до мельчайших подразделений обучаемой части. Последнее, разумеется, в пределах, даваемых сущностью самого приказа. До чего это важно, видим у К. ф. В.: обыкновенно краткий, он не задумался дать два или три обращения редакции приказаний для мелких стрелковых частей.

Это — умственный элемент ученья, если позволено так выразиться. Второй элемент его, материальный — представляется всем тем, что войска исполняют для осуществления мысли начальника, и что одно привыкли разуместь под словами: маневр, ученье. Так как эта часть дела до сих пор привлекала к себе исключительное внимание, то она выработана удовлетворительнее первой и представляет пробелы только таких приемов, исполнение которых не привлекает к себе глаза. Мы не будем поэтому распространяться об исполнительской части маневрирования, а укажем только на сущность того, к чему в ней следует стремиться.

Внимание должно быть обращено: а) на порядок в каждой части (прежде всего), который в строю поротно легко поддерживается и на самой пересеченной местности¹; б) на соответствующее употребление строев, согласно цели, местности, роду противника и направлению, в котором он предположен; в) на строгую выдержку направления, в котором ведется ученье²; г) на приучение к тому, чтобы в случае убыли начальника на его место являлся новый, сколько б их ни выбыло³; д) приучение

¹ Разумеется, конечно, ту степень порядка, которая для боя нужна. Ничего для вида, все для дела. Будем добиваться дела, и вид будет хорош; добиваясь же только вида, дела не получим, ибо он составляет только часть дела.

² Мы считаем это до такой степени важным, что для приучения признаем полезным специальные ученья, заключающиеся преимущественно в том, чтобы делать продолжительные движения, сохраняя направление на какой-либо отдаленный предмет, потом избирать вместо него другой в новом направлении и т. д. Это практика начальникам в уменье *прицеливать* свои части, не теряя, произвольно, раз взятой прицельной линии. Впрочем, давая учению всегда цель, это достигается само собою.

³ Прием, до сих пор упущенный из виду, а между тем, кажется, немаловажный. Всякому не раз, вероятно, случалось читать: часть потеряла своих начальников и смешалась. Где есть внутренний порядок, там этого случиться не может, ибо никто не мешает назна-

к тому, чтобы при убыли в сомкнутом строю ряды смыкались¹; е) наблюдение за тем, чтобы в линии сомкнутых частей каждая, соблюдая строгий порядок, обращала внимание на то, чтобы держать направление, а не хлопотала бы о педантическом равнении по линии. Отнюдь не допускать в особенности того, чтобы части, выдавшиеся вперед, с этой целью осаживали или замедляли шаг; ж) наблюдение за тем, чтобы начальники на маневрах занимали то место, которое они будут занимать в бою: а переменяя место, никогда не забывали принимать меры к тому, чтобы их можно было найти.

Затем, должно сделать: 1) чтобы маневры не принимали какого-либо постоянного типа, т. е. не кончались постоянно чем-нибудь одним: или охватом, или атакою в лоб², ибо войска должны уметь делать и то и другое хорошо; 2) чтобы не укоренилось пристрастие к одному какому-либо боевому порядку. То и другое, опять-таки, необходимо соблюдать в силу того соображения, чтобы добровольно не увеличивать войскам число неожиданностей в бою, так как, привыкнув к известному образу действия или к известным формам, они могут потеряться, наткнувшись на другой образ действий или на другие формы строя; 3) чтобы наступление шло как бы скачками, т. е. делалось широким шагом и сразу на значительные расстояния, как то предложено нами еще в 1869 году³, и как вновь предлагается офицерами штаба прусской гвардии в записке об изменениях в уставе, вызываемых кампаниею 1870 года⁴.

читать заблаговременно даже несколько смен начальников. Это одна из тех вещей, которые должны делаться сами собою, безо всякого напоминания свыше. Средство приучить к этому очень просто: удерживать при себе начальника части, а между тем продолжать учение, не позволяя ему командовать, и смотреть, явится ли на его место заменяющий. С этим последним повторить то же и т. д. То же поверять во всех частях, до звена, подлежащим начальникам.

¹ Прием для этого простой: «такой-то ряд или такие-то ряды стой», если часть шла; или «осади», если стояла; и смотреть, чтобы ряды смыкались к середине. Само собою, этот прием бесполезно применять на частях выше роты.

² Мы предпочитаем это русское слово иностранному «фронт», имеющему совершенно то же значение.

³ См. статью «Винтовки скорострельная и обыкновенная с тактической точки зрения».

⁴ См. «Военный Сборник» 1872 г. № 2. Иностранное обозрение — «Изменения в прусском уставе, вызванные опытом минувшей войны». В этой же статье находим весьма меткие возражения про-

Производить ли ученья, перемешивая в рассыпном строю различные части, как то предлагает Богуславский? Почему нет: лишняя практика офицерам и унтер-офицерам в умении сохранить подобающее им значение и в беспорядке — никогда не мешает.

Войска должны быть обучаемы не одному сохранению механического порядка, но и тому, чтобы, утратив его, они не теряли порядка внутреннего, т. е. способности подчиняться воле старших и исполнять тактические назначения.

Строевые уставы. Применяя к ним известное начало, что «бесполезное на войне вредно вводить в мирное обучение», посмотрим, чего следует желать по этой части.

В видах упрощения устава следует, во-первых, ограничиться одной системой построения батальонных колонн по целым частям, как принято для смотров и парадов, отбросив систему построений из середины, бесполезность которой еще раз показана кампанией 1870 года. Следует вместе с тем признать, при развертывании, независимость рот от порядка носимых ими номеров в батальоне; а тем более батальонов в полку, полков в дивизии. Следует признать за батальонными командирами в полку, за ротными в батальоне право быть полными хозяевами формы строя своей части: в том смысле, что им предоставляется располагаться по усмотрению, а поправки старших начальников уже начинаются потом. Следует исключить развернутый строй со вдвоенными рядами из средств предохранения от огня, так как эта форма, увеличивая глубину строя, может повести в бою не к уменьшению, а к увеличению потерь. Следует ввести разомкнутый строй, как самостоятельный, для движений и расположений на местности открытой и непересеченной, равномерно как и быстрое смыкание его на месте и на ходу. Следует ввести четырехшереножную стрельбу на английский манер, т. е. ставя передние две шеренги на колено. Следует, наконец, *покончить с двойственным характером устава батальонного ученья.* В этом уставе, собственно говоря, два устава, не считая построений для смотров и парадов: первый устав, фридриховский, в котором при-

тив одностороннего увлечения охватами (стр. 230) и против притупляющего свойства постоянных норм строя, а в особенности неприменимых в бою (стр. 238).

знаются батальон и взводы, а роты не признаются; второй — современный, в котором, как и следует, признаются: батальон, роты и в ротах полувзводы. Нужно заметить, что последний, сверх расположений поротно; повторяет из буквы в букву то, что проделывалось уже в первом, т. е. и построение в различные колонны и развертывание. Сколько можно судить, ограничившись последним, не только ничего бы не проиграли, но и выиграли бы: во-первых, устав сделался бы тоньше¹; во-вторых, не представлял бы той непоследовательности, что в фридриховской его половине эволюционной единицею является взвод, не имеющий теперь никакого самостоятельного значения, а в современной половине — рота. Если бы это состоялось, порядок устава мог бы быть следующий: двухвзводная колонна справа; такая же взводная колонна²; расположение поротно разных видов; развернутый строй батальона, как частный случай расположения поротно в одну линию. Движения развернутого строя производятся без вздвигания взводов, ибо даже при небольших интервалах между ротами всякая рота идет независимо; а она не представляет такого длинного фронта, чтобы его нужно было уменьшать для удобства движения. Строи смотровые становятся вместе с тем и тактическими; походные колонны по отделениям и рядами; последняя двух видов. Затем, формы для встречи кавалерийских атак, даже и в применении к батальону, не должны быть подчиняемы уставным определениям, а представлены находчивости командиров рот, которым следует при этом иметь в виду одно: если они могут быть атакованы кавалерией, т. е. находятся близко к ней, то принимают меры против охвата, направляя все же большую часть фронта перпендикулярно к направлению атаки, для обстрела конницы, ее производящей; если находятся в задних эшелонах, то направляют их так, чтобы обстреливать доступы к ротам, непосредственно подверженным атаке. Впрочем, тут дело вовсе не в строе, а в том, чтобы не потеряться под впечатлением кавалерийской атаки и спокойно встретить ее: сначала огнем,

¹ А от этого, по замечанию одного нашего приятеля, солдат всегда становится толще.

² Т. е. по теперешней номенклатуре четырехвзводная и двухвзводная.

а если доскочит — штыком. От прорыва не теряться, если бы и случился, а скорее собираться в кучки, помня одно: что в этом случае всё дело в том, чтобы остаться лицом к коннице. Нужно ли говорить, что только сквозные атаки представляют единственное средство приготовить пехоту подобным образом, ибо тут все дело в самообладании?

Учения частей, представляющих совокупность батальонов, должны быть производимы если и не исключительно по прикладной тактике, то все же отделяя самое ограниченное время на такие, например, предметы, как движения в резервном порядке. Раз каждый батальон обучен отдельно, эти движения не могут и требовать значительного времени, если только довольствоваться той стройностью исполнения, которая нужна для боя. Затем бесцельные движения на полных интервалах, не подготавливая ни к чему нужному в бою, не имеют смысла и при мирных упражнениях. А маневры доставят в них достаточную и притом дельную практику. Обращаясь к эволюциям, необходимым при исполнении тактических заданий, полагаем:

1) *Что смена линий*, на основании изложенных во II-й и в III-й статьях соображений, должна быть положительно оставлена и заменена поддержкой, форма которой на мирных упражнениях — вступление частных резервов (т. е. батальонов ошибочно называемой второй линией) в промежутки между частями боевой линии и общая атака. Это не новость, а просто применение к совокупности батальонов того правила, которое давно уже, по мысли редактора первого батальонного учения, изданного после крымской войны, принято для батальона¹.

2) Что от вращательной перемены фронта, совершенно неприменимой в бою, относительно линии частей, следует отказаться, оставив только одну перемену фронта из уступов. Перемена же его вращательная, т. е. захождением, останется только для отдельных частей, т. е. для батальона, когда он в сборном строю, и для роты.

¹ Заметим, что применение принципа поддержки и уничтожение смены принесет пользу даже и в цепи: зная, что, раз попав в цепь, не выйдут из нее ни под предлогом расстрела патронов, и ни под каким другим, будут очень и очень беречь патроны, а не пускать их на ветер.

Что касается до разомкнутого строя, как средства предохранения от огня, то его можно употреблять, по нашему мнению, как в боевой линии, так и в частных ее резервах. В общих же резервах достаточно для этой цели перехода из глубокого строя, например четырехлинейного (дивизия в резервном порядке), к строю в две или в одну линию батальонных колонн, в тех случаях, когда резерв стоит открыто. Последний строй, на тех расстояниях, с которых можно стрелять по резерву, будет относительно вероятности попадания немногим невыгоднее развернутого или разомкнутого в боевой линии¹.

Но, соглашаясь с пользою применения разомкнутого строя для уменьшения потерь от огня, напоминаем еще раз, что оно годно только для частей, в которых крепок внутренний порядок; если этого нет, то лучше от него отказаться, не идя в утонении строя далее развернутой формы.

Не говорим здесь о порядке наступления и обороны, не желая повторять уже сказанного в 1869 году. Не говорим о кавалерии, так как условия ее действия в бою остались те же, а о действиях на театре войны считаем достаточным сказанного во II и в III статьях. Не говорим также о новом выводе, будто артиллерия с самого начала и во все продолжение боя должна стрелять только по войскам противника, оставляя без внимания его артиллерию; потому не говорим, что это не вывод, а только непродуманное впечатление. Во-первых, подойти к противнику будет стоять страшных потерь, если у него артиллерия не ослаблена; подобная попытка даже может привести к неудаче; во-вторых, при мало-мальски сносном расположении обороняющегося, артиллерия наступающего, до последнего периода боя, ничего у него и не увидит, кроме орудий и стрелков, следовательно, будет поневоле стрелять в артиллерию же. Можно еще признать подобный способ действия выгодным для артиллерии обороняющегося, да и то не всегда. Старая сноровка,

¹ Так как общий резерв стоит на местности, открытой не ближе 400, 500 сажен от нашей цепи, то он будет находиться от батарей неприятеля не ближе 700 сажен, а в большей части случаев и дальше. Ушеренное же продольное среднее квадратическое отклонение (определяющее разность в дальностях падения) для 4-х фунтовой пушки на этом расстоянии — 57 сажен, т. е. в три раза более глубины полувызводной колонны из середины.

тоже не безусловная, но все же меньше предполагающая исключений, чем эта новая, предпочтительнее: расстреливать артиллерию в первую часть огнестрельного периода боя; расстреливать войска, когда дело близится к атаке и во время оной.

Мы кончили. Новая ли это тактика? Да, пожалуй: для тех, которые забыли старую или не знали ее.

Кто понял, что в военном деле норм быть не должно, и проникся этой мыслью, тот не увидит новой тактики в частом употреблении охватов и еще более частом злоупотреблении рассыпным строем, возникавшим вопреки воле начальников.

Теперьешнее огнестрельное оружие, конечно, новость; но в современных армиях есть новость посущественнее — это короткие сроки службы; она определяет в воспитании и образовании войск гораздо более резкий переворот, чем огнестрельное оружие, вызвавшее только большое внимание к стрелковому делу и утонение строев.

Но можно ли это назвать эпохой в тактике? Нет, ибо сумма руководящих идей не изменилась, а усовершенствования в применении их не могут составить эпохи.

Холодное оружие несовершенствуемо, огнестрельное наоборот; и так как это последнее отвечает инстинкту самосохранения, то всякое новое в нем усовершенствование вызывает в той или другой форме, но неминуемо, возвеличение инстинкта самосохранения. Иногда это возвеличение является в форме надежды, что с развитием смертоносности оружия станут воевать меньше, а впоследствии даже и совсем откажутся от войны: надежда, сладкая инстинкту самосохранения, но противоречащая порядку природы, в которой вся жизнь представляется непрерывной и беспощадной борьбой на смерть. Собственно в военной сфере оно выражается попытками приискания таких средств, которые дали бы возможность достигать военных целей, не подвергаясь непосредственной опасности, т. е. не прибегая к решимости пожертвовать собою *по своей воле*, а предоставляя это на волю случая, в образе пуль и гранат. Попытки, которые можно было бы назвать жалкими, если бы они предпринимались с сознанием той затаенной мысли, которая лежит в их основании: «уничтожить противника, не рискуя ничем самому; или же, если этого совершенно достигнуть

нельзя, то, по крайней мере, уклониться от личного усилия воли, дабы пожертвовать собою». Одним словом, в деле чисто человеческом попытка заменить человека машиной: то же самое, что, идя на медведя с рогатиной, рассчитывать не на себя и даже не на рогатину, а на какое-нибудь заклинание. Но неприятель больше медведя: за весьма редкими исключениями, случающимися в переходные эпохи, он обладает обыкновенно теми же средствами по части машинной, как и вы. Выходит задача арифметическая, т. е. равные за равные уничтожаются и остается Человек лицом к лицу с Человеком, т. е. одолеет опять-таки тот, кто не боится погибнуть. Кто уверует, будто может сразить неприятеля одною пулею, тот уже в силу этой веры лишится способности сойтись с ним на штык; чего нельзя сказать наоборот.

Усовершенствования в военном деле были и будут; но они вызовут не какие-либо новые формы действия (это область уже исчерпанная), а усовершенствование человека: и притом *всего*, а не какой-либо его части. Это предполагает подъем нравственного и умственного уровня людей, т. е. *укрепление прежде всего духа их на преодоление парализующих неожиданностей; потом развитие ума, или находчивость в быстром приискании средств к преодолению этих неожиданностей*. Но ум самый изворотливый в человеке, способном теряться в опасности, т. е. слабом духом, не подскажет ничего дельного: вот почему и прежде и выше всего *самообладание*; и только потом — *гибкость, изворотливость ума*.

Гимнастика в первом — обстреливание, ученья под гранатами, сквозные атаки всех тех видов, которые освящены нашим великим военным педагогом; гимнастика во втором — преследование каких-либо постоянных привычек в области форм строя и действия; и постоянное внимание к тому, чтобы человек понимал цель того, что при мирном обучении его заставляют делать.

Военная специальность требует содействия, и самого напряженного, всех духовных сил человека, в их поражающем противоречии: от самоотвержения до инстинкта самосохранения; от остервенения до любви ко врагу, делящейся с ним последним куском хлеба, раз он низложен. Следовательно, чего-нибудь одного в военном человеке развивать нельзя.

Меры, предполагаемые для гимнастики в самообладании, вызовут, вероятно, негодование, а может и насмешки; мы на это идем: *rire bien qui rira le dernier*¹. Мы сказали, и еще раз напоминаем, что теория должна указать возможно лучшее: это практику ни к чему ведь не обязывает, что она и доказывает так часто...²

¹ Хорошо смеется тот, кто смеется последним.— *Ред.*

² Многоточие автора.

АРМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

I

Не силою быют, а уменьем

Со введением общеобязательной воинской повинности весьма и весьма нелишнее подумать о том, приготовлены ли мы, офицеры, к тому положению, которое эта повинность создаст нам? Нельзя скрывать от себя того, что мы служим еще до сих пор под влиянием старых понятий — если не вполне, то в весьма значительной мере. То золотое время, когда офицер служил за фельдфебелями, унтер-офицерами, рядовыми, считавшими время своей службы в этих должностях десятками лет, когда пятишестилетний солдат считался чуть не молокососом, — прошло безвозвратно; а между тем в нашей среде это замечают далеко не все. Как часто случается, на вопрос о причине какого-либо упущения, получать в ответ: «я приказывал». Подобный ответ обнаруживает убеждение, будто обязанность офицера только приказывать, а воспитывать в исполнительности — не его дело. К каким грустным и даже роковым разочарованиям может привести подобный взгляд в трудных обстоятельствах, при молодом составе армии, объяснять нечего. Никого нельзя винить за такой взгляд, потому что он есть следствие предшествующих условий службы; но и нельзя не желать его изменения, потому что сами условия службы изменяются, и не хорошо будет, если окончательный переход к новому порядку застанет нас врасплох.

Прежде для солдата офицер был «барин»; этим определялись их отношения и сфера деятельности, слагавшиеся во многом совершенно помимо и даже вопреки

закона писанного. Это проявление в военной сфере принципов нашего прежнего общественного склада находило могущественное подспорье в долгих сроках службы, при которых рекруты, поступавшие притом в ничтожном числе в массу старых солдат, учились своему делу преимущественно от товарищей, под руководством унтер-офицеров и при весьма скромном участии в этом деле старших офицеров¹.

Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников, обучение усложнилось до того, что делавшееся прежде годами теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями. При таком положении верно одно: *если офицер не сделает, то и никто не сделает*. Он не имеет права ожидать от солдата исполнительности, пока сам не воспитает его в последней. Говорим это не в смысле нерасположения солдата к исполнительности, которое предстояло бы сломить, но в смысле полного неведения с его стороны того, что он должен и как исполнить. Это неведение и неспособность восприятия доходят иногда до пределов маловероятных: и вот их-то нужно побороть, ввиду неопытности унтер-офицеров и недостатка учителей.

Выход из подобного положения один: офицеру нужно непрерывно и настойчиво работать; сначала для того, чтобы сформировать унтер-офицеров и учителей; а потом для того, чтобы неустанно следить за деятельностью этих малоопытных и непрерывно меняющихся его помощников. Он постоянно должен помнить, что в разъяснениях уставать нельзя; что он рискует быть непонятым не только с двух, трех раз, но иногда и с двадцати. Чего он сам не сделает, не объяснит и не укажет, того никто за него не сделает, не объяснит и не укажет, о чем бы речь ни шла: о том ли, чтобы у солдата были вымыты ноги, обрезаны ногти и аккуратно обернуты портянки; или о том, в каких случаях он, стоя на часах, обязан прибегать к употреблению оружия.

Да, в наше время офицер должен много, непрерывно и без усталости работать, если хочет быть достоин своего звания; в наше время он не только военный чин, но нечто

¹ Субалтерн-офицеры не принимали в подготовке солдата никакого участия.

большее: он общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть, и не последнюю, роль в народном воспитании. Человеку, прослужившему под его руководством четыре, пять лет и возвратившемуся в среду народа, пригодятся и там привычки исполнительности, точности, порядка, одним словом, дисциплины; и не лихим словом помянет за них тот человек своего руководителя. Те, которые думают, что дисциплина нужна только в военной службе, сильно ошибаются; и жаль того народа, который ею не проникнут. Разница между военной и гражданской дисциплиной в силе напряжения, но не в духе или основе ее. Разве это не дисциплина, когда в собраниях требуют (а где общественная жизнь развита, то и достигают), чтобы члены говорили один за другим, а не все разом; когда отдельные оттенки мнений подчиняются известной программе, определяемой руководителем, в литературе и в жизни; когда вы не считаете возможным придти, например, в гости в домашней одежде? Все дисциплина, с ее вечным подразделением на область обязанностей и область наружного обряда. Слова нет, в воинском организме проявления ее резче, отступления от оной наказываются строже; но при коротких сроках службы и при нынешней системе взысканий это может только воспитать человека, но не сломить его, т. е. подготавливает его самым действительным образом к усвоению дисциплины гражданско-общественной. А нуждается ли у нас в этом не только низший, но в особенности высший класс, может решить всякий, если только отнесется к вопросу прямо и искренно, без каких-либо предвзятых коньков. Такой взгляд на дисциплину в общественном строе и на усвоение ее при помощи войска многим, вероятно, покажется странным; но покажется не в силу существа дела, а в силу недоразумений и предубеждений. Этим многим воинская дисциплина рисуется до сих пор так, как будто она столь же полно обязывает одних, сколько развязывает других; будто она все еще проявляется во всеоружии палок, шпицрутенов¹ и безграничного произвола, т. е. именно того, что уже давно признано не охранительной силой дисциплины, а разрушающею к ней примесью. Этим многим, судящим под впечатлением прежних порядков, неизвестно, что дисцип-

¹ Гибкие тонкие прутья для наказания.— *Ред.*

лина стала силой, столь же обязывающей, сколько и обеспечивающей от неправых посягательств; столь же облакающей властью, сколько и сдерживающей произвол. Повторяем: с общеобязательной повинностью офицер не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной.

Велика и почтенна роль офицера, понимаемая таким образом; и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: «много людей прошло через мои руки, и весьма мало было между ними таких, которые оттого не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем; ни одного не заморил бестолковой работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам. Все привыкли подчинять свою волю достижению одной общей цели по сознанию долга, а не из-под палки; из неграмотных столько-то сделал грамотными; из незнающих никакого мастерства — столько-то портными и сапожниками».

Объем занятий с солдатом теперь весьма увеличился и усложнился; а время, на них определенное, до чрезвычайности сократилось даже для войск, стоящих в казармах, не говоря уже о тех, которые живут по широким квартирам: для последних год обращается много-много если в четыре месяца занятий серьезных и непрерывных. В таком положении успех возможен только при соблюдении двух условий: *строгой иерархизации занятий, сообразного с нею распределения времени и рационального метода занятий*. Под первую мы разумеем установку такого взгляда на относительное значение различных предметов, при котором всякий руководящий обучением ясно сознавал бы, на что преимущественно следует налегать в подготовке рекрута при полном сроке, полагаемом на это дело, и что урезать при постепенном уменьшении этого срока, хотя бы даже до одного дня. Такая иерархизация предполагает не только определение того, что более и что менее важно, но также и того, чего не следует допускать в занятия; будут ли то целые бесполезные предметы, или же ненужные части полезных предметов.

Эта основная задача в подготовке войск далеко еще не получила рационального разрешения; самого кратковременного наблюдения над тем, как ведутся занятия в большинстве частей, достаточно, чтобы в этом убедиться.

Придет, например, человеку в голову, что заучивание номенклатуры частей ружья удивительно способствует развитию ума солдата, и ее начинают долбить с увлечением, достойным лучшего приложения. Покажется ему, что ружейные приемы составляют краеугольный камень подготовки солдата — и обучение начинается с них, хотя рекрутская школа предписывает начинать с гимнастики, фехтования и приготовительных упражнений к стрельбе; покажется, что, не замедляя шага до размера прежнего тихого, нельзя научить солдата ходить в ногу обыкновенным человеческим шагом, и его замедляют, хотя тихий шаг давно уже отменен. Одним словом, всяк молодец на свой образец: что кому нравится, тот на то и налегает, занимаясь остальным только для очистки совести. Истекает срок предварительного обучения — и новый «старый» солдат начинает служить с знанием, например, ружейных приемов, но без умения взять прицельную линию; он переговорит название самых мелочных частей ружья и не сумеет его порядочно разобрать, вычистить и собрать. Нам кажется, пришло время серьезно подумать о том, чтобы подобные случаи не повторялись, так как, благодаря им, легко может быть, что солдат и в отпуск уйдет, узнав только аксессуары¹ своего дела, а не суть его.

Прежняя система представляла стройность и последовательность, как она ни была односторонняя. Воспитание солдата занимало в ней должное место; а образование, состоявшее, правда, в обучении одному строю, было разработано до мельчайших подробностей: на все была известная установившаяся манера взяться за дело, и занятия постоянно и точно были распределены по временам года. В настоящее время такая цельность системы подготовки нарушена: все составные части занятий налицо; но они не иерархизованы; а отдел воспитания даже малопомалу отодвинут на задний план усложнившимся и весьма разносторонним отделом образования. Правда, в рекрутской школе сделана попытка этой иерархизации:

¹ Частности, второстепенные.— *Ред.*

Но она, по существу своему, не коснулась, во-первых, воспитания, составляющего предмет устава о службе внутренней; во-вторых, даже ограниченная одним образованием, она пока не везде перешла в жизнь¹.

Последнее обстоятельство имеет, в наших глазах по крайней мере, значение весьма поучительное: оно показывает, что при переходе от старой системы к новой, письменные инструкции бессильны, если не поддерживаются личным указанием, разъяснением и настоянием.

Ошибочно думать, что такая неподатливость в принятии вещей, совершенно, повидимому, простых и понятных, происходит только от распушенности или нерадения,—отнюдь нет: большая доля этой неподатливости должна быть отнесена к тому, что человек, усвоивший себе известные навыки и приемы в исполнении данной специальности, весьма трудно переходит, без живого примера, по одному лишь описанию, к другим навыкам и приемам. Легко представить себе, в какой мере возрастает эта трудность, когда речь идет не об одном человеке, а о массе людей, между которыми найдутся притом убежденные, что старое лучше. Что всякое нововведение трудно дается без живого примера, сознано отчасти и у нас и выразилось сформированием учебных частей. Но понимается само собою, что если без живого образца трудно рассчитывать на точное принятие несложных изменений в обмундировании или строевой подготовке, то быстрое усвоение таких, например, вещей, как переход от простой системы занятий к сложной, без этого пособия уже положительно немислим. Если живого примера нет, такой переход усваивается урывками: кто что вынесет из чтения, то и применяет, а остальное живет себе в уставе или инструкции, пока не найдется другой человек, который его заметит и сумеет применить. Кто примет все это в расчет, тот не удивится и не возмутится тем, что лучшие и совершенно вразумительные писанные наставления не переходят в жизнь иногда десятки лет. И это ведется так везде, не исключая и прусской армии, известной своею исполнительностью. Желających в этом убедиться отсылаем к замечательному сочинению «Обучение пехотного батальона для боя», перевод которого

¹ Что показывают вышеприведенные примеры: не придуманные, а взятые из действительности.

помещен в «Военной библиотеке». Умеющие читать между строками извлекут из него много поучительного в смысле раскрытия силы инерции¹, равно свойственной живым, как и неодушевленным массам.

Это приводит к следующему чрезвычайно важному практическому положению, на которое нам придется опереться не один раз в течение этих заметок:

Никакая самая ясная инструкция не поможет в деле, требующем практического навыка, и не может привиться до тех пор, пока не будет разложена в ряд практических приемов ее применения и пока эти приемы не будут показаны исполнителям. Положение это не ново; но оно часто забывается на практике даже теми, которые весьма определенно формулируют его в теории, следовательно, повидимому, должны были бы понимать его значение.

1

Вторая причина того, что состав занятий солдата не уложился пока в гармоническую систему, заключается в том, что практики дела, подавленные заботой текущей минуты, весьма редко интересуются конечным, боевым, результатом своей работы, увлекаясь ближайшими и непосредственными ее последствиями, и от того вопрос о системе занятий решается ими по рутине или по расположению руководителей к тому либо другому предмету гораздо чаще, нежели на основании рациональных начал. Какие это начала? Они также просты и не новы, и также, невзирая на это, часто забываются: *должно вести занятия, соображаясь: с конечною целью, которую следует иметь в виду; с материалом, над которым — и с обстановкою, при которой приходится работать.*

Только подвергнув исследованию все отделы подготовки солдата с этой точки зрения, можно притти к такому укладу их в одну систему, при котором второстепенному и даже совершенно излишнему не будет приносимо в жертву существенно необходимое. Мы решились сделать попытку подобного исследования в надежде привлечь внимание людей, более нас опытных, к вопросу, настоятельную необходимость разрешения которого, при

¹ Или рутинны. Мы предпочитаем первое слово, потому что оно обобщает понятие.

современном положении армии, признает, вероятно, всякий. Не претендуем на безошибочность разрешения; отвечаем только за одно: постараемся ни на минуту не упустить из виду только что поставленных начал, с более подробного развития которых и начинаем.

Цель занятий с солдатом — подготовить его для боя; бой прежде всего требует от человека способности пожертвовать собою, потом умения действовать так, чтобы эта жертва была, по возможности, полезна своим, гибельна врагу.

Свойство рекрута нашего то, что длинных объяснений и отвлеченностей он не понимает или весьма трудно понимает; сам длинно не говорит; с показа легче учиться, чем с рассказа; запоминает легче, чем усваивает. Нужно при этом помнить, что он, за редкими исключениями, поступает в часть, более или менее запуганный, и сразу наталкивается на строй понятий и на дело, совершенно для него чуждые. Он и рад исполнять, да не знает, что и как. К этому присоединяется тоска по родине, жизнь по часам и среди чуждых ему людей. Одним словом, все данные как для того, чтобы окрепнуть и развиться, так и для того, чтобы оторопеть, да так на всю службу и остаться. В какую из этих форм он отойдет, зависит от того, как его повести. Все дело в том, чтобы силы и способности, данные человеку природой, не ломая, специализировать в военном направлении. Это специализирование происходит тем успешнее, чем рациональнее и мягче вводят рекрута в новую для него область и чем более соображаются при этом с его свойствами¹.

Обстановка, при которой приходится работать с рекрутом: крайняя ограниченность времени и неудобство места, за исключением весьма редких пунктов, в которых есть казармы и манежи, т. е. возможность для непрерывной и систематической зимней работы. К обстановке же относится и переходное положение, характеризуемое тем, что не все еще отстали от старых взглядов на подготовку солдата. В зависимости от этого необходимо: 1) обращать постоянное внимание, чтобы в занятиях с солдатом не терять ни минуты не только даром, но даже и на ка-

¹ Свойства эти не изменяются и при общеобязательной повинности, потому что и при ней большинство рекрутов будет, конечно, из простолюдинов.

кие-либо упражнения, прямо не отвечающие его назначению; 2) расстаться с верою в силу писанных инструкций, не поддержанных личным указанием и настоянием; 3) подумать о том, чтобы методы преподавания были сообразены с характером предметов и свойствами нашего рекрута.

В зависимости от назначения солдата для боя, занятия с ним представляют два главных отдела: 1) развитие в человеке зачатков долга, самоотвержения и самообладания, вложенных в него природою; 2) передачу ему разных материальных навыков, делающих его более способным к защите и к нанесению вреда врагу. Первому отделу приличествует название *воспитания*, второму — *образования* солдата. Излишне распространяться о том, который из них должен быть признан важнейшим: мы нисколько не сомневаемся в том, что из двух солдат, — одного проникнутого долгом, но кроме кулака и дубины ничем действовать не умеющего, и другого, владеющего в совершенстве самым современным оружием, но долгом не проникнутого, — всякий понимающий дело предпочтет, не колеблясь, первого последнему. Понятное дело, что лица подобных крайних свойств в жизни не попадаются и составляют логическое отвлечение, к которому мы прибегли для того только, чтобы до очевидности выяснить основное руководящее положение иерархизации отделов подготовки, заключающееся в том, что *воспитание солдата должно быть поставлено выше образования*, и потому должно обращать на себя преимущественное и ежеминутное внимание его руководителей. Понятно также и то, что в жизни воспитание от образования не отделяется, а ведутся они совместно и современно, но, ввиду сказанного, они должны быть поставлены так, чтобы в быту солдата, в занятиях его, в службе, наконец в отличиях, качества, даваемые воспитанием, брали верх над теми, которые дает образование.

Цель воспитания выражается в двух словах: нужно, чтобы солдат был *надежен*, т. е. правдив и исполнял свои обязанности всегда одинаково, как на глазах у начальника, так и за глазами. За редкими исключениями, рекрут поступает именно с такими предрасположениями: нужно только в нем поддержать и развить их. Достигнув этого, вы сделали половину дела, так как раз есть исполнительность, будет и исполнение; остается только пока-

зять, что́ нужно исполнять. Средство достигнуть этого одно: с первых же шагов службы солдата следить неустанно за тем, чтобы он ничего не делал спустя рукава, т. е. требовать от него безусловно точного исполнения всего показываемого или объясняемого, не гонясь на первых порах за быстротою и ловкостью исполнения, и поверять его исполнительность именно тогда, когда он менее всего может ожидать проверки. Только таким путем можно, на первых же порах, определить, на кого из рекрут можно положиться и кто из них, по слабости ли характера, или по другим недостаткам, нуждается во внешней поддержке, чтобы утвердиться в исполнительности.

Мы придаем этому определению нравственной устойчивости каждого солдата, сверх воспитательного, и другое важное значение: ротный командир, давший себе этот труд, не пожалеет впоследствии, потому что будет иметь на счету кандидатов на все назначения, которые придется делать в роте. А это первая обязанность каждого начальника — знать, кто из чинов, ему подведомых, и на что способен. Прежде слишком долго приходилось служить вместе с одними и теми же людьми, и ротный командир узнавал их поневоле; но теперь такое знание не придет, если самому о нем не позаботиться.

Большим пособием к развитию надежности в людях мы признаем укоренение в них привычки докладывать о всем, с ними случающемся, прямому начальнику. Малейшее замечание, полученное солдатом, даже встреча его с кем-либо из старших начальников, должны быть известны ротному командиру. Солдату, свято исполняющему это правило, можно простить многое; потому что уже одна привычка исполнять его держит человека на чеку, где бы он ни был и что бы ни делал. Но достигнуть этого возможно только при дружном содействии всего корпуса офицеров. Прием же, ведущий к цели, весьма прост: в одной из частей, нам известных, до некоторой степени добились этого тем, что с замечанием назначалось и наказание солдату; а прямому его начальству сообщалось это с тем, чтобы, в случае доклада со стороны солдата, с него не делать никакого взыскания, и налагать двойное в противном случае.

Многим, вероятно, покажется странным, что мы распространяемся о вещах, повидимому, столь простых и всем известных: потому распространяемся, что на них

зидается благоустройство воинского организма, и что они хотя и просты для понимания, но в применении трудны, потому что требуют постоянного внимания и настойчивости... Оттого-то подобные вещи забываются легко и до такой степени основательно, что возобновление их требования принимается иногда как нечто совершенно новое.

Курс солдатского воспитания представляют уставы: службы внутренней¹ и гарнизонной. Они должны быть усвоены возможно более основательно и, разумеется, более в их сущности, чем в обрядовой стороне. Последней мы придаем серьезное, но не первостепенное значение; и настаиваем на том, что изучение существенных обязанностей должно быть поставлено на первом плане. Думаем так, основываясь на опыте, который показал, что обязанности, поставленные на одну доску с обрядом, сопровождающим их исполнение, были этим последним почти совершенно вытесняемы из сознания. И это естественно, потому что обряд говорит глазу, легко усваивается и легко поверяется, между тем как существенные обязанности не имеют ни одного из этих качеств: их нельзя ни поставить в шеренгу, ни пропустить церемониальным маршем, ни концентрировать в несколько приемов, исполняемых по коротеньким, заранее составленным, командам. В человеке первым поражается и подкупается глаз, и потому нужно помнить, что глазу говорит только внешность дела, а не сущность его. Хотя и говорится, что по платью встречают, а по уму провожают, но в жизни платье часто так нравится, что по оному не только встречают, но и провожают. То же случается и с обрядом по отношению его к тем обязанностям, сущность которых можно выразить словом и поведением, а не внешним каким-либо приемом.

Ввиду громадной важности знания устава о службе внутренней, нельзя не пожелать распространения его в войсках наравне со строевыми уставами, чтобы всякий чин получил, наконец, возможность определительно знать, что он должен делать и чего с ним не должны делать: потому что только это может дать прочный внутренний порядок. Рассчитывать в этом деле на усвоение путем рутины нельзя: это путь верный, но медленный, т. е. при коротких сроках службы совершенно неприменимый.

¹ В состав службы внутренней входит и дисциплинарный устав, ошибочно приурочиваемый к военно-уголовному.

Оба сказанных устава равно важны в воспитательном отношении, и усвоение в них каждым солдатом того, что до него относится, составляет первостепенную необходимость, *сколько бы это ни потребовало времени*; даже если бы таковое пришлось отнимать от занятий образовательными предметами. Внутренняя служба относится к гарнизонной, как общевоспитательная подготовка — к применению усвоенного воспитанием в данном случае. Стоя в карауле, солдат не только учится служить, но и впервые действительно служит. Стоя на часах, он впервые предоставляется самому себе, как относительно того, кого он в этом случае должен слушать и кого не смеет слушать даже из тех, кому, в остальное время, обязан беспрекословным повиновением, так и относительно употребления оружия по *личной* оценке обстоятельств, а не по чьему-либо приказанию. Все это дает помянутым уставам, в их сущности, характер *закона* в высшем значении этого слова. В отношении к ним все прочие уставы имеют не более как характер учебных инструкций, прохождение которых, по нужде, не только может быть ограничено, но иногда даже и совершенно пропущено. Между тем, как в сказанных уставах ничего урезать нельзя¹ из того, что солдат знать должен, даже если бы подготовку рекрута пришлось начать и окончить в один день.

Обрядовая сторона внутренней службы заключается в соблюдении воинской вежливости и приличного вида, а гарнизонной службы, сверх того, — в точном исполнении установленных приемов смены, отдания чести и т. п. Все это легко усваивается и точно исполняется именно таким солдатом, который имеет верное понятие о существенной стороне своего назначения. Впрочем, к этому мы возвратимся еще раз, в заметке о методах преподавания.

Приемы воспитания внешние, но укрепляющие духовную сторону солдата, суть: сквозные атаки, ученья под артиллерийскими выстрелами и обстреливание. Хотя эти приемы, за исключением последнего, применимы только в массе, но и они дают практику в самообладании каждому солдату отдельно, и потому упоминаются здесь, т. е. при разборе отделов одиночной подготовки. Польза их применения признается пока немногими; но за них го-

¹ Кроме разве обрядовой стороны, в которой можно допустить упрощения.

ворит и то уже, что до сих пор *против* них не было сделано ни одного возражения сколько-нибудь состоятельного. Приводим одно из них, имеющее за собою хотя заслугу некоторого остроумия. Заключается оно в том, что будто бы несообразно искать укрепления нематериальных качеств солдата посредством материальных приемов. Возражение это просто объясняется тем, что сделавшие его не отдавали себе никогда отчета в свойствах человека, между которыми одно из главнейших заключается в строгой зависимости духовного его настроения от физического его состояния, а также от механических навыков. Эта зависимость открывается при самом даже поверхностном наблюдении и составляет аксиому: голодный человек зол или уныл; обученный стрельбе будет, при равных прочих условиях, спокойнее в бою необученного; обученный бьет в свалке штыком и прикладом самоувереннее необученного; занимавшийся гимнастикой, не задумываясь, преодолет такое препятствие, которое замедлит, а иногда и совсем остановит незанимавшегося ею, и т. п. Кажется нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах акт, чисто *физический*, имеет последствием видоизменение *духовного* строя. После этого предоставляем читателю судить: можно или нет рассчитывать на действительность материальных приемов в деле укрепления нематериальных качеств солдата. «Никакая инструкция не поможет в деле, требующем физического навыка»; а кавалерийская или пехотная атака, равно свист пуль и гранат именно требуют такого навыка, потому что первая действует на зрение, а последний на слух еще прежде, чем дойдет дело до вреда действительного¹.

Состав образования солдата известен всякому военному: гимнастика, фехтование, стрельба, строй². Состав весьма сложный; но, на беду, ни одного из этих предметов нельзя исключить; не причинив существенного ущерба образованию. Тем более должно стараться о том, чтобы ни один из них не занимал в одиночной подготовке солдата более того места, которое должно быть ему предоставлено по значению в общей системе образования. Мечтать о том, что при теперешнем сроке службы солдат может сделаться, в одно и то же время, превосходным

¹ Примечание опущено.

² То же.

гимнастом, стрелком, фехтовальщиком, фронтовиком, — невозможно, как бы он ни был способен. Хорошо и то, если, добившись относительного совершенства в одном, много в двух предметах, достигнут в остальных удовлетворительного результата. Следует только желать, чтобы относительное совершенство доставалось на долю предметов, имеющих в бою преобладающую важность. Определяются они весьма просто: стоит только обратить внимание на то, что два из них — стрельба, фехтование — представляют *действие*; а другие два только *обстановку* действия в бою. Понятно, что в одиночной подготовке должно налегать на первые предпочтительно перед последними, а не наоборот. Мы уже сказали, что эта расценка предметов по их относительной важности установилась далеко не во всех частях.

Факт этот еще раз показывает, до какой степени важно и необходимо иметь в виду конечную цель подготовки солдата, даже когда речь идет о четырех главных предметах образования; только под влиянием постоянной мысли об этой цели можно остерегаться от увлечений, которые, стремясь придать солдату второстепенные, желательные только, знания, отнимают время от занятий тем, что ему знать существенно необходимо...¹

Причина преобладания строя над прочими отделами образования лежит в той же инерции, на которую сделан намек выше и которая сдает только живому примеру, а не писаной бумаге. Было время, когда строй составлял начало и конец воинского образования, поглощал все время и все внимание. Вызываемые отчасти примером других армий, преимущественно же кровавыми неудачами, новые отделы образования сначала явились не более как придатками к строю, за которыми никто не признавал не только преобладающего над ним значения, но даже и равноправности. Да иначе и быть не могло: эти отделы явились уже тогда, когда обучение строю сложилось в систему, строго законченную до мельчайших подробностей и поражающую своею последовательностью; когда успели уже сформироваться тысячи специалистов, с увлечением предававшихся занятиям строем и естественно успокоившихся на том убеждении, что строй есть единственное назначение солдата. Понимается само

¹ Многозначие автора.

собою, что новые отделы явились вначале, и по духу своему, да и потому, что отнимали время от строя, врагами ему, которых, за невозможностью совсем выпроводить вой, оставалось держать на задворках, т. е. заниматься ими лишь для очистки совести. Все это явления старые и совершенно естественные: всякий занимается охотнее тем, что он знает; и всякий считает более важным то, что знает: так уж человек устроен. К этому нужно прибавить, что труднейший из новых отделов образования, стрельба, требует такой кропотливой отделки каждого солдата, такого участия размышления в этой работе, которые не могли не быть антипатичными людям, многие годы своей жизни посвятившим занятию чисто механическому. И потому-то желаемая и совершенно отвечающая существу дела перестановка предметов до сих пор только переходит в жизнь, но далеко еще не перешла. Можем сказать одно: осуществится она без всякого ущерба совершенству строя; потому что, кто в состоянии добиться отличной стрельбы, тому ничего не стоит добиться стройности. Да притом она теперь и легко дается, благодаря гимнастике и фехтованию, делающими человека развязным и ловким.

Итак, все занятия с солдатом, по распределению времени соответственно важности предметов обучения, должны быть поставлены в следующем порядке: 1) все, относящееся к воспитанию солдата; 2) стрельба; 3) фехтование; 4) гимнастика; 5) строй. В одиночном обучении такая постановка строя тем более целесообразна, что в обучении частей ему должна быть предоставлена самая значительная часть времени.

2

Обратимся к методам передачи солдату всего перечисленного. Дело тут в отношениях обучающего к солдату и в путях, какими легче и прочнее можно укоренить в нем необходимые знания.

Не подлежит никакому сомнению, что обучающий прежде и более всего должен относиться серьезно, но с сердечным участием к рекруту и заботиться о поддержании в нем веры в самого себя. Чем более рекрут будет считать себя способным к солдатской работе, чем менее будет видеть в ней нечто необыкновенное и недося-

гаемо трудное, тем лучше. В настоящее время нельзя начинать его воспитание и образование с того, что он не умеет ни стоять, ни ходить, ни говорить; напротив: все это он умеет, только не вполне; и все может сделать, что и товарищи делают, стоит только присматриваться и не забывать того, что показано или рассказано. Поворот в эту сторону, и весьма ощутительный, уже сделан во многих частях, но есть, и не мало, таких, которых он еще не коснулся, и где до сих пор воображают, что самое лучшее — начинать с запугиванья; и что дело сделано, если только рекрут, с грехом пополам, стал в строй.

Второе условие успеха — строгая разборчивость в том, что вводить в сознание солдата через ухо и что через глаз; другими словами, что передавать ему рассказом и что показом. Кажется, это весьма просто, а между тем на практике часто забывается. Если прежде редко прибегали к уху солдата, зато теперь замечается явление обратное: этот путь передачи не только употребляется, но и злоупотребляется. Причина этому одна и та же — невнимание к свойствам человека; а следствие — страшная и совершенно непроизводительная потеря времени, которого, как уже замечено, далеко не так много, чтобы можно было им не дорожить. Нужно притом помнить, что изустное преподавание, и при рациональном на него взгляде, требует весьма обширного применения: следовательно, уже и по этому одному необходимо следить за тем, чтобы оно не вторгалось в ту область, где показ, наглядка дают результат несравненно быстрее и более прочный.

За примерами того, что подобное вторжение встречается, и не редко, ходить не далеко: достаточно указать хоть на знаменитое долбление номенклатуры частей ружья и ответов на вопросы вроде того, для чего солдату дается ружье и т. п. Учите его стрелять и колоть, и он будет знать, для чего ружье дается, хотя бы об этом ни слова не умел сказать; учите разбирать и собирать правильно ружье, и он узнает назначение каждой части, хотя бы ни одной не умел назвать тем именем, которое для нее сочинено на оружейных заводах. Зачем, спрашивается, солдату праздное знание, что у курка есть пузо, молоток, квадратная дыра и еще что-то такое? Зачем его поверять в этом ни к чему для него годном знании? А название главных частей он невольно узнает, обучаясь раз-

борке и сборке. Не можем не сказать того же и о пресловутой теории стрельбы: пускаются, и не редко, в разъяснения солдату того, как пуля летела бы вне влияния силы тяжести и сопротивления воздуха; потом под влиянием силы тяжести, но в безвоздушном пространстве; и, наконец, переходят к тому, как это происходит в действительности. И все для чего же? Чтобы ему объяснить, что пуля летит не по прямой, а по кривой! Какая праздная потеря времени и труда¹... И когда подумаешь, что это не хитрое понятие можно передать солдату, обратив его внимание на полет брошенного от руки камня и на то, что если хочешь бросить дальше, то, до некоторой степени, нужно бросить его выше. Не обращают внимания на то, что простолюдин — человек непосредственного склада понятий, что к анализу он не привык и отвлечения понимает чрезвычайно туго, а чаще даже не понимает, а просто задалбливает их.

Столь бессознательное применение изустного преподавания ведет к тому, что оно постепенно разрастается; и так как человек, взятый от сохи, не в состоянии различить в этой массе существенное от несущественного, то и кончается тем, что знания его предоставлены случайности: потому что долбит он все без разбору; а что удержится — дело памяти, а не разумения. Удержится существенное — слава богу; удержится только какое-нибудь пузо курка — и на то не пеняйте². Память без содействия анализирующего ума — способность пассивная; и потому-то так важно в образовании солдата толковое участие офицера, от которого можно и должно требовать того, чтобы он, занимаясь с солдатом, так сказать, *подчеркивал* то, что существенно важно.

Необходимо серьезно подумать о строгом разграничении: 1) первостепенного от второстепенного в изустном преподавании; 2) усваиваемого с показа от того, чего иначе как рассказом передать нельзя. Это разграничение должно быть сделано не столько на бумаге, сколько на деле, путем разумного вникания в предмет самих преподающих, потому что в одном и том же предмете существуют отделы всех этих категорий; и разграничение их на бумаге повело бы к произведению одной из тех

¹ Многозначие в тексте.

² И даже более вероятно, что удержится именно несущественное, как более наглядное и легче задерживаемое памятью.

весьма обстоятельных, длинных инструкций, которых большинство, к сожалению конечно, но не читает.

Для примера возьмем хоть гарнизонную службу. В уставе существенные обязанности стоят рядом со второстепенными; обрядовая сторона, довольно сложная и составляющая дело показа, перемешана с тем, что может быть только рассказано. От устава нельзя требовать, чтобы он это разграничивал, так как он есть руководство для службы, а не для обучения, и педагогических целей ему навязывать нельзя. Но нельзя, вместе с тем, не желать, как безусловно необходимого, чтобы преподающие относились к уставу сознательнее и в обучении сами классифицировали его правила в объясненном смысле. Нельзя показать, что часовой должен быть бдителен или убить того, кто посягнет на нарушение его сдачи: тут мыслимо только изустное преподавание и наблюдение впоследствии за тем, исполняет ли солдат эти правила; но печально, когда солдата заставляют говорить наизусть: как разводящий делает остановку, поворот и прием при смене, как часовой становится к будке для отдания чести. Все это можно проговорить отлично и в то же время ошибаться на каждом шагу в исполнении: следовательно, и труд обучения и усилия солдата усвоить всю эту мудрость путем запоминания, а не проделывания, пропадают совершенно даром. А между тем покажите солдату эти приемы и заставьте проделать два-три раза, он их и во всю жизнь не забудет, хоть и не сумеет, может быть, рассказать. Этих примеров, полагаем, достаточно для разъяснения того, в какого рода случаях необходим рассказ и в какого рода — совершенно достаточен показ, если не желают растрачивать попусту времени и сил.

Обратимся к тому, что мы назвали выше *подчеркиванием* первостепенных правил. Устав гласит, например, что караул вызывается: для отдания чести, в случае пожара, в случае столпления народа поблизости караульного дома. Так это и преподается, и преподавание кончается тем, что первый случай все знают отлично, а о втором и третьем если десятый скажет, так и то слава богу. Почему это так? А потому, во-первых, что эти случаи поставлены не по относительной их важности, а в обратном порядке; во-вторых, что вызывать для отдания чести приходится очень часто, в случае пожара довольно

редко, а в случае столкновения у нас, благодаря бога, и совсем пока не приходится. Пока все смирно и тихо, все обстоит благополучно; но приходит беда и застаёт врасплох...¹ Подчеркивание и должно заключаться в том, чтобы в преподавании и при исполнении постоянно налегать на то, что караул ставится прежде всего для поддержания порядка и в силу этого вызывается главнейше в случаях, грозящих его нарушением. Отдание же чести не забудется уже и потому, что практика гарнизонной службы часто об оном напоминает. И это показывает, что если хотите добиться на деле ровного исполнения всего устава, нужно налегать в преподавании именно на существенные его части, потому что они такого рода, что ежедневный обиход службы практики в них не дает.

Приведенных примеров, полагаем, совершенно достаточно для того, чтобы офицер, мало-мальски внимательный и преданный своему делу, сам провел по всему уставу о службе в гарнизоне границы, важности и необходимости которых никто, конечно, отвергнуть не может.

Устав о службе внутренней имеет много общего с предыдущим в том именно, что важнейшие его обязанности усваиваются с рассказа. Обрядовая его сторона должна передаваться показом и заключается только в соблюдении правил воинской вежливости между всеми членами воинского братства взаимно. Дело это взаимное как потому, что того требует устав, так и потому, что офицер, не отвечающий на сделанную ему честь, показывает этим, что он как будто менее солдата благовоспитан.

Не можем покончить с этим уставом, не сказав несколько слов о предмете весьма важном и тоже поставленном без соображения со свойствами нашего рекрута— об изучении титулов, имен и фамилий начальников. Полагаем, что именно для основательности такого знания было бы весьма полезно до возможности сократить это титулование... Дело, право, не потерпит от того, что солдат на вопрос, например, «кто твой начальник дивизии?» ответит просто: «генерал-лейтенант такой-то». Ведь иной титул с именем, отчеством и фамилией составляет десять слов, иногда нерусских; где же солдату усвоить иногда пять-шесть таких титулов, особенно если взять в расчет, что ревность не по разуму некоторых начальников частей

¹ Многозначие автора.

ведет к требованию знаний титулов даже таких лиц, в ведении которых часть, ни прямо, ни косвенно, не состоит? Чем менее будет для солдата объем запоминаемого, тем с большим толком он будет знать то, что ему помнить действительно необходимо.

3

Участие изустного преподавания в *отделе стрельбы* должно, по нашему мнению, заключаться только в передаче солдату вполне отчетливого представления о правилах прицеливания и о влиянии на оное: наклона прицела, направления ветра и освещения, а также видоизменений местности. Отношения между линией полета, осью канала и прицельною линией могут быть показаны солдату, как это делается у англичан, т. е. на небольшой деревянной модели ружья, в которой утверждены, в надлежащем положении, проволоки, изображающие эти три линии. Полагаем даже, что и это роскошь, потому что и без такого показания нетрудно передать солдату, что прицел поднимается тем выше, чем расстояние больше. Чем постояннее учащий будет помнить, что должен передать солдату не все то, что сам знает, а только то, что ему знать необходимо, — тем лучше. Много есть и между усердными людьми, которые, сами того не замечая, гораздо более удовлетворяют своей потребности учить, нежели потребности солдата знать.

4

Строй, фехтование, гимнастика — такие отделы, в которых почти исключительно должен царить показ. *Но исправление ошибок в том, что солдату уже показано, должно делать не иначе, как словом.* Этому приему мы придаем особенное значение, так как только благодаря ему можно дать понять солдату его ошибку и, следовательно, сделать так, чтобы труд исправляющего не пропал бесследно. Ведь большая часть как исправляет ошибку? Положим, солдат нагибается в пояснице к ружью. Вместо того, чтобы приказать «бедро к ружью», учитель подходит и начинает руками выправлять и лепить солдата. А отошел — и тот опять стал кренделем, потому что по леплению может только догадываться, чего тот от него хочет, но ясного представления о своей ошибке получить не может. Погнув его вашими руками,

вы не призвали к участию в этой работе ни сознания, ни мускулов солдата. Раз вы его поправляете словом, вы возбуждаете его внимание, даете понять ошибку, учааете приводить в действие соответствующие мускулы для ее исправления¹ и, в конце концов, заставляете помнить и вперед, чего он должен остерегаться.

Вместе с тем, это способствует развитию солдата, пониманию им человеческого слова и укоренению привычки по слову быстро переходить к исполнению. Мы убедились в значении и пользе предлагаемого² приема, который, с первого взгляда, может показаться мелочным, на примерах отрицательных, т. е. показывающих, до чего может дойти тупость восприятия солдата, когда в обучении его сказанный прием упускается. Достаточно сказать, что попадаются, и нередко, люди, не понимающие выражений вроде: такое-то плечо ниже или выше, прицел на себя или от себя, не отличающие ребра от бедра и т. п. Довести до такого состояния солдата, который, в то же время, иногда перебалтывает вам бойко траектории в безвоздушном и воздушном пространстве, не значит развить его, так как развитие человека, приготавливаемого к чисто практической деятельности, заключается, прежде всего, в том, чтобы он быстро переводил слово в дело, т. е. понимал, что ему говорят, и понимание это выражал исполнением³.

5

Немалым подспорьем процветанию бессознательного заучивания служат руководства, составленные в вопросах и ответах. Подобные руководства, конечно, незаме-

¹ Одним словом, вы должны только указать ошибку; а поправить ее должен сам солдат.

² Этот прием также не нов и заимствован нами у одного из дельнейших представителей прежней системы подготовки солдата, но и в прежнее время он не был повсеместно распространен, а в настоящее совсем почти утрачивается, и мы распространяемся о нем с полным убеждением, что для весьма многих он будет совершенной новостью. Вообще прежняя система представляет много таких приемов братья за дело, которые и в новой будут в высшей степени полезны. Известные нам из этих приемов будут переданы в подлежащих заметках.

³ Предупреждая ошибочные догадки, заявляем, что приведенные в этих заметках примеры взяты не из одной какой-либо части, и мы убеждены, что их легче найти, чем не найти, по крайней мере, в семи частях из любых десяти.

домо для составителей, нарочито направлены к тому, чтобы, при удовлетворительности смотровых результатов, сущность дела оставалась на заднем плане. Известно, что простолюдин отличается весьма острою памятью; заучить для него гораздо легче, чем основательно понять и усвоить. При руководстве, составленном в вопросах и ответах, он заучивает по порядку те и другие и при проверке отвечает по созвучию и по порядку же, нисколько иногда не вникая в сущность того, о чем его спрашивают и что он сам говорит. Конечно, от солдата нельзя требовать слитного изложения статьи, иногда довольно длинной, и нужно помогать ему вопросами; но их должен делать, по мере надобности, обучающий, а не предрешать руководство.

6

Закljučаем эту серию наших заметок общим указанием относительно второстепенных отделов одиночного образования. Общее свойство большей части таковых то, что они требуют составления отдельных команд, т. е., до известной степени, ведут к дезорганизации рот и к возникновению временных начальников, преимущественно из молодых офицеров. Всякому, сколько-нибудь вникавшему в дело, известно, что солдаты, побывавшие в таких командах, почти всегда более или менее распускаются: следовательно, должно признать, что отделение их всегда бывает в ущерб внутреннему порядку. Ввиду этого, нам кажется весьма бесполезным, при всяком новом предложении, применение которого требует отдельной команды, иметь в виду вопрос: на столько ли велика ожидаемая вероятная польза от предложения, чтобы из-за него мириться с верным ущербом внутреннему порядку частей? Кроме того, всякое подобное предложение отклоняет некоторую часть людей от занятий их прямым боевым делом, что также бесполезно иметь в виду. Наконец, нельзя и того не помнить, что в наше время много есть уже таких команд, без которых действительно обойтись нельзя.

7

Выше мы коснулись занятий с солдатом, прямо отвечающих его специальности; настоящую беседу нашу начинаем с предметов, не имеющих прямого применения

в бою, но без которых трудно основательно усвоить важнейшую часть¹ того, что для боя необходимо: разумею грамотность и общее развитие солдата. Необходимость заботиться о распространении грамотности в войсках не подлежит никакому сомнению, равно как и то, что эта необходимость возникает вследствие несовершенства народного образования и никак не может быть признана прямою военною обязанностью. Назначение военной части — служить в мирное и военное время и учиться прямому своему делу, а не сидеть за школьной скамьей; и офицер обязан учить своих подчиненных грамоте не потому, что он офицер, но невзирая на то, что он офицер. Давно уже сказано, что военная часть не есть школа грамотности; и мы разделяем это мнение. Разделяем не в том смысле, что грамотность нужно вычеркнуть из программы солдатских занятий, но в том, что она, не будучи занятием, прямо отвечающим военной специальности, не должна быть развиваема в ущерб предметам чисто военного свойства или вести солдата к повышению, если не сопровождается в нем чисто военными качествами. В этом отношении приходится отметить тоже одно увлечение, которое без ущерба делу обойтись не могло. Требование, чтобы все унтер-офицеры были грамотны, при слабом развитии грамотности в массе народа, повело к тому, что достойнейшим из людей, но малограмотным, предпочитались при назначении в это звание менее достойные, если они были грамотеи; и мы приписываем отчасти этому обстоятельству постоянно раздающиеся жалобы на недостаток и неудовлетворительность унтер-офицеров. Ревность не по разуму придавала вышеуказанному требованию слишком безусловное значение и одно время открыла доступ к унтер-офицерскому званию какому-нибудь фабричному выжиге, проштрафившемуся писарю, лакею, одним словом, народу, среди которого грамотность встречается чаще, чем между земледельцами, бойкому, изворотливому (иногда даже слишком), но ненадежному...² А между тем не подлежит никакому сомнению, что сказанным требованием вовсе не имелось в виду отменять основные условия, которым должен удовлетворять рядовой, дабы удостоиться унтер-офи-

¹ Уставы о службе внутренней и гарнизонной.

² Многоточные автора.

царского звания, именно, чтобы он был лично надежен, тверд, ровен и справедлив с подчиненными; не только сам знал свои обязанности и все отделы образования, но умел передать и подчиненным свое знание. Мы придерживаемся того мнения, что первые из перечисленных качеств чаще встречаются между людьми, взятыми от земли, нежели между принадлежащими к другим слоям простонародья. Мы думаем, что труд земледельца, более нежели какой-либо другой, формирует твердый склад характера и тот прямой здравый смысл, которые не допускают никакого влияния ни в деле, ни в слове, и которые так дороги в нижнем чине, потому что делают его недоступным каким-либо сделкам с совестью и долгом. Суворов не даром преследовал «лживку, лукавку»; он знал, что эти качества в солдате не могут быть терпимы. И мы полагаем, что даже теперь, когда приняты все возможные меры к распространению грамотности, следовало бы предоставить при производстве в унтер-офицеры хотя одну десятую часть вакансий нижним чинам неграмотным, но представляющим по знанию дела и нравственным качествам верное ручательство в умение держать людей в руках и способствовать их военному воспитанию.

Разбросанное квартирное расположение ставит неодолимые преграды распространению грамотности в ротах для большинства ротных командиров; но встречаются почтенные люди, которые и при трудной армейской обстановке умеют довести число грамотных в своих ротах до 80%. Перед такими невольно преклоняешься, особенно когда подобный результат достигается не в ущерб прямой специальности.

8

Грамотность есть одно из средств развития; но, во-первых, не дает всего развития, во-вторых, не дает его в военном направлении. Можно быть грамотным и довольно бойким на язык и все же оставаться очень глупым и не имеющим военной окладки человеком. Но и это, как многое, сразу не было замечено. Сначала казалось, что первый признак развития солдата составляет бойкость ответов не только в том, что касается его специальности, но и в том, что к ней вовсе не относится. Начали добиваться этой бойкости, и настало тогда время

умилениа перед тем, если на вопрос: «сколько пяток в ружье?» солдат отвечал: семь, ваше в-дие! «как семь?» пять в ружье¹ и две у меня на ногах, ваше в-дие! Находили в подобных ответах не только удивительное развитие и находчивость, но и то, что солдат до такой степени проникнут своею специальностью, что себя от ружья не отделяет. Хорош вопрос, да и ответ не дурен! Нужно ли показывать, что такой взгляд на развитие солдата извращал понятия, ставя номенклатуру, как предмет, подлежащий изучению во всех направлениях: и вдоль и поперек, и по порядку и вразбивку; нужно ли доказывать что ответы, вроде приведенного, извращали отношения между солдатом и офицером, вводя в них балагурство, которое к этим отношениям не может считаться терпимую примесью? Неосмысленное увлечение развитием доводило некоторых до сообщения солдату, например, сведений о солнечной системе, невзирая на то, что подобные сведения без знания данных, на которых они основаны, не имеют смысла и что без долголетней школьной подготовки они не способствуют даже и общему развитию, не говоря уже о специальном. Говорил солдат со слов офицера, что земля кругом солнца ходит; и рядом с этим верил в домовых и в то, что гром гремит, когда Илья-Пророк по небу ездит.

Приводим эти примеры не из праздной потехи глумления над людьми, доказавшими даже своими увлечениями преданность делу; но с тем, чтобы получить правильный вывод о направлении и объеме развития, солдату потребного. Уже давно известно, что во всяком деле человек может добраться до правды только рядом односторонних решений вопроса и последовательными поправками их односторонности. В подлежащем случае ошибка заключалась в убеждении, будто развитие солдата может быть достигнуто только посредством словесных упражнений, т. е. путем заучиванья и изустного изложения заученного, даже если изучать не целую систему данного знания, а только урывки знания. Не замечали того, что можно говорить о деле, не только не имея о нем ясного понятия, но иногда даже без понимания того, что говоришь²; что человек подневольный может задолбить, по

¹ Пятки: спусковой скобы, перки, боевой пружины, казенной части, прицела.

² Примечание опущено.

нужде, все, что ему прикажут, насколько хватит памяти: хотя бы страницу логарифмов, например. Не замечали и того, что не дельно тратить время на лишнее, когда его едва хватает и на, необходимое.

Практика показала, что это собственно не развитие, а только внешняя форма, так сказать, мираж развития; что представление о предмете и рассказ о нем могут и удвоиться, т. е. можно понимать и без плавного рассказа; можно плавно рассказывать без ясного понимания. А между тем, именно в этом последнем, т. е. в ясном понимании, корень развития. *«Прежде вещь, а потом ее знак»*¹ — вот основной педагогический закон, одинаково верный в применении не только к началу, но и к продолжению занятий; не только к тому, что не следует давать наименования вещи, не показав самой вещи, но и к тому, чтобы и при последующем ходе занятий больше работать над вещами, нежели над словами. Беда не велика, если солдат не будет складно говорить, лишь бы складно делал; если есть логика в деле, то она неминуемо будет и в голове, хотя бы ее, по видимому, и не было в слове. Нелепые явления или нелепая работа развращают мозг гораздо более, нежели ошибочное употребление слов, или неумение уложить их в книжно правильную фразу. Солдат прежде всего должен уметь делать дело и потом уже говорить о деле: нужно, следовательно, первое развивать насчет второго, а не наоборот. В основании всякого, самого механического, по видимому, дела лежит непременно известная мысль: нужно только уметь открыть ее и расположить занятия так, чтобы для новичка она раскрывалась самым ходом занятий, без длинных разъяснений, и развитие будет достигнуто. Вот единственно действительное, а не призрачное развитие, потому что его дает существо вещей, непосредственно усваиваемое солдатом и неизменное, а не тот условный значок их, который называется словом и который даже для образованногословия не остается постоянным и одинаково всеми понимаемым: кому неизвестна резкая разница между книжным языком двадцатых годов и нынешним, например? Еще более она должна быть, и есть, между речью нашею и простолюдином: недостаток слов и связности отличает последнюю и часто принимается за недостаток раз-

¹ Примечание опущено.

вития людьми, не имеющими в виду этого обстоятельства. Простолюдин зачастую пропускает то, что известно из дела: отсюда отрывочность, видимая нелогичность и бессмыслие речи; но стоит пополнить подразумеваемое, и смысл, и логичность восстанавливаются во всей их непосредственной реальности и чистоте. В этой особенности речи, не прошедшей чрез школьную выработку, лежит, между прочим, объяснение того, что «Наука побеждать» Суворова, написанная для простолюдина, многим до сих пор кажется только набором слов; а между тем, самого небольшого усилия соображения достаточно, чтобы пополнить пропуски, сознательно допущенные гениальным педагогом¹, и этот мнимый набор слов предстает перед вами речью, полную жизни, энергии, логики².

Итак, развитие, отвечающее назначению солдата, дается делом, разумно веденным, гораздо более, нежели словом; дается немедленным применением на практике узнанного теоретическим путем в тех предметах³, где этот путь передачи, по необходимости, предшествует практике. Если это разумно в применении к какому бы то ни было составу обучаемых, то в применении к простолюдинам положительно необходимо. Могут возразить, что не во всяком практическом занятии мысль или цель его настолько ясна, чтобы развитие, приобретаемое этим путем, можно было считать таким действительным; что без слова все же обойтись нельзя. Во-первых, мы не против слова, а против злоупотребления словом, против постановки его первостепенным средством развития; *в особенности против изустных испытаний солдата в воспроизведении заученных ответов о том, что он должен уметь делать, а не рассказывать.* Во-вторых, нет такого механического занятия, мысль которого не раскрывалась бы сама собою, если только его толково, целесообразно вести.

Возьмем самое механическое из них — строй. Основная его мысль или цель — одновременность движения многих людей, требующая мерного шага. Стоит только поставить двух рекрут в затылок на строевой дистанции и заставить ходить, как они умеют, для того чтобы сразу показать необходимость движения в ногу: в этом убедят их собственные обитые пятки. Но если начать изучение

¹ Примечание опущено.

² То же.

³ То же.

мерного шага с разложения этого нехитрого действия на оставшиеся части и с проделывания каждой из них десятки раз; если выдерживать людей на стойке по целым часам, как то делалось в прежнее время, то необходимость этого не выяснится для человека не только из самого упражнения, но даже и при длинном объяснении останется непонятною. Тут уже целесообразность теряется, и занятие становится на артистическую или, пожалуй, на классическую точку. Сказанное о строе еще с большим основанием применимо к прочим отделам образования, так как их основная мысль раскрывается рекруту еще осязательнее из самого упражнения; мы не можем себе представить самого глупого рекрута, который не уразумел бы, зачем его учат стрелять и колоть, если его учить действительно стрельбе и нанесению ударов штыком, а не ограничиваться обучением заряданию без заряда, пальбе без выстрела, выпадам без видимой цели для удара и т. п. Если обучающий постоянно думает о том, чтобы вести дело обучения в этом духе, рекрут не может не развиваться, и притом в чисто военном направлении, потому что *род занятий определяет склад понятий*. Сознанию (как и физике) необходима постоянная пища, заключающаяся гораздо более в логичности действий, нежели в логичности слов. В особенности это верно в применении к солдату, так как он гораздо чаще исполняет волю других¹, нежели свою собственную. Как бы ни мало был развит человек, все его действия предшествуются внутренним, инстинктивным, но неминуемым: «почему?» Чем чаще и постояннее он получает прямой и ясный ответ на этот вопрос из самого дела, тем более крепнет и развивается его сознание.

Это первый результат системы развития делом более, нежели словом. Второй и не менее важный ее результат — *укоренение в солдате веры в то, что начальник требует от него дела, и только дела*. Это лучшее пособие дисциплине в мирное и единственная ее опора в военное время, когда вера в силу приказания заменяется силой приказания в меру доверия, внушаемого начальником. Бывшие в делах не отвергнут, вероятно, этого положения.

Сказанное, вероятно, многим покажется гонением на изустное преподавание; но это неверно. Еще раз повто-

¹ Примечание опущено.

ряем, мы не против слова, но только против его злоупотребления, против создания целых отделов теоретического преподавания, не имеющих никакого практического смысла; против заранее составляемых смотровых ответов, заучиваемых вместе с вопросами. Мы, напротив, в пользу самого обширного его применения; но только там, где это действительно необходимо, и притом так, чтобы это устраняло всякую возможность долбления: чтобы солдат на вопросы отвечал свое, понятое, а не бессознательно заученное. И в этом отношении великий пример дает нам тот же Суворов. Не уставал он сам и через других говорить с солдатом; любил озадачивать самыми, повидимому, дикими вопросами; но заучивать солдату приходилось мало, потому что нельзя было никогда знать вперед, о чем он спросит. Приходилось, следовательно, заботиться о понимании, а не о затверживании книжных ответов: пример, глубоко поучительный для инспектирующих начальников, которые постоянно должны думать о том, чтобы их вопросы не складывались в какую-нибудь одну закаменелую форму. Подчиненный весьма чуток к подобным вещам и скоро подмечает, можно или нет вместо понимания показать долбление, которое ведь легче.

Сверх того, мы придаем большое значение тому, чтобы офицер ни одного случая не пропускал поговорить с солдатом, задать ему один, другой вопрос; для сообщения солдату навыка отвечать быстро, толково и с соблюдением воинских приличий, это единственное средство. В действительности его можно убедиться на денщиках, которые выбираются не из лучших людей, а между тем отвечают гораздо толковее многих солдат, более их способных. И это достигается без всякого усилия, мимоходом, вследствие одной близости менее развитого человека к более развитому. Немножко более сердца, немножко более внимания к солдату со стороны офицера, и успех верен. Офицеру следует поступать так не только в интересах службы, не только во имя великой идеи товарищества, но и в своем собственном интересе: в бою солдат идет от сердца за тем офицером, которого он знает и который его знает и понимает. Поздно учиться говорить с солдатом тогда, когда нужно уметь *Словом* посылать его на смерть. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой.

Недостаточно знать, что и как нужно делать для подготовки солдата к бою: нужно еще иметь в виду и то, кем приняться за это дело. Самый добросовестный, знающий и деятельный ротный командир весьма мало сделает, если вообразит, будто сам все может сделать. Это выдвигает на первый план, и притом как необходимое условие для успеха дела, подготовку унтер-офицеров, учителей и упрочение организации составных частей роты. В этом отношении короткие сроки службы также поведут к довольно резкому изменению во внутреннем складе частей, сделав невозможным в будущем применение давно установившегося в нашей армии и прекрасного обычая назначать каждому рекруту дядьку из старослужащих и надежных солдат¹. Волею-неволею придется давать по несколько человек одному дядьке. Как бы то ни было, но при современном характере образования, требующем выработки каждого солдата отдельно, огульный способ занятий может быть терпим менее чем когда-либо, и обязанность постоянно формировать учителей в достаточном числе для замены убыли должна быть поставлена в ряду первостепенных обязанностей ротного командира. Нельзя не заметить, что в этом отношении старые взгляды и привычки дают себя знать более, нежели в чем-либо другом: у многих дело подготовки учителей и унтер-офицеров идет так, как будто они останутся в роте по меньшей мере десятков лет. Кончается тем, что не успеешь оглянуться, как подготовленные люди ушли в отпуск, и в иных ротах случается, что один человек обучает, например, прицеливанию человек двадцать. Успеха тут, конечно, быть не может, потому что солдат большую часть времени на ученье не упражняется в прицеливании, а стоит сложа руки: напрасная трата времени и бесплодное утомление. И нельзя не вспомнить по этому случаю приема, строго соблюдавшегося в прежнее время: одиночное обучение тогда велось небольшими кучками, хотя при занятиях такими вещами, как стойка и ружейные приемы, это было менее необходимо, чем теперь. Этот прием должен быть восстановлен безусловно: и для успеха дела, и ввиду сбережения солдата, и, наконец, для предохране-

¹ Примечание опущено.

ния его от нравственной порчи, вследствие привычки выходить на ученья для того, чтобы ничего, или почти ничего, не делать. Разумеется, ротный командир должен работать теперь, по крайней мере, вдвое-трое против прежнего, чтобы иметь достаточное число учителей; но выхода из этого нет, следовательно, должно работать. Да притом нельзя не взять и того в расчет, что, подготовив как следует учителей, он облегчает этим впоследствии и собственную работу. В особенности это будет верно в том случае, если быть внимательным к качествам людей и брать из них в учителя толковых и исполнительных, хотя бы даже из однолетков. Нужды нет, если он исполняет свое дело не совсем ловко или живо, лишь бы точно и толково исполнял; а будет учить других и сам научится. Гоньба за идеальными учителями — тоже наследие прежних сроков службы, с которым, при настоящем положении дела, нужно расстаться. Мы достаточно коснулись этого предмета для того, чтобы показать и положение его в настоящую минуту, и громадную важность *кадра роты*. Прежде кадр слагался, так сказать, сам собою, и потому значение его до такой степени мало обращало на себя внимание, что такие даже противоестественные операции, как развертывание одного, например, батальона в три, считались делом простым и рационально-возможным. Теперь не то: всякому стало ясно, что вся организация именно на ротах и держится; можно по нужде увеличивать или уменьшать число батальонов в полку, полков в дивизии, хотя и на это есть свои нормы; но до рот нельзя касаться, если не желают из организации получить дезорганизацию¹.

Значение прочного и достаточного кадра проявляется не в одном обучении, но во всем быте и службе роты. Нужно, чтобы рота представляла не одну бесформенную массу, но слагалась из малых, органически сросшихся между собою частей, подобно тому, как это видим в человеческом теле. И всякая из этих малых частей должна иметь свою самостоятельную и ответственную голову и свое органическое сложение из частей меньших: только тогда она может быть признана, как орган роты, только тогда рота является организмом здоровым, имеющим внутренний порядок. Строго говоря, идеал был бы до-

¹ Мы говорим о действующих войсках.

стигнут тогда, если бы ротный командир имел дело только с полувзводными¹, полувзводный с десяточными, десятчный со старшими в звеньях и только эти последние с рядовыми. К установлению такого порядка необходимо стремиться всеми силами, необходимо восстановить значение и ответственность начальников этих мелких подразделений во имя всесторонних интересов службы как в мирное, так и в военное время. В массах людей, сплачиваемых для достижения целей, противных личному инстинкту самосохранения, необходим самый строгий надзор, необходимо и убеждение каждого из составляющих массу в том, что за ним постоянно смотрят. То и другое возможно только тогда, когда надзор учреждается над каждой небольшой кучкой и когда сам надсмотрщик знает, что над ним тоже есть глаз. В бою ряды и шеренги неминуемо утрачиваются; но капральства, десятки, не говоря уже о звеньях, никогда не должны исчезать или, что то же, выладать из рук своих командиров; тогда и рота будет в порядке, хотя бы и сбилась в кучу. Все это вещи тоже старые и большинству читателей покажутся давно известными; но отчего же они неизвестны на практике? Отчего во многих ротах даже утрачено понятие о том, что нужно делить людей на десятки; а где это деление и существует, то чисто внешним, формальным образом, т. е. ни десятчный не считает себя ответственным за своих людей, ни они не видят в нем своего начальника во всех положениях роты? Отчего правящий или капральный не всегда знает, сколько он вывел людей в строй, сколько у него людей в расходе и в каком именно? Рота, доведенная до подобного состояния, конечно, не есть организм, а только бесформенная масса частиц, как бы ни была она стройна по виду. Отчего, наконец, когда открыли во время последнего польского восстания революционную организацию по пяткам, соединяющимся в десятки и т. д., эта организация даже многим из военных показалась чем-то новым, между тем как это только копия воинской организации, разумно понимаемой? Значит, не совсем так просто и общезвестно то, что таким кажется, когда на него пальцем покажут. Подобные порядки были еще мыслимы тогда, когда рота срасталась в одно существо естественным путем долголетней свычки,

¹ По теперешней номенклатуре — со взводным.

хотя бой и тогда показывал всю их несостоятельность; но продолжение их теперь равносильно добровольному желанию идти навстречу катастрофе. И как опять не указать на бессилие достигнуть живого, т. е. каждую минуту применяемого, знания обязанностей одним только словом? Ведь многие из унтер-офицеров, при теоретической проверке знания обязанностей, наверное, начнут с того, что унтер-офицер должен знать своих людей во всех отношениях; а на деле что оказывается?.. Потому что, опять-таки, все дело в том, чтобы приискать практические приемы проверки: без них слово в жизнь не переходит. В предлежащем случае прием прост: стоит только, спросив капрального, сколько у него людей выведено в строй, приказать ему вызвать своих десяточных, а каждому десяточному вызвать своих людей поименно: тут все окажется. Затем, по арматурным книжкам поверить, знают ли капральный и десяточные сроки службы людей, кто из них грамотен, кто штрафной, кто знает мастерство; чтобы они указали на самых надежных людей. Одной такой проверки достаточно, чтобы дать унтер-офицерам более фундаментальное понятие о их обязанностях, нежели какое они выносят из самого продолжительного и, пожалуй, даже толкового, но теоретического их изучения. Полезна такая проверка и начальнику, потому что показывает ему, как трудно дается то, что, повидимому, само собою разумеется. Она покажет ему, как иногда в самой благоустроенной по внешности части благоустройство внутреннее находится куда как невысоко. Создание таких приемов на всевозможные служебные случаи составляет, при коротких сроках службы, насущную необходимость. Мы делаем опыт предложения некоторых из них, в надежде, что люди, более нас опытные в воинском обиходе, в свою очередь, выскажут в общую известность их приемы водворения внутреннего порядка и служебного развития чинов кадра; только при таком условии делается достоянием всех то, что приходит в голову одному и умирает с ним бесследно. Устав — книга; он говорит, что должно быть; но не говорит, как добиться, чтобы оно было. Строевики старого закала мало-помалу исчезают; с ними исчезает не только то, что излишне при нынешних порядках, но и такие предания, которые нужно спасать от забвения и хранить, как зеницу ока. И сколько времени пройдет, пока ценою горьких уроков вновь не выра-

ботається то, що уже було вироблено і застосовувалося з повним успіхом...¹

Другий прийом постановки чинів кадра (капральних, десяточних, старших в звеньях) на должную ногу заключається в тому, чтобы в их частях, помимо их, воздерживаться что-либо делать² и строго держаться старой поговорки: «атаману первая чарка и первая палка». Солдат знает свое дело, справляйтесь прежде всего, кто его учил, и награждайте или наказывайте прежде всего этого последнего. Солдат отлучился, беритесь прежде всего за старшего в звене и за десяточного: когда отлучился? спрашивался ли? доложено ли капральному своевременно? В строю не торопитесь сами исправлять ошибку полувзвода, не командуйте ему, как нередко бывает: ведь вы ротный, а не полувзводный командир. В цепи не кричите приказание на триста иногда шагов, — могут не услышать, а в бою и наверное не услышат: выйдет путаница; вы сердитесь, теряете спокойствие, начинаете суетиться, а путаница еще больше; а прямые ваши помощники в стороне, ничего не делают, а торчат только для украшения цепи, на должных дистанциях за оною. А соберите полувзводных и отделенных к себе, скажите им спокойно, ясно и кратко, что вы хотите сделать, дайте им разойтись спокойно и передать своим людям вашу волю, и исполнение выйдет образцовое, без всякой репетиции: говорим по опыту. Следите, наконец, за тем, чтобы унтер-офицеры не поправляли сами ошибок отдельных людей в цепи, а требовали бы исправления от старших в звеньях; да не указывали бы им, в чем ошибка; разве старший в звене не догадается, тогда только приходит ему на помощь. Тогда все чины поймут свои обязанности в строю, потому что в действительности будут исполнять их, чего теперь нет. Тогда будет субординация; будет и порядок. Да субординация только для того и существует, чтобы был порядок; и кто перескакивает ее ступени, как бы ни были они скромны, тот прямо ведет к подрыву порядка, так как этим показывает якобы ненужность начальников, которых обходит, и тем приучает их равнодушно относиться к делу. А в бою ведь потребуют от каждой из этих ступеней исполнения ее обязанности, так как начальнику высшей ступени не будет времени брать

¹ Многоточие автора.

² А делать через них.

на себя их дело; а как ее исполнить, когда к тому нет ни привычки, ни даже сознания, что это именно *ваша*, а не другого кого обязанность? Какая длинная процедура, вероятно, скажут некоторые; может быть и длинная, но единственно мыслимая для того, кто понимает, что времени на дельно сформулированное и в порядке постепенности отданное приказание требуется несравненно меньше, нежели на исправление путаницы, происходящей от нарушения такого порядка. Да, вдобавок, нужно помнить суету, нераздельную спутницу всякой путаницы: суету, представляющую именно то нравственное состояние, при котором гибель почти неизбежна в бою.

10

Великий и поучительный по своей чувствительности предмет представляет масса, составленная даже из таких людей, как привыкшие ко всем невзгодам жизни простолюдины. Можно сказать положительно, что ко всем благоприятным и неблагоприятным влияниям она восприимчивее самого нежного единичного организма; малейшая случайность, незаметная для последнего, отражается на массе самым осязательным, очевидным образом. В нее, по необходимости, попадают люди всяких складов; попадают притом в обстановку, не весьма выгодную в санитарном отношении; и от того всякое неблагоприятное обстоятельство неминуемо находит в ней свою жертву, для которой является каплею, переполняющей чашу. Гибель некоторых единиц при таком положении неустрашима, несмотря на все усилия избежать ее; но все же, при внимании, ее можно уменьшить. К несчастью, такое не всегда встречается; факт неминуемости гибели часто отвлекает внимание от числа гибнущих и зачастую относится на волю Божию то, что всецело должно быть приписано способу исполнения разными начальниками их обязанностей. Этому способствует и то еще, что рядом с крайней чувствительностью масса представляет другую особенность — убыль в ней не так поражает. В тысяче человек десятью больше, десятью меньше, не все ли равно? За лесом не видно деревьев. Конечно, если бы в эти десять попал наш брат или сын, разговор был бы иной. Упускается при этом весьма простодушно самая малость: именно, что в числе тех безвременно и без

пользы для дела погибших десяти ни одного не найдется, который бы не был чьим-либо сыном или братом. Утешительного в сказанном, конечно, мало, но теперь более, нежели когда-либо, нужно взглянуть прямо в глаза действительности, не маскируя ее от себя никакими сентиментальными миражами. Убийца не тот один, кто убивает непосредственно, но и тот, кто попускает гибнуть человеку по своей оплошности или нерадению; хорошо еще, если не из своекорыстия. Тут может быть одно только оправдание: не ведал, что творил. Но оно едва ли применимо к тем, от кого зависят тысячи людей, как по их положению, так и потому, что малейшего внимания с их стороны достаточно, чтобы тотчас видеть, какое следствие производит та либо другая мера, или, наоборот, отсутствие меры в данном случае: стоит только следить за тем, что говорит лазарет или госпиталь. В особенности это верно в применении к значительным массам, на которых, как уже сказано, немедленно отражается все хорошее, как и все дурное.

Два полка стоят в одинаковых условиях по расквартированию и отправлению гарнизонной службы; в одном болезненность и смертность больше, нежели в другом: ищите причин в том, что или дурно кормят, или бестолково учат, не давая людям достаточного отдыха, и, наверное, не ошибетесь; откроете то или другое, а иногда и то и другое. В одной из частей, нам известных, на занятия во время лагеря выходили сначала в день по два раза в ранцах; болезненность не усилилась, но приняла специальный характер: большинство заболевших жаловалось на грудь. Было отдано приказание на вечерние занятия выводить без ранцев, и число грудных в несколько дней понизилось до прежней нормы. Солдата нельзя баловать, но нельзя и не беречь; особенно молодого солдата, для которого и самый переход к новым условиям жизни есть уже шанс на болезненность.

Вопрос сбережения прежде всего вызывает заботу о воздухе и пище. Относительно первого большинство нашей армии поставлено весьма выгодно, именно потому, что не казармировано, хотя это и неудобно в других отношениях. Что же до пищи, то весьма полезно закармливать солдата ввиду напряженной работы и усиливать его рацион в продолжение оной. Не говорим уже о внимании к тому, чтобы все полагаемое солдату действительно до

него доходило. Где этого нет, не только число жертв увеличивается, но и служба плохо идет, и внутренний порядок расхлябывается, потому что молчание солдата покупается послаблениями.

Один опытный и дельный служака глубоко замечает, что приведение расстроенной части в порядок следует начинать с котла; пришлось, и неоднократно, убедиться, до какой степени он прав. Недаром еще Колюшня говаривал: «*compençons á former le monstre par le ventre*».

Дело великой важности, и в смысле сбережения солдата, и в смысле поддержания его достоинства, составляют: чистота тела, опрятность в одежде. Не можем не упомянуть об этом, но распространяться считаем излишним, так как дело само за себя говорит. Заметим только, что для соблюдения того и другого требуется особенная настойчивость, так как наш простолюдин, за редкими исключениями, не охотник ни до чистоты, ни до опрятности.

11

Точно так же, как не установились понятия об относительном значении предметов одиночного обучения, не установились они и относительно системы и духа *подготовки частей к бою*. Подготовка частей представляет те же две категории предметов, что и одиночная, т. е. предметы, имеющие целью действие и обстановку действия. К первой категории относятся: стрельба из сомкнутого строя, ученья с боевыми патронами и приемы обучения атаке; ко второй — строй и маневрирование.

В стрельбе сомкнутой нельзя не заметить: а) недостаточного внимания к особенностям прицеливания и к предельным дистанциям, далее которых стрелять из сомкнутого строя не следует; б) увлечения мыслью о выпускании в данный промежуток времени возможно большего числа выстрелов.

а) При стрельбе залпами необходимо целить в ноги и обратить людям соответственный уклон ружья в механическую привычку; для чего и при пальбе примерной необходимо давать постоянно людям видимую цель, ставя перед фронтом, шагах в 150, 200, одиночных людей, по одному на полувзвод или на взвод, в зависимости от длины фронта роты. Общее и безусловно верное правило:

как только обучаете чему-либо, касающемуся до действия оружием, никогда не забывайте, чтобы была видимая цель. И дабы не терять времени каждый раз на высылку людей, представляющих точку прицеливания, никто не мешает, раз выслав их в начале ученья, приказать им не возвращаться, а сохранять свое относительное к роте положение до конца ученья.

Многие до сих пор думают, будто можно с успехом стрелять залпами на дистанции, превосходящие дистанцию прямого выстрела; мы не только не разделяем этого мнения, но признаем его положительно ошибочным, так как подобная стрельба требует установки прицела и точного прицеливания, которое для большинства людей недостижимо при стрельбе по команде. Мирный успех в подобной стрельбе, даже если бы он и чаще встречался, чем до сих пор, ничего не доказывает и принадлежит к числу тех фокусов, которые очень заманчивы на вид, но боевого значения не имеют, а между тем извращают понятия насчет того, что возможно и что невозможно в бою. Нужно помнить, что в случае войны, роты наполовину, если не более, будут состоять из людей, на искусство которых в стрельбе нельзя будет рассчитывать, а стрельба залпами на дистанции, превосходящие прямой выстрел, требует несравненно большего искусства, нежели одиночная, хотя бы и на самые дальние дистанции. Нужно помнить и то, что выдавшие бой единогласно утверждают, что в нем приходится противодействовать стремлению открывать огонь раньше, чем следует, а не обратному. Уже одно это обстоятельство показывает, что для достижения дисциплинировки огня должно, и словом и делом, посеять в людях убеждение в необходимости выдерживать залпы до близких дистанций и устранять из обучения все, что могло бы этому убеждению итти вразрез. Ввиду высказанных соображений, мы признаем обучение стрельбе залпами на дистанции, превосходящие прямой выстрел, одним из тех увлечений, причина которых — недостаточно ясное представление боевой обстановки и невнимание к духовным свойствам человека. Это та же маршировка тихим шагом с полным стаканом воды на кивере, приводившая в восторг любителей лет тридцать, сорок тому назад; та же тонкая стрельба, которая в наше время кажется столь полезною людям, неспособным подняться до синтеза подготовки к бою. Пруссаки рассказывают,

правда, что они иногда прибегали в бою к дальним залпам; но, во-первых, они не меряли дистанций, а в бою мало ли что может показаться; во-вторых, то, что делается в бою *иногда*, нельзя без разбора вводить в обучение: в бою ведь иногда и бегают; но еще не находилось оригинала, который собирался бы этому учить; в-третьих, мы того мнения, что гораздо выгоднее присматриваться к тому, что пруссаки делают у себя дома, нежели прислушиваться к тому, что они рассказывают на стороне. А делают они все возможное для внушения своим людям самого твердого убеждения в том, что огонь массы только тогда и действителен, когда выдержан до близких расстояний.

б) Увлечение мыслью получить в данный промежуток времени возможно большее число выстрелов повело к стрельбе на минуты, которая суетит и людей, и офицеров, и к односторонней оценке систем оружия. Число выстрелов в минуту зависит, во-первых, от ловкости стрелка в зарядании; во-вторых, от самого устройства оружия; первый фактор совершенствуем только до известного предела, за которым быстрота обращается в суету, неминуемо уменьшающую меткость огня и, до некоторой степени, даже в мирное время, влияние офицера на солдата. А не суетиться нельзя, так как раз объявляется, что стрелять будут только одну минуту, невольно возникает стремление стрелять возможно чаще, чтобы сделать больше залпов. Таким путем получается приращение в числе выпускаемых пуль; но получается ли соответственное приращение в числе попадающих? В этом весь вопрос; и всякий согласится с тем, что если при четырех залпах попадает больше пуль, нежели при шести, то выгоднее дать четыре, а не шесть. Ускорение зарядания, происходящее от совершенства механизма ружья, есть приобретение положительное; но только в том случае, если это совершенство не затрудняет содержания ружья в порядке и не делает механизма сложным и непрочным. Но у многих эти последние условия не удостоиваются почти никакого внимания, и оценка системы делается по одному тому, сколько из ружья можно сделать выстрелов в минуту. Сказанное о ружьях обыкновенных систем в равной мере относится и к повторительной. Если изобретут повторительную систему, которая будет несложна, прочна, не будет требовать слишком тщатель-

ного ухода и представит возможность задерживать стрельбу на любом, конечно, заранее определяемом, числе выстрелов, то ни о чем лучшем и мечтать нельзя. Но если не будет доставать хотя одного из этих условий, система не может быть признана удовлетворительной военной машиной, и принятие ее имело бы следствием только бесполезную трату миллионов.

12

Учение с боевыми патронами привилось настолько прочно, что везде почти делается; но все еще от времени до времени слышны жалобы, что для таких учений мест мало. Происходит это преимущественно от того, что составители проектов для этих учений хлопочут о разнообразии их, как зрелища. Если бы они имели в виду, что старое для них и начальников место *ново* для всякой новой, приходящей на оное части, то они не жаловались бы на недостаток места. По одному и тому же проекту, на одном и том же месте, делайте ученья хотя тысяче частей, поучительность для каждой из них будет одна и та же. Ведь начальник делает подобные ученья для частей, а не для себя. О несчастных случаях при этих ученьях тоже, благодаря бога, не слышно, а, между тем, возможность их когда-то выставлялась, как главный аргумент против их принятия. Одно из весьма назидательных подтверждений той старой истины, что в опытном деле выводы *á priori*¹ никуда не годятся, так как у большинства это не выводы, а просто непродуманные первичные впечатления, основанные на какой-нибудь одной вероятной данной, которая бросилась первою в глаза. И мы убеждены, что то же самое обнаружится и в применении к недавно предложенным обстрелкам и ученьям под выстрелами артиллерии, кажушимся столь ужасными по первому впечатлению.

Обучение атаке требует: 1) упражнений в атаке небольшими шеренгами на чучела, для практики в меткости и силе удара на ходу и в своевременном отдергивании штыка по нанесении удара, а также и для показания, что в сомкнутом строю приемы одиночного боя на

¹ Умозрительно.

штыках неприменимы; 2) постоянного соблюдения того правила, чтобы атаке была видимая цель, будут ли то отдельные люди, представляющие строй неприятельской, или какие-либо предметы; 3) сквозных атак. Ограничиваемся несколькими словами об этом последнем приеме, так как первые два, кажется, более спору не подлежат. Большинство уже соглашается с пользой сквозных атак кавалерии на пехоту и кавалерию, но отвергает остальные их виды. Мы имели случай видеть применение *всех* ее видов и невольно преклонились перед гениальным предвидением человека, впервые применившего этот прием. При атаке пехоты на кавалерию вот что обнаружилось. Приказано было, для постепенности, сначала подводить пехотный строй к кавалерийскому шага на два и делать ружейные приемы. Еще шагов за десять до приближения пехотного строя к кавалерийскому лошади начали пятиться и обнаруживать необычное волнение; затем оказалось, что многие между ними откидывались даже от таких невинных приемов, как на-плечо и на-краул! После приемов люди подходили тихо и не разом, оглаживали лошадей; затем несколько отступали и проходили кавалерийский строй насквозь с криком. При этом некоторые лошади не только осаживали, но даже поворачивали назад и выскакивали с своих мест. После повторения объясненного по нескольку раз лошади начинали относиться к приближению пехоты и к прочему несравненно спокойнее. После этого опыта нельзя было не убедиться, что Суворов даром и попусту ничего не делал. У одного из присутствовавших при упражнении невольно вырвалось восклицание: «да, это прием действительно учебный». Главная цель воспитания лошади, конечно, та, чтобы она, после подчинения воле всадника, ничего не боялась; если эту цель преследуют во всех мало-мальски порядочных манежах и конюшнях, не имеющих в виду приготовления боевых лошадей, то странно отвергать ее в применении к лошадям кавалерийским, которые теперь боятся именно того, для опрокидывания чего в бою назначаются. Да не мешает также и пехоте настолько освоиться с конницею, чтобы ее не бояться. На своих взаимно освоимся, а чужих не будем бояться. Уча учимся. Отвергающим пользу сквозных атак пехоты на пехоту ответ один: «никакая инструкция и изустное разъяснение не помогают в деле, требующем физического навыка».

Обстановка действия частей. Обстановку действия в мирное время представляют упражнения: строевые собственно и маневренные. К последним относятся: практика в боевых расположениях и движениях, в бивачном расположении, в учреждении марша и в сторожевой службе на марше, на биваке и во время боя. Во всех этих предметах приходится отметить многое необходимое, но в жизнь не перешедшее. Отсутствие системы в перечисленных предметах выражается тем, что старые части оных, практические приемы ведения которых выработаны и обратились в рутину, идут хорошо и берут даже более времени, чем нужно для их усвоения¹; новые же ведутся как попало, даже без мысли о том, на какие именно практические приемы следует их разложить, чтобы дело пошло успешно. Оттого и выходит, что в занятиях старыми предметами замечается ненужная рокошь постепенности; в занятиях новыми, напротив, нетрудно открыть перескакивание через такие отделы, которые, без специального показа, из одних книжек, положительно не могут быть усвоены. К старым, или установившимся отделам мы относим строевые ученья и внешнюю сторону маневрирования; к неустановившимся — прикладную часть устава и внутреннюю сторону маневрирования, сторожевой службы и походных движений².

Для пояснения только что сделанного разграничения старых и новых отделов необходимо остановиться на нем несколько долее. Принятая теперь система занятий представляет почти везде следующую постепенность: строевые ученья роты и батальона; так называемые ротные и батальонные маневры, т. е. полубатальон против полубатальона, батальон против батальона; полковые ученья; полковые маневры с придачею кавалерии и артиллерии;

¹ По тому свойству человека, которое всегда располагает его к занятиям тем, что он знает, и отвращает от того, чего он не знает.

² Еще раз напоминаем, что мы говорим о деле вообще, а не имеем в виду ту или другую часть или место. В нашем деле, как и в других, замечается явление, свойственное всем переходным положениям: в одном месте и до сих пор остаются при занятиях только строем; в других признают и маневрирование, понимая его чисто внешним образом; в третьих, наконец, подумывают уже и о внутреннем благоустройстве маневров и т. д.

бригадные учения без артиллерии; дивизионные учения с артиллериею; маневры — односторонние и двухсторонние — больших отрядов, из всех родов оружия.

Строевые учения роты и батальона берут довольно много времени, и это совершенно основательно; но, в большинстве случаев, они ограничиваются только проделыванием уставных типов без всякого применения их к месту, где деремся, и неприятелю, против которого деремся, что вовсе уже неосновательно. Вследствие этого части приступают к маневрированию неподготовленными, что и объясняет большую часть ошибок ротных и батальонных командиров на маневрах. И это первый факт, подтверждающий сказанное выше о роскоши постепенности в занятиях старым предметом, чистым уставом, и о перескакивании через новый предмет — устав прикладной. Ведь для того чтобы на маневре дельно встречать кавалерийские атаки, предохраняться от пехотного или артиллерийского огня и проч., нужно *до маневра* знать, как это делается; нужно *до маневра* взять навык видоизменять уставные типы строя сообразно местности, роду и направлению неприятеля, расстоянию до него, нужно *до маневра* взять навык делать подобные видоизменения не иначе, как строго уставным образом, т. е. по уставным командам, стройно и дружно. Не похож ли этот порядок на то, если бы, обучая грамоте, сидели на азбуке возможно долее, а затем прямо переходили к чтению, перескакивая склады? Так как устав чистый, прикладной, и маневрирование находятся между собой совершенно в том же отношении, как азбука, склады и чтение. После полковых учений следуют полковые маневры. Тут уже, кроме помянутой роскоши в проделывании старого, делается в новом не один скачок, а целых три: перескакивается прикладной устав, перескакивается свычка различных родов оружия ко взаимодействию и приготовление командиров к управлению ими в мелких отрядах прежде, чем переходить к большим. В положении полкового командира (в пехоте) и кавалерии или бригадного (в артиллерии) учиться поздно на маневрах значительного отряда, да и стеснительно; кому же охота, достигнув столь важного поста, срамиться и перед своими подчиненными, и перед посторонними? Оно даже и для службы не совсем удобно, да и лета часто такие, в которые, даже и при желании, трудно выучиться. Кончается тем, что

начальник отряда исчезает, а является тот же командир полка, который сидит на своей части, а придаткам из других родов оружия предоставляет промышлять о себе, как их начальникам бог на душу положит. Затем идут занятия частями еще более крупными; тут уже поздно поправлять то, что попорчено в детальной подготовке, а остается только ахать да охать, как это, право, люди таких простых вещей, как, например, прикрытие артиллерии и т. п., не понимают. Нужно постепенно проделать, тогда и поймут, и будут делать; труднее не понять, нежели понять. Нельзя разыгрывать симфонии, когда с грехом пополам только ноты разбираешь; нельзя читать, когда знаешь только азбуку, а складов не проходил. На упражнениях больших отрядов нельзя учиться, а нужно применять уже заблаговременно и твердо изученное.

Не только отсутствие должной постепенности в занятиях, но характер составления предположений для маневров отнимает значительную долю их поучительности. Нас так и тянет в то, чтобы непременно были и *colonnes de droite*, и *colonnes de gauche*, и *colonnes du centre* и чтобы кто-нибудь кого-нибудь непременно отрезывал, разделял или кому-нибудь заходил в тыл. Такое направление составителей предположений, распространяясь по всем ступеням, уже принесло свои плоды: стоит дать человеку трех солдат под команду, и из них хотя одного, а уж непременно отделит он для обхода, иначе и маневр не в маневр.

Если бы это не мешало стоять на первом плане настоящему делу, куда бы ни шло; но беда в том, что эти *colonnes de gauche* и проч. так поглощают внимание, что на настоящее-то дело или мало, или совсем не обращается никакого внимания. Нам кажется гораздо полезнее для войск исполнить нехитрое предположение, но чтобы при этом следить: как начальники отдают приказания, как эти последние передаются; сообщает ли частный начальник своим подчиненным полученное приказание; что из него и как сообщает; при атаке подводит ли свою часть так, чтобы понести возможно меньше потерь; руководят ли стрельбою в цепи унтер-офицеры и старшие в звеньях; задается ли начальник, подступая к позиции, вопросом о том, на который пункт ему выгоднее направить главные усилия; указываются ли артиллеристам цели для стрельбы, определяются ли дистанция и не зря

ли определяются; распределено ли между частями, кому на какую точку устремляться; указаны ли эти точки солдатам их непосредственными командирами; распорядился ли каждый частный начальник назначением себе очереди заместителей в случае убыли; учреждено ли постоянное наблюдение за флангами. Одним словом, постоянно следить, подумано ли о том, чтобы неожиданно не было, внутренняя связь во всем отряде ни на минуту не разрывалась; чтобы всякий знал, что должен делать, и извлекал всю пользу из приобретенного предварительным обучением. Собственно для артиллеристов весьма было бы не вредно тому-другому орудию задать тут же на позиции: подбитое колесо, сломанное дышло, подбитый лафет, убитую лошадь в корне или среднем уносе; завести непременно резерв батарей для практики офицеров и людей в постоянной связи с этими резервами, дабы замена пустых зарядных ящиков новыми исполнялась быстро, без путаницы и суеты. Наконец, не мешает, и даже довольно часто, предположив, что прислуга в батареях перебита, потребовать артиллерийскую команду соседней пехотной части к орудиям и заставить действовать.

В чем причина того, что внешняя сторона маневра в таком почете, а внутренняя в загоне? В недостатке терпения; в том, что внешняя сторона говорит глазу, а внутренняя — ни о чем; что в силу этого составители предположений прежде всего бывают озабочены не поучительностью маневра для войск, а тем, чтобы вышел *jeu de manœuvre*; а как же он выйдет *jeu de manœuvre*, если его ограничить грубым фронтальным наступлением одной стороны, расположением для обороны другой и наблюдением за тем только, чтобы все было сделано толково в выше объясненном смысле? Нам кажется, что, ведя занятие строем и маневрированием в постепенности, ниже излагаемой, успех получился бы и быстрее, и более соответствующий тому, что ожидает солдата и начальника на войне и в бою.

Основание подготовки людей роты к дружным действиям сообща составляет строй, в особенности сомкнутый. Он воспитывает быстрое, точное и единодушное

исполнение воли начальника; он есть внешнее выражение того, что масса людей, различных и по нравственным и по физическим свойствам, составляет одно тело, имеет одну душу. Он практическим путем, наглядно, приводит солдата к убеждению в том, что цель достигается массой только при условии всестороннего подчинения воле одного каждой из единиц, массу составляющих. Самое увлечение сомкнутым строем в прежнее время — до забвения даже действия оружием — указывает на всю его важность; и ошибка заключалась не в усиленном, но в исключительном занятии строем и в постановке ему вследствие этого не боевых, а, так сказать, артистических, художественных целей.

Занятия строем до такой степени выработаны, что о них, казалось бы, и говорить нечего; а между тем выходит совершенно наоборот; в этом старом предмете явилось много нового, да и кое-что из забытого старого напомнить не мешает. Новости представляются: развитием рассыпного строя, необходимостью введения в устав разомкнутого, как самостоятельной формы; решительным преобладанием расположения поротно над сборными батальонными расположениями не только в боевой линии, но и в частных ее резервах, или, в так неверно называемой, второй линии; необходимость приучать к восстановлению порядка из беспорядка и к такой гибкости переходов из одного строя в другой, один намек на которую еще так недавно считался чуть не ересью; необходимость не только офицерам, но даже и солдатам знать *цель*, для которой каждый строй нужен. Старое, не забытое, или, по крайней мере, понемногу забываемое, заключается в том, что стройность сомкнутого порядка должна быть поддерживаема тем строже, чем солдат моложе, а применение рассыпного порядка обширнее. Перечисленные новости мы проходим молчанием, так как об них недавно и довольно говорилось, и обращаемся прямо к последнему пункту.

Всякого занимающегося строем, при небольшом внимании, не может не поразить одна особенность: пока рота учится в сомкнутом строе, командиры командуют с должной интонацией, люди равняются, держат строевой шаг, исполняют коротко и дружно приемы; но как только рассыпали цепь, куда что делось! Люди, оставшиеся в сомкнутом порядке, начинают болтать ногами, приемы делают

пятипудовыми, а не двенадцатифунтовыми ружьями, командирство не командует, а разговаривает. То же замечается и в батальоне с переходом к расположению поротно; хотя бы, повидимому, следовало ожидать обратного, так как в батальоне поддержать порядок труднее, чем в роте, представляющей единицу, до того удобоуправляемую и поворотливую, что от нее не только можно, но должно требовать полной стройности даже и на пересеченной местности. Одним словом, ученье не выдерживает до конца одного тона: одни и те же команды разно произносятся и разно исполняются. Мы уже не говорим о движениях к месту ученья и обратно; о ходьбе по улицам караулов; тут же не редкость наткнуться и на весьма ощутительный разброд. И выходит, таким образом, что времени мало, да и тем-то мы не умеем воспользоваться как следует в видах обучения. И это можно подметить на любой части: до такой степени оказанный недостаток распространен. Объясняется он, но не оправдывается естественным ослаблением внимания; но такое ослабление нужно подстергать и противодействовать ему всеми силами. Впрочем, укоренению его много способствовало и выделение стройности движения в особый отдел образования, именуемый церемониальным маршем. В таком выделении обнаруживался и со стороны начальников тот взгляд, что солдат может ходить не всегда одинаково, а в одном случае более, в другом менее стараться: очевидное отступление от того принципа одинаковости и точности исполнения, который в военном деле должен быть признан одним из основных. Часть, приученная во всех случаях ходить стройно, не нуждается в репетициях, чтобы церемониальным маршем пройти хорошо; и только подобный церемониальный марш может служить выражением обучения и благоустройства части. Только длинным походом так ходить нельзя; что допускает, а следовательно указывает, и устав; но места сохранять и походом можно и должно.

Мы придаем такой постановке строевого дела большую важность именно теперь, т. е. при краткосрочной службе. Беда не велика, если старый солдат немножко иногда и опускался: долгим рядом годов он воспитывался в уважении к строю; и малейшего знака начальника было достаточно, чтобы он встрепенулся. Но если допускать это при обучении краткосрочного солдата, то

он, пожалуй, и домой уйдет с тем убеждением, что в сомкнутом строе одну и ту же команду можно исполнять на разные лады, т. е. уйдет без должного понимания духа этого строя, без уважения к нему. Нам кажется, что требования, вызываемые духом сомкнутого строя, должны быть проводимы тем строже, чем срок службы короче и рассыпной строй чаще применим; оба эти обстоятельства вызывают, как безусловно необходимое, самое резкое разграничение положений солдата, в которых он из мыслящей единицы обращается в труп в руках начальника; и, обратно, из трупа в мыслящую, хотя все же подчиненную, разумеется, единицу¹. И поэтому теперь, более чем когда-либо, следует налегать, чтобы всякая команда была исполняема быстро, по точному ее смыслу и всегда одинаково², а не то, что один раз так, а другой иначе. Нельзя не признать, что отступление от этого правила водворилось в войсках преимущественно через офицеров, и через них же оно должно быть искоренено. Многие из офицеров, даже порядочных, находят якобы не вполне сообразным с своим достоинством громко выкрикивать предварительные команды³; не говорим уже о тех, которые смотрят на службу, «ковыряя пальцем в носу», по гоголевскому выражению. А между тем самого простого и нехитрого размышления достаточно, чтобы уразуметь, что интересная нежность тут никуда не годится: офицер скомандует плохо, а солдат бранят; а чем они виноваты? по команде плохой не может быть хорошего исполнения. Условие самой обыденной порядочности, не говоря уже о долге службы, требует от человека не подводить других под ответ за его собственную вину.

Офицер должен постоянно помнить ту могущественную зависимость исполнения от тона команды, которая открывается самому поверхностному наблюдению. Изъявление воли в строю предполагает быстрое и энергичное ее исполнение; об этом можно дать знать только тоном, а не словами: последние определяют только что следует исполнить, но в них и намек нет на то, как исполнить. Слово обращается только к сознанию, тон

¹ Т. е. переход из рассыпного строя в сомкнутый и обратно.

² За исключением, выше оговоренным.

³ Это явление тоже имеет свои исторические причины, коренящиеся в прежнем складе службы и объяснять которые здесь было бы слишком долго.

только к воле солдата: нужно, следовательно, чтобы и первое, и последний были налицо, потому что с пониманием без воли точно так же мало сделаешь, как и с волей без понимания. Офицер должен помнить и то, что небрежное исполнение по его слову предполагает недостаточное внимание и уважение к нему и его слову; при таких отношениях разве можно управлять человеком даже в обыкновенные минуты, не говоря уже о тех, когда его приходится посылать на смерть? Это мирлифлерство и неуважение к себе и своему слову повело даже к тому, что некоторые команды потеряли прямой свой смысл и обратились в нечто вроде припевов к песне после каждого куплета: поют, потому что так оно сложилось; а чорт его знает, что оно такое значит! Командует, например, офицер, равнение направо, и ни одна голова не поворачивается направо, ни равнение, конечно, не восстанавливается, а ему и горя мало; командует стой, а люди доходят; командует после стой во фронт, а люди, повернувшись во фронт, начинают ерзать вправо и влево, чтобы выровняться в затылок. Случается и так, что офицер ошибется в команде, а люди позволяют себе исправлять его ошибку, делая то, что нужно, а не то, что скомандовано. По нашему, такие поправки просто возмутительны, потому что отводят в строю жалкую роль офицеру и приучают людей относиться к его команде, как к такой, которую можно и не исполнять по прямому ее смыслу, а исполнять кое-как и по давню. *Не делай своего хорошего, делай мое дурное* — вот девиз всякого начальника в строю, вызываемый духом этого дела, необходимостью единства в нем мысли и направления. Скорее можно помириться с ошибкою офицера, чем с подобным ее исправлением. Дело это настолько важно, что иногда следует приказывать нарочно ошибаться командирам и смотреть, что люди будут делать; это лучшая проверка того, в какой мере они в руках у командиров и приучены ли к безусловному вниманию и повиновению в строю. Все это, конечно, мелочи, с точки зрения вечности; но они исходят не от мелочных начал и потому могут повести не к мелочным последствиям. Слово офицера в строю должно быть свято; должно быть понимаемо и исполняемо по прямому его смыслу и тону. Без этого сомкнутый строй утрачивает свое воспитательное значение, да и в бою не представит особой устойчивости.

Не нужно думать, чтобы такая постановка строя требовала усиления занятий: она требует только усиления внимания к тому, чтобы более производительнее употреблялось время, и без того назначенное для занятий; требует, одним словом, чтобы строй всегда был *строй*, а не обращался бы, отчасти или вполне, в толпу. К месту ученья ли, или в караул, например, все равно нужно притти и потом возвратиться домой; не видим причины, отчего бы при этом не делать движений, приемов, остановок совершенно так же, как то требуется на ученьях? Краткосрочный солдат должен каждую минуту службы своей или учиться, или применять изученное: иначе он не успеет выучиться. Мы не говорим уже о том, что часть, ведущая себя постоянно таким образом, внушает к себе невольное уважение и в посторонних; это то же, что человек, который держит себя, что называется, с достоинством; он не распускается, не ходит замухрышкой; не задевает других, но и себе на ногу наступить не позволит. Всякий видит, что такая часть — сила, и притом благоустроенная, следовательно, стоящая уважения.

15

Но этим не должна заканчиваться строевая подготовка в настоящее время. Не подлежит никакому сомнению то, что офицер должен знать теперь, для чего какой строй годится, и уметь видоизменять его в зависимости: от места, от рода противника (пехота, кавалерия или артиллерия), от расстояния и направления, в котором он предполагается, наконец, от того, что он делает. Последнее вызывает целый ряд разнообразных положений: пехота противника может наступать или обороняться, кавалерия стоять или атаковать, притом атаковать вашу или соседнюю часть; артиллерия стрелять в вас или быть занята другою целью, находясь в то же время в сфере вашего влияния. Во всех этих положениях нужно знать, что делать. Нужно знать также, чем пехота обязана относительно соседней кавалерийской или артиллерийской части. Вот целый ряд задач, составляющих курс элементарной тактики, и на усвоение которого книжным путем надежда плоха, как уже не раз замечалось. Это предполагает необходимость разложения теоретического курса в ряд практических приемов, доступных самому нехи-

торму пониманию, и введение их, как нераздельной части, в строевую подготовку роты и батальона¹.

Программа учений по этой системе весьма проста для части, получившей уже элементарную строевую подготовку: 1) проверка внимания людей, стройности движения и смыкания к середине, в случае убыли рядов; 2) два-три случая ломки фронта на переднюю и на заднюю шеренгу; 3) два-три построения на месте; тут же, по дороге, проверка внимания людей ошибками начальников; проверка того, есть ли, в случае убыли начальников, их заменяющие; 4) несколько заданий в предположении разнородного противника на разных расстояниях и в различных направлениях; 5) задача атаки или обороны позиции, при исполнении чего проверка рассыльного строя и умения прикрывать артиллерию. Такое ученье при небольшом навыке к заданиям требует времени около двух часов на роту, трех на батальон; разумеется, если не отводить далеко от лагеря, что вовсе не так нужно, как обыкновенно кажется. В этой программе недостает еще проверки походной и сторожевой службы, требующих более продолжительного времени и специальных приемов, о которых ниже упоминается. Кроме того, необходимо показать прикрытие и атаку артиллерии на действительных орудиях. О подробностях производства таких учений также поговорим ниже.

Таким путем усваивается, во-первых, применение к местности — предмет, который из ничтожного для отдельных людей вырастает в первостепенный для частей сомкнутых; во-вторых, привычка быстро изменять строй и действия в зависимости от известных уже обстоятельств. Этот способ занятий представляет и ту выгоду, что постоянно держит сознание и воображение солдат и офицеров в сфере военных понятий и до такой степени подготавливает их к маневрам, что частные ротные и батальонные маневры являются излишними, а следует

¹ Считаем излишним показывать здесь, как следует делать это разложение, ибо оно уже сделано, хотя и оставляет еще многого желать. Напомним только, что руководящим началом подобной работы постоянно должно быть наполеоновское: «что я сделаю, если неприятель появится с фронта, с фланга, с тыла, в облическом направлении? Если это будет пехота, кавалерия, артиллерия?» Этот совет, столь полезный в деле проверки боевых, походных, бивачных, квартирных и сторожевых расположений, является, таким образом, и военно-педагогическим указанием высокой важности.

прямо переходить к двухсторонним маневрам небольших составных¹ отрядов, соединяя, приблизительно, батальон, эскадрон или дивизион кавалерии, взвод или дивизион пешей, взвод конной артиллерии. Само собою разумеется, что эта соразмерность взята случайно, соображаясь с числом войск того сбора, где нам случилось видеть эти занятия: сущность здесь в том только, что *за единицу, с которой следует начинать соединение трех родов оружия на учебных маневрах, должно принять батальон, а не полк.* Независимо от опыта, который указал на великую пользу такой постановки занятий, мы указываем еще на следующие обстоятельства: 1) батальонному командиру² легче делать первые шаги в практике управления составным отрядом, нежели полковому, и по его положению, и потому, что отряд меньше, чем дают обыкновенно полковому; 2) руководящему маневром легче уследить за его ходом, и потому никакая ошибка не только не пропускается, но становится яснее и для всех участников маневра, потому что все на виду. На полковом маневре не то: частей так много, расстояния так велики, что без навыка у начальника глаза разбегаются и поневоле выпадают вожжи из рук; да и руководящий не все может заметить. Все это привело участвовавших в занятиях к тому убеждению, что отряд вышеуказанного состава *представляет такую же единицу в деле обучения маневрированию, какую составляет рота или эскадрон в обучении элементарном.* Когда подобные единицы подготовлены, смело можно начинать маневрирование какими угодно крупными отрядами.

Дальнейшая постепенность в их увеличении вызывается уже необходимостью дать практику не столько войскам, сколько полковым, бригадным, дивизионным командирам и офицерам генерального штаба. И потому полагаем, что остановка на подобных батальонных маневрах, возможно более продолжительная, вызывается существом дела. Нужно их сделать столько, чтобы таким отрядом прокомандовал не менее раза, а если можно и более, каждый из находящихся в сборе батальонных, батарейных командиров и дивизионеров.

¹ Т. е. состоящих из пехоты, кавалерии и артиллерии. Это выражение мы будем употреблять, для краткости, и впоследствии.

² Т. е. и дивизионеру в кавалерии и батарейному командиру в артиллерии.

Порядок производства этих маневров в том сборе, где нам привелось их видеть, был принят следующий: к назначенному часу отряд собирался к месту, которое должен был оборонять или с которого назначено начинать наступление. Начальники составных его частей сходились для определения, кто из них старший. Оказавшийся старшим принимал в руки весь отряд, для чего объезжал части, его составляющие, принимал от них установленные для встречи начальника почести и здоровался. Затем собирал начальников частей и отдавал приказания, которые тут же записывались и исправлялись руководящим маневром. Затем маневр шел своим порядком, кончаясь сквозной атакой пехоты на пехоту¹. После отбоя батальоны выстраивались в одну линию, против них эскадроны в другую, для сквозных атак: пехоты на кавалерию, как выше указано, и кавалерии на пехоту, как общеизвестно. Затем, собирались начальники для разбора маневра, чем упражнение и заключалось.

Остановимся несколько на приемах, предшествовавших началу маневра. Первый из них мы считаем положительно необходимым, как для того, чтобы всякий увидел, кто голова в отряде, так и в смысле внешнего выражения того, чем всякий обязан этой голове, хоть она и временная. Второй прием делал старшим начальником иногда пехотинца, иногда кавалериста, иногда артиллериста; следовательно, ставил всех их и как равноправных членов воинского братства, и как равно обязанных знать не только свое дело, но и дело других. Всякому приглядывавшемуся к маневрам, как они обыкновенно ведутся, не могло не броситься в глаза, что начальник составного отряда, за весьма редкими исключениями, является в нем как бы гостем относительно частей, временно прикомандировываемых к той, которою он сам командует. Никогда он не подъедет поздороваться с ними, приказания отдает, как бы извиняясь, что позволяет себе вмешиваться в чужую часть. Иногда и совсем не отдает. Офицер генерального штаба является сводчиком этих смотрящих врозь лебедей, щуки и рака, но является в роли неестественной, потому что берет на себя обязанности начальника, не имея начальственного авторитета.

¹ Сквозные атаки кавалерии на кавалерию были излишни, так как они уже давно делаются в частных кавалерийских сборах, по мысли и указанию его высочества генерал-инспектора кавалерии.

Нужно ли говорить, что подобная конфузливость со стороны начальников извращает роль офицеров генерального штаба и порождает самые печальные привычки? Посторонние роды оружия относятся к делу маневра, как к такому, на котором можно исполнять как, что и кому вздумается. Бывают случаи, что кавалерию ни в век не упробить итти рысью, артиллерию подьехать ближе к противнику, если только поблизости нет старшего начальника. Одним словом, привычки субординации, даваемые строем каждому роду оружия отдельно, не укрепляются на маневрах, а подрываются. И все только потому, что отряд составляется всего на несколько часов. Кажется, нечего объяснять того, что если бы он составлялся всего на несколько секунд, в нем должна устанавливаться сразу полная субординация, и тем строже, чем соединение кратковременнее. Разумно понимаемое воинское воспитание должно стремиться к укоренению субординации *положению, а не лицу*: ведь на войне временные командования будут чаще, чем на маневрах. Нам кажется, что подобное извращение воинских отношений должно быть вытравлено: что начальник, временный ли он, или постоянный, должен быть равно начальник. Нам кажется даже, что в силу этого начальники случайных отрядов должны быть облакаемы дисциплинарною властью над своими временными подчиненными, определяемою дисциплинарным уставом. Мы видим в этом единственное средство поставить *единство командования* на степень авторитета, ему подобающего; иначе маневрирование всегда останется времяпровождением, забавой, а не серьезным делом, подготовляющим к строгой дисциплинировке, которой требует война и бой.

За составными батальонными должны следовать такие же полковые и затем бригадные маневры, на которых дело до оквозных атак можно и не доводить, давая отбой по приближении сторон на 200—300 шагов и кончая, разумеется, разбором распоряжений и действий частей. Эти маневры далеко уже не представляют той поучительности, как батальонные.

Многие из старших начальников до такой степени увлекаются желанием добиться возможного совершенства в маневрировании частей, им подведомых, что прини-

мают на себя личное ими руководство на всех степенях. Для начала дела ничего иного и сделать нельзя; но раз это начало сделано, следует предоставлять руководство частными маневрами непосредственным начальникам маневрирующих частей. На этом основании руководство батальонными маневрами, естественно, принадлежит полковым командирам, руководство полковыми — бригадным и т. д. Ведь для того, чтобы быть дельным руководителем маневра, нужна также продолжительная привычка, которая легче дается исподволь, т. е. начиная с малых частей. Старший начальник обязан готовить не только части к маневрированию, но и начальников к тому, чтобы они могли вести это дело самостоятельно, если к тому будут призваны. Это не предполагает непрямого отсутствия старшего начальника на маневрах, но предполагает, как необходимое, чтобы он за всем следил, но ни во что не вмешивался, а давал бы после разбора маневра руководителям свое заключение как о ходе маневра, так и о поведении руководителей. Такая манера ведения дела вдвойне хороша: она разностороннее знакомит старшего начальника с ближайшими подчиненными; она же может навести и самого начальника на новые мысли, знакомя его со взглядами других на общее дело, в котором ничего нет легче, как усвоить рутинную складку; она же, наконец, возбуждает к умственной деятельности большее число людей, чем в том случае, когда старший начальник не только сам всем руководит, но иногда даже снисходит до вмешательства в действия маневрирующих сторон.

17

Приучение пехоты прикрывать и атаковать артиллерию, а также и артиллерии маневрировать с пехотой — дело весьма легко усваиваемое, если специально на него пожертвовать одно ученье. Для большей наглядности представим практические приемы показания этого отдела, так сказать, в лицах.

Выводится полк с батареей. Объезд, приветствие. «Стоять вольно и оправиться. Гг. артиллерийские и пехотные офицеры, перед середину полка! Имею честь кланяться, господа! Опустите руки».

Обращаясь к пехотным офицерам:

«Вам известно, господа, что артиллерия сама себя за-

щищать не может, и потому прикрытие ее, как святейший долг, ложится на близстоящие войска. Того требует взаимная выручка: во имя ее артиллерия пробивает вам брешь, в живых ли, в мертвых стенах — все равно; следовательно, вам прокладывает путь; на вас работает, а не на себя. В свою очередь, и мы должны на нее поработать. Только при этом условии она, не задумываясь, станет занимать при надобности самые рискованные позиции для выручки пехоты, потому что будет уверена, что без поддержки и прикрытия никогда не останется.

«Обязанности прикрытия заключаются в следующем:

1) «Если батарея выезжает на позицию, стрелки, очистив ее фронт, становятся правее и левее на столько впереди, чтобы мешать стрелкам неприятельским вредить прислуге и лошадям. На сколько именно впереди, сказать нельзя, потому что это зависит от удобных позиций для стрелков и от положения стрелков неприятельских. При занятиях односторонних и на ровной местности достаточно, если стрелки выдаются перед батареей шагов на 300. При настоящей крутизне полета артиллерийских снарядов можно и не открывать батареи, выдавшись на такое расстояние; но пока этот прием не получил утверждения свыше, мы будем делать по-старому.

2) «Если батарея выезжает на крайний фланг боевой линии, ближайшая рота батальонного резерва прикрывает наружный фланг ее; а если батальон расположен по-ротню в одну линию, это делает ближайшая рота боевой линии. В этом последнем случае передвигаться за, а не перед батареей.

3) «Если батарея выезжает на фланг и переменяет фронт, ближайšie к ней части, обравив ее, также переменяют фронт и высылают стрелков, потому что такая перемена фронта батареею предполагает появление неприятеля с той стороны, куда она стала фронтом.

4) «С уходом батареи уходит и рота, выдвинувшаяся для ее прикрытия, если она это сделала без приказа батальонного командира; а если по приказанию, то места не оставляет, пока не последует нового приказа от батальонного командира. Впрочем, ротному командиру не мешает послать спросить о дальнейших распоряжениях.

5) «Обязанность прикрытия для сомкнутой части заключается не в том, чтобы занимать известное место (на линии передков, как некоторые предполагают), но в том,

чтобы делать известное дело. Дело это заключается в том, чтобы зорко следить, не собираются ли со стороны неприятеля напасть на батарею, и отражать подобные попытки. Место же, на котором поставить роту, выбирается, как и всегда, так, чтобы меньше терпеть от огня. Иногда такое место случается за самой батареей¹: займите его. Правило, воспрещающее становиться за батареей — предрассудок; дело не в том, чтобы за батареей непременно было пустое пространство, но в том, чтобы выстрелы, в нее направленные, не попадали в пехоту. Если вы находите такое обеспечение именно за батареей, то и становитесь там.

б) «Не должно думать, что батарея, расположенная в тылу нашей боевой линии или оставшаяся там при наступлении ее, нуждается в специальном прикрытии: наше движение вперед составляет самое надежное ее прикрытие.

«Это обязанности пехоты при расположении на месте. При наступлении и отступлении они заключаются в следующем:

1) «Если батарея наступает, стрелки по флангам ее не должны дать ей опередить себя ни в каком случае; ближайшие к батарее сомкнутые части следуют за нею не далее как в 300 шагах (а на местах, покрытых кустами и тому подобных, гораздо ближе), без всякого приказанья, даже если бы боевой порядок и не двигался.

2) «Если боевой порядок отступает, а батарея остается на позиции, стрелки, ближайшие к флангам батареи, не отступают, несмотря ни на какие приказанья или сигналы, пока батарея не начнет отступать. То же делают и ближайшие к батарее сомкнутые части. Они должны быть готовы всякую минуту оказать помощь артиллеристам: т. е., в случае нападения на батарею, отбить неприятеля; в случае орудие подбито, или увязнет, или лошадей перебили, нарядить команду для работ, необходимых, чтобы спасти орудие. Ввиду этого при отступлении сомкнутым частям лучше держаться позади батареи (т. е. ближе к неприятелю), дабы видеть, что на ней делается, и поспевать на помощь, даже не ожидая просьбы батарейного командира. Не забывайте, господа, что потеря орудия артиллеристу в честь потому, что по-

¹ Например, небольшой пригорок в тылу батареи; за ним будет безопаснее стоять, чем в стороне от батареи.

казывает, что батарея до последней крайности оставалась на позиции и исполняла долг свой; а прикрытие в бесчестье, потому что показывает, что оно оставило своих на жертву.

«Сверх всего этого прошу помнить, господа, что вы должны всегда уступать позицию артиллерии, так как она более чем мы зависит от местности.

В заключение прошу пехотных начальников, если в состав их отрядов попадет артиллерия, ограничивать свои приказания определением ей пункта, который желаете обстрелять, и определением числа орудий в боевой части и резерве. Затем никогда не вмешивайтесь в то, где она займет позицию, когда и на какую переменить ее; это дело артиллеристов. Чем яснее вы им укажете цель и чем менее будете вмешиваться в подробности исполнения, тем лучше.

«Полагается общим правилом, что ротный командир направляется в прикрытие наружного фланга батареи по приказанию батальонного командира. Но это не освобождает ротного командира от обязанности двинуться в прикрытие и без приказания, если таковое не последует намеренно; почему на этом ученьи прошу батальонных командиров приказаний не отдавать, если только они видят, что ротный командир делает свое дело. Ротные же командиры, в свою очередь, должны доносить батальонному о перемене места, им указанного, и о причине перемены.

«Когда разойдется по местам, прошу передать людям, что из слышанного им знать нужно. Особенно прошу командиров стрелковых рот растолковать своим людям, что они должны делать.

«Если есть, господа, какое недоразумение или неясность в сказанном, пожалуйста, спросите». Следуют вопросы и разъяснения.

Обращаясь к артиллеристам:

«У вас, гг., нет средства к самозащите, а потому вы не должны об ней и хлопотать, почерпая в самой своей незащитности решимость на самые дерзкие подьезды к неприятелю, если того требует спасение своих или гибель чужих. В таких случаях вас должны спасать другие. Бой такое дело, в котором успех возможен только для того, кто не боится погибнуть. Не бойтесь потерять орудие: теряет их только тот артиллерист, который до

последней крайности остается на позиции, жертвуя собою, чтобы выручить пехоту. В маневрировании вы совершенно свободны; но указанным для достижения целей подчиняетесь безусловно. Говорю безусловно, но не буквально, потому что могут быть обстоятельства, когда для пользы дела вы должны предпочитать мгновенно возникшую, но грозную цель той, которая вам указана для обстрела иногда в самом начале дела, т. е. до разъяснения обстоятельств. Артиллерист, поступающий таким образом, действует в духе, а не вопреки приказанию начальника, потому что, случись он на батарее, приказал бы то же самое. Но справившись с подобной временной целью, вы возвращаетесь к прежде вам указанной. Под свободой маневрирования вот что разумею. При наступлении вы меняете позиции, когда сами то признаете нужным (делаю в этом одно только ограничение: на ровном месте не отставайте более 100 сажен от боевой линии); наступаете не непременно в перпендикулярном к вашему фронту направлении, как то весьма ошибочно почти везде принято, но принимаете и в стороны, если заметите выгодную позицию. Еще Суворов сказал: «Артиллерия скачет, как сама хочет». Пехотой не стесняйтесь; она знает, что должна вам уступать место. Но распределение орудий на позиции, так и между резервом и боевой линией, остается, безусловно, в руках начальника; при перемене позиций не соединяются без приказания те батареи, которые разъединены, и не разъединяются, которые соединены; ни одно орудие без его ведома не может быть выдвинуто из резерва на позицию или убрано с позиции в резерв. Этого требует дисциплинировка боя, т. е. ведение его по одной мысли, без чего успех невозможен. Прошу избегать, гг., коротких переездов: почему, сами знаете. Всякий артиллерийский переезд должен быть не менее 200 сажен. По местам, господа». Затем, дав время ротным командирам передать людям сказанное: «Смирно! По такому-то батальону на полные интервалы разомкнись. Поротно в две линии стройся. Сигнал: всем стрелкам рассыпаться. Огонь». Когда это готово, отдать приказание одному взводу выехать на позицию в центр и смотреть, раздвинутся ли стрелки; другому — на который-нибудь крайний фланг и смотреть, прикроет ли подлежащий ротный командир наружный фланг батареи и рассыпет ли в случае надобности стрелков; третьему

взводу выехать на другой крайний фланг и занять позицию с переменной фронта: смотреть, прикроют ли его соседние роты, переменят ли фронт, вышлют ли стрелков в новом направлении. Затем убрать этот последний взвод и смотреть, восстановят ли роты свое прежнее положение. Четвертому взводу¹ приказать сняться с позиции за какой-нибудь ротой и смотреть, очистит ли ему фронт эта рота.

Этим исчерпываются все случаи отношений пехоты к артиллерии на месте, и можно перейти к наступлению. Если припомнят читатели, у нас в боевой линии три артиллерийских взвода. Отдается им приказание наступать через батарею рысью и затем наблюдается, чтобы стрелки не дали себя опередить орудиям, а ближайшие к ним части начинали движение, не ожидая приказа; если только кто-нибудь, по линии стрелков или сомкнутых частей, прозеваает, пристыдить, и в другой раз зевка не будет. Как только обозначилось, что все подлежащие ротные командиры двинулись вперед, скоординировать движение и всему боевому порядку. Иногда, для испытания стрелков, не мешает приказать и выезд в карьер иному взводу. Одной очереди наступления достаточно, чтобы в сказанном утвердить.

Для отступления, предварив сначала артиллерию, чтобы без приказа не отступала, командовать: «полк кругом, решение по такой-то роте, шагом, марш», и подать сигнал: «стрелки назад». Затем смотреть, пойдут ли стрелки и роты, ближайшие к батареям². Если где-либо пойдут — пристыдить, не пойдут — похвалить. Затем приказать артиллерии начать отступление, когда батарея их минует. Затем приказать некоторые орудия распречь и бросить; смотреть, отрядят ли соседние ротные командиры команду забрать их. Если отрядят, дать проташить

¹ При этом упражнении следует выдвигать артиллерию по взводу и даже по орудиям для сбережения лошадей; так как движений приходится сделать много, чтобы проделать все случаи прикрытия. Ввиду этого на подобном ученье не следует задаваться какими-либо тактическими целями, потому что, занимаясь ими, нельзя показать всех случаев прикрытия, нельзя также не выделить их в особый предмет занятий, что для основательного показа необходимо.

² Напоминается, что на позиции название батареи принадлежит всякому числу орудий.

шагов десять, пятнадцать и снова приказать запрещь; а не отрядят — пристыдить и приказать распорядиться.

Точно так же показывается, и на том же ученьи, атака батареи. Собрав офицеров и сказав им, что так как артиллерия без прикрытия никогда не становится и людей в ней мало, а огонь силен, то следует на батарею пускать только цепь, а сомкнутые части направлять на прикрытие¹. Затем приказать ротам первой линии двинуться вперед шагов на семьсот и забрать с собою по дороге половину стрелков, остановиться, повернуть кругом, прикрыться цепью и начинать атаку по указанному. Роты второй линии обращаются в прикрытие артиллерии и встречают атаку несколько впереди батарей, разумеется, насквозь.

Вот и все. При навыке руководящего такое ученье берет от двух до трех часов на полк, и одного его достаточно, чтобы во весь лагерь никто не попался в какой-либо ошибке относительно артиллерии.

А между тем кому неизвестно, что теперь, пока таких учений нет, замечается обратное, т. е. ни одного лагеря не проходит, чтобы не попало в шапку, и не раз, за невнимание к прикрытию артиллерии? Нужно сначала показать, как это делается, а потом уже требовать; и тогда одни и те же ошибки не будут повторяться из года в год.

Мы не можем придумать более ни одного случая, сверх изложенных, для показания взаимных отношений пехоты и артиллерии; с благодарностию примем всякое новое к ним добавление. Область практического применения всякого теоретического начала тактики до того обширна, что приемы этого применения могут быть выработаны только при дружном содействии всех интересующихся делом.

18

Походная и сторожевая службы в настоящее время не в авантаже² обретаются, и опять по той же, часто упоминаемой, причине отсутствия разложения теории в практические приемы приложения ее к действительности. Внешнюю сторону, так сказать чертежник того и другого,

¹ Это говорится при начале ученья вместе с прочим, чтобы не терять времени на новый сбор офицеров.

² Не в почете.— *Ред.*

мы знаем; но и только. Ведь для того, например, чтобы при движении нескольких колонн приучить заблаговременно доносить о приближении, держать связь, т. е. посылать разъезды, посылать донесения с мест остановки вольной и, в особенности, невольной, итти или не итти на выстрелы, нужно все это показать хоть раз основательно, т. е. *на ученьи, исключительно для такого показа назначенном*: тогда и будут делать. На маневры для усвоения всего этого, опять-таки, рассчитывать нельзя, так как там нужно не учиться, а применять уже изученное. Маневру всегда есть определенная цель, достижение которой до такой степени занимает и старшего начальника, и его подчиненных, что упущения таких мер немигновенны, если только они заблаговременно не обращены в рутину. А между тем, кажется излишне доказывать, что в деле от одного подобного недонесения, несвоевременного сближения, или обратно несближения на выстрел, может зависеть иногда судьба всего отряда.

Считаем излишним разлагать подобное ученье в практические приемы, так как они должны быть ясны для каждого сколько-нибудь знающего теорию маршей в сфере опасности от неприятеля. Заметим только, что при пособии конвертов, которые начальники колонн должны распечатывать в известное время или в известном месте, представляется полная возможность ознакомить каждого из этих начальников со случайностями марша и со способами, если не совершенно парализировать, то, по крайней мере, возможно уменьшить неблагоприятные последствия этих случайностей.

19

Сторожевая служба вся заключается в поисках за неприятелем и в препятствии его поискам за нашими войсками. Но чтобы выучиться искать неприятеля, нужно, в мирное время, *хотя что-нибудь искать*, т. е. опять-таки нужно давать солдату осязательную цель для розысков¹. Если ее нет, усваивается только чертеж, внешняя сторона сторожевой службы, но о сущности ее даже и представ-

¹ И в этом смысле даже баба, разыскивающая грибы или ягоды в лесу, гораздо более подготовлена к сторожевой службе, чем солдаты в большинстве европейских армий.

ления не дается. Прием для практики в сторожевой службе на ходу предложен уже несколько лет, но еще не привился; заключается он, как читающему офицерству известно, в заблаговременной высылке по пути движения людей, которые прятались бы, а идущие в сторожевой цепи разыскивали бы их.

Для практики в сторожевой службе на месте мы предлагаем следующий прием: с отделением потребного числа людей для патрулей, рота ставится вся в сомкнутый круг, лицом в поле, звено от звена на сторожевом расстоянии. Внутри круга должно быть положено десятков, другой, каких-нибудь легких предметов, например, сумок или чего-нибудь в этом роде. На некотором расстоянии ставится такой же другой круг и с таким же складом в середине. Ночью роты посылают взаимно друг к другу людей с тем, чтобы прокрасться сквозь цепь и принести что-либо из положенного внутри круга; а цепь должна смотреть, конечно, чтобы прокрадывающихся таким образом людей не пропускать. Этим путем внимание людей притягивается именно к тому, что прежде всего нужно помнить, стоя в сторожевой цепи, т. е. не пропускать к себе неприятеля и ловко пролезать к нему через его сторожевые линии.

Когда курс тактики будет разложен в ряд практических приемов в показанном смысле; когда строевой офицер или солдат усвоят наглядно тактику (что кому нужно), даже, пожалуй, и не подозревая, что именно это и есть тактика, тогда и только тогда вполне осмыслятся и теоретические чтения, и теоретические упражнения, к которым мы относим и военную игру. Многие этого не признают и считают для строевого офицера полезными такие занятия, которые им самим принесли пользу. Пропускается при этом одно: они могли посвятить тому годы, чему строевой офицер и часов иногда посвятить не может. Ввиду этого, и в занятиях офицеров тоже необходима иерархизация, которая в тактическом образовании должна быть следующая: тактика в поле, чтение планов на местности, беседы, как напоминание и дальнейшее развитие усвоенного в поле, задачи на планах, и затем уже, пожалуй, военная игра; да и то там только, где есть руководитель, понимающий сильные и слабые стороны

этого последнего занятия; понимающий, что, при малейшем невнимании, военной игрой можно извратить понятия гораздо действительнее, нежели нелепым чтением. Что толку в том, если офицер усвоит военно-игорную тактику и приобретет некоторую ловкость в передвижении шашек по плану, а с плана на местность и обратно перенестись не умеет? Не подойдет ли такое образование его под тот идеал, который так метко выражается народной поговоркой: «хоть без порток, да в шляпе»? Всякое дело нужно начинать с начала и не увлекаться роскошью, когда и необходимого нет. Нужно в особенности соразмерять желания со свойствами той среды, к которой они обращаются. Если этого нет, платоническая любовь к развитию так и останется платонической, т. е. плода от нее не будет.

И рядом с этим платоническим стремлением к развитию являются иногда самым простодушным манером высказываемые отрицания того, без чего даже и такое бедное развитие немислимо. Попадаются иногда, например, печатные возгласы вроде следующего: «уже пора тактике совершенно бросить рутинный катехизис правил: нередко ученик их зубрит, не понимая смысла выражений; за стенами училища они сейчас же забываются и египетская работа памяти не оставляет никаких следов». Тактика в наших заведениях лет пятнадцать уже идет от той идеи, что она занимается исследованием свойств боевых элементов, а не постановкою правил для действий. Отсюда заметное развитие задач, небезызвестное, вероятно, и автору приведенных слов. Следовательно, если он вооружается против правил, то под ними понимает, вероятно, те законы, которые вытекают из исследования свойств; но ведь без предварительного знания этих законов немислимы ни занятия военной игрой, ни применение методов Верди¹. Прежде чем учиться применять, нужно знать, что предстоит применять. Слова нет, в школах попадаются экземпляры, не понимающие смысла выражений: но, во-первых, где же они не попадаются? Ведь и геометрические теоремы задалбливают некоторые; следует ли из этого, что можно приступить прямо к решению

¹ Которая, между прочим, не должна бы, кажется, представлять ничего нового для воспитанников нашей академии генерального штаба, а только дальнейшее развитие давно им известного старого.

геометрических задач, не зная геометрии? Во-вторых, зачем же существует преподаватель, как не затем, чтобы разъяснить непонятное? Правда и то, что за стенами школы многое забывается; но забывается многое не потому, чтобы оно было бесполезно, а потому, что в большинстве частей изученное в школе не применяется в жизни. Мы встречали людей, отлично читавших карту в школе и не умевших после нескольких лет службы решать самых простых задач перехода с плана на местность и обратно. И встречали притом не между одними строевыми офицерами...¹ Следует ли из этого, что учить чтению плана бесполезно?

Упражнения по методу Верди, или попросту путем задач, не исключают теории, а предполагают предварительное знакомство с нею, и знакомство основательное. «Картины фантазии», как бы ни были они художественны, все же остаются «картинами фантазии». Пользоваться ими может только тот, кто усвоил самостоятельный взгляд на предмет и, следовательно, может относиться критически даже к фактам, не говоря уже о картинах. Всякий, вероятно, согласится, что на одну и ту же тему, которую взял Верди, можно написать много картин столь же дельных и в то же время непохожих на его картину. Следовательно, кто думает, будто по Верди и по военной игре можно выучиться тактике, без предварительной теоретической подготовки, проводит, — незаведомо может быть для самого себя, — ту несообразность, что будто бы общих формул известного дела знать не нужно, а достаточно знать несколько частных случаев их осуществления, дабы усвоить себе все дело².

Теория тактики, строго ограниченная исследованием свойств войск и обстановки, не залезая в постановку правил для действия, не может быть упразднена, и занятия по методу Верди составляют не курс тактики, а только полезное к нему дополнение в смысле знакомства с тем отделом, которого теория тактики не должна касаться; именно с отделом действий, принимая это слово в обшир-

¹ Многоточие автора.

² Сказанное относится даже к тем офицерам, которые имеют достаточно времени на занятия военной игрою. Теория до такой степени неизбежна в нашем деле, что даже при разложении тактики в практические полевые приемы неминуемо должна предшествовать показанию всякого подобного приема...

ном смысле, так как и постановка на бивак, и учреждение марша тоже есть «действие», как и самое сражение.

Итак, будем помнить, что *до тех пор, пока теория тактики не будет разложена в ряд практических приемов применения ее в поле, знание ее в войсках не будет живое знание.* Будем работать просто и от сердца в мирное, драться от сердца в военное время и... не хуже других покажемся на том страшном испытании, на котором для порядочного человека середины между гибелью и победой быть не должно.

II

1

Чтобы научиться тактике настолько, сколько это в мирное время возможно, немного надобно. Надобно, во-первых, со стороны начальников, чтобы они не только говорили и писали, что она строевому офицеру необходима, но и требовали бы ее знания на смотрах: знания практического, а не теоретического, выражаемого распоряжением в поле, а не изустным изложением. Следовательно, нужно поверять это знание так же, как поверяется знание стрельбы, фехтования, строевых норм. Надобно, во-вторых, со стороны офицеров, чтобы они вносили в это дело хотя некоторую долю того здравого смысла и сердечного участия, которые каждый из них полностью вносит в свои личные дела. Надобно, наконец, помнить тем и другим, что в практическом деле, каково наше, гораздо полезнее раз показать, чем десять раз рассказать, двадцать прочитать.

О последнем из этих условий уже довольно говорилось; и к сказанному прибавим на этот раз немного: человек, который *только* слышал или читал о каком-либо практическом деле, но не видел его исполнения, находится к нему в положении слепого, которому говорят о цветах, до тех пор, *пока сам воочию не увидит, как это дело делается.* Это факт, действительность коего всякий мог поверить на себе, какие нелепые отпечатки в сознании оставляет чтение или рассказ о предмете, которого человек не видел. Весьма мало людей, способных по рассказанному или прочитанному исполнить что-либо новое

и незнакомое; и, наоборот, весьма много таких, которые, только раз увидев дело, легко сами его сделают¹. Слово — орудие, до крайности несовершенное для выражения дела; как бы вы точно ни рассказывали, всегда остается чрезвычайно много недомолвок, которые для вас, знающих дело, сами собою разумеются, а для вашего слушателя, не знающего и не видевшего его, весьма и весьма требуют разъяснения. Это в полной мере верно не только относительно предмета, совершенно неизвестного, но даже относительно новых приемов в предмете известном. Между тем глаз, наглядка дают сразу дело, во всем его объеме.

Два первые условия стоят того, чтобы на них остановиться подолее.

Требование тактических знаний до сих пор не выходит из области платонических стремлений в большинстве случаев. Пишут, что нужно заняться; требуют задач на планах, не осведомившись, достаточно ли усвоено чтение плана на местности; иногда даже готовы не щадить издержек, дабы доставить офицерам возможность заняться теоретически; но приходит смотр — и дело ограничивается тою же поверкою отчетливости уставных норм; тем же счетом лошадей, которые заскакивают на рыси, при движении справа по три разомкнутыми рядами; а о применении уставных норм к делу, о тактике одним словом, и помину нет. Нечему после этого удивляться, если то, что требуется на самом деле, прodelывается отлично хорошо; а то, о чем пишут, но не требуют, или же только вскользь, требуют, оставляется без внимания. В предметах, коих вся сущность в исполнении, ни одно теоретическое знание не может укорениться без приложения; мало того: и интереса никакого нет иметь это знание, если оно не прилагается. Могут возразить: а маневры? На маневры нужно выходить уже с знанием прикладного устава, а не для приобретения этого знания. Тактика тоже имеет свою детальную подготовку, которая столь же необходима, как и подготовка к строю; и поверять которую не менее важно, как и поверять, например, стрельбу, строй и проч. как в пехоте, так и в других родах оружия.

¹ Разумеем, конечно, такие дела, которые или не требуют технической подготовки, или же для коих человек уже обладает такой подготовкой; но только применяя ее до того в исполнении другого дела.

Нам кажется, что если поверка ротных, батальонных, эскадронных и батарейных учений на смотрах будет неизменно кончаться заданиями пехоты, конницы, артиллерии в различных направлениях и расстояниях, при разнообразной обстановке, и требованием ответа на эти задания (ответа распоряжением, а не изустного), все офицеры весьма скоро ознакомятся с тактикою; и притом в поле, а не из книжки; ознакомятся даже и в том случае, если о тактике в приказах не будет написано ни слова¹. Человек подначальный до крайности чуток к сердечным влечениям начальства и естественно стремится удовлетворить этим влечениям, выражающимся ведь в том, что и как требуется, а не в том, что пишется и даже говорится.

При таком порядке смотров неизбежны будут поправки и разъяснения, почему нужно делать так, а не иначе; возникнет, следовательно, из самого дела, тут же, на поле, обмен мыслей, т. е. именно то, что необходимо и для всестороннего знакомства с делом, и для того, чтобы оно не приняло ложного направления. Всякий будет видеть, что без знания обойтись нельзя, по необходимости начнет почитать и притом с большим толком и интересом, чем до того, ибо будет читать о том, что уже видел.

Второе условие — внесение здравого смысла и участия в тактические упражнения — явится само собою, как следствие подобной системы смотров. Многие приписывают недостаток тактической сметки неразвитости и недостатку образования массы военнослужащих, и приписывают совершенно ошибочно: большинство тех, которые кажутся такими несметливыми на маневрах, являются весьма толковыми и находчивыми людьми в частной жизни, в управлении ротой или батальоном. Ясно, что тут дело не в недостатке силы, а в недостатке практического навыка прилагать ее в специальной сфере. Возьмите самого толкового, но только теоретически подготовленного офицера, и заставьте его не то что маневрировать, а прокомандовать самое простое построение: на-верное или ошибется, или заторопится, или опоздает, т. е.

¹ Точно так же должно быть поверяемо знание сторожевой службы и движений с военными предосторожностями. Если строевой офицер будет все это уметь делать, тактическое образование его можно считать полным.

все равно напутает. Это всякому известно; и никто не припишет подобной ошибки неразвитости или недостатку образования, а просто отнесет к недостатку практического навыка. Но когда речь о тактике, дело происходит не так: ставят сложные задачи людям, которые не изучили дела по частям¹, получают, как и следует ожидать, ошибочные решения и сами же потом не только удивляются, но иногда и возмущаются, получив такой результат. Подчиненному, разумеется, невдомек, что его заставили читать, не показав складов; он видит только, что начальство огорчается его неумением, и сам приходит к убеждению, что это дело ему не по силам. А как только это убеждение сформировалось — пиши пропало: уже давно известно, что достаточно человеку вообразить о самом ничтожном деле, что оно для него невозможно, дабы оно действительно стало для него невозможным. И таким-то образом мы, с самыми лучшими иногда намерениями, думая достигнуть скорее цели, т. е. тактического образования войск, наидействительнейшим образом поступаем, чтобы отдалить ее. К этому присоединяется еще и со стороны подчиненных опасение сделать, как говорится, какую-нибудь глупость; а то уже давно известно, что никогда больше не делаешь глупостей, как когда боишься сделать их.

При таком ведении дела, основанном, незаведомо, конечно, для самих руководителей, просто на запугивании, нельзя ожидать, чтобы здравый смысл принимал участие в решениях; он вступает в свои права только тогда, когда человек уразумеет, что это «его ума дело»; нельзя ожидать также, чтобы человек от сердца отнесся к делу, которое принял за недоступное для себя.

Кто все это возьмет в расчет, тот согласится, вероятно, что офицерство путает на маневрах, в большинстве случаев, не по неразвитию, а просто потому, что не знает, чего от него хотят.

Как только дать ему это понять, т. е. дать себе труд проверить его в прикладном уставе по частям прежде,

¹ Т. е. поступают так, как поступил бы, например, учитель, потребовавший от учеников чтения, не справившись, знают ли они склады. Напоминаем, что уставные типы, прикладной устав, маневрирование находятся между собою в отношении азбуки, складов, чтения; разумеется, чтения крайне несовершенного, ибо в нем недостает целой половины алфавита, представляемой неприятелем и действием оружия.

чем делать маневры, всякий сразу увидит, что в этом деле хитрости никакой нет; что чем проще за него браться, чем свободнее пускать в ход свой здравый смысл, тем лучше: убеждение, которое для многих явится положительным открытием. Как это ни странным может показаться, но оно так; большинство офицеров расположено подозревать и нивесть какую хитрость в приемах, совокупность которых составляет тактику; к этому приводят: и система занятий, представляющая скачки и не чуждая запугивания; и иностранное название; и, наконец, туман, который большинство пишущей братии напускает в дело, до крайности простое и удобопонятное¹. Только увидев на деле, как и что делается, человек прозревает, что «не святые горшки лепят»; а в сознании этого почерпается и доверие к собственным силам, и понимание, и происходящее из него участие к делу: ибо последнее возникает только тогда, когда человек понимает дело и видит, что оно ему по силам.

В немалое затруднение ставит и к прискорбным недоразумениям иногда приводит также и непривычка начальников формулировать задание: подчиненный зачастую его не может понять, а переспросить боится: почему боится — понятно. И нельзя горячо не пожелать, чтобы начальники, начиная с ротных командиров, поработали над собою для приобретения навыка говорить коротко и определительно — школа трудная, но необходимая военному человеку: от того, что все говорят, редко кому приходит в голову обратить внимание на то, как мало людей, которые от природы ясно, определительно и коротко говорят. Следовательно, нужно в себе выработать эту способность; нужно и в подчиненных утвердить навык непременно переспрашивать приказание, если оно не вполне понятно. Всякий, и начальник, и подчиненный, должен постоянно помнить, что лучше 20 раз переспросить, чем раз напутать; и первым не уставать повторять приказание и не отбивать охоты переспрашивать нетерпеливыми или резкими замечаниями.

Последствия подобной постановки дела будут уже и тем благодетельны, что вызовут такое внимание на ма-

¹ В подтверждение сошлемся хоть на Шерфа, одержимого старой немецкой болезнью — о самых простых вещах не говорить просто.

неврах и ученьях, какого теперь нет и быть не может: ибо, еще раз, внимание и участие могут быть следствием только понимания; быть внимательным к тому, чего не понимаешь, невозможно. И в этом разгадка той апатии в строю, на которую в наше время жалуются весьма многие. Прежде чем жаловаться, не мешало бы подумать над тем, не сами ли разводим то, на что потом жалуемся?.. Всякий знает, что для поделок из железа нужно, прежде всего, знать свойства железа; для отливки чего-либо из чугуна нужно знать свойства чугуна: и до какой температуры его расплавить, и как форму приготовить, и как потом охладить и т. д.; и весьма немногим приходит в голову, что для того, чтобы что-нибудь сделать из человека, нужно прежде всего знать свойства человека и с ними сообразоваться...¹

2

Введение прикладного устава в систему занятий будет иметь последствием и выяснение роли строевого устава в образовании войск, роли, которую теперь одни не в меру ограничивают, другие, по старой памяти, не в меру расширяют. Дело в том, что при последовательной разработке прикладного устава по родам оружия становится ясным как день, что боевым потребностям одними существующими уставными типами удовлетворить нельзя. Неоспоримо, с другой стороны, и то, что включать в устав все видоизменения типов, какие только могут быть вызваны боевой обстановкой, тоже невозможно: как потому, что их множество и никто не в состоянии был бы изучить подобного устава, так и еще более потому, что дело здесь не в запоминании форм, но в умении во всякую данную минуту импровизировать форму, соответствующую обстановке, в какой часть находится. Итак, видоизменение уставных типов вызывается в бою часто; во-вторых, оно должно быть предоставлено личной находчивости каждого непосредственного начальника части. Но если это верно, то какое же после этого строевой устав может иметь значение? Не лишняя ли это обуза? Оно так и кажется увлекающимся новаторам, которые, пройдя суровую ферулу² строевого устава, помнят ее неудобства

¹ Многозначие автора.

² Гнетущий надзор.— Ред.

и неприятности, но забывают, чем они ей обязаны¹. Уставные типы никогда не утратят своего значения: во-первых, как отправная точка в изучении походных и боевых форм; во-вторых, как лучшая практика в управлении частями и, главное, в изучении духа и буквы командного лексикона. *Этот последний и есть та коренная часть устава, которая может и в бою пригодиться*; ибо усвоив ее основательно, офицер может исполнить любое из применимых в бою и в уставе неуказанных построений совершенно строевым образом: точно, отчетливо, ни на минуту не выпуская людей из рук. Вот в чем значение строевого устава и чего в нем следует искать; каждый порядочный офицер должен усвоить командный лексикон так, чтобы в десятке — другом слов всегда найти потребные ему для выражения его воли во всяком данном боевом случае; уставные типы служат ему только частным примером того, как команды применяются к делу и как строй должен их исполнять. Но в настоящее время во всех европейских армиях господствует еще обратный взгляд: *не командами, которые дает устав, пользуются, но заучивают только те немногие случаи построений, на которых в уставе показано применение команд к делу*. Результат понятен: всякий боевой случай, требующий строя, в устав не попавшего, застает и офицеров, и людей врасплох; привыкнув пользоваться командами только для воспроизведения уставных типов, офицеры в подобных случаях и не прибегают к командам, и дело кончается кучей или разбродом. Это и дает повод, аккуратно после каждой войны, накидываться на устав, как на несоответствующий боевым требованиям; явление тем более комичное, что обнаруживает в самих порицателях устава непонимание его природы. А природа его в том, что всех форм, какие могут понадобиться в бою, он дать не может: следовательно, этой стороной *он никогда не соответствовал и никогда не будет соответствовать боевым требованиям; но он дает все команды для построения любой из боевых форм*. Эта последняя сторона устава мо-

¹ К числу таких новаторов принадлежит, между прочим, и Богуславский, так сильно восстающий против развития сомкнутого строя, не замечая того, что образовательное и, в особенности, воспитательное значение принадлежит именно этому строю, ибо солдат на нем приучается к тишине, вниманию, немедленному исполнению и действиям сообща.

жет иметь обширное применение и в бою, если офицеры в мирное время возьмут навык употреблять, а люди исполнять команды в любом построении, а не в уставных только.

Такое отношение к строевому уставу мы считаем более правильным, чем господствующее теперь; и его можно привить большинству только тогда, когда в ряду занятий дадут прикладному уставу надлежащее место, т. е. когда не в виде исключения, но постоянно будут ставить части¹ в необходимость строить такие боевые² формы, которых не найдешь ни в одном уставе. Тогда и на войне устав пригодится; тогда и в мирное время перестанут усложнять его год от году ненужными мелочами и менять так часто, как то вошло теперь в обыкновение почти во всех армиях.

3

Всякому должно быть известно, что все военные занятия в мирное время, за исключением внутренней и гарнизонной службы, составляют не службу, а только подготовку к службе; имеют, одним словом, *чисто учебный характер* и должны быть направляемы к тому, чтобы сообщить войскам теоретические и практические знания, полезные на войне и в бою. Этот чисто учебный характер

¹ Разумеется, предварительно выдержанные на совершенно отчетливом исполнении уставных типов.

² Просим обратить внимание, что мы разумеем *только боевые*, т. е. применимые в бою формы. Прикладной устав тоже может повести и притом к страшным увлечениям: был же в конце прошлого века один француз-маневрист, который из своей части строил «Vive le Roi» и приводил этим в восторг. Был и прусак, в начале нынешнего века, который, уча батальон на ровном плацу применению к местности, предполагал гору и командовал: «ребята! да сгибайте же колени, ведь вы поднимаетесь на гору!» Чтобы не зарваться в направлении этих господ, нужно постоянно иметь в виду:

1) Непременно перед всяким построением назначать род противника, расстояние до него и направление, в котором он предполагается, простейшие построения не только предпочитать сложным, но и вовсе этих последних не допускать.

2) После каждого подобного перестроения возвращаться к уставной форме, от которой оно начато, и только потом делать новое предположение.

3) Относительно местности не давать воли своей фантазии, т. е. для показания различных случаев пользоваться действительными канавами, рощами, деревнями, горами и т. п., а не предполагать их.

должен быть всецело признан и за маневрами, тем более, что они представляют свод только того, что составляет обстановку боя, но не весь бой. К сожалению, это часто забывают, что и обнаруживается в стремлении воспроизвести маневром картину войны и боя: тут-то и начинаются обширные стратегические комбинации, игра в победителей и побежденных; бесплодно возбуждаются самолюбия, составляются незаслуженные репутации. И, в конце концов, войска возвращаются с этих упражнений столь же почти невинными в знании маневренного дела, как были и до упражнений. Из года в год делается то же самое, хоть и на разных иногда местах: и из года в год повторяются одни и те же элементарные ошибки, показывающие, что настоящее, серьезное дело подвигается вперед весьма мало; и то уже слава богу, если не принимает ложного направления. В чем причина такого, во всяком случае неутешительного *qui pro quo*? Такого ничтожного результата, приобретаемого ценою больших, иногда тяжких усилий?

Причина в том и заключается, что маневр утратил свой учебный характер; что на нем думают не столько о привитии войскам полезных боевых и военных приемов, сколько о воспроизведении военных и боевых картин. Многие возразят, вероятно: да не все ли это равно? Ведь, воспроизводя военные картины, мы учим по дороге и полезным военным приемам? Далеко не все равно. Начиная с того, что в военных картинах мирного времени недостает именно самых существенных сторон тех же картин в военное время: понятно, что, занимаясь картинами, мы эти существенные стороны¹ отодвигаем на задний план, а иногда и совсем упускаем из виду; во-вторых, в этом взгляде упущено одно из коренных военно-педагогических правил, заключающееся в том, что, *дабы выучить делу, часто нужно прибегать к приемам, не только по внешности не сходным с этим делом, но даже прямо ему противоположным*. Для воспроизведения же картины того же самого дела требуется прямое подражание внешности его.

¹ Они суть: действие оружием, как холодным, так и огнестрельным; как в одиночку, так и массами; вся внутренняя деятельность в отряде, направленная к поддержанию связи, как пониманию всяким, что делает и проч. и проч.

На примерах это будет яснее. Положим, я хочу внушить солдату, что часовой никому не должен отдавать ружья¹, ни принимать от кого-либо подарки. Объяснив это солдату, я ставлю его на часы и пытаюсь привести его к тому, чтобы он или отдал мне ружье, или взял от меня что-нибудь, например, деньги. Попадется ли он на эту ловушку или нет, но во всяком случае крепко усвоит, что, стоя на часах, ни того, ни другого делать нельзя. Итак, цель достигнута, и притом средством, прямо ей противоположным. Точно так же, для того, чтобы приучить часть к быстрому восстановлению порядка, нужно искусственно приводить ее в беспорядок; чтобы приучить устранять столпление или разрыв, нужно нарочно направлять части так, чтобы то либо другое случилось; чтобы приучить начальников принимать донесение осмотрительно и с критикою, нужно подсылать ординарцев с фальшивыми донесениями и проч. и проч.

Еще пример: сквозные атаки кавалерии на пехоту в разомкнутом строю, встреча этих атак пехотою в том же строю, равно и сквозные атаки пехоты на кавалерию. С точки зрения картины, несообразность полная, так как пехота встречает кавалерийские атаки в деле в сомкнутом строю и сама кавалерию никогда не атакует; но дело в том, что для успеха в бою атаки кавалерии на пехоту и обратно для успеха встречи пехотою кавалерийской атаки нужно, прежде всего, чтобы они не боялись друг друга: а этого ничем лучше достигнуть нельзя, как сквозными атаками. Кто это примет в расчет, тот и поймет, что сквозные атаки, будучи несообразностью по внешности, т. е. с точки зрения картины боя, являются приемом глубоко логическим и целесообразным с точки зрения подготовки к бою, или учебной. Не безинтересно, наконец, и общее несходство всех видов сквозной атаки с картиною атаки в бою: там противники никогда насквозь друг друга не проходят, а при сквозных атаках всегда проходят.

Еще пример: для показания пехоте приемов прикрытия артиллерии батареею приходится разбрасывать по протяжению боевого порядка поорудийно. С точки зрения картины это нелепо, а с учебной точки рационально, ибо приемы прикрытия показываются в кратчайший срок возможно большему числу людей.

¹ С известным исключением.

Наконец, с точки зрения картины, отряд наступающего на маневрах всегда нужно делать сильнее, ибо как же он иначе победит? С точки зрения учебной это не имеет смысла, ибо на мирных занятиях ни победителя, ни побежденного быть не может; а все дело заключается в том, чтобы одну сторону научить сноровисто наступать, а другую толково располагаться для обороны. С точки зрения картины и маневр не в маневр, если нет хлесткого обхода, вследствие коего обошедший торжествует, а обожденный приходит в уныние и ничего не находит лучше, как отступать; с точки зрения учебной, за подобные обходы должно преследовать, ибо они войска ничему не учат, а только прививают им поголовно дурные привычки, так как рабский страх обходов от начальников передается и солдатам.

Приведенных примеров, полагаю, достаточно для выяснения несходства между приемами обучения военному делу и внешними его проявлениями. Это несходство лежит в натуре предмета и должно быть принимаемо в расчет при соображении приемов обучения, которые, имея в виду данный результат, должны весьма часто отпирываться от прямо противоположного этому результату и весьма редко от сходного с ним по внешности. Кто этой противоположности не сознает и гонится за военными картинками¹, тот и получает в результате подготовку войск не к бою, а к военным представлениям только.

Величайший из военных педагогов, Суворов, сознавал это несходство и последовательно провел его по всей своей системе подготовки войск; этим и объясняется, почему формальные тактики до сих пор ее понять не могут, находя ее странною и полную несообразностей. Делать в мирное время то, что не подходит по форме, по чертежу, к тому, что делается в бою, им кажется нелепым. И обратно, точное воспроизведение боевой картинки² или чертежа, хотя бы оно не будило в душе ничего того, что возбуждается в бою, кажется им идеалом, к которому обучение должно стремиться.

Итак, принимая за доказанное, что приемы военного обучения не всегда сходятся по внешности с целями

¹ Т. е. за рабским воспроизведением внешности того, что происходит в бою.

² Опять-таки без существенных ее сторон.

его и что маневры, как учебный прием, не могут, уже по этому самому, иметь главной целью воспроизведение внешней картины войны и боя, посмотрим, к чему они должны стремиться и какой иметь характер.

Бой — явление, в высшей степени разностороннее; и первым для определения характера маневров представляется вопрос: что из происходящего в бою переходит в обучение почти¹ в том же виде, что может быть передано с изменениями, а что и вовсе не должно быть допускаемо в мирные упражнения?

Последнее и решающее явление боя то, что одна сторона остается победителем, а другая побежденным. Кто смотрит на маневры, как на картину боя, тот и на них устраивает победителей и побежденных, невзирая на то, что победа предполагает борьбу; а ее-то на маневре и нет; выходит, следовательно, внешнее подобие бою, внутренняя несообразность. Самая жалкая рухавка, а не то что регулярная сила, и та не уступит в деле одной демонстрации действия; маневр же и есть именно только демонстрация. Кто понимает маневры упражнением учебным, тот исключит из них даже намек на то, будто на маневрах можно побеждать и в особенности быть побежденным; тогда и самолюбие, и мысль участников, утратив эту игрушку, обратится на действительно полезные и усвоимые в мирное время вещи, т. е. на толковость расположений и движений и на внутреннее благоустройство маневра. Раз не будет гоньбы за дешевыми лаврами, не будет и нелепых страхов, вроде боязни обходов и тому подобного. Станут, напротив, нарочно ставить части под обход, дабы показать меры противодействия ему, которых теперь никто, или почти никто, не знает, ибо всякий обыкновенно торопится отступать не только в случае серьезного обхода, но иногда даже перед появлением на фланге нескольких всадников. Развивается, следовательно, не стойкость перед бедой, а, напротив, уступчивость ей и крайняя впечатлительность начальников в мало-мальски затруднительных положениях.

На войне отступают, а иногда и бегают под натиском противника; картины бегства еще никто не проделывал,

¹ Говорим: почти; совершенно в том же виде, как происходит в бою, ничего не может перейти в мирное обучение, ибо неприятеля нет.

но отступление проделывают, не замечая того, что в мирное время из действительного отступления, кроме движения назад, войскам ничего показать нельзя; а это движение показывать бесполезно, ибо оно известно из учений. Ведь суть отступления на деле заключается в том, что нужно отступать *упорно*: как же это показать в мирное время? Следовательно, упражнять в отступлении под видимым натиском значит не подготавливать к бою, а портить для боя — приучать смотреть на отступление как на действие столь же обыкновенное, как наступление. С точки зрения учебной упражнения в отступлении отвергаются поэтому не только как бесполезные, но как вредные¹, с точки зрения картины без них нельзя обойтись, ибо картина не выйдет полная.

Могут возразить, что и в мирное время не бесполезно показать, например, заблаговременное занятие позиций в тылу отступающего; совершенно так: но кто же мешает показать это не под натиском, а в виде просто последовательного занятия позиции назад? Мы даже думаем, что от показа в подобных условиях будет гораздо более пользы, чем под натиском, когда все делается второпях, кое-как, без малейшей даже мысли о том, что и как лучше сделать.

Вообще с точки зрения картины всякое слишком смелое движение к противнику, молодецкий подскок артиллерии, например, строго осуждаются; с точки зрения учебной не должны ни в каком случае осуждаться: ибо думающий о картине видит в этом ошибку в расстоянии, на котором от неприятеля должно останавливаться; думающий об обучении знает, что на войне нельзя быть довольно дерзким, лишь бы дерзость была мотивированная, а не бессмысленная; лишь бы игра стояла свеч. С точки зрения картины набросятся в подобном случае на батарею за то, что ее могли бы взять; с точки зрения учебной должно наброситься, напротив, на того, кто пропускает удобную минуту ее взять.

С точки зрения картины решительно все равно, возбуждаются ли и развиваются инстинкты отваги, предприимчивости, или им противоположные, лишь бы картина была верна; с точки зрения учебной — не велика беда, если картина выйдет и не совсем правдоподобна,

¹ Это решено еще Суворовым.

лишь бы дан был простор первым инстинктам и угнетались последние.

На войне убивают и ранят людей; с точки зрения картины можно учить людей притворяться если не убитыми, то хоть ранеными; в этом беды большой нет, даже картина выходит правдоподобнее; с точки зрения учебной это разврат.

Одним словом, чем более вдумываешься в мирные упражнения по отделу обстановки боя, тем более убеждаешься, что именно за верностью картины и не следует гнаться, если не хотят привить войскам вредные привычки; и что в этой гоньбе и лежит источник большинства маневренных предрассудков, которые и в деле неминуемо дадут себя знать.

Ею же (т. е. гоньбою за картинами) объясняются дикие попытки розыгрыша на маневрах уже бывших сражений, как пробовали во Франции в 60-х годах. Понятно, что подобная нелепость могла возникнуть вследствие непонимания вышеставленного военно-педагогического принципа и происходящего от того стремления приблизиться возможно более к внешности боевых явлений, упуская из виду их сущность.

Какой же из всего этого вывод? Вывод тот, что, зная несходство приемов обучения войск и внешней картины боя, следует раз навсегда принять, что маневры должны быть только учебным упражнением и ничем более, и в зависимости от этого хлопотать на них о привитии войскам полезных нравственных настроений, знаний и приемов, хотя бы и в ущерб картине, а не о воспроизведении картин в ущерб этим настроениям, знаниям и приемам. Выше показано, чего не следует допускать¹ на маневрах, производимых под влиянием этого убеждения; теперь посмотрим, на что следует налегать и делать по возможности сходно с боем.

Эта последняя категория упражнений обнимает собою действие в бою: материальное — оружием, духовное — мыслью, распоряжением. В этих отделах чем ближе подойдем в мирное время к тому, что нужно делать в бою, тем лучше.

В бою стреляют, рубят, колят: чем основательнее этому обучить войска в мирное время, тем лучше. В бою

¹ Т. е. победителей и побежденных, отступления, мнимо раненых, сложных предположений и хитрых движений.

и на войне точность исполнения приказаний (по духу, а не по букве); понимание всяким¹ того, что предстоит делать: связь во всем отряде до того всепроникающая, чтобы он ни на мгновение не переставал быть одним организмом, одушевленным одною волею, одною мыслью, составляют первое условие успеха: этому должно учить в мирное время, как важнейшему. На войне малейшая неясность приказания или нарушение установленного порядка в его передаче могут повести к бесповоротной катастрофе — должно обращать усиленное внимание на то, чтобы начальники выработали в себе навык выражать приказания кратко и определительно, ударяя на цель и не вдаваясь в средства исполнения; чтобы они подготовили себе таких передатчиков приказаний, которые исполняли бы это дело, не путаясь и не путая других.

На войне, как при исполнении гарнизонной службы, всякий, от солдата до главнокомандующего, и всякую минуту, находится на своем посту и должен постоянно помнить свою линию командную и свою линию подначальную², т. е. помнить, кого он должен слушаться; кого не смеет слушаться; кому может и кому не имеет права отдавать приказания; другими словами: ни к себе не принимать посторонних и неответственных советчиков, ни сам не брать на себя таковой роли относительно других. Постоянное памятование и исполнение этого — коренное условие дисциплинировки боя; его можно, а следовательно и должно привить путем практики в мирное время. Нельзя себе представить, до какой степени часто нарушается это условие, при беспокойном состоянии духа, и к каким гибельным последствиям может повести в бою. Прискакивает ли ординарец с приказанием, сейчас торопятся исполнять, не справившись, ни кто он, ни от кого прислан, ни к кому его послали. То же самое и с принятием донесений: большинству и в голову не приходит подумать, ни от кого оно, ни какую степень вероятности за-

¹ Напоминаем великое слово Суворова: «всякий воин должен понимать свой маневр».

² Т. е. строго применять закон, существующий в гарнизонной службе для часового, караульного начальника, дежурного по караулам, которые, за исключением известных лиц, не имеют права исполнять ничьих приказаний, в том числе и прямых своих начальников.

служивает¹. Страшно становится, когда подумаешь, какая масса суеты, нецелесообразных движений, бесплодного утомления для войск неизбежна при начальниках, воспитанных подобным образом. Случалось, что ординарцы заезжали не в те части, куда были посланы; приказание, ими переданное, принималось; приступали к исполнению, и выходила, разумеется, невообразимая путаница. Можно себе представить, к чему это поведет в бою, если начальники не озаботятся, наконец, сформировать себе ординарцев, какими они должны быть; если не озаботятся, чтобы их подчиненные усвоили себе строго рутину принятия и проверки приказаний и донесений. Пока этого нет, отряд представляется не здоровым организмом, который знает, чего хочет, и неуклонно стремится к тому, чего хочет, а, напротив, таким, в котором нервная система расстроена и который способен дать только бессознательные конвульсивные подергиванья там, где для его же спасения требуется полная целесообразность движений и энергия действий.

Выходит, следовательно, что, отбросив заботу о картине, придется позаботиться о многом: возникает плодотворная по результатам, но неказистая и трудная работа; трудная тем более, что требует коренной перемены в складе понятий и привычек начальников. Нужно ли говорить, что из всего перечисленного, при увлечении картинами, обращается внимание только на легчайшее, внешнее; что все, касающееся до редакции, отдачи, передачи приказаний, поддержания на марше и в бою связи во всяком отряде, дисциплинировки боя, находится в младенческом состоянии?.. Добивайтесь этого, картина придет сама собою; занимайтесь картиною, это не только не придет, но что и было забудется.

4

Успех атаки холодным оружием обуславливается, кроме подготовки ее огнем или неожиданностью появле-

¹ Советуем сделать следующий опыт, дабы убедиться, до какой степени у нас мало распространена мысль о необходимости в начальнике полного спокойствия. К начальнику маневрирующего отряда пошлите ординарца (запретив ему говорить, от кого он послан) с донесением, что его обходят с такого-то фланга, и наверное можете ожидать немедленного отступления или, в лучшем случае, мер для противодействия обходу. О критике донесения, о том, не вздорное ли оно, и сотому не придет в голову подумать.

ния, кроме решимости довести ее до конца, еще возможностью повторения ударов, рассчитанных так, чтобы, когда начнете бить, удар сыпался за ударом без передышки, пока противник не будет сломлен. Малейший перерыв в нанесении ударов дает неприятелю время опомниться, сменить расстроенные силы свежими и может повести к тому, что усилия, сделанные до перерыва, будут обращены в ничто. Для осуществления такой системы ударов, кроме своевременной подготовки штурмовой колонны, нужно еще, чтобы задние ее эшелоны, как только начнется атака переднего, следовали за ним безостановочно и поддерживали бы его в случае остановки. Практический прием исполнения этой операции должен быть привит войскам и заключается в распространении на батальоны и полки правила, уже существующего в батальонном ученье для рот второй линии. Если припомнить, там указано, что в случае остановки рот первой линии, идущих в атаку, вторая линия продолжает движение и, когда поравняется с первой, *обе линии идут в атаку*. То же самое правило должно быть распространено на батальоны частного резерва и даже на полки общего, если они будут назначены для поддержания атаки. Прием этот, не говоря уже о том, что он указывает наглядно, как нужно понимать выручку в атаке, хорош и тем, что дает войскам случай разобраться и прийти в порядок, так как при нем части будут перемешаны.

5

Не раз уже было заявляемо, что нужно учить не одному только поддержанию порядка, но и восстановлению его из беспорядка; не только тому, чтобы не толпились и не разрывались, но также и исправлению этих погрешностей, если бы они произошли. Возражений против этого, сколько нам известно, не было, да едва ли дельные и могут быть: следовательно, нужно приниматься за выработку приемов, как это делать. Но такая цель может быть достигнута только при содействии всех интересующихся делом и при объявлении в печати тех приемов, какие кому придут в голову. Руководимые этою мыслью, отдаем на суд общий то, что было испытано собственно нами.

Восстановление порядка из беспорядка. Основное условие успеха в этом деле, как уже не раз говорилось,

заключается в восстановлении ответственности в строю начальников мелких подразделений роты; ибо роты, батальоны, полки могут раздробиться и перемешаться; но десятки не раздробятся, если унтер-офицеры будут стоять со своими людьми и будут делать свое дело¹. Но независимо от подготовки унтер-офицеров к этой роли необходима и выдержка части в несколько иных строевых привычках, чем установившиеся теперь почти везде. Часть должна быть выдержана в привычках полного и ни на мгновение непрерываемого внимания ко всему тому, что в строю делается; должна быть выдержана в убеждении, что она обязана уметь исполнить всякое построение, какое будет приказано начальником, а не одни только образчики построений, помещенные в уставе. Если это есть, практика восстановления порядка из беспорядка представляется делом не трудным.

Приемы для развития внимания в строю были употреблены следующие:

1) Ротный расчет делают не фельдфебеля, а сами люди по командам фельдфебелей. Как, повидимому, ни прост и ни легок этот прием, но его применение показало, что и той ничтожной доли внимания, которая необходима, чтобы после, например, «25-й» сказать «26-й», хватало не у всех людей на первых порах. Тут же оказалось, что некоторые после, например, «пятьдесят девятый» считают «пятьдесят десятый» и т. п.; 2) ученья никогда не производятся в одной и той же, раз навсегда установленной последовательности, ибо она наиболее способствует тому, чтобы люди стояли в строю, развесив уши; 3) команды, которые принято обыкновенно исполнять всей ротой, относятся от времени до времени к частям роты, как, например, «задняя шеренга такого-то полувзвода на плечо»; «такие-то ряды полувзводов на руку»; «такие-то ряды полувзводов шагом марш или стой» и т. п.; 4) проверка внимания людей ошибками начальников; 5) превосходной подготовкой к восстановлению порядка служит также постоянное требование, чтобы

¹ Мы говорим здесь о сомкнутом строе; в рассыпном и десятки могут, конечно, перемешаться; но там это не беда, если рассыпной строй толковый, т. е. более или менее редкий. Густой же рассыпной мы считаем нелепостью, ибо он соединяет все недостатки и рассыпного и сомкнутого строев, не представляя достоинств ни того, ни другого. Тогда уж лучше иметь развернутый строй.

при сквозных атаках пехоты на пехоту восстанавливался самый педантический строй тотчас же после того, как люди протиснутся насквозь.

Прикладной устав дает все средства привить убеждение, что хорошо обученная часть должна уметь исполнить всякое построение. Тому же способствует и практика в прикрытии артиллерии¹.

Результат применения этих приемов был следующий; на последнем учении сбора 1874 года, имевшем целью показание поддержки при атаке передних частей задними, были последовательно введены в линию все четыре полка дивизии, начиная с 4-го и кончая 1-м. Столпление вышло полное, как в бою на решительных пунктах и бывает после свалки. После отбоя вся масса была поворочена кругом и поведена в направлении жалонеров, занявших, предварительно, места для церковного парада. Не доходя до жалонеров, шагов за полтораста, было скомандовано: «по жалонерам стройся, бегом марш», и порядок, выровненный по рядам и шеренгам, был готов для парада минут в пять или около.

Столь быстрое восстановление порядка и равнения многим покажется маловероятным, но свидетелей этому было не мало. Заметим при этом, что быстрота равнения кажется недостижимой большинству просто потому, что все привыкли тратить на него слишком много времени. В этом, как и во многом другом, открывается то же невнимание к свойствам человека: выведите его за час и начните равнять: и он равняется и его равняют под влиянием той мысли, что «еще мол поспеем»; а к концу часа утомление, сонливость берут свое; исполнение идет вяло, достигается трудно, а мы думаем, что иначе и нельзя. А выведите за четверть часа, всякий чувствует, что зевать нельзя, что вот-вот начальник подъедет, и сообразно с этим и исполняют.

Устранение столпления и заполнение разрывов. Исправляются эти ошибки весьма просто: при столплении нужно убирать часть, которой недостает места, во вторую линию; при разрыве нужно заполнять его частью из второй линии. Ознакомить с этими исправлениями не трудно; гораздо важнее установить правило, по чьему

¹ В особенности прием демаскирования и маскирования артиллерии.

распоряжению они должны быть исполняемы. Нам кажется, что право убирания части из боевой линии, в случае столпления, должно быть предоставлено не непосредственному начальнику части, но старшему над ним; если же нужно заполнить прорыв, то исполняет это непосредственный начальник ближайшей к прорыву части, не ожидая приказа. Следовательно, если нехватает места роте, определяет батальонный командир которой осадить; нехватает места батальону, определяет полковой командир. Наоборот: образуется разрыв, сам ротный или батальонный командир (смотря по величине разрыва) заполняет его, не ожидая приказа. Причины этого различия настолько очевидны, что в разъяснении не нуждаются.

Прием для наглядного показания этих исправлений: поставив батальон поротно в одну или полк поротно в две линии¹, приказать, чтобы в первом случае роты, во втором батальоны стали фронтом на какой-нибудь резко очерченный и не вдалеке расположенный предмет (изба, мельница, дерево, телеграфный столб и проч.), и затем скомандовать движение. По мере приближения к предмету фронт будет стесняться, т. е. можно показать уборку частей. Затем, когда пример будет признан достаточным, повернуть кругом; после чего движение пойдет по расходящимся направлениям и явится возможность применить заполнение разрывов. Эти приемы совершенно достаточно показать в течение лагеря один раз, после какого-нибудь ученья.

Но ознакомливая со средствами исправления погрешностей в направлении, должно в особенности не упускать из виду обратного, т. е. чтобы части приучены были точно выдерживать направление. Выдержка направления, особенно на значительном расстоянии, упущена во всех армиях. Случается, что роты, довольно хорошо подготовленные во всем остальном, получив приказание идти на резко видимый дальний предмет, на 100 шагах принимают в сторону шагов 10. Причина этого заключается в увлечении равнением, которое совершенно вытеснило мысль о направлении: нам так часто приходится смотреть направо и налево, что мы забыли смотреть вперед, т. е. именно туда, куда в бою смотреть всего нужнее. Не

¹ На половинных интервалах, для выигрыша времени.

мало способствовало забвению направления и пристрастие к коротким движениям на элементарных ученьях: не успеет часть пройти 20, 30 шагов, как ее уже заводят плечом или заворачивают рядами и т. п. Понятно, что при частой перемене направления трудно научиться его выдерживать.

Практику в выдержке направления можно только дать одним путем, делая продолжительные движения (в полверсты и больше) на какой-либо дальний предмет и поверяя от времени до времени прямолинейность направления. По дороге никто не мешает делать остановки и перестроения, разумеется снаравливая последние так, чтобы дирекциональный фланг не делал боковых передвижений. Этот прием, как всякий видит, не труден, но нужно взять привычку его применять, следовательно, отстать несколько от теперешней системы учений, характеристическая черта коих — безостановочная перемена форм строя и направления.

Вместе с тем, признав за верное, что прежде всего следует хлопотать о направлении и только потом о равнении, придется сделать некоторые улучшения в системе командных слов и в способе перемены фронта. Объяснимся подробнее.

Встарь о направлении весьма заботились, но несколько странно: вместо того, чтобы ставить часть фронтом на какой-либо резко видимый и отдаленный предмет и на него итти, требовали, чтобы дающий направление человек сам себе мысленно пробивал перпендикуляр, т. е. намечал глазом точки на перпендикулярном к фронту направлении, и на них бы шел. Остальные люди строя не знали, на какой предмет они направляются, а должны были только равняться на ведущего и держаться к нему. Но так как обучение движению производилось обыкновенно на местах голых, да притом зачастую и искусственно выровненных, на которых трудно было выискать сколько-нибудь заметные точки, то и это, до крайности суженное и даже извращенное применение выше объясненного приема пришло в забвение. Говорим «извращенное» потому, что в упражнении, поставленном таким образом, открывается внутреннее противоречие с тем, что происходит в бою, где по предмету, на который предстоит итти, выбирается положение фронта, а не по положению фронта прискивается предмет.

Эти аномалии отразились на командах тем, что даже и слово направление (дирекция) в них исключено; отразились и на перемене фронта, для которой основную часть не ставили фронтом на такой-то предмет, как бы следовало, но заводили на известную часть круга¹ направо или налево. И таким-то образом, во всех тех случаях, когда внимание в деле должно устремляться вперед, т. е. по линии, перпендикулярной к фронту, его переместили на линию фронта: равнение убило направление. Во всем стали полагаться на верность положения плеч, не замечая того, что его тоже трудно сохранить, не имея впереди предмета направления.

Нам кажется, пора подумать о том, чтобы исправить эти аномалии; чтобы рядом с командой: равнение туда-то, была прежде нее команда: направление на такой-то предмет, *и все люди строя знали бы, куда они идут*; чтобы выдержка направления на значительных расстояниях стала в число основных строевых упражнений²; чтобы при перемене фронта дирекциональные ряды заходили не на такую-то часть круга, но фронтом к такому-то предмету. Вместе с тем, для этой последней эволюции придется принять прием, который дает возможность поставить дирекциональные ряды в желаемом направлении и проще, и вернее чем захождение. Заключается он в том, что людям означенных рядов приказывают, при старом положении фронта, повернуться лицом на предмет, к которому предполагается переменить фронт; затем выровняться по тому из повернутых рядов, который будет впереди³.

6

Факты, обнаруживающие всю силу рутины, так поучительны, что их не следует уставать выводить на свет божий, хотя бы это было не во второй или третий, а в со-

¹ Обыкновенно на четвертую или восьмую — других углов строевая практика не признавала.

² По нашему мнению, в этом должна быть проверена каждая рота во время полковых сборов.

³ Все это относится до перемены фронта одной частью; что же касается до перемены фронта линией частей, то, по нашему мнению, она должна быть производима только из уступов, единовременным захождением всех частей, а не последовательным захождением, как то большею частью делается теперь. Но и в этом случае точно так же следует назначать предмет, к которому должна быть произведена перемена фронта.

тый раз. Выше было упомянуто вскользь, что тихий шаг со всеми подразделениями удержался еще в некоторых мелких частях, невзирая на то, что исключен из устава лет 14 тому назад. Мы и не подозревали тогда, до какой степени были далеки от действительности. Недавно нам передавали за верное, что есть части войск, в которых он держится до сих пор: на том основании, что будто бы без него «хорошего шагу» не будет. Будет или не будет, нельзя сказать, пока не испытаешь. До такой степени мы, даже не стесняясь существующими постановлениями, расположены убаюкивать себя самыми жалкими, не имеющими и признака серьезного логического основания доводами, лишь бы отстоять свои застарелые привычки! Ведь рядом с такими частями войск учатся другие, в которых он давно брошен, как исключенный из устава, и дело от того идет не хуже: кажется, опыт убедителен; нет, он ничто перед *la chère habitude*, как называл ее еще маршал Саксонский. Любопытно было бы знать, где берут время в частях, практикующих тихий шаг, на основательное прохождение предметов, действительно необходимых и без знания коих солдат не солдат? Как бы хорошо, как благодетельно было бы дать этой страшной силе привычки направление, более ее достойное, обратив ее из тормоза делу во имя ненужностей в тормоз ненужностям во имя дела...¹

7

Усвоение теории тактики для строевого офицера затрудняется тем в особенности, что приступающий к ее изучению теряет в рубриках, не всегда соображенных с сущностью дела. Занятие, атака, оборона позиций — одно; занятие, атака, оборона местных предметов — другое; сражения — третье. Атака в бою — одно; атака фуражировки, транспорта, сбивание противника при рекогносцировке — другое. Походные движения одно; сопровождение транспорта — опять другое. И так далее, по всему курсу. Одним словом, и здесь обнаруживается то же увлечение внешностью, на которое указано в установленном взгляде на маневры: исследуют предмет не по сущности явлений, а по внешнему их виду². Положим,

¹ Многоточие автора.

² Каемся, что и сами в этом деле не безгрешны, что и уразумели при ближайшем столкновении с войсками.

без рубрик в теории и невозможно обойтись; но, во-первых, можно их установить рациональнее; во-вторых, дело руководящих занятиями войск дать этим рубрикам должное освещение, свести их к одной путеводной мысли, заключающейся в том, что *все бесчисленное множество военных целей достигается только двумя средствами, или походом, или боем; а в бою собственно — или атакой, или обороной; и что эти положения войск, во избежание нечаянностей, неминуемо сопровождаются сторожевыми мерами.* Рассматриваемое с этой точки учение о тактических формах является до крайности простым и удобопонятным, невзирая на их разнообразие. Возьмем, например, сторожевые меры. Из перерывчатой линии летучих отрядов, направленных по дорогам к неприятелю, оно, по мере сближения с ним, обращается в непрерывную сторожевую цепь с ее подкреплениями; переливается почти в боевое расположение, если неприятель так близко, что ежеминутно можно ждать столкновения¹; во время боя исчезает перед фронтом, но необходимо и неминуемо удерживается на флангах. И все это одно и то же сторожевое расположение, несмотря на разнообразие формы!² То же самое с атакой, то же самое и с обороной. Следовательно, получая какую-либо задачу на мирных упражнениях, нужно, прежде всего, решить вопрос, какая она, походная или боевая? и затем уже решать детали расположения, не смущаясь хитрыми для непривычного уха терминами: рекогносцировка, фуражировка и т. п. Строевому офицеру нужно помнить раз навсегда, что все эти термины всегда и неизменно скрывают или поход со сторожевыми мерами, или бой с теми же мерами. А терминов не бояться; и кто их не знает, нужно просто спрашивать, что они значат. Незнакомство с этим условным языком ставило иногда и очень толкового человека в тупик; а объяснялось, опять-таки, вечным неразвитием, недостатком сметки.

Уметь с настоящей стороны подступить к вопросу, значит, в большей части случаев, наполовину уже решить его. В выработке методов этого подступа и в сообщении

¹ Все три вида, как на биваке, так и на марше.

² Мы не останавливаемся на видоизменении сторожевых форм в зависимости от местности, ибо наша цель — только подтвердить примером вышепоставленную путеводную мысль, а не плодить эти примеры.

их участникам занятий и лежит, по нашему мнению, главнейшая обязанность начальников сборов. Возьмем, например, атаку и оборону позиций во всех случаях¹. Большинство ошибок в расположениях, как для атаки, так и для обороны, происходит от несоблюдения одного и того же, в высшей степени простого и понятного, но весьма немногим известного приема: *решать всегда сначала задачу за неприятеля* и потом уже свою собственную. Т. е. если предстоит располагаться для обороны на данной позиции, задавайтесь сначала вопросом: как бы атаковали эту позицию? Собираетесь атаковать, решайте сначала вопрос: как бы вы обороняли эту позицию? Если к этому еще прибавить решение наполеоновского вопроса: что я сделаю, если неприятель появится с фронта, справа, слева, с тылу? то решение не может выйти дурно у человека, сколько-нибудь толкового. Мало того: и заставить его врасплох будет трудно, если он по натуре хоть мало-мальски спокоен и не суетлив. О психической основе этих вопросов мы не распространяемся, ибо она достаточно разъяснена в «Подготовке батальона для боя»; заметим только, что усвоение их офицерами, до того твердое, чтобы приступ к задаче всегда заключался в их разрешении, будет большим шагом в развитии тактического мышления. Достигнуть этого усвоения дело не трудное: стоит только давать сказанные вопросы начальникам маневрирующих сторон письменно и требовать письменного же ответа как на эти вопросы, так и на вытекающие из них.

Весьма полезно также требовать, чтобы заблаговременно до маневра офицеры соображали по плану, что им предстоит делать. Но это, разумеется, предполагает, что они основательно знакомы с чтением планов.

8

Уменьше переноситься с местности на план и с плана на местность составляет в наше время необходимость для всякого офицера, серьезно посвятившего себя военному делу, и при малейшем личном с его стороны участии усваивается легко. При теперешнем распространении планов в войсках стоит пользоваться для этого случаями похода; и вместо того, чтобы идти впустую, заниматься по

¹ Т. е. как оборону и атаку позиций, слышущую под этим ярлыком в тактиках, так равно прикрытие транспорта или фуражировки и атаку этого прикрытия и т. д.

дороге разрешением задач, к которым дает повод сличение плана с местностью. Получается двойная выгода: исчезает скука похода, приобретается полезное знание. Но как это ни легко, а прививается тоже не иначе как при участии к делу со стороны начальников; и при том еще условию, чтобы за него братья спроста и без длинных разговоров. Начало этому делу также легче всего положить во время лагерного сбора. Небольшого труда стоит, в свободные от занятий дни, наличным офицерам генерального штаба поехать с желающими и попрактиковать их в решении следующих задач: 1) точку стояния указать на плане; 2) точку, данную на плане, указать на местности; 3) поднявшись на высокое место, видимые с него предметы указать на плане; 4) определить по плану, во сколько времени можно дойти или доехать, шагом или рысью, от точки стояния до данной, и поверить; 5) принять в расчет по плану рельеф местности, т. е. определить, что с данной точки будет видно, а что нет по данному направлению, и тоже поверить. Тут же, по дороге, небольшие тактические задачи: как поставить батарею, или батареи, на данной позиции, где цепь, где резервы, где наблюдение за флангами; на что должен обратить внимание разъезд, посланный в таком-то направлении, и т. п.

Только при такой практике план приобретает реальное значение; ибо для того, чтобы научиться принимать небольшую группу штрихов за большую гору, за глубокий овраг, нужно прежде всего, и довольно долго, сравнивать эти предметы с их изображениями. И только тогда, когда план осмыслится подобным образом, решение задач на нем может принести действительную пользу.

Тут же представляется возможность обратить внимание занимающихся на то, как следует принимать в расчет эффекты освещения предмета и положение к нему наблюдающего при определении размеров, конфигурации предмета, расстояния до него.

Можно думать, что на желающих расчет плох, что их не будет, и подумают ошибочно: является обыкновенно более желающих, чем один человек может занять, и с первых же разов приходится прибегать к пособию тех из участников занятия, которые тверже других сохранили приобретенное в школе и от недостатка применения заглухшее потом на службе. И заглухшее оживает. Могут

сказать еще: да где же взять лошадей? есть, во-первых, обозные, ведь для этого дела в тонком выезде надобности не настоят, лишь бы возила; есть, во-вторых, лазаретные, линейки, в которых помещается 10, 12 человек. Едут они себе по дороге, в поучительных местах вылезают, занимаются; затем опять едут до следующей точки. Результат за два лагерных сбора, ручаемся, выйдет поразительный; в некоторых полках неумеющие читать карту будут исключением. До такой степени легко и от сердца русский человек отзывается на требование, которого цель ясна.

Одно из немалых затруднений в чтении планов представляет переход от крупного к мелкому масштабу. Даже совершенно хорошо читающие, например, верстовой план с переходом к трехверстному будут, за редкими исключениями, делать на первых порах довольно грубые ошибки. Повидимому, вовсе нехитро помнить, что то, что укладывалось на трех дюймах, укладывается на одном, а между тем на деле это не так легко, как кажется, ибо требует других привычек глаза и несравненно большего, чем при крупном масштабе, внимания к признакам, определяющим данную точку.

Малейшего ослабления внимания достаточно для того, чтобы, проехав, например, $\frac{1}{2}$ версты, промахнуть на плане версту или полторы; разумеется, что при этом искомые признаки точки не находятся, и собственная ошибка сваливается на неверность плана. Особенно нужно быть настороже против таких промахов на местности нерельефной, в лесу, при утомлении, в минуты нетерпения, т. е. когда ожидаете приезда на точку, почему-либо для вас интересную; также в конце перехода. Все подобные причины ошибок, довольно мелкие и не для всякого сразу заметные, могут быть устранены только ежегодной практикой в чтении плана мелкого масштаба.

9

Чем более утверждаешься в деле, тем яснее становится, что показ великое дело. Возьмем, например, маневр¹ более или менее сложный. Как вы ни ясно и ни коротко объясните, что, когда и как делать, непременно найдутся люди, которые или что-нибудь не так поймут,

¹ Под маневром мы разумеем также и ученья с тактическим предположением.

или что-нибудь пропустят, или забудут последовательность. Но проделайте маневр на офицерах¹, и всякий вынесет представление совершенно сознательное о том, что предстоит делать, и исполнение выйдет образцовое в таких случаях даже, когда по принятым обычаям невозможно и думать обойтись без репетиции всему отряду. Мы особенно рекомендуем этот прием вниманию руководителей, по многим причинам: 1) получается выигрыш во времени, ибо самый сложный маневр показывается в какие-нибудь полчаса, на пространстве 50, 60 шагов; 2) выигрыш в понимании; ибо всякий ротный командир видит всю связь маневра не только в своем батальоне или полку, но во всем отряде.

Против этого способа объяснения маневра может быть только одно замечание: не возбуждает ли он щекотливости офицеров; нет, не возбуждает, если они знают, что руководящий и сам не стеснится, в случае надобности, на себе показать, что должна делать не только рота, но хоть бы и звено; и не будет считать это унижением собственного достоинства. Ложное самолюбие и щепетильность возбуждаются только там, где само начальство дает этому пример, деля работу на черную и белую. Кто ставит свое самолюбие в знании дела, хлопочет о том, чтобы узнать его скорее и лучше, а не об упражнении в обидчивости. Прежде считалось неприличным для офицера стрелять на смотру или делать гимнастику; но выигрыша от этого ни делу, ни достоинству офицеров не было. Наше дело все построено на самоотвержении и самоотречении; кто этого не понимает, кто не может поступиться своею личностью во имя дела, тот никогда не будет порядочным военным. Необходимо только, чтобы самоотречение вызывалось во имя дела, а не на потеху личному капризу; в этом последнем случае оно и возмущает, и возмутительно: ибо перестает быть взаимным, а требуется только с одной стороны.

10

Выше было упомянуто о вреде отдельных команд в частях и о необходимости ограничить их возможно меньшим числом. Опыт убедил нас в положительной воз-

¹ Т. е., если позволено будет так выразиться, на живом чертеже.

возможности отменить занятия артиллерийских команд в зимнее время: трех-четырёх уроков в лагере, при действительных орудиях с действительными снарядами, вполне достаточно для того, чтобы пехотинцы, незнакомые с артиллерийскими приемами, исполняли совершенно толково не только зарядание, но отъезды, подъезды и движения с посаженной прислугой. Следовательно, при таком порядке занятий люди узнают из обязанностей артиллерийской прислуги не только больше, но и основательнее, чем при зимних занятиях по нынешнему. Да оно и понятно: при нынешней системе занятий — деревянные орудия на козлах и один учитель на 60 человек; при предлагаемой — действительные орудия, действительные снаряды и на каждого человека учитель. Затем устраняется командировка фейерверкеров; они остаются зиму при своем деле; устраняется и переписка по командированию, требующему передачи письменных сведений. Да и в пехоте люди не отрываются от своего дела зимою.

Для довершения образования артиллерийских команд по этой системе не достает только одного — действительной стрельбы. И для пользы дела было бы очень хорошо, если бы оказалось возможным делать в артиллерийские бригады добавочный отпуск боевых зарядов и снарядов, хотя по одному на каждого человека артиллерийских команд дивизии. Тогда артиллерия получила бы действительно надежный запас прислуги в пехоте, а не существующий на бумаге только.

Может быть скажут: да где же найти артиллеристов, готовых взять на себя эту новую обузу и к сердцу принять ее? Кому же неизвестно, что разные роды оружия, даже живя бок-о-бок в лагере, остаются чуждыми друг другу и мало принимают к сердцу взаимные интересы? Знаем и мы, что так бывает; знаем и почему так бывает. Заявляем только, что этого нет в той бригаде, с которою, по счастью, пришлось работать. Более горячего сочувствия общим интересам дивизии, более ясного понимания того, что она связана с дивизиею на жизнь и смерть, на радость и горе, какое являет эта бригада, и желать нельзя. Не тяжело ей лишний раз не только вывести прислугу в парк, но — что реже встречается — даже и запрячь лошадей; а в обучении пехотинцев принимают участие не только офицеры, но и батарейные командиры. Там же, где на подобную работу от сердца рассчиты-

вать нельзя, тоже есть корректив — смотры высших начальников: стоит принять за неперемнное правило ставить на смотровых маневрах или учениях артиллерийские команды к орудиям, и тогда будут заниматься. Мы вполне уверены, что если дать любому батарейному командиру на выбор: или лишиться на целую зиму фейерверкера, или дать в лагерный сбор три-четыре урока артиллерийским командам, то он, конечно, предпочтет последнее.

11

Сбережение людей — святейший долг каждого начальника; и в этом деле после пищи и помещения важнейшую роль играет соблюдение того условия, чтобы полусту не морить людей, т. е. чтобы время, назначаемое на работу, на нее действительно и уходило, а не на бесплодные ожидания или на равнение, двадцать раз возобновляемое. И в этом деле свойства массы берут свое: лишнее утомление то же, что и недостаток пищи; оно находит свои жертвы, для которых становится бременем, переходящим за предел сопротивления. Бесплодное утомление — лишний расход; недостаток пищи — слабый приход: свести концы с концами можно только в госпитале или на кладбище. Недаром де-Брак говорил, что в зависимости от того, умеет или не умеет начальник дать своим людям и коням во-время отдохнуть и поесть, часть или проходит благополучно сквозь все невзгоды кампании, или тает и исчезает, даже не побывав ни в одном деле. Суетня, рабский шал, дерганье, ерзанье бьют вернее пули. *Нужно в мирное время приучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; в военное поздно усваивать эту привычку.* И в этом случае, как опять не вспомнить прусаков, у которых опоздать на какой бы то ни было смотр считается только дисциплинарным проступком; а притти ранее чем за четверть часа до назначенного времени — преступлением. Человек создан из мяса и костей, а не из железа (да и железо не все выдержит); требуйте от него усилий, даже и тяжелых, во имя дела: но только во имя дела.

Но за пределами дела — сбережение самое педантическое: ни лишнего шага, ни лишней минуты ожидания. Нужно помнить только, что в массе малейшее движение

Помножается на тысячи, на десятки тысяч раз, дабы сразу видеть, какую в ней страшную потерю работы представляет бесполезная трата времени или мускульной силы. Заставить 1000 человек даром подождать 15 минут, значит отнять у отдыха этой массы не 15 минут, но 250 часов; заставить пройти бесполезно 15 шагов, значит израсходовать мускульную силу, соответствующую 10 верстам...¹ Мы не говорим, конечно, о тех случаях ожидания, которые считаются в год единицами и предшествуют большим маневрам; они, как и все единичное, значения иметь не могут; но налегаем на те, которые повторяются в иных частях чуть не ежедневно, совершенно без всякой цели и надобности, а просто потому, что в голову не приходит подумать о том, какими последствиями подобные ожидания могут отразиться на некоторых из ожидающих. Чтобы это было виднее, советуем прибегать к тому же умножению: четверть часа ежедневного ожидания в течение 200, положим, дней дают потерю времени на каждого человека 50 часов, или двое слишком суток, а на 1000 человек 2083,3 суток. «Одним больше, одним меньше, не все ли равно?» Вероятно подумают, если не скажут некоторые. Для тех, которые не попадают в это число, конечно, все равно. Человек, командующий массой себе подобных, поставлен в роковую необходимость примириться с безвременною гибелью некоторых из них; и благо ему, если, пройдя в этой роли даже недолгий путь, он может, положив руку на сердце, сказать: «на моей душе много существ, безвременно погибших; но с чистой совестью могу сказать, что я ни одним не пожертвовал во имя безделья и сделал все доступное слабому моему пониманию, дабы по возможности ограничить эту жертву...»

12

Некоторым кажется, что продолжительность лагерного сбора в полтора, два месяца бесполезно велика; что на такой период времени нет работы; так это, или не так, зависит от взгляда на то, чем следует заниматься в течение общего сбора, программа коего, сообразно новым требованиям, тоже еще не выработана. Нам кажется, что, задаваясь мыслью не учить только войска, но *вы-*

¹ Многоточие автора.

учивать их делу, нужно признать, что на прохождение систематического курса тактики, не упуская в то же время и строя, потребно не менее двух сборов, в два месяца каждый, и то при благоприятной погоде. Чтобы в этом убедиться, достаточно проследить прилагаемый проект программы занятий отряда, состоящего, примерно, из дивизии пехоты, бригад: кавалерийской и артиллерийской = 12 батальонам, 8 эскадронам, 24 пешим, 8 конным орудиям. С искренней благодарностью примем все замечания на этот проект.

Занятия

	Число дней
На отдых и устройство лагеря	4
Ротные ученья	7
Ротные ученья по военному составу, сводя по одной роте от полка в одну общую роту ¹ , а в тех батальонах, от которых роты не будут потребованы, батальонные ученья	7
Батальонные ученья по военному составу, по два в день	2
Взаимные обязанности пехоты и артиллерии: по одному ученью на полк с батареею, по два ученья в день	2
Ученья с боевыми патронами и зарядами, в каждом полку батальону по военному составу, с четырьмя орудиями	2

Примечание. На обратном пути к лагерю батальонное ученье.

Полковые ученья, каждому полку ежедневно, в том числе одно смотровое ученье² 4

¹ Мы считаем такую сводку полезною в том отношении, что она облегчает сравнительную оценку строевого образования в полках, а в особенности того, в какой мере уравниен шаг. Число рядов в такой роте, конечно, будет превышать военный состав; но это также полезно, ибо дает большую практику офицерам в управлении и в командовании.

² На полковых ученьях показать приемы устранения столпления и заполнения разрывов, а также боковые передвижения боевого порядка в виду неприятеля. Само собою разумеется, что всякое ученье должно начинаться уставными типами, а кончаться их применением.

Учения полку с батареею по военному составу, по одному в день	2
Бригадные учения, по два в день	2
Взаимные обязанности пехоты и кавалерии, по одному учению на полк пехотный с кавалерийским, по два учения в день	2
Дивизионные учения пехоты с артиллериею	3
Батальонные маневры, по числу штаб-офицеров, командующих батареями, батальонами ¹ , дивизионами: 12 батальонных, 7 батарейных командиров, 4 дивизионера: итого 23. Нужно стараться сделать столько маневров, чтобы каждый из этих штаб-офицеров прокомандовал оборонительным и наступательным отрядом; следовательно, 12 маневров оборонительных и 12 наступательных, полагая по 4 маневра в день	6

Примечание. Избегать назначать штаб-офицеров начальниками тех отрядов, в состав коих входит часть, постоянно ими командующая², ибо преимущественно, а иногда и исключительно ею занимаются, а остальные пускают на произвол судьбы.

Полковые маневры, по числу штаб-офицеров соответственной степени: шесть полковых, один командир артиллерийской бригады, один начальник штаба = восемь штаб-офицеров, четыре маневра по два в день	2
Бригадные маневры, по числу 4-х бригадных командиров (два пехотных, один кавалерийский, один артиллерийский), два маневра, по одному в день	2
Походное движение, для показания распределения войск по колоннам, последовательности, в какой должны идти разные роды оружия в колоннах и в сторожевом отряде, связи между колоннами, сосредоточения на выстрелы, перехода в боевой порядок	2

¹ Заведующие стрелками не в счете.

² Еще новое доказательство противоположности мирных приемов обучения с тем, что придется соблюдать на самом деле: там, напротив, нужно стараться избегать отделения начальника от его части.

Отрядный маневр, один или два, как время по- зволит	2 или 3
<hr/>	
Итого	52 дня

Т. е., что для выполнения этой программы в таком объеме, если выключить праздничные и ненастные дни, двух месяцев даже мало. Нужно притом кончить стрельбу, сделать хотя в небольших размерах погрузку и выгрузку обоза и лошадей на железной дороге¹, отделить время для смотров; волею-неволею приходится урезать некоторые отделы, а стрельбу и практику в погрузке и выгрузке относить на праздничные дни.

Что же тут можно урезать, без ощутительного ущерба делу? От ротных и батальонных учений по два дня; от полковых, положим, один, от дивизионных один; батальонные маневры рассрочить на два сбора, пригнав так, чтобы командовавшие в одном сборе наступательными отрядами в следующем командовали оборонительными (и наоборот), три дня. Итого девять дней; а в двух месяцах одних воскресений может быть девять. В крайности, можно не делать полковых и бригадных маневров; наконец, сократить число батальонных маневров, хотя, ввиду важности этого отдела, его, без крайней необходимости, лучше не сокращать далее показанного. То же должно сказать относительно периода ротных и батальонных учений. Мы готовы, в случае недостатка времени, пожертвовать скорее полковыми и бригадными маневрами, чем батальонными, потому что если пехота, кавалерия и артиллерия сманеврированы в мелких частях, маневры крупных частей не могут не быть хороши, чего нельзя сказать наоборот.

13

Движения цепи, фронтальные и боковые, под огнем противника. В настоящее время почти повсеместно уже принято делать наступление и отступление цепи под огнем не одиночными людьми, а целыми участками, более

¹ О посадке и высадке людей не говорим: это дело легкое.

или менее крупными; и притом не зря, а от позиции к позиции. Говорить о преимуществах этого способа пред прежним едва ли нужно: дельная стрельба ни на минуту не прекращается, ибо передние не мешают стрелять задним, движение идет быстро, так как перебежки делаются на значительные расстояния (шагов до 150, 200), без остановок по дороге для выстрела; люди не выпадают из рук начальников. Это последнее удобство приближает рассыпной строй к сомкнутому в деле управления людьми, несколько не стесняя той самостоятельности, которая должна быть предоставляема стрелкам в цепи.

Но в исполнении передвижения цепи по этому способу не всегда соблюдаются здравые боевые принципы, что и ведет к укоренению несообразных приемов. Так, например, мы слышали, что в некоторых частях для обозначения той позиции, на которую предстоит перебежать при наступлении, высылаются унтер-офицер, который, добежав до указанного места, поворачивается кругом (т. е. лицом к цепи, а тылом к неприятелю) и становится на одно колено, взяв перед себя ружье. В иных частях делаются слишком короткие перебежки (шагов 10, 15), что совершенно уничтожает выгоды этого способа движения; в иных участки цепи перебегают не от позиции к позиции, а так называемыми шахматами: т. е. не останавливаются на линии участков, уже залегавших на позиции, а продолжают движение за нее. Несообразность первых из этих приемов сразу бросается в глаза: высылать унтер-офицеров первыми вперед значит идти на то, что их первыми и перестреляют: кто же будет управлять тогда участками цепи? Нельзя не заметить притом, что один человек представляет и ненадежное средство обозначения позиции, ибо слишком подвержен случайностям. Итак, высылать для этой цели одного мало; высылать притом унтер-офицера — нерезонно. Мы уже не говорим о том, что поворачиваться высылаемому тылом к неприятелю совершенно несообразно. Несостоятельность коротких перебежек также ясна: перебежать на 15 шагов не значит поменять позицию; это то же самое, как если бы артиллерия делала перемены позиций на 25—50 сажень.

Перебежки шахматами произошли, очевидно, из подражания прежнему способу наступления и отступления, при котором люди, во все время движения, то и дело опереживали одни других. Не уразумев идеи перебежек

участками, которая есть переход с одной позиции на другую, думают, что вся разница их от старых перебежек в том только, что делавшееся там отдельными стрелками, здесь делается некоторым числом их. Взяв это в расчет, не трудно открыть несообразность перебежек шахматами. Цель перебежек участками заключается в том, чтобы занять новую позицию под покровительством огня, производимого со старой позиции; утвердившись на новой позиции, остаться на ней более или менее продолжительный момент времени для обстреливания неприятеля. Говорим «более или менее продолжительный» потому, что на новой позиции люди должны, во-первых, успокоиться от бега, иначе стрельба будет дурна; высмотреть цели, определить до них расстояния и уже затем только стрелять. Все это требует времени, равно как и то, чтобы стрельба дала хоть какой-нибудь результат. В бою на иной подобной позиции придется постоять час, иногда и больше: ясно, следовательно, что части цепи должны каждый раз пристраиваться к выбежавшей вперед, а не опереживать ее.

Нам кажется наиболее соответствующим боевым условиям следующий порядок движений цепи по этому способу:

Принимается за правило: 1) при наступлении первыми начинают перебежку те части цепи, перед которыми есть выгодные места на новой позиции; при отступлении — те, которые занимают открытые, т. е. менее выгодные, места старой позиции; остальные затем к ним пристраиваются последовательно или одновременно, как будет приказано; 2) величина перебегающих частей постоянна и соразмеряется с силою цепи: полувзвод или взвод перебегают по отделениям, рота по полувзводно; в длинной линии очередь перебежек ведется в каждом батальоне самостоятельно, не соображаясь с цепями соседних батальонов; 3) при маневрировании на местности ровной порядок, в котором участки перебегают с позиции на позицию, никогда не должен быть постоянным, т. е. перебежку один раз начинает правый фланг цепи, другой раз левый, третий раз центр. Это необходимо во избежание установления какого-либо постоянного рутинного порядка перебежек, при котором, перейдя на местность разнообразную, будут, не обращая внимания на ту позицию, куда предстоит перебежать, проделывать то, к чему

привыкли. На том же основании не следует на ровном месте никогда назначать для перебежек постоянно одной и той же дистанции¹.

Самый механизм исполнения на ровной местности будет заключаться в следующем:

В цепи рота. Руководящий, определив направление, в котором находится неприятель, и расстояние до него, приказывает, положим, сделать три наступательные перебежки: первую в 100 шагов, вторую в 50, третью в 150 по полувзводно, в таком порядке: первую перебежку начинает 1-й полувзвод; остальные последовательно к нему пристраиваются; вторую перебежку начинает 3-й полувзвод, к которому на линию перебегает сперва 1-й, за ним 4-й, наконец 2-й. Третью перебежку начинают 2-й и 3-й полувзводы одновременно; к ним пристраиваются 1-й и 4-й полувзводы также одновременно.

Ротный командир собирает полувзводных и передает им это приказание; полувзводные, возвратясь на свои места, собирают своих унтер-офицеров и делают то же самое. Унтер-офицеры обходят своих людей и предвещают им о порядке первой перебежки. Тут же командир 1-го полувзвода назначает для первой перебежки звено направления, которое должно обозначить позицию для своего полувзвода, и указывает предмет, к которому оно должно перебежать.

По сигналу «наступление» выбегает звено направления, залегает на определенном расстоянии и открывает огонь; по свистку командира 1-го полувзвода этот последний пристраивается к звену направления бегом и открывает огонь. Как только огонь открыт, к этому полувзводу пристраиваются остальные, в указанной последовательности, по свистку своих командиров, не высылая звеньев направления, так как 1-й полувзвод уже обозначает позицию. Затем, для второй перебежки, звено направления высылает 2-й полувзвод, унтер-офицеры предвещают своих людей о порядке этой перебежки, которая исполняется по указанному, и т. д.

Вся суть в том, что все участки цепи должны сначала занять новую позицию, на ней приостановиться для дей-

¹ Ибо на самом деле выгодные позиции никогда не отстоят на равном расстоянии одна от другой.

ствия и затем уже начинать новую перебежку, а не опереживать часть, выдвинутую первую. Если это важно при наступлении, то при отступлении уже безусловно необходимо: иначе не будет огня, сколько-нибудь дельного, а перебежки могут, чего доброго, обратиться в бегство.

Само собою разумеется, что такой способ наступления и отступления имеет смысл только под выстрелами пехоты; вне же их цепь делает передвижения шагом и вся одновременно.

Весьма полезно также приучить, при маневрировании под выстрелами, делать боковые передвижения цепью не поворотом ее направо или налево, а продолжением цепи из резерва в должную сторону и убиранием соответственной части цепи с противоположного фланга. Пример: из роты (мирного состава) рассыпаны три первые полувзвода, занимающие позицию в 150 шагов; требуется передвинуть цепь вправо на 50 шагов. 4-й полувзвод продолжает правый фланг цепи, а 3-й убирается в резерв. Следует так делать потому, что при этом способе бокового передвижения огонь не прерывается и ни один человек не становится боком к неприятелю¹.

Предлагаемый способ передвижения цепи также должен быть показан особо; иначе он не утвердится, невзирая на то, что составляет только применение старого, и чуть не во всяком курсе тактики встречаемого, совета: *стараться в бою заменять боковые передвижения фронтальными, или по крайней мере, облическими*. О применении этого совета к сомкнутым частям будет ниже.

Немалое затруднение представляет, как мы слышали, маневрирование цепью после усиления ее, особенно повторенного несколько раз, причем, как известно, люди перемешиваются. Происходит это затруднение опять же оттого, что мы не учим унтер-офицеров исполнять в строю их обязанности. Стоит только наметать их так, чтобы они постоянно брали себе под команду то число ближай-

¹ Некоторые заметят, вероятно, что и при боковом движении огонь не прерывается. Как звук — да; но как меткость, он совершенно прерывается, ибо если и попадут, то разве шальные пули. Теперь стрельбою настолько уже занимаются, что всякий должен понимать огонь на ходу пускаем пулю на ветер. Не говорим уже о неудобстве идти в одну сторону, а стрелять в другую, как то неизбежно при боковом передвижении.

ших к ним людей, которым командовали вначале, не обращая внимания на то, их ли это люди, или чужие, и затруднение исчезнет.

Точно так же поступать и полувзводным командирам относительно числа унтер-офицерских участков. Но звенья между разными командирами избегать дробить.

14

Сначала посеи, потом дай время прорасти; только после этого смотри, что проросло и как, и принимай меры исправления, если не так проросло или совсем не выросло. Что выйдет, если, посеяв, будем каждый день расковыривать землю и смотреть, не проросло ли? Выйдет то, что или прорастет чахло, или и совсем не прорастет. Излишняя забота о том, что результата не будет, может убить его точно так же (если не более), как и полная о нем беззаботность.

Верное относительно растительных насаждений, не менее верно и относительно всех прочих. Возьмем, например, наше дело: следует указать, что должно быть сделано; нужно и смотреть, чтобы было сделано; но нужно же сначала дать время сделать, а потом смотреть. Если этого нет, если смотрят отнимут много времени, то на ученье останется мало времени. При подобном положении трудно ожидать солидной подготовки, а можно получить только показную. Мало того: стесняется круг самостоятельности каждого начальника, а вместе с тем утрачивается и чувство ответственности. И тогда являются между офицерами, даже не из младших, такие, которые, получив замечание о неисправности их части, готовы сослаться в оправдание на свою личную исправность, т. е. такую, которая может быть поставлена в заслугу только солдату-рядовому, но даже не десяточному, не говоря уже о начальниках повыше. Такой взгляд на свое положение и обязанности в начальнике сотни, тысячи себе подобных прискорбен до невыразимости: он указывает, что человека в прямом его деле вели так, что он или утратил понятие о громадной разнице между солдатской и начальничьей ответственностью, или же и никогда такого понятия не имел. Солдат ни за кого, кроме себя, не отвечает; начальник, начиная со старшего в звене, — прежде всего за

других и потом уже за себя отвечает. Эта разница так велика, что случались люди, дрянные в частной жизни, никуда негодные в смысле личной ответственности и незаменимые в смысле ответственности за других: до такой степени эти два рода ответственности различны по своей натуре. Нужно ли говорить о роли, которую играет начальничья ответственность в военное время? Нужно ли говорить о настоятельной необходимости в мирное время блюсти за тем, чтобы не только ее не вытравить, а напротив, всеми мерами укреплять и развивать в сознании начальников?

В применении к армейской жизни мы полагаем, что на дивизию двух смотров в год за глаза довольно; и что, переходя за эту норму, можно скорее повредить, чем принести пользу делу. Мнение это мы основываем на следующих соображениях:

В конце сентября оканчивается лагерный сбор; на то, чтобы разойтись по квартирам и отдохнуть, уходит октябрь месяц; следовательно, серьезные занятия начинаются с 1 ноября.

Ранее января смотреть бригадным командирам нечего, и можно скорее помешать занятиям, нежели принести пользу смотром. Итак, положим, что на смотры бригадных командиров уйдет вторая половина января и первая февраля. Затем остается половина февраля, март и половина апреля для занятий. Делать в этот период смотр будет опять скорее помехою, нежели помощью занятиям, ибо промежуток между смотрами выйдет слишком мал. Затем, около 15 апреля начинаются полковые сборы, во время которых производится смотр начальником дивизии. Следовательно, второй смотр бригадных командиров сливается со смотром начальника дивизии, что и весьма кстати, ибо весенняя поверка самая важная, и сколько-нибудь основательно один человек не в силах ее сделать. После полковых сборов вольные работы, а затем общий лагерный сбор, где нужно уже учить, а не смотреть, ближайшим старшим начальникам, в ожидании смотра начальников высших.

По этому расчету выходит, что смотры старших начальников следуют на интервале $2\frac{1}{2}$ месяцев, что для пользы дела совершенно достаточно, если взять в расчет, что в этих интервалах поместится еще два смотра полко-

вых командиров. Более частые смотры помянутых начальников, по нашему крайнему разумению, скорее были бы вредны, чем полезны, нарушая правильный ход занятий, отнимая даже время от них и, наконец, лишая полкового командира возможности сделать основательную переборку рот.

Если это верно, при широком расквартировании, когда учащению смотров полагают пределы погода и расстояние, то при казарменном расположении является безусловной необходимостью. В последнем случае опасность представляет самая легкость производства смотров, могущая повести к тому, что больше времени будет уходить на смотры и на приготовление к ним, нежели на систематическое обучение. Тут начнутся не только общие смотры в неумеренном числе, но, что хуже, смотры по отделам образования, которые совершенно извращают взгляд на образование, устремляя по временам внимание всех исключительно на что-нибудь одно, между тем как система занятий, разумно понимаемая, предполагает ведение всех отделов образования фронтом.

В настоящее время, когда речь идет о том, чтобы всю армию поставить по казармам, весьма важно подумать об удержании смотровой деятельности в пределах, обусловливаемых пользою службы. В этом деле, как и в других, человек часто бывает склонен удовлетворить своим влечениям, а не общей потребности: своим влечениям смотреть, а не потребности частей быть осмотренными. А с этой точки нельзя не сказать, что иная деятельность бывает хуже полного бездействия. Мы вполне убеждены поэтому, что и при казарменном расположении полезная смотровая деятельность должна быть ограничена двумя вышеуказанными смотрами, которые должны каждый раз иметь предметом всю систему образования, а не некоторые его отделы. Это не исключает, конечно, права и обязанности старших начальников посещать занятия и в остальное время, при казарменном расположении: но посещать без заблаговременного предварения и притом прямо противоположно тому, как принято теперь. Теперь начальник не прочь попасть на строевое ученье, гимнастику, прицеливание, фехтование, но никогда не попадает на изустное преподавание; нам кажется, обратный порядок принес бы более пользы: реже попадать на первые упражнения и чаще на вторые. *Именно изустное пре-*

подавание более всего и нуждается в руководстве опытного и развитого ума.

Не странно ли, что эта важнейшая и труднейшая часть воинского образования до сих пор еще находится в ротах почти исключительно в руках унтер-офицеров и только кое-где в руках младших офицеров? И таким-то образом нашего руководства именно там и нет, где оно всего необходимее и где нас никто заменить не может. Кто может установить методы преподавания различных отделов внутренней и гарнизонной службы, которые определяют нравственный и умственный склад солдата? Кто может указать, что в этих отделах должно быть подчеркнуто? Конечно, никто кроме офицеров всех степеней. И одно посещение этих занятий бригадным командиром, начальником дивизии, может принести более пользы, нежели посещения ими десяти строевых учений. Следовательно, и тут дело оказывается поставленным, если позволено будет так выразиться, вверх ногами. Внешнее, материальное, стоит на первом плане; внутреннее, неосознаваемое, но коренное, отодвинуто в тень и предоставлено людям, которые, при всей доброй воле, не могут удовлетворительно выполнить великой роли, им выпавшей по странной случайности. Это отношение к делу обнаруживается и при смотрах: поверяют строй, фехтование, гимнастику, стрельбу; но если двадцатый поверит солдат, унтер-офицеров и офицеров в знании обязанностей внутренней и гарнизонной службы, так и то слава богу. В особенности поверка офицеров в этих отделах до такой степени пришла в забвение, что даже и между начальниками некоторые расположены смотреть на нее чуть не как на оскорбление офицерского достоинства.

15

Полезно или нет допускать искренний, открытый разбор военных порядков? Некоторые, даже из теоретиков, ничего кроме такого разбора всю жизнь не делавших, смотрят на него, как на дело, опасное и вредное во всех руках, кроме, разумеется, их собственных. Не замечают эти господа того, что без подобного разбора нет движения вперед, нет улучшения, нет жизни; не замечают и того, что какие усилия ни делали бы, стремления к раз-

бору истребить нельзя, а можно только вогнать его внутрь, сделать неискренним и неоткрытым; сообщить, одним словом, уродливое направление разбору. Если бы они были внимательнее к тому, что происходит на их глазах, то и увидели бы, что там, где преследуется откровенный разбор, начинается разбор исподтишка, вкривь и вкось, да зачастую еще и с враждебным характером. Мы до сих пор никак уразуметь не можем, что человек готов иногда нести очень и очень тяжелое бремя без вознаграждения, без ободрения, за одно только то, если искренно может высказывать, что у него на душе. Спора нет, что и при этом неизбежны будут неверные суждения; но они утратят характер заманчивости, не будучи запрещенным плодом, показываемым из-под полы. Критики нет там только, где делом не интересуются, где дух отлетел и осталась одна мертвая форма. Критика, и только она одна, выводит дело на свет божий, очищает его от нелогических примесей, содействует даже развитию честной и разумной исполнительности. Только критика может внедрить в сознание то основное положение всякой практической деятельности, по которому закон должно исполнять свято не потому, что он хорош или дурен, а потому, что он закон. Получается, следовательно, благодаря критике, исполнительность, идущая не из внешнего принуждения, но от сердца; исполнительность без рассуждения о достоинстве приказания, но с рассуждением о том, чтобы его исполнить по возможности лучше. А в трудные минуты только на подобную исполнительность и можно положиться. Искренность обсуждения и тем хороша, что выясняет для каждого, что на этом сером свете нет совершенства; и что в практическом деле успех гораздо более зависит от честного, энергического и толкового исполнения, чем от достоинства плана. Следовательно, в искренности обсуждения в мирное время открывается и вернейший противовес пустозвонной, разлагающей критике, которая в трудные минуты развивалась в армиях, наиболее, повидимому, подавленных. Итак, искренность обсуждения в теории; безусловная, но осмысленная исполнительность в практике: вот тот путь, которым может водвориться знание в умах, внутренний нравственный порядок в сердцах. Уже давно сказано, что столкновение мнений дает истину: нужно, следовательно, возбуждать, а не тушить его.

Тощий результат в каком-либо деле нередко приписывают несовершенству устава или положения, не обращая внимания на то, исполняются ли они и как исполняются. Задавшись этим вопросом, без труда откроем, что неуспех происходит из ста случаев, по крайней мере, в девяностя, не от устава, а от его исполнения. Понятно, что помочь делу в подобном положении можно, только восстановив чувство ответственности и исполнительности и не издав новый устав: без этого и новый устав ждет судьба старого.

Не раз уже говорилось и показывалось, какое значение имеет строго проведенная и неусыпно поддерживаемая организация мелких подразделений роты — так сказать, *частичная организация* воинского тела. Где эта организация не крепка, там нет и быть не может прочного внутреннего порядка: следить не только за сотней, но и за двадцатью человеками одному невозможно, а за десятью, или около того, усмотреть легко. И потому фельдфебель, четыре капральных и 16 десяточных — остов роты в отношении личного ее состава: если он хорош, рота не может быть дурна. Подготовить такое количество людей не превосходит средств офицерского кадра роты. Изю всех воинских специальностей специальность управления людьми, конечно, самая трудная и дается только продолжительной практикой. В особенности это верно в применении к начальникам из солдат. Офицеру нетрудно быть начальником над солдатом, при мало-мальски добросовестном отношении к делу; гораздо труднее стать в эту роль нижнему чину, которого солдаты разумеют товарищем, да и сам он себя разумеет в отношении к ним так же. Помочь нижнему чину преодолеть эту трудность можно только путем практики, постепенно увеличивая число людей, его начальству вверяемых; этим же путем можно укоренить в нем и понятие о резкой разнице, существующей между ответственностью начальника и рядового. Человек, имеющий под командою хотя одного подчиненного, находится уже совершенно в других отношениях к службе, чем простой рядовой: требования к нему не те, не та и ответственность. Важность не в том, за многих или за немногих отвечать; но

в том, за себя ли только, или же и за других человек привык отвечать.

Устав о службе внутренней предусмотрел всю важность этой разницы и, не останавливаясь на капральствах в делении роты, предписывает каждое капральство делить на четыре десятка¹, понимая это последнее слово как четверть капральства, а не как число десять. Но при слабом распространении здравых понятий об организации уменьшенный состав рот сбил нас с толку; он поставил две противоречивые данные: если капральство мирного времени делить на четыре десятка, то выйдут пятки или шестки, но не десятки; если же иметь десятки, то их из такого капральства более двух получить нельзя. Противоречие было, понятное дело, разрешено в пользу формальной данной в ущерб сущности: стали делить капральства на два десятка, т. е. уничтожили целую половину десяточных, лишили их практики в командовании, столь важной и необходимой, как доказано выше. Некоторые даже совсем забыли разделение на десятки, а иные пошли дальше и стали делить роту вместо четырех, только на два капральства. Одним словом, понятие о кадре роты вышло непризнанным и извращенным. И до такой степени пришло в забвение то, на чем держится здоровый склад организма воинского, что подобные мероприятия, составляющие нарушение коренных законов этого склада, никого не поражают. В этом случае забыто, что всякая организация должна быть сообразна с военным, а не с мирным составом; и, следовательно, сущность не в том, чтобы в мирное время десятки были в комплекте, но в том, чтобы командный кадр на военный состав был в комплекте. Беда не велика, если десятки малы; но будет беда, и большая, если не будет готовых командиров на те настоящие десятки, которые получатся с приведением роты в военный состав. Если они не будут подготовлены в мирное время, то откуда же им явиться в военное?² Скажут, может быть, что при таком слабом составе де-

¹ Заметим: не просто на десятки, а именно на четыре десятка. В уставе о службе внутренней говорится о разделении на пять, а не на четыре десятка, потому что он писался применительно к ротам 250-ного состава.

² Мы считаем нерасчетливою надежду на унтер-офицеров, которые явятся из отпуска: первое время их тоже придется вгонять в забытую службу, следовательно, нельзя будет возлагать на них каких-либо постоянных должностей.

сятков практика в управлении людьми недостаточна; но нам кажется, что хоть какая-нибудь практика все же лучше никакой; да притом дело в привычке к ответственности за других вообще, а не за какое-либо определенное их число. Если десяток в четыре или пять человек — не десяток, то ведь и рота в 100 человек тоже не рота: последовательно проводя это начало, получим существенное нарушение организации. Рота организм, а не механизм; и всякая органическая часть роты, как бы ни была она мала, безусловно должна существовать поэтому и в мирное время, хотя бы только в зародыше. Эти органические части — десятки, капральства: они худеют в мирное, полнеют перед военным временем, но не исчезают никогда там, где понимают, что внутренний порядок зависит, прежде и более всего, от прочной частичной организации. Теперь уже поняли, что из одной роты мирного слабого состава нельзя делать двух или трех рот сильного состава, как думали прежде; но далеко еще не все поняли, что это относится и к расчленениям роты: не только в равной, но в большей мере чем к роте, ибо, как уже сказано, солдату труднее быть начальником, чем офицеру¹. Нам кажется, поэтому, что деление на десятки там, где оно утрачено, должно быть восстановлено со всей строгостью и последовательностью, а не для формы только.

17

В военном деле все основано на единодушии, товариществе; учим людей стрелять, колоть для того, чтобы они действительно могли выручать друг друга; учим строям для того, чтобы они в массе не толкались, не мешали, а помогали друг другу. Все тактические формы имеют ту же цель. Ввиду этого, все, способствующее развитию товарищества, должно быть поощряемо; все препятствующее — внимательно устраняемо. На деле это, к сожалению, не так: не редкость встретить полки, в которых между полковым управлением и ротами существует полнейший антагонизм; идет глухая, но непрерывная война и по учету провианта, и по командированию в полковые мастерские портных и сапожников, и даже, наконец, — кто бы мог это подумать! — по назначению

¹ Все это относится, конечно, к полевым только войскам.

людей в полковые учебные команды. Подобное положение едва ли можно признать нормальным и желательным; и так как оно не составляет исключения, то с полным основанием следует заключить, что причина его не в людях, а в установившейся системе, не вполне сообразенной со свойствами людей. Нужно ли командировать портных и сапожников, ротные командиры стараются укрыть лучших, чины полкового управления забирают, напротив, справки под рукою, в какой роте и кто именно лучшие мастеровые. Которая из этих двух сторон права, которая виновата? Обе правы. В полку нельзя делать построюку с неучами; ротному командиру тоже не охота оставаться с такими же неучами; ибо не та, так другая работа и в роте есть постоянно. Да вдобавок, в полковой мастерской мастеровых задерживают иногда даже на полковые сборы: приходит смотр, этих людей распускают, и ротный командир, волею-неволею, ставит их в строй, выводит на стрельбу, без всякой подготовки. Нам кажется, дело весьма бы выиграло, если принять за правило: 1) часть построюки передавать в роты; 2) прикомандировываемых к полковым мастерским непременно распускать на весь период полковых сборов.

С учебными командами не лучше: факт дознанный, что ротные командиры задерживают лучших людей, т. е. не посылают их в учебные полковые команды. Можно ли в этом винить их? Нам кажется, нет. Ведь служба не ждет, пока учебная команда подготовит унтер-офицеров; старых ежегодно приходится то и дело увольнять в отпуск: при таком положении если отдавать лучших в учение, а с худшими оставаться служить, как раз наживешь беду от тех самых, которые требуют назначения лучших людей в учебную команду. Кончают люди учебных команд курс и производятся в унтер-офицеры в роты; а там уже есть люди, которые привыкли исполнять унтер-офицерские обязанности и которых солдаты привыкли разуместь начальством. Последствия понятны: вместо стройного, согласного склада роты получается такой, при котором малейшая случайность может возбудить те мелочные с виду, но очень прискорбные столкновения, которые иногда лучших людей вызывают на проступки против дисциплины. Выход из подобного ненормального положения один: смотреть на учебную команду не только как на школу, мимо которой никто не может попасть в унтер-

офицеры, но и как на экзаменную комиссию для тех, которых ротные командиры представляют к производству в унтер-офицеры помимо учебной команды. Ведь дело в том, чтобы унтер-офицеры знали свои обязанности, а вовсе не в том, чтобы они узнавали их непременно в учебной команде. Ротный командир, заинтересованный в том, чтобы у него унтер-офицеры были хороши, не представит недостойного и приготовит его, пожалуй, лучше, чем то сделают в учебной команде молодые офицеры, уступающие ему в опытности. Учебные команды, в нынешнем их виде, возникли вследствие необходимости перейти от старых взглядов к новым на объем знаний, потребных унтер-офицеру; возникли тогда, когда ротные командиры этих новых взглядов еще и не подозревали, но теперь они знают эти взгляды, разделяют их; и если не все, то лучшие из ротных командиров сами сумеют приготовить себе унтер-офицеров ничуть не хуже, а иногда и лучше, нежели готовят их в учебной команде. Нам кажется, такой порядок следует поощрять, а не противодействовать ему. Ведь учебные команды, с точки зрения командирования людей из рот, могут быть оправданы лишь крайнею необходимостью: и чем будет меньше командировано людей из рот, тем лучше. Часть, которая сама себе может подготовить унтер-офицеров, по справедливости можно считать идеально благоустроенною. Вместе с тем, и задержка в роте лучших людей обратится в то, что она есть на самом деле: именно в свидетельство того, что ротному командиру дороги интересы части, ему вверенной. По нашему мнению, не может быть ротному командиру лучшей аттестации, если он, в подготовке унтер-офицеров, не нуждается в помощи учебной команды.

То же самое, что сказано о назначении людей в учебные команды, относится, только в степени несравненно большей, к переводам людей из роты в роту в значительных размерах, например, при так называемой переранжировке. Тут уже не на время, а навсегда рота лишается переводимых: поневоле больно и роте, и тем, кого она лишается. И нельзя винить ротного командира, если он пускается на хитрости, чтобы расстаться с возможно меньшим числом своих, а можно только ему сочувствовать. Людям свойственно также срастаться, что всякий на себе может заметить по тому тяжелому чувству, которое испытывает, оставляя общество, к которому при-

вык; это свойство срастания, дающее внутреннюю цельность роте, должно быть уважаемо; и сцепление, даваемое им, нужно беречь, а не разрушать добровольно. Слова нет, нужно стараться, чтобы в первые роты попадали люди покрасивее; но эта цель уже достаточно достигается назначением в эти роты лучших людей при распределении наборов. Но подбор, идущий далее этого, причиняет, по нашему убеждению, по крайней мере, невознаградимый ущерб нравственному внутреннему сцеплению; и то болезненное чувство, которое он возбуждает во всем составе полка, совершенно законно, естественно и извинительно. Замечательно, что при подобных переранжировках никто не остается доволен получаемыми людьми и всегда жалеет о тех, которых лишился; а между тем наверное можно сказать, что при огульном переводе особой разницы между теми и другими быть не может: лучшее доказательство того, что тут дело не в качестве людей, а в том, что знакомого и привычного человека приходится менять на незнакомого и непривычного. Нам кажется, что это чувство заслуживает уважения; оно именно показывает, что скопления людей в массы составляют факт органический, а не механический, и что все, что способствует срастанию масс, должно быть подсматриваемо и соблюдаемо, а не разрушаемо по соображениям самого несущественного свойства. Взять у ротного командира людей, которых он воспитал и образовал, с которыми возился, которых он знает и которые его знают, не значит только переместить мертвые частицы одни на место других; но значит оторвать часть живого тела и приставить его к другому телу: нужно ждать, пока она прирастет, да и прирастет ли еще? Кому неизвестно, что иной человек в одних руках делает свое дело прекрасно, а в других становится плох, вял? Недаром у народа сложилась поговорка: «они друг другу ко двору прищлись». Нигде, может быть, эта поговорка не имеет такого значения, как в воинском организме; в нем все должно быть направлено к тому, чтобы люди приходились ко двору друг другу: тем более, что при теперешних сроках службы, оторвавшись от одного тела, трудно и успеть прирасти к другому.

Великою пользою для дела и великим счастьем для людей было бы, если бы на роту стали смотреть как на живой индивидуум, который, как человек, не может

быть раздробляем на части без уничтожения его, как организма. Вопросы частичного сложения воинских тел представляют, по нашему крайнему разумению, капитальную важность именно при коротких сроках службы, и распространение правильного взгляда на эти вопросы настоятельно необходимо. Установление рационального, т. е. строго соображенного со свойствами человека, разрешения их принесет такую же пользу в применении к коллективным организациям, какую микроскопические исследования принесли уже в деле изучения органических тканей.

18

Боковые передвижения боевого порядка в виду неприятеля. Общий тип этих передвижений показан выше: должно не передвигать весь боевой порядок, а продолжать его, сколько нужно, на одном фланге и укоротить с фланга противоположного.

По крайней мере половина офицеров читала об этой эволюции и ни один не прибегает к ней в поле по той же часто упоминаемой причине, что не видели на деле, как ее применяют. А между тем она приобретает большое значение как для производства охватов, так и для противодействия им. Ожидать, чтобы ее усвоили из маневров, и долго, и ненадежно: один заметит, как это делается, а десятеро не обратят внимания. Да притом на маневре нужно не учиться, а применять изученное. Следовательно, и эту эволюцию нужно выделить для показа в особый прием, предпослав, разумеется, показу приличное объяснение...¹

IV²

1

Не раз появлялись в нашей военной литературе предостережения против увлечений различными отделами воинского образования; не раз указывалось на настоятельную необходимость иерархизации этих отделов, т. е. постановки их, — и по последовательности преподавания, и по объему времени, на них уделяемому, — в порядке, от-

¹ Далее текст опущен.

² 3-я серия статей опущена.

вечающем их важности. Как это в теории ни просто, но в жизнь проникает с большим трудом: едва успели и то не вполне освободиться от увлечения стройностью, как грозит уже водвориться увлечение стрельбой; а посвящение солдата в знание важнейших его обязанностей, укоренение которых в его сознании дает тон всей его службе, остается в большинстве частей в тени теперь, как оставалось в тени и прежде. Это и дает нам право думать, что некоторые соображения на эту же тему увлечений не будут бесполезны и еще раз.

Весь объем солдатской подготовки распадается, как известно, на *воспитание и образование*. Известно также, что воспитание должно стоять *выше* образования: солдат, плохо стреляющий и колющий, не умеющий ходить в ногу, все же солдат сносный, если он честен и проникнут сознанием долга так, что одинаково исполнителен и на глазах у начальника и за глазами; наоборот, отличный стрелок, фехтовальщик, строевик никуда не годен как солдат, если он *ненадежен*. Скажу больше: не только негоден, но опасен. Вывод из этого тот, что при недостатке, например, времени, можно образование из занятий и совсем выпустить; но воспитание выпустить нельзя даже в том случае, если бы на подготовку новобранца дан был даже один только день. Разумеется, мы берем крайность; но ведь только крайностями и можно выяснить относительное значение занятий совместных, следовательно, могущих развиваться, при малейшем невнимании руководителей, не иначе, как одно на счет другого. Это относительное значение воспитания должно отражаться не только на соответственном распределении времени, но, что важнее, и на соответственном распределении работы кадра роты. О распределении времени поговорим в другой раз, а теперь остановимся на том, кто и что должен преподавать.

Этот вопрос разрешается в зависимости от относительной важности воспитания и образования будущего солдата, т. е. новобранца. Если воспитательный отдел важнее образовательного, то естественно, что в роте или эскадроне он должен лежать на прямой ответственности их командиров; между тем, как отдел образовательный уже по этому самому может быть возлагаем на субалтерн-офицеров, унтер-офицеров и дядек, разумеется, под наблюдением тех же командиров.

Чтобы в этом убедиться, начнем с классификации предметов преподавания по тому, какие из них относятся к воспитанию, какие к образованию¹.

Воспитание солдата: 1) служба внутренняя; 2) служба гарнизонная. Дает солдату образование, соответствующее его назначению, упражнение в: 1) гимнастике, 2) фехтовании (рубке), 3) стрельбе, 4) строе (пешем или конном), 5) применении к местности.

Что утверждение солдата в обязанностях службы внутренней составляет фундамент всего его служебного поведения в будущем, бесполезно и доказывать в наше время: в ней присяга, молитвы, значение знамени, законы дисциплины; из нее солдат узнает, что он должен делать и чего с ним не должны делать². Это, одним словом, органический статут воинской корпорации. Понимается само собою, что верное понятие о таком законе новобранцу может дать только человек, послуживший и знающий из опыта, что такое значит управление себе подобными; знающий, до какой степени в массе важен внутренний порядок, и притом постоянно один и тот же порядок; наконец, человек, *ответственный* за этот самый порядок. Осветить всякое положение подобного устава соответствующими примерами, подчеркнуть, что более важно и что менее важно, может только человек опытный и притом лично заинтересованный в том, чтобы этот устав не только знали, но и исполняли: одним словом, *ротный командир*.

Может ли подобный предмет быть поручен молодому офицеру? Нет, как бы он ни хорошо был подготовлен теоретически: дабы проникнуться чувством настоятельной необходимости в воинском организме привычек исполни-

¹ Строго говоря, все воспитательные отделы представляют в образовательную, равно как отделы образования — воспитательную сторону; классификация делается в зависимости от того, какой из элементов (воспитательный или образовательный) является преобладающим в данном отделе.

² Предупреждая недоразумение, заметим, что дисциплинарный устав по духу составляет нераздельную часть устава о службе внутренней, что впрочем указано было и выше. Первый, как и последний, распространяются одинаково на *всех* чинов и имеют беспрерывное, повседневное применение в войсковой жизни. Во всех иностранных уставах, как и в нашем прежнем, дисциплинарный устав составляет не более как отдел устава о службе внутренней. В том же смысле мы считаем принадлежностью этого устава учение о присяге и знамени.

тельности, порядка, подчинения, мало понимать эту необходимость умом, а нужно принять ее в плоть и в кровь; нужно, наконец, уметь говорить с солдатом и выработать приемы передачи ему сведений.

У молодого офицера нет и не может быть навыка относительно того, что после чего преподавать, на что нужно в особенности налегать. В уставе службы внутренней есть сущность, дух; есть и обряд. Начать с того или с другого далеко не все равно; как не все равно послушаться, например, приказания, или забыть застегнуть пуговицу¹.

Многие не разделяют того мнения, что посвящать новобранца в знание важнейших обязанностей внутренней службы должен сам ротный (эскадронный) командир. Сознаемся, что и мы сами недавно полагали, будто это только бесполезное стеснение; будто дело не в том, кто преподает, лишь бы толково преподавал. Но увидев на деле, в Виленском округе, какие результаты дает подготовка по этим отделам новобранцев ротными командирами, выслушав доводы, в силу которых это принято

¹ И отсюда явствует, что нерархизация, установление которой так необходимо между различными предметами воспитания и образования, не менее необходима и в передаче различных отделов каждого предмета, взятого отдельно. В необходимости такой нерархизации с нами, конечно, не все согласятся, и не согласятся именно те, которые утверждают, что для солдата должно быть все одинаково важно. Мы ничего бы имели бы против этого взгляда, если бы практика ежесекундно не обличала его полной несостоятельности; не обличала тем, что при подобном отношении к делу менее важное, а иногда и вовсе неважное (как легчайшее) обращается в самое важное; а действительно важное или игнорируется, или и вовсе забывается. В выборе примеров, подтверждающих это, можно затрудниться скорее по обилию, чем по недостатку их; приведем некоторые из внутренней и гарнизонной службы: 1) солдат при встрече честь отдает исправно, но, возвратившись домой, и не подумает доложить, если с ним что-либо случилось особенное; 2) бравый унтер знает, где и когда должен стать; но сколько он вывел людей, например, на учение, если десятый скажет, то и слава богу; 3) всякий знает точно, кому должен отдать честь, стоя на часах, но когда должен употребить оружие, в чем его сдача, скажет не всякий с сознанием, а иной и вовсе не скажет; 4) всякий знает точно случаи вызова караула в ружье для отдания чести, но что его нужно вызвать в случае беспорядка, столпления, пожара вблизи караульного дома — скажет не всякий даже и офицер и т. п. Эти и им подобные факты не могут не обращать на себя внимания тех, которым дорога не одна внешность, но и сущность службы воинской, и подумать об устранении их соответственным направлением преподавания и требований — право, пора.

основным принципом при занятиях с новобранцами, я признал свою ошибку и перешел вполне на сторону этого взгляда. Да и как было не перейти? Ответа на несколько поставленных мне вопросов было более чем достаточно для убеждения в глубокой верности и даже неизбежности такой постановки дела.

Какое основное условие успеха всякого преподавания? Постоянство преподавателя и непрерывность преподавания.

Субалтерн-офицеры остаются ли безотлучно при роте? — Нет; они, напротив, постоянно отвлекаются другими служебными занятиями: караулы, дежурства, командировки. Притом их и мало; в большей части рот только по одному субалтерн-офицеру, а есть и такие, в которых и одного нет.

Следовательно, допуская даже, что субалтерн-офицер вполне подготовлен к роли посвящения новобранца в обязанности солдата, может ли он удовлетворительно, по своему положению, выполнить эту роль? Пришлось ответить, что не может.

Какое основное условие соблюдения великого принципа единения роты, т. е. такого воспитания оной, чтобы она составляла одно тело, имела одну душу? Условие одно: нужно, чтобы рота знала ротного командира и ротный командир знал каждого в ней человека. В полной мере это возможно только тогда, если ротный командир пропустит последовательно через свои руки все поступающие к нему контингенты на таких занятиях, которые знакомят с умственным и нравственным обликом каждого человека, так как единение требуется не внешнее, а духовное.

Что важнее знать ротному командиру: то ли, как человек ходит, делает ружейные приемы, прицеливается, стреляет, или то, на что он способен, как думает, в какой мере надежен? Второе, конечно, важнее и узнается только при непосредственном соприкосновении с людьми, т. е. при том, которое не имеет места, если ротный командир не учит сам, а только «наблюдает» за обучением.

Кажется этих доводов не только достаточно, но даже слишком много после поставленного вначале, т. е. что субалтерн-офицеров в ротах недостаток. Невзирая на это, некоторые находят, что обязывать ротных командиров обучать новобранцев даже якобы противозаконно; что

сложность обязанностей ротного командира делает для него личные занятия с новобранцами затруднительными, даже невозможными. Упускается при этом из вида, что закон будет исполнен по существу тем совершеннее, чем новобранцы будут знать свое дело лучше; упускается также и то соображение, что как бы ни были разнообразны обязанности ротного командира, между ними есть более важные и менее важные; и в числе их нет, конечно, важней той, во исполнение которой ротный командир должен похлопотать о водворении порядка в умах и в сердцах своих подчиненных. Если это будет, остальное приложится, так как исполнение обязанностей менее важных является попутно, при исполнении обязанностей коренных, существенных. Ведь кто занимается сам с новобранцами, тот не может просмотреть ни малейшего упущения в роте; он по дороге натолкнется на все: и на то — не дерется ли кто между дядьками или унтер-офицерами и нет ли между ними взяточников, и не ворует ли кашевар, артельщик или кто другой, и равномерно ли делаются наряды — на все натолкнется. Следовательно, занятия с новобранцами не помеха, а подспорье ротному командиру в исполнении его обязанностей *во всем их объеме*.

После сказанного, мы полагаем, даже странным покажется вопрос: могут ли преподавать внутреннюю службу новобранцам современные унтер-офицеры? Конечно, нет; сами они должны ей учиться: где же им учить других? Достаточно и того, если каждый из них уследит, чтобы эта служба исполнялась людьми, ему вверенными. В особенности это так при общеобязательной повинности, которая вводит в ряды армии людей *различных складов понятий, различных степеней и сортов развития*. Между новобранцами может попасться такой, с которым не под силу будет справиться не только унтер-офицеру, а и субалтерн-офицеру; и может справиться только человек послуживший, привыкший орудовать властью и ответственный...¹

2

Всем известно, что за последние 25 лет произошел коренной переворот в системе воспитания и образования войск; обусловился он, с одной стороны, прибавкою новых

¹ Многоточие в тексте.

предметов образования; с другой — сокращением сроков службы. Работы стало больше, времени — неизмеримо меньше.

Прежде все образование приводилось собственно к доведению до возможного совершенства стройности движения; теперь этого одного мало — нужна еще гимнастика, колотье или рубка, стрельба, применение к местности. Прежде восьмилетний солдат считался чуть не рекрутом; теперь двухлетний считается старым солдатом.

Прибавка новых предметов образования солдата создала положение переходное: прежняя система воспитания и образования отходит; новая еще не установилась: все ее отделы налицо; но в каком взаимном соотношении они должны находиться, в какой последовательности, кем именно и как должны быть преподаваемы, сознано далеко не везде.

Сокращение сроков службы повлияло на постановку важнейшего отдела в подготовке солдата, т. е. на его *воспитание*. Не трудно было прежнему рекруту втянуться в воинский обиход, попав в массу людей, большинство которых считало свою службу десятками лет: он усваивал по рутине, наглядкою, и то, как должен вести себя, и то, как должен служить; чего не узнавал в первый год, узнавал во второй, в пятый. Теперь это немислимо, и остался один способ внушения солдату того, чем он должен быть — способ теоретического преподавания, как быстрейший. На усвоение чего-либо рутинным путем времени нет, да некому быть и примером рутины, так как обучаемых слишком много: ежегодно приливает около $\frac{1}{3}$ всего состава, между тем как прежде приливалo около $\frac{1}{25}$, и несколько спустя, около $\frac{1}{15}$.

Это и поясняет, почему прежде на воспитательный отдел особенного внимания не обращалось; давался он сам собою, естественным путем продолжительного воздействия громадного большинства на ничтожное меньшинство. Хотя и в то уже время такое невнимание к нему безнаказанно не проходило, так как в эпоху самой строгой требовательности нередки были случаи, например, оставления караула караульными начальниками, что очевидно не предполагает серьезного отношения к капитальнейшим обязанностям, и притом в офицерской среде. Желательно ли подобное положение, необходимо ли подумать о том, чтобы к нему не возвращаться; полезно ли оттенить отно-

сительную важность отделов войсковой подготовки прежде всего тем, кто какой отдел должен преподавать — предоставляем судить благосклонным и неблагосклонным читателям.

3

Умело преподавать новобранцу нелегко: потому в особенности, что преподавание не должно заключать в себе ничего книжного. Гладкое изложение, последовательная аргументация, буквальное следование уставу совсем не годятся и дадут плохой результат. Простолюдин сам длинно не говорит и плохо понимает того, кто длинно говорит; в разговоре почти всегда пропускает то, что для него само собою разумеется; логической цепи доказательств не понимает и в ней не нуждается, так как в отношениях к старшим отпрямляется от той естественной мысли, что если они ему говорят, значит это так.

Это определяет условия успеха преподавания, заключающиеся в следующем: 1) сообщать понемногу — одну, много две мысли в раз, и тотчас же требовать повторения; итти дальше не иначе, как вполне убедившись, что все понято; 2) избегать книжных слов; 3) при малейшей возможности прибегать к примеру, или, еще лучше, к показу; 4) брать из устава не все сплошь, а только то, без чего солдат обойтись не может.

Возьмем для примера хоть внутреннюю службу. На наш взгляд, в ней для рядового есть только три основных закона: 1) исполняй, что начальник прикажет; 2) без спросу не отлучайся; 3) если что-нибудь особенное случится, непременно доложи¹. С них и следует начинать и затем уже переходить к развитию подробностей. Если же проходить все подряд, в сознании новобранца рядом с этими основаниями не только станет совершенно равноправно второстепенное, но иногда даже и потемнит их. Можно ли так написать устав? Нет, нельзя, так как он определяет отношения и условия службы для всех чинов, а не для нижних только; следовательно, из него необходимо уметь делать выборку строго необходимого для солдата и дальше не итти, крепко памятуя, что осно-

¹ Для начальника к этим основным законам присоединяется еще четвертый: знай своих людей насквозь — кто, откуда, в какой мере надежен, на что способен.

вательное знание приобретается, когда учат не многому, но много. Подобную выборку толково может сделать только опытный человек и собственным опытом убедившийся, что, стремясь достигнуть многого, иногда не достигают ничего.

Сказанное о преподавании службы внутренней еще с большим основанием применяется к караульной службе. О важности караульной службы; о том, что это единственная действительная служба в мирное время, а все прочее составляет только подготовку к оной, говорилось довольно; и распространяться об этом теперь считаем излишним, а ограничимся только указаниями, как следует ее преподавать. Для выяснения этого начнем с разбора нескольких случаев преподавания действительного. Так, в одной части нам случилось слышать, что преподавание было начато с того, что караулы бывают почетные и для охранения порядка; постоянные и временные, офицерские, унтер-офицерские и ефрейторские, одним словом, все начало устава, имеющее значение для офицера и для фельдфебеля, делающего наряд, но не имеющее ни малейшего отношения к рядовым, преподавалось этим последним, как знание, для них нужное. Понятное дело, что при таком способе преподавания легко может случиться, что перечисленные сведения закроют собою если не все, то хоть некоторые обязанности часового, т. е. именно то, что всякий солдат должен знать, как «Отче наш». И выходит, что учить следует не многому, но много, т. е. основательно; и притом учить только тому, что для солдата имеет непосредственную применимость. Это немногое исчерпывается для молодого солдата *обязанностями часового*.

Но как это, повидимому, ни мало, и тут надо учить умеючи, т. е. умеючи не столько излагать, сколько внедрять, укоренять, давая всякую мысль со всеми ее разветвлениями, приучая солдата не пересказывать обязанности часового, а *исполнять* их. Возьмем пример действительно бывший: бойкий солдат, толковый и даже грамотный. «Кого слушаешься, стоя на часах?» — «Разводящего, в. п-во!» — «Так; ну, а если твой командир полка тебе что прикажет, когда ты стоишь на часах, исполнишь?» — «Не могу исполнить, в. п-во». — «Ничего не исполнишь?» — «Ничего». — «Ну, примерно, он заметит, что у тебя пуговица расстегнута, и прикажет ее застег-

нута?» — «Не застегну, в. п-во». Пришлось разъяснить, что приказания его прямого начальства, касающиеся общего порядка службы, для него обязательны всегда; и только касающиеся его сдачи, как часового, не могут быть исполняемы. Еще пример: «Стоишь у арестантов на наружном посту; проходит генерал: что сделаешь?» — «Возьму на-краул в. п-во». — «А в это самое время бежит арестант, что сделаешь?» — «Буду стрелять в. п-во». — «Да ведь ты должен держать на-краул, пока генерал не пройдет; так как же?» Солдат затрудняется ответить. Опять разъяснение на ту тему, что честь отдается тогда только, когда нет прямого дела, для которого часовой поставлен; если же такое дело есть, то сначала нужно исполнить его. Нужно ли напоминать, что отдавание чести тоже входит в сдачу; и что солдата должно направить так, чтобы при столкновении нескольких обязанностей он знал, исполнению которой из них он должен отдать преимущество? Эти два случая показывают достаточно, что в преподавание приходится вводить много такого, чего в уставе нет и быть не может. Устав — теория, могущая оживотвориться только тогда, когда человек, богатый служебным опытом, осветит различные положения оной конкретными случаями, и притом именно случаями, а не рассуждениями. Великая трудность преподавания гарнизонной службы, как и всякого, впрочем, живого дела, и заключается в том, что в ней нет ни одного правила, которое не допускало бы исключений, т. е. *применения правила, прямо противоположного*. Очень и очень нужно втянуться в служебный дух и обиход, чтобы в таком трудном деле дать простому, малоразвитому человеку руководящую нить для поведения. А употребление оружия? Во-время не употребит, идет под суд; не во-время употребит — тоже идет под суд...¹

Но иллюстрация положений гарнизонной службы путем рассказываемых случаев недостаточна для утверждения молодых солдат в знании обязанностей часового; необходимо, сверх того, прибегать и к показу действительному. Заключается он в примерной выставке часовых и в испытании их по каждой обязанности путем искушения. Если вы хотите, чтобы он никому не отдавал ружья, попробуйте взять его под каким-либо предлогом; если

¹ Многоточие в тексте.

хотите, чтобы, стоя на часах, ничего и ни от кого не брал, попробуйте дать ему награду за хорошее, например, знание обязанностей; если хотите, чтобы ничего не брал под сдачу без разводящего, попробуйте дать ему под сдачу что-нибудь; если хотите утвердить в том, чтобы он слушал не разводящего вообще, а именно своего разводящего, попробуйте приказать сменить его другому разводящему, а не тому, который его поставил на часы, и т. п. Таким путем действительно достигается то, что человек, взятый от сохи, в два, много три, месяца становится способным быть действительным часовым, т. е. таким, которого не поймает ни на какую штуку. Иного пути для достижения этой цели в срок, возможно кратчайший, нет и быть не может; и вести по этому пути может только человек, искушенный служебным опытом¹.

¹ 5-я серия статей опущена.

АРМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

II¹

...При правильном и сознательном приложении логики к исследованию боевых явлений нужно прежде всего помнить, что процесс достижения боевой цели есть факт составной, слагающийся из:

- 1) самой цели;
- 2) человека;
- 3) оружия: а) огнестрельного; б) холодного;
- 4) местности;
- 5) случайностей;
- 6) потерь.

Все это вдвойне, т. е. с нашей и с неприятельской стороны.

Вместо того, чтобы, делая вывод, принять каждую из этих данных с соответствующим ее важности коэффициентом, исследователь, инстинктивно прилагающий к делу логические приемы, нападает на то, что бросается в глаза первым, т. е. на действительность огнестрельного оружия и на потери, упускает из вида остальное и умозаключает, что в настоящее время атака позиции с фронта немыслима, т. е. успеха не обещает ни в каком случае.

Посмотрим, не изменится ли этот вывод, если взять в расчет все указанные слагающие:

1) *Цель* может быть или важна или нет. Если она важна, тогда бессмысленно останавливаться перед вероятными потерями, без которых ведь не достигается никакая, даже самая ничтожная цель в жизни; если она не важна, тогда бессмысленно идти на потери, которые не вознаграждаются достижением ничтожной цели.

2) *Человек* (командир и исполнитель) — главный

¹ 1-я серия статей опущена.

фактор в достижении цели, но в высшей степени изменчивый и не сознающий пределов своей изменчивости. Всякий по себе знает, до какой степени духовные настроения меняют человека. Кроме чрезвычайной изменчивости, человек представляет силу, неведомую ему самому в том смысле, что многое, кажущееся ему невозможным в спокойном состоянии духа, достигается им же легко и свободно при известном нервном напряжении. Женщину, в обыкновенном состоянии слабую и болезненную, в нервном припадке не могут удержать четыре сильных человека. Эта неспособность человека определить о самом себе, что он *может*, доходит до того, что иногда, уже сделав дело, он недоумевает — каким образом он мог это сделать? Приняв это в расчет, всякий согласится, что на взятый для примера вопрос — возможна ли при нынешнем огнестрельном оружии успешная атака позиции с фронта, можно дать, принимая в расчет человека, только один ответ: зависит от того, *кто берет позицию и кто ее отстаивает.*

Заметим для памяти, что способность в командующем человеке довести эту изменчивую силу в своих до наибольшего возможного напряжения к моменту окончательной свалки и подорвать ее у неприятеля играет роль до такой степени громадную, что *уравновешивает все прочие невыгоды нашего и преимущества неприятельского положения.*

3) *Оружие* — в известную эпоху — данная постоянная; в различные эпохи огнестрельное — данная переменная; холодное — постоянная. Это отношение и дает повод поверхностным наблюдателям умозаключать об уменьшении значения холодного оружия, ибо с увеличением переменной данной кажется, будто постоянная становится меньше; между тем она остается совершенно тем же, чем и была. Это количественно; а качественно даже и этого кажущегося умаления нет, ибо все усовершенствования огнестрельного оружия ведут только к тому, что пуля становится немножко меньше душой, но молодцом она никогда не будет. Да и как может быть иначе? Ведь оружие само не действует, а человек им действует более или менее успешно в зависимости не от того, насколько оно совершенно, а от того, насколько он сам со-

И этот факт подмечен народом и выражен меткой поговоркой: «глазам страшно, рукам не страшно».

вершенен в боевом смысле, т. е. способен к самоотвержению и к происходящему из него спокойствию. Оказывается, следовательно, что оружие есть не самостоятельная, а подчиненная данная; оно есть не более как продолжение органов человека, усовершенствование его двойкой способности: наносить противнику вред издали и сойдясь с ним грудь с грудью.

Кроме того: а) *Огнестрельное* оружие наносит потери издали; наступающему больше, нежели обороняющемуся; решительного результата не дает; даже и для произведения нерешительного требует много времени; подрывает нравственную бодрость в неприятеле, но ослабляет и наш собственный наступательный порыв.

б) *Холодное* — дает быстрый и решительный результат в руках того, кто не боится погибнуть; до такой степени действует на нравственную сторону, что в большей части случаев одного энергически выраженного желания сойтись на штык достаточно для того, чтобы неприятель дал тыл.

4) *Местность* — за обороняющегося, хотя не всегда встречаются такие позиции, подступы к которым не способствовали бы более или менее укрытому к ней приближению. При этом последнем условии местность будет отчасти и за наступающего.

5) *Случайности* преимущественно за наступающего уже и потому, что он знает, что делает, а обороняющийся должен отгадывать, что против него делают; следовательно, наступающий может поражать неожиданностями обороняющегося чаще, нежели наоборот¹.

6) *Потери* — дело относительное и обнаруживаются не перед делом, даже не во время, а только после дела. Следовательно, рассказывать о них в теории, рассказывать притом без малейшего принятия в расчет цели, для которой на них идут, — дело праздное. Есть цели, для которых жертва даже одним человеком преступна; есть и такие, для достижения коих преступно останавливаться перед жертвою десятками тысяч.

Кто возьмет все это в расчет, тот признает, вероятно, что вопрос, возможна или нет атака с фронта в наше

¹ Под рубрику случайностей мы подводим все те явления в бою, которые заблаговременно предусмотрены быть не могут и для парализации коих или для того, чтобы ими воспользоваться, нужно принимать меры в минуту действия.

время? разрешается в каждом частном случае различно, т. е. решение его под какую-либо определенную теоретическую формулу подведено быть не может, если не называть формулой такой, например, ответ на него, что атака с фронта иногда возможна, а иногда невозможна.

Из сказанного о свойствах человека видно, что возможность или невозможность достижения боевой цели *вперед* определена никогда и никем быть не может, а нужно решиться ее достигнуть, не закрывая глаз и на то, что последствием этой решимости не всегда бывает удача, а иногда и гибель.

Никто не может поручиться перед сражением за исход его. Предприятие, в котором $\frac{2}{3}$ шансов за вас и $\frac{1}{3}$ против вас, должно считать превосходно соображенным, т. е. представляющим наибольшие вероятия на успех. Это сказал человек, который имел достаточную практику в уразумении характера военных предприятий, именно Наполеон. И если он треть враждебных случайностей считает как идеальный их *minimum*, при котором успех весьма вероятен, то само собою понятно, что могут быть и такие положения, когда и при девяноста, например, враждебных случайностях против десяти приходится отваживаться на предприятие, почерпая силу в решимости или добиться своего или погибнуть; а при такой решимости, как уже сказано, редко не берут. Даже и при одной вероятности против девяноста девяти можно взять; здравая теория и этому не противоречит. Следовательно, те, которые строят мираж невозможности атаки позиции с фронта, могли бы с равным основанием сказать, что при теперешнем огнестрельном оружии не осталось ни одного шанса в пользу атакующего с фронта.

«Нас удерживает какое-нибудь жалкое соображение или привычка слишком вдумываться в предмет; мысль, в которой, если разложить ее, окажется на одну четверть ума — три части трусости.

«Подумав хорошенько, человек убедился бы, что иногда, оставаясь в бездействии, он берет на себя бесконечно большую ответственность, чем при самом необдуманном поступке.

Нас иногда спасает безрассудство,
А план обдуманный не удается¹.

¹ Гамлет.

«Истинно велик тот, кто не поднимается без серьезной цели, но, раз решившись, отбрасывает всякую мысль о последствиях и идет смело навстречу неизвестному будущему».

Может быть, подумают, что это сказал человек, закаленный в бою и до такой степени приученный опытом высоко ставить беззаветную и быструю решимость, что совершенно утратил способность считаться с препятствиями? Нет, это сказал человек мирной, но серьезной науки, не допускающей подчинения первичным впечатлениям,— физиолог Маудсли.

Верность высказанных положений находит подтверждение в фактах общеизвестных, но обыкновенно проходящих молчаливым тем исследователями, которые бессознательно подчиняются нерасположению ума исследовать проявления воли. Швейцарский поход Суворова — одно из величайших волевых проявлений, какие только представляет военная история: какой теоретик, обсуждая мысль этого похода до его совершения, не признал бы ее безумною? Кто в прошлую кампанию не отчаивался в том, что Шипку можно отстоять? Кто не считал зимний поход за Балканы невысказанным? А между тем и Шипку отстояли, и за Балканы перешли, и даже до Константинополя докатились — все тою же зимою.

На этих и им подобных явлениях и зиждется великая «теория невозможного»¹, которая всегда была и всегда останется противною людям золотой середины, не идущим далее полумер и настолько угнетаемым собственным воображением, что им кажутся реальными только подсказываемые этим воображением стражи.

Чем же объясняется в приведенных фактах успех? Как и всякое действительное явление, а не мираж, он может быть объяснен только тем, что в наличности оказалось более реальных сил, действующих в направлении успеха, нежели в противоположном: направление равнодействующей.

¹ Для тех, которые не читали «Замечаний о французской армии», скажем, что «теория невозможного» заключается в следующем: «Делать всегда противное тому, что делалось прежде; выбирать всегда исполнение самое трудное, предпочитать всегда неприятня, которые робкая тактика противника отвергала или считала невозможными». Наш Суворов был одним из величайших представителей этой «теории».

щей, в неорганическом ли мире, в органическом ли — все равно, никогда и ничем иным обусловлено быть не может. Только силы в пользу той или другой, повидимому безумной, в сущности великой, решимости никогда, в момент ее принятия, не бывают так ясны, как те, которые отвращают от нее. В том и заключается трагизм положения деятеля, что вперед сказать никогда нельзя: удастся ли ему известное предприятие или нет, а всегда придется идти навстречу «безвестному будущему». При большем совершенстве человека он в состоянии был бы, вероятно, определять эти тайные силы так же, как теперь определяет те, которые подталкивают большинство людей во всяком деле останавливаться на полудороге.

Есть охотники объяснять успех в примерах, подобных приведенным, одним счастьем. Мы не отрицаем и этой данной, только не считаем ее ни такой случайной, ни такой бессмысленной, как это некоторым кажется: достойно замечания, что в большинстве случаев счастье бывает на стороне отчаянных и быстро приводимых в исполнение решимостей; следовательно, в натуре этой неподчинимой исследованию силы открывается много сродства с такими решимостями и много антипатии к обратному поведению. Притом же «сегодня счастье, завтра счастье, — нужно же когда-нибудь и уменьше», а это последнее не исключает ведь понимания и того, на долю какого поведения чаще выпадает счастье.

Сказанное выясняет, по нашему мнению, достаточно следующие два положения: 1) в военной практике самые дерзкие предприятия суть в большинстве случаев и самые верные; но вперед никогда нельзя сказать, кончится успехом или неудачей предпринимаемое. Самое отчаянное положение, повидимому, в действительности зачастую бывает не только не хуже, а лучше неприятельского. Вывод: никогда не следует верить страшному на слово, что оно страшно, и всегда решаться на поверку — действительно ли оно страшно. Пока этой поверки нет, есть только мираж страшного; а большего унижения для военного, как останавливаться перед миражем, нам кажется, нет. 2) Разбирая в теории возможность или невозможность известного действия, нельзя принимать в расчет интересы одного самосохранения, а должно их уравновешивать требованиями самоотвержения. Народ выделяет из себя армию не для того, чтобы она останавлива-

лась перед целями из опасения потерь, но для того, чтобы она достигала целей, невзирая на потери:

Приложим эту точку зрения к модным миражам и посмотрим, что из них останется реального.

Атака позиции с фронта при нынешнем оружии невозможна вследствие страшных потерь, которые несет атакующий от огня, а возможна только с охватом или с обходом. Не всегда во власти атакующего устроить охват или обход. Бьет не тот, кто подходит с фланга, а тот, кто не боится погибнуть и желает побить. Потери — вещь относительная и считаются не во время боя, а после него. Неприятель, уверенный в том, что не подпустит вас к себе огнем, уже по этому самому сдаст, когда увидит, что вас огонь не остановил. Убить издали одного человека можно; убить роту, батальон — нельзя. Бегают не те, которых ранили или убили, а те, которые, слава богу, остались здоровы. Если есть силы бежать назад, то они должны быть, чтобы идти вперед. В свалке не число решает успех.

Такая-то армия наверное нас побьет; или такую-то мы наверное побьем. Вперед этого никто сказать не может. Кто говорит первое, ищет себе заблаговременно оправдания; кто говорит второе, просто хочет бахвальством подбодрить себя. Внутренней готовности исполнить свое назначение до последней пули, до штыка ни в том, ни в другом нет.

Прорыв блокады невозможен. Этот мираж — следствие первого, ибо если кажется, что иначе как с охватом позиции атаковать нельзя, то и блокадную линию, как сомкнутую, т. е. флангов не имеющую, прорвать нельзя.

Штыку места теперь нет. Было бы верно, если бы можно было всегда опрокидывать противника одним огнем, что немыслимо, если противник стоек. Огонь и штык не исключают, а дополняют друг друга. —

Бороться с неприятелем, имеющим численный перевес, невозможно. Если бы люди были силой постоянной, то задача борьбы действительно могла бы быть приведена к задаче простого вычитания; но так как они представляют единицы нравственные, т. е. по существу изменчивые, то и борьба никогда не зависела и никогда не будет зависеть от одного числа. Притом же во всяком столкновении отношение сил выясняется только *после* боя; а до боя оно редко бывает известно.

Атаковать с равными силами невозможно. Зависит не от оружия, а от того, кто атакует и кого атакует. В самом слабом организме есть большой запас силы — нужно только уметь вызвать его. Бьет не оружие, а человек.

Изю всех случайностей самая редкая — гениальный полководец; следовательно, на чьей стороне численная сила, устройство, материальные средства, тот и одолеет. Гений — случайность. Но разница в особенностях руководителей не только не случайность, а факт неминуемый и постоянный. Бьет не тот, кто способен безотносительно, а кто хотя немного способнее противника. Влияние начальника на подчиненных тоже не случайность: кто его более умел приобрести на своих подчиненных, чем противник на своих, тот всегда одолеет. Это не исключает значения числа, устройства, материальных средств, но ставит на подобающее ее место нравственную сторону дела.

Коннице нет места на полях сражений. Мираж, созданный на неопределенности выражений и на малом знакомстве с историей конницы. Против пехоты, не потерявшей самообладания, конница никогда не могла сделать особенно много; но против опрокинутой или застигнутой врасплох она делала то, чего никакой другой род войска сделать не в состоянии: батальоны, опрокидываемые десятками, пленные, забираемые тысячами.

В какой момент сражения ей нет места? Если в начале, то и прежде так было; если в конце, то это неверно. Как чистейший и вследствие того односторонний представитель нравственной энергии — конница и прежде считалась и всегда будет считаться с нравственным состоянием людей и никогда с состоянием оружия. Как бы последнее ни стало совершенным, оно ни на иоту не изменит нравственной стороны человека, который не сделался менее доступным унынию, отчаянию, панике от того, что у него нарезная скорострелка. А если это так, то минуты уныния, отчаяния, паники в неприятельской пехоте будут случаться теперь, как и прежде, и будут всегда торжеством для нашей конницы. Правда, пехоту можно сделать менее доступною сказанным чувствам; но это достигается воспитанием, направленным к развитию самообладания, а не тем либо другим ружьем.

Артиллерия против стрелков бессильна. Она была бы бессильна, если бы по сторонам ее тоже не было стрелков. Упускать это простое обстоятельство из вида можно

только при вполне укоренившейся привычке видеть одну какую-либо сторону дела, т. е. подчиняться первичным впечатлениям.

Слабость человека к созданию себе миражей ведет также к тому, что нигде может быть кажущееся так часто не принимается за действительное, как на войне и в особенности в бою. Бывали случаи, что выигравший сражение отступал потому, что не только заблудившийся неприятельский, а даже свой эскадрон появлялся у него в тылу или на фланге (Фридлинген, Гастенбек); бывали случаи, что музыка взвода трубачей, посланных в тыл неприятелю, определяла выигрыш сражения, бывшего до того далеко нерешенным (последний день сражения при Арколе). Из реляции австрийского главнокомандующего явствует, что, по его мнению, Сольферинский бой начал принимать неблагоприятный оборот с тех пор, как французы атаковали Сольферинское кладбище, что не мешало, однако, бою тянуться еще несколько часов, и проч., и проч. Во всех этих случаях сражения оказались, следовательно, проигранными потому, что главнокомандующим показалось, будто они проиграны. Возьмем обратное положение: в сражении при Риволи австрийская колонна зашла в тыл французам, к которым начальник этой колонны даже послал предложение сдаться. Но французы в мираж обходов не верили; они знали, что не относительно положение, а *действие* дает победу. Разделавшись с теми, которые наступали на них с фронта, они в свою очередь объявили отрезавшему, что он отрезан, и забрали его в плен. До такой степени верно, что сражение можно считать потерянным только тогда, когда начальник пришел к убеждению, что оно потеряно. Кажется, трудно себе представить положение более отчаянное и вполне реальное, когда атакуют с фронта и зашли в тыл; но Массена неспособен был верить страшному на слово, что оно страшно, довел дело до конца, и в результате получена победа, где, по всем видимостям, кроме гибели, ничего ожидать было нельзя. Результат показал, что отчаянное положение было мираж, а не действительность. Будь на месте Массены другой, менее упорный и дерзкий человек, — вышла бы действительность, а не мираж. Кто не поймет из этого, что один, всего один, человек может представить в бою такую силу, которая уравновесит собою не $\frac{1}{3}$, а $\frac{9}{10}$ враждебных случайностей?

И потому, если кажется страшно, прежде попробуйте, действительно ли оно страшно, и постарайтесь довести опыт до конца: и только тогда вы будете иметь право сказать, было ли чего бояться или нет; кто же говорит до опыта — не понимание в нем говорит, но не что иное. Нужно делать заключения по тому, что действительно есть, а не по тому, что, может быть, есть, а, может быть, и нет. Может быть, подумают, если не скажут, так-то оно так; но для такого опыта нужно жертвовать собою; да; до сих пор еще не придумали бескровной войны; а кто ее ждет, пусть лучше поищет дела более смиренного. Нельзя перед тем, как лезть на неприятеля, взять с него расписку, что он сдаст и не будет портить у нас народа. Нужно самим выискивать безопасные места в его расположении. Эти безопасные места суть: перед фронтом у него в 100 шагах; еще безопаснее у него в тылу; значит нужно страстно желать попасть ему в тыл, добиваться этого, не смотря ни на какие жертвы. Но искать его тыла далеко — проще добиться, чтобы он сам его нам подставил. Средство для этого одно.

Поучения, из этого вытекающие, в высшей степени важны относительно как мирного воспитания, так и поведения в бою.

Во-первых, так как всякая неожиданность более всего содействует созданию миражей, то чем последовательнее система воспитания и образования будет направлена к тому, чтобы ни солдат, ни тем более начальник не терялся от неожиданностей, тем лучше.

Во-вторых, чем более мы будем устраивать миражей неприятелю и чем менее будем подчиняться миражам, им устраиваемым, тем успех вернее. Страшнее миража нет, как дерзость действия: чем смелее вы лезете, тем более убеждаете неприятеля в том, что вы сильны. Действительнее средства противодействия миражу нет, как упорство. Не торопясь отступать, когда кажется, что отступать нужно, вы всегда заставите неприятеля показать то, что у него действительно есть. Только претерпевший до конца спасается: это глубокая нравственная истина во всех тех случаях, где дело требует борьбы.

В-третьих, в неожиданной стычке, чем менее положение ясно, тем более дерзко нужно атаковать.

В-четвертых, часть, раз пущенную в бой, можно поддерживать, но сменять никогда; едва вступив в дело, она

будет ожидать смены, следовательно, будет иметь мысль, устремленную не вперед, а назад. Раз сменная, она подпадет миру бессилия, т. е. будет воображать, что в тот день сделала все, что могла, и больше сделать не в состоянии. Оставаясь же в деле, она даст все усилия, на какие способна и каких не проявит, если ее не поставит в необходимость их проявить...¹

III

Старые погудки на новый лад

1

Не бесполезно от времени до времени возвращаться к старым и, повидимому, совершенно установившимся понятиям. Следящие за движением массовой мысли, в какой бы то ни было области, знают, до какой степени часто основная мысль потемняется в практическом применении; потемняется даже до полного отрицания ее на деле теми самими, которые признают ее верность в теории. Слово никогда не выражает мысли во всем ее объеме; притом оно не всеми одинаково понимается, да и личные предрасположения мешают иногда прямому пониманию: от этого нагляднейшая и простейшая мысль неминуемо дает повод к переназначиваниям; иногда самым невероятным и во всяком случае растущим в прямой прогрессии с ее распространением. Отсюда и происходит то странное, на первый взгляд, явление, что результаты применения к делу известной мысли зачастую не имеют с ней ничего общего, даже до полной ей противоположности. Не даром замечено, что «есть идеальные серии (ряды) событий, несущиеся параллельно реальным». Люди и обстоятельства, вообще, изменяют идеальное течение событий, почему оно и кажется несовершенным, и следствия событий, естественно, получаются также несовершенными. Так было с реформацией; вместо протестантства получилось лютеранство. Само собою понятно, что под «идеальными сериями событий» должно разуметь просто серии идей, полагаемых деятелями в основание событий; ибо, как известно, всякому человеческому действию — крупному ли, ничтожному, все равно — неминуемо предшествует работа мысли.

¹ Последующие статьи опущены.

Мы и решились поэтому возвратиться к мысли старой, во время долгого мира забытой, затем опять воскресшей и теперь довольно общеизвестной: «войска нужно в мирное время учить *только* тому, что им придется делать в военное». Мысль эта не априорная, как некоторым кажется, а составляет прямой вывод из того психического факта, что человек есть раб привычки, откуда и поговорка пошла, что привычка — вторая натура. Сказанная мысль выражаема была иногда и так: «что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение».

Как эта мысль, повидимому, ни ясна и ни точно формулирована, а и она может быть перетолкована — и иногда перетолковывается — совершенно превратно. Действительно: на войне отступают, — следовательно, нужно учить отступлению; бывают убитые и раненые, — следовательно, будем учить притворяться убитыми и ранеными; на войне атака ведется всегда более или менее в беспорядке, — следовательно, будем учить составлять группы, рассеянные в живописном беспорядке, и в этом виде учить вести атаку, на войне приходится голодать, — следовательно и в мирное время будем мучить голодом людей и лошадей; на войне начальника иногда ранят, — будем притворяться ранеными, дабы убедиться, поднимут ли нас солдаты и отнесут ли на перевязочный пункт и т. д.

Из этих примеров, частью взятых из действительности, частью придуманных, но одинаково отвечающих ложному принципу, вытесняющему истинный, видно, в чем заключается и как возникает перетолкование; формула: «бесполезное на войне вредно вводить в мирное обучение», незаведомо, конечно, для самих перетолкователей, обращается уже в следующую: «что делается на войне, то нужно делать и в мирное время». И без объяснения понятно, что, чем дальше пойти по этому пути, тем более можно разучить, а не выучить войска для войны, и чем совершеннее будет воспроизведена внешняя картина боевых явлений, тем дальше войска отойдут от настоящего, им нужного дела; могут даже в воспроизведении этой картины дойти до неблагоприятных и вредных для дела фокусов.

Оказывается, следовательно, что сказанная формула, как она ни рациональна, может дать результаты вредные и потому предполагает настоятельную необходимость каких-то ограничений в применении ее к делу.

Где же искать этих ограничений, т. е. чему должно учить и чему не должно из того, что в бою происходит? Как и всегда, их нужно искать в свойствах человека — с одной стороны; в мыслях¹, положенных в основание дела, — с другой.

Свойство человека, которое прежде всего нужно иметь в виду, когда приходится его учить чему-либо, есть то, что он раб привычки. Учите ли вы его есть, ходить, говорить, читать, писать и прочее, вы, собственно говоря, делаете одно: стремитесь обратить ему известные движения или действия в привычку, до такой степени полную, чтобы он исполнял их не думая, рефлексивно — как говорится теперь; инстинктивно — как говорилось прежде. И чем более отстранена деятельность мысли при исполнении привычного действия, тем оно получается совершеннее. До тех пор, пока требуется в исполнении участие мысли, самое исполнение получается медленное, неловкое, *«с разделением»*, *«по приемам»*, и требует непрерывных поправок.

И тут обнаруживается все громадное значение так называемой рутины, обзываемой тупою, бессмысленною и всякими вообще неприятными прилагательными. Как и всегда бывает, зло тут видится, ибо оно нас гнетет, добро забывается. Дело в том, что, как и всякая естественная сила, рутина дает великие последствия и в хорошую, и в дурную сторону: нужно только уметь пользоваться первыми и уметь устранять вторые; дело в том, что только то человек и хорошо делает, что по рутине делает, т. е. не озабоченный работою мысли о том, что и как ему следует сделать. Всякий на себе может проверить, с какими страшными затруднениями бывает сопряжено всякое новое действие, т. е. такое, в котором вы должны малейшему вашему движению предпосылать работу мысли; и эти затруднения преследуют вас до тех пор, пока *навык* не освобождает вас от этого ежемгновенного участия мысли в вашей работе. Как только это отстранение мысли достигнуто, работа идет легко, *не думая*, и именно потому легко, что не думая. Одним словом, как оно ни покажется странным, но верно то, что, *пока человек думает об известном деле, он его не делает: а как начал*

¹ Или, что то же, в целях, которые имеем в виду.

делать, он не думает: и в этом лежит залог успешности работы.

Все сказанное тоже не априорно, т. е. взято не из головы, а из наблюдения, которое каждый может проверить на самом себе. Я, например, теперь пишу; если бы я должен был обдумывать: 1) из каких звуков каждое слово состоит; 2) каким значком каждый звук выражается на письме; 3) в какой последовательности эти значки ставить, и проч., и проч., то, конечно, я не написал бы подлежащей страницы и в неделю, хотя бы мне совершенно ясно представлялось то, что я хочу написать: так велика работа мысли при исполнении действия самого, повидимому, нехитрого, пока оно не становится *привычным*, т. е. освобожденным от непрерывного участия мысли! Мы говорим «повидимому нехитрого», ибо все действия, исполняемые по привычке с такою легкостью, в сущности, в высшей степени сложны; мы только забываем об этом, раз преодолели затруднение; забываем тем легче, что самые большие затруднения приходится преодолевать в детстве и отрочестве, т. е. в том возрасте, когда все усваивается преимущественно путем подражания и деятельность мысли в который потом забывается. Может быть возразят: но ведь вы же думаете о том, что писать? Потому-то я и могу думать о том, что писать, что освобожден от мысли о том, какими значками писать; привычное приспособление глаза и руки дают к моим услугам все нужные мне значки, без малейшей с моей стороны мысленной заботы о том, когда я должен поставить *л*, когда *о*, *с*, *т* и т. д.

Если таково великое значение силы привычки, или рутины, для человека, то понимается само собою, что в области воинского обучения нужно стремиться к тому, дабы полезные для войны и боя убеждения и действия обратить военному человеку в привычные, и, наоборот, всемерно остерегаться от сообщения ему навыков, бесполезных или вредных при исполнении его великого назначения. Направив дело таким образом, мы заставим рутину служить нашим целям, а не идти им наперекор, получим сложение сил, а не вычитание их.

3

Пронсходящее на войне и в бою представляет собственно явления двоякого рода: к первому относится все

то, что мы делаем, дабы заставить противника исполнить нашу волю; ко второму — все то, что противник предпринимает с целью нас подчинить его воле. Само собою понятно, что первое столь же полезно обратить в привычку, как второе вредно. Всякому известно, что средства для этого одни и те же у нас, как и у него: граната, пуля, штык и все меры, принимаемые к тому, чтобы употребление этих средств шло согласнее, единомудушнее. Во главе этих мер стоит, конечно: 1) повиновение, как единственное условие, без коего немислимо осуществление *многим* мысли и воли *одного*; затем 2) способность не только желать, но и быть в состоянии единомушно исполнить эту единичную волю, т. е. привычка к массовым движениям и действиям единичных людей. Выше всего этого стоит готовность страдать и умирать, т. е. самоотвержение: оно освящает повиновение, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести родине жертву высшей любви...

Как же во всем этом практиковать, дабы привить хорошие привычки и избежать дурных? Начнем с самоотвержения. Во-первых, самоотвержение не берется, оно *дается*. Это есть равнодействующая всего склада жизни и занятий. Там, где человек любит свою родину, любит свою часть; там, где вследствие этого общее дело становится его личным делом, где оскорбление или неудача его родины, его части, есть его личное оскорбление, его личная неудача, — там он не задумывается жертвовать собою для их блага. Средство достигнуть этого? Беречь солдата: где его берегут, он сам себя не бережет, ибо знает, что он дорог и что его ни на бесплодной работе изводить не станут, ни даром на убой не поведут. Само собою разумеется, что беречь солдата не значит баловать его. Законно кормить, законно обращаться, но и законно заставлять работать и крепко держать в руках. Человек массы столь же ценит и уважает силу, сколько презирает бесхарактерность, каприз. Итак, самоотвержению нельзя учить; его можно только воздвигать, т. е. сеять и растить. Как и во всем волевом, личный пример играет громадную роль в самоотвержении: работают у того, кто и сам работает, и идут на смерть у того, кто сам от нее не сторонится.

Исконный враг самоотвержения — самосохранение; но

враг неустранимый, связанный неразрывно с самоотвержением во всяком человеке, следовательно, такой, с которым нужно считаться. Собственно это даже не две силы, а два полюса одной и той же силы: самоотвержение единиц необходимо для сохранения масс; даже и относительно единиц, отдельно взятых, безусловно верно то положение, что, кто не способен к самоотвержению, тот не имеет права и на самосохранение. Всякому известно, что люди слишком животолубивые не встречают в своих ближних ни симпатии, ни уважения.

Нужно ли упражнять самосохранение? Мы не позволили бы себе даже ставить этого вопроса, если бы из опыта не знали, как часто те, которые сразу признают его нелепым при ясной теоретической постановке, на практике, сами того не подозревая, решают его утвердительно, ибо не только допускают упражнения, вистующие¹ в руку самосохранению, но даже считают их необходимыми. Для примера укажем на обучение отступлению, пассивному применению к местности одиночных людей, остановке атаки после боя к атаке, оставление на поле якобы раненых людей для мнимой практики санитаров и т. под. Итак, на вопрос: нужно ли упражнять самосохранение? — мы отвечаем: не только не нужно, но, наоборот, следует ему противодействовать, как такому свойству в человеке, которое и без упражнения говорит достаточно сильно, а, главное, для боевых целей вредно, ибо в нем *неприятель находит своего наудействительнейшего союзника по части подчинения нас его воле.*

Суворов был тем и велик, что с идеальной последовательностью основал свою систему на подъеме самоотвержения и на полном исключении всего того, что могло бы благоприятствовать самосохранению.

Повиновение. Где есть самоотвержение, там будет и повиновение. Но ведь и повиновение не по разуму опасно: ведь и неприятель в бою ничего другого от нас не добивается, как того же повиновения. Что собственно представляют все его действия в переводе на слово; какую они мысль осуществляют? Одну, и только одну: уходи, а не то убью. Следовательно, солдата нужно приучить не только к повиновению, но и к сопротивлению. Его повиновение не должно напоминать собою повиновение хо-

¹ Играющие.— Ред.

рошо выезжанной лошади, которая слушается не одного своего хозяина, но послушается и его врага, знающего приемы управления. Великолепную практику в выработке такого сопротивления дает та служба, которая и в мирное время имеет характер боевой,— служба гарнизонная. Солдат, состоящий у меня в полном подчинении в роте, батальоне, полку и т. д., *не смеет* меня слушаться, раз он стоит на часах. Этого, повидимому, единственного исключения из принципа безусловного повиновения начальнику вполне достаточно, однако ж, для выработки упругости характера солдата, так как оно имеет применение так же часто, как часто он ходит в караул. Если припомнить, что тут же, на часах, солдат поставлен в необходимость бороться со своим утомлением, а иногда и с самосохранением (в случае пожара, наводнения, нападения), должен иногда разрешать роковой вопрос: стрелять или не стрелять, колоть или не колоть, решать при этом по *личному* усмотрению, под *личную* ответственностью, без малейшего руководства или указания с чьей-либо стороны, то само собою станет ясно, какая при этом получается практика в упругости характера и в работе мысли. Понятно и без объяснения, что выйти с честью из подобных положений может только человек с честным, твердым сердцем и с верно поставленной головой. Вот что дает караульная служба, и сильно ошибаются те, которые жалуются, что она якобы мешает образованию. Зато она оказывает незаменимые услуги воспитанию, без коего самое совершенное образование ничего не стоит¹.

¹ Подобные жалобы составляют характеристическую особенность людей, которые остановились на ложной мысли, будто для солдата ничего, кроме совершенства в стрельбе, теперь не нужно. Не говоря ни о чем прочем, мы просили бы подобных поклонников кумиру попадания в мишень поразмыслить хотя бы о том, во что обращается их мирное искусство под пулями и гранатами, особенно когда части будут состоять более чем наполовину из отпускных, с прибавкою, в случае затяжки войны, и новобранцев. «Так, по-вашему, не нужно учить стрелять», наверное возразят некоторые: нет, необходимо, но учить *в меру*, т. е. не забывая ничего прочего из солдатской науки. А в особенности не забывать, что стрелять мало, а нужно еще уметь стоять под выстрелами. Муштра стрелковая, т. е. преследование в мирное время таких тонкостей и такого совершенства в стрельбе, которые в бою не имеют смысла, ибо неприменимы, так же вредна, как и муштра строевая, если не вреднее.

Штык. Нанесение ударов штыком необходимо обратить солдату в крепкую рутину — чем больше, тем лучше. Чтобы он не думая определял расстояние, с которого можно всадить штык по шейку в цель; не думая попадал в намеченную точку; не думая же быстро выдергивал штык после удара. Ошибка в определении расстояния здесь опаснее, чем при стрельбе: там она ведет к потере пули; тут — к потере головы. В не менее крепкую рутину должно обратить ему способность, не сморгнув глазом и не двинувшись, выносить впечатление штыка, в него устремленного.

Стрельба. Чем более солдат привыкнет не думая определять расстояние до цели, ставить по оному прицел, точно брать прицельную линию, спокойно нажимать на спуск, — тем лучше. Чем более его воля будет напрактикована выносить впечатление, производимое стрельбой неприятеля, тем еще лучше. Первая рутина достигается толковым (т. е. без тонкостей и педантизма) обучением стрельбе, вторая может быть достигнута обстреливанием и учениями под траекториями снарядов.

4

Строй и маневрирование требуют тоже усиленного упражнения, как первый шаг к единодушию действия. Дело это настолько трудное и важное, что, как известно, было время, когда считали этот первый шаг и единственно достаточным для достижения единодушия, не заметив того, что одновременность движений не есть еще единодушные действия.

К чести русского здравого смысла нужно сказать, что у нас первых замечена была эта разница: Суворов первый построил свою бессмертную систему обучения на том, что мало ходить, а нужно еще стрелять, колоть и рубить. Только упражнений в маневрировании с боевыми патронами, сколько известно, у него не было, да и надобности в них особенной не настояло по тогдашней ничтожной действительности огня, вследствие которой огнестрельный период боя не играл той роли, которую играет теперь.

Итак, в этом деле открывается собственно три дела: 1) изучение уставных типов строя и практика в одновременности движения по родам оружия — т. е. строевая

практика; 2) применение (а следовательно и видоизменение) уставных типов к местности, роду противника, направлению, в котором, и расстоянию, с которого он действует, т. е. маневренная практика; 3) соединение действия оружием с маневрированием (насколько это в мирное время возможно) или учения с боевыми патронами и зарядами, колотье (рубка) чучел и сквозные атаки.

На вопрос: что в этих отделах обучения должно обращать в привычку войскам и что не должно — придется отвечать уже гораздо сложнее, чем перед этим. Там, если припомнят, было просто: нужно ли укреплять самоотвержение или — что то же — обращать его в рутину, привычку? Безусловно необходимо, и чем больше, тем лучше. Нужно ли обращать в привычку самосохранение? Безусловно вредно. Повиновение? Необходимо обращать в привычку, но не подавляя упругости характера, не обезличивая солдата, не забывая в нем мыслительной способности, а, напротив, упражняя ее в том, чтобы солдат применял ее к исполнению полученной сдачи (приказания тож) наилучшим образом. Нужно ли приучать колотье, рубить, стрелять? — необходимо; и чем солдат инстинктивнее будет исполнять составные части выстрела, удара штыком или саблей, тем лучше; так как в бою ему некогда думать о том, что теперь я должен определить расстояние до цели, теперь поставить прицел и т. д.: там его мысль будет занята другим.

В маневрировании не то. Не подлежит сомнению, что сообщение частям навыка воспроизводить уставные типы возможно более точно и быстро составляет первый шаг в этом отделе, точно так же, как в чтении навык соединять мысленно буквы с соответствующими им звуками; но раз это воспроизведение обращено в рутину, полезную и желательную, открывается обширный простор вредной рутине, тем более опасной, что она заманчива, ибо и глаз веселит, и лени мозга благоприятствует. Опасность заключается вот в чем: изучая первоначально строй, конечно, нельзя задаваться мыслью показывать, для чего какой строй годится; одним словом, пока строй не изучен, самое изучение его становится целью и должно стать таковою, ибо за двумя зайцами нельзя гоняться. Но как только этот заяц пойман, нужно гнаться за другим, т. е. показать, что воспроизведение данного строя есть не цель, а только средство для достижения известной боевой цели.

К сожалению, это забывается и начинают из года в год проделывать уставные типы даже без мысли о том, для чего они. Этого мало: все проделывают в том самом порядке, в каком оно изложено в уставе. Удовлетворение при этом получается полное: ибо и развлечение есть, и покой не нарушается: стройность движения ласкает глаз, мысль спит и у обучаемых, и у обучающих, внимание не развивается, а притупляется, так как и надобности в нем никакой нет. Если скомандовано на плечо, то уже всякий вперед знает, что после этого будет на караул, потом на плечо и т. д. Руки делают, а мысль гуляет где угодно. И тут открывается, что уже не одно исполнение требований устава, но даже самая *последовательность исполнения обращается в рутину*.

Это уже совсем неудобно; если, например, в стрельбе нужно сначала зарядить, потом выбрать цель, потом определить расстояние, поставить прицел, потом прицелиться и, наконец, выстрелить; если в стрельбе эта неизменная последовательность перечисленных действий должна быть обращена человеку в рутину, *именно потому, что она неизменная* — то в строе ничего подобного нет, напротив: из строевого устава нужно уметь брать то, что вам нужно в данную минуту, — иногда с конца книжки, иногда из середины, иногда с начала. Нужно, следовательно, так же делать и учения, подобно тому, как, обучая азбуке, не ограничиваются знанием алфавита по порядку, но преимущественно налегают, чтобы ребенок знал его в разбивку. На том же основании нужно и учения делать «в разбивку», т. е. так, чтобы солдат и за секунду вперед не знал, что ему придется исполнять. Тогда его внимание развивается, да и начальнику приходится думать о том, как направить учение.

Итак, обратить частям в рутину исполнение уставных типов и движений необходимо; обратить в рутину известную последовательность их исполнения — вредно.

Вторая цель, т. е. ознакомление солдата и офицера с тем, для чего какой строй нужен, достигается путем упражнений в так называемом *Прикладном Уставе*. Считаем этот прием обучения настолько у нас известным, что распространяться о нем не будем. Законность и необходимость его оправдываются тем, что он есть не более как применение в мирном обучении известного наполеоновского вопроса: «что я сделаю, если неприятель

появится» и проч. Прикладной устав способствует развитию внимания, дает практику в стройном исполнении по уставным командам построений, необходимых в бою, но не допускаемых в уставе, так как они составляют только видоизменение уставных типов; *приучает ко встрече неожиданностей* спокойно, не теряясь, и, может быть, впоследствии даже поможет большей устойчивости строевых уставов. Последнее потому, что, раз будет принято за постоянное правило, что не только можно, а даже должно прибегать к видоизменениям уставных типов, в зависимости от местности и противника, станет собственно безразлично, какая система типов принята в уставе, лишь бы она была не сложна и рационально соображена. А постоянство уставов — великое благодеяние для войск. Если привычка играет такую громадную роль в обучении, то само собой разумеется, что на переучивание, т. е. ломку привычек, должно решаться только тогда, когда без этого положительно нельзя обойтись. И чем масса больше, тем с большим уважением нужно относиться к ее привычкам и не посягать на них без достаточных оснований, под влиянием неосмысленных увлечений. Ломка этих привычек может быть оправдана в одном случае: именно, если они положительно дурны; но если они хороши, ломать их во имя замены только лучшими положительно вредно. От худа добра можно и должно искать; но от добра добра не ищут, говорит наша пословица, и лучшее есть враг хорошего, говорит французская. Постоянство строевых уставов важно и по другой причине: ведь устав — закон; а уважение к закону человеческому растет и крепнет только при одном условии: если он хотя отчасти напоминает собою законы природы, отличительная черта коих вечная незыблемость и неуклонность действия...¹ Такой характер, отчасти, закон человеческий приобретает только тогда, когда он редко меняется, а в применении его допущена полная самостоятельность принимать в расчет обстановку, при которой приходится действовать.

Итак, чем типы строя более обращены в привычку и чем применение их менее подчиняется какой-либо привычной рутине и вполне основано на ежесекундном принятии в расчет положения, рода противника, местности, времени — тем лучше.

¹ Многозначие автора.

Но — еще раз настаиваем — необходимо, чтобы это видоизменение типов исполнялось по командам, строевым обычаем, а не толпой, невзирая на быстроту эволюций.

Это первый шаг подготовки к маневрированию, касающийся частей каждого рода оружия особо. Он может быть уподоблен сводке роты, съездке эскадрона или батареи, в том смысле, что работа идет по родам оружия отдельно; но он выше их тем, что путем показа выясняет для всех назначение строев и приучает к той гибкости и осмысленности исполнения, которые неминуемо теряются при точной отделке собственно уставных типов. С этой отделки нужно начинать, но останавливаться на ней опасно, ибо, как уже сказано, при ней забывается цель построений и движений, а самое исполнение их становится целью. Второй и необходимый шаг, подготовляющий к маневрированию, это — если будет позволено так выразиться — уже съездка разных родов оружия между собою. Отличительная черта этого отдела обучения та, что здесь согласование действий *именно не требует* одновременности движений. Так, например, при совокупном действии пехоты и артиллерии, назначенных для достижения одной цели в бою наступательном, общий тип будет тот, что пехота наступает под покровительством огня артиллерии, артиллерия меняет позицию под покровительством занимающей позицию пехоты, т. е. одна стоит, когда другая наступает, и наоборот. То же самое верно в отношении пехоты с конницей. Атакующей коннице пехота, если может, должна содействовать своим огнем, т. е. оставаться на месте; при наступлении по местам закрытым пехота должна, так сказать, прокладывать дорогу коннице, т. е. пока она не очистит их, конница стоит, а пехота идет. Еще резче это проявляется в отношениях конницы и артиллерии, где уже совсем ясно становится, что, пока одна действует по известной цели, другая не может не молчать, и наоборот. Одним словом, если в строевых занятиях каждого рода оружия отдельно главную характеристическую черту составляет одновременность исполнения, при сводке различных родов оружия для проявления взаимной выручки в выгоднейших условиях, требуется именно обратное, т. е. *не одновременность* исполнения.

Все сказанное приводит к заключению, что, для возможности приступить к толковому маневрированию, вой-

скам необходимо обратить в привычку: 1) приемы применения уставных типов строя, в каком бы направлении и в каком бы расстоянии любой род оружия ни появился; 2) взаимные обязанности при совместном маневрировании пехоты и артиллерии, конницы и артиллерии, наконец, пехоты, конницы и артиллерии; 3) сноровки, полезные при атаке местных предметов и при расположении в них (или на них) для обороны. Все эти три отдела применяются не везде, а где и применяются, то не вполне. А, между тем, без них толковое маневрирование невозможно, ибо на маневрах, например, приходится пехоте встречать конную атаку: чтобы это сделать, нужно *вперед* знать, как ее встретить; коннице атаковать пехоту: чтобы это сделать, нужно *вперед* знать, как это сделать; приходится пехоте атаковать или занимать для обороны рошу, высоту, укрепление, деревню: чтобы это сделать, нужно *вперед* знать, как это делается, и т. п.

5

Все сказанные отделы (т. е. прикладной устав, ознакомление родов оружия со взаимными их свойствами и обязанностями, показание приемов атаки местных предметов и занятия их для обороны) имеют и другое громадное значение: *они дают практику начальникам всех степеней, до начальника отделения включительно, в отдаче и передаче приказаний.* Это последнее дело имеет до того великую важность, что если бы перечисленные отделы не давали ничего другого, кроме сказанной практики, и тогда время, на них жертвуемое, не было бы пропашим. С полным убеждением можно сказать, что по крайней мере половина неудач на войне должна быть отнесена к недоразумениям, происходящим вследствие дурно отданных или дурно понятых приказаний. И потому обращению в рутину навыка отдавать приказания *энергически, ясно указывая цель и не вдаваясь в мелочи исполнения, в порядке постепенности, кратко,* должно быть посвящено в мирное время самое усиленное внимание. Не меньшее внимание должно быть посвящено и тому, чтобы подчиненному обратить в рутину повторение полученного приказания, а начальнику — постоянную заботу о том, понято ли отданное им приказание и сообщено ли из него то, что до кого касается, всем чинам,

до последнего солдата включительно: ибо, по великому суворовскому завету, «всякий воин должен понимать свой маневр». Этот навык тоже должен предшествовать маневрам, ибо, чтобы на них распоряжаться, нужно до них уметь это делать.

Что за вздор, вероятно, скажут некоторые: велика хитрость сказать в пяти-шести словах, чего я хочу! До такой степени не вздор, что дай бог на двадцать начальников найти хоть одного, который бы в отдаваемых приказах выполнял без осечки, раз в раз, поставленные выше условия; один мямлит, другой, не задумываясь, отдает приказание батальонному, а иногда и ротному командиру помимо полкового¹; третий наговорит много, а цель указать забудет; четвертый и все сделает как следует, забудет лишь самую малость — убедиться, понят ли он, и т. д., и т. д. И если я говорю на двадцать — один, то вполне убежден, что говорю скорее много, чем мало. Можно ли считать подобное положение удовлетворительным? Предлагаем читателю ответить за нас.

Кто этому виноват: люди или система занятий? С полным убеждением говорим, что система; опять-таки возвращаемся все к тому же: человек только то хорошо делает, что *привык* делать; а усвоить привычку один, и только один путь: продолжительная и настойчивая практика. Отчего так мало попадается дурно командующих не только между офицерами, но даже между нижними чинами? Да оттого, что в этом искусстве их практикуют чуть не ежедневно, и ни одной ошибки против интонации, силы голоса и отчетливости дикции не пропускают без исправления; кто следит таким образом за отдаваемыми приказами? Никто, или почти никто. Между тем, должно сказать, что именно усиленное упражнение в командах и поселяет относительно отдачи приказаний самые опасные привычки. Кто *только* командует в строю, тот, за редкими исключениями, отвыкает говорить перед строем, и когда ему, волею-неволею приходится это де-

¹ И как опять не вспомнить той же караульной службы! При исполнении ее последний рядовой, раз он на часах, знает, что, кроме известных лиц, он не должен слушать даже своих прямых начальников. А в бою даже офицер зачастую готов слушать всякого досужего советодателя, хотя, кроме своего прямого начальника, никого не должен слушать! Как ни грустно, а приходится признать, что, благодаря караульной службе, солдат более подготовлен к субординации боя, чем многие офицеры и даже начальники.

лать, ему становится не по себе, как вообще при исполнении чего-либо непривычного: и потому говорится длинно, говорится много лишнего, а существенное зачастую упускается. Происходит это от той умственной складки, которая получается при долгой практике в произнесении только одних команд. Во-первых, команды даются готовыми, следовательно, их соображать не приходится, а нужно только заучить; во-вторых, они приводят всю человеческую речь в строй к 15-ти, много 20-ти словам; в-третьих, они определяют строй или движение; но цели, с которыми тот либо другое предпринимаются, в команде нет. Таким образом, человек отвыкает говорить своими «словами» и привыкает ставить целью самое перестроение или движение. Эти, так сказать, духовные свойства команды налагают свою печать и на ум, до такой степени, что люди, привыкшие только командовать, и приказания отдают по командному типу, т. е. назначают строй, движение; но куда идти и главное зачем идти — обыкновенно оставляют при себе, т. е. умалчивают; *а именно это умалчиваемое-то и важно знать.* Они говорят, напр., «идите в таком-то строе, зайдите таким-то плечом», когда нужно сказать: «возьмите (или займите для обороны) такой-то пункт», «поддержите такую-то часть». И без объяснения понятно, что, отдавая приказание по первому типу, оставляем исполнителя в потемках; отдавая их по второму — сразу указываем, что он должен исполнить: и раз он это знает, ни о строе, ни о направлении движения и надобности говорить нет: сам догадается. То же самое верно и в применении к исполнителю: и ему прежде всего следует объявить своим людям, что следует сделать, и только потом командовать, что для движения или перестроения нужно. Все это нужно обратить *в рутину*: и чем прочнее, тем лучше.

Своеобразная складка, сообщаемая уму командира исключительным упражнением в командах, отражается понятно и на исполнителе: всякая команда требует немедленного исполнения, не только не допускает, но и не предполагает возможности каких-либо разъяснений, и не допускает совершенно основательно: какие еще разъяснения требуются, когда дело идет об исполнении заранее изученного и по заранее условленным командам? Требование разъяснений в подобном случае равносильно невниманию своего дела нуждающимся в таковом разъясне-

нии. Тут мыслимо уже не разъяснение, а только разнос. Но подчиненный, приученный к исполнительности этого рода, естественно переносит ее характер и в область исполнения приказаний, что уже совсем не годится. И начальник, и подчиненный должны совершенно сознательно отдать себе отчет в той разнице, что *если команда должна всегда быть понята, то приказание может быть и не понято*; и что поэтому спросить его разъяснения не только можно, даже совершенно твердо зная свое строевое дело, но даже должно; что идти исполнять волю начальника, не зная досконально, чего именно он хочет, не только не значит поступать в духе субординации, но, напротив, грешить против нее, ибо это может повести в мирное время к путанице, а в военное к катастрофе, что намерениям начальника, конечно, отвечать не может.

Такую настойчивость в просьбе разъяснить непонятное приказание должен воспитывать в подчиненном сам начальник, если ему интересы дела более дороги, чем интересы его личного спокойствия или самолюбия, и, дабы обратить ее в рутину, не мешает иногда начальнику нарочно отдавать невразумительные приказания и притворно раздражаться, если подчиненный просит разъяснения, дабы выработать в последнем манеру почтительно, но твердо добиваться своего и не приступать к исполнению, пока мысль начальника ему не ясна. Большая и трудная работа лежит на начальнике, если он хочет сформировать своих подручных так, чтобы в бою не было осечек от взаимного непонимания...¹ Но и большая награда ждет того, кто не остановится перед такою работою!

6

Только обратив войскам и начальникам в рутину все перечисленное, можно приступить к маневрированию собственно, с верным расчетом на поучительность и не рискуя получить в результате только бесплодную трату времени и утомление людей.

Существует два взгляда на маневрирование, диаметрально между собою противоположные. Один отправляется от внутренней сущности боя, другой — от внешней его картины.

Первое воззрение, теперь почти забытое, зиждется на том психическом факте, что так как в бою главную роль

¹ Многозначие автора.

играет опасность, то и в мирное время, насколько то возможно, войскам нужно давать практику в преодолении чувства опасности. Сверх того, так как под влиянием чувства опасности человек удовлетворительно может исполнять только привычные действия, то постоянно следует иметь в виду утверждение его в полезных боевых привычках и искоренение вредных. С точки зрения этой школы, боевая картина, как бы по внешности ни полно она была воспроизведена, сама по себе есть не более как своеобразный парад, если не ставит человека в необходимость преодолевать чувство опасности. И потому в маневрировании воспроизведение по внешности боевой картины — последнее дело; отступать от нее не только можно, но и должно, если ценою этого отступления приобретаются хорошие боевые навыки. Лучше всего такой взгляд выясняется на сквозных атаках: ничего подобного в бою никогда не происходит, и с точки зрения боевой картины трудно представить себе что-либо бессмысленнее этого приема; но с точки зрения сущности боя нет ничего более рационального, более глубоко соображенного со свойствами живого боевого материала, т. е. человека и лошади. Ибо если человек приучен в одиночку выносить впечатление, напр., скачущей на него конницы, то что же ему после этого стоит выдержать конную атаку в бою, где почти всегда придется встречать ее в массе?

Римская система подготовки воинов была построена на этом начале; с чувством справедливой национальной гордости говорим, что в новое время величайшие представители такого воззрения — наши: это царь Петр Алексеевич и полководец Суворов Александр Васильевич. Но оно трудно находит доступ в сознании, ибо основано на психическом факте, а глазу и вовсе не говорит, вызывая, как уже сказано, такие формы и такие приемы, которые с боевыми картинами не имеют ничего общего.

Второе воззрение отправляется от придания преобладающей важности картине боя и главною целью маневров ставит возможно более точное ее воспроизведение по внешности. Возбуждают ли подобные упражнения духовное настроение, хотя отдаленно напоминающее то, которое возникает в человеке при боевой обстановке, до этого — как и понятно — такому воззрению дела нет и быть не может. Говорим «быть не может» потому, что кто признает преобладающую важность за внешностью,

в каком бы то деле ни было, уже этим самым показывает, что он не может или не хочет знать, что главное в деле составляет не внешность, а именно психические его основы.

Из этой краткой характеристики обоих воззрений без труда видеть можно, что разница в постановке маневрирования по первому или по второму из них будет громадная, ибо первое преследует цели *воспитательно-учебные*, второе — *декоративно-изобразительные*. Если, по первому воззрению, не может быть ни победителей, ни побежденных там, где нет борьбы; по второму они должны быть, ибо есть и в бою; без них картина не будет полна¹. Если по первому ретирадам учить не должно, потому что «влияние оных солдату опасно», как говорит Суворов; по второму учить им можно и должно для той же полноты картины. Если по первому время, жертвуемое на поверку отдачи и передачи словесных приказаний, употреблено самым полезным образом, — по второму оно потрачено даром, ибо замедляет приступ к маневру.

Эти сопоставления можно бы вести и дальше, но считаем продолжение их бесполезным, так как и сделанные выясняют основную разницу противоположных воззрений, заключающуюся в том, что первое имеет постоянно в виду влияние упражнений на ум и сердце человека в направлении, полезном для войны и боя, не заботясь о картине его: получится она — хорошо; не получится — беда не велика; второе же имеет постоянно в виду воспроизведение картины боя, не заботясь о том, какие умовые и волевые навыки при этом получают.

¹ Правда, у Петра тоже были победители и побежденные, но потому, что у него и маневры кончались боем даже со смертными случаями. Великий преобразователь России ничего примерно не делал, ибо сознавал, что на примерном исполнении человек делу не выучивается. Время было бойкое; систематических приемов подготовки к бою придумывать было некогда и пришлось учить бою *самым* боем, приняв, конечно, меры к тому, чтобы, по возможности, уменьшить число жертв. Но что это был бой, а не декорация боя — достаточно свидетельствует то, что сам Петр подвергался нередко опасности на маневрах, а один из князей Долгоруковых поплатился на них даже жизнью. Суворову удалось решить задачу более бескровно — его гениальными сквозными атаками, благодаря коим обе стороны остаются при столкновении победоносными; но тем не менее и у него, особенно при действиях с конницею, увечья случались, и вероятно нередко, если вспомнить, что в его время при сквозных атаках войска не размыкались, а только *раздавались*, насколько то позволяли интервалы между частями.

Что мы говорим не голословно — доказательства налицо: их представляет, в большем нежели нужно количестве, недавно вышедшее сочинение Богуславского: «Войсковые маневры, их подготовка, ведение и исполнение»¹, в котором сделана сводка преимущественно немецких положений по этому предмету.

Так (стр. 41), рекомендуется «делать один отряд сильнее другого, чтобы придать более вероятности исходу сражения» (!?), (стр. 48); «чтобы избежать неестественности, следует делать наступающий отряд *гораздо* сильнее обороняющегося» (стр. 63); «при равенстве отрядов, дабы привести дело к развязке, должны быть выставлены показательные войска, изображаемые флагами», так как при усилении одного отряда исход столкновения был бы «вполне естественный» (стр. 84); «кроме средства составлять отряды различной силы, будь это настоящие войска или только изображенные флагами, у нас (т. е. у пруссаков) есть другое для придания большего вероятия ходу маневра — это войска, находящиеся в распоряжении руководителя маневра»². Далее указываются три способа выделения и вмешательства этих последних войск. Но, указав на это новое средство придавать вероятие ходу маневра, пришлось, естественно, задаться вопросом: будет ли вмешательство войск соответствовать предполагаемому военному положению? Представляют ли свойства местности, а также генеральной и специальной идеи маневра, возможность применить вспомогательные войска и т. д., и т. д. Затем идет порядок перехода вспомогательных войск из одного отряда в другой, и на все это точные правила, которые нужно же знать, чтобы их исполнять, и между которыми, однако, нет ни одного, сколько-нибудь имеющего смысл и годность для боя действительного...³

Трудно идти далее в создании, под боевыми наименованиями «сражения», «боя», «атаки» и пр., дела, не имеющего с ними решительно ничего общего. Замечательно, что автор, отправившись от принятия кажущегося за действительное, сам того не замечая, отрицает действитель-

¹ Русский перевод барона Рауш-фон-Траубенберга с прекрасным примечанием г. А. Пузыревского о ведении маневров у нас в XVIII столетии.

² В переводе названные «вспомогательными» войсками.

³ Многоточие автора.

ное и проводит вопиющие несообразности против фактической правды. Ему, конечно, известны общеизвестные военно-исторические факты, когда малые силы били несоизмеримо большие: стало быть в этом неестественного ничего нет; но на маневрах он подавлен заботою устранить такую, по его мнению, неестественность до того, что если даже силы равны, то и это дает уже, по его мнению, неестественный исход маневру. Известно также, что такое *сражение*: но он, не задумываясь, прилагает это страшное слово к столь невинному явлению, как схождение противных сторон на маневрах.

Понятно, какой мыслевой осадок в сознании участников упражнений должны оставить все эти мудрые правила: они ставят как факт само собою разумеющийся, будто победа возможна только при *гораздом* перевесе в силах. А в бою приходится идти, никогда почти не зная, у вас ли больше войск или у неприятеля; а в бою лучшее средство быть побитым — начать считать неприятеля: всегда насчитаешь больше, чем у тебя... Чему выстует в руку эта система: самоотвержению или самосохранению — пусть судит читатель.

И все из-за чего же! Для достижения какой серьезной педагогической цели? Чтобы поставить задачу наименее естественнейшим образом для определения того, за которую из сторон должна быть признана бескровная победа! В конце концов, по видимости, получается картина боя, а по сущности — растление мысли в участниках такового представления. Невольно вспомнишь: Марфа, Марфа! О многом печешься, когда потребно только одно...¹

Но это не все; стоит прочесть, напр., главу VIII, где трактуется, между прочим, об «отмене распоряжений сторон»; гл. X, где определяется «вмешательство руководителя: при помощи предполагаемых войск и других предположений, посредством обозначенных и вспомогательных войск; вмешательство прямым решением исхода дела», дабы убедиться, что автор целиком пишет маневренную тактику, не имеющую ничего общего с действительным делом. А, между тем, он сам в предисловии говорит (стр. VII), что его книга «не должна заключать в себе маневренной тактики». И таким-то образом делают то, от чего сами отрещиваются: «сеют рожь, а выходит ложь». При суворовской системе ведения манев-

¹ Многоточие автора,

ров — ничего подобного: все до крайности просто, не приходится прибегать ни к каким ухищрениям, и не приживается ни одно из тех вредных для боя мнений, образчики коих приведены выше.

Мы не имеем намерения разбирать всю книгу г. Богуславского и пользуемся ею только для того, чтобы показать, к чему ведет постановака на первый план в маневрах воспроизведения внешней картины боя. Но не можем оставить это произведение, не сделав нескольких указаний на главу (XI) о посредниках: в ней заключается свод всей маневренной тактики (стр. 122). «К этой задаче он (т. е. посредник) должен приступить спокойно, с объективной точки зрения, не подчиняясь каким-либо личным и товарищеским симпатиям, не придавая значения полковым связям или привязанности к своему роду оружия, без пристрастия к какому бы то ни было образу действий, и, спокойно исследовав положение дел, как можно скорее произнести свое решение. *Это легко сказать, но тем не менее именно против объективного, благоразумного исполнения этой должности грешат ужасно много*». По нашему, правильнее было бы так: «легко сказать, но невозможно исполнить»; но автор, озабоченный необходимостью «объективного» присуждения победы, сворачивает в сторону с половины фразы, сам того не замечая.

Невольно представляется вопрос: можно ли не грешить против объективного исполнения должности посредника? Можно ли живому человеку отрешиться от всего того, на что автор указывает? Нам кажется, что нет; следовательно, дело здесь не в том, чтобы этого не было, а только в постановке дела таким образом, чтобы это не приносило вреда. По автору, не так: сам признает, что это неисполнимо, а воображает, что этому можно помочь многосложными правилами. В своем стремлении обставить присуждение бескровной победы возможным беспристрастием автор не замечает того, вытекающего из существа вещей и неподчинимого человеку факта, что *решения судьбы, определяющей победу или поражение в действительном бою, немислимо заменять личным приговором, личным усмотрением, в конце концов — личным произволом*. Кто это упускает из вида, тот добровольно идет на все те неудовольствия, иногда ругань, наконец, на извращение понятий, которые являются результатом приговоров посредников. Посредник, самый опытный, са-

мый беспристрастный (объективный), *не в состоянии* принять всех данных, определяющих победу или поражение: в действительном же деле они *все* играют роль в руках той непостижимой силы, которая определяет успех или неудачу. Это всякий инстинктивно чувствует, и потому и повторяется с неизменным постоянством одно и то же явление: именно, что приговором посредников никогда не бывает довольна та сторона, за которой признается неудача. Так называемые в мирное время тактические ошибки в военное могут иногда дать великий подвиг; наоборот, соблюдение так называемых тактических правил, ведущее за собою признание победы в мирное время, зачастую поведет к поражению в бою. Не замечают того, что осторожность, осмотрительность, столь ценимые в мирное время, находятся в прямом противоречии с решительностью, которая только одна и берет в бою. И мы с полным убеждением говорим, что если уж решительно нужно, чтобы был победитель и побежденный в таком деле, где нет борьбы, то лучше это делать, просто бросая кости, даже не вдаваясь в определение того, на чьей стороне более вероятностей на победу, а всегда признавая за сторонами равные вероятности.

Но суть в том, что победителей и побежденных вовсе и не нужно, если в маневре преследовать не картинные, а учебные цели. Никто не мешает приказывать очищать перед атакою позицию той стороне, которая по общему предположению маневра должна уходить. При этом не страдает ничье самолюбие. Никто не мешает также кончать и сквозною атакою: сначала вперед, потом назад, после чего приказывать отступать назначенной для того стороне. Последующей критике маневра ни тот, ни другой прием нисколько не препятствуют, — она должна быть; но благодаря тому, что не будет ни победителей, ни побежденных, она уже вследствие этого примет и более поучительный, и более беспристрастный характер; да, кроме того, останется непоколебленною в сознаниях та истина, что, *даже погрешив против лучшего ведения дела, все же можно в конце концов одержать победу, если действовать упорно и решительно.* Это последнее условие, *преобладающее* в действительном бою, останется, таким образом, непотемненным в сознаниях, чего при манере ведения занятий, рекомендуемой автором, нет и быть не может. Ведь если, например, мою атаку признали отби-

тою, потому что у противника позиция сильна, или приказано мне отступать, потому что мне зашли во фланг или в тыл, то это лучшее средство приучить человека считать, что в подобных положениях другого выхода, кроме позорного отступления, нет. Никакие самые рациональные правила, привитые маневрами, не окупят и со-той доли того вреда, который принесет привитие подобных убеждений. Суворов знал, что делал, устанавливая систему маневрирования, при которой ни победителей, ни побежденных не было.

К сожалению, самое простое решение и есть самое трудное для большинства, не исключая и тех даже, которые видели войну и бой. Г. Богуславский — человек, выдавший виды; он чувствует, что дело неладно и полно противоречий: но, не понимая возможности обойтись на маневрах без победителей и побежденных, он то и дело пристает то к одному берегу, то к другому, т. е. то к принятию в расчет материальных данных, единственно мыслимому в мирное время, то к намекам на нравственное состояние войск, которое в бою столь же много значит, сколь мало подчинимо оценке в мирное время. Если он скажет, например (стр. 124): «Едва ли можно себе представить что-нибудь неправильнее, как принятие в соображение только количества войск», то несколькими строками ниже он же заметит, что на маневрах «нравственное состояние войск *должно* считаться одинаковым», т. е. что в большей части случаев приговор придется основывать именно на принятии в соображение только количества войск. На стр. 126 он даже прямо скажет: «но нельзя отрицать, что в решениях количество должно быть признано очень важным и нередко решающим дело условием»...

Дальше находим правила о признании части расстрелянную (!), если она попала под недействующий «действительный» огонь (холостой); о снятии батареи при подобных же условиях, об исключении части из «сражения» и проч., и проч. И на все это предлагаются правила, которые ведь нужно заучить, чтобы их исполнить. Практика же в исполнении этих правил еще более утверждает их в сознании, т. е. мало-помалу вытесняет оттуда противоположные им здравые боевые представления. Одним словом, все одна и та же работа над воображаемыми данными, но с принятием их за действительные...¹

¹ Многоточие автора.

Невольно припоминается один маневрист конца прошлого столетия, который, маневрируя на ровном плацу, но предполагая гору, командовал: «ребята, да сгибайте же колени; ведь вы поднимаетесь на гору!»

В бою забота о том, чтобы не попасть под действительный огонь, *не может быть преобладающей*: слишком думать об этом и забыть или по крайней мере отодвинуть на второй план цель, указанную для достижения, — одно и то же. Следовательно, вводя в мирное маневрирование мнимые расстрелы, можно приучить войска и начальников к чему угодно, но уж, конечно, не к тому, чтобы стремиться к достижению цели, не взирая на потери.

Не можем расстаться с г. Богуславским, не сделав еще одной характерной выписки (стр. 139-я): «Посредники никогда не должны допускать, чтобы действующие войска в пылу «сражения», предполагая успех на своей стороне, заходили за пределы неприятельской боевой линии и таким образом оказывались стоящими в перемену с неприятельскими. О командире части, поступившем таким образом, должно быть доложено руководителю. В подобных случаях, названных в наших постановлениях неестественными и запутанными положениями, по приказанию руководителя должно быть прекращено «сражение» и восстановлено естественное положение».

Т. е. свалка — неестественна; но предположить местную преграду, где ее нет, вообразить несуществующие войска, заставить считать два флага за батальон или эскадрон — естественно.

Tout près de l'ombre d'un rocher
J'aperçus l'ombre d'un cocher
Qui tenant l'ombre d'une brosse
Netoyait l'ombre d'un carrosse...¹.

И велик был Суворов, сумевший избежать работы воображения впустую, бесплодного раздражения самолюбия и найти средство не только применить свалку в мирном обучении, но и даже обратить ее в самый плодотворный военно-педагогический прием...²

¹ «Подле тени скалы узрел я тень кучера, который тенью щетки чистил тень кареты» (Из одной пародии на Виргилиеву «Энеиду»).

² Многозначие автора.

Полезно ли обратить в рутину соединение массового движения и действия оружием? — Необходимо. Сквозные атаки и учения с боевыми патронами и зарядами представляют осуществление этой необходимости. Эти составные отделы образования представляют венец мирной подготовки войск к бою. Рациональность первого обусловливается необходимостью обратить людям и офицерам в привычку; *не думая*, определять расстояния, с которых нужно бить бой к атаке, брать на руку, бросаться на «ура»; *не думая*, во мгновение ока, восстанавливать порядок после свалки. То же самое для конницы против конницы, для конницы против пехоты. Рациональность второго отдела, признанная наконец и в иностранных армиях, после более чем двадцатилетних колебаний, следует из таковой же необходимости соединения операций выстрела с маневрированием в одно целое, т. е. так, чтобы, исполняя командуемые движения, солдат, тоже *не думая*, умел толково сопровождать их стрельбою и приобрел привычку так обращаться с ружьем, чтобы не подстреливать товарищей, и так переходить от позиции к позиции, чтобы и самому не подвергнуться под выстрелы соседей, но вместе с тем переходить смело и не оглядываясь назад¹.

Мне иногда ставили в упрек слишком безусловную веру в действительность отстаиваемых мною приемов подготовки войск к бою. Думаю, что этот упрек в значительной мере основан на недоразумении. Прием — форма, а против принятия какой-либо формы за лучшую я всегда восставал, отстаивал же только безусловное значение идей. Но так как идея без применения ничего не значит, то, проводя их, нужно было вместе и показать, что они применимы, т. е. предложить совершенно определенные, наглядные приемы применения, даже рискуя ошибиться. Конечно, я выбирал приемы, которые мне казались лучшими, но я не навязывал их никому, что при удобных случаях и оговаривал². Кто приищет свои приемы или

¹ При наступлении цепи участками нужно взять навык, чтобы смело бежать вперед, когда сзади стреляют.

² См. «Подготовку батальона к бою», 1871 г., стр. 62, пункт 15. «Чем больше кто найдет в предложенных решениях ошибок, тем лучше».

введет поправки в мои, да благо тому будет, и такому явлению я первый буду рад, если приемы будут отвечать идеям, положенным в основание мирной подготовки к боевому делу. Все дело воспитания и образования войск приводится к весьма немногим идеям: 1) *ставить воспитание выше образования*; 2) *переходить от анализа к синтезу* (т. е. учить делу по частям, но на этом не останавливаться, а непременно соединять эти части в одно, так как они соединяются при действии против неприятеля); 3) *учить целесообразно*; 4) *развить внимание людей в военном направлении*; 5) *приучить их встречать неожиданности быстро, но несуетливо*; 6) *вести занятия так, чтобы ни один шаг в них не противоречил закону выручки своих*; 7) *ознакомить различные роды оружия со взаимными их свойствами*; 8) *вести маневры так, чтобы «всякий воин понимал свой маневр»*; 9) *устранять все, способствующее развитию самосохранения и поощрять все, благоприятствующее самоотвержению, и потому давать практику в преодолении чувства опасности*; 10) *учить показом, а не рассказом*; 11) *остерегаться примерного исполнения чего бы то ни было в мере, допускаемой мирною практикою*, — вот и все. Все эти идеи можно было свести даже к одной только: *в воспитании и обучении сообразоваться со свойствами воли и ума человека*. Но что было бы, если бы, поставив эти общие идеи, я не воплотил их в осязательные для всякого приемы? — Было бы то, что всякому известно, т. е. что идеи остались бы мертвою буквою надолго, именно до тех пор, пока их не воплотили бы, опять же, в осязательные приемы. Должен, впрочем, сказать, что между этими последними есть такие, за которыми должно быть признано и безусловное значение, именно за теми, которые дают практику в преодолении чувства опасности, как: сквозные атаки, ученья с боевыми патронами и зарядами, обстреливание, ученья под траекториями снарядов. Они безусловны потому, что для достижения сказанной цели ничего другого и придумать нельзя; по крайней мере, мне так кажется...¹

¹ Статья 9-я опущена.

«НАУКА ПОБЕЖДАТЬ» СУВОРОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приказы и инструкции Суворова австрийской армии в 1799 году и его «Наука побеждать» останутся вечно поучительными для понимающих ту истину, что успех на войне и в бою зависит главнейше от хорошего нравственного состояния войск. Они поучительны тем в особенности, что не ограничиваются одним признанием этой истины, но и указывают на многие приемы, при помощи которых нравственное состояние войск можно поднять до возможно высокого уровня. Что эти приемы были верны, доказала армия, воспитанная Суворовым: для нее неожиданностей не существовало; она не могла быть застигнута врасплох; она, наконец, отличалась духом такого высокого упорства, что в самых отчаянных положениях не только не падала духом, но не допускала даже мысли, что может не побить врага. Суворов так учил войска, что, по замечанию одного из современников, они в день сражения не встречали ничего нового и атаковали холодным оружием в деле, как делали это на маневрах. При таком громадном значении творений Суворова в деле воспитания и образования войск мы решились предложить новое издание этих творений, прибавив к ним переложение тех мест, которые сразу кажутся невразумительными. В видах пояснения же, сочтено нелишним предпослать суворовским приказам и науке перевод тех страниц Дюбокажа, где он описывает сквозные атаки, как они делались при Суворове.

**ОТРЫВОК ИЗ СОЧИНЕНИЯ ДЮБОКАЖА:
PRECIS HISTORIQUE SUR LE MARÉCHAL SOUWOROW**

«Военное искусство для одиночного солдата, или офицера, заключалось, по мнению Суворова, в быстроте исполнения и в неустрашимости, не останавливаемой никакими препятствиями: военные добродетели, которые должны венчать слепое повиновение.

Для достижения быстроты и неустрашимости нужно было, по его убеждению, освоить войска с явлениями войны посредством маневров, до того близких к действительности, чтобы солдат смотрел на настоящую атаку не более как на маневр.

Вследствие этого, и верный своей любимой тактике — не ждать атаки, но всегда атаковать самому, — Суворов все маневры заканчивал свалкой. Части, какой бы они ни были силы, делились для этого на две стороны.

Эти стороны, поставленные на некоторой дистанции друг от друга, строились развернутым строем или в колонны, более или менее глубокие, затем они одновременно начинали движение. По сближению шагов на сто, каждый начальник командовал что нужно для атаки, которую пехота исполняла бегом, а кавалерия в галоп¹. Иногда пехота атаквала кавалерию, ружья на руку, между тем как эта последняя скакала ей навстречу. Иногда пехота ожидала кавалерию на месте, не открывая огня ранее, как по сближении последней шагов на 20.

Прохождение линий или колонн, одной сквозь другую, исполнялось не так, как это принято в других европейских армиях, т. е. в интервалы, образуемые вздваиванием частей, выстраиваемых вслед за тем: маневр, обыкновенно употребляемый при смене линий под огнем неприятеля, но вовсе не соответствующий суворовской атаке, о которой здесь речь.

Эта атака была действительная свалка, какая происходит и в настоящем деле. Она производилась обеими сторонами, атакующими друг друга с фронта, — все равно стояли ли они в развернутом строе или в колоннах — среди огня пехоты и артиллерии, при криках ура! повторяемых всяким пехотинцем и кавалеристом. Офицеры кричали при этом: руби! в штыки!

¹ Т. е. в карьер.

Ни одна часть в момент свалки не смела ни принять в сторону, ни замедлить движение. Пехота шла на пехоту бегом, ружье на руку, и только в момент встречи поднимала штыки. Вместе с тем, каждый солдат, не останавливаясь, принимал слегка вправо, отчего происходили небольшие интервалы, в которые люди протискивались, и одна сторона проходила насквозь другой. Впрочем, и от самого бега строй размыкался, что также несколько облегчало прохождение.

Этот маневр был не безопасен, если кавалерия шла на кавалерию или на пехоту. Для образования интервалов, необходимых для того, чтобы пройти в момент свалки, фланговые люди в кавалерии принимали несколько вправо и влево, что несколько позволяло и средним размыкать ряды. В эти-то небольшие интервалы между кавалеристами нужно было пройти безостановочно.

В тех случаях, когда обе стороны состояли из кавалерии, интервалы часто были недостаточны, и тогда происходила настоящая свалка: коленам доставалось. Мне часто случалось видеть выбитых из седла и до того ушибленные колена, что люди не могли ходить по несколько дней, а иногда и недель.

Все эти движения не подчинялись никаким правилам и не отличались регулярностью; такой их характер придавал маневру сходство с боем, еще более близкое. Нужно заметить, что исчезающий порядок так быстро был восстанавливаем, что издали зритель едва замечал легкое волнение линий во время свалки; ему даже трудно было представить себе, каким образом эти массы людей и лошадей могли пройти друг друга насквозь без столкновения; тем не менее несчастные случаи бывали редко.

...Понятно, что для войск, выдержанных на суворовских маневрах, бой не представлял ничего нового. Действительно: кавалерия получала навык атаковать дерзко и неустрашимо, пехота — встречать атаку спокойно и хладнокровно. Подобные солдаты атаквали холодным оружием в деле как на маневре; при таком способе образования рекруты стоили старых выдержанных солдат.

Наконец, этот способ образования войск приносил очевидную пользу и в смысле выдержки лошадей. Приучившись проходить таким образом пехоту, при ружейном и артиллерийском огне, они не могли останавливаться перед стойким неприятелем, способным встретить атаку и приберегающим огонь свой до последней минуты. Преимущество громадное, которого маневры, ныне употребляемые, дать не могут.

Суворов не забывал и эволюций, принятых в европейских армиях: но в развертываниях, маршах, контр-маршах и пр. он не видел другой цели — как довести дело до своей любимой атаки, по возможности скорее и прямее.

От времени до времени он производил свои учения в самую темную ночь, всегда оканчивая их атакой холодным оружием.

Еще в первые свои кампании он убедился в пользе приучения войск к ночным маневрам, дабы случайности ночного боя не были им в диковину. С тех пор он никогда не отступал от этого приема обучения, которому был обязан многими успехами.

Суворов изыскивал все средства освоить солдата с тем, чего от него требовал перед неприятелем. Чтобы научить войска рубить и колоть, он приказывал делать чучела из соломы или вязкой земли, на которые кавалерия и пехота ходили в атаку. Строго требовалось, чтобы всякий наносил удары не останавливаясь. Он требовал также, чтобы пехота почаще упражнялась в цельной стрельбе; иногда он приказывал даже кавалерии атаковать в галоп чучела и стрелять в них из пистолетов, дабы при случае она умела действовать этим оружием, которому, впрочем, Суворов не придавал почти никакого значения. Поэтому последнее упражнение назначалось весьма редко.

Наконец, для приучения войск к атаке укреплений открытою силой, он приказывал строить укрепление, усиленное рогатками и палисадом, с глубокими рвами и, сверх того, окруженное засеками, волчьими ямами и проч. Заняв это укрепление артиллериею и пехотою, он упражнял войска в его атаке, как днем, так и ночью. На каждую часть, поочередно, была возлагаема атака и оборона укрепления.

В заключение скажем, что фельдмаршал имел обычай говорить с войсками. Каждый свой смотр, парад, он заканчивал весьма длинной речью¹, в которой подробно разъяснял, что нужно для того, чтобы быть хорошим солдатом, хорошим офицером. Он указывал на ошибки, сделанные войсками в одном случае, хвалил за то, как вели себя в другом. Наконец, он передавал им в своих речах общие основания военного искусства».

Нужно ли после всего этого распространяться о причинах непобедимости войск Суворова? Последний солдат из попадавших в сферу его влияния узнавал, и практически и теоретически, боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время, не исключая и самых образованных. Сознав ясно, что для победы нужно укрепить солдата умственно, нравственно и физически, он и свою систему воспитания сообразил строго последовательно с этой целью, не делая никаких уступок. Развитие сметки и особенно упорства, характера, притупление инстинкта самосохранения — насколько это возможно в живом существе, — укрепление ума последнего солдата положительным знанием военного дела, — вот суворовская система во всем ее простом и осязательном величии. Для его солдата не было неожиданности в бою, ибо он испытал в мирное время самые тяжелые из боевых впечатлений; не могло быть ничего непонятного из того, что делалось в бою, ибо обо всем военном деле он имел основательное теоретическое представление. А если человек выдержан так, что его ничем удивить невозможно; если он притом знает, что должен делать в своей скромной сфере, — он не может быть побежден, он не может не победить.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Примечание. «Наука побеждать» состоит из двух частей: из описания учения перед разводом, которое, вероятно, было составлено для начальников частей, и «из словесного поучения солдатам о знании, для них необходимом», которое есть ни более ни менее как весьма обстоятельная теория военного дела (со включением нравственной и физической гигиены), которую, как увидим ниже, повторяли после всякого разводного учения громогласно перед фронтом. «Почтение» высказано кратко и отрывисто; но логическую

¹ Иногда в течение двух часов.

связь в этих отрывочных речениях восстановить нетрудно. А между тем это дало «науке» характер сборника поговорок, которые так легко удерживаются в памяти и которые так доступны уму и сердцу простого русского человека.

ВАХТ-ПАРАД

От оногo главное влияние на обучение.

1. Исправься! бей сбор! ученье будет! *
Приемы и повороты по команде, по флигельману, по барабану.

2. Пальба будет! заряжай ружье! Плутонгами, полудивизионами, дивизионами. При зарядании приклада на землю не ставить. Отскакивает шомпол: пуля не крепко прибита.

Наблюдать косою ряд; приклад крепко упереть в стиб правого плеча, ствол бросить на левую ладонь, пуля бьет в пол-человека; примерно можно и с порохом; ружья чистить между часов; выстрелить между одного и двух патронов.

3. Наступными плутонгами начинай! Отбою нет; сигнал барабана поход, выстреля от одного до двух патронов.

4. Атакуй первую неприятельскую линию в штыки; ура! Взводные командиры: коли! коли! рядовые: ура! громогласно. Краткий отбой.

Неприятельская кавалерия скачет на выручку к своей пехоте. Атакуй. Здесь держать штык в брюхо человеку (случится, что попадет штык в морду, в шею, особенно в грудь лошади). Краткий отбой.

Атакуй вторую неприятельскую линию, или резервы неприятельские, атакуй! Отбой; сим кончится.

5. Третья — сквозная атака. Линия равняется вмиг вперед! никто не смеет пятиться назад ни четверти шага.

6. Ступай! повзводно, полудивизионами, или дивизионами! На походе плутонги вздваиваются в полудивизионы или сии ломают на плутонги. Солдатский шаг аршин, в захождении полтора шага. Начинает барабан, бьет свои три колена; его сменяет музыка, играет полный поход (марш), паки барабан; так сменяются между собою. Бить и играть скорее: от того скорее шаг.

* Слова, напечатанные в тексте разрядкою, суть командные.

Интервалы между взводов весьма соблюдать, дабы, пришед на прежнее место, при команде с т о й! все взводы вдруг стояли и заходили в линию.

7. Вторая (или первая) половина линии порядкам на лево (или на право) ступай на атаку! У сей ** барабан фельдмарш. Заходить против части, стоящей на месте, из картечного выстрела вон. Ступай! Поход во все барабаны. На 80-ти саженьях от противного фронта бежать вперед от 10 до 15 шагов через картечную черту полевой артиллерии; на 60 саженьях тож, чрез картечную черту полковой артиллерии. А на 60 шагах верной черты путь:

Ступай! Ступай! в штыки! ура! противная линия встречает пальбою на сей последней дистанции, а на 30 шагах ударит сама в штыки. С обеих сторон сквозная атака!

8. Равно сему другая линейная атака; обе части на прежних местах.

Також отделенная часть заходит колонною для дефюады фронта ежели есть место.

9. Обе части делают колонны, по числу людей в разводе в одну или две колонны ***.

А така будет колоннами, ступай! Барабан бьет марш на 60 шагах одни от других. Ступай, ступай, атакуй, в штыки! ура! мушкет в правой руке на перевесе, колонны между собою насквозь быстро примерно колют.

10. Колонны строй каре! стрелки стреляй в ранжире; плутонгами зачинай! Здесь кареи на месте, стрелки бьют наездников и набегающих турков, особливо чиновников. Плутонги палят в их толпы. Пальба должна быть кратка, ибо тут дело больше картечь. Потом бросаются колоть.

Ступай! Ступай! Атакуй в штыки! Ура! что воображается сквозною карейною атакою.

Стрелки вперед; докалывай, достреливай, бери в полон! На оставших басурман между кареев. Барабан краткий сбор. Стрелки в свои места.

* Т. е. дистанции.

** Команды.

*** Т. е. каждая из противных сторон строит одну или две колонны, смотря по числу людей.

11. Карей строй колонны! исполнение тож, как выше о колоннах.

12. Колонны строй карей, карей марш! Ступай, ступай, атакуй в штыки. Ура! Здесь без пальбы; атака прежняя.

13. Карей строй линии, марш; а заходившей части, по рассмотрению, вместо линии в колонну или по четыре ряда. Команда оной: по рядам или по четыре направо или налево.

Ступай на прежнее место! Строй фронт. Барабан фельдмарш.

Сии основательные маневры, марши и эволюции равны в батальонных, полковых и корпусных эзерцициях.

14. Начальник может требовать батального огня? — Исправный приклад правит пальбою, здесь оная расстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбе оный виден; одиначка пальбы на баталии выйдет сама собою: для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтоб его убить.

15. Залп. В разводе, коли с пальбою, для очищения ружей; в ином строю только для исправности приклада. Против неприятеля не годится; оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают.

16. Наступные плутонги только для движения, но против неприятеля сия ломаная линия не годится. Он ее, особливо кавалериею, и малою, изрубить может.

17. Может начальник спросить отступных плутонгов? Лучше о них и не помышлять: влияние их солдату весьма опасно, ниже о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить.

ПОЯСНЕНИЕ ВАХТ-ПАРАДА

Отдел, озаглавленный вахт-парадом, есть собственно приказ насчет того, как должно производить ученья перед разводом по караулам. Этот приказ, в переводе на язык, нам более привычный, примет приблизительно следующую форму:

Учения перед разводом имеют большое влияние на обучение; предписывается производить их в следующей постепенности:

1. Исполнение поворотов и ружейных приемов.

2. Пальба взводами *, полудивизионами, дивизионами. Обращать внимание: а) чтобы при зарядании не ставили приклада на землю; так как при этом шомпол, отскакивая, не будет досылать пулю плотно до заряда; б) чтобы при прицеливании люди крепко упирали приклад в сгиб плеча и целились в пол-человека. Пальбу можно производить примерно и с порохом, выпуская в последнем случае по одному или по два патрона. Ружья чистить в свободное время.

3. Наступление через взвод с пальбою, причем выпустить не более одного или двух патронов **.

4. Односторонняя атака. Командовать должно, назначая всегда цель атаки (атакуй 1-ю неприятельскую линию, кавалерию, 2-ю линию), ибо только этим путем можно дать солдату понятие о ходе боя и о тех случайностях, которые он там должен будет преодолевать. Офицерам, с приближением линии к месту предполагаемого расположения неприятеля, командовать: коли! коли! дабы напомнить солдатам о главном их деле в эту минуту. Штык держать в брюхо человеку.

5. Двухсторонняя или сквозная атака. Линия равняется в миг вперед, никто не смеет пятиться назад ни четверти шага.

6. Перед двухсторонней атакой проверить движение колоннами повзводно, по полудивизионно, и подивизионно на полных дистанциях, равно как переход из больших частей в меньшие и обратно (ломку фронта). При этом смотреть за верным соблюдением дистанций, дабы, по команде: Стой! сразу можно было восстановить фронт, единовременным захождением частей колонны к стороне дирекционального ¹ фланга. При движении барабан и музыка бьют и играют попеременно. Бить и играть скорее: от того живее шаг ***.

* Плутонг (Peloton) — взвод.

** В этих трех параграфах осталось, как читатель и сам может видеть, мало применимого в наше время.

¹ Направляющего.— *Ред.*

*** Тогда налегали на движение в разомкнутых колоннах, потому что из этих колонн переходили в развернутый строй перед неприятелем, единовременным захождением частей к стороне дирекционального фланга. Этому упражнению в наше время соответствует стройное движение густыми колоннами и выстраивание их в боевой порядок.

7. Для производства сквозной атаки делить линию на две половины и ставить одну из них лицом к другой в расстоянии, превосходящем дальность картечного выстрела*. Сторона, идущая в атаку, сблизившись со стоящею на месте на 80 сажень, пробегает от 10—15 шагов, дабы быстрее пройти пространство, на котором в бою неприятель встречает атакующего картечным огнем своей полевой артиллерии. На 60 саженьях исполнять то же самое, ибо это дальность картечи полковой артиллерии; с 60 шагов бросаться в штыки. Линия, стоявшая на месте, открывает огонь с этого последнего расстояния, а по сближении с нею наступающего противника на 30 шагов, сама бросается в штыки, и обе стороны проходят друг друга насквозь.

8. Когда части разойдутся на предписанное выше расстояние**, их останавливают, поворачивают кругом и производят сквозную атаку на заднюю шеренгу.

9. Для сквозной атаки колоннами каждая сторона строит одну или две колонны, смотря по числу людей, и производит атаку по вышеуказанному, с тою разницею, что люди в момент свалки держат ружья наперевес.

10. Для приготовления людей ко встрече кавалерии, следует, при сквозных атаках колоннами, перестраивать их в каре, причем напоминать людям, что в деле лучшие стрелки в случае налета кавалерии должны стрелять в отдельно на скакивающих наездников, особенно начальников, а залпы повзводно должны быть направлены в сомкнутый строй. Пальба эта должна быть кратка; затем бросаются колоть, т. е. проходят друг друга в каре насквозь.

11. По перестроении в колонны, сквозная атака производится в этом строе на заднюю шеренгу.

12. Колонны перестраиваются в каре и производят сквозную атаку в этом строе по указанному, но без пальбы.

13. По исполнении всего этого, обе стороны восстанавливают один фронт, чем и кончается ученье.

* Т. е. по-тогдашнему несколько более 80 саж., ибо дальность картечи полевой артиллерии того времени была 80 сажень: пули были свинцовые.

** Т. е. на расстояние, несколько превосходящее 80 сажень.

Эти основные маневры, движения и эволюции имеют одинаковое применение при обучении как малых, так и больших частей.

Замечания насчет свойств разного рода пальбы. Упражнение в пальбе рядами на ученьях бесполезно, ибо не дает средств для проверки правильности прицеливания, что напротив легко сделать при пальбе взводами *. В сражении пальба рядами выйдет сама собою, так как, для меткости огня, всякому человеку должна быть предоставлена свобода в прицеливании и выборе мгновения для выстрела.

Общие залпы линией применимы в разводе для разряда ружей; на ученьях — для проверки прицеливания; но против неприятеля негодятся, потому что он может переколоть и изрубить пока опять заряжают **.

Наступление с пальбою повзводно годно только для упражнения в движении; но против неприятеля эта ломаная линия негодится, ибо может быть изрублена, особенно кавалериею, даже и малою.

Что же касается до отступления с пальбою повзводно, то лучше о нем и не помышлять: влияние его солдату весьма опасно, а потому ни в пехоте, ни в кавалерии даже и мысли не допускать об отступлении.

В этом приказе многое, конечно, устарело по форме, ибо теперь и оружие не то, и прибавился рассыпной строй, который Суворов предчувствовал, но принять не решался; но мысли, скрывающиеся за этой устарелой формой, останутся вечно истинными. Эти мысли суть: 1) исполняйте уставные эволюции не для того только, чтобы их исполнять, но для показания офицерам и солдатам их назначения, их применения на деле. 2) В достижении последней цели не надейтесь ни на одну теорию, ни на одну практику — они должны идти рука об руку; практикою у Суворова было ученье, в котором, как видели, боевая обстановка восстановлена возможно полным для мирного времени образом; теориею — словесное

* Не нужно забывать, что правильное прицеливание при тогдашнем оружии заключалось в одном — чтобы ружье было направлено в пол-человека. Впрочем, это правило вполне применимо к стрельбе залпами и теперь. Многие бывалые люди придерживаются даже того мнения, что лучше приучать целить в ноги.

** Нужно помнить, что тогда действительный залп был возможен только на 60 шагов, а зарядание с дула.

поучение солдатам о знании, для них необходимом. Поучение это составляло неизменный конец всякого ученья и, как увидим ниже, не могло не врезаться в памяти каждого солдата. 3) Не рассчитывайте на воображение в исполнении чего бы то ни было, т. е. не делайте ничего примерно, а старайтесь устроить упражнение так, чтобы солдату все было видно и воображать приходилось бы возможно меньше. 4) Солдат должен быть готов на все и во всяком строе: покажите ему поэтому атаку конницы и пехоты и в развернутом строе, и в колонне, и в каре, как на заднюю, так и на переднюю шеренгу, чтобы он не привыкал считать, будто известные положения непременно требуют и известного постоянного строя. При этом условии для него не будет неожиданностей. 5) Избегайте, как величайшей опасности, всех тех упражнений, которые отвечают инстинкту самосохранения и, следовательно, могут дать ему пищу; и наоборот, давайте возможно большее развитие упражнениям, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности на все неожиданности; солдат подобного закала будет хорошо отступать, ибо для этого важно знать не механическое движение отступления, но именно быть упорным, бесстрашным, предприимчивым. 6) Не рассчитывайте на одно только слово, если хотите научить чему-нибудь человека: с примера он легче и прочнее усваивает, нежели из рассказа. Затем, когда он узнает дело, слово необходимо, чтобы утвердить человека в деле, сообщить более широкий взгляд на него. 7) Не хлопчите об одном только поддержании механического порядка, но хлопчите еще более о том, чтобы часть расстроенная — что в бою неминуемо — умела быстро восстанавливать порядок. Эту, так сказать, реальность и осязательность обучения Суворов доводит до того, что даже самое приучение к восстановлению порядка у него делалось не из искусственного или приказного беспорядка, а из естественно возникающего при столкновении. Следовательно, солдат не только приучался быстро восстанавливать порядок, но и узнавал, когда это в особенности важно и когда беспорядок составляет неизбежное явление. Одним словом, еще раз: ничто для суворовского солдата в бою не являлось неожиданностью; мирное обучение не готовило ему со вступлением в дело никакой нравственной засады или западни.

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНИЕ СОЛДАТАМ О ЗНАНИИ, ДЛЯ НИХ НЕОБХОДИМОМ *

Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты, солдат стоит стрелкой! четвертого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг аршин, в захождении полтора аршина. Береги интервалы.

Солдат во фронте на шагу строится по локтю; шеренга от шеренги три шага, в марше два; барабаны не мешай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко; штыком коли крепко; пуля обмишуются, штык не обмишуются; пуля дура, а штык молодец! Коли один раз! бросай бурсурмана со штыка! мертв на штыке, царапает саблюю шею.

Сабля на шею! отскокни шаг, удары! коли другого, коли третьего! богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле; трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун! Это редко, а заряжать неколи; в атаке не задерживай.

Для пальбы стреляй сильно в мишень: на человека пуль двадцать купи свинцу, из экономии немного стоит. Мы стреляем цельно, у нас пропадает тридцатая пуля, а по полевой и по полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь — летит сверх головы! пушки твои, люди твои! вали на месте, гони, коли! остальным давай пощаду! Грех напрасно убить; они такие ж люди. Умирай за дом богородицы! за батюшку! за пресветлейший дом! церковь бога молит. Кто останется жив, тому честь и слава.

Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь: возьми лагерь — все ваше; возьми крепость — все ваше. В Измайле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах. Без приказа отнюдь не ходи на добычь.

В баталии полевой три атаки: в крыло, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом; это немудрено! солдат проберется и болотом; тяжело через реку, без мосту

* Это поучение говорилось после каждого развода штаб-офицером того полка, от которого развод, наизусть в присутствии всего генералитета, штаб- и обер-офицеров.

не перебежишь. Шанцы всякия перескочишь. Атака в середину не выгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака в тыл очень хороша; только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело.

Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против басурман колонн нет, а может случиться и против турков, что пятисотному карею надлежать будет прорвать 5-ти или 7-ми тысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки, они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж.

Баталия на окопы — на основании полевой; ров не глубок, вал не высок! бросься — в ров, скачи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! помни отрезывать; тут подручныя * конницы. В Праге отрезала пехота: да тут были тройные и большие окопы и целая крепость: для того атаквали колоннами.

Штурм **. Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги; прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы, стрелки очищай колонны, стреляй по головам; колонны лети через стену на вал, скальвай, на валу вытягивай линию; караул к пороховым погребам; отворяй ворота коннице; неприятель бежит в город — его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо: недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах; конница руби. В дома не ходи, а бей на площадях. Штурмуй где неприятель засел; занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикет к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался — пощада! стена занята — на добычу!

ТРИ ВОИНСКИХ ИСКУССТВА

Первое — глазомер, как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить.

Второе — быстрота. Поход полевой артиллерии от полу до версты впереди, чтобы спускам и подъемам

* Т. е. слодручнее.

** Укрепления, усиленного засеками или волчьими ямами впереди рва, палисадом на прикрытом пути. В тексте это не пояснено, ибо, судя по свидетельству Дюбокажа, это знал всякий солдат из практики.

не мешала. Колонна сближится; она опять выиграет свое место; под гору сошед, на равнине ца рысях. Поход по рядам или по четыре для тесной дороги, улицы, для узкого мосту, для водяных и болотных мест, по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, то взводами, чтоб хвост сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан, музыка греми, — десяток отломал! * первый взвод снимай ветры, ложисы за ним второй взвод, и так взвод за взводом, первая задних не жди. Линия в колонне на походе растянется, коли по четыре, то в полтора, а порядком — вдвое. Стояла на шагу, идет на двух; стояла на одной версте, растянется на две; стояла на двух, растянется на четыре! то досталось бы первым взводам ждать последних полчаса по пустому. На первом десятке отдых час. Первый взвод спрыгнул, надел ветры, бежит вперед десять, пятнадцать шагов (а на марше, прошед узкое место, на гору или под гору от 15 и до 50 шагов). И так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдыхали. Второй десяток! отбой; отдых час и больше; коли третий переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, или полчаса или и четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к каше. Это для пехоты.

Конница своим походом вперед; с коней долой! отдыхает мало и свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться. Кашеварные повозки вперед с палаточными ящиками. Братцы пришли, к каше поспели. Артельный староста: к кашам.

На завтраке отдых четыре часа; тож самое к ночлегу отдых 6 часов и до 8, какова дорога; а сближаясь к неприятелю, котлы с припасом снарованы к палаточным ящикам, дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали, неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то на двух, трех-стах и больше: вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем бог послал! Конница начинай! руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! чудеса творят братцы.

Третье — натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет; в пальбе много людей гибнет: у неприятеля

* В некоторых изданиях «отмахал». Собственно, смысл один, т. е. десяти верст как не бывало.

те же руки, да русского штыка не знает! Вытяни линию — тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линии — подвиг из закрытого из тесного места. Коли пехота — в штыки; конница тут и есть: ущелья на версту нет. Картечь через голову, пушки твои. Обыкновенно кавалерия врубается прежде, пехота за ней бежит; только везде строй. Конница должна действовать всюду как пехота, исключая зыби; там кони на поводах. Казаки везде пролезут. В окончательной победе конница гони, руби! конница займется*, пехота не отстанет; в двух шеренгах сила, в трех полторы силы; передняя рвет, вторая валит, третья довершает**.

Бойся богадельни! Немецкия лекарственницы издалека, тухлые, вплошь бессильныя и вредныя. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог! береги здоровье! чисти желудок коли засорился, голод лучшее лекарство! кто не бережет людей, офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки кто себя не бережет. Жидок желудок, есть хочется? по закате солнышка немного пустой каши с хлебом, а крепкому желудку буквица в теплой воде, или корень коневьего щавелю. Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского: «в горячке не ешь, хотя до двенадцати дней, а пей солдатский квас — то и лекарство! А в лихорадке не пей, не ешь, штраф! за что себя не береги!»

Богадельни первый день мягкая постель, второй — французская похлебка, третий день ея братец домовище к себе и тащит! один умирает, а десятеро хлебают его смертный дых. В лагере — больные слабые; хворые — в шалашах, не в деревнях: воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе без больных быть нельзя: тут не надобно жалеть денег на хорошия лекарства, коли есть где купить, и сверх своих и на прочия выгоды без прихотей. Да все это не важно; мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, а у нас и от 500 в месяц меньше умрет. Здоровому питье — воздух, еда больному — воздух.

Богатыри! неприятель от вас дрожит; да есть неприятель больше богадельни! Проклятая немогузнайка, на-

* Т. е. если конница остановлена.

** Теперь это относится к линиям.

мека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, кратко-молвка, двуличка, вежливка, бестолковка, кличка, чтоб бестолково выговаривать: край приказ, а фок, вайрках, рок-ад и прочее стыдно сказать. От немогузнайки много, много беды!

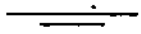
Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву; молись богу! от него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Ученье свет, а неученье тьма; дело мастера боится; и крестьянин не умеет сохою владеть, хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех: давай нам шесть, давай нам десять на одного! всех побьем, повалим, в полон возьмем! Последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто; он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение: господа офицеры, какой восторг!

Примечание. После этого командовалось: *к паролю! с флангов часовые вперед ступай на краул!* По отдаче генералитету, или иным пароля, лозунга и сигнала, следует похвала или в чем хула вахт-параду. Потом громогласно:

Субординация, экзерция (послушание, обучение), дисциплина (ордер воинский), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, Победа! Слава, слава, слава! ¹

¹ Приказы и инструкции австрийской армии не приводятся.

КАЛИБРЫ ОРУЖИЯ В ПОЛЕВЫХ АРМИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОСТАВА

(Письмо к редактору-издателю)

1

Милостивый государь, Владимир Антонович!

В одну из последних наших бесед Вы пожелали знать мое мнение о разумно допустимых калибрах оружия в армиях нормального состава, т. е. предназначенных для европейской войны; с удовольствием посылаю его Вам.

Проходя мимо так называемого старого арсенала, вы, конечно, не раз останавливались полюбоваться выставленными подле этого здания орудиями и, вероятно, приходили в восхищение от их художественной отделки: чеканка удивительная; и звери, и фризy, кажется, даже цветочки, и чего-чего-то на них нет! А калибров не перечесть; длина тоже самая разнообразная. Было, следовательно, время, когда все это считалось необходимым совершенно серьезными людьми и отстаивалось, вероятно, с немалым расходом аргументации и с глубоко-мысленными соображениями относительно того, почему все это разнообразие и все эти фестончики важны и почему без них никак обойтись нельзя. Но, мало-помалу, времена переменились: сила вещей поставила в необходимость признать, что эта поэзия разнообразия жестоко разбивается прозаическими вопросами снабжения и отделки, и выяснилось, что чем проще, чем однообразнее, тем лучше. Но до чего было неприятно человеку с этим

мириться, доказывает то, что еще на моей памяти в полевой артиллерии было четыре калибра. Потом перешли к двум, а наконец император Наполеон III привел артиллерию даже к одному; правда, не надолго; рутина разнообразия скоро взяла свое. С развитием нарезной артиллерии опять вернулись к двум калибрам, невзирая на то, что во всех курсах артиллерии давно исповедуется, и притом с сильной и здравой аргументацией, значение простоты и однообразия материальной части. Вот Вам история этого вопроса относительно артиллерии. Она показывает, что младенчество артиллерии отличается и разнообразными калибрами, и неидущими к делу прикрасами. Теперь обращусь к идейной подкладке вопроса, или, если хотите, к логике его.

Чтобы прийти к верному заключению относительно калибров, нужно дать себе труд подумать о следующих вопросах и посылно их разрешить, не поддаваясь никаким пристрастиям, но продуманным первичным впечатлениям, влияниям хороших людей, остроумных прожектеров и проч., и проч.

Вопрос первый: *какие задачи ставятся огнестрельному оружию в полевой войне?*

Вопрос второй: *при каких условиях, войне и собственно бою присущих, эти задачи приходится разрешать?*

Отсюда вижу Вашу усмешечку, за которою сквозит мысль: Михаил Иванович, кажется, собирается Америку открывать, кто же не знает этих вопросов и их разрешения? — Знают-то знают, да применять в рассуждении не желают; не умеют или забывают; отсюда поклонение модным идолам, благодаря коему состав армии, и без того страшно громоздкий и сложный, могут втянуть, сами того не замечая, в еще большее осложнение, уже совершенно бесполезное, а следовательно, и вредное.

Итак, давайте открывать Америку! Если из кампаний выделить бои или, так сказать, намеренно их забыть, то вся военная ноша, а в том числе и оружие, является не более как бременем, гнетущим армию к земле, удручающим личный ее состав, уменьшающим ее подвижность по меньшей мере вдвое даже при благоприятных обстоя-

тельстввах, а при неблагоприятных — во много раз больше. А между тем ведь «война в ногах»; и до такой степени она в ногах, что самый большой мастер этого дела, Наполеон, уже в 1805 году мирился с 10 тыс. мародеров, а в 1807 их было уже до 25 тыс. И резон у него на это был такой: «Чтобы сберечь головы, я не щажу ног».

Итак, отводя бой или забывая о нем, можно спросить себя: не лучше ли бросить к черту и пушки, и ружья (а ранцы тем более), если легкость на ходу имеет такое громадное значение?!

На этом примере Вы видите, как легко прийти к нелепому выводу, принимая в расчет даже важнейшую данную, но только ее одну, в таком деле, которое слагается из многих данных! А ни одно жизненное (или так называемое конкретное) явление иначе не слагается, как из очень многих и притом противоречивых данных, и стоит упустить из виду не то, что все, кроме одной данной, а, наоборот, принять в расчет все, кроме одной, — и нелепое заключение готово.

То же самое получим, только с другого конца, если будем заключать, памятуя только бой и забывая все остальное на войне. С точки зрения только боя, чем артиллерийский калибр больше, тем лучше, и не дурно бы было дать каждому пехотинцу по два или более ружья и по несколько тысяч патронов.

И опять заметьте, отправились от одной из первостепенных данных; можете себе представить, каких выводов можно наполучать, если отправиться даже не от второстепенной, а от какой-нибудь третьестепенной данной, которую и данной-то совестно назвать?

Все дело, следовательно, в том, чтобы из многих данных противоречивых, друг друга исключаящих, не упуская из виду ни одной, вывести такую равнодействующую, в которую всякая частная данная входила бы не иначе, как с соответствующим своей важности коэффициентом.

Простите за длинное вступление: оно нам пригодится.

2

Ответ на первый вопрос. Назначение огнестрельного оружия в бою двоякое: 1) поражать отдельных людей; 2) разрушать живые и мертвые массы.

Первые притом не только материально, но в особенности морально. И как первые, так и вторые, не только прицельно, но и навесно. Первое назначение (поражать отдельных людей) достигается ружьем.

Что требуется от ружья? — Прежде всего, чтобы оно было соображено с силами среднего, притом нагруженного, человека, который должен не только им действовать, но еще носить иногда тысячи верст. Потом, чтобы содержание его в исправности не представляло особых затруднений. Затем, чтобы оно обладало настильностью и меткостью боя; проницаемость — дело второстепенное, ибо, чтобы пронизать человека, большой силы не нужно; да притом она получается по дороге, так как настильность предполагает большую начальную скорость, а следовательно, и большую проницаемость.

Вводимое ныне во всех европейских армиях малокалиберное ружье удовлетворяет всем этим условиям в высокой степени. Оно притом и по устройству проще прежнего, в чем не трудно убедиться, сравнив, например, замок заряжаемого с дула ружья и затвор последних типов и припомнив, что чистить ствол¹ насквозь, как теперь, или только до казенника, как прежде, гораздо удобнее. Да притом и проверка чистоты легче, так как можно видеть на свет весь канал. Затем магазин не считаю полезным усложнением, так как он проявляет увлечение скоростью в ущерб меткости, т. е. второстепенной данной в ущерб главной: нужно стремиться много попадать, а не много выпускать. В бою важны не акустические, а травматические эффекты стрельбы, т. е. не музыка стрельбы, а ее *действительность*. Притом магазин, усложняя систему, влечет за собою и все последствия усложнения: затрудняет содержание ружья в исправности и увеличивает вероятность порчи и бестолковой траты патронов, которые ведь нужно подвозить и потому, следовательно, по возможности беречь. Наконец, он не соображен со свойствами человека, которому нужно чувствовать каждый заряжаемый патрон. По крайней мере на опытах даже мирного времени случалось, что, выпустив весь магазин, стрелки продолжали несколько времени щелкать впустую, пока не замечали, что патронов более нет.

¹ Да и самая чистка с бездымным порохом обратилась только в протиравие.

В бою подобное шелканье будет, конечно, иметь место и притом скорее более, чем менее, нежели при мирной стрельбе.

Есть охотники припутывать магазин к малому калибру, и это им удается, невзирая на то, что между тем и другим ничего общего нет, так как малокалиберное ружье не только может существовать без магазина, но, по моему убеждению, как военное оружие, даже выше того же малокалиберного с магазином, по причинам, только что перечисленным.

3

Разрушительное действие достигается не одним ударом, но преимущественно разрывом, следовательно, предполагается, как необходимое условие, калибр возможно больший.

Если в ружье весь расчет идет на попадание в одну точку, то в пушках подобный расчет и бесполезен, и неосуществим, ибо действительность достигается увеличением числа точек поражения посредством разрыва, а такой меткости, как ружейная, при поражении осколками достигнуть нельзя. Но чисто боевому условию возможно большего калибра полагается предел требованиями войны; орудия нужно перевозить в походе и маневрировать ими под выстрелами: следовательно, *величина калибра ставится в зависимость от той наимыгоднейшей запряжки, которая определена вековым опытом, т. е. шестиконной.* Прибавка лошадей к запряжке сверх этой нормы к тяге прибавляет мало, а маневрирование затрудняет сильно. Следовательно, приняв в расчет эту последнюю данную, вопрос о возможно большем калибре придется преобразовать так: орудия какого наибольшего калибра можно перевозить на шести лошадях при всех положениях, прибегая к помощи людей только в исключительных случаях? До 1885 года этот вопрос был разрешаем девяти- и четырехфунтовыми орудиями (калибр 4,2 дюйма и 3,42 дюйма). Небольшая разница в калибре между этими двумя орудиями прямо указывала, что ей особого основания нет и объясняется она просто подчинением рутине, ведшей свое начало еще от гладкостенной артиллерии и сферических ее снарядов, рутине, которой первый удар нанесен, как сказано, еще Наполео-

ном III, заменившим батарейную и легкую пушки одной — облегченной. Принятие дальнобойной артиллерии еще более выяснило, что рознить полевые калибры прицельного боя основания нет, так как четырехфунтовый, значительно превосходя девятифунтовый в подвижности и прицельном действии, весьма мало уступает последнему в разрывном.

В 1885 году в артиллерийском мире совершено большое дело: А. П. Энгельгард заставил мортиру стрелять с колес и маневрировать, как полевое орудие; притом мортиру не шуточную, а шестидюймовую, стреляющую двухпудовую бомбою. Возникла, таким образом, возможность сделать навесный огонь таким полевым средством, каким до сих пор был только прицельный. Возникла вместе с тем необходимость ввести новый калибр на разумном основании, так как навесный и прицельный огонь большой силы в одном полевом калибре совместить нельзя. Так что теперь явилось уже три калибра: шестидюймовый — навесный с возможностью стрелять прицельно; 3,42-дюймовый (4 фунт.) с сильным прицельным действием и 4,2-дюймовый (9 фунт.), уступающий первому в разрывном и второму в прицельном. Очевидно, последний рано или поздно должен исчезнуть из состава полевой артиллерии.

4

Второй вопрос: при каких условиях приходится на войне и в бою обращаться с оружием?

Одна из первостепенных данных, вплетающихся во всякое явление войны и боя, есть данная случайностей, выражаемая тем, что иногда нельзя предвидеть и за минуту того, что будет. Не совсем подходит к этой данной слово случайность, предполагающее, что она может быть, может и не быть; да другого более подходящего нет. Верно, что известная случайность может быть, может и не быть: но не возникает эта, возникает какая-либо другая. Тот же Наполеон отводит ей в явлениях военного порядка целую треть вероятности¹. Если эта капризная, вечно волнующаяся, вечно возникающая и исчезающая, но неизбежная данная имеет столь важное значение

¹ Представляя $\frac{2}{3}$ предусмотрению и считая это соотношение выгоднейшим.

В войне, она не может не иметь его и в вопросе об оружии. Действительно: раз я иду на такое дело, что вперед не могу определить, какой именно мне инструмент понадобится в данную минуту, а много забирать их с собою я не в состоянии, я должен устраивать так, чтобы этот инструмент мне был годен во всякую минуту.

Из этого следует, что *военное оружие должно быть по возможности универсальным*, т. е. что число калибров его должно быть доведено до минимума; что в полевой армии *разумны только представители самостоятельных видов огнестрельного поражения*, т. е. прицельного ручного, прицельного артиллерийского и навесного артиллерийского; что увеличение числа калибров или систем оружия за эту норму не имеет никакого рационального основания и всегда знаменует попятное движение в военной организации.

Ясно также и то, что те, которые усиливаются провести в состав полевой артиллерии какое бы то ни было орудие, увлекаясь в нем одной какой-либо детальной стороной на том основании, что *«могут быть случаи»*, когда оно принесет громадную пользу, просто не замечают, что это аргумент не в пользу, а против подобного орудия, как полевого, которое должно быть годно не на исключительные, а по возможности на все случаи.

Несколько лет тому назад неизвестный автор рассылал брошюру, написанную на вопрос: применимы ли картечницы в полевой войне? — Вопрос поставлен неверно, ибо на войне все применимо; и доказывать это то же, что ломиться в открытую дверь. Фридрих Великий в сражении, помнится, под Лейтеном, применил крепостные орудия, взятые из соседней крепости: следует ли из этого, что их можно вводить в нормальную организацию полевой армии? А неизвестный автор, задавшись вопросом: применимы ли картечницы в полевой войне, и усиленно доказав, что применимы, умозаключил, что их полезно ввести в полевую артиллерию, т. е. задался одним вопросом, а дал ответ на совершенно другой.

Но это не все: вопрос обращения с орудием предполагает не одно действие им, но еще содержание в исправности, снабжение огнестрельными припасами, наконец, обучение всему этому при коротких сроках службы. Ясно, что решить все эти задачи, не скажу — вполне хорошо, а хоть удовлетворительно, можно только при усло-

вию возможной простоты самих машин и при возможном однообразии калибров.

Итак, в установке калибров я признаю два предела: для ручного оружия 8-ми миллиметровый или около того; для артиллерийского — 6-ти и 3,42-дюймовые.

5

Посмотрим, что получается, если принять или промежуточные между этими калибры, или стоящие вне поставленных пределов. Что, например, будет, если принять, положим, двухдюймовый калибр?

Будет то, что приблизим до известной степени орудие к ружью, т. е. настильность и меткость будут больше, но разрушительное действие меньше. А возить его все равно будет нужно; следовательно, возможно полная утилизация издержек и усилий на содержание артиллерии достигнута не будет.

Что будет, если принять калибр более шестидюймового? Боевые свойства орудия действительно возрастут, особенно разрывное действие; но тяжесть системы не будет соответствовать подвижности на походе и при маневрировании, т. е. в части дела выиграем, а во всей его совокупности проиграем.

Обратимся к ружью. Увеличив его калибр, пойдем назад, а не вперед: ружье тяжелее, патронов меньше, настильности со всеми последствиями тоже меньше. Да и нелепо убивать человека большой пулей, когда для этого достаточно маленькой. Уменьшив калибр, положим, хоть на миллиметр¹, все манипуляции обращения с ружьем затрудним, особенно чистку; выделку удорожим; патрон удлиним; да вдобавок придется, может быть, отыскивать новый состав пороха. И все для чего же? Чтобы не получить ощутительного выигрыша ни в баллистических свойствах, ни в облегчении ружья. Последнее потому, что с уменьшением калибра ствол для прочности приходится относительно утолщать. Да и пуля, может быть, окажется настолько легкою по безусловному весу, что станет слишком чувствительна к боковым движениям воздуха.

¹ Уменьшение его на доли миллиметра, кроме затруднения факции, другого смысла не имеет.

Ну, а как же картечницы? — Если бы одного и того же человека нужно было убивать по нескольку раз, то это было бы чудесное оружие, так как при 600 выстрелах в минуту их приходится по десяти на одну секунду. На беду для поклонников столь быстрого выпуска пули человека довольно подстрелить один раз, и расстреливать его затем, в догонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет. Правда, есть теперь рассеивающие пули приспособления; но, опять на беду, еще не народилось таких музыкантов, которые были бы в состоянии переменить направление ствола десять раз в секунду. Да если бы и народились, то они могли бы таковое рассеивание делать только зря, т. е. пускать пули наудачу. Правда, в толпу годится; но какой же дурак теперь подставит толпу? Но «могут быть случаи»; — но картечницы могут оказаться именно не там, где будут эти случаи. Значит, как ни кинь — все выходит клин. А разгорячение ствола? — Да, но обливание? — Оно, конечно, обливание; на беду, колодца с собою возить нельзя; а иногда бывает так, что и сам рад бы напиться, да воды нет.

Всякая скорострелка, называть ли ее картечницей или вновь придуманным красивым словом пулемет (и избави нас от лукавого и метафоры!), все же есть не более, как автоматический стрелок, т. е. самостоятельного вида поражения не дает; и если дать на выбор человеку, не одержимому предубеждениями, застилающими здравый смысл, то, конечно, он предпочтет живого стрелка автоматическому, уж хоть бы за то одно, что у него лафета нет, лошадей ему не нужно, прикрытия тоже не нужно и можно его употребить на всякую солдатскую работу.

Сказанный автоматический стрелок по всем неудобствам уже есть артиллерийское орудие, а иного действия, кроме того, какое даст соответствующее количество живых стрелков, он дать не может, т. е. *он не представитель самостоятельного вида поражения*. В таком случае зачем он в полевой войне при нормальном составе противных отрядов, т. е. при наличности всех трех родов оружия? И что пулеметы бесполезны в полевой войне, доказательство налицо самое простое: предложите любому поклоннику пулемета такой вопрос: предполагая, что он полу-

чает отряд, отделяющийся временно для какого-нибудь специального назначения, и ему будет предоставлено на выбор взять батарею картечных или настоящую, что он возьмет? Всегда предпочтет настоящую.

Итак, остановившись на выгоднейших калибрах для поставленных выше целей, вводить сверх них какие-либо варианты по меньшей мере нерационально, и всегда отличает одностороннее увлечение какой-либо одной данной с забвением остальных.

7

Мотивы, по которым я считаю пулеметы нелепостью в полевой армии нормального состава, прямо указывают и на те случаи, где они не только полезны, но, пожалуй, даже и необходимы. Преимущество их над ружьями не в разнице поражения, а в том, что они занимают менее места и требуют для действия менее людей, чем ружья. Если принять, что стрелок выпускает без особого напряжения 10 пуль в минуту, получим, что один пулемет заменит 60 человек, которые занимают, даже неразомкнутые, около 60 шагов. Картечница занимает не более 5, 6 шагов и, вероятно, требует не более 4-х номеров прислуги. Следовательно, там, где вы стеснены местом или слабым личным составом, картечницы совершенно у места, т. е. в следующих случаях:

- 1) На фланках в крепостях;
 - 2) В степных экспедициях, где малый отряд может иметь дело с большой, но плохо вооруженной толпой, которая может задавить числом. Но в полевой европейской войне ни в месте, ни в людях недостатка, кажется, нечего бояться.
-

ОТВЕТ «СТАРОМУ ОФИЦЕРУ»

I

За письмо искренно благодарю и прошу продолжения. Все любящие дело, у коего стоят, должны делиться своими о нем мыслями. Один в поле не воин.

Рутинa — страшная сила; и успех в борьбе с нею дается не легко и не скоро. Это нужно знать и не отчаиваться, если не все так сразу идет, как нам бы хотелось. Это та же инерция, которая, пока ее не преодолешь, представляет препятствие, а как преодолел, тебе же помогает.

Взяв это в расчет, вы помиритесь с тем взглядом, что — он мол «К. В., а мы ваши прямые начальники; потому думайте так, как мы прикажем, делайте так, как мы велим; иначе мы вас в бараний рог согнем». И сами вы знаете, что этот рог только литературное украшение, вроде как бы гипербола, а не заправский.

Кто в практике рассчитывает на быстрый успех, когда приходится идти против вековых привычек, тот добровольно создает себе иллюзии, кончающиеся разочарованиями. Надо всем, вас интересующим, другие работали более 30 лет; и счастливы уже тем одним, что перестали считаться неблагонадежными, а ведь это было; и было не далее как в 67 году. Было еще раньше и то, что ученья с боевыми патронами казались иным служакам «разворот строевого обучения войск»; а теперь их везде делают.

Теперь, слава богу, все привыкли уже к тому, что считалось ересью, за которую чуть не со службы гнать следовало; — многие то же говорят, а некоторые даже и делают. Правда, что многие еще и шипят: но ведь прежде не шипели, а ревели с пеной у рта — разве это не успех?

Вина нового не наливают в меха старые; так оно было, есть, так всегда и будет и иначе быть не может; пока новых бурдюков нет, поневоле приходится наливать в старые, т. е. сознательно идти на то, что вино подпортится. Но по мере ремонта бурдюков, и вино будет становиться все лучше и лучше. Мы нетерпеливы и бессознательно расположены все мерять на один свой век, забывая, что существо, называемое армией, живет тысячелетия, а не 50, 60 лет, как мы...¹

Итак, не будем торопиться приходить в отчаяние, хотя бы только вспомнив разницу в складе военных понятий теперь и лет 30, 40 тому назад. Если подвинем дело хоть на точку вперед, и то хорошо; только бы постромок не сдавать, тогда подвинем на следующую точку, и еще, и еще. Вы видите, что я не мечтатель, и не воображаю, будто все обстоит благополучно; совершенно напротив: если оно хоть на иоту будет менее неблагополучно завтра, чем было вчера, то и слава богу. Довлеет дневи злоба его.

И в этом деле опасны и противны не староверы: они ведь тоже преданы делу, только по-своему; значит с ними столкнуться еще можно. Попадаются, к счастью редко, такие, которые, по гоголевскому выражению, смотрят на службу, ковыряя пальцем в носу: эти и опасны, и противны, и презрительны. «Да из-за чего вы горячитесь — внедряют обыкновенно подобные господа. — Сегодня тут, завтра в другом месте; не все ли равно?» Вот гангрена, которую нужно выжигать каленым железом; особенно, когда зараза идет от господ постарше.

Что касается до отношения между теорией и практикой, то не могу с вами согласиться. Начинаете вы об этом так, да кончаете не так. Вы говорите:

«Теория руководит, делает указания, практика исполняет. Совместить же работу мысли с исполнением, и паче с работой физической или вообще реальной — дело невозможное для одного лица. Разделение труда в этом случае — крайняя необходимость и чем оно дружнее, тем результаты блистательнее. Так везде, и в том числе в таком деле, как дело военное».

Тут очевидно недоразумение.

¹ Многоточие автора.

Во 1-х, думать и исполнять думаемое *совместно* и *современно*, конечно, одному человеку нельзя; но *сначала* обдумать, а *потом* исполнить обдуманное всегда возможно.

Во 2-х, позвольте: приходит мне в голову что-нибудь полезное новое; я его расскажу или напишу, объявлю, — и вы считаете, что другие с бумаги переведут в дело? — Если это так, то отчего же многое множество инструкций (и притом дельных и притом написанных здравым человеческим языком) остается мертвой буквой?

Теория, если сам теоретик не *покажет*, как ее перевести в жизнь, так навсегда теорией и остается. В практических вещах мало *знать*, нужно *уметь*; научиться же уметь можно только с *глаза*, т. е. с *показа*, а не с *рассказа*: ибо чего в нашем деле человек *не видел*, того он и *не умеет*. Да и не в нашем одном: отчего хирургия делает громадные шаги вперед, а терапия самые незаметные? Оттого, что хирургия *видит*, а терапия *не видит*. (Простите, что говорю вам вещи, давно пущенные в оборот; но мне кажется, что в этом случае вы их упустили из виду).

Если это так, то кто же может *показать*, кроме того, кто надумал или, если хотите, рассказал? Это долг и необходимость относительно не только чего-либо нового, но даже пришедшего в забвение старого. И в этом случае начальник, какой бы он ни был большой, должен отрицаться и становиться в роль самую скромную, вплоть до дядьки. Такова натура дела: «если я не так делаю, как нужно, так ты покажи мне сам, как нужно». Кажется, это логично; не посмеют так высказать, но подумают наверно. Легко рассказывать «дурно», «гадко»: нужно показать, как сделать, чтобы было хорошо.

Думаю, что в этом случае вы смешали две совершенно различные по существу вещи: вмешательство в работу подчиненных при установившейся системе образования (или какого-либо его отдела) и работу над чем-нибудь новым, исполнителям неизвестным, или над забытым ими старым.

В первом случае вмешательство положительно вредно, ибо извращает понятия и начальника, и подчиненного о принадлежащем каждому из них круге служебного воздействия и ответственности; такое вмешательство действительно нарушает принцип разумного разделения

труда; во втором оно неизбежно и необходимо, ибо иначе дело или не пойдет, или через пень колоду пойдет.

Необходимы также, если не показы, то подчеркивания в вещах совершенно известных, но до того сложных, что самый преданный делу человек, если не подстержится, рискует увлечься частью дела до забвения всех остальных его частей. Взять для примера хоть артиллерию: пушка, заряды, снаряды, кони, кузница, слесарня, шорня, швальня, школа, наводчики, ездовые... Кто прилежит к швальне, тот, конечно, скорее закройщик, чем артиллерист; кто к шорне — шорник; кто спрашивает у канонира, сколько нарезов на стебле трубки, тот смотрит на него, в лучшем случае, как на арсенального мастерового, а не как на канонира; кто посвящает много времени сомкнутому строю, даже вплоть до производства бригаде батальонных учений, тот...¹

Если начальник сочтет, по обстоятельствам, своим долгом освежить в сознаниях хоть бы то, например, что артиллерист существует для стрельбы и только для стрельбы; что хорошо стреляет только тот, кто и зимой не забывает упражняться: 1) в командовании; 2) в быстроте и тщательности заряжания; 3) в быстроте и точности наводки; если, говорю, начальник должен освежить и подчеркнуть все сие предпочтительно перед швальней и прочим, то на это нет другого средства, как заглянуть, что и как зимой делается, — т. е. задаться целью (теория) и усиленно привести ее в исполнение (практика). А одни писания и подтверждения в этом случае не много помогут. Не подумайте, пожалуйста, что я этим исключаю швальню и прочее до полного забвения, вовсе нет; говорю только, что не забывай швальни, но прежде и больше всего помни стрельбу и все то, без чего хорошей стрельбы быть не может. Примите и пр.

II

Не отвечал так долго потому, что некогда было. Говоря во втором письме, что я вас не понял в вопросе отношения между теорией и практикой, вы и правы, и неправы: что «теория вместе с практикой не может совместиться в одно лицо в таком *большом по количеству*

¹ Многозначие автора.

исполнителей деле, как дело военное», это верно в том общезвестном смысле, что полковой командир не может непосредственно обучить все 16 рот, начальник дивизии — все четыре полка и т. под. Но не менее верно и то, что когда речь идет о проводке в жизнь чего-либо нового или хотя бы только хорошо забытого старого, нужно, чтобы это взял на себя кто-нибудь *один* и взял во всю, т. е. и замыслом, и исполнением. Вы все напираете на то, что сложное дело требует много исполнителей, с чем никто и не спорил; но вы упускаете из виду то, что не святым же духом они узнают, что и в особенности *как* нужно делать. Должен же им это сказать и показать *кто-нибудь?*

Иного пути нет; этому свидетель — мирская история и во всех при том областях, как и чисто практических (вроде нашей), так и в нравственной¹. Отрицая возможность успеха этим путем, вы, сами того не замечая, отрицаете возможность вообще успеха в новом направлении; ибо иного пути нет; если вы его знаете — укажите. Но вы, конечно, не отрицаете возможности успеха; вы только находите, что не так скоро он приходит, как бы хотелось, в этом причина вашего пессимизма.

«Зачем не сразу приходит то, что нам кажется правильным?» А затем, что по свойствам человеческой природы оно и не может сразу притти. По этим свойствам убеждение в человеке есть факт не просто логический, но физиологический, ибо и сам человек есть не логическая машина только, а соединение духовно-материальное.

Основное свойство всех физиологических процессов² то, что данная времени играет в них громадную роль. Что бы вы ни делали, вы этого процесса, в ощутительных пределах, ни задержать, ни ускорить не можете, как не можете ускорить процесс развития ребенка до того, чтобы он, напр., родился через три-четыре месяца вместо девяти.

В силу этого свойства, в человеческих убеждениях ни

¹ Сначала провозглашается идея; провозвестник подтверждает ее обыкновенно собственной жизнью (показ); являются сторонники и противники; если идея жизненна, она обрастает людьми, т. е. число сторонников множится, число противников редет; если она не представляет особых задатков на жизнь, происходит обратное явление, т. е. она или совсем гложет, или соединяет около себя весьма ограниченное число adeptов и едва прозябает.

² Если убеждение есть факт не логический, а физиологический, то и вытеснение старого убеждения новым есть процесс не логический, а тоже физиологический.

старое сразу не умирает, ни новое сразу не нарождается зрелым, а зреет и укореняется исподволь. Это особый род духовной (если позволено так выразиться) растительности, подчиняющийся, однако, совершенно тем же законам, как и всякий физиологический процесс (растительный тож).

Одна логика, сама по себе, — вне времени; по логике выходит так, что дважды два всегда было и всегда будет четыре; и все это должны признавать, и болван тот, кто этого не понимает. По физиологии далеко не так: провозитесь, и не мало, с человеком, привыкшим, напр., думать, что дважды два пять, пока его не убедите в том, что это четыре, а не пять. Привычки и изъязы склада понятий дают себя не меньше знать, как и физические; человек, вывихнувший себе ногу, неминуемо будет ходить ковыляя, пока не изгладятся последствия вывиха (если еще изгладятся): то же с умственными и нравственными вывихами — ибо процесс физиологический, т. е. *еще раз требующий для своего совершения известного времени*; и тем большего, чем дело сложнее, люди тверже и убежденнее, задеваемые переменою интересы жгучее...¹

Итак, на первых порах, вы неминуемо должны встретить сопротивление, если только идете против рутины; и после сказанного вероятно согласитесь, что это совершенно законно, т. е. в натуре вещей. Даже такое сопротивление со стороны массового человека желательно, ибо свидетельствует об его устойчивости, которая ведь и для нового нужна: ибо кто слишком легко отстает от старого, тот ведь и с новым также легко распростится, если ветер подует с другой стороны...² Сразу и вполне отрешающиеся от старых убеждений люди так же редки, как гении. И самые характерные из них все же не свободны от измены, хотя и временной...³

Но вот лед проломан; начинают понемногу пристраиваться к новому; но как? А в меру индивидуальных особенностей каждого, т. е. так, как внушает каждому его смысл, характер, привычки; т. е. на первых порах выходит каша. Она и должна выйти... зерно, пока не забродит, не прорастет, а не прорастет, не принесет плода. Это значит, что укоренение чего-либо нового в жизни начи-

¹ Многоточие в тексте.

² То же.

³ То же.

нается брожением и иначе не может начинаться. Один поймет во всю, другой наполовину, третий вкривь и вкось, четвертый и совсем не поймет, а ему будет казаться, что именно он-то и понял; и всякий будет работать в меру своего понимания и требовать исполнения, как привык требовать, а не как по духу нового следует. Несколько примеров поясняют это лучше.

Лет двадцать тому назад, на первых порах практики в прикладном уставе¹ и в приемах развития внимания² один ротный командир, раздраженный тем, что солдат не так исполнил команду «*конница оттуда-то*», хватил его коленом между ног так, что рассек мошонку до крови; другой для испытания внимания додумался до такой команды: «*слушай на кра-вать*» (вместо «на-краул»); третий (уже не ротный командир, а много выше) прописал целую таблицу цифири, на сколько шагов нужно выбегать из разных колонн для принятия уступного расположения против конницы! Вы видите, как сказываются и дают себя знать старые привычки: все трое очевидно хотят перейти на новое, да требуют-то его по-старому. И что же? Не прошло двух-трех лет, как все это понемногу выправилось при помощи самых несильных воздействий (кроме, впрочем, первого случая, в котором шт.-кап. N несколько месяцев остался без роты), преимущественно путем разъяснений. Первому было указано, что находчивости кулаками и пинками не разовьешь; второму — что заменять команду в строю пустяками не годится и ничему такая замена не учит; что упражняться в подобных остротах значит баловать делом, а не делать его. Третьему — что в уступном расположении важны не шаги, а цель: выбегать нужно на столько, чтобы передние не мешали стрелять, а выдвинется ли часть из-за фланга какими-нибудь десятью шагами больше или меньше — ничего не значит; что, заботясь о том, чтобы выбегали постоянно на известное число шагов, мы подчиняем главное, т. е. цель, второстепенному, т. е. однообразию...³

¹ Решение элементарных задач в предположении противника на разных расстояниях и направлениях.

² При помощи ружейных приемов, поворотов и движений.

³ Конец статьи опущен.

ДИСЦИПЛИНА, СУБОРДИНАЦИЯ, ЧИНО-ПОЧИТАНИЕ

Ответ г. „Вольному“

Вы находите нежелательною большую путаницу понятий: дисциплина, субординация, чинопочитание; я тоже. Вы требуете от меня точного разграничения этих понятий: благодарю за доверие и постараюсь оправдать его, насколько могу, хотя заранее предвещаю, что вполне вас, вероятно, не удовлетворю; вы, конечно, и сами знаете, что нет ничего труднее, как делать определения. Одно понимать и особенно чувствовать смысл известного понятия; и совершенно другое выразить его словом так, чтобы оно стало осязательно... ну, скажем, для среднего человека. Оттого пишущая братия редко берется за определения: боится наврать. Но нужно же начать когда-нибудь и кому-нибудь; если навру, авось другие поправят, а дело выиграет.

Дисциплина (от *discere* — учиться; откуда *disciple* — ученик) по прямому смыслу значит учение, выучка, выдержка в известных навыках и понятиях.

Следовательно, в обширном смысле слова дисциплина обнимает всю совокупность нравственных, умственных и физических навыков человека, посвятившего себя, по воле или по неволе, известной специальности. Есть дисциплина духовенства, дисциплина школьная, судейская, адвокатская, журналистская, купеческая, фабричная, железнодорожная и пр. и пр. Одним словом, всякая корпорация, имеющая целью одно известное дело, неминуемо должна иметь свою дисциплину; без этого она немислима. Кроме того, французы обозначают выражением «научные дис-

циплины» совокупность знаний, составляющих систему известных наук.

Итак, всякое дело имеет свою дисциплину, с теми или другими оттенками, определяемыми его отличительными чертами: *род занятий определяет склад понятий и характер отношений.*

По этому определению воинская дисциплина есть совокупность всех нравственных, умственных и физических навыков, нужных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению.

Но в тесном смысле, получившем право гражданства в сознании большинства, понятие дисциплины относится преимущественно к нравственным навыкам — к тому, что в последнее время принято называть «воспитанием» офицера и солдата¹.

Так, «дисциплинированной» признают ту часть, все чины коей выдержаны в привычках повиновения, покорности, выносливости, быстрой и точной исполнительности, правдивости; воспитаны, одним словом, *в чувстве долга* (говорю в «чувстве» долга, а не в понимании долга, ибо понять сумеет и плут, пожалуй, еще лучше честного, но служаит в исполнении).

Это предполагает значе каждым чином своих обязанностей и внутреннее расположение исполнить их честно даже до смерти, во всех положениях, т. е. независимо от того, будет ли старший начальник налицо, или нет.

Такая часть может не выбивать умилительных процентов на стрельбе, не особенно быть ловкою в гимнастике, не особенно твердою в строю, т. е. в широком смысле может считаться не дисциплинирована; может быть она с ноги собьется, но с пути никогда. И в трудные минуты, конечно, будет предпочтена тем, которые и проценты выбивают, и ловко прыгают, и отлично циркулируют, но не так надежны, — благодаря тому, может быть, что посвящали себя помянутым искусствам до забвения тех внутренних навыков, которых нельзя ни в шеренгу поставить, ни прыгать заставить, ни доски ими пробивать, но без которых солдат — не солдат.

«Так, по-вашему, значит, нужно только чувство долга, а все прочее — вздор», возразит, вероятно, догадливый, но

¹ Есть и еще категория лиц, к счастью, с годами редеющая, для которой главный пункт дисциплины — отдавание чести на улицах. Такого взгляда на состав дисциплины я разбирать не стану.

неблагодарный читатель; нет, не то: и в мысли не имею отрицать «всего прочего», а только ставлю его на должное место. Ведь если я скажу, что в отряде без командира труднее обойтись, чем без подпоручика, то я этим вовсе не отрицаю значения подпоручика; то же и в разбираемом деле, где чувство долга — командир отряда, штык — полковник, пуля — капитан, поручик — строй, а гимнастика — даже не подпоручик, а разве унтер. Выходит, что я считаю все необходимым, но по чинам. Я хочу сказать только, что простой, грубый мужик, мотюгающий и к стати, и не к стати, не знающий никакой вежливости, не умеющий стрелять, но который скорее погибнет, чем оставит свой пост или не исполнит отданного ему приказа, конечно, более дисциплинирован, чем отличный стрелок, фронтовик, умница, но от которого отвернуться нельзя, чтобы он не слодырничал или не напакостил. Такой не только не дисциплинирован, но просто никуда не годится в нашем деле, невзирая на все свои таланты.

Вы, может быть, найдете, что эти сопоставления слишком резки: оправдание мое в том, что без них нельзя выяснить относительного значения данных, из коих складывается всякое сложное дело. Это то же приведение всякой данной по очереди к нулю, практикуемое при исследовании математических формул; благодаря ему и обнаруживается, когда получается результат положительный, когда мнимый, а когда и отрицательный... После сделанного разбора становится совершенно ясным, что солдат, дисциплинированный в объясненном смысле, и во всем остальном будет хорош, ибо будет иметь *внутреннее* расположение честно исполнять все, что ни будет приказано, как по службе, так и по обучению.

По уставу дисциплина определяется так:

«Воинская дисциплина состоит в строгом и точном исполнении правил, предписанных военными законами. Поэтому она обязывает точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, строго соблюдать чинопочитание, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания».

Все сказанное, думаю, не противоречит этому определению. Мы только развернули скобки этой формулы, по-

казали что нужно, дабы она могла считаться осуществленною в жизни война и воинской части.

Какими средствами дисциплина укореняется? Говорю «укореняется», а не прививается, так как наш простолюдин, за редкими исключениями, является дисциплинированным благодаря семейной дисциплине: остается, следовательно, только развить и специализировать ее в военном направлении.

Прежде думали, что она укореняется жестокими наказаниями, резким обращением; конечно, это была ошибка с современной точки зрения, но она объясняется исторически и степенью культуры того времени, когда у нас вводилась регулярная сила, и еще более тем, что, с установлением ее, к нам перенесены были целиком немецкие законы, писавшиеся для вербованного сброда. После крымской войны, и особенно благодаря введению нарезного оружия и эмансипации, сознали эту ошибку и открыли, что дисциплина укореняется гораздо действительнее, чем жестокими наказаниями, непрерывною настойчивостью в раз поставленных требованиях, справедливостью, строгой законностью, заботливостью о солдате, честным отношением к его довольствию. Поняли, что дисциплина дело обоюдное, что она не только дает старшему права, но и обязывает его, что она крепка только тогда, когда существует не только снизу вверх, но и сверху вниз. Простолюдин учится с примера; будьте сами рабом закона, и он станет таким же. Поняли, наконец, что офицер, унижающийся, например, до ручной расправы, когда она законом воспрещена, сам не дисциплинирован, показывая, что для него закон не писан, а писана только пословица: «Царь жалует, да царь не жалует».

Обращаясь к тому, в каком отношении к поддержанию дисциплины должны быть старшие начальники, ничего не могу сказать лучше того, что было сказано более 160 лет назад маршалом Саксонским:

«Если дисциплина не установлена мудро и не соблюдается с неколебимою твердостью, на войска нельзя положиться; они обращаются в подлую толпу, более опасную государству, чем даже неприятель».

Далее:

«Многие из генералов думают, что все сделали, когда приказали и приказывают много, ибо злоупотреблений открывают много. Принцип поведения ложный; поступая

таким образом, они никогда не восстановят дисциплины там, где она понижена или ослабела. Нужно писать мало приказов, но с великим вниманием следить за их исполнением и наказывать без различия чина и рода; не делать никакой разницы: иначе вас возненавидят...¹ Нужно, чтобы наказания были строги только для важных преступлений, но для остального, чем они будут мягче, тем скорее справитесь с беспорядками, ибо все будут содействовать их прекращению».

Суб-ординация совершенно точно переводится нашим словом: под-чинение. Но оно так обтрепалось, что потеряло внутреннюю суть своего смысла. Произошло это, вероятно, потому, что его составное «чин» получило слишком ограниченное значение. Сохранившиеся слова: «чинно», «духовный чин», «по чину», «благочиние», дают возможность восстановить его основной смысл. Это есть установленный порядок исполнения или отправления чего-либо; следовательно, воинское подчинение значит известная, упорядоченная постепенность в отношениях между степенями воинской иерархии. Она необходима для того, чтобы мысль старшего начальника могла проникать весь организм его отряда, не минуя ни одной части; и, обратно, чтобы впечатления, получаемые частями от неприятеля или от обстановки, доходили до старшего начальника, не минуя посредствующих органов.

Соблюдение этой постепенности предполагает в военном человеке соответственный внутренний или моральный навык; и, как таковой, он относится к дисциплине как часть к своему целому.

Особенное значение субординация приобретает там, где она труднее достижима, — именно на верхах армии. Можно до известной степени сказать, что для старших генералов, в их отношениях к начальнику, товарищам и подчиненным, почти вся дисциплина приводится, как увидим ниже, к субординации.

Подчинение требует не одного послушания, как некоторым кажется², но того, чтобы во всех служебных отношениях никто никого не перескакивал ни снизу вверх,

¹ Многоточие автора.

² Одно послушание не вбирает в себя всего смысла подчинения, так как всякий военный, даже солдат, должен знать не только кого и когда он должен слушать, но также кого и когда он не смеет слушать.

ни сверху вниз. Только такой постановкой субординации обуславливается здоровье всякой корпорации, а тем более воинской, как призванной достигать боевых целей смертельными средствами. Чем процесс достижения опаснее, тем единство мысли и воли, само собою разумеется, нужнее.

Это требует некоторого развития. Что человек ни творил бы, он всегда по своему образу и подобию творит, иногда сам того не подозревая. Прочный склад всякой организации неминуемо повторяет поэтому организацию нормального человека, основной признак которой тот, что она есть не цельный организм, а совокупность организмов, имеющих каждый свою самостоятельную жизнь и отправления, хотя и находящихся в неразрывной связи, под общею командою головы. В болезненных состояниях это и проявляется, когда, например, рука или нога делают судорожные движения, помимо ведома и команды мозга, идут иногда наперекор такой команде; или когда, наоборот, мозг посылает приказание в руку или ногу, а они не исполняют этого приказа, ибо нерв перерван или парализован.

Здравая воинская организация предполагает целую лестницу таких организмов, начиная с десятка¹, переходя к совокупности десятков — отделению; к совокупности отделений — взводу и так далее до армии, по ступеням, всякому известным. Что будет, если на какой-либо ступени проявится слишком большая самостоятельность? Будет болезненное явление, похожее на то, когда в человеческом организме рука или нога самопроизвольно дрыгают. Что произойдет, если на которой-либо из верхних ступеней забудут, что низшие ступени должны иметь свою относительную самостоятельность? Произойдет атрофия этих ступеней, затем анемия, а иногда и гангрена их. Нарушение субординации снизу отвечает первому случаю; нарушение ее сверху — второму.

Недонесение о случившемся — тоже есть нарушение субординации, обнаруживающее отсутствие в известной части нервной связи со всем организмом, равносильное тому, когда, например, ногу колят, жгут, а человек (т. е. его голова) этого и не подозревает. Этот случай нарушения субординации представляет, к сожалению, довольно

¹ Еще лучше со звена.

обыкновенное явление; он весьма редко имеет причину злонамеренность, а почти всегда ленивое недомыслие: «Вишь ты, как оно случилось; и знал, да не сказал. Беда!» Иногда даже непоправимая беда из-за того, что во-время не скажет или не пошлет каких-нибудь двух-трех слов по какому нерву следует.

Сказанного, полагаю, достаточно для обрисовки важной роли субординации и того, в чем, собственно, она заключается по существу. Это, можно сказать, нормальная деятельность нервной системы в воинском организме. И так как эта последняя слагается искусственно, то настояще великая необходимость прилагать все заботы к тому, дабы по возможности приблизить ее, по совершенству отправлений, к естественной нервной системе единичного здорового человека. Сделать это одно средство: подстергать в себе и в других поползновение к скачкам через установленные командные ступени и полагать таковым скачкам всевозможные препоны.

А скачки случались и жестокие; мы еще помним то время, когда в иных полках приказания отдавались командиром полка, помимо батальонных и ротных, прямо фельдфебелям. Не подозревали те командиры, какой великий грех брали на душу подобными ходами, подрывая значение посредствующих командных ступеней. Этим посягали они не только на самостоятельность и уважение, им должные, но снимали с них и ответственность за беспорядки, т. е. по просту говоря, дезорганизовали свои части...¹ И так как в жизни все бывает обоюдно, то неизбежно случалось при подобном порядке и обратное явление, т. е. что и фельдфебеля лезли прямо к таким полковым командирам, и весь офицерский состав обращался в украшение флангов и иных мест строя, где по уставу таковое украшение полагалось.

— После всего сказанного считаю себя в праве определить субординацию так: *субординация есть обязанность всякого воинского чина обращаться: снизу вверх с докладом, сверху вниз с приказанием, не иначе как в ступень командования, непосредственно за ним следующую вверх или вниз.*

И такой порядок есть необходимое условие здоровья воинского организма. Относительно офицерских ступеней

¹ Многогочие автора.

командования это, благодаря бога, начинает более и более сознаваться; но относительно солдатских далеко нельзя сказать того же; особенно отделения существуют зачастую только по форме. Слабость великая и болезнь серьезная: что толку в том, если дом с виду красив, да сложен из слабых кирпичей...¹ Стоит он, радуя взор, в смирную погоду; но налетит буря, и он сильно пострадает, если не рухнет...² Именно отделенные в отделения должны быть прочны, а этого не будет, пока не станут, наконец, разуметь отделенных за начальников, по соответствию с них требовать и по соответствию с ними обращаться. Ведь в бою и наблюдение за людьми, и приведение части в порядок возможны только начиная с мелких единиц. Особенно нужно это помнить при молодом составе, лишенном той сплоченности, которая прежде являлась сама собою, путем долголетней свички.

Могут ли быть законные исключения из поставленных норм субординации? Другими словами: может ли, для пользы службы, старший начальник отдать приказание не «по чину», или подчиненный донести тоже не «по чину»? Конечно, может; «по нужде и закону перемена бывает». Но подобные исключения должно и разуметь исключениями, а не обращать их в правило по нетерпению, суетливости или по другим соображениям еще менее оправдываемого свойства. Они обуславливаются главнейше временем, которого на войне никогда терять нельзя. Но чтобы нигде не произошло нервного перерыва, обойденные степени немедленно уведомляются о том, что, помимо их, приказано или донесено.³

* * *

Субординация на войне и в бою...⁴ страшное и трудное дело, — и тем больше, чем начальник выше. Нарушения ее на низших ступенях уже и тем не опасны, что за ними легче уследить и прибегнуть к немедленному, а, судя по вине, и к строгому воздействию. Не то на ступенях высших. Значительные отряды обыкновенно действуют вне непосредственного наблюдения главного начальника; и малодушное или уклончивое решение почти всегда

¹ Многозначие автора,

² То же.

³ То же.

можно оправдать имеющими вероятие благовидными доводами (краснословка, недомолвка, лживка, лукавка). Недаром даже Суворов в одном случае поставлен был в необходимость отдать такой приказ корпусному командиру: «Прошу немедленно исполнить или под военный суд». И это в конце его деятельности, т. е. в апогее авторитета и обаяния.

Причин этому много, и веских; не говоря уже о людях врожденной нерешительности и жидкости, есть, и довольно много, таких, которые полученное приказание исполняют честно; но взять что-либо на личную ответственность, на личный почин, — когда такого приказания нет, — боятся как огня. С годами, — а какой же начальник не в годах, за крайне редкими исключениями, — эта «осмотрительность» у большинства, конечно, растет; и тем более, чем большею боевою репутациею человек заручился ранее¹. Всем риковать, чтобы все выиграть или все разом погубить — на это способны немногие; к этому могут побудить или великое самоотвержение, или великое понимание...²

К этому нужно иметь в виду еще и особенность войны — возбуждать не только самые возвышенные, но и самые низменные страсти: расколыхавшаяся враждебность ко врагу иногда обращается и на своих. Бывали случаи, что часть, перебившая на перекрестке дорогу другой части, оставлялась этой последней в бою на жертву. Особенно разыгрываются зависть и ненависть. Нет успеха, мало-мальски выдающегося, который не возбуждал бы затаенной зависти не только в сверстниках, но иногда и в начальниках³. Бывают, конечно, исключения, вроде чистого сердцем покойного Ф. Ф. Радецкого; но они редки. Все это, конечно, мало способно расположить к субординации.

Субординации на войне и в бою не доставало старшим начальникам армий, совершивших самые великие

¹ Князь Витгенштейн, например, пришедший к шапочному разбору на Березину в 1812 году. Сталкиваться с Наполеоном, даже в эту роковую для него, эпоху, куда как не любили.

² Многоточие в тексте.

³ Замечание Наполеона на донесение адъютанта Даву о разбитии прусской армии под Ауэрштедтом: «Dites à votre marshal, qu'il a vu le double», т. е.: «Скажите вашему маршалу, что у него в глазах двойлось».

дела: армий Александра Македонского и Наполеона. Привычка подчиняться только им одним делала их подручных совершенно неспособными подчиняться кому-либо из товарищей. Известно, что со смертью Александра его армия разложилась в полной анархии. То же случилось бы, вероятно, и с армией Наполеона, если бы его судьба разыгралась иначе; все задатки для этого были налицо. Между маршалами таились и зависть и ненависть, которые вспыхивали каждый раз, как только армией командовал не сам Наполеон. Авторитет второстепенных королей¹ ставился ни во что; маршалы считали чуть не вопросом своего достоинства действовать наперекор друг другу и оставлять товарища на жертву; даже дивизионные начальники уклонялись от повиновения, если могли это сделать безнаказанно...²

Чинопочитание обязывает всех военнослужащих соблюдать *взаимно* внешние формы вежливости, установленные в данной армии. После оказанного о дисциплине и субординации всякий согласится, конечно, что это отдел второстепенный, которого ни с дисциплиной, ни с субординацией смешивать нельзя; и тем более нельзя ставить с ними на одну доску, как то некоторые, к сожалению, делают. Что это так, подтверждается, между прочим, большим разнообразием форм вежливости. Было время, когда солдаты снимали шапки и становились во фронт всем офицерам; теперь их не снимают, а прикладывают руку к голове всем; во фронт же становятся только генералам, и от этого дисциплина не пострадала, как боялись некоторые, когда это было установлено.

У «вольных» своя манера этих приемов, у белого духовенства своя, у монахов опять своя. У европейцев одно, у восточных — другое, у китайцев — третье. Одни снимают головные уборы, другие, наоборот, никогда их не снимают. Одним словом, всяк молодец на свой образец.

Если обратимся к дисциплине и субординации, то не увидим ничего подобного. Нормы той и другой вечны и неизменны во все века и у всех народов.

Из этого не следует, конечно, чтобы к соблюдению установленных приемов вежливости можно было отно-

¹ Иосиф, Людовик Жером, Мюрат.

² Многозначие автора.

ситься спустя рукава; но следует только, что за невольные прорухи по этому отделу не должно наказывать так, как за нарушение первых двух отделов; а это случилось со стороны тех, которые чинопочитание смешивали с дисциплиною. Средство обратить солдату в привычку приемы вежливости то же самое: не пропускать ни одного зевка без замечания и самому всегда отвечать на отдаваемую честь.

ОПЫТ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЧАСТЕЙ К БОЮ

ЧАСТЬ I

ПОДГОТОВКА РОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Воинские уставы и наставления, имеющие обязательную силу уставов, определяют ход образования солдата по каждому предмету отдельно; общей сводки этих предметов в одно целое, — в той связи, в какой приходится применять их в бою, — ни один устав не представляет и представить не может.

Подобная сводка не укладывается в рамку устава, ибо имеет целью совместное применение нескольких уставов к делу, в зависимости от времени, места, имеющихся средств.

Начальники частей приглашаются поэтому смотреть на предлежащий опыт не как на безусловно обязательный; исполнять его не столько по букве, сколько по духу, внося в это исполнение всю добрую волю и силу личного разума. Предмет стоит этого, ибо от более или менее дельного образования войск зависит судьба тысяч людей, победа или поражение, слава или позор.

В этом руководстве определены цели для достижения и сделаны некоторые указания на то, как их достигать. Но ни те, ни другие в полном объеме не могут иметь обязательного характера, ибо зависят от имеющихся средств, с изменением коих необходимо должна изменяться и степень, в какой руководство применить можно. Должно исполнить то, что можно; придется пропускать те отделы руководства, которых по средствам и обстоятельствам исполнить нельзя; но желательно, чтобы пропуски об-

условливались действительной, а не кажущейся только, невозможностью исполнения.

Само собою разумеется, что при сводке различных отделов образования в одно целое, *по возможности близкое к тому, что приходится делать в бою и на войне*, многое из того, что было полезно при изучении каждого отдела в частности, придется отбросить; на иное, напротив, обратить особенное внимание.

Успех образования зависит от того, каково *воспитание солдата*, т. е. в какой мере он проникнут сознанием долга исполнительности.

Если он веден так, что исполняет служебные приказания безусловно и беспрекословно, — независимо от того, смотрят ли на него или не смотрят, — обучение даст и быстрый, и хороший плод. Следовательно, воспитание прежде всего.

ВОСПИТАНИЕ

1. *Ротный командир отвечает за доброе направление не одних нижних, но в особенности офицеров своей роты:* на этом основании он обязан как проверять знание ими своего дела, так и принимать меры к устранению обнаруженного незнания. Не беда, если иной солдат не совсем твердо знает свое дело: он отвечает только за себя. Но беда, и большая, если офицер в своем не тверд, ибо это отражается не на нем одном, а и на его подчиненных.

Вредный обычай, удержавшийся от того времени, когда офицеры были для солдат «господа»; и в силу ко- его ротные командиры считают младших офицеров товарищами в том смысле, что их учить и поверять неловко, должен быть оставлен. Товарищество серьезное, достойное людей, себя уважающих, не только не исключает служебной требовательности, но предполагает ее: не товарищ тот, кто может и должен научить меня делу, от ко- его зависит моя будущность, — и не делает этого из-за ложно понятой деликатности. Итак еще раз: товарищество не исключает служебной требовательности, но предполагает ее. Но панибратству она действительно противна, — так же, как само оно службе противно.

2. Имея дело с человеком, нужно прежде всего помнить, что у него в бою ноги более или менее неустра- шимо ходят, руки более или менее толково работают в зависимости не от одной их выучки, но гораздо более

от того, как у него бьется сердце, как думает голова. Почему прежде всего нужно иметь их в виду и при обучении. То время, когда думали, будто через руки и ноги можно действовать на сердце и голову, прошло безвозвратно и прошло потому, что так думать было ошибочно, что и доказано рядом войн. Правда, и до сих еще пор остались люди, думающие таким образом, как всегда это бывает при переходе от старого взгляда к новому; но они мало-помалу отступают от своих убеждений под давлением нарезного оружия, которое, день за днем, шаг за шагом, заставляет их принимать многое такое, что прежде считалось бы нетерпимую ересью.

Бесспорно, что через ноги и руки попадает также кое-что в сердце и в голову; но это кое-что, во-первых, и недостаточно для человека, призванного жертвовать жизнью за родину; во-вторых, давало иногда последствия неожиданные и прямо противоположные тем, которые желательны. И потому ротный командир сделает большую ошибку, если вообразит, будто, выучив свою роту работе штыком, стрельбе, строю, применению к местности, он сделает все, что нужно, так как остальное приложится. Можно быть отличным фехтовальщиком, стрелком, и в то же время не иметь никакого понятия о долге воинском. Ищите, напротив, прежде всего укоренения долга воинского, т. е. честного развития головы, твердой постановки сердца, и остальное приложится.

«Так, по вашему, не нужно учить ни колоть, ни стрелять, ни ходить, а только внедрять чувства долга», вероятно, возразят некоторые. Нет, вовсе не то; а только то, что человека, утвержденного в чувстве долга и честно развитого, по меньшей мере вдесятеро легче выучить всему этому, чем лишнего, отчасти или вполне, этих качеств.

3. Наше дело стало теперь весьма сложно; следовательно, успех в нем возможен только при непременном соблюдении следующих условий: 1) соответственного распределения работы; 2) выбора такого метода занятий, при котором получается возможно быстрый и прочный результат.

Первое условие требует: 1) рационально-соображенного плана занятий, так как без этого можно что-нибудь или упустить, или же назначить на каждый отдел время, не соответствующее его значению; 2) чтобы ротный командир отдал себе совершенно ясный отчет в том, что

из обучения он должен взять на себя лично и что возложить на офицеров, унтер-офицеров и учителей.

Первое уже сделано в соответствующем наставлении; но на втором считаю не бесполезным остановиться.

4. Как известно, подготовка войск представляет два крупных отдела: воспитание и образование. Первое обнимает уставы службы внутренней и гарнизонной; второе — строевые уставы, наставления: для стрельбы, работы штыком, маневрирования и т. под. *Посвящение новобранцев в первый отдел ротный командир должен взять на себя*, но не вполне, так как в этом отделе есть в свою очередь две стороны: собственно обязанности и обряд. Понимается само собою, что *ротный командир должен брать на себя только внедрение обязанностей*. Преподавание же обряда может исполнить всякий сколько-нибудь толковый учитель; а за ротным командиром по этому отделу, как и по всем прочим, останется проверка сделанного его помощниками.

5. Метод занятий выражается в двух словах: показ предпочитать рассказу при малейшей к тому возможности; даже все то, в чем без предварительных изустных разъяснений обойтись нельзя, следует при малейшей возможности немедленно утверждать и пояснять показом. Лучше раз показать, чем двадцать раз рассказать.

6. Кроме того, имея дело с простолюдином, при изустном обучении необходимо: 1) давать сразу одну мысль, много две, и тотчас же требовать повторения: лекции ему совершенно не годятся; 2) избегать книжных слов; 3) не давать ни одного сведения, которое не было бы ему безусловно необходимо; 4) строго разбирать, что преподавать путем рассказа и что путем показа, предпочитая при малейшей возможности последний первому; 5) различать, степенью настойчивости в преподавании, обязанности от обряда.

7. Успеху дела помогает не одно постоянство, но и энергия требований. Некоторые смешивают эту последнюю с личным раздражением, иногда даже озлоблением, что вовсе не одно и то же. Служебные требования вовсе не вызывают такого раздражения, как необходимого условия; — напротив. Кто выходит из себя, тот служит своей личной потребности раздражаться, а не интересам службы, ибо располагает подчиненных более заботиться об угодливости ему, нежели о служебной исполнитель-

ности. Не говорю уже о людях, которые раздражаются до ручной расправы: это уж значит позволять себе то, что прямо воспрещено законом, следовательно, подрыв в корне уважения, закону подобающего. При настоящем составе армии нашей, этим путем можно легче запугать человека, т. е. сделать мало годным (иногда и совсем негодным) для службы, нежели ей выучить. Если всякое ваше приказание или замечание делается кратко, точно, не мямля, внушительным голосом, т. е. так, чтобы всякий мог понять, чего вы хотите, и восчувствовать, что это не шутка — ни в ругани, ни в рукоприкладстве надобности не будет. Правда, наше дело такое (особенно строй), что и сам не спохватишься, как осатанеешь; но нужно помнить, что это не служба, а служение собственной похоти, и стараться вырабатывать в себе не способность легко раздражаться, а легко воздерживаться от раздражения.

8. Новобранец приходит с готовым расположением повиноваться, — или, что то же, исполнять приказания — ибо до поступления на службу, с детства привык повиноваться старшим в семье, а с возмужалостью — представителям власти, имеющим непосредственное соприкосновение с поселянином; нужно, следовательно, только специализировать эту способность в направлении, вызываемом потребностями и характером воинской службы.

9. Исполнительность, требуемая воинскою службою, характеризуется *точностью и быстротою* исполнения приказаний, на подкладке *безграничного самоотвержения* и при условии *полной деятельности ума*. Все эти условия вызываются тем, что на войне успех зависит от единодушного исполнения *массами* мысли и воли *одного*. Этот основной характер нашей службы прямо показывает, что если не будет точности и быстроты, не будет и единодушия действий; если не будет самоотвержения, не будет готовности страдать и умирать, без чего достижение военных целей немыслимо; если не будет деятельности ума, не будет ни способности понять мысль начальника, ни находчивости в приискании таких мер, которые вели бы к наилучшему ее осуществлению. Мы не должны забывать, что наше назначение — губить и гибнуть, и не должны закрывать на это глаза. Воевать так, чтобы губить и не гибнуть, — нельзя; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, — глупо. Значит, нужно уметь губить, но и

самому быть готову погибнуть. Человек, обрекший себя на гибель, страшен; его не остановишь на пути к цели, если шальная пуля не скосит. Но ведь можно убить человека, а роту не убьешь. Итак, солдата нужно наладить так, чтобы он не боялся погибнуть, но, вместе с тем, чтобы эта гибель доставалась врагу дорогой ценою.

Для этого нужно самоотвержение, но нужен и ум, и — как подспорье сему последнему — нужно возможно более толковое и основательное обучение офицера и солдата их специальности. Самоотвержение укрепляется в военном человеке преимущественно воспитанием; его ум в военном направлении развивается преимущественно образованием: хотя само собою разумеется, что, при рациональном направлении того и другого, они служат подспорьем друг другу, так как человека, воспитанного в честной исполнительности, легче учить исполнению чего бы то ни было, следовательно, и штыковой работе, стрельбе, маневрированию; и, наоборот, заставляя его исполнять требуемое этими отделами, мы утверждаем его в исполнительности. *Утверждаем тем более, чем наши требования будут целесообразнее*, т. е. будут таковы, что из всякого требования будет само собою видно, к чему оно клонит. Пример: 1) учу прицеливаться и раз, и два, и двадцать раз к ряду; 2) делаю один и тот же ружейный прием те же двадцать раз к ряду; в первом случае самый глупый солдат поймет, как во втором самый умный не поймет, к чему это нужно. Последнее можно сделать разве в виде наказания; но тогда и делать так, чтобы догадались, что это наказание.

10. Не нужно думать, чтобы солдат воспитывался быстрее и лучше при помощи строгости взысканий, — во все нет: его воспитывает преимущественно одинаковость, неуклонность и постоянство раз поставленных требований. Девизом ротного командира, да и всякого начальника, должно быть: «Не рви, а тяни». Если солдат знает, что сказанное раз должно быть исполняемо всегда так, как оно было сказано, и если не будет исполнено, то неминуемо повлечет за собою взыскание, хотя бы и малое; если он личным опытом убедится, что за проступки известного рода всегда налагаются и однородные взыскания, а не то, что за одно и то же один раз разнесли, а в другой чуть не по головке погладили; если, говорю, все это он будет видеть и делать и сегодня, и завтра, и

в течение всей службы, то сам собою втянется в исполнительность, так как она обратится ему в привычку — вторую натуру тож.

ВНУТРЕННЯЯ СЛУЖБА

11. Внутренняя служба обнимает весь быт солдата, определяет его и обязанности, и права; те и другие он должен знать твердо, дабы видел, что закон, обязывая его, в то же время и обеспечивает от неправых посягательств. Но, не забывая прав, все же при обучении нужно преимущественно налегать на обязанности. Основания внутренней службы: 1) исполняй, что начальник прикажет; 2) без разрешения не отлучайся; 3) если что с тобою случится, докладывай по команде; 4) держи в порядке оружие, чисто тело, опрятно одежду. Солдат, утвержденный в этих четырех пунктах, будет надежен. И потому их никогда не следует упускать из вида, увлекаясь подробностями. Затем, так как у человека не одна душа, а есть и тело, и у всякого человеческого тела есть своя мысль (душа) и свой обряд (тело), этот обряд в службе внутренней выражается правилами наружного чинопочитания. Отдавая честь старшему, мы этим выражаем свое подчинение ему и исполняем долг вежливости, требуемый всяким вообще, а не одним воинским общежитием. Но чинопочитание — дело обоюдное, и не хорошо делают те офицеры, которые не отвечают на отдаваемую им нижними чинами честь, ибо тем показывают, что они менее благовоспитаны, чем солдаты, да вдобавок подают этим последним дурной пример неисполнения предписаний устава: нельзя ни привить, ни утвердить исполнительность, когда сам таковою не отличаешься.

12. Утверждая солдата в исполнительности, необходимо постоянно думать и о том, чтобы привить ему инстинктивное чувство относительной важности требований. Дело в том, что в практике иногда требования сталкиваются: и так как двух вещей разом исполнить нельзя, то и бывает в подобных случаях, что самый лучший солдат, приученный считать все одинаково важным, исполнит несущественное и упустит важнейшее. Пример: идет начальник; на него бросается злоумышленник, а солдат вытягивается и торчит, отдавая установленную честь, вместо того, чтобы броситься на злоумышленника и обещать начальнику.

Утвердить солдата в этом чувстве относительной важности требований можно, во-первых, *соразмерностью взысканий*, ибо, наказывая его за мелочные прорухи так же строго, как и за важные упущения, мы оставляем в нем впечатление, будто и то и другое *одинаково важно*; во-вторых, толкованиями, подкрепляя их примерами, разумно соображенными. Простой человек отвлеченных указаний не понимает, или плохо их понимает, а притчу всякий поймет и задержит. Еще пример: офицер идет по улице, заболел, упал; идет один солдат: уткнул руку в край головного убора и промаршировал мимо, провожая начальника глазами. Идет другой солдат, и, не прикладываясь даже, бросился к офицеру, помог ему встать и отвел или даже отнес его домой. Который из них настоящий солдат? Еще пример: стряслась большая беда: помощь нужно быстро, не теряя ни минуты. Ударили тревогу: один выскочил как был, захвативши только ружье, патроны, и во мгновение был где нужно; другой хлопотал о том, чтобы выйти в «полном порядке» и, благодаря этому, опоздал. Кто из них сослужил настоящую службу? Недаром Петр Великий в одном из своих бессмертных приказов говорит, что в «уставе порядка писаны, а время и случаев нет» и что поэтому нужно «творить¹ с рассуждением». Так и солдат (а тем более офицер) должен знать не только устав, но еще «время и случаи».

Кто может дать новобранцу подобную нравственную выправку? Сам ротный командир, и только он один, ибо если он служил в настоящую, то ко времени командования ротой у него будет не только устав, но будут также «время и случаи»; явится также и искусство оттенить важное так, что и менее важное тоже будет исполняться точно. У младшего офицера, может быть, устав и есть, а «время и случаев» нет; да притом редкий из них умеет и говорить с простолюдином! Значит, прежде чем учить других, его самого поучить необходимо *тому же ротному командиру*.

Нельзя возлагать это важное дело и на унтер-офицеров, ибо при настоящих сроках службы дай бог их самих наладить хоть исполнить и следить за исполнением, а не то, чтобы учить других. Конечно, могут быть исключения: но мы говорим не об исключениях.

¹ Делать, исполнять.

Ротный командир, преданный своему делу, должен брать на себя посвящение новобранцев в существенные отделы службы внутренней еще и потому, что, только пропуская таким образом через свои руки последовательные контингенты, он будет знать своих людей по нравственным и умственным качествам, да и они его знать будут: условие первостепенной важности, при коем рота только и может из кучи людей обратиться в сплоченный организм, которого голова — тот же командир.

13. При таком распределении занятий на младших офицеров, унтер-офицеров и учителей ляжет: утверждение старослужащих в знании обязанностей; подготовительные занятия с ними и с новобранцами по строю, работе штыком, стрельбе, по обучению новобранцев правилам наружного чиновочитания и всякого другого обряда. А за ротным останется поверка всего и сводка по тем отделам, где она требуется.

КАРАУЛЬНАЯ СЛУЖБА

14. Караульная служба есть первая ступень к посвящению солдат в службу боевую и, как такая, имеет громадное значение. Стоя на часах, он, простой солдат, охраняет предметы и интересы первостепенной важности и потому облекается страшным правом жизни и смерти над такими же, как и он, людьми и применяет это право по *личному* обсуждению обстоятельств, без малейшего указания или руководства с чьей-либо стороны. Не во-время убил — идет под суд; во-время не убил — тоже идет под суд. Стоя на часах, солдат обязывается со-блюдности сдачу даже до смерти; не смеет слушать приказания тех, кому в обыкновенное время обязан безусловным повиновением; должен бороться с утомлением по сознанию долга, почти не поддерживаемый в этом наблюдением со стороны; не может оставить поста, даже когда грозит неминуемая гибель, пока разводящий не снимет; должен противостоять всевозможным соблазнам. Одним словом, караульная служба есть первая действительная служба солдата в мирное время: всё остальное есть не более, как подготовка к ней.

Караульная служба требует, как необходимого условия, характера и толка в солдате и, в свою очередь, способствует их выработке: нужно иметь верно поставлен-

ную¹ голову и честное сердце, чтобы выходить непостыдно из положений, в которых приходится выбирать между двумя противоположными решениями (убить, не убить; послушать, не послушать).

И без объяснения понятно, что, кроме ротного командира, человека ответственного и богатого служебным опытом, никто не может положить основания в новобранце столь трудному и щекотливому делу.

15. Как же нужно учить этому большому делу, дабы усвоение его было прочно и получалось быстро? Начинать приходится, конечно, с книжки: но *что и как?* Взять устав о службе в гарнизоне, да и начать с первой страницы? Некоторые так и делают. Положим, не найдется таких, которые начинали бы с «Начальника гарнизона»; но с того, что «караулы бывают постоянные и временные, офицерские, унтер-офицерские и ефрейторские», — найдется и не мало. *Все это новобранцу, и даже старому солдату, учить совершенно бесполезно, ибо узнается из самой практики, попутно, и не имеет ни малейшего отношения к важнейшему и единственно нужному для солдата, т. е. к обязанностям часового.*

Раз навсегда нужно помнить, что обучение солдата должно быть строго ограничиваемо тем, без чего он, безусловно, обойтись не может. Кто переходит за эту норму, тот всегда рискует добиться того, что солдат какие-нибудь пустяки задолбит, а существенное упустит.

В обучении, особенно первоначальном, особенно при коротком сроке службы, *все бесполезное — вредно*, ибо может затемнить в сознании то, что действительно необходимо. Приступая к обучению обязанностям караульной службы, обучающий должен быть озабочен не тем, что нужно сказать, но, напротив, тем, о чем нужно умолчать.

16. И потому, собираясь учить, нужно прежде всего самому отдать себе отчет в том: 1) какие параграфы устанавливают обязанности, какие обряд; 2) какие параграфы кому именно знать нужно. Разумеется, офицер и фельдфебель должны знать все параграфы; но между ними есть такие, которые нужно знать унтер-офицеру, а разводящему и солдату не нужно; нужно знать разво-

¹ Не в смысле одной стойки.

дящему, а солдату не нужно; наконец, есть такие, которые нужно знать солдату и, разумеется, всем, кто поставлен над солдатом.

Отдав себе в этом отчет, при обучении новобранцев строго ограничиваться на первых порах только солдатскими параграфами, т. е. теми, которые определяют обязанности часового, и употребить все усилия на полное утверждение в оных *всех без исключения новобранцев*. В этом деле не должно быть ни умных, ни глупых, ибо может случиться, что в тяжелую минуту глупый, т. е. не знающий, попав ненароком на важный пост, может наделать больших бед, если не будет налажен как следует. А наладить можно всякого, если с толком приняться за дело.

17. Чтобы этого достигнуть, нужно прибегнуть к тому же показу, не полагаясь на один рассказ. Только в применении к караульной службе показ вернее назвать *искушением*.

Дело вот в чем: как бы новобранец ни хорошо рассказывал, что, стоя на часах, он никому не должен отдавать оружия; никого не слушать, кроме того, кто его на часы поставил, караульного начальника и караульного унтер-офицера; не должен принимать ни подарков, ни под сдачу чего-либо и проч. и проч., — не успокаивайтесь на том, будто он знает дело; он знает только слова, и узнает дело только тогда, если вы его поставите в положение, побуждающее забыть которую-либо из обязанностей, и он сумеет противостоять искусу...¹

Таким путем, действительно, можно утвердить в знании обязанностей — говорю по опыту. Простолудин с теории учится плохо и медленно, а с примера, со «случая», усваивает твердо и скоро.

Весь обряд караульной службы проходят учителя, и *исключительно показом*; ни при обучении, ни при проверке знания изустных ответов по этому отделу не требовать, ибо обряд нужно уметь исполнять, а не уметь его пересказать изустно. И потому изустный пересказ обряда — бесплодная трата времени, которое пригодится на что-нибудь действительно необходимое.

¹ Примеры опущены.

При проверке офицеров ротный командир должен обращать особенное внимание на *точность и определенность* знания караульных обязанностей, не позволяя отделяться общими фразами. Какого рода приказания обязательны для караульного начальника: а) по комендантской лестнице, б) по строевой лестнице? С какой минуты караулы переходят в ведение коменданта? Почему при отправлении караульной службы (вне своей части) необходима особая лестница командиров? В каких случаях должно прибегать к употреблению оружия? — На все эти и им подобные вопросы всякий офицер должен быть всегда готов дать вполне определенный ответ.

ОДИНОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПЕРЕХОД К ОБУЧЕНИЮ ЧАСТЕЙ

18. Обучение употреблению оружия должно начинать с подготовительных упражнений к стрельбе и с работы штыком, а не с ружейных приемов и т. п. Невзирая на то, что эта последовательность обучения установлена уже около 25 лет тому назад, многие и до сих пор начинают с приемов.

19. **Гимнастика.** Для развития выносливости и ловкости, применительных к военным целям, необходимо, при занятиях гимнастикой в пехоте, налегать на следующие упражнения: прыганье в ширину, в глубину, через барьер; ходьбу по брусу, взбегание на крутые покатости и сбеганье с них; быстрый подъем и спуск по высоким и круто поставленным лестницам. Лучший гимнастический городок для перечисленных упражнений — земляное укрепление сильной профили, усиленное засеками и волчьими ямами перед фронтом, палисадной стенкой на открытом пути, палисадом во рву. Рота, которая влезет поодиночке в такое укрепление, готова для преодоления всех препятствий, какие ей может представить самый сильный местный предмет. Останется только ее свести, т. е. показать ей атаку того же укрепления дружной массой. При этом сами собою выработаются сноровки подсаживанья, перепрыгиванья и пр.; а нижние чины наглядно ознакомятся с сооружениями полевой и даже

временной фортификации. Укрепления, которые придется брать на деле, будут почти всегда гораздо слабее предлагаемого для гимнастического городка.

В частях, расположенных в казармах; в городах, имеющих старые стены; по близости долговременных сооружений, — к сказанному упражнению должно присоединить штурм оных.

Необходимое дополнение курса военной гимнастики составляют частые походные движения с полной поклажей. Та пехота хорошо ходит, которая, без особенных потерь отсталыми, может проходить по 30 верст несколько суток сряду. Но чтобы в это втянуть людей, необходимо соблюсти самую строгую постепенность в увеличении ноши и продолжительности движений. Следует готовить с весны своих людей так, чтобы в лагерное время водить их на все занятия в ранцах с полной поклажей.

20. Фехтование. Для развития умения употреблять в бою штык, должно:

При *одностороннем фехтовании* обратить особенное внимание на силу и меткость ударов. Для этого следует налегать не столько на доведение до совершенства выпадов, переводов и т. под., сколько на нанесение сильных ударов в точку, намеченную на чучеле. Чучела можно делать из соломы, шерсти и т. под. Удары наносить с разбега, отнюдь не замедляя движения в момент удара. Только этим путем выработается привычка отдергиванья штыка после удара.

Для практики в меткости полезно также нанесение ударов в качающиеся цели.

При *двухстороннем фехтовании* иметь преимущественно в виду *развитие в бойцах задора и раздражения до возможной степени* и потому не особенно сидеть на педантическом исполнении правила: «не наноси удара, не отпарировав». Это правило хорошо для людей спокойных по натуре и обладающих таким искусством в фехтовании, какое недостижимо при обучении масс. Из людей же обыкновенных бьют в бою только те, которые не приучены очень думать о собственной защите. При нанесении удара крепко держать ружье обеими руками, а не выпускать из левой руки, посылая вперед одной правой.

Вместе с тем людям должно быть объяснено, что приемы двухстороннего фехтования уместны только

в бою один на один, но не при столкновении масс: в этом последнем случае — прямой удар штыком (держа ружье *обеими* руками), но только от сердца. И потому полезно показать это небольшими сомкнутыми шеренгами на чучелах.

При упражнении требовать одного — быстрого бега с дистанции, «ура» и затем удара штыком по шейку. Для этого приема обучения никаких определенных методических правил не предписывать; установление их показало бы только непонимание сущности дела. *Но на быстрое отдергивание штыка после удара должно обращать при этом упражнении особенное внимание.*

21. Замечания насчет различных видов стрельбы и употребления их. С принятием скорострельных ружей никто более не должен сомневаться в том, что нужно стрелять «редко да метко». — На этом основании, при мирных занятиях должно по возможности ограничивать все такие упражнения, которые способствуют развитию в солдате привычек небрежного прицеливания, торопливого выстрела, наконец, убеждения, будто сам он может распоряжаться своим огнем не только в рассыпном, но даже, иногда, и в сомкнутом строю. Поэтому следует: а) избегать холостой стрельбы, как содействующей приучению солдата к суете, небрежности прицеливания¹; б) отдать огонь в руки начальников не только в сомкнутом, но отчасти даже и в рассыпном строю.

В сомкнутом — безусловно, — т. е. *предоставив начальнику во всех случаях выбор не только цели, но и мгновения для выстрела.* Солдаты всем ходом образования должны быть воспитаны в том убеждении, что только трусы торопятся стрелять, а порядочный солдат всегда ждет команды; что выстрелить из сомкнутого строя без команды — такое же преступление, как всякое ослушание старшего в строю. В рассыпном строю начальники² не всегда определяют мгновение для выстрела; *но должны*

¹ Холостая стрельба может быть употреблена с пользою только: 1) для приучения новобранцев к звуку выстрела; 2) при сквозных атаках; 3) при двухсторонних маневрах — для обозначения позиции, занимаемой обороняющимся.

² Под «начальниками» разумеются в цепи офицеры, командующие частями, и нижние чины, командующие отделениями или взводами.

руководить стрелков в выборе целей¹, должны приказывать прекращать огонь, если ожидаемая от него польза не соответствует вероятной трате патронов.

22. Предлагаются для управления огнем следующие указания:

Патроны беречь. Из сомкнутого строя всегда стрелять залпами, а из рассыпного преимущественно; в особенности на расстояния, превышающие 800 шагов, залпы предпочтительнее одиночной стрельбы: огонь в руках, дым не мешает целить; возможно следить за местом падения пуль. Стрелять спокойно, каждый раз по определенной цели, и все делать как можно аккуратнее. Быстрота стрельбы, получаемая насчет тщательного прицеливания и плавного спуска ударника, дает большое число выпускаемых, но малое попадающих пуль.

Отделенные начальники, вместо того, чтобы следить за своими людьми, чтобы правильно ставили прицелы, порядком стреляли, исполняли все команды и приказания, — теперь зачастую бестолково мечутся, шумят, ничего не видя. Надо приучать их делать свое дело с своего же места, спокойно, толково, без крика².

Первые выстрелы производят на неприятеля самое сильное впечатление: нужно поэтому, чтобы они были метки; ибо неметкие ободряют его, показывая, что наш огонь не много стоит.

23. Вот приблизительные данные для размеров целей, по которым, сообразно различным дистанциям, стоит открывать одиночную стрельбу:

От 800 шагов и далее — в массы.

От 800 до 400 шагов — в кучки от 2-х до 4-х человек.

С 400 и ближе шагов — в одиночных людей, даже лежащих.

¹ До сближения на расстояние постоянного прицела — всегда, а по сближении на эти последние — по возможности.

² Офицер никогда почти не может следить непосредственно за направлением и толковым употреблением выстрелов в цепи; он должен заботиться только об одном: чтобы при мирной практике приготовить командующих нижних чинов к исполнению этой важной обязанности, и чтобы в бою указать им цели, на которые огонь должен быть предпочтительно направлен. Для практики в этом нижних чинов должно и при стрельбе в мирное время приказывать от времени до времени направлять огонь не на все мишени равномерно (если их несколько), а на которую-нибудь одну или две.

Средство не позволить в бою стрелять ранее того, как начальник желает, очень просто: стоит только ему самому оставаться перед фронтом до того мгновения, в которое он решает начать стрельбу, и уходить за строй только для команды.

При всякого рода стрельбах целить всегда под цель и на приучение к этому людей обратить особенное внимание; рикошет лучше перелета.

В бою предостерегаем: а) от стрельбы залпами на разные прицелы, ибо разнообразие падений получается и без того; б) от стрельбы определенным числом патронов и учащенной, так как то и другое легко переходит в трудно останавливаемую трескотню...²

ОБУЧЕНИЕ РОТЫ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

24. Толковая подготовка роты для боя составляет основу всего военного образования пехоты. Если роты хороши, батальоны будут хороши. Затем, в отряде из совокупности батальонов, каждый батальон для выручки своих товарищей ничего другого не делает, кроме того, что должна уметь делать рота относительно своих товарищей по батальону.

¹ Хотя прицел и устривают на ручном оружии так, что, прицеливаясь в пояс, на расстоянии до 800 шагов можно попасть в человека; но замечено, что в бою, при стрельбе с близких расстояний, большинство пуль летит через голову. От чего бы это ни происходило, от того ли, что при прицеливании ружье бросается сверху вниз и потому не доводится до горизонтальной линии вследствие потери хладнокровия, или от чего другого — но опытные боевые люди советуют, отбросив в сторону тонкости прицеливания, при стрельбе на близкие расстояния постоянно целить в ноги, дабы руки взяли привычку давать ружью один постоянный уклон. При этом пули, ударившие в землю перед неприятельским фронтом, вследствие большого уклона ружья, могут еще попасть с рикошета; между тем как перелетевшие через строй уже никуда не попадут; или же если по случаю и попадут, то не туда, куда нам нужно.

Прием показа прицеливаться в ноги: поставить полуроту против полуроты шагах в 100—200 и целить. Можно также, став на то же расстояние от какой-либо постройки, приказывать целить в нижнюю линию фундамента и т. п.

² Примечания не приводятся.

25. Объем обучения роты определяется тем, что всякий бой представляет два периода: огнестрельный, или подготовительный, и штыковой — решающий вопрос о том, кто из противников достоин победы. На этом основании обучение роты представляет три отдела:

а) Приучение ее ко всем применимым в бою движениям и построениям, на местности разнообразной, без употребления оружия;

б) Упражнение в перечисленном с прибавкою стрельбы боевыми патронами;

в) Подготовка роты к штыковому периоду боя.

26. *Занятия должно вести так, чтобы, сообщив и солдату и начальнику знание того, что придется исполнять в бою, вместе с тем приготовить и духовную их сторону по возможности так, чтобы случайности боя не поражали неожиданностью ни солдата, ни начальника, не заставляли их врасплох.*

Так как в бою *уверенность в себе, спокойствие и решительность* составляют необходимое условие для всякого чина, ибо без них *находчивость и распорядительность* немислимы даже в человеке, наилучше знающем свое дело, — то в обучении должно тщательно устранять всё то, что хотя околько-нибудь может вести к подрыву вышепоставленных качеств; и, напротив, развивать все то, что может их укрепить.

Уверенность в себе и решительность легче всего подрываются в человеке резкими замечаниями за ошибки; и потому на маневрах и учениях следует избегать подобных замечаний, если в ошибках не проглядывает равнодушие к делу. Незнание исправляется разъяснением, а не выговорами. В бою даже ошибочные распоряжения, исполненные настойчиво и энергичеки, нередко обращали в победу дело, наполовину проигранное. А кто привык бояться резких замечаний, тот не может быть ни настойчив, ни энергичен: в минуту распоряжения или исполнения его ум всегда будет озабочен не столько тем, чтобы распорядиться или исполнить дельно, сколько тем, чтобы не навлечь замечания.

Во всяком случае должно воздерживаться от выговоров и замечаний начальнику, как бы он мал ни был, в присутствии его подчиненных.

Для развития в войсках привычки к спокойствию, следует избегать всего того, что их суетит, как, например, слишком частой и моментальной перемены форм строя на учениях, стрельбы на время и тому подобного. Боевая быстрота и ловкость, прежде всего, основаны на полном спокойствии начальника и последнего солдата. Спокойствие же приучением к суетливости не вырабатывается.

27. Практическое обучение, как бы оно ни было всесторонне в мирное время, не может не оставить пробелов: пополнить их одно средство — *словесные поучения солдатам о том, что они знать должны*. Кто любит солдата, кто предан делу и знает его, — тот найдет, что сказать. Суворов считал подобные толкования до того необходимыми, что ими заканчивал и приказывал заканчивать всякое учение. *Учение* продолжалось час, много полтора; а *поучение* иногда больше двух часов. Разумеется, нужно быть Суворовым, чтобы слушали, стоя под ружьем, два часа сряду; но пять, десять минут, и особенно вне строя, на свободе, всякого будут слушать. А в десять минут можно много сообщить полезного и доступного солдату, особенно если он подготовлен понимать военные советы всем ходом своих мирных занятий. От таких толкований получится двойная выгода: солдат станет участвовать в своем деле не одними руками и ногами, но также сердцем и головой; а в этом и весь секрет обучения; офицер усвоит себе ту краткую, энергическую, ясную, не вдающуюся в мелочи речь, которая ему пригодится для отдачи приказаний в бою и на маневрах. Гг. офицеры! не уклоняйтесь от разъяснения солдатам вашего общего дела в бою; великие подвиги, как и выход из тяжелых положений, возможны только для того, кто знает солдата, и кого солдат знает и понимает.

СТРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

28. Основание строевого образования составляет утверждение чинов роты в точном и быстром исполнении движений и эволюций, предписанных уставом. Особенно налегать на широкий шаг и быстрый переход от сомкнутого строя к разомкнутому, и наоборот, на месте и на ходу. Нужно уметь так же быстро размыкаться под огнем, как быстро смыкаться в предвидении атаки.

29. *Выработка шага*: на первых порах не хлопотать о равнении, а только о широком свободном шаге; если это будет, равнение придет само собою.

30. Развитие внимания людей составляет основное условие для успеха толковых строевых упражнений. Солдат, приученный к исполнению приемов и движений в массе, исполняет все это по рутине, зачастую думая совсем не о том, что делают его руки и ноги. Поэтому, чтобы он не спал в строю, ротный командир, проходя эволюции, уставом предписанные, обязан, раз рота выучена, стараться менять порядок учения по возможности чаще. Так, обойдя роту в начале, отнюдь не должно раз в раз приступать к проделыванию приемов, движению вперед и назад и т. д., но иногда начинать, напр., с рассыпания из какого бы то ни было строя, не исключая и походных, и т. п. В подобном направлении учений заключается предохранение роты от той рутинности, при которой стоит, напр., не проделав приемов, скомандовать рассыпание или иное что не по привычному порядку, дабы все ошалели.

Правда, при такой системе учений можно что-либо упустить; во избежание этого не мешает, предварительно учения, составлять себе его программу.

31. Но этим путем не приобретается еще та степень внимания, которая необходима для упражнений в прикладном уставе, т. е. в применении уставных типов к роду противника, направлению и расстоянию, в которых он предполагается, и к местности. Для этого необходимо внимание людей предварительно довести до такой степени, чтобы, стоя в массе, каждый из них был готов к индивидуальному исполнению во всякую данную минуту.

Приемы для этого могут быть вроде следующих: а) Люди рассчитываются сами, по командам фельдфебеля. Когда рота вполне выучена, полезно перемешивать людей, не стесняясь ранжиром. б) Рота делает ружейные приемы. После команды на краул вдруг командуются, напр.: «четные номера 3-го взвода на плечо»; или: «задняя шеренга 4-го отделения 2-го взвода на плечо» и т. п. в) Рота идет фронтом, в развернутом строю или в колонне: «четные номера кругом марш»; четные ряды все поворачиваются и идут в обратную сторону. «Рота кругом марш» — четные и нечетные идут навстречу друг другу, и рота восстанавливает строй или с остановкой,

когда сойдутся, или же в движении поворотом тех либо других рядов кругом, тоже когда сойдутся. «Такие-то отделения взводов кругом», «такие-то взводы кругом». Строй восстанавливается или как указано при раздвигании рядов, или же просто: такие-то (т. е. повороченные кругом) взводы (отделения) в свое место бегом». г) «Такие-то ряды взводов стой». А для восстановления: «Такие-то ряды взводов в свое место бегом». При остановке рядов можно приказывать роте смыкаться к середине или держать места, по произволению.

При движении колонн фронтом (рядами), кроме перечисленных упражнений, можно еще раздвигать колонну командую: «Такие-то ряды (шеренги) кругом марш». Восстановление строя из раздвоенного порядка понятно.

В этих упражнениях строго следует ограничиваться проверкою внимания людей исполнением уставных команд, не придумывая никаких ловушек от себя. Если человек помнит во всякую минуту учения свой номер по взводу, и четный ли он или нечетный; если он помнит, к какой шеренге, взводу, отделению принадлежит, то это все, что требуется. Итти дальше значило бы не поддерживать и развигивать внимание, а утомлять и, следовательно, ослаблять его.

Примечание. Предлагаемые приемы не единственные. Дело не в приемах, а в цели, т. е., как уже сказано, в развитии внимания; а какими средствами его выработать — все равно. Не нужно только хитрить: чем проще система приемов, тем лучше. Так, напр., достижению той же цели способствуют учения только по одной команде ротного командира, т. е. без команд полуротных и взводных; годятся для этого и так называемые «немые» учения, т. е. по одним движениям и знакам ротного командира. Следует также поверять внимание людей ошибочными командами начальников. Делается это так: предварив потихоньку взводных, чтобы ввали команды, ротный командир командует какое-нибудь построение и следит, чтобы люди исполняли команду не его, а своих прямых начальников. Этот прием вдвойне хорош: показывает наглядно людям, что в строю они не смеют умничать, а начальников приучает спокойно исправлять ошибку. Ошибка не беда; но когда люди воображают, что могут исправлять командира, или когда командир сам ошалевает от малейшего промаха, — это беда.

32. На этих ученьях следует поверять также, знают ли командиры порядок замещения в случае убыли. Прием такой: приказать командиру любого взвода выйти в сторону, затем командовать построение и смотреть, явится ли его заместитель. Само собою разумеется, что перед ученьем всякий начальник должен назначить себе не ме-

нее двух или трех заместителей. *Забота о заместителе должна быть обращена в твердую привычку всем начальникам, начиная с отделенных.*

ПРИКЛАДНОЙ УСТАВ

33. Когда уставные порядки строя усвоены твердо, ими одними не ограничиваться, но следует показать применение их к боевым целям, дабы не только офицеры, но и солдаты видели, для чего какой строй годится. Чтобы не впасть в ошибку проделывания того, что для боя непригодно, обучающему роту постоянно нужно иметь в виду следующее:

1) Непременно назначать, вслух для всей роты, направление, откуда ожидается неприятель; а при возможности стараться обозначать это направление видимым предметом (напр., от дерева, от сарая и т. п.). Последнее в особенности важно относительно конницы.

Примечание. Еще лучше, конечно, если атаку будут обозначать конные люди; но рота на это не имеет средств.

2) Проделывая всякий из строев, дать себе ответ,— и осуществить его построением,— на следующие вопросы:

а) *Что я сделаю, если неприятель появится с фронта, с тыла, против того либо другого фланга, наконец, в котором-нибудь из облических направлений?* б) *что я сделаю, если это будет пехота, конница, артиллерия?*¹

¹ Читатель видит уже, конечно, что вопросы эти суть не более, как применение к делу обучения пехоты великого наполеоновского совета, данного относительно расположений в сфере опасности от неприятеля; основные руководящие начала остаются совершенно одни и те же для действий и расположений как малых, так и больших частей: следовательно, должны иметь применение и в обучении расположениям и действиям. В настоящем случае основное начало есть: *возможное обеспечение себя от того, чтобы неожиданности не заставали врасплох*, а наполеоновский совет — практический прием для удовлетворения этому началу. Именно этот совет положен в основание и строевых уставов; что и выразилось тем, что в них указаны переходы из каждого строя во всякий другой; но указаны, опять же, как *типы* только, но не как единственные переходы, отвечающие всем боевым случайностям.

Из последующих примеров читатель еще нагляднее убедится в том, что уставные эволюции *только типы*; равно и в том, что попытка включить в устав все эволюции, какие только могут быть вызваны случайностями боя, положительно немыслима; и что проделывание их должно быть предоставлено исключительно находчивости частных начальников.

Если ротный командир, проходя каждый строй, практически ответит на эти вопросы на всякого рода местности, — т. е. приучит чинов своей роты спокойно принимать положения, соответствующие местности, роду противника, расстоянию до него и направлению, в котором он предполагается, — ни его рота, ни сам он не будут застигнуты врасплох никакою неожиданностью.

34. *Полагается общим правилом, при решении всех задач, прежде всего повтратить людей лицом к предполагаемому неприятелю и уже затем начинать перестроение и действие.*

Примечание. Из последующего окажется, что нет такой эволюции, которой нельзя бы было исполнить уставными командами: следовательно, основная часть устава — командный его язык, — остается ненарушимую.

В заданиях читатель встретит и такие, где неприятель предполагается неожиданно появившимся на самом близком расстоянии; могут сказать: вероятно ли подобная оплошность, чтобы не подозревать о его присутствии в ста, напр., шагах от роты? — На самом деле бывали такие случаи — следовательно, нет резону упускать их из виду и при обучении. Конечно, гораздо лучше не попадаться: но если, на беду, такой случай выйдет, нужно быть готовым на то, чтобы быстро и с честью из него вывернуться.

35. *Начальникам не следует устанавливать какие-либо постоянные правила для однообразного исполнения тех эволюций, которые не предписаны в уставе.* Подобные эволюции предлагаются: для развития находчивости в применении уставных типов строя к местности и обстоятельствам, а не для упражнения памяти воинских чинов; для приучения их спокойно встречать неожиданности, а не для привычки к тому, что без репетиции ничего сделать нельзя.

36. Исполняя эволюции, не предписанные в уставе, необходимо соблюдать следующее: а) строго требовать вполне строевого их исполнения; та же правильность команды, та же тишина и быстрота исполнения, то же смирно по окончании построения; б) на первых порах не требовать немедленного исполнения, а давать начальникам частей роты одуматься после команды ротного командира; в) так как подобные эволюции имеют целью развитие способности быстро применяться к случайностям боя, то следует исполнять их при такой обстановке, чтобы всякому видно было, когда они могут пригодиться.

Для этого развертывания колонны слева влево (или справа вправо) не делать на месте со всех сторон от-

крытом (на котором нет основания развеваться не по порядку номеров), а пользоваться такими случаями, когда рота, по ходу учения, придется близко к какому-нибудь непроходимому препятствию. Так, напр., рота, в двухвзводной или во взводной колонне слева, пришлось правым своим флангом близко к глубокой канаве, забору, стене казармы, всякому будет ясно, что нужно развернуться влево; г) при атаке направо, налево или назад должно делать предварение вроде: *«атака, на такой-то предмет; такая-то часть в цепь направо (налево, назад), бегом»*. Если атакуемый предмет близко — атаковать и без высылки цепи. Затем командовать, что нужно для атаки.

37. Людям должно быть крепко внушено, путем частых напоминаний и толкований, что пока пехота стоит лицом к коннице, последняя ничего сделать не может. И потому приучать к одному, чтобы люди, ближайšie к прорвавшей строй или охватившей его коннице, поворачивались только к ней лицом.

38. По своим свойствам, конница, как бы она ни была многочисленна, не может атаковать пехоты числом всадников, большим того, которое соответствует размерам атакуемого пехотного фронта. Следовательно, если фронт длинен, конница, не повернувшись назад, наверное ввалится; а при коротком фронте наверное прольется мимо, по сторонам. И потому для встречи конницы предпочитать такие порядки, которые, давая возможность стрелять по ней всем людям, подставляли бы непосредственно под удар возможно меньше людей.

39. Штурм («удар в штыки») производить всегда: 1) не иначе как против видимых предметов; 2) с точным соблюдением дистанций, с которых, по уставу, следует брать на руку, бросаться на «ура»; 3) атаки не останавливать иначе, как пройдя предмет, за которым предполагался неприятель; 4) предмет атаки должен быть указан всем людям предварительно движения. При движении в атаку, когда бы оно ни исполнялось, — шаг порывистый, живой и быстрый; равнение по передним; хвостов не допускать; на «ура» бросаться взапуски; по остановке требовать мгновенного восстановления строя и порядка.

40¹.

41. Из приведенных примеров видно, что строй можно

¹ Примеры не приводятся.

довести до бесконечной гибкости, и причина всякого отступления от уставного типа станет ясна последнему солдату, не говоря об офицерах.

При решении помнить постоянно одно: 1) прежде всего ставить строй лицом к неприятелю; 2) действие прежде всего иметь в виду и только потом строй. Смотря по расстоянию один раз можно принять выгоднейший и вместе уставный строй, стрелять и колоть; другой раз выгоднейший, но с отступлением от порядка номеров, стрелять и колоть; третий — принять выгоднейший строй (разумеется, уже не уставный) и колоть; четвертый — остаться в том строе, как были, повернуться лицом к неприятелю и только колоть.

42. **Общее правило для начальников:** к самым нелепым решениям относиться с каменным спокойствием, спрашивать причины, по коим оно принято, и если они несостоятельны, предлагать поправку так, чтобы она представляла совет лучшего решения, но ни в тоне, ни в выражениях не имела характера выговора за упущение, намек на недостаток находчивости и т. п.

43. Весьма важно и даже необходимо при малейшей возможности представлять атаку конницы хотя бы отдельными всадниками. Тогда не нужно и предварений, а просто командовать, что следует, смотря по расстоянию и направлению.

44. Против артиллерии эти задачи разрешаются легко, ибо не требуют такой быстроты, как против конницы. Они заключаются или в атаке батареи, или в предохранении от ее огня.

Атака батареи всегда делается цепью, а сомкнутая часть направляется на прикрытие батареи.

Предохраниться же от огня батареи можно: 1) воспользовавшись закрытием: самая ничтожная лощина, параллельная фронту батареи, для этого годится; 2) если нет закрытий, — стоять (а также и идти) в строе по взводу рядами, на полных интервалах, — «змейками», как солдаты называли этот порядок. Опыты показали, что такой порядок до 800 шагов терпит от огня менее всех прочих; 3) положив часть; 4) приняв тонкий и редкий строй; 5) передвигая роту по направлению выстрелов, если заметили, что артиллерия пристреливается по роте, т. е. что снаряды ее начинают близко к роте ложиться; 6) совмещая эти средства, т. е. если лощина не довольно

углублена, можно в ней и лечь; если пристрелялась по месту расположения в ложине, — передвинуться и т. п.
45—51¹.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СТРОЕВ И ИХ ВИДОИЗМЕНЕНИЙ

52. Предлагаемые видоизменения уставных типов может быть покажутся ненужными, странными для глаза и даже трудными в исполнении. Что до ненужности, то ее можно признать только тогда, если докажут, что наполеоновский совет, положенный в основу этого отдела, не должен быть применяем в обучении; но тогда явится также необходимость доказать заодно и ту мысль, будто неприятель не смеет против нас появиться иначе, как с фронта и на дальнем пушечном выстреле; и что предполагать его появление с фланга или с тыла — нелепо. Что до странности подобных порядков для глаза, то на нее нечего обращать внимания, ибо глаз часто обманывает: особенно если он усвоил известные привычки. Всякий порядок для действия должно, по нашему убеждению, рассматривать только с точки простоты исполнения и пригодности для действия; а красив ли он или нет — вопрос несущественный, ибо красота дело условное; и в настоящем случае нужно прежде всего иметь в виду не внешнюю, а внутреннюю красоту, т. е. целесообразность формы, выражаемую тем, *действительно ли при данных обстоятельствах она способствует действию против неприятеля штыком или огнем в наивыгоднейших условиях?* Если порядок выдерживает критику и с этой точки, и в смысле простоты исполнения, то ничего более и не требуется.

Чем же выражается то, способствует ли данный порядок — в мере, допускаемой обстоятельствами времени и места — употреблению соответствующего оружия? Для решения этого вопроса следует к разбираемой форме приложить нижеследующие вопросы, на которые он разлагается:

1) *К порядкам для огня:* какое число людей приобретает в них возможность стрелять прямыми, а не облическими выстрелами по неприятелю? Удобно ли частям, сзади стоящим, выручать огнем впереди стоящих това-

¹ Примеры построений не публикуются.

ришей, т. е. обстреливать доступы к ним? Нет ли порядка, который из данного предшествующего положения можно бы было построить скорее и проще чем разбираемый (разумеется для той же цели)?¹

2) *К порядкам для атаки:* не препятствует ли в них что-либо достижению наибольшей быстроты движения? Не препятствует ли что-либо поддержке товарищей штыком? Какое число людей принимает участие в ударе? Нет ли порядка при данном предшествующем положении, который можно бы было построить скорее и проще чем разбираемый? Достаточно ли он способствует уменьшению потерь от огня?

Если на эти вопросы, в приложении к данной боевой форме, можно ответить утвердительно, то она хороша, как бы, повидимому, ни была странна по виду.

В обучении эти порядки не представляют ни малейшей трудности, что говорю по опыту. Нужно только всегда назначать направление, откуда ожидается неприятель, и не требовать на первых порах моментального или — что одно и то же — суетливого исполнения: одним словом, дать одуматься.

53. Подобный способ обучения, кроме привычки ко встрече неожиданностей, достигает и другой цели — он утверждает в разумном знании тактики не только офицеров, но и солдат. Ибо, в применении к пехоте собственно, что такое сущность тактики, как не знание, того, *где, когда и что* пустить в дело: пулю или штык? и, сообразно тому, *где, когда и какой строй выгоднее употребить?* И с этой точки предлагаемый способ обучения по всей справедливости может быть назван *курсом Тактики* в поле, где все *поясняется не только словом, но и делом.*

Этот способ обучения приносит еще и то, что наглядно и без длинной аргументации убеждает в необходимости бесконечного разнообразия внешней формы² боевого по-

¹ Есть еще условие, которому должны удовлетворять боевые формы; это подвижность и возможное уменьшение потерь от огня. Но к формам для огня излишне прилагать эти условия, ибо, во-первых, на ходу не стреляют; во-вторых, если строй удобен для стрельбы, — то есть длинен и тонок, — то вместе с тем он доставляет и возможное обеспечение и от огнестрельного поражения.

² Мы говорим о бесконечном разнообразии *внешней формы* боевого порядка, потому что сущность его всегда останется одна и та же, и есть *взаимная выручка располагаемых для боя.* Инстинктивное предчувствие того, что основание всех боевых поряд-

рядка даже в такой небольшой единице, как рота, и что при действии самое основательное знание уставов и инструкций — будь они наилучше соображены — значит не более как оружие в руках неумеющего его употребить, если не работает глаз, толк и воля не только офицера, но и солдата. Только глаз может подметить обстоятельства; толк — всякому из них дать надлежащую оценку; воля — решить, что предпринять следует.

И только когда решение принято, является на сцену память, дабы взять из уставов и инструкций то, что для приведения в исполнение решения необходимо. Но и тут она действует не иначе как под влиянием толка. Тут все основано на понимании, а не на заучивании; на сознательном исполнении мысли начальника, а не на механическом проделывании заученных форм даже без мысли о том, для чего какая из них годится: и когда годится, а когда нет?

54. Из примеров, в которых предположена атака с близкого расстояния, не только на фланг, но даже и на фронт, видно по формам строя, до чего невыгодно принимать атаку в подобных положениях; и до какой степени важно, следовательно, принимать меры, чтобы в них не становиться. Меры эти заключаются в учреждении перед фронтом, на флангах и в тылу постоянного наблюдения, не только в походе, но в бою. Наблюдение перед фронтом, благодаря употреблению рассыпного строя, достигается само собою, но по флангам далеко еще не всеми соблюдается; *и потому советуем обращать на это особенное внимание и никогда не упускать из виду.* Тем более, что если фланги хорошо сторожатся, и на должном расстоянии, то и атака с тылу становится мало вероятною.

55. Предложенные примеры далеко не единственные, ибо стоит изменить несколько направление противника и расстояние до него, чтобы получился новый пример, не говоря уже о местности. Не выдаю и предложенных ре-

ков одно, и было причиною мнения, будто боевые порядки можно привести к одному или к немногим типам; думали схватить это основание каким-нибудь одним или немногими чертежами, не созная того, что хотя всякая мысль до крайности проста, но виды ее осуществления бывают до бесконечности разнообразны. Чертежом же выражается именно только какой-нибудь частный случай, но идеи им выразить нельзя.

шений за лучшие: они кажутся такими мне; но ведь я могу и ошибаться; средство для проверки их заключается в приложении к ним только что поставленных вопросов. Чем больше кто найдет в предложенных решениях ошибок, тем лучше; ибо это покажет вдумку в дело, серьезное отношение к нему.

56. Но при таком способе обучения строю отнюдь не следует обзаводиться какими-нибудь постоянными вариантами уставных типов и отделявать их на чистоту; ибо это значило бы не учить делу, а задалбливать только некоторые частные его случаи; и тогда прости соображение и находчивость. Нужно заметить притом, что при предлагаемом способе практики в видоизменениях уставных типов нельзя предварительными репетициями приготовиться и к смотрам; ибо не может быть вперед известно, какие задачи будет задавать смотрящий: следовательно, нужно подготавливаться решать *все* вообще задачи, а не заучивать только некоторые из них.

57. Необходимо обратить внимание, принимая порядки против конницы, еще на одно обстоятельство, именно на расчет времени. Мне кажется, в этих случаях (т. е. предполагая конную атаку) необходимо принимать такой порядок, чтобы рота стояла на месте и спокойно по крайней мере за $\frac{1}{4}$ минуты до наскока; лучше больше, чем меньше. Успокоить часть перед наскоком дело до такой степени важное, что, по моему мнению, ему должно жертвовать даже стрельбой.

В видах выигрыша времени, имея дело с конницею, мне кажется также необходимым иногда пропускать не существенные части команды, именно предваряющие, напр.: вместо «пальба ротой, рота товсь» просто командовать: «товсь». «По такой-то цели» тоже лишнее, ибо цель всем видна. Вместо «во фронт» просто «фронт» и т. под. Кому это покажется странным, пусть поверит с часами в руках, сколько берет команда времени; и примет также в расчет то, что, имея дело с конницею, все иногда держится на выигрыше мгновения.

МАНЕВРИРОВАНИЕ

58. Маневрирование имеет целью развить в начальниках и рядовых: умение занимать возможно выгодное положение относительно противника, преодолевать местные

преграды и пользоваться ими для своего закрытия как на походе, так и в бою. Если прикладной устав пройден как следует, мы не можем представить себе случая, в котором рота могла бы быть застигнута врасплох какою-либо неожиданностью.

ПОХОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

59. Приучение к тому, чтобы и начальники, и рядовые обращали внимание на местность при походных движениях, будет достигнуто легко и скоро, если только обучающие с пользой станут употреблять время, которое тратится теперь для военного образования даром на походные движения к местам учения, маневра, стрельбы, гимнастики и назад в лагерь.

У дельного обучающего учение должно начинаться в минуту выхода роты с места ее расположения и кончаться с приходом ее к этому месту. Это будет вдвойне выгодно: даст экономию во времени и поучительность всякого шага.

Должно принять за постоянное правило, чтобы рота, во всех подобных случаях, ходила с высылкою авангарда, предшествуемого разведывательными патрулями. За несколько времени до начала движения, обучающий посылает команду, человек в десять, при толковом унтер-офицере, приказав ему скрыть этих людей поодиночке по сторонам дороги, в предметах, находящихся в полосе шагов ста вправо и влево от дороги. Патрульные, открывая спрятанных, присоединяют их к себе.

Это будет превосходная практика для развития навыка разведывания. Она не требует особых учений, а между тем привьет войскам приемы походных движений с военными предосторожностями. Вместе с тем, люди, быв поставлены в необходимость осмотреть более или менее значительную полосу, мало-помалу отрешатся от вредной привычки всегда держаться вместе.

60. Все люди роты должны поочередно перебивать как в цепи, назначаемой открывать, так и в команде скрываемой. Уменьше ловко скрываться в том месте, по которому неприятель проходит, на войне тоже весьма пригодится: имея людей, сильных в этом деле, получим возможность знать и обстоятельнее, и с меньшими потерями то, что делается у неприятеля.

61. По мере усовершенствования людей в этом деле можно увеличивать осматриваемое пространство до 400 шагов в каждую сторону.

МАНЕВРИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ВЫСТРЕЛОВ ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

62. На учения этого рода горнистов не брать; да и барабаны употреблять только для того, чтобы при атаке получалось движение дружное и возможно стремительное, но отнюдь не для подания каких-либо сигнальных боев. Исполнение же всех движений и эволюций делать по приказаниям, и затем, кому следует, произносить соответствующие команды.

В бою важно прежде всего знать, *куда и зачем идти*; и потом уже *когда и в каком строю идти*; первое можно выразить только *приказанием*. Отдавать их ясно, кратко, энергически, указывая вполне точно цель и не вдаваясь в мелочи исполнения — великое искусство, которое может быть приобретено только продолжительною практикою; гг. офицерам рекомендуется обратить особенное внимание на усовершенствование себя в этом искусстве и потому избегать сигналов, при помощи которых распоряжаться в бою нельзя.

Примечание. Перед учением полезно роте объяснить следующее: «в цепи становиться так, чтобы было удобно стрелять; для этого нужно видеть неприятеля, если он откроется, и иметь опору ружью при выстреле. Начальник цепи выбирает такую линию для всей цепи; люди, которые на этой линии придутся в местах, откуда не видно неприятеля, выдвигаются, по приказанию своего отделенного, вперед настолько, чтобы в неприятеля удобно было стрелять. Всякий стрелок на занятом им месте сам принимает такое положение, в котором удобнее стрелять, но при наступлении без приказа никто не смеет ложиться. Цепь во всех случаях должна стараться охватывать неприятеля: стреляя вкось и вдоль по его линии, его легче оттеснить».

63. При маневрировании в сфере выстрелов обучающий должен вести занятия так, чтобы при всех движениях, из всех приказаний, которые рота получает, она видела перед собою неприятеля. Поэтому всегда назначать место, где предполагается неприятельская цепь, где резерв, и объявлять об этом всей роте. Назначать следует какой-либо ясно видимый предмет и притом действительно выгодный для занятия при обороне, как: высоту, деревню, опушку кустарника, насыпь дороги, позицию за переправу, укрепления и т. п.

ПЕРЕХОД В БОЕВОЙ ПОРЯДОК

64. Приблизившись к такому месту известным походным порядком на версту или около того, следует перейти в один из боевых строев, что всегда делать в полном порядке, т. е. *останавливать голову роты, приказать подтянуться и затем уже перестраиваться*¹.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ЦЕПИ И РЕЗЕРВА

65. Авангард, если он состоял не более, как из взвода, рассыпается весь и образует вместе патрульную и боевую цепь. Затем начинается наступление до сближения с атакуемой позицией на дистанцию, с которой можно начать огонь. Тогда рота приостанавливается и занимает позицию, как указано ниже. (См. маневрирование сомкнутой части роты). То же делает и цепь по указанию своего начальника. Густота цепи (сила занятия тож) определяется числом шагов на отделение (взвод).

Советы, заключающиеся в уставе относительно применения цепи и резервов к местности, остаются в полной силе и должны быть известны всем чинам роты. Здесь предлагаются только некоторые разъяснения насчет применения этих советов к делу.

66. *При действии против неприятеля нужно прежде всего и всегда думать о том, чтобы удобно было его поражать; и только когда это есть, можно подумать и о собственном укрытии.*

67. На этом основании, позиция для стрелка, взятого отдельно, будет хороша: а) если между нею и тем местом, которое занимает неприятель, нет предметов, закрывающих это место от стрелка; б) если есть опора ружью; в) если стрелок находит и для себя некоторое закрытие.

Позиция, скрывающая неприятеля от стрелка, никуда не годится, хотя бы она доставляла и опору ружью, и за-

¹ Хотя по силе роты растяжка не может обнаружить ощутительного влияния на быстроту перехода ее в боевой порядок,— так как в частях более сильных растяжка отражается весьма вредно на этой эволюции, то лучше прием остановки головы колонны и подтягивания хвоста обратить в постоянный и неременный. Впрочем, при движении по таким, напр., местам, как густые кусты, лес и т. п., этот прием и в роте весьма пригодится. Но, положим, наткнулись неожиданно на неприятеля: тогда голова хвоста не ждет; с тем бить, что под рукою, и чем быстрее, тем лучше,— иначе неприятель опомнится.

крытие стрелку; позиция, доставляющая закрытие стрелку и возможность видеть неприятеля, но неудобная для опоры ружья, хуже чем та, с которой ловко стрелять, хотя бы стрелок и не находил на ней хорошего закрытия.

68. Начальник цепи, имея в виду эти условия, выбирает для нее позицию, определяет общую длину и направление линии и указывает участки для отделений цепи. Если есть видимые предметы, начальник цепи назначает участки отделениям по этим предметам; если их нет, то определяет *число шагов на отделение* (а не между отделениями). Затем отделенные указывают места своим людям.

Положение, которое примет каждый стрелок, предоставляется его личной находчивости: исправлять его только в том случае, если он расположился так, что не может стрелять по неприятелю. Когда цепь заняла позицию, начальник оной обходит ее и исправляет ошибки в расположении, обращаясь к начальникам отделений. На первых учениях не мешает и самому обучающему поверить, раз, другой, расположение цепи. Как расположение, так и поверку, вначале делать по возможности внимательно, дабы освоить стрелков и их ближайших командиров с тем, на что следует обращать внимание при занятии позиции. Впоследствии это дело следует предоставить личной их распорядительности и требовать, чтобы занятие позиции было исполняемо быстро.

В общем расположении цепи должно постоянно наблюдать, чтобы на открытых местах отнюдь не было скопления людей в группы, ибо эти последние и представляют удобные цели для неприятельских выстрелов. В отдельного человека даже и с близкого расстояния попасть трудно при тех условиях, в которых производится стрельба в бою. Отделение составляет одно целое; по взаимной выручке, которою люди связаны между собою, по подчинению их одному старшему, но вовсе не по внешнему расположению в сомкнутом порядке. Такой порядок не только не отвечает товариществу, но противоречит ему на открытом месте, ибо облегчает неприятелю стрельбу.

Можно положить приблизительно, что на открытых местах не следует давать менее 30 шагов на пятирядное отделение, или около трех шагов на человека¹.

¹ Само собой разумеется, что сказанное в пункте 68-м относительно разрежения цепи имеет место при действии ее на дальние

НАСТУПЛЕНИЕ ЦЕПИ

69. Цепь наступает не вся вдруг, а участками, переходя от позиции к позиции и приостанавливаясь на каждой из них для стрельбы. На ходу избегать стрелять, и наблюдать, чтобы на открытых местах люди не скучивались. Позиции для остановки указывает начальник цепи, определяя одному из начальников отделений предмет, которого он должен достигнуть. Остальные отделения переходят на одну высоту с первыми и занимают, смотря по удобству, позиции впереди или несколько позади общей линии. При остановках наступающая часть отнюдь не ложится без приказа.

70. Обучая цепь наступлению, должно показать: 1) *охват цепи неприятельской и противодействие охвату*; 2) *усиление всей цепи или какой-либо части ее*; 3) *противодействие кавалерийской атаке*; 4) *атаку неприятельской цепи*.

1. Охватывание

71. Сноровки охватывания цепи неприятельской и противодействия охвату должны быть обращены людям в привычку возможно сильную: стрелка должно тянуть во фланг неприятелю инстинктивно, не думая. Цепь, не приученная охватывать, много потеряет, атакуя только с фронта, и не всегда достигнет цели; цепь, не приученная противодействовать охвату, часто оставит выгодную позицию задолго до той минуты, до которой могла бы ее удержать, если бы знала, как отражать охват.

Для приучения к охвату обучающий назначает начальнику цепи один из флангов предполагаемого расположения цепи неприятельской¹ для охвата.

Начальник цепи, по сближении с позицией неприятеля шагов на 400, приказывает назначенному крылу цепи опереживать остальные отделения и принимать в сторону до тех пор, пока оно не займет относительно направления

дистанции; по сближении же на 400—500 шагов цепь, обыкновенно, усиливают: следовательно, и на открытой местности на каждое отделение будет приходиться меньше 30 шагов. За предел сгущения цепи, и то за надежными закрытиями (как насыпь, канавы и т. п.) — можно, по нашему мнению, принять полтора шага на человека, или пятнадцать шагов на пятирядное отделение.

¹ Место этого расположения должно быть указано, как уже известно, с началом маневра.

цепи неприятельской такого расположения, чтобы брать ее вкось и даже, если можно, то и вдоль. При этом цепь не должна терять связи по всему своему протяжению¹.

Сноровка охватыванья хороша во всех случаях; но в особенности она полезна против позиций более или менее прямолинейных и сильных с фронта, как: канавы, насыпи дорог и т. п.².

Проходя охватывание, должно также назначать иногда и новую часть из сомкнутого состава роты: для этой цели назначенная часть продолжает крыло цепи, долженствующее охватить, и действует по вышеуказанному.

2. Усиление цепи

72. Усиление цепи может быть вызвано: значительною убылью в нашей цепи; желанием сильнее обстрелять неприятельскую цепь перед атакой. Оба эти условия могут возникнуть только в момент сближения нашей цепи с неприятельскою, и потому, во избежание привычки к бесцельному усиливанию, его следует делать на учениях не ранее как подойдя к позиции стрелков неприятельских шагов на 500 и даже ближе.

Усиливая цепь равномерно по всему протяжению, или какую-либо одну часть ее, должно поступать как предписано в уставе, т. е. не сдвигать людей, уже занятых стрельбою, а располагаться в промежутках, оставшихся пустыми. Рекомендуются постоянно иметь в виду следующее общее правило в маневрировании как цепей, так и сомкнутых частей: *задние во всех случаях соотнобразуются с передними, а не наоборот; так как передние заняты неприятелем и не могут развлекаться мыслью о том, что у них в тылу происходит.*

73. Люди, вновь вступающие в цепь, подчиняются команде начальника отделения и взвода, на участок которого попадают. Их командиры обращаются в помощников и заместителей.

¹ Начальники частей цепи, долженствующих при этом продолжать фронтальное наступление, должны быть предварены, что такое-то крыло назначено для охвата цепи неприятельской, дабы они не начали выдвигать своих отделений на одну высоту с охватывающей частью.

² Противодействие охвату показано в отделе об учениях с боевыми патронами, см. § 114 и примечание к нему.

Начальники отделений должны быть выдержаны в той привычке, что они в цепи начальники не своих людей только, но участков позиции и *всех людей, попадающих на их участок.*

Предостережение для боя: усиливать цепь должно только при настоятельной к тому необходимости; нужно помнить, что, усиливая цепь, вы ослабляете резерв; а без резерва трудно что-нибудь сделать, когда дойдет дело до столкновения. И потому при роте, отдельно действующей, советуем начинать с высылки в цепь не более двух отделений и давать в таком случае на человека до пяти шагов по фронту.

Еще совет для боя: приучать людей так, чтобы при наступлении они без приказа не смели ложиться: лечь легко, встать трудно.

3. Встреча конной атаки

74. Для приучения стрелков к тому, чтобы при атаке конницы они собирались на открытых местах в сомкнутые части, обучающий посылает начальнику цепи предварение, что на его правый (левый) фланг или на фронт идет атака¹. Начальник цепи приказывает командиру участка, которому грозит атака, приготовиться для ее встречи. Приготовления должны заключаться в том, чтобы отделения с открытых мест собрались вместе.

Предварение должно заключаться всегда в определении цели, которую обучающий и начальник цепи имеют в виду, но отнюдь не в определении порядка расположения отделений, что должно быть всегда представляемо сообразительности непосредственных исполнителей. Так, никогда не отдавать приказаний вроде: *«таким-то отделениям собраться вместе»*; но: *«на такой-то фланг идет конница оттуда-то»*. На двухсторонних же маневрах начальник всякого участка цепи должен принимать меры для встречи конной атаки, не ожидая ни приказа, ни предварения.

Само собой разумеется, что если атака идет на один фланг цепи, другой должен продолжать свое дело, не обращая на эту атаку внимания.

¹ Для наглядности еще лучше назначать одного конного офицера, который насккивал бы на цепь в направлении предположенной атаки.

75. При сборе отделений для встречи конной атаки особенно налегать на приучение людей к тому, чтобы они не мешали сомкнутой части роты стрелять по коннице.

4. Удар в штыки цепью

76. Охват и обстреливание усиленным огнем цепи неприятеля могут принудить ее к тому, чтобы оставить свою позицию, но не всегда. Если противник стоек, нужно бросаться на него в штыки. Делать это, по сближении с его позицией шагов на сто, быстрым бегом, собираясь на бегу к унтер-офицерам, которые перед атакой должны держаться ближе к середине своих участков, и перед началом ее выскакивают вперед. То, чего пуля не делает, штык сделает; и потому, бросившись, доводить дело до конца, т. е. до крови. Против солдата, который умеет и любит работать штыком, никакой враг не устоит. Только бить не вразброд, а кучами; бить от сердца и выручать товарищей.

НАСТУПЛЕНИЕ СОМКНУТОЙ ЧАСТИ РОТЫ

77. Сомкнутая часть роты должна соображаться с наступлением цепи вообще, но отнюдь не двигаясь шаг за шагом. Обучающий постоянно должен иметь в виду, что лучше простоять лишнюю минуту и затем разом сделать сотнею шагов больше, чем передвигаться с приостановками чуть не на каждых 20 шагах. Короткие передвижения делают маневр вялым, монотонным; люди не знают, стоят ли они или идут: лучшая рота заснет и, вдобавок, приучается к самому вредному и скверному — не ходить, а, что называется, волочить ноги.

78. Наступление сомкнутой части, сообразное с боевою обстановкою, выражается в двух словах: *стоять на месте по возможности укрыто, или, если открыто, то в строе, наименее терпящим от огня; или же идти, и тогда сразу подаваться на 300, 400 шагов, — опять выбирая для остановок места, лучше защищающие от огня.* При движении — шаг живой, широкий, но спокойный; хвостов не допускать ни в каком случае.

При таком порядке движения рота подойдет иногда весьма близко к цепи; но это не важно: терпит от огня не тот, кто ближе подходит к цепи, а тот, кто не умеет

укрыть своей части и вяло ходит. Метко стрелять в часть, прямо и быстро наступающую, — дело трудное.

И потому в бою наши стрелки будут выбирать целями те неприятельские части, которые или стоят как мишени, или вяло подаются; наоборот, наши части постараются не давать верной добычи врагу, располагаясь или наступая подобным образом.

79. *Предохранение роты от огня и встреча конной атаки.* Укрытие цепи от огня — дело не трудное, да и не особенно важное, по незначительной цели, представляемой каждым отдельным стрелком; поэтому налегать на него не следует, тем более, что стрелок, привыкший искать опоры ружью, получит и себе закрытие, даже и не особенно о том заботясь.

Но этого нельзя сказать о сомкнутых частях: представляя большую цель, они притягивают огонь стрелков, огонь артиллерии и терпят много, если только командиры их настолько невнимательны к сбережению вверенных им людей, что выставляют их как мишени неприятелю. Утвердительно можно сказать, что ни в одном самом горячем деле цепь, несмотря на то, что она в продолжение большей части боя находится ближе к неприятелю, не несет и близко тех потерь, которым подвергается равносильная ей сомкнутая часть, попав под огонь.

80. Поэтому командиры сомкнутых частей должны стараться усвоить себе сноровки укрытия от огня в возможном совершенстве: они должны помнить, что *гибель всякого солдата, происшедшая от незнания или равнодушия к своему делу начальника, ложится этому последнему на совесть так же, как если бы он уложил того солдата из собственных своих рук.*

Долг, честь, любовь к родине и к себе подобному обязывают к такому взгляду на это дело всякого начальника, себя уважающего; обязывают тем более, что и самые приемы сбережения части от огня весьма просты, ибо заключаются всего в следующем:

а) Самый незначительный пригорок закрывает превосходно не только роту, но и часть более сильную; это самое лучшее закрытие, ибо его не пробьешь, да и движению вперед не мешает.

На том же основании, небольшие, иногда едва приметные лощины, идущие в направлении к позиции неприятеля

теля, представляют весьма выгодный путь для наступления, если только противник не может их обстреливать продольно.

На закрытия этого рода обращается внимание обучающихся потому, что они не бросаются в глаза, а между тем представляют наибольшие выгоды. Остальные закрытия так осязательны, что их перечислять не стоит, как кустарник, постройки, насыпи дорог и т. п. Закрытие, легко пробиваемое пулями и резко видимое, ничего не стоит.

Выбирая закрытие, командир должен постоянно иметь в виду: *для себя* — возможность видеть, что в цепи происходит; *для роты* — возможность беспрепятственного движения к цепи.

б) Если по пути наступления закрытий представляется довольно много, рота маневрирует в полуротной или взводной колонне, так как она легче развернутого строя на ходу. При остановках за закрытиями принимать строй, соответствующий их размерам.

в) Если по пути наступления закрытий нет, лучше наступать до 800 шагов рядами повзводно, а с 800 в развернутом строе. Всякому занимающемуся стрельбой известно, что с дальних расстояний чрезвычайно трудно попадать в тонкие цели, хотя и длинные, и в слишком узкие, хотя и глубокие.

г) При расположении на местах открытых, следует роту развернуть; в бою же, если рота надежна, можно ее и положить. Если замечаем, что пули и снаряды начинают чаще и чаще ложиться близко к строю¹, следует ее передвинуть шагов на 100—150 по направлению выстрелов, вперед или назад, смотря по тому, что удобнее и более отвечает цели маневра.

Эта последняя сноровка — чисто боевая; упражнять в ней в мирное время нельзя; и потому гг. офицеры тем крепче должны оную помнить, дабы ко времени боя она не забылась.

д) На местах каменистых стараться, при возможности, располагать часть так, чтобы камни приходились лучше в тылу, а не перед фронтом, во избежание пора-

¹ Это служит признаком, что неприятель приискал верный угол возвышения.

жения осколками. На шоссе или близко фронтом к нему избегать становиться по той же причине.

е) *Остерегаться закрытий удобопробиваемых*, вроде, например, оставленных шалашей, копен и тому подобных. Это не столько закрытие для нас, сколько метка для неприятельских выстрелов, до которых у противника может быть уже измерено расстояние. Поэтому лучше не только не располагаться за подобными закрытиями, но даже и близко подле них не становиться.

81. Для противодействия конной сомкнутой атаке тот строй хорош, который дает больше огня и обеспечен от охвата с флангов. Следовательно, если местность обеспечивает фланги, лучший строй против конницы будет развернутый, — прямой или ломаный, смотря по удобству. Обучающие должны пользоваться, поэтому, всеми местными преградами, встречаемыми при маневрировании, для показания, как ими пользоваться в случае конной атаки.

Если местность не представляет никаких пересечений и рота маневрирует одна, она примет один из порядков, указанных выше. *Каждому солдату должно быть внушено, что в каком бы строе пехотная часть ни встретила конную атаку, дело получит благополучный исход, если только в момент свалки люди останутся лицом к коннице.* Пехота должна помнить, что даже в случае прорыва дело не кончено, а только начинается, ибо конница потеряла разбег. Почему, показывая встречу конной атаки, иногда следует предполагать прорыв и приучать людей немедленно свертываться в плотные кучи.

82. *Маневрирование роты на местности закрытой.* Для упражнения роты в наступлении должно выбирать не одни более или менее открытые места, но также и весьма закрытые. На первых усваивается привычка быстро наступать и скрывать часть от огня, пользуясь теми видоизменениями, на которые обращено внимание выше; на вторых будет усвоена сноровка не менее важная — ходить по закрытым местам, сохраняя связь в цепи, не растягиваясь в сомкнутой части роты.

При маневрировании на местности закрытой рота наступает не так, как было сказано выше, но держится близко к цепи и следит за ее движениями шаг за шагом, чтобы сохранять с нею постоянную связь.

НЕКОТОРЫЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩЕГО
ОТНОСИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМЫХ РАЗЪЯСНЕНИЙ
ПРИ МАНЕВРИРОВАНИИ И ПОВЕРКИ ВНИМАНИЯ
В ПРИМЕНЕНИИ УКАЗАННЫХ ДЛЯ ОНОГО ПРАВИЛ

83. Полагается правилом, после встречи конной атаки немедленно возвращаться в прежний строй и к прежнему направлению фронта.

84. *Для показания видоизменений различных строев пользоваться действительными канавами, оврагами и проч., а не воображать их там, где нет.*

85. При следующих учениях обучающий, поручая распоряжаться наступлением старшему по себе, сам с жалонером становится на предполагаемую позицию стрелков неприятельских и наблюдает за ходом маневра. Цепь наступает хорошо, если на местах открытых видны отдельные стрелки, но не группы. Сомкнутая часть наступает хорошо, если во время остановок ее или совсем не видно, или, за невозможностью найти закрытие, видно в тонком строю, если движение совершается быстро и на значительные расстояния, по прекращении которого рота опять исчезает. Об ошибках обучающий дает знать, приказав сделать условленный предварительно сигнал значком. Когда рота достигнет позиции, на которой предполагались неприятельские стрелки, обучающий останавливает маневр, собирает офицеров, унтер-офицеров и отделенных и перечисляет замеченные им сгучиванья людей в цепи и те минуты, в которые рота без надобности оставалась открытою, сделала малый переход, или была в несоответствующем строе¹.

ПРИУЧЕНИЕ РОТЫ К МАНЕВРИРОВАНИЮ С АРТИЛЛЕРИЕЮ

86. Артиллерия сама себя защищать не может, и потому не должна об этом и заботиться. Защита ее, как святейший долг, ложится на ближайшую к ней часть. Этого требует закон выручки: артиллерия помогает пехоте своим огнем; пехота должна ее защищать и от пули, и от штыка.

Для приучения роты прикрывать артиллерию обучающий может употребить следующий прием: он назначает

¹ На домашних учениях этого рода ротному командиру, если может, лучше быть верхом. Тогда, в случае важных ошибок, он в состоянии будет и совсем приостанавливать учение для поправок, не рискуя затянуть его слишком долго.

толкового унтер-офицера или рядового представлять орудие¹; назначенному передается значок, дабы его все видели. Предварив роту, что солдат со значком представляет орудие, ротный командир начинает маневр по вышеуказанному, т. е. предупреждает о месте расположения неприятельской цепи и резервов² и т. д.

По отдалении цепи от роты шагов на сто жалонер, представляющий орудие, посылается в цепь с приказанием выбирать позиции, удобные для стрельбы, несколько не обращая внимания на цепь, т. е. выбегая перед нею, становясь на фланг цепи, в середине ее.

При этом цепь должна соблюдать следующее:

1) Если жалонер бежит перед цепь, ближайшие к нему отделения ни в каком случае не должны дать ему себя опередить; где он остановится, этим отделениям тотчас же занимать по сторонам его позицию на линии или впереди, смотря по местности, но не закрывая жалонера.

2) Если жалонер перебежит на фланг, соседнее отделение, или хотя часть его, должно тотчас же, по приказанию своего начальника, перебежать за жалонером на наружный фланг его. В этом случае ротный командир может также выслать на наружный фланг жалонера отделение или взвод из резерва в цепь, дабы показать один из случаев подкрепления цепи, обусловливаемой необходимостью прикрыть артиллерию.

3) Если жалонер станет в цепь, ближайшие люди очищают ему место и, если поблизости впереди есть выгодная позиция, перебегают на нее.

4) Если цепи приказано отступать, а жалонер стоит на месте, то и цепь не двигается с места, пока он не начнет отступать.

Жалонер должен толково занимать позиции, т. е. выбирать те из них, которые действительно удобны для стрельбы, и останавливаться на них до тех пор, пока начальник цепи не прикажет начинать переход на новую позицию.

87. Все взводы роты должны поочередно пройти маневрирование в рассыпном строю, с артиллериею и без

¹ Лучше всего употреблять жалонера, но так как это обязанность утомительная, то его следует сменять.

² Место расположения противника назначать не ближе версты и до двух, так как в деле придется переходить в боевой порядок в далее этого расстояния.

нее. Начальнику цепи и ее отделений обращать внимание на то, чтобы на открытых местах вверенные им стрелки не окучивались, не заботились о строгой прямизне линий, о равенстве интервалов, но думали только о выборе выгоднейших целей и позиций для стрельбы и о взаимной поддержке.

АТАКА

88. Кто идет в бой без искреннего желания сцетиться со врагом грудь с грудью, тот ничего не добьется.

89. Чтобы успеть в действительной атаке, начальник должен: 1) положить себе в уме и в сердце довести атаку до конца во что бы то ни стало, без оглядки назад; 2) уметь вдохнуть эту решимость в своих подчиненных; 3) указать цель атаки всей части, дабы она знала что делает и исполняла бы свой долг, даже если начальник и погибнет: а он не должен щадить себя, если жаждет успеха и хочет, чтобы и другие его жаждали; 4) насколько возможно, осмотреть место, по которому придется атаковать; 5) уловить мгновение для удара; 6) уметь инстинктивно определять расстояния, с которых должно бить бой к атаке, взять на руку, броситься на ура; чувство этих расстояний должно привить каждому рядовому; 7) бить сомкнуто, дружно, быстро, в прямом направлении¹, равняясь по передним и отнюдь не допуская хвостов. Обязанность унтер-офицеров блюсти за последним и в бою для достижения этой цели не останавливаться ни перед чем; 8) не надеяться, что неприятель поворотит до свалки, но ожидать, что дело может дойти до штыков и крови, и желать этого подлинно, страстно.

О потерях не думать: в атаку ходят для того, чтобы побить врага, невзирая на усилия и потери, а не для того, чтобы по возможности уменьшить потери. Хуже того, когда опрокинут, ничего нет; тогда-то и начинаются потери. Лучше не начинать атаки, чем, начав ее, повернуть назад. Но, раз начавши, лучше лечь до последнего,

¹ Прямолинейность направления при атаке дело в высшей степени важное, ибо внимание людей, устремленное на неприятеля, не должно быть ничем отвлекаемо. До сближения с атакуемым пунктом на 300 шагов часть можно еще передвинуть в стороны, чтобы ее, так сказать, нацелить на этот пункт, но в этом расстоянии частью стреляют: следовательно, поздно изменить ее направление.

чем показать... тыл. Только претерпевый до конца спасается.

Пробой уничтожаются смыканием к середине¹; оставления рядов под предлогом выноса раненых ни в каком случае не допускать. Охотники до выноса раненых не об них заботятся, но о себе; честный солдат на это не пойдет. Роте будет хорошо и раненым будет хорошо.— Это для военного времени.

90. При одностороннем маневре из сказанного можно упражнять в следующем: если неприятель открыт, можно послать в него несколько залпов² с 300 шагов и затем итти; но чем он лучше закрыт, тем меньше стоит заниматься залпами: больше сами потеряем, чем ему нанесем вреда. *Быстрое движение*³ вперед *непрёменно в прямом направлении*; на флангах стрелки⁴. На 200 шагах «бой к атаке», на 50—100 «ура». Шаг при штурме — порывистый, живой, широкий; бег в последнюю минуту — взапуски. Равнение — по тем, кто больше рвется вперед.

Останавливать штурм не ранее как пройдя место, за которым неприятель предполагался, шагов на 50. По остановке быстро сомкнуться по тем, кто больше во время бега вылез вперед. «Не смеет никто и четверти шага осадить назад». На таковое немедленное восстановление сомкнутости и порядка после атаки должно быть обращено *особенное внимание.*

¹ В мирное время полезно для подготовки к исполнению этого приема при движении вперед и назад (но не при атаке) приказывать такому-то (или таким-то) ряду останавливаться и требовать, чтобы остальные смыкались к середине, не ожидая команды (См. выше статью о приемах развития внимания).

² Лучше меньше, чем больше.

³ Нам кажется, что можно допустить после залпов даже перебегание с трехсот на полтораста шагов. По крайней мере, в суворовской атаке перебегания допускались в те минуты, в которые можно ожидать большой потери от огня.

⁴ Стрелки должны сопровождать атакующую часть до конца и стрелять или драться на штыках, стараясь охватить неприятеля: *в силу закона взаимной поддержки ни один человек не должен оставаться позади, когда часть идет в штыки, разве начальник прикажет остаться, дабы содействовать атаке огнем.* Такое приказание может быть отдано: при атаке укреплений, позиций, прикрытых оврагом или речкой (которая есть тот же овраг, только наполненный водой). Тут стрелки, дойдя до рва (оврага), могут быть приостановлены, чтобы покровительствовать огнем переходу через препятствие сомкнутой части, к которой присоединяются уже тогда, когда она утвердится на неприятельской позиции.

91. Цепь, не останавливаясь, преследует опрокинутого по пятам.

92. Если место благоприятствует¹, можно продолжать маневр и сомкнутою частью, имея целью преследовать неприятеля.

93. Всякий строй для атаки хорош, если начальник ставит вопрос так, что не допускает середины между победою и гибелью, и если он доведет во вверенных ему людях чувство взаимной поддержки до того, что они никогда не будут думать о себе, но всегда о выручке товарищей. И потому при мирном обучении следует атаковать не в одном каком-либо строе постоянно, но и в развернутом и в колоннах, — как придется.

94. *Подготовка роты к неожиданностям при атаке.* Случайность, которая наиболее может помешать при атаке неприятельской позиции, заключается в том, что неприятель может сам атаковать в неожиданном направлении. Для подготовки ко встрече подобной неожиданности следует во время маневра предполагать атаку против своего фланга (всегда обозначая место нахождения неприятеля) и принимать меры для противодействия ей. Меры эти могут заключаться или в том, что вся рота бросается в штыки к месту, в котором предположено неожиданное появление неприятеля, или же часть ее, по назначению.

Первое (т. е. перемена направления наступления всей роты) может иметь место только в огнестрельный период боя, и потому делать это до сближения с противником на 300 шагов. Второе (т. е. назначение какой-либо части роты для встречи неожиданной атаки) — будет иметь место тогда, когда уже поздно отказываться от первоначально предположенной цели; и потому принятие подобной меры должно показывать на пространстве 300 и менее шагов до позиции неприятеля. Само собою разумеется, отделять при этом задний, а не передний, взвод.

95. Действие оружием, в подобных случаях, может быть различно: при внезапном появлении нашем против неприятеля или, наоборот, неприятеля против нас — штык, которому может предшествовать залп, если есть время; при появлении неожиданном на расстоянии более

¹ Т. е. если невдалеке от прежней позиции находится такая, на которой опрокинутый неприятель мог бы остановиться, так что потребовал бы новой атаки.

200—300 шагов — стрелки стреляют сколько успеют, а сомкнутая часть, сделав залп, бросается колоть.

Огонь служит только для подготовки удара: *но так как лучшей подготовки и желать нельзя, как неожиданность, если только удастся поразить ею неприятеля, то в подобном случае терять время на огонь вредно, ибо дадим неприятелю время опомниться.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

96. Рота, собранная, поворачивается на заднюю шеренгу. Попрежнему назначается позиция для неприятельских стрелков и резерва, в направлении, ведущем к месту расположения роты, и все исполняется по вышеуказанному, но на заднюю шеренгу. Унтер-офицеры переходят. По атаке позиции — возвращение домой известным уже походным порядком, т. е. с предосторожностями.

97. Маневр должен идти живо, без ненужных растягиваний. Считая от перестроения в боевой порядок, и при расстоянии до позиции около версты, он должен продолжаться весь (т. е. в обе стороны) не более полутора, много двух часов. Разбор делать: на походное движение до маневра — перед построением в боевой порядок; на маневр вперед — перед атакою; на возвратный — также; на походное движение к лагерю — по приходе в лагерь.

Но люди и офицеры должны знать, что в действительности дело происходит не так скоро, так как одна подготовка огнем тянется иногда целые часы.

СКВОЗНЫЕ АТАКИ И УЧЕНИЯ С БОЕВЫМИ ПАТРОНАМИ

98. Односторонний маневр хотя и дает понятие об огнестрельном и штыковом периоде боя, но далеко не довершает подготовки к ним, возможной в мирное время: к первому — потому, что пули нет, а стрельба холостыми патронами развивает совершенно не те привычки и сноровки, которые необходимы при стрельбе боевой; ко второму — потому, что не знакомит солдата с тем впечатлением, которое производит на человека быстро наступающая масса.

99. Подготовку к огнестрельному периоду боя довершают учения с боевыми патронами (боевая стрельба); к штыковому — сквозные атаки.

100. Первый из этих приемов обучения находится в сильной зависимости от имеющихся средств, и потому не всегда может быть применен к делу, несмотря на свое важное значение; второй же не требует никаких специальных отпусков; и потому безусловно рекомендуется, — ибо там, где есть хотя два отделения, можно упражнять людей в сквозных атаках.

СКВОЗНЫЕ АТАКИ

101. Сквозные атаки можно производить, возвращаясь с маневра, и даже на строевых учениях, отделением на отделение, взводом на взвод, полуротой на полуроту, — в развернутом строе или в колоннах. Для этого один взвод (полуроту) останавливают, а другой отводят шагов на 400 и поворачивают их лицом друг к другу.

Первый из взводов ведут в атаку на другой следующим образом:

Быстрое наступление до сближения шагов на 300; остановка для залпов. Опять наступление; по сближении на 200 шагов барабан начинает бить; на 50—20 — ура, и протискиваться через противоположный взвод. В момент столкновения брать штык на себя.

Взвод, стоявший на месте, на залпы отвечает залпами и продолжает их до сближения противника шагов на 50; после чего берет на руку, бросается на ура и также протискивается.

102. *При столкновении требовать самого быстрого бега.*

103. Для залпов при сквозных атаках иметь, если средства позволят, холостые патроны.

Примечание. Стоящему на месте (т. е. представляющему оборону) можно начать залпы и с 300 шагов, но с таким расчетом, чтобы приберечь последний залп к моменту перед ура. Следовательно, чтобы все сделать спокойно, можно дать залпа два-три дальних (считая с 300 шагов) и, зарядив еще раз, ждать 50 шагов.

104. По прохождении взводов одного сквозь другой — переход в шаг и мгновенное восстановление порядка по передним.

После этого, взвод, стоявший на месте, останавливают; а наступавший продолжает движение, пока не отойдет шагов на 400, и повторяется то же самое; только стоявший прежде взвод теперь будет атаковать.

105. Для приучения пехоты ко встрече конной атаки необходимо также, и так часто, как то позволят обстоятельства, заниматься сквозными атаками конницы на пехоту и пехоты на конницу.

Примечание. В большей части случаев эти учения придется производить отдельно от маневров, дабы не затруднять обоих родов оружия необходимостью соглашать распределение занятий в таких мелких сдвинках, как эскадроны и роты. Да притом здесь дело вовсе не в том, чтобы атаку конницы ввести в маневр, а в том, чтобы приучить: пехоту — спокойно выносить впечатление, производимое конницею, а конницу — дерзко бросаться на пехоту, несмотря на огонь.

Ротный командир не должен упускать ни одного благоприятного случая для такого учения: нет приема, который в мирное время мог бы лучше сквозных атак воспитать пехоту в привычках спокойствия, твердости, бесстрашия, упорства. По той же причине нет и для конницы более полезного упражнения.

106. Для сквозной атаки конницы на пехоту рота в развернутом строе, с разомкнутыми на пять шагов рядами, становится против разомкнутого точно так же эскадрона. Расстояние между противными сторонами следует делать около 400 шагов.

После этого конница проходит рысью сквозь пехоту, причем эта последняя дает залп по сближении конницы шагов на 200; затем берет на руку. Конница, пройдя сквозь пехоту, останавливается за нею шагах в 30 и поворачивает кругом. Тогда пехота, повернувшись тоже кругом, т. е. лицом к коннице, идет на нее в штыки¹, в 20, 30 шагах бросается бегом сквозь конницу, пройдя эту последнюю, переходит в шаг и, отойдя шагов 300, останавливается и поворачивает кругом. Конница поворачивает к ней и повторяет атаку по указанному. Можно также приостанавливать пехоту перед мордами лошадей и делать ружейные приемы, так как неприученные лошади боятся и их. Затем приказывать людям подходить к лошадям и оглаживать их. Это хорошо обоим, так как в пехоте есть много людей, которые боятся лошадей. Во время приемов и оглаживанья барабанщики и горнисты ходят подле лошадей, бьют и играют. При этом упражнении предупреждать пехотинцев, чтобы не хватали за поводья и не подходили к задним ногам лошадей.

¹ Без залпа. Можно и с залпом, но тогда коннице не оставаться на месте, а подаваться шагом навстречу пехоте. Залп в этом случае делать не ближе 100 шагов.

Налегать на то, чтобы в момент прохождения движение отнюдь не было замедляемо. В известные уже минуты барабанщики должны бить и учащать бой по мере сближения с противником. Обращать особенное внимание на быстроту шага и на равнение по передним.

107. Освоив людей с этим упражнением, следует пропускать конницу галопом и в карьер, и наконец, исполнять все изложенное, размыкая ряды не более, как на три шага.

108. Описанный прием обучения, кроме пользы вышеуказанной, хорош еще и тем, что дает возможность: пехоте приучить глаз к определению расстояний, с которых следует давать залпы, а коннице — к определению расстояний, с которых следует бросаться на пехоту в карьер.

Несчастные случаи при этом, конечно, возможны¹; но, во-первых, они будут редки; во-вторых, окупятся сторицею тем, что наша пехота и конница, быв воспитаны таким образом, не будут в бою застигнуты врасплох никакою неожиданностью. В деле при Лекко² французская конница врезалась в один наш батальон, стоявший в колонне: дело для хорошей конницы возможное; но те, которые попали в батальон, там и легли. Вот что значит выдержать пехоту на сквозных атаках.

109. Из описания хода и сквозной атаки, и одностороннего маневра видно, что к наступлению следует приучать как на заднюю, так и на переднюю шеренгу.

УЧЕНИЯ С БОЕВЫМИ ПАТРОНАМИ

110. Преобладающая важность стрельбы с неопределенных расстояний, в сравнении со стрельбою с расстояний отмеренных, происходит из необходимости дать солдатам привычку перед каждым выстрелом помнить о расстоянии и о соответствующей ему установке прицела. Без этой привычки будет случаться то, что теперь у многих случается: люди совершенно будут забывать об установке прицела в бою. Понятно, что при этом самое совершенное оружие не помешает пулям лететь на воздух, и принятие его будет иметь одно последствие — бóльшую против прежнего бесполезную трату патронов.

¹ Они бывают и при стрельбе, и при фехтовании, и при гимнастике.

² В кампанию 1799 г. Суворова в Италию.

111. Учение с боевыми патронами (или, что то же, стрельба с маневрированием) есть тот же односторонний маневр, с тою только разницею, что эволюции сопровождаются стрельбою по мишеням, представляющим неприятеля и поставленным на позиции, овладение которою должно составлять цель всякого одностороннего маневра.

112. *Установка мишеней.* Мишени устанавливаются в боевом порядке, т. е. так, чтобы была цепь и резерв. Первую представляют мишени, равные по размерам одиночным людям в различных положениях, принимаемых стрелками; второй представляют мишени, соответствующие размерам сомкнутых частей, поставленные в приличном за цепью расстоянии.

113. Для установки выбирать места, на которых стрелки не встречали бы никаких меток, избавляющих от необходимости определять расстояния на глаз. Мишени, представляющие цепь, не должно вытягивать в правильную линию, а располагать некоторые впереди, другие позади общего их фронта; в одних местах чаще, в других реже.

114. Где место способствует, должно избирать для расположения мишеней позиции, выгодные для обороны, т. е. такие, которые неприятель выбрал бы и на самом деле. Где есть укрепления, можно располагать мишени иногда на банкете, дабы показать людям употребление стрельбы при атаке укрепления.

115. *Порядок учения.* Рота идет походом до тех пор, пока разведывательная цепь не откроет мишеней; тогда эта цепь останавливается, и начальник ее посылает донесение, на каком расстоянии мишени открыты, сколько их, каких размеров. Получив это донесение, обучающий распоряжается, как указано в маневрировании одностороннем. Исполнение обязанностей, возложенных в том отделе на унтер-офицеров и начальников отделений, приобретает при учении с боевыми патронами особенную важность,— и командующий цепью должен строго следить, чтобы его непосредственные подчиненные не спали. Неравномерная по всей линии расстановка мишеней обратит внимание на выбор выгоднейших целей; а незнание расстояний — на то, чтобы, определив расстояние на глаз, не начинать стрельбы по всей цепи, а, напротив, поверять это определение пробными выстрелами и затем уже назначать установку прицела.

116. Учения с боевыми патронами окончательно утвердят стрелков в сноровке прискивать опоры ружью: дело, которое должно быть предоставлено исключительно личной их сметливости. Вместе с этим будет достигнута и другая известная цель, но без нравственного вреда, так как в мирное время человек всегда будет занят тем только, чтобы дать меткий выстрел, а не тем, чтобы укрыться.

117. При учениях с боевыми патронами следует пройти: сбор отделений для встречи конной атаки, наступление, отступление, охватывание цепи и противодействие охвату. На охватывание линии мишеней должно быть обращено такое же внимание, как и при одностороннем маневре, и для того, чтобы дать на первых порах более легкую цель охватывающим, следует располагать несколько мишеней с одного или с обоих флангов по загнутой линии. Конница также может быть представлена соответствующими по размерам мишенями. Располагать эти последние следует по возможности так, чтобы они открывались не ранее, как когда цепь подойдет к ним на 300 шагов и ближе. Если же, по местности, поставить таким образом конных мишеней нельзя, то следует предупредить людей, чтобы по ним не стреляли ранее получения предвещения, что идет атака.

Примечание. Можно делать также мишени, которые поднимаются в ту минуту, когда желают представить стрелкам появление конницы.

118. Для приучения людей к сноровке противодействия охвату следует на одном из флангов линии мишеней поставить их несколько по линии, загнутой вперед и притом так, чтобы их не было видно с самого начала наступления; затем приказать цепи охватывать фланг противоположный. Когда цепь сблизится к предполагаемой позиции стрелков неприятельских настолько, что мишени, представляющие охватываемую часть, откроются, — рассыпают из сомкнутого состава роты отделение или два так, чтобы эта новая цепь могла брать своим огнем охватывающие мишени продольно. Это одно из действительнейших средств противодействия охвату в бою.

Примечание. Другое средство, не менее действительное, заключается в том, чтобы атакой нашей сомкнутой части грозить от-

резать охватывающую часть цепи неприятеля. Этот прием можно показать и на роте, разделив ее на две стороны; но удобнее показать при двухстороннем маневре частей более роты сильных¹.

119. В учениях с боевыми патронами следует показать высылку цепи в новом направлении, для чего ставить также охватывающие мишени.

120. При этих учениях роте должно быть показано употребление залпов в различных, уже известных, случаях, т. е. против пехотного резерва обороняющегося и против его конницы. За залпами против мишени, представляющей резерв, должна следовать атака на нее. Не худо от времени до времени отдать мишень в жертву.

Примечание. Цепь, по роду своих действий, должна быть обучена как наступлению, так и отступлению, ибо залог ее успеха лежит не столько в упорстве, сколько в гибкости: в умении исчезнуть, если плохо приходится, и опять насесть, когда неприятель не ожидает этого. Но рота отступать не должна: и потому в случае отступления цепи, она или приостанавливается, или идет к цепи на выручку.

121. *Некоторые сноровки при учениях с боевыми патронами.* 1) начальниками отделений следует назначать лучших и толковейших стрелков и для того распределять таковых по отделениям равномерно. При этом ранжир не особенно потерпит, а дело положительно выиграет; 2) требовать от начальников отделений, чтобы они действительно руководили своими товарищами, т. е. делали пробные выстрелы для определения прицела, указывали выгоднейшие цели и удерживали от выстрелов на ветер; 3) внушать неустанно, что спокойствие и несуетливость в движениях — основное условие успешной стрельбы; что лучше попасть хоть одну пулю, чем сто пустить на воздух; 4) цепь иметь всегда редкую — не меньше 3-х шагов на человека. В густой цепи люди друг другу мешают, да и цель неприятелю больше; 5) если сомкнутая часть, при подводе для залпа, не придется прямо против своей мишени, она отнюдь не должна делать бокового передвижения, а зайти плечом на том месте, где остановлена, настолько, чтобы людям не пришлось целить вкось относительного фронта.

¹ Пример опущен,

ПРИГОТОВЛЕНИЕ РОТЫ К ОБОРОНЕ

122. Оборона, которая не кончается переходом в наступление, кончается гибелью.

123. Рота должна уметь быстро и с толком занимать небольшие позиции вроде: деревень, перелесков, кладбищ, возвышений и т. п. Хотя не мешает показать и такие расположения, как, напр., за оврагом, речкой и т. п.; но на первые следует налегать, ибо с них переход в наступление легче. А при обучении должно оставаться совершенно последовательным той мысли, что и обороняться нужно, атакуя самому; всякий солдат должен быть ею проникнут.

Не бьет тот, кто отражает только удары; бьет тот, кто и при обороне ежеминутно думает, чтобы при малейшей возможности начать их наносить.

124. Основные условия хорошей оборонительной позиции совершенно одинаковы и для одного отделения, и для целой армии: стать для боя на прямом пути наступления неприятеля к тому пункту, который намерены прикрыть; стать на таком месте, с которого легко бы двинуться по какому угодно направлению и с которого мы могли бы видеть неприятеля и стрелять по нем, а он бы нас не видел — вот и все. Подробности развития этой основной цели, которую нужно иметь в виду, занимая позицию, гг. офицеры найдут в любом курсе тактики. Здесь же обращается их внимание на постепенность распоряжений при занятии всякой позиции.

125. Для занятия позиции нужно:

а) Вместе с офицерами осмотреть ее и пространство, примыкающее к ее флангам.

При этом осмотре назначается место для расположения цепи и резерва;

б) Предупредить роту, что хотим делать и откуда неприятель ожидается.

в) Распределить ее для занятия позиции, т. е. назначить часть, которая должна идти в цепь; оставшаяся составит резерв.

г) Указать начальнику цепи линию, которую он должен занять, и в особенности пункты впереди позиции, на которые должен быть направлен сильный огонь.

д) Напомнить всем начальникам, что они ответчики за всякого бестолково ставшего человека, бестолково вы-

пущенную пулю. Начальник цепи отвечает за начальников отделений, которых должен поверять, но отнюдь не брать на себя их дела; на том же основании начальники отделений отвечают за своих людей¹.

е) Если есть время начальнику цепи, расположив ее, не мешает распорядиться промеркою расстояний до более заметных точек впереди фронта позиции. (Сноровка для военного времени).

ж) Резерв располагать в таком расстоянии от цепи, чтобы при атаке можно было разогнаться; и потому лучше его ставить, если есть удобные закрытия, не ближе как шагах в 50 от того места, где хотим подготовить удар. На позициях весьма закрытых (как в густом лесу или кустах) лучше ставить ближе, ибо иначе не видно будет начальнику резерва, что в цепи происходит.

з) Если при осмотре окажутся пересечения, препятствующие свободе движения резерва и легко устранимые², в них следует сделать удобные проходы. (Совет для военного времени).

и) От флангов непременно следует выставить патрули для наблюдения за флангами, растолковав начальникам наряжаемых патрулей, что их обязанность смотреть за движениями противника, расположившись так, чтобы видеть по возможности дальше вперед и в стороны. Открыв движение неприятеля на фланг позиции, один из патрульных немедленно посылается с донесением.

Наблюдение за флангами — предмет особенной важности: при нем обход обращается в ничто, а иногда и в гибель врагу. Обход сам по себе не опасен, ибо решает победу штык, а не положение, в котором неприятель от-

¹ На восстановление чувства ответственности каждого начальствующего чина в строе гг. ротные командиры должны обратить особое внимание, и когда это будет вполне достигнуто, тогда напоминание, предложенное в пункте д, станет излишним. Восстановить же это чувство ответственности легко: *стоит только старшим начальникам не брать на себя обязанностей младших*. Ротному командиру предоставлять начальнику цепи исполнить полученное приказание и затем уже поверять, как оно исполнено. Если сделана ошибка — поправить, но опять не самому, а через того же начальника цепи. Начальнику цепи не лепить самому всякого человека за куст, изгородь или дерево, а поступать относительно начальников отделений так, как только что сказано о ротном командире. Даже и начальнику отделения нечего самому расставлять людей, а должно дать им стать, затем поверять и исправить.

² Как в деревнях внутренние плетни, изгороди и проч.

носителю нас находится: но крайне опасно узнать об обходе слишком поздно, ибо тогда он действует, как всякая неожиданность¹. Даже самый находчивый и нетерпящийся начальник может быть поставлен в затруднение неожиданным обходом, ибо и сохранив способность распорядиться, он, может быть, не будет иметь на это времени. *Рекомендуется поэтому, как при обороне, так и при наступлении, никогда не забывать наблюдения за флангами.*

Для приучения патрульных к исполнению этой обязанности можно употреблять тот же прием, который предложен для поверки разведывательной цепи на походе, т. е. посылать несколько рядовых перед позицию, с приказанием незаметно на нее пробраться с фланга или в тыл.

Сила патруля постоянно быть не может, ибо зависит от местности. Дело ротного командира определить эту силу, соображаясь с тем, что покажет осмотр флангов². Иногда наблюдение за флангами лучше даже делать с самой позиции (напр., если есть колокольня, дерево или вообще какая-нибудь вышка). Но во всяком случае лучше назначать для этого людей, которые не были бы заняты ничем, кроме наблюдения.

126. Войска, расположенные в казарме, следует упражнять в занятии этих последних для боя, всегда назначая сторону, откуда ожидается противник. В каждом покое чтоб был командир и вместе ответчик. Объяснять, в каких бы местах, при том или другом направлении на-

¹ Что опасность заключается в неожиданности появления, а не в обходе, видно из того, что и неожиданное появление перед фронтом поражает не меньше обхода. Но если мы на все готовы, если приняли меры к тому, чтобы по возможности заблаговременно узнавать о предприятиях противника,—неожиданности не будет, откуда бы он ни появлялся: и кто кого одолеет, решит штык. Швейцарская кампания Суворова — лучшее этому подтверждение. Все зависит от предусмотрительности, упорства — и следствия этих качеств — способности не теряться и не приходить в отчаяние.

В сражении при Риволи австрийская колонна, зашедшая французам в тыл, кончила тем, что положила оружие; следовательно, сам по себе, обход ничего не значит.

² Наблюдение за флангами позиции роты, если она действует отдельно, слишком серьезное дело, и его не всегда можно поручать взводным командирам, зачастую неопытным и во всяком случае занятым не общим расположением роты, а своим взводом.

ступления неприятеля, нужно бы было заложить выходы или пробить новые. Если в стенах, окружающих казармы, проделаны бойницы, то к сказанному упражнению прибавится еще занятие стенок и наглядное ознакомление солдата с тем, что такое бойница, как сквозь нее действовать и как стены приводятся в оборонительное положение.

СНОРОВКИ ПРИ АТАКЕ И ОБОРОНА ОВРАГОВ, УКРЕПЛЕНИЙ, ДЕРЕВЕНЬ И Т. П.

127. Если солдат битых дорог знать не будет; если, идя с учения или на учение, он не будет делать иной раз лишнюю версту, чтобы обойти препятствие, а, напротив, сделает лишнюю версту затем, чтобы перейти прямо через него; если будет исполнено то, что рекомендуется в отделе гимнастики, то люди и командиры получат возможно лучшую подготовку к атаке местных преград. Останется затем знание таких сноровок, как, напр., оставление цели по сю сторону оврага (рва в укреплении) для обстреливания неприятеля в то время, когда наши будут взбираться на бруствер (на противоположный берег оврага, реки), и т. п. Но о запоминании этих сноровок не должно особенно заботиться: их бесчисленное множество, и та, которая хороша в одном случае, никуда не годится в другом. Следовательно, как поступить во всяком частном случае, решит скорее тот, кто находчив, а не тот, кто больше помнит сноровок.

128. Как самое действительное подспорье развитию находчивости, может быть предложено офицерам толковое чтение того, что было писано людьми, бывшими в делах: гг. офицеры, преданные своему делу, не оставят втуне этого совета¹.

ПОДГОТОВКА К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТЕЙ СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЫ

129. Сторожевая служба есть только вид гарнизонной: те же часовые, те же караулы, та же ненарушимость полученной сдачи. Разница только в охраняемом предмете

¹ «Сборник боевых наставлений и приказов», изданный В. У. Комитетом Главного Штаба, в особенности рекомендуется.

и в том, от кого он охраняется: в военное время солдат охраняет то, что для него должно быть дороже всего на свете, — охраняет своих товарищей от предприятий общего врага. Поэтому, кто знает свой долг при отправлении гарнизонной службы, — подготовлен достаточно и к отправлению службы сторожевой. Та же часть этой службы, которая составляет ее отличительную черту, как: высматривание, внимание к предметам и т. п., в мирное время может быть усвоена, да и то в слабой степени, только при двухстороннем маневрировании частей, более роты сильных¹.

А для того, чтобы о сторожевой службе понятие получилось верное, необходимо, чтобы все офицеры роты упражняемы были в выборе позиций для сторожевой цепи на местности и по карте и решили задачи наряда войск на избранную позицию.

130. Для утверждения людей в понимании обязанностей сторожевой службы хорош тот же прием искушения. Чтобы приучить хранить в тайне пропуск, можно, например, поступать так: положим, пропуск «пуля». Иду на цепь. «Стой, что пропуск?» — «Палка». — «Нет, не палка». — «А что?» спрашиваете быстро: и на первых порах нападете, и не на одного, что сразу скажет. Тогда, разумеется, соответственное напоминание. Хорошо также пробовать пройти через цепь, не обращая внимания на требование остановиться. Если солдат приучится твердо стоять на непропуске к стороне неприятеля даже своего прямого начальника, колыми паче не пропустит никого другого. Предлагаются задачи: 1) каким искушением добиться, чтобы посты оставляли место не иначе, как по приказанию их поставившего; 2) какой прием показа может утвердить в том, как поступать, если какой-либо пост исчезнет?

¹ Если время позволит ротному командиру заниматься авая-постными учениями, то советуем выводить роту не меньше как на полсутки и делать учение двухстороннее, дабы можно было как следует проделать смену, поверку часовых, посылку патрулей к стороне неприятеля и проч. Еще лучше производить эти учения в ночное время.

ЧАСТЬ II

ПОДГОТОВКА БАТАЛИОНА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ К ПРЕДЫДУЩИМ ИЗДАНИЯМ

Приемы, предложенные в 1-й части для приготовления офицеров и нижних чинов ко встрече неожиданно-стей, до сих пор кажутся некоторым почти отступлением от устава; другие признают таким же отступлением введение кратких предварений, предпосылаемых построениям или действиям.

Первое недоразумение очевидно происходит от разницы во взглядах на устав, заключающейся главнейше в том, как его следует разуметь: сборником ли форм строя, кроме которых не может и не должно быть никаких иных; или же сборником только основных типов строя, которые в применении не только могут, но должны быть видоизменяемы сообразно месту, *где* деремся, времени, *когда* деремся, и неприятелю, *против которого* деремся.

Очевидно, что эти данные слишком изменчивы для того, чтобы им можно было ответить только теми формами строя, которые включены в устав. А если сила вещей не позволяет ограничиться ими в бою, то можно ли безнаказанно ими ограничиться, подготавливаясь к бою? Нам кажется, нет.

Но может быть скажут: «если не все формы строя, которые могут понадобиться, включены в устав, то значит он не полон и нуждается в дополнении?» Отнюдь нет: став на подобную точку, получили бы уставы весьма толстые и к усвоению неудобные; вместо соображения заставили бы работать память в ущерб соображению, и все-таки не достигли бы цели, ибо всех уклонений от типов — уклонений, вызываемых делом, — все-таки не включили бы в устав, так как им нет числа.

В деле не тот толково распоряжается, у кого голова набита большим числом форм, но тот, кто привык принимать в расчет обстоятельства места и времени и к ним применять свои действия и построения, или — что одно и то же — в зависимости от обстоятельств видоизменять уставные типы строя.

На чем же можно усвоить себе привычку подобного отношения к уставу? На одном, и только на одном: если

начальник в мирное время поставлен в необходимость сам прижизненно видоизменять уставных типов строя сообразно обстановке, а не думать, что он не смеет ни на йоту отступить от этих типов. Только при этом условии у него открывается и глаз и ум на то, чтобы обращать внимание на обстоятельства, при которых он действует; только при этом условии он в состоянии остаться верным духу устава, как бы резко ни отступал от него по внешности. Не должно никогда забывать, что устав для нас существует, а не мы для устава.

Наоборот, приняв букву строевого устава за нечто неизблемое, мы должны отказаться от развития находчивости, ибо тогда целью является практика не в применении к обстановке, а в воспроизведении уставных типов строя, невзирая на обстановку¹. И тогда не устав для нас существует, а мы для него.

Вот почему убежденным остаюсь, что допускать построения, которые в духе устава, хотя бы по букве в нем таковые и не находились, не только можно, но должно; полагаю также, что попытка ввести в устав все подобные варианты основных типов строя была бы самым вредным делом: ибо повела бы не к развитию находчивости, но к подавлению ее.

Для примера возьмем хоть развернутый строй; устав дает его прямолинейным — вот основной тип; но если мы, для встречи конной атаки, загнем один или оба его фланга в обеспечение от охвата, то будет ли это отступлением от устава? Мы думаем, что нет. Можно ли ввести ломаный развернутый строй в устав? Мне кажется, нет; ибо можно загнуть и несколько рядов, и взвод, и больше: который же из этих вариантов должен попасть в устав? Мне кажется ни один; ибо тот из них, который попадет в устав, явится уже чем-то обязательным и будет предпочтительнее и тогда, когда по обстоятельствам который-либо из непопавших в устав был бы лучше².

¹ Случалось в прежнее время видеть, как по команде: *строй каре*, поданной для войск, стоявших на ровном месте и ожидавших конной атаки, этот строй принимали и роты, занимавшие по соседству укрепление. Перед буквой устава командиры последних рот были правы; но правы ли были перед духом его? Скажут, может быть личная неаходчивость? Нет, не личная, а приобретенная вследствие системы обучения, построенной на поклонении букве устава.

² Пример опущен.

Показались также странными предварения, предпосылаемые переходу в новый строй. Ответ на это заключается в разрешении следующего вопроса: нужно или нет стремиться к тому, чтобы не только офицер, но и солдат понимал, что он делает на учении? Полагать надобно, что нужно. А если нужно, то этого ничем иным достигнуть нельзя, как предварением о том, где неприятель предполагается, что и с какою целью собираются против него делать.

Предварения первого рода¹ необходимы, положим, только при обучении в мирное время, ибо в военное неприятель *даст знать сам о себе*; но предварения второго рода² будут неизбежны и необходимы всегда, а потому на мирных учениях также должны быть делаемы всегда; ибо начальники должны приучиться отдавать их кратко и толково, а подчиненные понимать.

Некоторым кажется, что для исполнения чего-либо достаточно поставить часть фронтом в надлежащую сторону, скомандовать: «равнение туда-то, шагом марш» — и дело сделано. Таким путем будет оно сделано редко, а погублено весьма часто; если вы хотите, чтобы я взял, напр., дер. Русановку, то так и скажите: тогда я буду знать, куда и зачем я должен идти; а команда даст мне возможность исполнить движение дружно с товарищами. Но если вы мне скомандуете только, а потом вас убьют, то каким образом я догадаюсь, зачем и до которого места вы предполагали меня вести?

И тут-то скрывается причина большинства тех несчастных случайностей, когда в бою часть приходит в замешательство: будь она воодушевлена самым искренним желанием исполнить свой долг, это не поможет, если со смертью начальника она не знает, что должна делать. А без предварения как же ей это узнать?

Не нужно забывать той простой вещи, что ни одна команда не указывает цели ни движению, ни построению: ибо команда для движения, напр., одна, а целей, с которыми меня могут двинуть, тысячи тысяч. Следовательно, во всяком частном случае цель можно указать только соответствующим приказанием, а команда будет служить только затем для получения дружного, единого исполнения.

¹ Т. е. где неприятель предполагается.

² Т. е. что и с какою целью собираемся делать.

После этого может быть согласится, что одною командою нельзя сделать дела, а необходимо предпослать ей приказание или предварение. Солдат теперь более не машина (да у боевых людей он и никогда не считался за машину): а потому нужно постоянно помнить, что он тогда только работает руками и ногами толково и от сердца, когда понимает, чего от него хотят.

ПОДГОТОВКА БАТАЛИОНА К БОЮ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Указания, сделанные относительно роты, по духу остаются без изменения и в деле подготовки баталиона.

Приемы развития внимания, предложенные для роты, при обучении баталиона уже нет надобности применять, кроме, конечно, постоянной перемены порядка учений.

2. Командир баталиона есть больше контролер, чем распорядитель при мирной подготовке. Он следит за точным исполнением в ротах его баталиона уставов, наставлений и распоряжений командира полка, ибо знает, что баталион есть не единица, а дробь единицы, именуемой полком, благоустройство и гармоническое единство коего должно составлять гордость и высшую цель всякого достойного члена полковой семьи.

3. На этом основании он следит, чтобы в ротах дело велось ровно и по установленным срокам; слишком ретивых ротных командиров придерживает; не в меру спокойных будит. Дает занятиям общее направление, но в чужую работу не вмешивается, если она и без него идет как следует. Напоминает упущения, сдерживает увлечения. Молодых ротных командиров руководит, но так, чтобы их начальственный авторитет в мнении подчиненных от этого не страдал.

А поруководить есть в чем. На первых порах самый усердный и способный ротный командир не всегда, например, соблюдает соразмерность в налагаемых взысканиях: не за дело строго накажет, за дело слабо. Батальонный командир, просматривая, и часто, журналы взысканий, может ускорить приведение взысканий к соразмерности с проступками.

Слишком строгих взысканий сам он, конечно, уменьшать не может; но может расположить ротного командира, по собственному почину, смягчать их. Если, на-

оборот, взыскание несоразмерно слабо, он может надать, но это не нужно: достаточно, если он покажет ротному командиру, что наложенное взыскание слабо, и почему оно слабо.

То же самое верно и относительно обучения: у одного ротного командира лежит сердце к строю (таких больше всего), у другого к стрельбе, у третьего к пригонке вещей и т. п., причем прочее упускается: все это баталионный командир может и должен выровнять тихо, исподволь, настойчиво.

4. Чаше заглядывать в котел, и в отчетность по продовольствию: из старших командиров, баталионный есть ближайший жалобник и защитник солдата по этой части.

5. Он помогает ротным командирам быть настойчивыми и ответственными в деле утверждения младших офицеров в знании обязанностей.

6. Он поддерживает добрые обычаи в служебной требовательности: настойчивость и энергию без грубости; спокойствие и отсутствие суетливости без вялости; вызов исполнительности без жестикуляций известного рода.

7. Он поддерживает добрые строевые обычаи, вроде того, напр., чтобы поправлять солдата словом, а не руками; править стойку, начиная снизу, а не сверху, т. е. с носков, а не с плеч, как часто случается, и т. п.

8. *Наконец, он должен знать своих офицеров насквозь*: кто, на что и в какой мере годен. Чем более он сумеет внушить к себе доверия, чем охотнее они будут к нему обращаться, как к естественному советнику и руководителю, тем лучше. Одним словом, он есть для ротных командиров старший, благожелательный, но твердый и авторитетный товарищ, а не панибратчик.

СТРОЕВЫЕ УЧЕНИЯ БАТАЛИОНА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

9. Упражнения, рекомендуемые в 1-й части в отделе гимнастики, т. е. атака укреплений, штурм казарм, городских стен и крепостных построек, должны быть при малейшей возможности исполняемы и баталионом.

10. Все, сказанное в 1-й части относительно стрельбы, в особенности об управлении огнем из сомкнутого строя, должно постоянно иметь в виду и при обучении баталиона. Следить, чтобы при залпе одной роты не попа-

далось в соседних ротах людей, которые стреляли бы вместе с нею, увлекаясь командою не своего командира. Рекомендуются спокойные, а следовательно, и несколько редкие залпы; частые залпы дают больше выпускаемых, чем попадающих пуль¹. На утверждение людей в мысли, что беспорядочная стрельба из сомкнутого строя ведет только к пустой трате патронов, должно быть обращено особенное внимание. «Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко». И тем более нужно хлопотать о меткости, чем по устройству ружья скорее можно стрелять. Не нужно забывать, что даже при скорости только десяти выстрелов в минуту носимых патронов хватает всего на 8—12 минут, а бой продолжается двенадцать часов, иногда больше.

Для практики в прицеливании в ноги употреблять прием, указанный в подготовке роты.

Исполнение всем баталионом ружейных приемов не имеет цели и не приносит пользы.

Программы учений, заблаговременно составленные, рекомендуются.

11. Роты, подготовленные указанным в 1-й части способом, свести в батальон будет не трудно; для этого главное, на что нужно обратить внимание, заключается в том, чтобы всякая рота вошла в состав баталиона частью одного стройного целого. Роты в баталионе то же, что боевые товарищи в прежнем звене², т. е. во всех положениях прежде всего должны помышлять о том, чтобы выручать друг друга.

12. Иногда начало выручки требует, чтобы батальон составлял одно тело, т. е. чтобы рота исчезала в баталионе: отсюда сборные батальонные (походные и боевые) порядки. Иногда для удовлетворения тому же началу выгоднее расчленив баталион на его органические части, роты, т. е. предоставить им подобающую долю самостоятельности; отсюда баталионные боевые порядки поротно. В последнем положении в высшей степени

¹ Для испытания внимания людей можно советовать следующий прием: одному или двум солдатам потихоньку приказать стрелять после «рота», не ожидая команды *пли*; если и после этого рота не впадет в искушение, она выдержана хорошо.

² Звеном называлась группа в четыре человека; оно составляло последнюю единицу в рассыпном строе.

важно определить, в чем именно ротному командиру может быть предоставлена самостоятельность и в чем, наоборот, он не должен даже и помышлять, будто может иметь свою волю.

13. Проще всего это выясняется из нижеследующего уподобления: рота в батальоне — то же самое, что стрелок в звене. В сомкнутом строе самостоятельность не только стрелка, но и звена исчезает; тоже и самостоятельность роты. Если рота в сборном батальонном строю, то для ее командира не должно быть воли, кроме воли батальонного командира; другого голоса, кроме его голоса. Ротный командир обращается в слепого исполнителя его команды и ответчика за то, чтобы его рота была как один человек с ее товарищами, — т. е. с другими ротами, — во всем: приказано ли идти, остановиться, стрелять, колоть, перестать стрелять или колоть. И если приказано стрелять¹ батальоном, то никто в батальоне не смеет колоть, если колоть, то никто не смеет стрелять, кроме тех, кому при атаке в штыки положено стрелять или кому батальонный командир прикажет.

14. Строй поротно то же для рот, что рассыпной строй для боевых товарищей, составляющих звено: в звене один лежит, другой стоит, третий сидит, четвертый на колени пригнулся; стоят не вместе, стреляют не в одно время, а ежели цели нет, то и совсем не стреляют, хотя бы и было общее приказание стрелять. Но вместе с тем они должны неуклонно стремиться к достижению цели, указанной цепи, к которой принадлежат; но вместе с тем они свято должны помнить, что обязаны выручать как товарищей своего звена, так и соседние звенья. Как выручать: пулей или штыком, это опять их дело, ибо может случиться, что в то время как товарищ дерется на штыках, другому иногда лучше выстрелить в того, с кем он сцепился, иногда лучше тоже ударить штыком.

Так и в строе поротно. То, что для стрелка положение, для роты строй, в котором она стоит; и потому в каком

¹ Может быть возразят: а если против моей роты цели нет зачем я буду стрелять? В таком случае батальонный командир и не прикажет стрелять всем батальонам, а предпочтет залпы поротно. В последнем уставе залпы батальоном отменены, но на войне все может случиться. Да и часть должна быть приучена так, чтобы могла исполнить все, что начальник прикажет. В этом и цель прикладного устава.

она строе — дело ротного командира, который в этом должен прежде всего соображаться с местом, где его рота прилась, но отнюдь не с тем, в каком строе находятся другие роты. Точно так же при поддержке товарища ротный командир решает — огнем или штыком это сделать.

15. Но чем более нарушается внешнее единство в батальоне, тем строже должно быть поддерживаемо единство внутреннее, т. е. постоянная готовность выручать соседние роты: своего ли батальона, чужого ли — все равно. Батальон, практически выдержанный в этих понятиях, в деле не пропадет.

16. Это внутреннее единство батальона, при расположении, движении и действии поротно, выражается:

а) Тем, что общую цель для достижения ставит батальонный командир; каждый из ротных командиров содействует ее достижению всеми мерами, не отвлекаясь и не задаваясь своими целями, как бы они ни казались ему заманчивыми.

б) Общий боевой порядок батальона (т. е. число рот в боевой линии и резерве), определяемый батальонным командиром, обязателен для ротных командиров в том смысле, что временное отступление от одного, вынуждаемое обстоятельствами, должно быть прекращаемо немедленно с переменою этих последних. Например, командир роты, стоящей в резерве, видит, что его товарища боевой линии атакуют, — он выручает его, не ожидая приказа, и затем занимает свое место в резерве. Другой пример: батарея заняла расположение на одном из флангов боевой линии: ближайшая рота из резерва, не ожидая приказа, прикрывает наружный фланг ее, но как только видит, что батарея более не нуждается почему-либо в прикрытии, и не возникло вновь ничего, требующего оставления роты в боевой линии, командир этой роты немедленно отводит ее в резерв. Само собою разумеется, что во всех подобных случаях ротный командир посылает донесение батальонному как об оставлении назначенного ему в боевом порядке места, так и о возвращении на оное.

Примечание. В последних делах замечали, что роты второй линии (правильнее — батальонного резерва) вступали в боевую линию до получения на то приказа. Допускать этого отнюдь не должно, ибо таким образом люди выпадают из рук командиров, — управление боем становится невозможным, а вместе с тем и успех

борьбы предоставляется случайности. Это раннее вступление в боевую линию объясняется невольным влечением людей выйти из бездействия, которое весьма тяжело под выстрелами, но разумная дисциплина в том и заключается, чтобы не допускать людей поддаваться инстинктивным влечениям, а заставлять делать то, что для дела необходимо и что выражается приказанием начальника. Раннее вступление в линию можно уподобить тому, как иногда суетливый стрелок торопится выпустить пулю, не подумав о том, есть ли вероятность попасть, или потерявший хладнокровие начальник бросает свою часть на ура, не рассчитав, что до неприятеля еще далеко, и т. под.

в) Протяжение фронта боевого порядка батальона ротные командиры должны соблюдать, не позволяя себе ни отделяться от товарищей, ни тесниться к ним.

Само собою разумеется, этого не следует понимать так, что будто нельзя отойти и на шаг от своего места или линии; но так, что не должно отдаляться от товарищей до потери возможности поддержать, или же тесниться до помехи свободе их действий.

г) По сигналу или приказанию батальонного командира атаковать, *все принадлежащее батальону должно идти в атаку*; разве сам батальонный командир прикажет кому-либо остановиться на выгодной позиции для содействия атаке огнем.

Затем: а) ротный командир остается полным хозяином формы боевого порядка своей роты; б) не должен стесняться дистанциями, определенными между передовой линией и резервом, т. е. если, напр., он видит, что, оставаясь в резерве на положенной дистанции, он подвергается потерям, между тем приблизившись к передовой линии или даже временно вступив в нее, он бы их избежал, *то не только может, но должен это сделать*. Но отставать, хотя бы и в видах сбережения роты, не должен, памятуя, что для возможности поддержать передовую линию, он должен находиться от нее не далее того расстояния, в котором сомкнутые части неприятельские от нее находятся. Это расстояние нашей передовой линии до неприятельской определяет во всех случаях, *не далее чего* роты резерва должны находиться от передовой линии; в) не должен увлекаться педантическим равнением по частям, принадлежащим к одной с ним линии; т. е. может находиться и несколько впереди или позади оной, если этим может сберечь свою роту от лишних потерь; г) наконец, ротный командир свободен в выборе сред-

ства поддержки, когда дело касается не всей передовой линии батальона, а какой-либо части ее, т. е. по сравнению с положением, в котором он находится относительно выручаемого товарища, он сам решает: огнем ли ему помочь, или штыком.

Примечание. Для рот батальонного резерва нет связи по фронту, а должна она быть вперед, т. е. с ротами боевой линии.

17. Итак, имея в виду то основное условие, что батальон в сборном строю — один человек, необходимо начинать сводку батальона с утверждения в движениях общию массой в колоннах, особенно в дружной атаке колонною; затем в быстрых и несуетливых переходах из строя в строй.

При обучении движениям прежде всего хлопотать о выработке широкого и спокойного шага, а не равнения: если первый будет, последнее придет само собою. Если же заняться равнением, шаг невольно приучатся сокращать.

При обучении перемене фронта обратить особенное внимание на перемену фронта «на такой-то предмет», а не «таким-то плечом». В бою не по углу перемены фронта определяется направление, а по направлению угол перемены фронта. Перемены фронта назад избегать.

На этом основании и при обучении движениям необходимо также приучать части ходить *на такой-то* (вперед назначаемый) *предмет*. Забота о равнении вытеснила у большинства заботу несравненно более важную — о направлении. Необходимо восстановить. Перемены фронта назад избегать.

Проходя уставные построения, необходимо соблюдать ту же сноровку, которая указана уже для роты, т. е. отнюдь не обзаводиться каким-нибудь, постоянно одним и тем же, порядком учений.

ПРИКЛАДНОЙ УСТАВ

18. Когда уставные порядки строя усвоены твердо, ими одними не ограничиваться, но проделывать и те, которые в уставе не указаны, лишь бы отвечали духу его.

19. В батальоне порядки эти, конечно, будут разнообразнее, нежели в роте, но чтобы не впасть в ошибку проделывания того, что для боя непригодно, обучающему батальон постоянно нужно иметь в виду то же, что указано и для роты, т. е.;

1) Непременно назначать, вслух для всего баталиона, направление, откуда ожидается неприятель, а при возможности стараться его обозначать.

2) Прodelывая всякий из строев, дать себе ответ, — и осуществить его построением, — на следующие вопросы:

а) что я сделаю, если неприятель появится с фронта, с тыла, против того либо другого фланга, наконец, в котором-нибудь из облических¹ направлений? б) что я сделаю, если это будет пехота, конница, артиллерия?

Если баталионный командир, проходя каждый строй, практически ответит на эти вопросы на всякого рода местности — т. е. приучит своих ротных командиров спокойно принимать положения, соответствующие местности, роду противника, расстоянию до него и направлению, в котором он предполагается, — ни его баталион, ни сам он не будут застигнуты врасплох никакою неожиданностью...²

ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО УПОТРЕБЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТРОЕВ

26. ...Порядки поротно взяли в наше время решительное преобладание над сборными баталионными.

Из этих последних, двухвзводная и четырехвзводная колонны из середины обращаются, в большинстве случаев, из боевых в резервные порядки, т. е. в такие, которые чаще будут употребляемы в резерве, нежели в боевой линии, представляя удобства сосредоточенного расположения. Случаи употребления этих колонн, как боевых порядков, т. е. для атаки, могут представиться весьма редко, именно только при действии значительных сил, да и то в последние минуты боя, когда ни места нет раздвигаться, да и времени нет думать о том, а нужно ломить прямо перед собою сквозь потерпевшую и более или менее расстроенную боевую линию.

Затем развернутый строй составляет форму, которая по протяжению, занимаемому баталионом, гораздо ближе к порядкам поротно, нежели к сборным³.

¹ Обходных. — *Ред.*

² Примеры опущены.

³ Развернутый строй только потому сохраняет характер сборного порядка, что в нем все исполняется по команде баталионного командира. Но ведь последний может приказать, если то найдет нужным, и в порядке поротно исполнять все и всеми ротами не иначе, как по его команде.

27. При употреблении колонн взводной или двухвзводной для атаки полезно их преобразовывать, как выше показано. Эти преобразования указывают опять на то же, т. е. на необходимость, для пользы дела, расчленения батальона иногда на роты, иногда на полубатальонные массы; а также и на то, что нынешний образ действий в бою требует большей гибкости, подвижности, поворотливости, нежели та, которую в состоянии дать масса в 800—1000 человек, т. е. баталион.

28. Таким образом, на наших глазах, рота обратилась в тактическую единицу, которая иногда только будет исчезать в единице высшего порядка, т. е. в батальоне. Переворот этот обусловился преимущественно усовершенствованием огнестрельного оружия. Дальний и меткий огонь заставил искать строев, которые меньше бы от него терпели. *Он же изменил значение цепи в современном боевом порядке*; прежде главная цель ее, как при наступлении, заключалась в прикрытии баталиона до минуты столкновения; теперь же при обороне главное дело в оттаивании стрелковых позиций: вследствие чего, в первый период боя, все дело лежит на цепи, и баталион обращается только в ее поддержку. Необходимость ближайшей поддержки цепи, с одной стороны, уменьшения потерь от огня, с другой, и повела к расчленению баталиона, так как при этом каждый участок цепи приобретает свою непосредственную поддержку или резерв, и для рот возникает возможность пользоваться такими мелкими закрытиями, которые терялись для баталиона. Такое расположение принять было тем легче, что роты, невзирая на значительное отдаление друг от друга, продолжали, вследствие лучшего оружия, оставаться между собою во взаимной огневой связи.

29. До какой степени изменилось значение цепи при нарезном оружии, видно из того, что теперь при обороне весьма легко увеличивать расстояние, которое противник проходит под нашим огнем, между тем как при гладком оружии об этом и думать было нельзя. Сказанное поясняется следующим примером: положим перед фронтом той позиции, на которой вы намерены дать решительный отпор, шагах в 1000, или и больше, есть хорошая стрелковая позиция. Заняв эту позицию стрелками, даже не поддерживая их резервами, можно оставаться на ней до сближения противника шагов на 300, и все это время

обстреливать его, а затем быстро очистить фронт главной цепи. Таким образом, расстояние, которое противник должен пройти под нашим огнем, увеличивается на 1000 шагов, т. е. он раньше перестроится в боевой порядок, больше понесет потерь и нравственно больше истомится, чем тогда, если бы передовой цепи не было. При гладком оружии подобные передовые цепи были немыслимы, так как огонь из него становился возможным только по сближении противника на 300 шагов, т. е. тогда уже, когда цепи, не назначенной для упорного сопротивления, нужно думать об отступлении. Со введением скорозаряжаемого оружия самостоятельное значение цепи усилилось, хотя и не в такой степени, как это обыкновенно думают: оружие это более обеспечило стрелка, дав ему возможность заряжать ружье в каком угодно положении; но несколько не уменьшило времени, необходимого на выбор цели, определение расстояния и прицеливание. Вообще заблуждаются те, которые думают, будто меткий огонь на больших расстояниях и по целям трудно уловимым может быть част.

Порядки поротно

30. В сказанном лежит основная причина возникновения порядков поротно. С принятием их получены весьма важные выгоды:

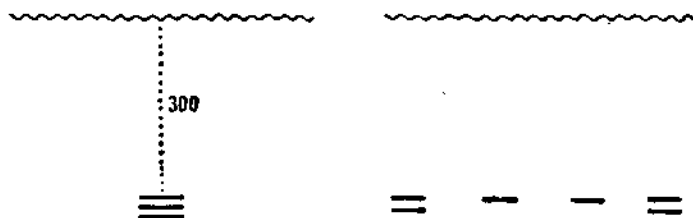
а) Боевые порядки батальона приобрели такую подвижность, поворотливость и гибкость¹, какой сборные порядки никогда иметь не могли; те местные закрытия, которыми по малым их размерам нельзя воспользоваться батальону, становятся пригодными, как только он расчленяется на роты.

б) Явилась возможность занимать тем же числом войск более длинные позиции, без ущерба силе занятия, и всем людям батальона открылось более удобств к принятию участия в деле. Из сборных порядков эти удобства представляет только развернутый строй, но он слишком тонок и потому подвержен прорыву: расположение по-

¹ Под подвижностью разумею легкость движения, без ущерба порядку, в прямом направлении; под поворотливостью — легкость перемены направления движения на ходу, перемены фронта на месте; под гибкостью — удобоприменимость к местности на месте и на ходу.

ротно, в две линии, напр., занимая то же, иногда и большее, протяжение, чем развернутый батальон, этого неудобства не представляет; следовательно, в сравнении со сборными порядками оно соединяет выгоды растянутых и глубоких расположений, не имея их неудобств¹.

в) Явилась возможность действительнее поддерживать цепь, подвергаясь меньшим потерям. Это явствует из следующего сравнения: возьмем два батальона: один в двухвзводной колонне, прикрытый цепью, занимающею позицию в 500 шагов протяжения и отстоящею от батальона на 300 шагов; и возьмем другой батальон, занимающий позицию в порядке поротно в одну линию, за цепью такого же протяжения и на таком же расстоянии от нее, как и предыдущий.

В первом случае, предполагая необходимость поддержки, напр., крайнего правого фланга, батальону (или части его) нужно сделать 390 шагов; между тем как во втором всего 300 — выигрыш почти на минуту, который может быть весьма важен при необходимости отразить нападение на цепь в штыки.

Не говорю о том уже, что если батальон в сборе может стоять за цепью в 300 шагах, то роты всегда будут стоять гораздо ближе уже по тому одному, что они представляют меньшую цель; и что на трехсотшаговой полосе, отделяющей их от цепи, почти всегда найдутся та-

¹ Выгода растянутых форм — занятие большего пространства; невыгода: легкость прорыва и невозможность восстановления боя после прорыва. Выгода глубоких расположений — большая устойчивость против прорыва; невыгода — занимают слишком малое пространство по фронту, следовательно, большое в глубину: от чего малое сравнительно число людей может принять участие в действии.

кие для них закрытия, которыми батальон воспользоваться не может.

г) Принимая в расчет возможность расположить роты ближе к цепи, нежели батальон, достаточно отделять для непосредственной поддержки ее в большей части случаев две, много три роты; следовательно, остальную часть батальона можно держать в запасе или, как принято выражать чужим словом, в резерве. К подобному сбережению сил сборные строи возможности не представляют.

д) В расположении поротно открывается возможность занимать важные пункты сильнее, неважные слабее; между тем сборные расположения равносильны по всему своему протяжению: что всегда должно иметь следствием непроизводительную трату сил. Нагляднее всего это видно на развернутом строе: 1-я рота, напр., может быть атакована превосходными силами, а 4-я, пожалуй, и знать об этом не будет; и в случае несчастья только увеличит число уступивших неприятелю, ничего не сделав для его отражения.

При расположении поротно не то; на угрожаемой части позиции представляется возможность сосредоточить большую часть сил батальона.

е) Расположение поротно, особенно если отряд более или менее значителен, затрудняет противнику счет наших сил.

ж) Соблюдение порядка в каждой роте отдельно легче, нежели в массе батальона.

з) Наконец, порядки поротно имеют и большое образовательное значение: они готовят ротных командиров к тому, чтобы толково командовать батальонами. Ибо в совокупности с другими батальонами батальон делает относительно их совершенно то же, что обязана уметь делать рота относительно своих товарищей в батальоне, при расположении его поротно.

31. Но как уже сказано, при этих порядках батальон теряет внешнее единство; командиру батальона труднее уследить за ним и распорядиться, и поэтому батальонные командиры должны быть на высоте своей роли; и поэтому ротные командиры должны быть проникнуты мыслью о необходимости ставить выручку товарищей выше всего,— ставить ее вопросом чести.

32. Порядки поротно представляют подразделение, общее всем уставным типам; так, расположение в одну ли-

нию с его видоизменениями принадлежит к категории *тонких* порядков; расположение в линию с резервом — к категории *глубоких*.

ПОРЯДОК ПОРОТНО В ОДНУ ЛИНИЮ

33. Весьма хорошо при необходимости занять длинную позицию и развить возможно сильный огонь, сначала цепной, потом сомкнутый. Необходимость эта может возникнуть от свойств самой позиции, когда на флангах ее есть предметы, не заняв которых, — следовательно, предоставив возможность неприятелю занять их, — нельзя будет обороняться на позиции.

34. Но порядок в одну линию, в случае прорыва, не представляет средств для восстановления боя, ибо не имеет резерва, поэтому может быть принимаем или в случае необходимости, как уже сказано, иметь во что бы то ни стало длинную линию огня; или когда к нам должны подойти подкрепления, которые и составят резерв; или же когда против нас неприятель такого рода (так называемый нерешительный, или же делающий из мухи слона), что сам даст нашей растянутой линии в своем воображении резерв, которого в действительности нет.

На последнее прошу читателя обратить особое внимание: в деле о действиях противника приходится судить не по тому, что есть в действительности, а по тому, что кажется. Положим, вы заняли с баталионом позицию в 1 200 ш. длиною. Подходит неприятель; он знает, что без резерва становиться опасно, ибо в случае неудачи поправки нет; знает еще, что с отделением резерва позиция в 1 200 шагов в пору хоть и полку; сомкнутых частей не видно, стрелки везде есть: если он нерешителен, или склонен к преувеличению, то наверное выведет заключение, что должно быть у вас баталиона три, а может и все четыре; а у вас всего один. Кажется, штука не хитрая; а благодаря ей останавливали иногда силы вдесятеро сильнейшие. И выходит в сущности, что если суметь заставить неприятеля думать, что у вас есть резерв, то это совершенно то же самое, как если бы он был и на самом деле. Вот к чему может пригодиться тонкое расположение; и до какой степени важно умение иногда спрятать, а иногда и нарочно показать свои силы; но так, чтобы неприятелю казалось, будто это вышло у вас не

нарочно. Конечно, для этого твердо нужно знать, с кем имеешь дело, т. е. знать характер своего противника.

35. Но неприятель может знать это средство пускать пыль в глаза так же хорошо, как и мы, и разумеется при случае к нему прибегнет: что тогда? Тогда можно поступить на двое; или сделав заключение по длинному фронту позиции о силах его, остановиться, т. е. дать себя одурачить; или же решиться на поверку — сходится ли кажущееся с тем, что есть на самом деле? Поверку эту можно сделать только одним — штыком. Огонь разъясняет мало: десять баталионов могут перестреливаться против одного целые часы и все-таки ничего не узнают; но штык сразу добывает правду — перед ним падают всякие декорации, как бы они ни были хорошо устроены. Конечно, можно наткнуться на превосходные силы и потерпеть неудачу, но и в этом случае все-таки вы узнаете, что против вас: не пригодится вам, пригодится товарищам — следовательно, цель достигнута. И из двух положений: позволить неприятелю показать нам одного человека за десять, или же добыть правду хотя и своими боками, последнее честнее и дельнее. Бить всегда нельзя; поплатиться, наткнувшись на превосходные силы, не зазорно, если этим разъяснено положение для отряда, к которому баталион принадлежит. Да опять и то нужно иметь в виду, что на войне, особенно перед боем, верные сведения в большей части случаев только и добываются, что своими боками.

36. Недостаток устойчивости расположения в одну линию может быть исправлен уступным расположением рот, если ему местность не препятствует, т. е. если при первой надобности задние уступы можно притянуть без промедления на поддержку передних, или на одну с ними линию. При таком положении задние уступы будут играть в одно и то же время роль и резерва, и частей передовой линии.

37. Формы уступных расположений могут быть весьма разнообразны при всей несложности фигуры их...¹

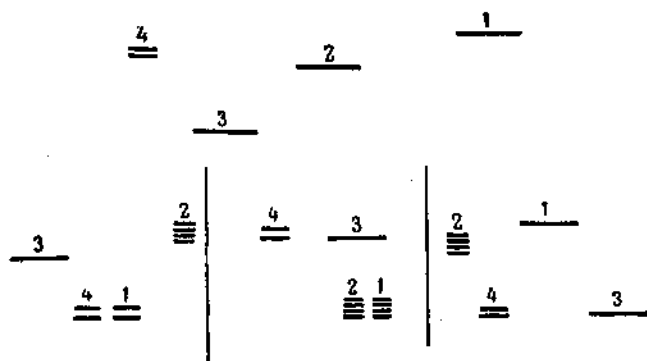
РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОРОТНО В ДВЕ ЛИНИИ

38. Желание придать более устойчивости порядку в одну линию уже привело нас к уступным расположениям, которые по характеру своему принадлежат в рав-

¹ Пример опущен.

ной мере к обеим категориям порядков: их можно называть и однолинейными или тонкими, так как задние уступы могут действовать против неприятеля со своего места, не вступая на одну высоту с передними; и двухлинейными или глубокими, ибо задние уступы могут быть употреблены для штыковой поддержки передних.

Собственно к числу двухлинейных порядков относятся два расположения: а) три роты в передовой линии, одна в резерве; б) две роты в передовой линии, две в резерве: последние сосредоточенно или 1) за серединою, или 2) за одним из флангов, или же 3) поротно за обоими флангами.

39. *Случаи употребления порядков поротно в две линии.* Порядки эти предпочтительнее однолинейных во всех тех случаях, когда имеют целью упорное сопротивление или атаку, и батальон не может рассчитывать на поддержку извне. Для этой цели порядок, при котором две роты батальонного резерва расположены вместе, будет самым упругим при действии пехоты, ибо при нем батальон больше в руке и батальонный командир сохраняет возможность сосредоточить на любом пункте позиции $\frac{3}{4}$ линейной своей силы.

Но будучи самым упругим, он все же не есть лучший, при необходимости занять, напр., длинную позицию, порядок, в котором три роты составляют боевую линию, конечно, будет выгоднее; при действии против конницы и когда оба фланга открыты, иметь роты батальонного ре-

зерва расположенными раздельно, уступами относительно рот передней, выгоднее, чем иметь их вместе:

40. Нетрудно видеть, до какой степени легко, при расположении поротно, делать все эти видоизменения, в каком бы порядке роты ни стояли: и в этом является новое громадное преимущество расчленения баталиона на роты. Видоизменения собственно строев происходят здесь уже не во всей массе баталиона, но в каждой роте отдельно, что само собою и быстрее и проще, по малым размерам ротных строев. Порядок же всего баталиона в совокупности видоизменяется перемещением только некоторых рот, так что с принятием расположения поротно боевые порядки одного баталиона, по форме и по духу, обратились в то, что представляют боевые порядки совокупности баталиона; разница осталась в том только, что в случае надобности несколько рот сливается в один баталион; баталионы же между собою при маневрировании никогда не сливаются, т. е. каждый имеет свою самостоятельную сферу действий. Одним словом, прибегая к уподоблению, уже раз сделанному,— и полк есть звено, а баталионы боевые товарищи, но товарищи этого звена настолько уже крупны, что для него уже нет сомкнутого строя в бою, а остается только расчлененный. В резервных же расположениях и для полка остается сомкнутый строй, ибо несмотря на интервалы, в этих расположениях все исполняется по команде полкового командира¹.

ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ ДО ВСЕГО ОТДЕЛА О СТРОЕВЫХ УЧЕНИЯХ

47. Производя учения, баталионный командир по исполнении всякой задачи исправляет ошибки в расположении рот. Его прямая обязанность сформировать рот-

¹ Примеры опущены.

ных командиров так, чтобы они исполняли его намерения иногда по жесту или отрывочному слову: тогда батальон будет одним существом, какое растянутое положение ни занимал бы.

РОТНЫЕ УЧЕНИЯ С ПОЛНЫМ ЧИСЛОМ РЯДОВ

48. Всякому известно, что в мирное время пехота в полном числе рядов никогда и нигде не содержится; а между тем, командовать ротой в 24 ряда и в 80 рядов, напр., разница. То же самое верно и относительно подразделений роты. Поэтому для довершения подготовки батальона к бою батальонному командиру необходимо сделать столько ротных учений с полным по возможности числом рядов, чтобы испытать на командовании такую ротую всех ротных командиров, а ее подразделениями всех субалтерн-офицеров. Необходимо это делать для того, чтобы, имея дело с частями малого состава, ни ротные командиры, ни офицеры не забывали, с чем им нужно будет уметь управляться в бою.

Примечание. Эти учения помогают также и уравниению скорости шага в батальоне, так как при отдельном обучении рот она никогда не бывает одинаковой во всех ротах. При сводке людей различных рот это легче всего и замечается и уравнивается. На этих же учениях, к известным из подготовки роты приемам проверки внимания, можно прибавить и следующий: ротному командиру, в известную минуту учения, батальонный приказывает не принимать его команд и смотрит, отделится ли старший по ротном командире офицер от строя и примет ли роту в свою команду. С ним поступать точно так же и т. д., даже до командиров из нижних чинов. Таким путем проверяется внимание начальников и утверждается привычка заблаговременного распоряжения о замене их в случае убыли.

Не мешает верить также, умеют ли нижние чины рассчитывать сами, по командам фельдфебеля. Тот и другой приемы следует, конечно, практиковать и на обыкновенных ротных учениях.

49. Независимо от этого, для подготовки субалтерн-офицеров к исполнению обязанностей ротного командира не мешает на домашних батальонных учениях заставлять их командовать ротами.

Эти оба приема обучения применять только по достаточном утверждении батальона в уставных строях. и в ловком их применении к различным случайностям.

50. Предшествующие упражнения составляют, так сказать, строевую гимнастику батальона, общий характер которой заключается в том, что, взяв известное положение этой тактической единицы, преобразовывали его при различных заданиях. Маневрирование же будет иметь целью воспользоваться гибкостью, которая будет приобретена благодаря этой гимнастике, при разрешении какой-нибудь определенной задачи атаки позиции или обороны ее.

а) МАНЕВРИРОВАНИЕ ОДНОСТОРОННЕЕ

Правила маневрирования, указанные для роты, остаются неизменными не только для батальона, но и для совокупности батальонов. Точно так же следует не терять даром похода к месту учения, но пользоваться им для практики в ловкой разведке (разница будет в том только, что от батальона разведка должна распространяться на 600—800 шагов в каждую сторону)¹; точно так же следует соблюдать высказанное в «общих замечаниях» относительно маневрирования в сфере выстрелов, «перехода в боевой порядок» в «первоначальном расположении цепи и резервов», в «наступлении цепи», в «наступлении сомкнутой части». К последним двум статьям прибавлю только следующий совет: следует наступать не зря, т. е. сколько придется и как придется, но от позиции к позиции, намечая предварительно глазом, до какого места дойти намерены, и выбирая, конечно, места, способствующие меткой стрельбе в цепи, укрытию от огня неприятельского в сомкнутых частях. Делать это так:

а) *В цепи*, по получении приказа или сигнала батальонного командира наступать — начальник цепи указывает одному взводу новую позицию; он перебегает туда быстро, не останавливаясь для стрельбы, которую открывает, достигнув указанной позиции; другие к нему последовательно пристраиваются. Первыми наступают те участки цепи, перед которыми есть лучшие позиции; под прикрытием их огня пристраиваются к ним остальные

¹ Если есть лес, то показать в нем порядок походного движения, обеспеченного передовою, боковыми и тыльною цепями, как у нас было принято на Кавказе против горцев.

участки цепи. То же соблюдается и при отступлении цепи, только в обратную сторону.

б) *В сомкнутой части баталиона* — если боевой порядок сборный, баталионный командир, выбрав место, переводит его туда; если же порядок поротно, указывает роте направления (дирекциональной), до какого места ей идти; затем командует: роты вперед. Направляющая рота останавливается, достигнув указанного места, а другие занимают относительно ее места сообразно расположению закрытий и боевому порядку, в котором баталион находится. При этом наступление сомкнутых частей должно быть совершенно независимо от наступления цепи, пока последней не грозит опасность: так, например, цепь может переменить позицию, а сомкнутые части остаться на прежней, и потом разом и быстро пройти 300, 400 шагов.

Достигнув каждой из промежуточных позиций, баталионный командир поверяет, соответствует ли строй каждой роты месту, на котором она остановилась, а также и то, нет ли по соседству более выгодного места, которое ротный командир упустил. Роте направления баталионный командир должен назначить пункт на атакуемой позиции, на который она должна идти; прочие же роты соотносятся с нею в направлении своего движения.

Сближения с цепью также нечего бояться, если непосредственно за нею есть хорошие закрытия. Уже и прежде было замечено, что теряют от выстрелов не те части, которые близко иногда подходят к цепи, а те, которые вяло ходят или выставляются как мишени неприятелю. Нечего также бояться ротам баталионного резерва вступать временно на линию рот передовой линии, если там есть хорошее закрытие. При наступлении посматривать, нет ли продольных лощин — отличный закрытый путь, если неприятельский огонь не берет его продольно. При наступлении по месту совершенно открытому не забывать развернутого и разомкнутого строя.

51. «Маневрирование на местности закрытой» непременно нужно проделывать, дабы роты взяли навык не тесниться и не разрываться. Сноровка для этого — одна строгая параллельность фронтов рот; если этого нет, роты, при движении по высоким кустам, напр., или разойдутся, или столбятся; в первом случае иная рота и

совсем может заблудиться, а во втором некоторые части цепи лишатся поддержки. Приучить держать параллельность фронта на закрытых местах можно только действительно проходя таковые. Хитрого маневра при этом конечно не выйдет¹, но польза будет. Не можем не посоветовать офицерам всех степеней обзаводиться компасиками: стоит недорого, а может принести незаменимую пользу в очень закрытых и больших пространствах. Употребление компаса очень просто: перед вступлением в лес, напр., заметить, под каким углом фронт роты стоял к направлению стрелки. Если этот угол при движении по лесу остается без осязательного изменения — направление верно. Употребление компаса часто единственное средство выдержать направление. По солнцу также хорошо, но оно не всегда бывает видимо.

52. Приучение к маневрированию с артиллериею также остается без изменения только с прибавкою следующего:

При выезде батареи на крайний фланг позиции батальона ближайшая рота резерва должна прикрыть обнаженный фланг батареи, не ожидая приказа². Обязанность прикрытия заключается вовсе не в том, чтобы стоять на линии передков, или что-нибудь в этом роде; но в том, чтобы отражать всякую напасть, грозящую батарее от пехоты или конницы неприятельской. Поэтому командир части, прикрывающей батарею, выбирает относительно этой последней такую позицию, с которой он мог бы всегда поспеть к батарее на выручку. Иногда она будет на фланге батареи, иногда уступом впереди или позади оного.

Не следует думать также, что если вы наступаете, а батарея остается на позиции, то нужно непременно оставлять при ней особое прикрытие: оно совершенно излишне, так как, наступая, вы ее даже действительно прикрываете, чем стоя на месте, по сторонам батареи.

53. В наступлении артиллерия не стесняется ни сомкнутыми частями, ни цепью, т. е. переезжает с позиции на позицию, и не всегда в прямом направлении, а в том, где выгоднее позиция; но соседние роты должны сообра-

¹ Да и вообще нужны ли они?

² Читателям известно, конечно, что в тактическом смысле батарею называется всякое число орудий, соединенное вместе для достижения известной цели: батарея и в два орудия и в 100 орудий, все равно называется батареей.

жаться с батареею, т. е. присоединяться к ней на новой позиции не мешкая, бойким ходом; а если неприятель близко, то иногда и бегом. А цепь не должна давать себя опереживать батареею.

54. При отступлении, если батарея чем-нибудь задержана (орудие завязло или подбито), пехота помогает артиллеристам устранить причину задержки и не идет до тех пор, пока не двинется артиллерия.

55. Как бы позиция для пехоты ни была выгодна, пехота уступает ее артиллерии, если батарейный командир выберет эту позицию. Поступая так, пехота себе же лучше делает, ибо артиллерия стреляет не для себя, а для нее; чем огонь артиллерии будет действительнее (а это много зависит от позиций), тем пехоте же будет лучше. Да при том пехота может действовать на всяком месте, а артиллерия не на всяком.

56. Артиллерии нужно: а) чтоб был свободный въезд на позицию, пехота же везде пройдет; б) место впереди открытое на дальнее расстояние; пехоте это тоже нужно, но не беда, если и нет; в) укрытия для таких целей как орудия, лошади, передки, зарядные ящики; а пехота и на ровном месте укрыта — стоит только лечь.

Чем пехота дружнее и от сердца будет помогать артиллерии, тем артиллерия будет в своих движениях смелее; ей нечего тогда бояться и близко подскочить к врагу: товарищи тоже близко — в случае чего, выручат. Все на товариществе держится: при нем нет невозможного; без него и легкое невозможно.

57. В случае атаки на батарею пехоты неприятельской, наша пехота должна принять ее на себя; в случае атаки конницы, сверх того, прикрыть прислугу.

58. Должно обучать батальон не только прикрытию своей, но и атаке неприятельской батареи. Для этого, поставив жалонеров на позицию за место неприятельских орудий, направлять атаку так, чтобы против орудий наступала только цепь; сомкнутые же части правее левого или левее правого фланга¹ батареи. Таким образом меньше будут потери от огня; если дойдем до батарей, цепь и одна справится с прислугой; а сомкнутые части пойдут на прикрытие, которое располагается на флангах батареи.

¹ А иногда и правее, и левее.

Примечание. Для наглядности в преподавании правил, определяющих отношения пехоты к артиллерии, советуем употреблять жалонеров, как уже сказано для роты; но в общих сборах было бы в высшей степени полезно, при маневрировании батальона против батальона, придавать им орудия по два и хоть по полуэскадрону. Знакомство с другими родами оружия необходимо, а между тем оно развито слабо именно потому, что пехотные начальники знакомятся с ними слишком поздно, т. е. уже в больших чинах.

59. К п. п. об «Атаке» прибавляются обязанности резерва относительно боевой линии при атаке.

Обязанности эти выражаются в двух словах: ротам, составляющим резерв, не смотреть ни направо, ни налево, а на своего товарища, стоящего в боевой линии, и выручать его. Если он сцепится с врагом и одолеть ему трудно — поддержи; если ему грозит атака с фланга, сам возьми атакующего во фланг: штыком, если это пехота; огнем, если конница. Если товарищу nepосчастливилось — отомсти за неудачу; тем прикроешь его и дашь время скорее устроиться. Итак: *фронтальная поддержка товарища боевой линии и оберегание флангов его* — вот две священные обязанности, которые закон **ВЫРУЧКИ СВОИХ** налагает на часть, стоящую в резерве. Само собою разумеется, ротный командир, стоя в резерве отдельно, не только может, но должен, не ожидая приказа, исполнять эти обязанности относительно товарища боевой линии; но если роты резерва вместе, то у них уже есть общий начальник, в большей части случаев сам батальонный командир; и тогда обязанность делать своевременно распоряжения для выручки ложится на него.

Все это должен принять умом и сердцем каждый батальонный и ротный командир; ибо в этом не только слава, но и спасение; не других, но и его самого: не оставят товарищи на жертву того, кто их на жертву не оставял...¹.

Наглядно показать исполнение этих обязанностей можно только на сквозных атаках.

60. Статья «Сквозные атаки и учения с боевыми патронами» потребует для руководства при обучении батальона следующего дополнения.

Пройдя противопоставленную часть при сквозной

¹ Многоточие автора.

атаке пехоты на пехоту, если второй линии у противника нет, спешить на помощь товарищу...¹

Если же у противника есть и вторая линия, то следует сначала пройти ее и потом уже идти на выручку, если бы товарищ не прошел еще частей, ему противопоставленных.

61. Для наглядного показания обязанностей резерва батальонный командир может делать двухсторонние учения, приказав обеим сторонам расположить одну роту в боевой линии, другую за нею в резерве. Затем приказать наступать одной из сторон, предварив переднего ротного командира наступающей стороны, чтобы он атаковал или прямо с фронта, или в обхват которого-либо из флангов. Затем требовать, чтобы рота резерва всегда была в готовности поддерживать свою роту боевой линии. Для этого к минуте столкновения рота резерва должна быть не далее от своей боевой 50 шагов; и в случае атаки противника с фронта, т. е. насквозь, она проходит его насквозь, а в случае охвата направляется ему во фланг правее или левее своей роты, смотря по тому, с которой стороны охват.

62. Для показания того, что при атаке резерву останавливаться не должно, ставить все четыре роты одну за другою на некоторой дистанции. Затем, предупредив ротных командиров, что раз дан бой к атаке, движение передней роты может быть остановлено, но задних рот ни в каком случае, батальонный командир приказывает наступать. Затем дает бой к атаке. Несколько секунд спустя, сигнал стой. Головная рота останавливается и стоит до тех пор, пока ее не подопрет следующая; тогда идут обе вместе, а задние идут все время не останавливаясь. Несколько секунд спустя, опять стой. Голова движения останавливается, пока ее не подопрет третья рота и т. д.

63. Обратит особое внимание, чтобы и нижние чины, и офицеры твердо сознавали разницу между боем «наступление» и боем «атака». Под первый бой можно вести целые версты, но второй служит предварением, что готовится бой насмерть, грудь с грудью. И потому им злоупотреблять не следует, т. е. не бить часто, а когда и бить, то раньше 100 шагов до атакуемого пункта не

¹ Пример опущен.

начинать. А на домашних учениях лучше бить пореже: только чтоб люди знали, *какой* это бой. Только при этом он будет производить подобающее ему впечатление.

64. Пункты о «Приготовлении роты к обороне» и о сноровках при атаке местных предметов остаются также без изменения и при обучении баталиона, со следующими дополнениями.

Баталионный командир объясняет перед баталионом цель оборонительного расположения на позиции, т. е. что собираются прикрыть своим расположением и откуда неприятель ожидается; затем осматривает позицию с ротными командирами, причем определяет протяжение цепи, число рот ей в подкрепление и в резерв, а также какой участок позиции какая из рот передовой линии должна оборонять ¹.

65. Когда расположение принято, баталионный командир поверяет, соответственно ли цепь и роты поставлены. Роты передовой линии поставлены хорошо, если они укрыты от выстрелов и если ничто не препятствует движению их к цепи и сообщению с баталионным резервом, который также должен быть укрыт. В местах закрытых должно обращать внимание на возможное соблюдение параллельности фронтов рот; особенно важно это в густом лесу или в высоких кустах.

66. Если есть артиллерия и конница, то указать им общую цель и место расположения. Начальники конной и артиллерийской частей также сопровождают баталионного командира при осмотре позиции.

Какие места для артиллерии выгоднее — указано выше; цель же определяется ей указанием направлений, которые желательно лучше обстрелять. *Ни в определенное момента для открытия огня, ни в то, каким снарядом стрелять, — баталионный командир мешаться не должен.*

При расположении конницы с пехотою нужно постоянно и крепко помнить одно: *конница на одной высоте с боевой линией пехоты никогда не становится*, ибо это подвергало бы ее только напрасным потерям в огнестрельный период боя. Только во время атаки она мгно-

¹ Позицию делить на участки по местным рубежам, т. е. если, напр., это деревня, то от улицы до улицы, если лес — от дороги до дороги, до оврага, до просеки и т. под.; или, наконец, если ни того, ни другого нет, назначать просто числом шагов участок каждому ротному командиру, на котором он и хозяин, и ответчик...

вение будет наравне с пехотою; но как только столкновение состоялось,— она или гонит вперед, или уходит назад.

Обыкновенно конницу придется располагать уступом за более открытым флангом или за серединою боевого порядка батальона, если оба фланга открыты, шагах в 1500 от передовой линии, по возможности укрыто, но чтоб была свобода движения во все стороны. Цель ее — помощь пехоте атаками; но указать *когда* и *кого* именно она должна атаковать для достижения этой цели почти невозможно: в большей части случаев это должен определять сам начальник конной части, маневрирующей с батальоном. Поэтому и приказания батальонного командира начальнику конной части должны быть вроде: «на вас возлагаю обеспечение флангов (или такого-то фланга) батальона»; «вы содействуйте атакам батальона на такой-то пункт»; одним словом определяется цель, но не момент ее достижения, а тем более не строй. Даже первоначальное расположение указывается только в общих чертах вроде: «стать в резерв»; или «за такой-то фланг»; или «уступом за такой-то фланг» и т. п.

67. Хотя о наблюдении за флангами уже и не раз сказано, но этот предмет настолько важен, что о непрерывном соблюдении его при всех расположениях, как походных, так и боевых, оборонительных и наступательных, напоминает еще раз. Если есть конница и место для нее доступно, то наблюдение за флангами возлагается на нее.

68. При обороне следует показать также и *короткие атаки*, т. е. с возвратом на позицию после атаки. Не нужно думать, что при обороне сразу удастся отразить противника. Так как у него есть резерв, то он не отступит после первой неудачи, а попытается возобновить атаку, и может быть не один раз. Приняв это в соображение, станет понятно, что *переходить в наступление после первой отраженной атаки значит, попросту, отказаться от выгод своей позиции*. И потому, отразив первую атаку, следует возвращаться на позицию, восстановить и исправить свое расположение в ожидании второй атаки. Этот прием следует показать при обороне, предполагая возобновление атаки неприятеля до трех-четырёх раз¹.

¹ Пример опущен.

69. Переход от односторонних маневров к двухсторонним составляют так называемые учения с обозначенным противником. Прием этот хорош, как исполнение категорического и глубоко верного требования Суворова, чтобы учение всегда имело видимую цель. Но для этого достаточно нескольких человек, поставленных на линии предполагаемого расположения противника.

К сожалению, в последнее время, для этой цели начали употреблять целые команды и маневрировать ими; создали, наконец, массу условных правил, не имеющих ничего общего с действительным делом. Такое развитие мысли об означении места расположения противника не могу признать ни рациональным, ни, следовательно, полезным.

б) МАНЕВРИРОВАНИЕ ДВУХСТОРОННЕЕ

70. В обучение батальона представляется возможным ввести уже и этот отдел образования, соответствующий в одиночном образовании двухстороннему фехтованию, которого он представляет выгоды и недостатки.

При двухстороннем фехтовании, как и при маневрировании, вы имеете перед собою уже живого противника, который не только противодействует вашим ударам, но и сам старается наносить их: является, следовательно, практика в преодолении встречаемого сопротивления и притом не теряя времени, непосредственно вслед за тем, как оно возникает. До чего важно иметь видимого, а не воображаемого противника — достаточно уже показывает и то, в какой мере возрастает поучительность занятий даже при назначении одного только всадника для показания конницы.

Начиная с батальонных маневров уже представляется возможным приучать глаз к определению того, что перед нами, т. е. какие силы и в каком порядке? Набить глаз на это распознавание — дело громадной важности: это тот же докторский диагноз. И потому при двухстороннем маневрировании понимающий дело руководитель должен на это налегать прежде и больше всего.

71. Но при двухстороннем маневрировании является все же *видимый* только, а не *действительный* противник: и в этом причина, почему, при малейшем невнимании, этот отдел образования может повести к созданию мирно-маневренной тактики, которая не будет иметь ничего об-

щего с боевой и может приготовить горькие разочарования. Об этом предмете столько уже говорилось, что распространяться о нем считаю излишним, ограничиваясь для подтверждения сказанного только указанием на: приращение численному перевесу, силе позиции, обходу преувеличенного значения. Всё это возникло как прямое следствие основной мысли, на которой построено двухстороннее маневрирование: *стать в выгоднейшее положение относительно противника.*

Естественно является вопрос: «стать в выгоднейшее положение для чего же?» Ответ ясен — *для нанесения удара*; но дело в том, что эта цель в двухстороннем маневрировании неосуществима, ибо в мирное время ударов не наносят. Вследствие этого и выходит, что все то, чем обуславливается «выгоднейшее положение относительно противника», начинают ценить слишком высоко, и исключительно его принимают в расчет, присуждая бескровную победу одной из маневрирующих сторон; а об ударе забывают. Вы, напр., занимаете сильную позицию, я вас атакую; у нас силы равные: судья решает, что я отражен; у вас при этом силы больше моих: судья еще с большим основанием решает, что я отражен; вы мне зашли во фланг или в тыл: тут уже сомнения нет в том, что вы находитесь в выгоднейшем относительно меня положении — и судья решает, что я побит или отрезан.

72. Но дело в том, что выгоднейшее положение для удара не есть еще удар; и что когда до него дойдет дело, побьет не тот, который в выгоднейшем положении, не тот, который сильнее, а тот, кто больше разовьет беззаветной дерзости, ожесточения и упорства; кто знает и верует, что побеждает только тот, кто не боится погибнуть; и кто в силу этой веры дерется до конца, как бы ни приходилось тяжело, и как бы ни были малы силы. «Претерпевый до конца спасен будет»¹.

Вот две стороны дела, как оно представляется при двухстороннем маневрировании, когда не принимают в расчет удара и когда его имеют в виду. Может быть, скажут, что приговоры, подобные вышеприведенным, осо-

¹ Из сказанного с достаточною ясностью видно, кажется, что маневрирование, давая практику уму, находчивости, не только не дает ее воле, но даже может вредно отразиться на последней и на понятиях, относящихся к ней, если не ввести в двухстороннее маневрирование соответствующих поправок.

бенного вреда не причиняют: с мирной точки не только не причиняют вреда, но приносят пользу, ибо попавшись раз на слишком смелой атаке, или под обход, я в другой раз буду осмотрительнее и ловче маневрировать; но вместе с этим я могу уверовать, что атаковать сильные позиции дело слишком опасное, на которое лучше не отваживаться; что если меня обошли, то ничего больше не остается, как отступить; что на превосходные силы лезть тоже не расчет (а в бою всегда кажется, что неприятель сильнее): какое обширное поле для растления и подрыва всех тех нравственных основ, на которых зиждутся боевые проявления воли: беззаветная дерзость, быстрота решимости, энергия, упорство... Не назову также особенно полезную привычку равнодушно и спокойно произносить позорные для всякого истинно военного выражения: меня побили, моя атака отражена, я отступил и т. п.

73. В чем же должны заключаться те поправки в двухстороннем маневрировании, которые могут предохранить от привития понятий, не совместных с условиями боя? Заключаются они в заканчивании двухсторонних маневров сквозными атаками¹ и в том, чтобы после маневров не производить ни в победители, ни в побежденные. Оканчивая маневр сквозною атакою, вы доводите его, во-первых, до конца; и кроме того, наглядно показываете людям и офицерам, до которого времени делать залпы и с какого расстояния следует бросаться в штыки как при наступлении, так и при обороне. Наконец, устраняется возможность драк между солдатами, ибо целью является уже не то, чтоб взять или отстоять позицию, а чтобы пройти насквозь противопоставленную часть. После пробега насквозь *постоянно настойчиво требовать мгновенного восстановления строя*, дабы заботу о восстановлении порядка после свалки обратить людям в инстинктивную привычку.

74. Приговоров насчет победы необходимо избегать потому, что где нет борьбы, там не может быть и победы; и что если мнимому победителю льстит признание за ним

¹ При силах, более батальона значительных, если не будет признана почему-либо возможною сквозная атака по всей линии, можно приказывать обороняющемуся очищать перед атакою позицию. Но ни в каком случае не следует останавливать самой атаки. В батальоне же, где каждая сторона будет состоять всего из 2-х рот, можно всегда заканчивать сквозною атакою.

победы, то, наоборот, в мнимом побежденном оно может поселить недоверие к силам и враждебное расположение к товарищу — минутному противнику. А товарищество — святыня, которую нужно беречь, как зеницу ока, ибо на нем все в бою держится. Нет жертвы, которой нельзя бы было не принести для водворения и укрепления честного товарищества в войсковой семье.

75. В заданиях для двухсторонних маневров избегать всех возможных хитростей: чем они будут проще, тем лучше. *Нужно помнить, что боевые цели, как они ни бесконечно разнообразны, достигаются двумя только средствами: или наступлением, или обороною;* следовательно, для боя собственно нужно научить только этим двум вещам: упорно, дерзко и толково наступать; упорно и толково обороняться.

76. Не особенно поощрять также и поползновение к разным хитрым планам в начальниках сторон, вроде, напр., наступлений с обходом и т. под. Кто сумеет хорошо провести наступление и затем атаку с фронта, тот не затруднится сделать то же самое и с фланга, чего нельзя сказать наоборот. Всякий понимает и без практики, что атака с фланга легче, чем с фронта; и не затруднится ее исполнить, если представится к тому благоприятный случай. Гораздо труднее подвести свою часть к неприятелю с фронта так, чтобы она понесла возможно меньше потерь. Не пропустить ни одной лошинки, пригорка или перелеска, которыми можно воспользоваться, чтобы укрыть свою часть на страдном пути наступления; во-время перейти от тонкого строя к глубокому, и наоборот, для той же цели; одним словом, не дать у себя выбить ни одного лишнего человека сверх тех потерь, от которых, очевидно, нельзя было уберечься: вот, по нашему мнению, та неказистая, но высокая цель, к достижению которой в бою каждый командир должен готовить себя маневрами. На это нужно несколько побольше внимания и к местности, и к положению неприятеля, чем на то, чтобы играть в обходы, хоть они и эффективнее на мирных упражнениях. Гг. офицеры! учитесь беречь солдата в бою: солдат, который знает, что его берегут, сам себя не бережет; и когда дойдет до рукопашной, его самоотвержение становится безграничным. Но помните также, что высший закон на войне — не уменьшение потерь, а достижение указанной цели не **взирая** на усилия и потери.

77.. Но сказанное об обходах не относится до охватов; когда вы подвели свою часть к врагу со всем сбережением; когда она у вас в комке, как сжатый кулак, который вы готовитесь обрушить на его голову; когда, наконец, вы выстрелили частью на ту дистанцию, за которой для честного человека между гибелью и победой не должно быть середины,— люди задних ваших рядов должны быть приучены в эту минуту бросаться в обхват неприятельских флангов. Если бы нас охватили — задние уступы должны выручать. Но передним бить прямо перед собою, не глядя, что у них на флангах делается: этим товарищи займутся.

Примечание. Двухстороннее маневрирование в батальоне (т. е. полубатальоне на полубатальон) применяется только тогда, когда он отбывает сбор отдельно от других войск. Если же он входит в состав отряда и предварительно выдержан на прикладном уставе и на односторонних маневрах, то этот отдел можно пропускать без ущерба делу и прямо переходить к двухсторонним маневрам малыми отрядами из трех родов оружия (примерно такого состава: батальон, эскадрон или два, два или четыре орудия). Командирам назначаются подполковники всех родов оружия поочередно, с таким расчетом, чтобы каждый из них прокомандовал в течение сбора хотя раз обороною и раз наступлением. При невозможности сделать это в один сбор, расчет делается на два последовательных сбора.

Маневры этого рода представляют первую и важнейшую ступень в маневрировании трех родов оружия, в коем играют такую же роль, какая принадлежит в строевом обучении частей ротному, эскадронному, орудийному учению. Они должны иметь чисто *учебный* характер, т. е. доставление практики штаб-офицерам в распоряжении не одним своим, но всеми тремя родами оружия и в отращении от заботы только об одной своей части.

Ввиду этого:

1) В отряд лучше не назначать той части, которую начальник отряда постоянно командует¹.

2) Отряды оборонительный и наступательный делать *равной* силы; ибо воображать, будто для естественности нужно, чтобы наступающий был непременно сильнее², значит, во-первых, грешить против действительности, так как в настоящем деле наступают и бьют не только с равными, но иногда и с меньшими силами; во-вторых, видеть в маневре не учебный прием, а игру в победители и в побежденные; в-третьих, поселять убеждение, будто наступление только и возможно с превосходными силами.

3) Предположение объявляется обеим сторонам все, и по крайней мере за неделю, дабы было время осмотреть место, заблаговременно и спокойно сделать соображение, зная намерение противника.

¹ Пример опущен.

² Как полагают немецкие маневристы.

4) Задачи даются самые простые, т. е. одной стороне прикры- тие какого-либо пункта оборонительным расположением, другой — атаку сего последнего.

5) Ввиду сообщения навыка методически приниматься за ре- шение задачи, весьма полезно приглашать начальников отрядов давать письменные ответы на следующие вопросы: А) Начальника наступающего отряда: а) *Как бы он оборонял эту позицию (т. е. ту, которую ему предстоит атаковать)?* б) *Почему так, а не иначе?* (оценка позиции, т. е. какой фланг слабее или сильнее, свойства центра, нет ли перед фронтом позиции мест, способствующих скры- тому подступу, и т. п.)? в) *Какой приму боевой порядок для на- ступления?* г) *Что сделаю для скрытия моих намерений?* д) *Об освещении которого из флангов должен преимущественно позабо- титься и какие к тому приму меры?* е) *Какие приказания отдам на- чальникам отрядов, назначаемым для наблюдения за флангами?* ж) *Ка- кие цели ставлю частям боевого порядка?* з) *Где мне самому быть? Если неприятель перейдет в наступление, что сделаю (если против пра- вого, левого фланга, против центра; если появится в тылу)?* Б) На- чальника обороны: а) *Как бы я атаковал свою позицию?* б) *Почему так, а не иначе?* в) *Какой приму боевой порядок для обороны?* г) *Как охраню фланги?* д) *Какие назначения возложу на различные звенья боевого порядка (только отражать нападение, или пользо- ваться случаями для перехода в наступление)?* е) *Где сам буду?* ж) *Если неприятель атакует правый (левый) фланг (центр, тыл), что сделаю?*

б) Стороны разводятся не более, как версты на две¹.

На маневре обращать главное внимание:

1) Чтобы начальник отряда прежде всего забирал его в руки, т. е. обхватывал его, поздоровался с людьми, причем ему отдаются установленные почести. Это единственное средство наглядно пока- зать войскам, кому они подчиняются на время маневра; между тем многие не применяют его из ложной деликатности, считая неловким здороваться с войсками других родов оружия, кроме того, к кото- рому сами принадлежат.

2) Чтобы начальники не боялись ошибаться, ибо эта боязнь более всего укореняет вредную привычку колебаний и нерешитель- ности. Для этого исправление ошибок делать спокойно и предлагать его как совет лучшего, но не как выговор за упущение.

3) Чтобы приказания отдавались ясно, кратко, энергично, в по- рядке подчиненности, указывая цель, но не средства исполнения.

4) В случае ошибки слишком крупной в течение маневра, оста- навливать его² (сигналами «все» и «стой»), собирать конных на- чальников и вызывать на то, чтобы они сами указывали, в чем ошибка и как нужно было сделать.

¹ Мы ничего не имеем против того, чтобы впоследствии на ма- неврах более сильные отряды оставлять противные стороны в неиз- вестности насчет их взаимных целей и места расположения; но по- ложительно не рекомендуем применения этого условия на малых маневрах, по той простой причине, что обучение всегда нужно на- чинать с легчайшего.

² Атака не останавливается ни в каком случае. Если же была ведена ошибочно, указывать при окончательном разборе.

5) Обращать особенное внимание, чтобы сомкнутые части не стояли как мишени и чтобы бросались в атаку с должных расстояний.

Маневры заканчивать сквозною атакою пехоты на пехоту, после чего разбор маневра при всех офицерах.

Затем, после небольшого отдыха, роты становятся друг за другом шагах во 100 и размыкаются шагов на 5 интервала между рядами. Против них, также разомкнуто, становится эскадрон шагах в 300-х. Когда это готово, головная рота подходит к фронту эскадрона с песнями, барабанным боем и со всяким гвалтом, останавливается перед мордами лошадей коротко, по общей команде. По общей же команде делает ружейные приемы (которые поразмашистее, как вольно, с вольно на руку), потом оглаживает коней, а барабанщики и горнисты ходят между рядами эскадрона, бьют и играют. Потом пробегают насквозь с ура. То же делают, последовательно, и другие роты.

В свою очередь конница проходит пехоту известным порядком (см. подготовку роты) и по домам¹.

При этом можно показать также два приема ускорения движения пехоты, заключающиеся в том: 1) чтобы хвататься за путлище правой рукой, держа ружье в левой; 2) садиться на круп за всадником. В последнем случае штыки отмыкать, а ружье иметь на погонном ремне через правое плечо. Требовать, чтобы пехотинец, усевшись, держался за бока всадника, а за руки не цеплялся. Для показа последнего приема выбирать спокойных и неслабосильных коней. Это достаточно делать в каждой части раз в лето и не со всеми людьми, а настолько, чтобы все знали, что в случае необходимости можно пользоваться и такими средствами ускорения движения.

СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА

78. Уже известно, что эта служба есть только частный случай гарнизонной: и потому на утверждение в существенных обязанностях этой последней должно быть обращено особенное внимание, тем более, что она имеет и весьма важное военно-воспитательное значение. Все прочие отделы службы войск в мирное время представляют, как уже сказано, не столько службу в прямом значении этого слова, сколько подготовку к боевой службе. Это только школа, но не жизнь. Гарнизонною службою солдат и офицер посвящаются в действительную жизнь воинскую со всеми ее великими крайностями: от самоотвержения и до ожесточения; от гибели часового при на-

¹ При мирном составе рот в каждую пехотную линию ставятся по две роты. Следить, чтобы ни в коннице, ни в пехоте не было на флангах прогульных рядов, т. е. таких, которые не испытывали бы взаимного впечатления сквозной атаки; и для того строго равнять фланги пехотных и конных линий.

воднении или пожаре, если его разводящий не пришел сменить, и до употребления оружия против того, кто решится нарушить полученную часовым сдачу. В этой службе солдат впервые становится лицом к лицу с исполнением своей обязанности по долгу, одинаково хорошо как тогда, когда на него смотрят, так и тогда, когда на него не смотрят; и возникает одно из основных понятий воинского благоустройства: не о красивом, не о ловком, но о *надежном* солдате или офицере. Предоставление не только офицеру, но и солдату на карауле страшного права употреблять оружие в мирное время достаточно выясняет все значение гарнизонной службы и всю необходимость самого серьезного отношения к ее обязанностям.

79. Быть в состоянии решить, когда не смеешь колоть или стрелять и когда не смеешь *не* колоть или *не* стрелять, дело трудное и подстать человеку самому развитому, обладающему честным и твердым сердцем. Так ли это принимается и понимается?.. Пусть судит сам читатель. Формалистику гарнизонной службы мы знаем; сущность же ее остается, и нередко, на заднем плане. Не раз случалось встречать людей, что пересчитывали отлично все случаи вызова караула в ружье для отдания чести и забывали случаи вызова при беспорядках, скоплении толпы, пожаре вблизи караульного дома. А уже о случаях, когда должно употреблять оружие, и говорить нечего. Этот пробел настоит¹ неотложная необходимость пополнить, что может быть достигнуто частой и разумной проверкой офицеров и нижних чинов в знании устава гарнизонной службы.

80. При проверке особенно рекомендуется не пропускать без внимания уклончивых или же пустопорожних ответов, т. е. таких, которые дают возможность человеку скрыть свое незнание за какой-нибудь общей фразой. Нет ничего вреднее таких ответов: недаром Суворов ставил краснословку наравне с немогузнайкой, лживкой и лукавкой. Не раз случалось, на вопрос часовому: какая твоя обязанность на этом посту? получать стереотипное: «смотреть за порядком»; при дальнейших расспросах «отдавать честь начальнику»; и дальше ничего. Еще образец: какая твоя сдача? — «Три замка, две печати,

¹ Предстоит.— *Ред.*

4 окошка, одни двери» и т. п. Что же ты должен со всем этим делать? — «Смотреть за порядком». — Да разве окна могут сделать какой беспорядок? — «Никак нет». — И в силу великую, целым рядом наведений, добьешься, наконец, что за окошками есть арестанты и нужно смотреть, чтобы не убежали; а к замкам и печатям никого не следует подпускать. — Как же ты не подпустишь? — «Крикну, чтоб не подходил». — А он все идет: ты что? — «Не должен подпускать». — Да уже тебе сказано, что не слушает и идет; что же ты сделаешь? — На это получается очень часто молчок и редко скажет, что должен ударить штыком или выстрелить. Читатель видит, сколько тут лишних слов, когда дело так просто и ясно для того, кто усвоил себе не обрядовую только, но существенную сторону гарнизонной службы. Когда человек бродит таким образом кругом и около дела, а в самое дело не попадает, это всегда показывает одно и то же: неясное понимание дела.

81. Помочь этому можно только одним средством: спокойными и постоянными толкованиями самой сути гарнизонной службы, не затемняя ее мелочами. При подобных толкованиях лучший путь, по моему мнению, заключается в том, чтобы идти от противоположного, т. е. не успокаиваться на мысли, будто солдат знает дело, когда, напр., сказал, что, стоя на часах, он должен соблюсти свою сдачу, хотя бы для этого пришлось употребить оружие; но рядом частных случаев, предполагающих противоположное, — т. е. намерение с чьей-либо стороны нарушить полученную им сдачу, — поставить его в необходимость дать положительное решение на каждый случай и высказываться определительно, как бы он в каждом случае поступил¹. Проведя солдата через ряд подобных задач, отвечающих всем его обязанностям в карауле, можно быть уверену, что он будет иметь ясное

¹ Это и есть применение уже известного приема искушения. Здесь повторено то, что уже сказано и в «Подготовке роты», только другими словами. Повторено потому, что в этом *корень* нашей службы; ведь в бою всякий начальник, с низших и до высших, есть тот же караульный начальник, стоящий на указанном месте, или наступающий по указанному направлению и точно так же обязанный знать, кого должен слушаться, кого не должен; точно так же обязанный соблюсти полученную сдачу даже до смерти... Из этого ясно, что караульная служба есть преобразование в малом виде всей военной и боевой службы.

представление об этой службе. И при этом не бояться повторений, настойчиво возвращаясь к применению одних и тех же обязанностей в многообразных случаях, почерпая последние из практики или придумывая их.

82. В применении к сторожевой службе рекомендуется та же система, т. е. что солдат должен быть поставлен теоретически (рядом вопросов), а потом и практически (учениями) во все те положения, в каких он может очутиться при отправлении этой службы; разумеется, только без употребления оружия.

Для примера возьмем правило о препровождении на заставы подходящих к цепи с неприятельской стороны. Для этого следует послать действительно нескольких человек, приказав им прокрасться сквозь цепь; затем смотреть, что делают посты. Другой пример: патрули должны поверять бдительность часовых и в случае исчезновения какого-либо поста, оставив временно на его месте человека, дать знать об этом со следующего поста на заставу. Для проверки, знают ли патрули свое дело, следует снять какой-либо один пост — разумеется незаведомо для патруля — и затем смотреть, что этот последний сделает. Наконец, при самом снятии поста представляется случай поверить людей его, тверды ли они в правиле, гласящем, что только тот может снять их, кто поставил. Для этого, взяв с собою расставлявшего посты, оставить его в стороне; а самому приказать посту, чтобы оставил свое место и скрылся где-нибудь поблизости; смотря по тому, послушается ли старший поста или нет, видно будет, не знает или знает он свое дело. Если не послушается, то подзвать расставлявшего и ему приказать снять пост.

83. Так как суть сторожевой службы заключается в том, чтобы уметь незаметно пробраться к неприятелю и не допустить его сделать то же самое с нами, то это лучше всего показать так: рота против роты, за отделением людей на патрули, становятся на ночь, образуя каждая неправильный круг из постов, отстоящих один от другого шагов 25—50¹. Внутри круга кладутся различные легкие предметы, как сумки, штыки и т. п. В течение ночи, кроме уставного отправления службы, люди

¹ С людьми понаторевшими расстояние между постами можно увеличивать и до 100 шагов.

каждого круга должны смотреть, чтобы кто-нибудь не пролез в их круг и не унес чего-нибудь; а некоторые люди назначаются, чтобы пролезть в чужой круг и что-нибудь оттуда принести. Утром — поверка: кто что унес и в каком месте круга успели пролезть.

Которые лазутчики будут замечены в цепи прежде, чем попадут в круг, должны останавливаться по опросу и отсылаются назад. Если будут замечены уже попавшие в круг, тех назад не пропускать, а остаются у вещей. Смотреть, чтоб не вышло где драки, для чего перед расстановкой напоминать людям, что дело делается не для драки, а для науки: значит, идет на то, кто кого перехитрит, а не кто кого побьет. На своих научимся, чужих будем поддевать. Лучше на эти упражнения выводить с отомкнутыми штыками. Цепь должна настолько отстоять от сложенных вещей, чтоб ночью не было видно, что у вещей происходит.

84. Изо всего сказанного ясно видно, что основательная практика в сторожевой службе возможна только при условии продолжительного и притом двухстороннего учения. Для оного советуем выводить батальон не менее как на 12-ть часов и делить его на две половины, ставя одну против другой так, чтобы между линиями передовых постов было по возможности не менее $\frac{1}{2}$ версты расстояния; а еще лучше, если будет верста. Тогда явится возможность проделать все случаи отправления сторожевой службы и приучить людей обращать внимание на видоизменения в неприятельском расположении. Для учений не выбирать мест открытых, ибо на деле пехоту на подобных местах тогда только наряжают для сторожевой службы, когда нет конницы.

85. Во время, назначаемое для учения, непременно включать ночь, потому что только в течение оной можно показать пользу перевода постов с высоких мест на низкие, а равно и дать людям осязательное понятие о том особенном характере бдительности, при котором глаз зачастую ничего почти не значит, а ухо все.

86. Весьма хорошо, если в полосе, разделяющей посты противных сторон, попадают закрытые места, вроде перелесков, оврагов, деревушек и проч.: ими можно пользоваться для небольших засад, дабы наглядно показать патрулям всю важность осмотра таких мест.

87. Для облегчения контроля в исполнении людьми сторожевой службы не забывать нумеровать посты каждой роты, дабы донесения приходили бы примерно в таком виде: «с поста № 0; к неприятельской цепи в таком-то часу подошла команда такой-то силы и сделала то-то». Таким образом будет на отчете, какие посты и как делают свое дело. А равно и яснее, в каком месте неприятель собирается что-либо предпринять. За промахи не бранить, а стыдить; всякие ловкие предприятия (как, напр., прокрасться через цепь противника, разузнать там что-нибудь или что унести оттуда и вернуться) поощрять.

88. Больше одного учения каждой роты против роты, кругами, и одного учения полубатальона против полубатальона, уставным порядком, в батальонный сбор делать нет надобности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Живем мы в трудное время; решаются роковые задачи, которые притом и подкрадываются невзначай. И удачно решает подобные задачи только тот, кто долгим и самоотверженным трудом в мирное время к этому приготовился. Не зная, когда придет беда, нужно быть всегда готовым встретить ее с чистым сердцем, спокойным духом и с сознанием, что ничем не пренебрег, дабы удостоиться победы.

2. Для этого в настоящее время от офицера очень много требуется. Перечислю вкратце эти требования, и да будут приняты товарищами и сослуживцами следующие ниже слова так же от сердца, как они говорятя от сердца... Ибо нельзя знать ни дня, ни часа того страшного испытания, на которое всякий явится не тем, чем казался в мирное время, но тем, что он есть на самом деле; и где за всякую ошибку, недостаток знания или энергии один ответ: своей головой, да это не беда — мертвые сраму не имут; а иногда и репутацией, и во всяком случае головами своих подчиненных... Не сетуйте на тон речи; не спешите говорить: кто он такой, чтобы так говорить? Дело не в том, *кто и как* говорит, но в том, *что* говорится.

3. Офицер должен прежде и главное всего уметь держать своих людей в руках; держать силою воли больше, нежели мерами физического принуждения (они и в мир-

ное время только для негодяев, а в бою на них совсем плоха надежда); держать так, чтобы люди кроме вашего голоса не знали другого голоса; кроме вашей воли не знали другой воли; чтобы во всех трудных случаях их глаза и помыслы инстинктивно обращались к вам за решением — что делать? И тогда вы сольетесь с ними в одно тело и в одну душу.

Для этого нужно, чтобы солдаты *верили* вам, как своей голове, как достойному руководителю; а тогда они будут и *любить* вас: и не будет нашему солдату ничего невозможного.

4. Это достигается умственным и нравственным превосходством с вашей стороны над теми людьми, жизнь которых в бою вам вверяется. Если они во всех положениях будут видеть в вас своего наставника, который знает дело лучше их и больше их; если они будут видеть в вас человека, готового первым сделать то, чего от них требует, то пойдут за вами беззаветно и безусловно, куда вы их ни поведете; и сами скорее лягут, чем выдадут дело, во имя которого идут за вами.

5. Смотрите на солдатство, как на низшую степень великого воинского товарищества, но все же товарищества; не забывайте святых слов, что «солдат есть имя общее, знаменитое; что солдатом называется первейший генерал и последний рядовой». Во имя товарищества, берегите солдата, но не балуйте его; будьте внимательны к малейшим его нуждам (не на показ, а в настоящую), но непоколебимой рукою закона карайте за преступления, позорящие военное братство; и крепко держите в руках. Учите делать дело, а не болтать о деле: неприятеля разговором не побьешь¹.

¹ Под выражением «болтать о деле» разумею стремление некоторых командиров к тому, напр., чтобы солдат задалбливал и переговаривал, как школьник на экзаменах, написанные книжным языком ответы на вопросы, вроде следующих: зачем нужно чистить ружье? Как называются части затвора? и т. п. Без изустных разъяснений обойтись невозможно, но нужно прибегать к ним там, где они действительно необходимы, а не там, где они приводят к бесполезной болтовне. Разъяснять должен уметь и солдат-учитель: и тогда его *слово* становится *делом*. Но для проверки его в этом лучше всего поставить перед ним молодого солдата, приказав дать урок, послушать, как он это делает, а если солдат совсем незнающий, то и его спросить, что он понял; а не требовать, напр., того, чтобы он на память переболтал номенклатуру частей ружья, из-

6. Будьте ему примером во всем: и тогда он в плоть и кровь примет ту исполнительность, которая одинакова как на глазах у начальника, так и за глазами; явив себя проникнутыми долгом, вы и его поднимите на высоту долга; и тогда ни лишения, ни опасность, ни болезнь, не собьют его с этого пути.

Чувство долга растет не снизу вверх, а распространяется сверху вниз.

7. Чтобы стать в такое положение к солдату, необходимо: полное и глубокое знание и честное исполнение всех правил внутренней и гарнизонной службы; не только знание всех отделов одиночного и строевого образования, но умение учить им, растолковывая, что нужно, кратко и вразумительно. Для этого мало одного знания строевых уставов, но необходимо еще знать: к чему, против какого неприятеля и на какой местности та или другая форма строя пригодна.

Это предполагает, сверх сказанного, еще знание свойств артиллерии и конницы; знание боевых свойств местности и необходимого для оценки ее подспорья — чтения карт.

Последнее дело до крайности просто, если за него приняться настойчиво и возвращаться к нему часто; а между тем твердый в нем приобретает громадное превосходство: разница между умеющим и неумеющим читать карту такая же, как между человеком близоруким и способным видеть за десятки и сотни верст. При помощи карты можно вперед почти наверное определить, где легче пройти для атаки; где и как выгоднее расположиться для обороны; где биваком стать, где сторожевую цепь раскинуть и даже сколько, приблизительно, потребуется на это людей. Какой выигрыш во времени! В час или полтора сделаете, благодаря карте, то, чего объездом иногда и в несколько дней не сделали бы. Да объездом не во всякое место и попадете. Таким образом, умеющий читать карту пойдет наверняка там, где не-

бретенную на заводах, или что-нибудь в этом роде. Ибо можно ее и отлично проболтать, а все-таки ружья не уметь вычистить.

Обязанностей внутренней, гарнизонной, сторожевой службы нельзя иным образом внушить, как при помощи толкований; но уча, напр., делать ружейные приемы, разбирать, чистить и собирать ружье, положительно лучше воздерживаться от многословных толкований, ибо все это гораздо более и легче усваивается с показа, чем с рассказа.

умеющий будет бродить ощупью. Конечно, и при умении пользоваться картою ошибки возможны; но они неизбежны везде и во всем; и дело не в том, чтобы их вовсе не делать, но в том, чтобы по возможности меньше делать.

Наконец, там, где закрытий нет, строевой офицер должен уметь с толком и быстро создать их для своей части. Это дело опять не требует ничего, кроме деятельности простого здравого смысла: на месте, избранном для цепи, окопы или ровики стрелкам; для артиллерии — ровики для прислуги и окопы, а если время есть и много рабочих — даже батареи. Могут сказать: а фигура укрепления? — в поле она не может быть ни правильною, ни замысловатою и определяется всего двумя началами: *располагай линию огня перпендикулярно тем направлениям, которые хочешь сильнее обстреливать; располагай при том так, чтобы неприятель не мог ее обстреливать продольно.*

На этих двух началах держится вся фортификация; никакой специалист вам не откроет никакого третьего.

Но прибегая к подобным работам, должно ограничиваться только строго необходимым числом их; нужно всегда помнить, что эти возведения все-таки представляют преграды на позиции, которые в случае перехода в наступление могут помешать и нам; что насыпка их, кроме того, утомляет людей, силы которых нужно сберечь для боя: и что, следовательно, строить — хорошо, *но только в меру.* На этом основании не совсем сочувствую также возведению окопов для резервов. Резерв — часть подвижная; она во время боя может несколько раз переменить место: стоит ли тратить силы людей на то, чтобы укрыться может быть на несколько мгновений? Стоит ли ввиду того, в особенности, что толковый начальник, из ста случаев по крайней мере в 95, найдет закрытие для своей части на любой позиции?

8. Как ни много сказанного, а все же недостаточно: инструкции самые полные и обстоятельные всегда представляют пробелы и недомолвки; и поэтому знанием уставов и инструкций ограничиться нельзя, а необходимо читать, читать и читать: преимущественно военно-исторические подробные сочинения и труды людей, которые не только делали войну, но и писали об ней. В особенности вчитывайтесь в творение незабвенного, великого нашего

Суворова: только проникнувшись его духом, вы обретете искусство говорить с солдатом просто, вразумительно и от сердца к сердцу.

Но что бы вы ни читали, ни от кого и ничего не принимайте на веру. Никогда не останавливайтесь на мысли: такой-то так говорит, значит верно; но задавайтесь вопросом: *почему* он так говорит? Если вы нашли это «почему» или автор дал его вам своими доводами, сдавайте: и тогда *его* идея станет вашей, ибо вы сами прошли тот путь, которым до нее додумался автор. Если же «почему» не открыли, не верьте тому, что автор говорит, будь он сам Наполеон.

Знание и умение даст в бою уверенность в себе; уверенность даст силу решаться быстро и без колебаний, исполнять стремительно и без оглядки назад.

«Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву... благочестиву. Молись богу! От него победа. Бог нас видит — он нам генерал!» (Суворов).

Лезь вперед хоть бы передних и били.

Сам погибай, а товарища выручай.

Не бойся гибели, как бы ни приходилось трудно; на-верное побьешь.

У порядочной части нет ни тыла, ни флангов, а везде фронт, откуда неприятель.

Какие неожиданные препятствия ни встретил бы на пути к цели, думай о том, чтобы их преодолеть, а не о том, что дело плохо.

Не думай, что сразу дается победа, враг тоже бывает стоек; иной раз не удастся взять и с двух, и с трех раз: тогда нужно лезть в четвертый и далее, пока не добьешься своего. В бою бьет, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее, или искуснее; претерпевый до конца спасен будет.

Более или менее искусные распоряжения облегчают достижение цели с меньшими потерями, но только облегчают; достигает же ее тот только, кто решился скорее погибнуть, чем не добиться своего.

Если тебе трудно, то неприятелю не легче, а может и труднее твоего; только свое трудное ты видишь, а неприятельского не видишь, но оно непременно есть. И потому никогда уныния,— но всегда дерзость и упорство.

Даже и обороняясь, никогда не думай о том только, чтобы отбиться; но непременно о том, чтобы побить.

Пока дерешься, выручай здоровых; только побив врага, вспоминай о раненых. Кто о них хлопочет во время боя и оставляет ряды — трус и подлец, а не сердобольный человек. Не товарищи ему дороги; своя шкура ему дорога. Для подбора раненых всегда есть особые команды.

Как бы неожиданно ни появился неприятель, не нужно забывать одного: что его можно бить или штыком или огнем. Из двух выбор кажется не труден; а строй уже дело второстепенное — его обстоятельства и тот род поражения, который выберешь, тебе подскажут. Если враг близко — всегда штыки; если подальше — сначала огонь, а потом штыки.

— Не залезай в чужое дело, пока видишь, что его толково ведут; в бою и своего довольно будет. Погонишься за тем, что другие должны делать, упустишь свое. Батальонному командиру нельзя быть четырьмя ротными командирами; всякий чин должен иметь свой круг самостоятельности и свою ответственность. Не признавая первой, снимаешь и вторую. Но начальник должен следить, чтобы всякий делал свое дело, и спуску не давать.

Считай учение не с той минуты, когда выехал или вышел к части; а с той, когда солдат выходит с квартир; не до той, как сам уходишь домой, а до той, когда он домой приходит.

Выезжай на учение раньше солдата и уезжай позже: больше увидишь.

Преследуй, как самое вредное и противное сбережению солдата, выводы на учение задолго раньше назначенного часа. Ты назначишь в 6 часов утра, ротный командир прикажет вывести в 5, а если ретивый, то и в 4; а фельдфебель поднимет в 2. Учения два-три часа, а мучения четыре, иногда больше. Как поучат так неделю — другую, — кто послабее в госпиталь, а может и дальше. Человек пропал, труды на выучку его тоже; государство давай другого. Нужно учить, а не мучить.

Семь раз примерь, один отрежь; но когда отрезал, хоть земля вались, своего держись. Правда, по нужде и закону перемена бывает, но редко. Хуже отмены ничего нет: люди веру теряют. Значит плохо думал, когда приходится передумывать¹.

ЧАСТЬ III

ПОДГОТОВКА ТРЕХ РОДОВ ОРУЖИЯ КО ВЗАИМНОЙ ВЫРУЧКЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

1. Взаимная выручка представляет необходимое, верховное условие в достижении военных целей. Все, чему войска обучаются, имеет одну цель — подготовить как отдельных людей, так и части самоотверженно и с толком выручать друг друга. Вся деятельность начальников направлена к одному — так ставить и так водить войска, чтобы облегчить им взаимную выручку. На этом основании учат колоть, рубить, стрелять, дружно атаковать — для выручки товарищей; учат строям и движениям — для того, чтобы облегчить эту выручку, дать ей проявиться в выгоднейших условиях. Воспитывают *многих* в подчинении воле *одного* — для того же. На войне ходят врозь, дерутся вместе — для взаимной выручки; один раз идут на выстрелы, другой не идут — для той же выручки; на биваке одни сторожат, когда другие отдыхают — опять во имя выручки.

¹ Приложения опущены.

2. *Один* указывает *цель*; если многие приучены достигать ее, как *один человек*, без колебания, без возврата, она всегда будет достигнута, разве неприятель окажется еще единодушнее нас: но тогда, кто же будет виноват нашей неудаче, как не мы сами? «Не думай о себе, товарищи о тебе подумают»: где это есть, там масса один человек, в каком бы она строе ни была,— и не будет для того человека ничего невозможного. «Думай о себе, не думай о товарищах — товарищи погибнут, да и ты тоже; ибо если ты только о себе думаешь, то что же им за охота думать о тебе? И нет тогда одного общего живого тела, а есть только разлагающийся труп, с которым всякий, что захочет, то и сделает».

3. Как здоровый человек не задумается пожертвовать рукой или ногой для спасения всего тела, так и здоровый военный человек не задумается пожертвовать собою, чтобы спасти свой отряд, свою армию. Кто любит себя больше роты, не достоин роты; кто любит роту больше батальона, не достоин батальона; кто любит батальон больше полка, не достоин полка, и так далее. Слова нет, кому жить не хочется? Но лучше погибнуть одному члену, чем всему телу: ибо если тело погибнет, разве член не погибнет?

4. Если для того, чтобы побить врага, единицы должны быть одушевлены внутреннею готовностью выручать друг друга, кольми паче необходима такая готовность частям: как одного, так и различных родов оружия между собою. С своей стороны начальники должны уметь ставить как отдельных бойцов, так и целые части в такое положение, чтобы возможность выручки им облегчить, а не затруднить. *В этом вся тактика в военное время и цель всех военных упражнений — в мирное.*

5. Чтобы быть способным к выручке, прежде всего нужно *не бояться погибнуть*; потом *верить* товарищам, наконец, *любить* их.

6. Чтобы *не бояться погибнуть*, нужно себя так подготовить соответственными упражнениями и соответственным строем мысли. Нужно почаще напоминать себе, что мы назначены на то, чтобы губить и гибнуть; и что все под богом ходим и никто даже за мгновение не знает, где его смерть ждет: значит над этим и задумываться нечего. Мало ли людей из самого страшного боя выходят живы и невредимы, и разве не случается неожиданно-

негаданно распротиться с жизнью, споткнувшись на гладком полу, или по милости обвалившегося карниза, понесшей лошади? Кто дает себе труд почаще это вспоминать, для того необходимость идти на возможную смерть никогда не будет сюрпризом даже и после долгого мира; кто этого не делает, тот готовит себе самые горькие и удручающие разочарования. Да и как им не быть? «Из года в год маневрировали, отлично стреляли, отлично ходили церемониальным маршем, и вдруг под пули, гранаты и на штык: что же тут общего?» Потому-то и опасно останавливаться на отдельных специальностях, из коих слагается военное дело, что между ними и боевым делом, в его совокупности, действительно мало общего.

7. Чтобы *верить* товарищам, нужно *знать* их; тогда и полюбить, если будут стоять. Кого не знаешь, тому не можешь верить: не можешь того и любить.

8. Итак, первый шаг к доверию — знакомство, самое тесное и самое полное — *полевое* знакомство, нужно знать, кто что может сделать для общего дела и *как* может. Только зная досконально обычаи друг друга, можно избежать той беды, что и думая, и искренно желая помочь, не помогают, а мешают друг другу. Говоря об обычаях разных родов оружия, разумею подлинные боевые, а не создаваемые мирно-маневренной тактикою обычаи. Эти последние иногда больше сбивают с толку, чем готовят к выручке. Пример: на маневрах конница гуляет чуть не на линии цепи стрелков, а в бою будет стоять в версте сзади, если не дальше: пехота, знающая из мирной практики только первый обычай, естественно будет расположена думать, будто конница оставляет ее на произвол судьбы; а между тем в бою она иначе и становиться не может в интересе самой пехоты: ведь не только для избежания бесплодных потерь, но и для атаки коннице следует далеко становиться, ибо ей нужен разбег; следовательно, чтобы получить атаку на высоте пехотной линии, она должна стать значительно позади, т. е. приблизительно на высоте дивизионного резерва, если ближе закрытий нет. Теперь другой пример, показывающий, к чему ведет незнание обычаев друг друга. Выезжает батарея на позицию; по сторонам пехота, впереди кусты, в которых никого не видно; батарея берет на задки и уходит: ей кажется, что она не прикрыта с фронта. А ка-

жется потому, что не доверяет пехоте; а не доверяет потому, что обычая пехоты не знает. А знала бы она эти обычаи, то не имела бы ни малейшего сомнения в том, что если сомкнутые части стоят с нею рядом, то стрелки впереди их наверное есть; только за кустами их не видно.

9. Из знакомства явится доверие; из доверия *любовь*, располагающая не жалеть себя для товарища. Это чувство товарищества до такой степени важно, что святейший долг начальников оберегать его как зеницу ока и не только не подрывать мероприятиями, принимаемыми по первичным, непродуманным впечатлениям, но всемерно стараться поддерживать и укреплять. К числу подобных мероприятий принадлежит между прочим игра на струнке соревнования, соперничества. Говорите вашему подчиненному, что у него то-то хорошо, то-то дурно, то-то упущено, но никогда не говорите: «у такого-то это гораздо лучше, чем у вас». Замечание первого рода заставляет исправить, что дурно, не подрывая товарищества; замечание второго рода подрывает товарищество, неминуемо вселяя к счастливому сопернику вражду, иногда тем более глубокую, чем сильнее она затаена. Иные начальники применяют тот же фортель соревнования, начиная с другого конца: они рассказывают каждому из подчиненных, разумеется наедине, что лучше его во всей части нет. И это не хорошо, ибо, разговорившись между собою, подчиненные, рано или поздно, но неминуемо откроют, что они «все лучше». Вера в слово начальника колеблется; а его слово должно быть законом в части...¹ На том же основании полагаю, что всякие применения школьной оценки к частям, вроде определения того, какая часть в каком номере, сколько выбила процентов и т. под., едва ли не приносят более вреда, чем пользы; может быть они и разжигают стремление к первым номерам, но едва ли содействуют укреплению товарищества.

10. Но выручка своих — дело сложное, которое можно изучить основательно только по частям и в течение продолжительного времени. Эти два обстоятельства (сложность дела, продолжительность времени на его изучение) виною тому, что подготовка ко взаимной выручке, как высшая конечная цель, к которой должно стремиться, часто упускается из вида при мирных упражнениях.

¹ Многогочие автора.

Во-первых, понятие выручки нужно правильно расчлени-ть на части и при обучении не упустить из вида ни одной из них, что не всегда бывает¹; во-вторых, каждую такую часть нужно изучить, для чего и ее, в свою очередь, приходится расчленять на ее составные части; затем начинается изучение частей, с понятным стремлением до-вести их до совершенства: без труда видеть можно, как легко при этом, незаведомо для самого себя, увлечься чем-нибудь одним и дойти до забвения основной цели, иногда даже до отрицания ее.

Ведут дело так, как будто для боя нужен не солдат, а — или только строевик, или только стрелок и т. под. Подобное уклонение тем бывает сильнее, чем преданнее делу люди, увлекающиеся в одну какую-либо сторону: следовательно, рискуют впасть в эту ошибку не худшие, а лучшие. И чем дольше такой человек просидит на своем предмете увлечения, тем остальные предметы ему будут казаться менее важными, а иногда даже и вовсе бесполезными, ибо отнимают время от того, к занятию чем он пристрастился. Наступает война, и оказывается, что люди знают не все свое дело, а только части его, и иногда не важнейшие, а второстепенные...²

11. Вооруженные опытом предшественников, изведав неодолимую силу увлечений и зная внутренние причины немощи человека перед этой силой, мы можем если не избежать новых ошибок, то по крайней мере хоть не повторять старых. Для этого необходимо:

а) сделать правильное расчленение предмета на его составные части; другими словами — *разложить тактику в ряд практических приемов, доступных изучению в поле*, а не по одной только книжке (показ, а не рассказ);

б) отдав себе отчет в относительной важности каждой из составных частей, — и время на них уделять, соответ-ственное этой важности;

¹ Так, в фридриховской системе образования, при таком расчленении было упущено из вида действие оружием, применение к местности, развитие ловкости и силы солдата, и все упражнения ограничивались почти одною стройностью движения. Если по тогдашней тактике нельзя поставить в упрек упущение применения в мест-ности, то этого никак нельзя сказать об упущении действия оружия, доведенном до того, что стрельба была ограничена холо-стыми патронами, а подготовка к удару штыком — приемом на руку.

² Многоточные автора.

в) изучив части дела, каждую особо, соединять их в составные отделы последовательно, т. е. без скачков, непременно проделывать эти составные отделы, не полагаясь, например, на то, что если человек выучен особо стрелять и особо маневрировать, особо колоть и особо атаковать, то он сумеет то и другое соединить сам. Нужно признать раз навсегда, что подобные соединения представляют *новые* отделы образования, которые нужно пройти, чтобы их исполнять толково, без путаницы, без суеты.

Позволим себе уподобление: обучение письму идет в известной каждому последовательности: сначала палочки, потом крючки, потом буквы (т. е. комбинации крючков и палочек — составной отдел первого порядка), потом слова (комбинации букв — составной отдел второго порядка). Все это по линейкам, затем последнее и без линеек. Что бывает, если, не выдержав на крючках и палочках, прямо начать без линеек и с букв? Человек будет писать как лавочник. Что выйдет, если, наоборот, увлекшись совершенством выделявания крючков и палочек, не переводить на буквы, на том основании, что кто знает часть дела, тот сумеет и сам сложить эти части в одно? Выйдет, что человек никогда не выучится писать. Что, наконец, выходит, если сильно налечь на изящество почерка, не упражняя человека в выражении его мыслей, т. е. в том, для чего собственно и существует письмо? Выходит писарь, который зачастую сам не понимает того, что переписывает. Он тем менее способен к окончательному делу (т. е. к выражению мысли знаками), чем более совершенен в части этого дела (т. е. в изображении знаков, оставляя мысль в стороне).

12. Эта необходимость расчленения изучаемого предмета на части и последовательной — т. е. без скачков — сводки их в одно, давно была признана и осуществлена в элементарных отделах образования. Так, ходьба (маршировка) еще в старое время расчленена была с идеальной последовательностью, и при изучении ее не допускались никакие скачки до тех пор, пока не открыли, что научить ходить в ногу можно и без этого. Но рядом с этим считалось возможным от строевых учений, отдельно по родам оружия, прямо переходить к совокупному маневрированию всеми родами оружия — скачок, бывший причиною тому, что в результате маневры ни-

чему не учили я из года в год сопровождалась повторением все тех же ошибок.

В настоящее время все элементарные отделы, в мере потребности, обусловленной свойствами каждого из них, проходятся таким же точно путем расчленения и постепенного сложения. В стрельбе, например, никому в голову не придет приступить к стрельбе боевыми патронами, не научив: 1) ставить прицел на разные расстояния; 2) прицеливаться; 3) спокойно нажимать на спуск; 4) стрелять дробинками (сводка прицеливания и спуска ударника); 5) стрелять холостыми патронами (сводка прицеливания, спуска и звука выстрела). Только после этого учат стрелять боевым патроном с отмеренного расстояния (сводка установки прицела по расстоянию известному, прицеливания, спуска, звука, отдачи, попадания). Параллельно этому практика в глазомере и, наконец, стрельба с расстояний, определяемых на глаз самим стрелком¹ (сводка определения расстояния, установки прицела, прицеливания, спуска, звука, отдачи, попадания). То же самое в изучении фехтования, гимнастики, строя, ружейных приемов.

13. Но в отделах образования, собственно так называемого тактического, необходимость подобной же последовательной сводки далеко еще не вполне сознается. На наших глазах установилось (на этот раз, кажется, прочно) сознание необходимости соединения стрельбы со строем; но далеко не все признают необходимость сквозных атак, прикладного устава, предварительного, до приступа к маневрам, ознакомления различных родов оружия со взаимными их обязанностями; наконец, необходимость практики в управлении тремя родами оружия на низших степенях командования, нежели это было принято до сих пор.

14. Думаю, что только при условии пополнения этих пробелов двухсторонние маневры могут быть полезны. Вот почему так думаю. На маневрах приходится: ходить походом по-военному; чтобы это сделать как следует на маневрах, нужно *до* маневров знать, как это делается; пехоте выдерживать атаки конницы; чтобы это сделать как следует, нужно выходить на маневр *уже* зная, как это делается; коннице атаковать пехоту, — следовательно, нужно *до* маневра знать, как это делается; пехоте и кон-

¹ Или его командиром.

нице атаковать артиллерию, нужно до маневра знать, как это делается; пехоте и коннице прикрывать артиллерию, — нужно до маневра знать, как это делается; артиллерии занимать позиции и маневрировать в боевых расположениях пехоты и конницы, — нужно до маневра им это показать, иначе будут не помогать, а мешать друг другу, и т. д., и т. д.

15. На основании сказанного считаю полезным начать эту часть «подготовки» с общей таблицы, показывающей расчленение военной воспитательно-образовательной работы на составные отделы и последовательную их сводку в одно целое, представляемое такую подготовкой войск, при которой отряд, составленный из трех родов оружия, является годным ко взаимной выручке, т. е. проникнут внутреннюю к оной готовностью и обладает всем необходимым для того, чтобы проявить взаимную выручку в выгоднейших условиях.

О ПОДГОТОВКЕ ПОЛКА

1. Полковой командир — большой человек: он правит, а не везет; но правит по всем частям: через батальонных командиров и адъютанта по личному составу и строевой работе; через чинов штаба — по хозяйственной и санитарной.

2. Он глава полковой семьи и первый радатель о поддержании в ней доброго товарищества, любви к своему делу, уважения к воинскому званию, в коем человек призван принести родине высшую жертву. Он отмеривает каждому по заслугам; он предстательствует перед начальством за тех из своих подчиненных, с которыми стряслась беда, если того стоят.

3. Его слово — закон в части, и потому никогда не сваливает вину на подчиненных, а берет ее на себя, помня, что во всем хорошем, как и в дурном, он и голова, и ответчик в полку.

4. Он прилагает особые заботы к сбережению здоровья людей, его попечению вверенных.

5. Он определенно ставит цели, непрерывно следит и настойчиво требует их достижения, смотрит, чтобы все делалось хорошо и в свое время; чтобы занятия велись «фронтом», т. е. не забегая по излюбленным отделам вперед, не отставая по прочим. Если требует чего-нибудь нового, должен сам показать, как делать. Действует на роты через батальонных командиров, но роли

их на себя не берет. Кольми паче не должен брать на себя роли ротных командиров. Баталионные командиры — ближайшие помощники полкового по контролю точного исполнения в ротах его распоряжений и всяческих уставов и положений: на них и следует ему налегать, если что не исполняется. А баталионные налегают на ротных. Миновать в полковой работе баталионных командиров — большая ошибка, происходящая от того, что в мирное время кажется, что без них как будто можно обойтись. В мирное обойдетесь, а в военное нет; но тогда поздно ожидать от них самостоятельности и чувства ответственности, если не подумали об этом в мирное время.

6. Он обращает большое внимание на выбор чинов полкового штаба; *особенное* — на выбор адъютанта. Желательный адъютант должен быть: не лицеприятен и не интриган; толков, грамотен, деятелен; должен уметь жить в ладу с дивизионным штабом; должен все помнить, не надоедать с пустяками; должен знать, что доложить, а о чем и умолчать. Доброе товарищеское согласие в полковой офицерской семье много зависит от полкового адъютанта.

СТРОВАЯ ПОДГОТОВКА

7. По утверждении в эволюциях, строевым уставом предписанных, в полку также производятся ученья по прикладному уставу. Начинать упражнения следует с резервного порядка, дабы никакая неожиданность в бою не захватывала ни начальников, ни людей врасплох.

РЕЗЕРВНЫЙ ПОРЯДОК

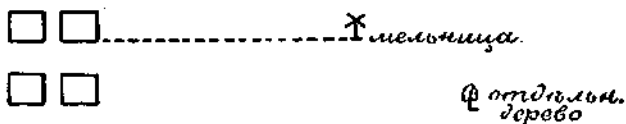
8. Движения резервным порядком имеют целью приучить полк перемещаться быстро и стройно: 1) в указанную сторону по прямому направлению, *не изменяя его*; 2) быстро и гибко изменять направления.

Достигнуть этого можно только утвердившись в следующих мыслях: 1) в бою не по фронту выбирается направление, а наоборот, по направлению ставится фронт, ибо там бесцельных движений нет, а раз цель назначена, нужно на нее становиться и к ней идти лицом, т. е. фронтом; 2) что равнение важно в каждой сомкнутой части отдельно; в линии же частей требуется не равнение, а *параллельность фронтов*, т. е. опять же выдержка направления.

1) *Выдержка направления.* Полк ставится фронтом на какой-нибудь отдаленный, резко видимый предмет (отдельное дерево, колокольню, сарай и тому под.). В затылок за которым-нибудь из флангов или за серединою оставляют кого-либо на месте, а затем двигают полк на указанный предмет на несколько сот шагов; затем поверяют по оставленному на месте, насколько он уклонился от линии. Разумеется, педантических требований не ставить; если на 300-х, например, шагах он уклонится на 10, 15 шагов, то это, конечно, не уклонение.

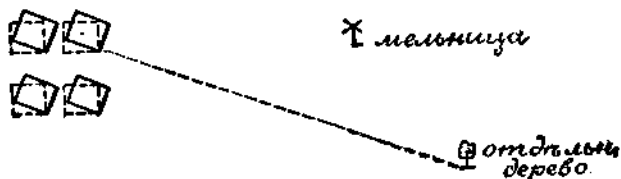
2) *Перемена направления на месте;* исполнять ее тоже должно непременно на какой-нибудь видный предмет и притом не всем резервным порядком, а побатальонно и, само собою разумеется, не на $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ часть круга, а на сколько по положению предмета придется. Не нужно забывать, что поворачиваться и менять направления только на эти два угла есть прием элементарного обучения; а в поле есть все углы и, значит, на все нужно уметь и менять направления.

Примеры. Полк стоит фронтом на мельницу, требуется переменить направление на отдельное дерево.

Указав дерево, команда: **перемена направления на отдельное ДЕРЕВО.**

Исполнение. Всякий человек поворачивается на столько, чтобы стать прямо лицом на указанное дерево. Затем, по команде *колонны стройсь* или *равняйсь*, фронт колонн выравнивается по первому ряду, задние за ними выравниваются по рядам и шеренгам. Получается такой порядок:

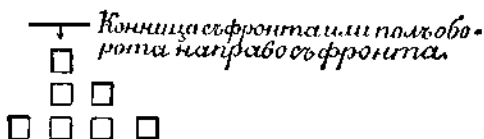

Примечание. Полуоборотов или оборотов лучше не командовать, ибо люди по этим командам сделают уставный поворот, т. е. никогда не попадут на предмет. Почему лучше учить так, чтобы наименование предмета служило для них исполнительной командой. Нельзя также этого делать захождением плечом, потому что или не доведете, или переведете.

По исполнении сказанного полк или остается в уступном порядке, или переходит в уставный резервный, как будет приказано.

3) Перемена направления на ходу исполняется точно так же, только с небольшой задержкой движения, пока батальоны не выстроят фронта в новом направлении.

а) *Конница атакует с фронта с 1000 шагов* (чертеж 1). Решение: правый или левый батальон первой линии выдвигается уступом вперед; задние — уступами в стороны. Головные две шеренги и фланговые два ряда с колена (кроме левофланговых рядов 3-го и правофлан-

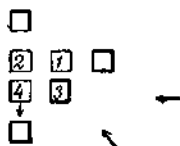
Примечание. Малыми черточками обозначены те фасы, на которых люди стреляют с колена

Чертеж 1.

говых 4-го батальонов). Подскакала на 200 шагов: Залп. На руку.

б) *Конница атакует справа с 1000 шагов* (чертеж 2). Батальонные командиры командуют что нужно для принятия уступного расположения направо (см. чертеж 2).

Конница справа или полубо- рота направо с тыла.

Чертеж 2.

в) *Пехота с тыла, атакует с 200 шагов.* Полк кругом. На руку. Ура.

Примечание. Предположение пехоты на значительных расстоя-

ниях ведет к переходу из резервного в боевой порядок и к упражнениям в этом последнем, которые составят уже маневрирование — собственно.

9. *Артиллерия обстреливает с фронта с 1000 сажень (и дальше)*. Решение: головные батальоны отводятся шагов 150—200 вперед или задние на столько же назад. Затем в правых батальонах *роты вправо на линию, без интервала, колоннами*; в левых — то же самое, только влево. Роты в двух взводных колоннах выстраиваются на линии с головными, на интервале шагов пять одна от другой. Таким образом получим вместо сплошной глубокой массы две тонкие линии. Такое утонение на больших расстояниях достаточно; а если бы и по этим тонким линиям артиллерия пристрелялась, дальнейшего обеспечения от огня, при отсутствии закрытий, следует искать в передвижении всего порядка или частей его по направлению выстрелов, вперед или назад, смотря по общей цели расположения.

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ В ПЕРВЫЙ (ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ) ПЕРИОД БОЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

16. Все бесконечное разнообразие боевых явлений в последней инстанции приводится или *к прорыву*, или *к охвату*: поэтому всякий боевой порядок должен иметь такую форму, которая доставляла бы все удобства к тому, чтобы: а) рвать или охватывать противника; б) противодействовать его попыткам нас прорвать или охватить.

17. С первого взгляда кажется, что если линия сплошная (непрерывная), да вдобавок толстая (побольше человек в глубину), то это лучший порядок для проявления взаимной выручки между людьми, как при прорыве, так и при охвате; но вековой опыт показал, что это вовсе не так. Во-первых, и выручка в такой массе сильно затрудняется, так, что люди иногда больше мешают, чем помогают друг другу; во-вторых, в таком порядке упущено то духовное начало, что для победы над противником вовсе не нужно перепортить у него побольше людей, а достаточно только вселить в него убеждение, что он нам не может сопротивляться. В силу этого подобной сплошной линии никогда не было надобности опрокидывать по всему протяжению, а достаточно было опроки-

вую линию, исчезнуть в ней. Ибо не присутствующие только на поле сражения, но действующие резервы обеспечивают успех.

ПОВЕДЕНИЕ РЕЗЕРВОВ

21. Обеспечение боевого порядка от прорыва достигается поддержкою передовой линии ближайшими частями, а если этого недостаточно, то общим резервом или частью его, смотря по силе напора на нас противника (при обороне).

Обеспечение от охвата (при обороне) достигается противодействием ему: а) частного резерва, если противник пытается охватить известный участок нашего боевого расположения; б) общего резерва или части его, — если пытается охватить фланг всего боевого расположения.

Охват или прорыв неприятельского расположения исполняется теми же резервами, предварительно сосредоточиваемыми к точке удара.

22. При действии отрядов, более или менее значительных, успех остается обыкновенно за тем из противников, у которого к концу боя остается больше свежих сил. Оттого *сбережение резерва* должно составлять в бою одну из главнейших забот начальника.

Но это дело о двух концах: если под предлогом сбережения резерва опоздаете поддержать и боевая линия сдаст, придется восстанавливать бой одним резервом, да и тут не всем, а частью¹, которая опять будет сбита: в результате окажется не употребление сил для одержания успеха, а подводка их по частям под удары противника. С другой стороны, и торопиться с поддержкою тоже не годится, ибо и не спохватитесь, как под рукою ничего свежего не останется. А это единственный залог на управление боем, ибо то, что уже пущено в дело, — не ваше.

23. Не скрою от читателя, что знать, когда рискнуть резервом, когда придержать его, — одна из труднейших задач, которую даже и великие мастера военного дела не всегда решали удовлетворительно. При мирных упражнениях она не только ускользает от какого-либо, хотя бы грубого решения, но даже не привлекает к себе внимания. Тем более необходимо, хотя отчасти, подготовить мысль войск и начальников к тому, чтобы она не являлась неожиданностью, когда предстанет во всем своем грозном значении,

¹ Опять для экономии.

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ ДРУГИХ РОДОВ ОРУЖИЯ

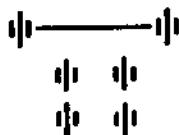
26. Конница и артиллерия представляют сильное, и потому одностороннее, развитие некоторых свойств пехоты, и их боевые порядки представляют частные случаи пехотных.

Конница. *Свойства:* быстрота движения, моментальность столкновений, чувствительность флангов, холодное оружие¹.

Боевой порядок: Моментальность столкновений делает поддержку сзади немислнмою; чувствительность флангов делает постоянное их обеспечение необходимым, — частные резервы обращаются в уступы за флангами. Холодное оружие требует возможности повторения ударов, т. е. общего резерва. Первоначальный боевой порядок обращается в одну сомкнутую боевую линию с уступами за флангами и с резервом.

Артиллерия. *Свойства:* Дальность и сила огня; неспособность к самозащите, и потому одна никогда не действует; обеспечение флангов и выручка в случае атаки ложатся на пехоту или конницу.

Боевой порядок (если его мысленно выделить из боевого порядка пехоты); передовая линия в рассыпном² строе, с резервом для ее усиления.

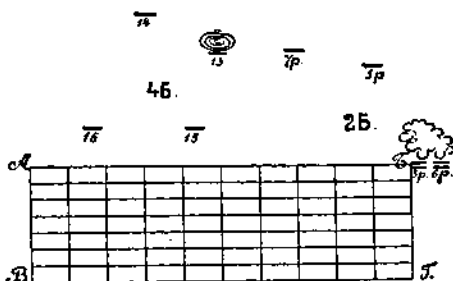

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ ПОЛКА

27. Общие типы боевых порядков полка те же, что и батальона, относя здесь к батальонам сказанное там о ротах. Точно так же в боевую линию (как там в передовую) может быть назначено: один, два, три или, наконец, все четыре батальона; точно так же командир полка указывает батальонам цель и участки для занятия, предоставляя самим батальонным командирам форму боевого порядка их части.

¹ Есть у нее и огнестрельное, но для действия в пешем строю, но тогда конница обращается в пехоту.

² В уставе он называется развернутым, но по духу он рассыпной.

Прямоугольники А. Б. В. обозначают пространство, на котором резерв располагается в период боя, линии прямоугольники, размеры по шквалу резерва и из двух батальонов построенных в двух обратных колоннах.

На этом пространстве в открытую или вблизи, или вдали от боевой линии, которая по закрытию, и, вправо, если предполагать отходить, главное усилие правым флангом вправо, если вправо, — за среднюю, если обстановка не выдвигалась.

На учениях обязательно следует разнообразить расположение резерва на этом пространстве, дабы какое-нибудь одно не обратилось в рутину.

Следует также наблюдать чтобы резерв не всегда располагался и ходил в батальонных колоннах, но на участках открытых принимать различные формы строя, увеличивая интервалы, чтобы пользоваться закрытиями и т. под.

Примеч. Расположение резерва на открытой местности.

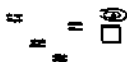
1. В линии и двух обратных колоннах.

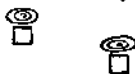
2. Поротно, на сближенных интервалах и дистанциях.

3. Один батальон за курганом, другой на открытой местности.

4. Оба батальона за курганом.

Чертеж 3.

28. Участки баталионам командир полка назначает:

а) При обороне — по местным предметам («от такой-то до такой-то дороги», или: «занять такую-то рощу» (деревню, высоту) и тому подобное); если же их нет, то просто числом шагов на баталион («такой-то баталион составит правый фланг боевого расположения; цель — упорная оборона с короткими переходами в наступление¹, сила занятия — 300 шагов; такой-то баталион составит левый фланг; цель — пассивная оборона; сила занятия — 750 шагов; такие-то баталионы назначаются в резерв за правый (левый) фланг (центр)»).

б) При наступлении участки можно назначать только числом шагов на баталион («предполагаю атаковать (положим) правый фланг этой позиции (указывает); такой-то баталион составит правый фланг расположения; цель — наступление и потом атака; сила занятия — 500 шагов; такой-то баталион составит левый фланг расположения; цель — обеспечение фланга атаки и содействие ей огнем; такие-то баталионы назначаются в резерв; сначала станут за серединою расположения, а впоследствии по особому приказанию поддержат атаку»).

29. Боевые порядки полка будут, конечно, гораздо разнообразнее баталионных. Сверх того, так как боевой порядок полка занимает значительно большее пространство сравнительно с баталионом, то могущие возникнуть боевые случайности вызовут перемену формы расположения того или другого баталиона; но перемену формы расположения всего полка вызвать уже не могут; эта последняя обуславливается общим развитием боя (см. чертеж 3).

ПРИКЛАДНОЙ УСТАВ

30. Действия конницы и артиллерии против боевого порядка полка вызывают соответствующие временные изменения в частях его, известные из подготовки роты и баталиона, но на общую его форму влияния иметь не могут.

31. Весь бой приводится к двум действиям: атаке и обороне; обстановка этих действий расчленяется на следующие приемы: 1) наступление в боевом порядке, общее или по частям (уступами); 2) движение в атаку и

¹ См. подготовку баталиона: короткие атаки.

поддержка ее; 3) расположение на позиции для обороны; 4) контратака и поддержка ее. Как при наступлении, так при обороне, может понадобиться: 1) переменить фронт; 2) продолжить его; 3) переместить боевой порядок вправо или влево; 4) заполнить разрыв, устранить столпление; 5) открытый фланг усилить уступом; 6) поддержать атаку. Чтобы все это уметь сделать на маневрах, нужно до маневров пройти каждый прием отдельно.

32. Обозначение противника. Из предыдущих частей «подготовки» известно, что учению всегда должна быть видимая цель, дабы всякий до последнего солдата знал, где предполагается противник. Такою целью может служить всякий ясно видимый и находящийся на приличном расстоянии от фронта местный предмет или рубеж. На местах совершенно открытых линия предполагаемого расположения противника обозначается двумя или несколькими жалонерами. Настаиваем на том, что обозначать должно только место предполагаемого расположения, а не количество войск. Обозначение собственно количества не только бесполезно, но и вредно, ибо ведет к целой системе правил, для боя бесполезных, и к работе воображения над мнимыми данными, которой в нашем деле следует избегать. По крайней мере мне так кажется. Если исполняется оборонительная задача, то есть противник предполагается наступающим, то его обозначать тоже жалонерами, подвижными.

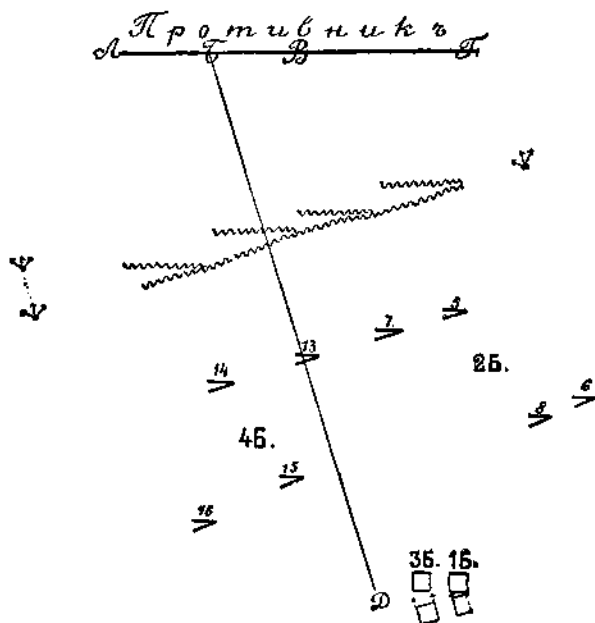
33. Наступление представляет установившийся предмет занятий, исполняется по уставу и не требует разъяснения. Можем посоветовать одно: следует обратить внимание на то, что с минуты выбора пункта атаки движение всем боевым порядком должно переходить в движение назначенной для штурма части уступом вперед; остальные части боевого порядка держатся от нее на расстоянии поддержки, выражаемой обеспечением ее флангов и содействием огнем.

Примечание. Предполагается такой боевой порядок: два батальона в боевой линии, два в резерве. Наблюдение за флангами выслано или предполагается высланным. Лучше его высылать всегда, чтобы это закрепить в сознаниях. Но так как на односторонних учениях боковым отрядам дела нет, то высылают немного — вроде человек четырех при ефрейторе от крайней правой и столько же от крайней левой роты.

ПЕРЕМЕНЫ ФРОНТА, ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ

34. *Переменять фронт должно не на «такую-то часть круга», а, как уже выше объяснено, «на такой-то предмет».* В деле нет углов, а есть *направления*, определяемые местом нахождения противника.

35. *Общая перемена фронта в деле почти не случается; перед делом она может иметь место под весьма незначительными углами, для исправления ошибочно*

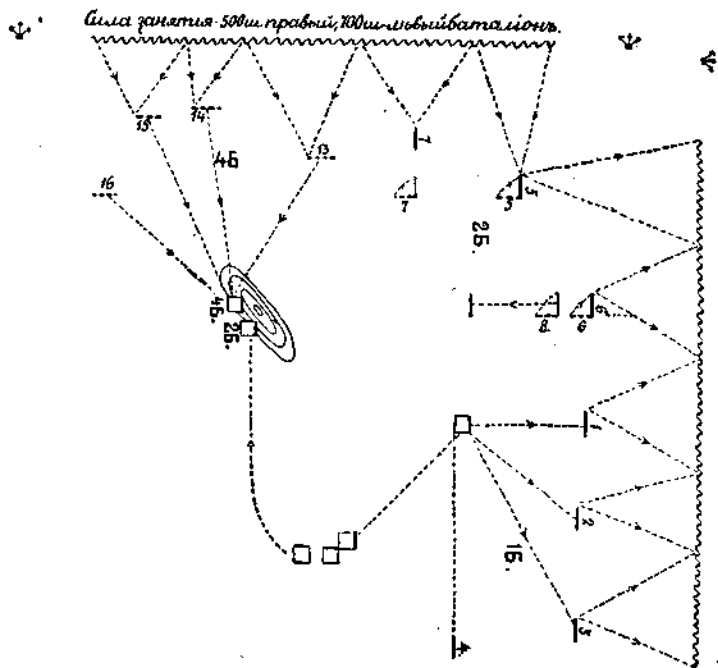

Чертеж 4.

взятого направления. Для чего дирекциональной части указывается новый пункт направления; она становится лицом к нему, остальные с нею соображаются. Получится таким образом уступной порядок, после чего, если нужно, восстанавливается линия.

Пример (см. чертеж 4): Противник занимает расположение А Б В Г; мы идем от Д. Боевому порядку дано направление на Б. При дальнейшем сближении с противником оказалось, что направляться нужно на В. Пол-

ковой командир посылает приказание батальонным боевой линии «держат направление на В», последние передают приказание в роты; направляющая рота (в предлагаемом случае 13-я) перемещает фронт на В, остальные с нею соображаются. Затем восстановление линии по

Чертеж 5.

передней роте; в настоящем случае по 1-й роте 2-го батальона. Резерв исправляет свое положение относительно боевой линии исподволь.

36. На учениях можно делать общие перемены фронта и под большими углами; но в деле этого не бывает, ибо для того, чтобы подобная перемена фронта могла иметь место, нужно предположить невозможность: именно, что

неприятель, бывший перед нашим фронтом, вдруг оттуда исчез и появился на нашем фланге.

На углы меньше прямого она исполняется по вышеуказанному; а на прямой — выдвиганием части из резерва в новом направлении и убирание соответствующей части в резерв с противоположного фланга.

Пример (чертеж 5): *Переменить фронт направо; 1-й батальон в боевую линию; сила занятия (положим) 800 шагов.*

Командир 2-го батальона повторяет приказание командира полка и прибавляет: *для прикрытия правого фланга от 5-й и 6-й рот по взводу в цепь; потом поротно правые плечи вперед*; затем приказывает убрать старую цепь и делает соответствующие изменения в расположении рот (см. чертеж); 1-й батальон к нему пристраивается; 4-й убирает своих стрелков, строится по 16-й роте и уходит в резерв.

37. Перемены фронта на небольшие углы выгоднее всего делать, переведя предварительно линию (или линии) в уступной порядок, как показано на чертеже 4, т. е. поставив части фронтом к противнику.

От перемен фронта по средним частям предостерегаем: как потому, что они противоречат указанию *ставить прежде всего людей лицом к противнику*, так и потому, что при таком способе перемены фронта которая-либо часть его делает бесполезное движение. Положим, мы, наступая, решили бы переменить фронт по той же 13-й роте (см. чертеж 4) правым флангом назад. Тогда вся правая половина фронта отошла бы назад, а при дальнейшем наступлении по тому же самому месту прошла бы вперед.

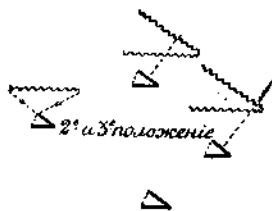
38. *Частные перемены фронта* предпринимаются в том случае, когда нужно охватить противника или противодействовать его охвату; следовательно, это будет вместе с тем и продолжение фронта.

Исполняется, выдвигая весь резерв или часть его (смотря по обстоятельствам) в должном направлении и пристраивая его к угрожаемому флангу.

Первый пример (чертеж 6). Полковой командир приказывает: *2-му батальону охватить правый фланг противника*. Командир 2-го батальона выдвигает его влево, перестраивается поротно в две линии уступами из сере-

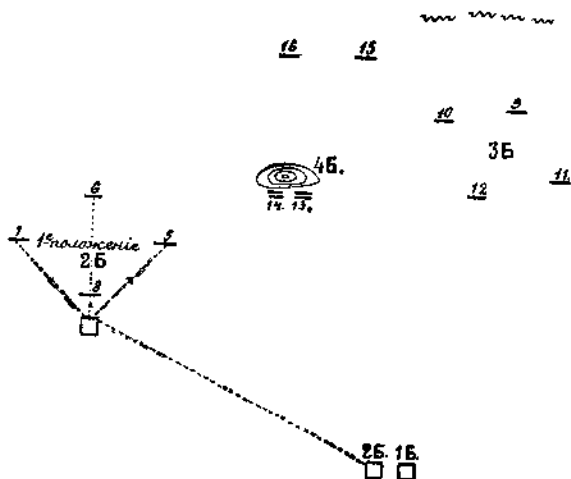
дины, наступает в этом порядке, в должную минуту меняет фронт и атакует.

Второй пример: полковой командир приказывает резерву и посылает предвещение на угрожаемый фланг: пехота вполоборота направо (налево) с фронта¹ в 1500 (2000) шагах. Такому-то батальону продолжить правый (левый) фланг боевого порядка.

Противник

Атака фронтами в обхват выполняется одновременно.

Чертеж 6.

Назначенный из резерва батальон, точно также перестроившись поротно, уступами из середины, меняет фронт в том направлении, откуда дан неприятель, и пристраивается к правому флангу боевой линии, которая

¹ Лучше назначать: «от такого-то предмета», чтобы была видимая цель.

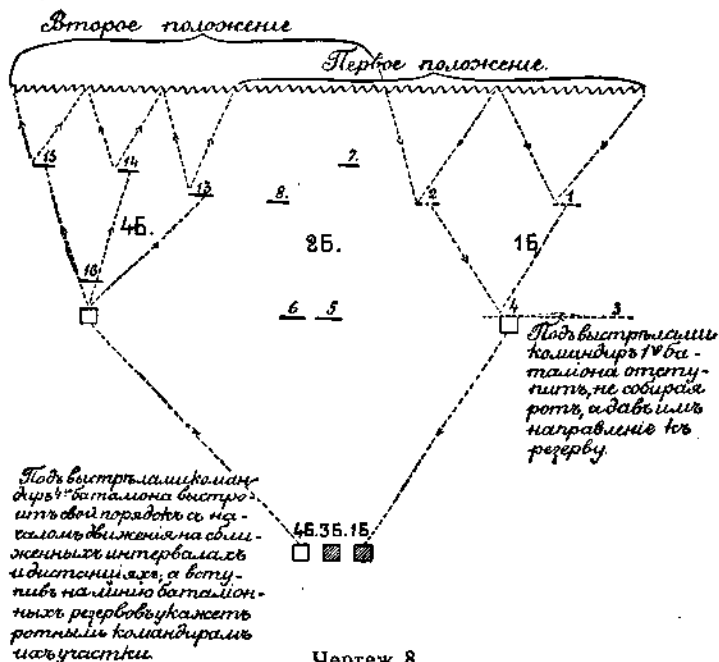
БОЕВЫЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БОЕВОГО ПОРЯДКА В ВИДУ НЕПРИЯТЕЛЯ

40. Стоит полк в резервном порядке. Сбор гг. офицеров.

«Вам, гг., известно, что боковые передвижения в виду неприятеля неудобны, ибо при них во всем боевом порядке не остается ни одной части, готовой отразить нападение, да и самое движение боком к неприятелю производит дурное впечатление на людей. Кроме того, боковое передвижение и тем неудобно, что оно видно с самого начала неприятелю и, следовательно, слишком рано открывает ему ваши намерения. А общее правило, которое прошу помнить, гг., во всех случаях: *чем позже вы дадите заглянуть в ваши карты неприятелю, тем лучше.* Поэтому тактика и советует: 1) при исполнении всякой эволюции иметь прикрывающую, т. е. ежеминутно готовую к любому действию, часть; 2) избегать боковых передвижений в частях, противопоставленных непосредственно неприятелю, заменяя их фронтальными или, по крайней мере, облическими. Поэтому, если нужно передвинуть боевой порядок вправо или влево, лучше продолжить его в требуемую сторону и укоротить с фланга противоположного, чем передвигать его весь разом, поворотив направо или налево. Это удлинение делать или частями общего резерва, если он есть, или же частями батальонного, если нет общего резерва. В этом последнем случае роты в батальонах перемешаются, и потому гг. батальонным командирам помнить, что они командуют не только своими батальонами, но и участками боевого порядка и, следовательно, должны принимать в свою команду роты, прибывающие в их участок, не обращая внимания на номер роты. А ротным командирам также смотреть, к кому под команду они поступают».

«Если что не понятно, прошу переспросить.— По местам, господа».

*Исполнение (чертеж 8). Полк строится в боевой порядок; 1-й батальон в правую половину; сила занятия — 700 шагов; 2-й — в левую; сила занятия — 400 шагов. Когда отойдут вперед и перестроятся, отдает приказание в резерве: *Передвинуть боевой порядок на батальон влево; 4-му батальону продолжить левый фланг боевого порядка; сила занятия — 600 шагов.**

Командир 4-го батальона исполняет приказание, после чего посылается приказание командиру 1-го батальона поступить в резерв.

УСТРАНЕНИЕ СТОЛПЛЕНИЯ И ЗАПОЛНЕНИЕ РАЗРЫВОВ

Примечание. Боевой порядок такой: батальоны в одну линию, каждый поротно в две линии взводных колонн. На батальон по фронту не более 150 шагов. Цепи не нужно.

41. При столплении нужно убирать часть, которой не достает места, в ближайший резерв; при разрыве нужно заполнить его частью из ближайшего резерва.

Для показания первого, объяснив предварительно, что предполагается сделать, строят полк поротно в две линии без полкового резерва, выдвигают роты уступами вперед с обоих флангов и дают им направление на какой-либо резко видимый небольшой предмет¹, нахо-

¹ Маленькую деревушку, отдельную постройку, даже дерево и т. п.

дящийся перед фронтом порядка, не далее его протяжения, затем командуют движение. По мере приближения к предмету фронт будет стесняться, и роты, которым не достанет места в передовой линии, осаживают по приказанию своего батальонного командира в батальонный резерв.

42. Заполнение разрывов можно показать тотчас по окончании предшествующего движения, повернув полк кругом и приказав ротам идти прямо перед собою. Так как роты пойдут по расходящимся направлениям, то образуются разрывы, которые при первой остановке и заполняются ближайшими ротами задней линии.

Примечание. Разрывы могут произойти от непривычки выдерживать направление. Усвоить привычку держать его будет весьма трудно до тех пор, пока не перестанут искать верности направления в так называемой правильной постановке плеч и не перейдут к направлению на какой-либо отдаленный предмет впереди фронта. Но столкновение почти неизбежно при охватывающих атаках.

ПОДПИРАНИЕ АТАКИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА ПОСЛЕ СМЕШЕНИЯ ЧАСТЕЙ

43. Предварение: «Гг! сразу опрокинуть стойкого противника удается редко; тогда нужно идти в другой, в третий раз и дальше, пока не добьетесь своего. Тут все дело в упорстве. Для этого нужно остановленную штурмовую часть подпирать из резерва насколько в состоянии; чтобы вышла набегающая непрерывно волна. Общее правило, гг.: раз начав удары, нужно наносить их без перерыва, один за другим, чтобы не дать неприятелю опомниться, и потому не давать ему опрокидывать голову штурма, а подпирать и подпирать ее. Иначе, опрокинув голову, он опрокинет и следующую за нею часть, и следующую. Вести атаку таким образом значит не бить врага, а подставлять ему своих под удары по частям.

Чтобы это показать людям, мы поставим батальон за батальоном поротно в две линии на сближенных дистанциях (как оно при атаке и бывает) и сделаем атаку вот на ту изгородь¹.

Принимается за правило: по бою к атаке задние линии идут безостановочно в прямом направлении, не слушая никаких сигналов; но передняя линия, по моему сигналу *стой*, останавливается и стоит до тех пор, пока ее не подопрет 2-я; тогда обе опять идут в атаку; я опять

¹ Канаву и пр., если ничего нет — на жалоперов.

дам *стой*; передняя линия остановится, пока ее не подопрет 3-я, после чего продолжает атаку, и т. д.

«Подпирать прошу в настоящую, т. е. влезать в ряды передних, так чтобы штурмующая часть составляла сплошную массу». При штурме шаг быстрый, в прискок, растяжной; спокойным шагом можно гулять, в процессии ходить, но атаковать нельзя.

«После атаки прошу тотчас в порядок не приводить; а вызову жалонеров и, по моему сигналу «сбор», люди должны по ним построиться возможно быстрее. Тогда и посмотрим, скоро ли они разберутся.

«Нет ли вопросов или недоразумений, гг.?» — После разъяснений, если таковыя понадобятся. — «По местам, гг., и объясните людям, что будем делать».

После сего полк строится в общую колонну, на дистанции между батальонами около 60 шагов. Когда это сделано, команда командира полка: *в каждом батальоне, по головным ротам поротно в две линии стройся. Интервал 150, дистанция 50 шагов.*

Полк принимает положение, показанное на чертеже 9, в расстоянии шагов 400 от атакуемого пункта. По бою к атаке начинается движение; спустя шагов 30—40 первое *стой*; подпират 2-я линия, и движение головы, состоящей теперь уже из двух эшелонов, возобновляется; шагов через 30 опять *стой* — подпират 3-я линия, после чего го-

Чертеж 9.

лова из трех эшелонов снова идет, и т. д. Когда последняя линия сольется в общую массу — ура. Пройдя пункт атаки — стой. Отдав приказание, куда жалонеров поставить фронтом¹: жалонеры на линию. Когда они готовы: сбор. Люди бегом собираются по жалонерам в строй, с соблюдением строгого равенства по рядам и шеренгам. Чем быстрее и чище это делается, тем лучше часть выдержана.

44. На показ перечисленных приемов достаточно пожертвовать в каждый лагерный сбор одно учение, чтобы дать о них только понятие всем чинам. От стремления доводить их до совершенства, до так называемой «чистоты» исполнения нужно воздерживаться: строевой устав, если он пройден основательно, — т. е., если всякая команда исполняется быстро, точно, спокойно, — дает все средства и для вполне стройного исполнения этих приемов²; остальное должно быть предоставлено сообразительности и глазу непосредственных исполнителей — в подлежащем случае баталионных командиров. Тем более следует воздерживаться от каких-либо сноровочек, вроде того — в скольких шагах или от какого места начинать известное перестроение или движение, чтобы вышло «чище». Подобные сноровки погубили бы дело, ибо внимание работающих ушло бы не на дело, а на известный способ его исполнения, приятный для глаза в мирное время, но в бою неприменимый. Беда не велика, если, например, баталион, назначенный для продолжения фронта или в уступ, для обеспечения открытого фланга, станет на 100 шагов правее или левее, впереди или позади того места, которое кажется лучшим начальнику; но будет беда, и очень большая, если баталионный командир уверует, будто дело именно и заключается в этих шагах. От военного человека требуется работа мысли не в эту сторону; разменяться на мелочи не долго и даже очень легко: но в бою за это жестоко можно заплатиться.

45. Необходимо при этом иметь в виду и следующее соображение: мы, сами того не замечая, расположены

¹ Ставить жалонеров следует фронтом в произвольном направлении, но не туда, куда люди в куче стоят лицом.

² Кроме поддержки атаки: там именно следует требовать сплошной кучи и перемешивания людей, ибо в деле это неустраимо.

переносить на расчлененные порядки те требования стройности, которые применимы только к сборным строям¹ части, что совершенно неверно. Разумная стройность расчлененного порядка требует одного: именно, чтобы каждая часть, отдельно взятая, ходила и стояла стройно; тут важно равнение по фронту и в затылок; но подчинять такому же равнению части, стоящие на дистанциях и интервалах друг от друга, значит отвлекать внимание их командиров от главных целей, которые в бою они постоянно должны иметь в виду. Эти цели суть: 1) сбережение людей от огня; 2) возможность поддерживать передовую линию во всякую данную минуту. Понятно, что забота о равнении частей боевого порядка между собою находится в прямом противоречии с этими целями, ибо ни местные закрытия не расположены в природе по прямым линиям, параллельным нашему фронту; ни необходимость поддержки передовой линии не возникает одновременно по всему протяжению боевого порядка, мало-мальски длинного. Конечно, могут быть исключения; но в мирное время нужно готовить войска не к исключительным, а к более часто встречающимся положениям. Следовательно, требовать равнения: в цепи, между ротами передовой линии, а также между батальонными резервами, неосновательно; но параллельность фронтов для них обязательна, кроме известных случаев загиба фланга вперед или назад².

ОБ ОТДАЧЕ И ПЕРЕДАЧЕ ПРИКАЗАНИЙ

46. Чтобы успеть в бою, нужно, чтобы не только начальник сам знал, чего он хочет, но и подчиненные его знали, чего он хочет. И потому начальник части должен быть и при мирных упражнениях постоянно озабочен

¹ Сборными строями называем: сомкнутые строи роты, противопоставляя их рассыпному; батальонные строи в противоположении с строем поротно; резервные порядки частей более сильных — в противоположении с боевыми порядками тех частей. Впрочем, резервные порядки совокупности батальонов относительно движения должны быть рассматриваемы, как расчлененные, т. е. каждый батальон идет в ногу, но добиваться общей ноги всех батальонов не имеет смысла.

² Загнутые части боевого порядка сохраняют свой фронт при расположении на месте; но в случае движения роты загнутой части также меняют фронт параллельно фронту прочих частей боевого порядка, исполняя это по своевременно поданной команде своего начальника.

тем, чтобы его подчиненные понимали смысл исполняемого: это единственное условие, при коем отряд, как бы он велик ни был, сохраняет единство организма, одушевленного одною мыслью, одною волею. По своим свойствам человек только тогда хорошо исполняет, когда знает, *чего* от него хотят: отсюда и суворовская аксиома «всякий воин должен понимать свой маневр».

С этого собственно дело начинается и в строевой подготовке: сначала объясняют, *что* и *как* следует исполнить, и только потом требуют исполнения. Затем, когда эта трудная и копотная работа кончена, приступают к доведению исполняемого до совершенства, выражаемого быстротою и единовременностью исполнения всех команд, заранее установленных и всем известных. Стремление к возможной скорости исполнения ведет даже в некоторых случаях к отступлению от иерархической лестницы командования¹. Все это неизбежно и, следовательно, полезно, пока дело идет об укоренении навыка исполнять команду быстро и единовременно; но оно же ведет к потемнению в сознаниях аксиомы «всякий воин должен понимать свой маневр», ибо рассказанное достигнуто, разъяснения при строевых упражнениях становятся ненужными.

Но команды не обнимают и не могут обнять всего военного исполнения; отряд, даже самый незначительный, в бою может действовать только по приказаниям, ибо цели, указываемые *там* для достижения, слишком разнообразны и могут быть выражены только *приказаниями*, кои заблаговременно установить не представляется никакой возможности.

Кроме того, если батальонный командир иногда прямо командует взводами, помимо промежуточных начальников, то это отчасти может быть оправдано и тем, что команда его все же слышна всем промежуточным начальникам, и, следовательно, смысл исполняемого ни для кого не теряется. Но если, усвоив привычку управлять войсками подобным образом, начать отдавать, например, приказания в полку ротным командирам по-

¹ Так ротный командир при перестроении из взводной в двухвзводную или батальонный из взводной в двухвзводную и из двухвзводной в четырехвзводную колонну командуют прямо взводам (а второй взводам и полуротам) помимо прямых начальников этих частей.

мимо батальонных, то выйдет совсем нехорошо, ибо батальонный командир не будет знать, что делает его ротный, и в духовной связи, единственно сплывающей многие части в одно целое, образуется перерыв опасный и нежелательный. Оказывается, следовательно, что, закалив и командиров, и части в быстром и единовременном исполнении команд, возникает необходимость эту закалку, для пользы самого дела, несколько отпустить, переходя к исполнению приказаний.

47. Эти соображения ставят, как дело *первостепенной важности, выработку навыка правильно отдавать, передавать и принимать приказания.*

Такой навык предполагает постоянное соблюдение следующих условий:

А) *Начальник должен отдавать приказание кратко, ясно, энергически, в порядке подчиненности, указывая цель и не вдаваясь в мелочи исполнения. Офицеры, чрез которых он отдает приказание, должны быть лично известны его ближайшим подчиненным¹.*

Б) *Принимающий приказание для передачи должен его дословно записать и повторить; если чего не понял — переспросить; отметить время получения приказания; передать последнее в порядке подчиненности, если не получил специального приказания пропустить кого-либо из промежуточных начальников. Исполнив свое назначение, должен явиться к начальнику, от которого был послан, доносит об исполнении поручения и снова повторяет приказание. Должен быть готов отвечать на вопросы начальника о положении дела на пункте назначения и по всему пути туда и обратно.*

В) *Принимающий приказание для исполнения должен его повторить, если чего не понял, просить разъяснения и только после этого приступить к исполнению. Если приказание отдано не начальником, а передано адъютантом или ординарцем, принимающий его должен убедиться, действительно ли он послан от того начальника, которого называет², и дошло ли до него приказание с соблюдением иерархической постепенности. В сомни-*

¹ Т. е. в полку — батальонным и ротным; в бригаде и дивизии — полковым, батальонным командирам.

² Случались самозванные ординарцы, передававшие бог знает что и которых потом нельзя было найти. Такой случай был, между прочим, у нас в 1812 году, в сражении под Смоленском.

тельных случаях, если передающего приказание не знает в лицо, должен его задержать до разъяснения, что он такое и от кого послан. Принимающий приказание должен помнить, что в случае путаницы он не может сослаться в свое оправдание на полученное приказание, если не в состоянии указать, от кого именно получил его.

48. Эти условия показывают, во-первых, что приступать к исполнению приказания по-командному, т. е. немедленно, нельзя; во-вторых, что навык правильно отдавать, передавать и принимать приказания разлагается на значительное число навыков у всех чинов, начиная с начальника.

Старший начальник учит других и сам учится: он должен внимательно следить за недоразумениями, возникающими из его собственных приказаний, внимательно исследовать причины их и первый признавать свою ошибку, если таковая была сделана. Трудно себе представить ту массу бедствий, которые на войне происходят вследствие неправильно отданных приказаний.

Он следит, дабы органы передачи приказаний были вполне подготовлены к исполнению своего важного назначения и были лично известны тем подчиненным начальникам, коим могут быть призваны передавать приказания. Он приучает подчиненных начальников почтительно, но твердо просить разъяснения непонятных приказаний; не принимать переданных им не в порядке подчиненности или же, принимая их в случаях, отлагательства нетерпящих, немедленно сообщать о том по команде. Он должен разъяснить им, что если команда не допускает просьбы о разъяснении, то приказание зачастую делает его необходимым, ибо в деле лучше двадцать раз переспросить, чем раз напутать. Он должен оттенить и подчеркнуть, что если непонявший команды просто не знает своего дела, то непонявший приказания может отлично знать свое дело и все же не понимать, чего от него хотят, ибо для этого достаточно не быть осведомленным о каком-либо одном обстоятельстве.

49. Приемы для укоренения навыка передавать и принимать приказания те же самые, которые рекомендуются для утверждения солдата в знании обязанностей часового, т. е. все приводятся к искушению.

Примеры: а) Сознательно отдать ординарцу невразумительное приказание, показать все признаки раздраже-

ния в случае просьбы повторить его и ждать, что будет. Если испытуемый все же будет настаивать на просьбе разъяснения, он знает свое дело. Если же отступится, значит или еще не выработан и его нужно воспитывать, или же и вовсе не годится, как передатчик приказаний.

б) Послать приказание, например, ротному командиру, помимо посредствующих начальников, и смотреть, примет ли он и станет ли исполнять? Если да — напомнить, что так нельзя; если же не примет, значит знает, и т. д.

Например: В боевом порядке, чертеж 7-й, командир полка посылает приказание: *командиру 12-й роты поддержать 4-й батальон*. Адъютант или ординарец передает приказание; командир 12-й роты, если знает дело, ответит: «Обратитесь к командиру батальона». Допустим, что адъютант, лично ему известный, настаивает и передает, что командир полка приказал исполнить немедленно. Тогда командир 12-й роты приступает к исполнению, но послав предварительно к командиру 3-го батальона толкового унтер-офицера с донесением, что «по приказанию командира полка, переданному таким-то, он направляется в поддержку 4-му батальону».

Для приучения к тому, чтобы не торопились принимать приказания от неизвестных лиц, попросить двух-трех ординарцев от конницы и при посредстве их сделать испытание.

В этом должен быть тверд каждый офицер; тверд так же, как солдат в том, чьи он приказания исполняет, стоя на часах.

ПОКАЗ ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ РАЗНЫХ РОДОВ ОРУЖИЯ

А. ПЕХОТА И АРТИЛЛЕРИЯ

50. Выводится полк с батареей в резервном порядке. Объезд, приветствие. «Ездовые, слезай. Стоять вольно и оправиться. Гг. артиллерийские и пехотные офицеры, перед середину полка!»

Обращаясь к пехотным офицерам:

«Вам известно, господа, что артиллерия сама себя защищать не может, и потому прикрытие ее, как святейший долг, ложится на близстоящие войска. Того требует взаимная выручка: во имя ее артиллерия пробивает вам

брешь, в живых ли, в мертвых стенах — все равно; следовательно, вам прокладывает путь; на вас работает, а не на себя. В свою очередь, и мы должны на нее поработать. Только при этом условии она, не задумываясь, станет занимать при надобности самые рискованные позиции для выручки пехоты, потому что будет уверена, что без поддержки и прикрытия никогда не останется».

51. Обязанности прикрытия заключаются в следующем:

1) «Если батарея выезжает на позицию, стрелки, очистив ее фронт, становятся правее и левее, настолько впереди, чтобы мешать стрелкам неприятельским вредить прислуге и лошадям. Насколько именно впереди, сказать нельзя, потому что это зависит от удобных позиций для стрелков и от положения стрелков неприятельских. При занятиях односторонних и на ровной местности достаточно, если стрелки выдаются перед батареей шагов на 300.

2) «Если батарея выезжает на крайний фланг боевой линии, ближайшая рота баталионного резерва прикрывает наружный фланг ее; а если баталион расположен поротно в одну линию, это делает ближайшая рота боевой линии, передвигаясь за, а не перед батареей.

3) «Если батарея выезжает на фланг и переменяет фронт, ближайшие к ней части, обравив ее, также переменяют фронт и высылают стрелков, потому что такая перемена фронта батареею предполагает появление неприятеля с той стороны, куда она стала фронтом.

4) «С уходом батареи уходит и рота, выдвинувшаяся для ее прикрытия, если она это сделала без приказанья баталионного командира; а если по приказанию, то места не оставляет, пока не последует нового приказанья от баталионного командира. Впрочем, ротному командиру не мешает послать спросить о дальнейших распоряжениях.

5) «Обязанность прикрытия для сомкнутой части заключается не в том, чтобы занимать известное место (на линии передков, как некоторые думают), но в том, чтобы делать известное дело. Дело это заключается в том, чтобы зорко следить, не собираются ли со стороны неприятеля напасть на батарею, и отражать подобные попытки. Место же, на котором поставить роту,

выбирается, как и всегда, так, чтобы меньше терпеть от огня. Иногда такое место за самой батареей¹: займите его. Правило, воспрещающее становиться за батареей,— предрассудок; дело не в том, чтобы за батареей непременно было пустое пространство, но в том, чтобы выстрелы, в нее направленные, не попадали в пехоту. Если вы находите такое обеспечение именно за батареей, то и становитесь там. Это даже необходимо, дабы в случае атаки на батарею была пехотная часть, которая могла бы драться между орудиями. Полагаю поэтому полезным оставлять за артиллерией по крайней мере по роте на каждые две-три батареи, вместе расположенные.

6) «Не должно думать, что батарея, расположенная в тылу нашей боевой линии или оставшаяся там при наступлении ее, нуждается в специальном прикрытии: наше движение вперед составляет самое надежное ее прикрытие.

52. «Это обязанности пехоты при расположении на месте. При наступлении они заключаются в следующем:

1) «Если батарея наступает, стрелки по флангам ее не должны дать ей опередить себя ни в каком случае; ближайšie к батарее сомкнутые части следуют за нею не далее как в 300 шагах (а на местах, покрытых кустами, и тому подобных, гораздо ближе), без всякого приказанія, даже если бы весь боевой порядок и не двигался.

2) «Если боевой порядок отступает, а батарея остается на позиции, стрелки, ближайšie к флангам батареи, не отступают, несмотря ни на какие приказанія или сигналы, пока батарея не начнет отступать. То же делают и ближайšie к батарее сомкнутые части. Они должны быть готовы всякую минуту оказать помощь артиллеристам: т. е., в случае нападения на батарею, отбить неприятеля; в случае орудие подбито или увязнет, или лошадей перебили, нарядить команду для работ, необходимых, чтобы спасти орудие. Ввиду этого при отступлении сомкнутым частям лучше держаться позади батареи (т. е. ближе к неприятелю), дабы видеть, что на ней делается, и поспевать на помощь, даже не ожидая просьбы батарей-

¹ Например, небольшой пригорок в тылу батареи: за ним будет безопаснее стать, чем в стороне от батареи.

ного командира. Не забывайте, господа, что потеря орудия артиллеристу в честь, потому что показывает, что батарея до последней крайности оставалась на позиции и исполняла долг свой; а прикрытие в бесчестье, потому что показывает, что оно оставило своих на жертву.

3) «Сверх всего этого прошу помнить, господа, что вы должны всегда уступать позицию артиллерии, так как она более, чем мы, зависит от местности. А артиллерия иди прямо к тому месту, которое облюбовала: пехота всегда дорогу даст.

4) «В заключение прошу пехотных начальников, если в состав их отрядов попадет артиллерия, ограничивать свои приказания определением ей пункта, который желает обстрелять, и определением числа орудий в боевой части и резерве. Затем никогда не вмешивайтесь в то, где она займет позицию, когда и на какую переменит ее, когда и какой откроет огонь — это дело артиллеристов. Чем яснее вы им укажете цель и чем менее будете вмешиваться в подробности исполнения, тем лучше. Но убирание артиллерии в резерв, как и выдвигание ее из резерва, остаются, безусловно, в ваших руках: т. е. без вашего приказания ни одно орудие не смеет оставить боевой линии, как того не смеет сделать рота.

5) «Полагается общим правилом, что ротный командир направляется в прикрытие наружного фланга батарей по приказанию батальонного командира. Не это не освобождает ротного командира от обязанности двинуться в прикрытие и без приказания, если таковое не последует немедленно; почему на этом ученьи прошу батальонных командиров приказаний не отдавать, если только они видят, что ротный командир делает свое дело. Ротные же командиры, в свою очередь, должны доносить батальонному о перемене места, им указанного, и о причине перемены.

«Когда разойдетесь по местам, прошу передать людям, что из слышанного им знать нужно.

«Если есть, господа, какое недоразумение или неясность в сказанном, пожалуйста, спросите». Следуют вопросы и разъяснения.

53. Обращаясь к артиллеристам:

«У вас, гг., нет средства к самозащите, а потому вы не должны об ней и хлопотать, почерпая в самой своей беззащитности решимость на самые дерзкие подъезды

к неприятелю, если того требует спасение своих или гибель чужих. В таких случаях вас должны спасать другие. Бой такое дело, в котором успех возможен только для того, кто не боится погибнуть. Не бойтесь потерять орудие: теряет их только тот артиллерист, который до последней крайности остается на позиции, жертвуя собою, чтобы выручить пехоту. В маневрировании вы совершенно свободны; но указанным для достижения целям подчиняетесь безусловно. Говорю безусловно, но не буквально, потому что могут быть обстоятельства, когда для пользы дела вы должны предпочитать мгновенно возникшую, но грозную цель той, которая вам указана для обстрела иногда в самом начале дела, т. е. до разъяснения обстоятельств. Артиллерист, поступающий таким образом, действует в духе, а не вопреки приказанию начальника, потому что, случись он на батарее, приказал бы то же самое. Но, справившись с подобной временной целью, вы возвращаетесь к прежде вам указанной. Под свободой маневрирования вот что разумею. При наступлении вы меняете позиции, когда сами то признаете нужным (делаю в этом одно только ограничение: на ровном месте не отставайте более 100 сажен от боевой линии); наступайте не непременно в перпендикулярном к вашему фронту направлении, как то весьма ошибочно почти везде принято, но принимаете и в стороны, если заметите выгодную позицию. Еще Суворов сказал: «Артиллерия скачет, как сама хочет». Пехотой не стесняйтесь: она знает, что должна вам уступать место. Но как распределение орудий на позиции, так и между резервом и боевой линией, остается, безусловно, в руках начальника; при перемене позиций не соединяются без приказа те батареи, которые разъединены, и не разъединяются, которые соединены; *ни одно орудие без его ведома не может быть выдвинуто из резерва на позицию, ни тем более убрано с позиции в резерв.* Этого требует субординация боя, т. е. ведение его по одной мысли, без чего успех невозможен. Батарея, которая оставляет боевую линию, не получив на то приказа, — позорит себя, как и всякая пехотная часть, которая осмелилась бы это сделать. Нет предлога, который мог бы оправдать самовольное оставление боевой линии. Расстреляны заряды, подбиты орудия, перебита прислуга — все-таки стойте. Что вы не стреляете — это ничего: при-

чина вашего молчания известна ведь вам, но неприятелю она неизвестна. Оставаясь на позиции, вы и своих подбадриваете, да и неприятелю внушаете спасительную осторожность. Прошу избегать, гг., коротких переездов, почему, сами знаете. Всякий артиллерийский переезд должен быть не менее 200 сажен. По местам, господа».

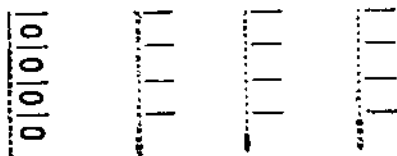
54. Затем, дав время ротным командирам передать людям оказанное:

«В ружье! Ездовые, садись! Смирно! 4-й батальон прямо, слева в колонну стройся, на 60 шагов дистанции, 4-й батальон». Когда все батальоны вытянутся в общую колонну на указанной дистанции, останавливает полк и приказывает батальонам развернуться, а батарее разомкнуться за первым батальоном на 40 шагов интервала между орудиями¹. Получится такой порядок:

Чертеж А.

После чего приказывает батарее идти вперед: а 1-му батальону «пропустить артиллерию». 1-й батальон: налево (не вздваивая рядов) ротами левые плечи вперед бегом; а когда вытянутся — стой. Орудия выезжают в интервалы, останавливаются; люди, по приказанию ротных

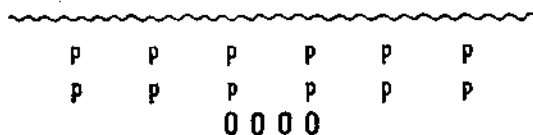

Чертеж Б.

¹ Предполагая в ротах по 40 рядов и батареи четырехорудийные. На этом и последующем чертежах буквами Q означены орудия.

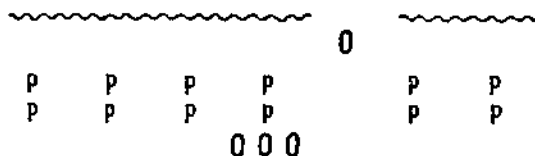
командиров, подходят к орудиям, оглаживают коней, рассматривают устройство орудия; артиллеристы показывают им, как снять с передка, взять на передок, как зарядить, как прицелить, как вынуть клин, как сообщается огонь заряду. Когда это сделано, ротные командиры командуют: *в свое место*. Люди возвращаются в свои места, а батарея идет во 2-й батальон, где исполняется то же самое, и т. д. Когда батарея пройдет таким образом все батальоны, она поворачивает кругом, и продельвается то же самое назад, рысью.

55. После этого полк строится в порядок поротно в две линии, давая на батальон не более 120 шагов¹. Высылается цепь (см. чертеж В: роты обозначены — р., орудия — 0).

Чертеж В.

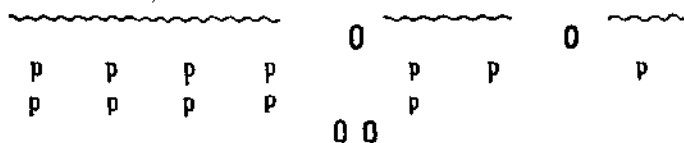
Когда это готово, отдать приказание одному орудью выехать на позицию в центр и смотреть, раздвинутся ли стрелки (чертеж Г); другому — на который-нибудь край-

Чертеж Г.

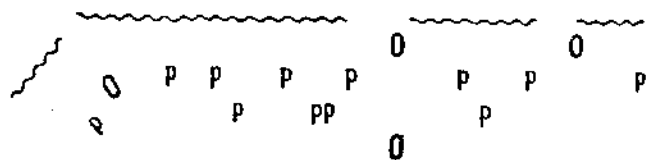
¹ Предполагая в ротах по 40 рядов, этого будет достаточно. Описываемое ниже упражнение лучше делать на сближенных интервалах, дабы всем людям было виднее, что делается; ротные командиры обращают внимание их на то, что и как делается, и особенно на ошибки.

ний фланг и смотреть, прикроет ли подлежащий ротный командир наружный фланг батареи и рассыпет ли стрелков (чертеж Д), третьему выехать на другой крайний фланг и занять позицию с переменной фронта: смотреть,

Чертеж Д.

прикроют ли его соседние роты, переменят ли фронт, вышлют ли стрелков в новом направлении (чертеж Е). Затем убрать это последнее орудие и смотреть, восстановят

Чертеж Е.

ли роты свое прежнее положение. Четвертому орудью¹ приказать сняться с передков за какой-нибудь ротой и смотреть, очистит ли ему фронт эта рота. Можно снять с передков и в сторону тыла и смотреть, прикроют ли артиллерию роты резерва, с переменою фронта назад.

56. Этим исчерпываются все случаи отношений пехоты к артиллерии на месте, и можно перейти к наступлению. Если припомнят читатели, у нас в боевой линии два орудия, к которым вышлем на позицию и остальные два. Отдается им приказание наступать через батарею рысью и затем наблюдается, чтобы стрелки не дали себя опередить орудиям, а ближайшие к ним части начинали

¹ При этом упражнении следует выдвигать артиллерию по-возводно и даже по орудиям для сбережения лошадей, так как движений приходится сделать много, чтобы проделать все случаи прикрытия. Ввиду этого на подобном учении не следует задаваться какими-либо тактическими целями, потому что, занимаясь ими, нельзя показать всех случаев прикрытия; нельзя также не выделить их в особый предмет занятий, что для основательного показа необходимо.

движение, не ожидая приказа; если только кто-нибудь, по линии стрелков или сомкнутых частей, прозевает, — пристыдить, и в другой раз зевка не будет. Как только обозначилось, что все подлежащие ротные командиры двинулись вперед, командовать движение и всему боевому порядку. Иногда, для испытания стрелков, не мешаает приказать и выезд в карьер иному орудью. Одной очереди наступления достаточно, чтобы в сказанном утвердить.

57. Для отступления, предварив сначала артиллерию, чтобы без приказа не отступала, командовать: «Полк, кругом, равнение по такой-то роте, шагом марш», и подать сигнал: «Стрелки, назад». Затем смотреть, пойдут ли стрелки и роты, ближайšie к батареям¹. Если где-либо пойдут — пристыдить, не пойдут — похвалить. Затем приказать артиллерии начать отступление и смотреть, выждут ли ближайšie роты настолько, чтобы начать отступление, когда батарея их минует. Затем приказать некоторые орудия распречь и бросить; смотреть, отрядят ли соседние ротные командиры команду забрать их. Если отрядят, дать протащить шагов десять, пятнадцать и снова приказать запречь; а не отрядят — пристыдить и приказать распорядиться.

58. Точно так же приказывается, и на том же ученье, атака батареи. Собрав офицеров и сказав им, что так как артиллерия без прикрытия никогда не становится и людей в ней мало, а огонь силен, то следует на батарею пускать только цепь, а сомкнутые части направлять на прикрытия². Затем приказать ротам передовой линии двинуться вперед шагов на семьсот и, забрав с собою по дороге половину стрелков, остановиться, повернуть кругом, прикрыться цепью и начинать атаку по указанному. Роты второй линии обращаются в прикрытия артиллерии и встречают атаку несколько впереди батарей, разумеется, насквозь.

При навыке руководящего такое ученье берет от двух до трех часов на полк, и одного его достаточно, чтобы во весь лагерь никто не попался в какой-либо ошибке относительно артиллерии.

¹ Напоминается, что на позиции название батарей принадлежит всякому числу орудий.

² Это говорится при начале ученья вместе с прочим, чтобы не терять времени на новый сбор офицеров.

59. *Расположение масс артиллерии в пехотном боевом порядке* можно показать только на дивизии. Известно, что в начале боя редко выдвигается вся имеющаяся артиллерия, а приберегается некоторая часть ее к тому времени, когда выяснится пункт атаки, к которому ее и сосредоточивают. При этом батареи займут, конечно, места нескольких пехотных частей. Так, например, предполагая, что у нас в резерве было оставлено две батареи, и припомнив, что на позиции четыре батареи займут не меньше 800 шагов, окажется, что придется иногда убирать целый батальон. Представляется, следовательно, вопрос, как и куда соответственнее убрать его?

Некоторые это делают просто боковым передвижением в надлежащую сторону целой части боевого порядка; это нерационально как потому, что уже известно о неудобстве боковых передвижений в виду противника, так еще и потому, что за батареею оставляется пустой промежуток, образующий перерыв в боевом расположении. Этот последний может быть настолько велик¹, что пехотные части, стоящие на флангах батарей, не всегда будут в состоянии во-время поспеть на выручку к центру ее, и она может стать добычею предприимчивой конницы, которая, атаковав врассыпную и изрубив прислугу, может надолго дезорганизовать ее огонь, если и не захватить орудий.

И потому считаю за лучшее убирать пехотные части, уступающие свою позицию артиллерии, в частный резерв, отряжая при этом соответственное число рот собственно за батарею. Если от этого фронт боевого порядка окажется недостаточно длинным, то его продолжают в соответствующую сторону из ближайшего резерва.

Пример: дивизия расположена для обороны в следующем порядке:

	Батар.				Две батар.			
	р	р	р	р	Р	Р	Р	Р
	Р	Р	з п.	РР	Р	п.	РР	
Примечание	Б.Б.				2 п.	4 п.	Б.Б.	
Р — рота					Б.Б.	Б.Б.		
Б — батальон					Б.Б.	Б.Б.		
П — полк					Три батар.			

¹ При расположении всех шести батарей вместе — 1200 шагов.

нуть ее хорошенько в одном месте для того, чтобы она вся побежала: убеждение в невозможности сопротивляться передавалось по ней тем быстрее, чем люди стояли ближе друг к другу. Веревка, как бы она ни была крепка и сильно натянута, падает *вся*, если ее разрезать в одном месте.

Путем многовекового опыта открыли, что линия интервальная представляет более задатков на упорное сопротивление, нежели линия сплошная, и что поддержка также оказывается более действительною, если части, для нее назначенные, приставлены не вплотную к частям, непосредственно ведущим бой, но расположены за ними на некотором расстоянии. Получается, таким образом, вместо натянутой веревки ряд упругих клавишей, в коих тот, на который нажимают, может и податься, но остальные продолжают оставаться на своем месте.

18. Итак, боевой порядок, представляющий интервальную линию, с поддержками (*частные резервы*), поставленными сзади, на известном расстоянии от этой линии, представляет задатки на более упорное сопротивление, нежели линия сплошная по фронту и в глубину.

19. Понятно, что, желая увеличить меру сопротивления, вместо одной линии поддержек следует иметь их две, три и более, смотря по силе отряда. Но, имея в виду сказанное выше, именно то, что опрокидывать боевой порядок по всему протяжению нет надобности, а достаточно сделать это в одном только месте, является необходимость подумать о том, чтобы сосредоточение сил к точке¹ удара можно было по возможности облегчить и ускорить. Для этого вторую и последующие линии поддержек, при первоначальном боевом расположении, принято держать вместе (*общий резерв*); ибо, пока они собраны, их легче двинуть к любой точке боевой линии.

Из этого следует, что боевой порядок части, сколько-нибудь значительной, не должен быть равносильным по всему его протяжению. Это видно уже и в боевых порядках батальона, где, если припомним, из протяжения по

¹ В предупреждение недоразумения обращаем внимание читателя на то, что точка тактическая — не то, что математическая, и, смотря по силе отряда, может иметь разные изменения. Для роты точка измеряется ее развернутым строем, для батальона — протяжением его боевого порядка, а для дивизии, например, будет иногда в версту и более.

фронту не менее 500 шагов три роты иногда занимают только 100—150 шагов; но на боевых расположениях совокупности баталионов оно выступает еще виднее. Итак, толковое боевое расположение равносильным по всему фронту быть не может; оно будет весьма глубоко на важном¹ пункте и утоняется, даже до цепи без резерва, на неважных. Ибо из сказанного выше (достаточно опрокинуть в одном месте, чтобы в других побежали) следует такое практическое указание: *«чтобы победить, нужно быть не вообще сильнее своего противника, но сильнее его только в точке удара и в минуту удара»*².

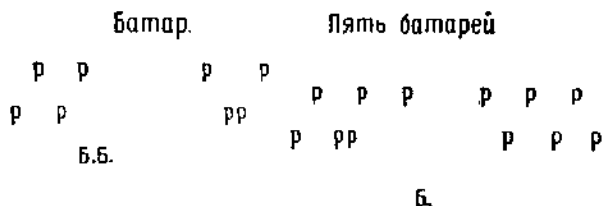
20. Выше упомянуто о частном и общих резервах: необходимо точнее выяснить эти выражения. *Частным* резервом называется часть, назначаемая для введения в дело на известном участке позиции; *общим* называется часть, выделяемая с целью употребить ее на любом пункте позиции. Очевидно, что эти названия имеют смысл относительный: так, при расположении на позиции одного баталиона баталионный резерв из двух рот, сосредоточенный за серединою позиции, будет общим; тот же резерв, расположенный поротно за флангами, обращается в частные резервы соответствующих участков позиции баталиона. Но если тот же баталион входит в состав боевого расположения полка, то относительно этого последнего расположения, в его совокупности, баталионный резерв будет частным. На том же основании общий резерв относительно полка будет частным в расположении бригады или дивизии; общий дивизионный резерв — частным в расположении корпуса; общий корпусный — частным в расположении армии. И потому, во избежание недоразумений, их лучше именовать так: баталионный, полковой, бригадный, дивизионный и прочие резервы.

Из сказанного выше понятно, что все резервы только и существуют для того, чтобы к концу боя влиться в бое-

¹ Или против важного.

² Сильнее не одним числом, но достоинством войск. 100 человек, выдержанных и готовых погибнуть, гонят несколько тысяч ружавки. Правда, что если перед вами не ружавка, то и число значит: когда дело идет о взаимной выручке, не нужно пренебрегать никаким средством ее облегчить вашим людям. Кроме того, так как успех или неудача в большой мере основаны на «мнении», следует не шадить ничего, чтобы на войне первые столкновения разыгрывались в нашу пользу.

60. Приказано три батареи резерва выдвинуть на позицию левее правофланговых двух батарей и признано за нужное продолжить боевой порядок на баталион вправо:

Три роты располагаются за батареями, для непосредственного ее обеспечения от случайностей, по расчету одной роты на две батареи, двух на три и четыре, трех — на пять и на шесть батарей. Один баталион из резерва продолжает правый фланг боевого порядка.

Б. ПЕХОТА И КОННИЦА

61. Выводится пешая батарея, пехотный и конный полки. Пехотный полк строится в резервном порядке, конный, в версте за ним, в резервной колонне. Объезд пехоты, приветствие. К ноге, составь. Гг. офицеры, пожалуйста ко мне.

«В бою, гг., конница относительно пехоты ближе этого (указывает) расстояния не становится; задержите его в глазу и, как разойдетесь, прикажите то же и людям. На высоте пехотных линий она бывает только мгновенно, в момент атаки; после чего или идет вперед, или уходит назад. Нужно усвоить это твердо, что она в деле располагается относительно боевого порядка пехоты или впереди, или позади, но на одной линии не располагается. Остальное скажу потом вам и конным офицерам вместе; а теперь по местам, поверните людей лицом к коннице и объясните им, что я вам передал. В особенности обратите их внимание на дистанцию».

После чего едет к коннице; после объезда, приветствия и сбора офицеров говорит им то же, что и пехотным. После роспуска офицеров и объяснения ими людям

сказанного конный полк ставится рядом с пехотным, после чего: *«Слезай. Гг. офицеры, перед серединою»*.

«Господа! вы скоро ходите, но не стреляете; пехота стреляет, но ходит медленно; значит, каждому из вас недостает именно того, что у другого есть. Отсюда необходимость соединения на взаимную, братскую помощь. Пехота оберегает вас от закрытых мест, занимая их или выбивая оттуда противника; вы ее оберегаете от конных атак на открытых и ровных местах. Сверх того, вы друг на друге должны выучиться: вы (обращаясь к кавалеристам) — как атаковать неприятельскую пехоту; вы (обращаясь к пехотинцам) — как встречать конную атаку.

«Дабы братская помощь была настоящая, нужно прежде всего знать, как следует относительно друг друга ходить и становиться в бою, и знать обычаи друг друга; без этого зачастую не только будут упускаться лучшие для помощи мгновения, но — что хуже — будете не помогать, а мешать друг другу.

«Положений, в которых пехота и конница могут быть полезны друг другу в бою, только два: 1) конница может помогать наступлению или обороне пехоты своими атаками; 2) пехота может помогать вашим атакам своим огнем; но в применении эти два положения бесконечно видоизменимы: ибо то и другое может случиться при атаке неприятеля, при преследовании его; при нашей обороне против атак неприятеля, при отступлении под преследованием его. Всех случайностей, могущих возникнуть в этих положениях, перебрать нет возможности; но из них с честью выйдет только тот, кто положил в сердце скорее погибнуть, чем оставить товарища без выручки; и кто, под влиянием этой решимости, заставит работать свой глаз и здравый смысл: глаз подстережет мгновение, здравый смысл подскажет, в каком строе, когда и куда устремиться; а пехоте — куда направить свой огонь, чтобы помочь коннице.

«Итак, гг., возвратимся к началу, т. е. к тому, как становиться коннице относительно пехоты.

«Нужно помнить одно: 1) конница в боевом порядке на одной высоте с пехотою никогда не становится, а или впереди, или за нею; 2) конница любит простор, следовательно, становится так, чтобы ни перед фронтом, ни в тылу, ни на флангах никаких препятствий близко не было.

«На этом основании, если который-нибудь фланг пехоты открыт, лучшее место коннице — уступом за этим флангом, вне выстрелов, если не артиллерийских, то хоть пехотных. Это будет, следовательно, не ближе версты от передовой линии, если место совершенно открытое; если же есть закрытия, не мешающие движению¹, то можно и ближе, но все же отступя хотя несколько назад относительно пехотной боевой линии, ибо вам нужен разбег, господа: если хотите получить атаку на линии цепи, например, то вам необходимо стать в некотором расстоянии от этой линии, чтобы был разбег хоть для атаки с места.

«Если оба фланга пехоты открыты, то коннице становиться в резерве за серединою, но на обоих флангах иметь глаза, т. е. ловких и внимательных офицеров с ординарцами, дабы во-время поспеть на тот фланг, куда надобность укажет. Конницу избегать дробить, располагая ее за обоими флангами. Такое расположение может быть оправдано только слишком длинным боевым порядком пехоты.

«Конница часто высылается вперед, чтобы раскрыть силы противника и навести его на пехоту. В этом случае она действует самостоятельно до тех пор, пока при отступлении не приблизится к пехоте версты на полторы или около того. По сближении на это расстояние нужно уметь ловко убраться за один или за оба фланга пехоты (если открыты оба), если линии ее не длинны; если же длинны, то нужно уметь пробиться сквозь пехотные линии. В этом последнем случае прошу направляться на пехоту, а артиллерию открывать, чтобы она могла помочь вашему уходу своим огнем. Пехота открывает ворота коннице, исполняя это точно так же, как принято для пропуска артиллерии, причем стрелкам собираться в сомкнутые части против эскадронных интервалов и рассыпаться, пропустив ее.

«Точно так же может случиться надобность, при преследовании, пехоте пропустить конницу вперед; делать это подобно объясненному, т. е. если расположение пехоты интервальное (например, поротно), то конница проходит в интервалы; если же оно сплошное (например, развернутая линия), то каждый батальонный командир после предварения «пропустить конницу» командует:

¹ Как пологие холмы.

«баталион направо, поротно правые плечи вперед бегом»; и когда роты вытянутся, останавливает; а когда конница пройдет, восстанавливает развернутый строй. Стрелки и при этом собираются в кучи против интервалов конницы. Если же строй сплошной, но правильной формы не имеющий, как в конце боя бывает, тогда и сомкнутые массы пропускают конницу как стрелки, т. е. сгущаются против интервалов конницы и образуют интервалы для пропуска ее частей.

62. «Вот вам и все относительно взаимного положения, как на месте, так и на ходу. Теперь относительно взаимного содействия.

«Если по флангам того пространства, по которому предстоит действовать коннице, есть закрытые или пересеченные места в расстоянии ружейного выстрела, пехота непременно должна их осмотреть, а при надобности и занять. Если пехота атакует на том фланге, где находится конница, производит атаку и эта последняя. Если конница атакует, а пехоте это видно и она находится на расстоянии действительного выстрела, то направляет огонь в неприятельские части, которые наша конница атакует. Пехотную атаку по движению заметить нельзя, как вашу, и потому нужно иметь на фланге пехоты всегда пост, с которого посылались бы донесения начальнику конницы о ходе дела.

«Полагается общим правилом, что конница объезжает пехоту; но если объезд велик, то она проходит пехоту насквозь.

«Конница должна постоянно помнить, что ее дело постоянно искать неприятельские фланги и никогда не подставлять своих; почему рекомендую охваты и охранение своих флангов от охвата уступными расположениями, а от обходов — *постоянно содержимым наблюдением за флангами.*

63. «Вы знаете, господа, что в коннице самые слабые точки — фланги; и потому старайтесь по возможности уменьшать, а не увеличивать число флангов. Кто, имея два эскадрона против двух, например, отделяет один эскадрон в сторону для охвата, тот только вместо двух получил четыре фланга и по соразмерности увеличил для себя вероятность быть охваченным по частям, да притом и вожжи распустил, ибо отделить легко, а притянуть трудно. Сверх того, отделяя эскадрон таким образом, вы

заблаговременно показываете противнику, что хотите с ним сделать. А вы держите все силы в руке, обеспечьте от охвата уступами, незаметно выигрывайте фланг неприятеля; и если это вам удастся, бросайтесь как кошка на мышь; тогда будет хорошо. Не думайте, что непременно нужно атаковать, как только сошлись с конницей на дистанцию атаки; напротив, дайте неприятелю разыграться: авось или фланг подставит или другой какой промах **сделает** — тут и налетите. Одним словом, берите пример с кошки; лучшего образца для боевого конного дела не знаю. А на сторожевой службе будьте мухой: смахнули с носа, сядьте на ухо; оттуда прогнали, сядьте на лоб, и так далее.

64. «При преследовании тотчас после боя, гг., нужно помнить одно: не давать противнику передышки и гнать, гнать. Пехота одна сделать этого не может, ибо, погнавшись, и сама придет в расстройство: и потому все неприятельское, что уже бежит — добыча конницы. Но если у него есть свежие части, которые упрутся, то опрокинуть их — дело пехоты. Таким образом рука в руку конница добывает, что уже бежит, а пехота опрокидывает, что еще упирается. Для того и нужно уметь проходить друг друга насквозь, как бы тесно ни было, чтобы это сделать опрятно. Кто привык действовать в тесноте, тот не затруднится действовать на просторе; наоборот, сказать нельзя.

«Если что неясно сказал, переспросите, господа. По мере того, как будем делать, объясняйте вашим людям, что и зачем делается. По местам. В ружье. Садись. Смирно».

65. Ученье начинается, как и в пехоте с артиллериею, с ознакомления друг с другом. Батальоны разворачиваются один за другим на дистанции около 100 шагов; за ними, на той же дистанции, батарея на интервалах между орудиями в 40 шагов; за нею конный полк в полковой эскадронной колонне (чертеж А.).

По сигналу руководителя: «шагом» головной эскадрон вытягивается повзводно слева (справа) рядами и идет на пехоту; головной батальон поворачивается направо (или налево) и заходит ротами правым (левым) плечом вперед, навстречу подходящему эскадрону (фиг. 2); роты, когда вытянутся на всю длину своего

строю, останавливаются лицом к коннице и размыкают шеренги настолько, чтобы всадник мог проехать.

Взводы головного эскадрона нацеливаются на соответствующие роты (4-й взвод на 1-ю роту, 3-й — на 2-ю, 2-й — на 3-ю и 1-й — на 4-ю), входят своими первыми шеренгами между шеренг рот, а вторыми левее задней шеренги, между задней шеренгой и замыкающими и,

Чертеж А.

дойдя головными рядами до последних рядов рот, останавливаются (фиг. 3).

Когда всадники остановятся, пехотинцы поворачиваются к лошадям (каждая шеренга к соответствующей шеренге конницы) и оглаживают их.

Подходить к лошади нужно смело, но отнюдь не братья за поводки и не соваться к заду, тогда и лошадь успокоится и подпустит доверчиво, а кавалеристам вталкивать лошадей в пехотный строй шенкелями, отнюдь не прибегая к шпорам, и стараться успокоить голосом и оглаживанием.

Барабанщики ходят вокруг рот и бьют в барабаны.

Офицерам наблюдать, чтобы не было людей, сторонящихся от коня; робких непременно заставлять подходить к лошади, указывая, что если человек боится лошади, то она боится его еще больше.

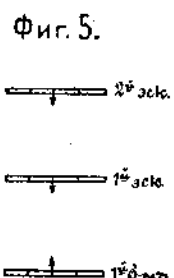
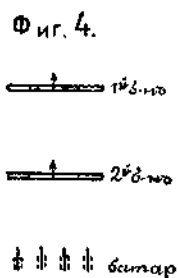
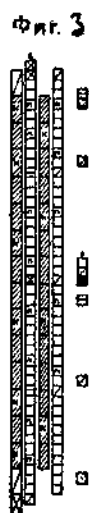
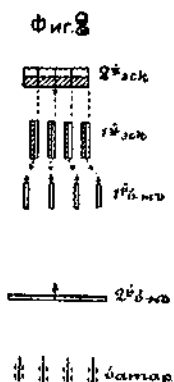
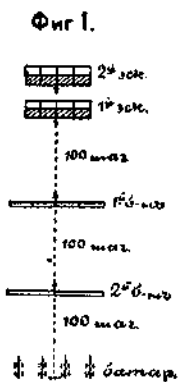
Руководитель, дав лошадям успокоиться и заметив, что люди перестали их бояться, приказывает опять подать сигнал «шагом».

По этому сигналу:

Барабанщики перестают бить.

Головной эскадрон идет, не меняя строя, к следующему батальону, который поворачивается и заходит поротно плечами так, как перед этим делал 1-й батальон, и въезжает между шеренгами рот, как сказано ранее.

Следующий за головным эскадрон вытягивается в каждом взводе рядами слева (справа) и входит своими

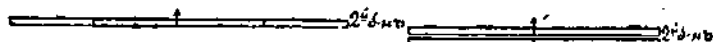
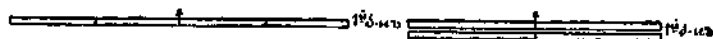
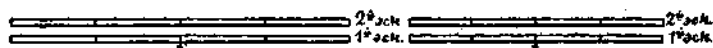
масш 200 100 0 200 м. в.

шеренгами в шеренги рот 1-го батальона так, как перед тем входил 1-й эскадрон.

Втянувшись в ряды пехоты, взводы конницы останавливаются, когда их головные ряды поровняются с последними рядами рот пехоты; пехотинцы подходят к лошадям и оглаживают их, а барабанщики опять начинают бить в барабаны.

Фиг. 7а

Фиг. 7в

шаг. 200 100 0 200 шаг.

По новому сигналу руководителя «шагом»:

1-й эскадрон, выйдя из рядов 2-го батальона, идет к батарее и нацеливает свои взводы на орудия (по взводу на орудие, если их 4, и по одной шеренге взвода на ору-

дне, если их 8). Подъехав к орудиям, всадники останавливаются и окружают орудия не строем, а как кому удобнее, чтобы познакомиться по возможности с самим орудием; если лошади топорщатся от пушки, то всадники ездят вокруг нее; когда лошади успокоятся, артиллеристы снимают орудия с передка на ближний отъезд (шага на 3, 4), показывают кавалеристам укладку снарядов и зарядов, легчайшую порчу орудия (как вынуть плитку), зарядание и выстрел (вытяжной трубкой); хорошо вместо прислуги поставить кавалеристов и, сделав с ними несколько упражнений трубкой, кончить холостым выстрелом. В то же время 2-й эскадрон переходит из рядов 1-го батальона и входит в ряды второго.

По следующему сигналу руководителя «шагом» 1-й эскадрон выходит из артиллерийского строя, выстраивается, отходит от него на сто шагов и останавливается.

Руководитель, подавая сигнал «шагом», должен выждать время, чтобы дать кавалеристам ознакомиться с артиллерией.

По этому же сигналу на место 1-го эскадрона подходит к орудиям второй и повторяет то же самое, а затем по сигналу руководителя выходит из артиллерийского строя, выстраивается и смыкается по 1-му эскадрону.

Батальоны принимают развернутый строй, когда через их роты пройдет второй эскадрон (фиг. 4).

Для вторичного прохождения пехота и артиллерия с одной стороны, кавалерия с другой поворачиваются кругом, т. е. лицом друг к другу. Конница делает то же прохождение, только рысью, направляя, чтобы между пехотных шеренг попадала та шеренга, которая при первом прохождении была снаружи.

Когда строи пехоты и конницы восстановлены, они опять поворачиваются лицом друг к другу, и конница перестраивается в одну шеренгу и, если нужно, размыкается настолько, чтобы ее фланги пришлись против флангов батальонов (фиг. 5) ¹.

¹ Эти расположения нужно соображать с числом рядов в коннице и пехоте. Положим, в ротах по 60-ти, а в эскадронах по 48 рядов. Следовательно, в батальоне будет 240 рядов. Тогда придется перестроить батальоны в полубатальонные колонны, в каждом эшелоне пехоты будет 120 рядов, в эскадроне 96 коней (не считая унтер-офицерских); разомкнуться нужно не на много. А если конная линия слишком будет редка, не будет поучительности.

Для приучения коней к виду наступающей пехоты головной баталион (1-й) с песнями, криком, свистом, барабанным боем и сигналами на рожках идет на головной эскадрон и, подойдя к нему вплотную, останавливается, прекращает шум, люди оглаживают лошадей и дают им хлеба. Когда лошади успокоятся, командир баталиона командует: «Шаг назад», и делает ружейные приемы, выбирая возможно размашистые; если лошади относятся к приемам спокойно, то командует внезапно: «Ложись», а затем «Встать» и повторяет это несколько раз, пока они не приглядятся.

Проделав все это, командир баталиона приказывает людям пробежать через эскадрон с криком: «Здорово, товарищи», тотчас за эскадром выравнивает на ходу баталион, приказывает вновь начать песни, шум, свист и барабанный бой и подводит баталион ко 2-му эскадрону, где повторяет то же самое.

Когда 1-й баталион пройдет с криком через первый эскадрон, тогда начинается движение 2-й баталион и тоже с шумом, песнями и прочим подходит к 1-му эскадрону и проделывает все вышеизложенное. 1-й баталион, пройдя 2-й эскадрон, восстанавливает строй и, отойдя от эскадрона на 100 шагов, останавливается.

2-й баталион, пройдя 2-й эскадрон, смыкается по 1-му баталиону (фиг. 6).

Пехота и конница поворачиваются друг к другу фронтом, и оба баталиона, сомкнувшись вплотную, с песнями, шумом и пр., проходят безостановочно сквозь ряды обоих эскадронов.

Пройдя 200 шагов от 1-го эскадрона, 1-й баталион или эшелон останавливается, поворачивается фронтом к коннице, размыкается на две руки, вздвигает ряды и смыкает шеренги вплотную по передней, а 2-й баталион или эшелон останавливается и делает то же, что 1-й, когда отойдет от него тоже на 200 шагов.

Для встречи конницы залпами первые две шеренги в каждом баталионе стреляют с колена.

1-й эскадрон смыкается по 2-му. Оба эскадрона поворачиваются фронтом к пехоте и нацеливают свои фланги на фланги пехоты.

Батарея отходит от последнего баталиона на 300 шагов, берет между орудиями такие интервалы, чтобы про-

тяжение фронта батареи отвечало фронту пехоты, и снимается с передков (фиг. 7).

По сигналу руководителя «шагом» 1-й эскадрон идет шагом на 1-й батальон. Батальон дает по коннице залп в 100 ш. (две передние шеренги с колена) и берет на руку. После залпа эскадрон переходит в рысь, проходит батальон насквозь и, вновь перейдя в шаг, идет на 2-й батальон, где его встретит так же, а затем на батарею, которая даст также по нем залп в 100 шагах, и тогда 1-й эскадрон переходит в рысь, проходит артиллерию и, отойдя от нее на 300 шагов, останавливается.

То же самое делает затем и другой эскадрон.

Пройдя артиллерию, 2-й эскадрон смыкается по 1-му, пехота, конница и артиллерия поворачивают кругом, причем последняя убирает передки за орудия.

Исполняется затем уже описанное, только в обратную сторону и галопом.

ДОПОЛНЕНИЕ К § 65

Вместо пропуска конницы сквозь пехоту, построенную рядами, еще лучше вздваивать ряды в последней и затем крайние шеренги полученного таким образом четырехшереножного строя отодвинуть от средних на ширину лошади. Тогда образуется по интервалу для каждой конной шеренги. См. фиг. 3 bis.

Фиг. 3 bis

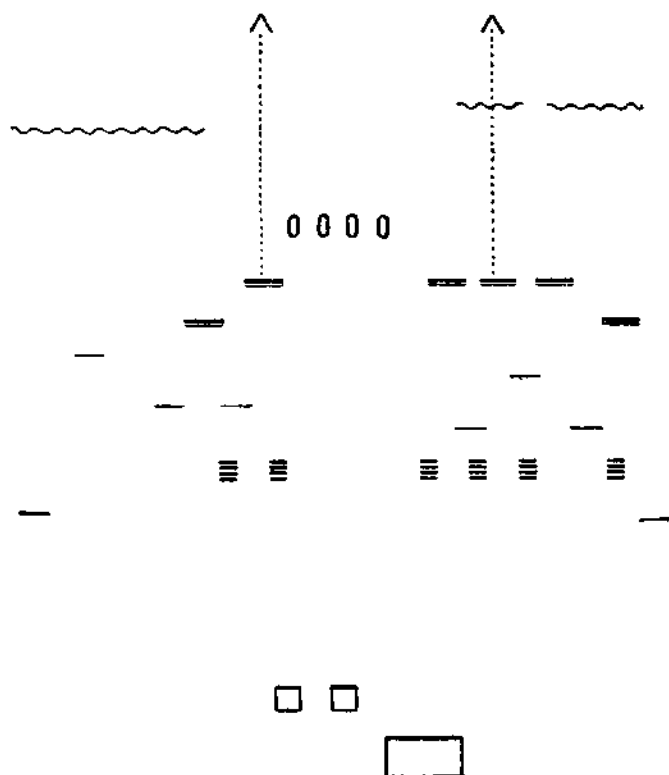

шир. 200 100 0 200 шаг.

66. Затем, собрав полк, такие-то два батальона прямо, полк строится в боевой порядок; сила занятия — триста шагов на батальон¹; батарея на позицию в центре; конница в резерв.

¹ Напоминаем, что роты приняты 40-рядного состава.

Когда это исполнено, посылаются конному полку приказание пройти пехоту насквозь вперед во взводных эскадронных колоннах до передней линии; затем развернуться и, пройдя цепь, сделать постепенную атаку, после чего отступить насквозь пехоты на рысях; развернутым строем до передовой линии, взводными эскадронными колоннами — дальше. *Смотреть, чтобы при отступлении как можно скорее открывали артиллерию.*

Примечание. Конница на чертеже показана в трех положениях: 1) в резервной колонне — правее пехотного резерва; 2) в линии взводных эскадронных колонн — подходя к передовой линии пехоты; 3) в развернутом строе — пройдя передовую линию. 0 — орудия; в две черты — боевой порядок конницы; в одну тонкую черту — роты боевой линии.

После этого повторение прохождения вперед с атакой же и отступление за один из флангов пехоты последовательным убираанием эскадронов.

67. После этого пехотный боевой порядок примыкается флангом к какому-либо неудобопроходимому для конницы месту, а конный полк ставится уступом за открытым флангом на должном месте и в должном порядке. Когда будет готово, приказывать пехоте наступать и атаковать; затем смотреть, чтобы конница следила за движением пехоты и во-время поддержала ее атаку своею. После атаки смотреть, чтобы уходила опять за пехоту на должное расстояние.

Приказать опять атаковать пехоте и следить, чтобы конница тоже атаквала; после чего, предполагая, что неприятель разбит, делала бы рассыпную атаку.

Затем, подыскав такое открытое место, где были бы на обоих флангах предметы, неудободоступные для конницы, послать туда пехотные части для занятия и осмотра их.

68. В заключение показать атаку конницы на пехоту. При теперешнем огнестрельном оружии первоначальную цель конницы в этой операции составляет то, чтобы вызвать огонь пехоты раньше, нежели последует серьезный удар. Нам кажется, это можно сделать так: положим, что для атаки назначен эскадрон; он отделяет от себя взвод, который выстраивается в одну шеренгу и атакует, пуская в карьер шагов за 800—900 до пехотной части; вслед за ним, шагах в 200—300, идет эскадрон и также атакует. Нужно, чтобы батальон был слишком выдержан, а батальонный и ротный командиры слишком опытные, чтобы удержаться от залпа по взводу; следовательно, в большинстве случаев цель будет достигнута, ибо во второй раз зарядить и выстрелить не успеют. Для батальонных и ротных командиров, да и для пехотных солдат проделывание подобных случаев будет наглядным доказательством того, до какой степени нерасчетливо торопиться с огнем и до какой степени важно следить за тем, что делается у неприятеля и как.

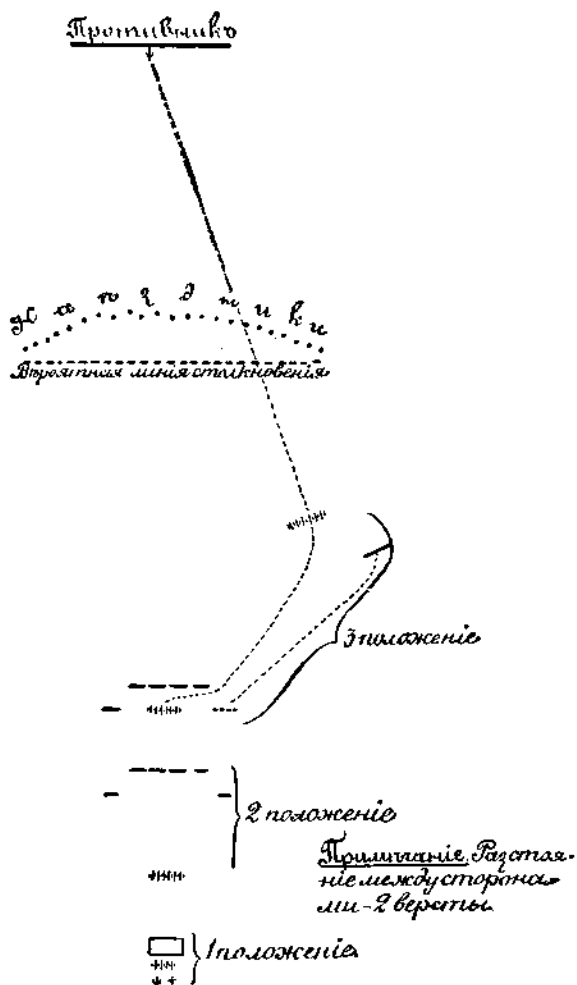
69. После атаки требовать, чтобы конница непременно выходила из-под верных выстрелов пехоты, дабы утвердить в глазу кавалеристов эту дистанцию. Достигнув этого последнего, сразу покончат с той несообразностью,

которая, невзирая на все усилия начальствующих, неизменно повторяется из году в год, именно, что конница, после атаки на пехоту, отходит от нее шагов на 150—200 и возобновляет атаку с этого расстояния иногда по нескольку раз. В нашем деле мало учить — нужно выучить; на этом основании нужно быть особенно внимательным к ошибкам, постоянно повторяющимся, ибо они служат явным указанием, что в системе обучения существует пробел. Следует открывать причины таких ошибок и тщательно их устранять. В подлежащем случае причина ошибки заключается просто в том, что кавалерийский устав, как он применяется в мирное время, не вызывает потребности в глазомере на значительные расстояния: такая потребность возникает только при соединении с пехотой или при действии против нее. Поэтому и необходимо, прежде приступа к маневрам, показать отношения пехоты и конницы, не задаваясь никакой тактической целью; выделить, одним словом, этот показ в особый прием, ибо только при этом представляется возможность обращать внимание на такие вещи, как соблюдение, например, должных дистанций во всех случаях, полное согласование движений и действий.

Отдельные занятия конницы развивают в ней привычку рассчитывать во всем на самое себя до такой степени, что не редкость видеть, например, спешивание ее в присутствии, а иногда даже против целых масс пехоты, когда рота сделает, конечно, больше, нежели спешенный полк. Вследствие этого конница никогда, правда, не требует содействия пехоты, но зато и сама ей не помогает. Отсюда отсутствие согласования в действиях, непривычка направлять усилия обоих родов оружия к одной и той же известной цели.

В. КОННИЦА С КОННОЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ

70. Выводится полк с батареями. Предположив, что против нас также конница с конной артиллерией, напомним, что хотя они и обе быстро ходят, но так как одна действует только в движении, другая только на месте, то они для пользы дела не должны так близко маневрировать и располагаться одна относительно другой, как пехота с пешей артиллерией.

Чертеж 10.

Быстрота движений конницы и неспособность артиллерии к самозащите ставят необходимым условием успешного действия последней *дальние выезды на позицию и расположение несколько в стороне от конного фронта*, по следующим соображениям:

а) заняв позицию близко от конного фронта, артиллерия, при первом же движении конницы вперед, будет ею закрыта и прекратит огонь, т. е. или мало поможет, или и совсем ей не поможет; следовательно, нужно выезжать на позицию дальше;

б) будучи неспособна к самозащите, артиллерия не должна о ней и заботиться; это дело конницы, которая, по быстроте движения, всегда успеет ее выручить.

На этом основании конной артиллерии рекомендуется:

1) расположение на фланге конного строя; 2) расположение *от полу- и до версты* впереди одного — ближе или дальше, смотря по расстоянию до противника. Так, предполагая конницу противника в 3-х верстах, мы смело можем выдвинуть батарею на версту от нашего фронта; предполагая противника в 2-х верстах, мы уже можем выдвинуть ее не далее как на полверсты или около того: одним словом, с таким расчетом, чтобы, при одновременной атаке с обеих сторон, линия столкновения пришлось не ближе как шагах в 500—600 впереди батареи.

Особенно налечь на то, что короткие выезды, при действии с конницею и против конницы же, для конной артиллерии никуда не годятся; а при действии против пехоты и подавно, ибо по медленности движения последней всегда можно к ней подскочить, обстрелять, уйти, опять подскочить.

Наконец, напомнить, что как только наш фронт закроет неприятельский от батареи, последняя берет на передки и ожидает исхода столкновения.

Исполнение (чертеж 10). Полк перестраивается в боевой порядок, обозначается противник примерно верстах в 2-х; обозначается также место, на которое батарея должна выехать на позицию¹. Высылаются наездники, выдвигается батарея, с ее непосредственным прикрытием, на позицию. После чего атака. Смотреть, чтобы батарея

¹ Привычка коротких выездов так укоренилась, что на первых порах непременно следует обозначать место, не ближе которого батарея должна сняться с передков.

взяла в передки, как только противник будет от нее закрыт нашим фронтом.

71. Показать затем последовательную перемену батарей позиций назад и движение конницы под покровительством ее огня. При этом же показывается припряжка верховых лошадей для увоза орудий и замена выбывших номеров артиллерийской прислуги людьми от конницы.

После этого показать атаку конницы на артиллерию, направляя рассыпную атаку на батарею, а сомкнутую на прикрытие.

Г. СКВОЗНЫЕ АТАКИ КОННИЦЫ НА ПЕХОТУ И ОБРАТНО

72. При наступлении от конницы следует давать батарею хоть по одному разведчику на орудие, которые ехали бы впереди батареи и предупреждали о встречаемых препятствиях.

73. Сквозные атаки необходимы для приучения пехоты выносить впечатление быстро скачущей на нее конницы; а конницы — к огню и виду пехоты.

74. Сквозные атаки можно производить: или при показе взаимных обязанностей пехоты и конницы; или выделять их в особое упражнение или, наконец, заканчивать ими батальонные маневры (см. § 113).

75. *Исполнение.* Выстраивается полк в общей четырехзвонной колонне с разомкнутыми рядами, шага на три. Против него, шагах в 100—200-х, полк конницы в эскадронной колонне, тоже с разомкнутыми рядами шага на три, и эскадрон за эскадроном на эскадронной дистанции. Затем роты, одна за другой, отделяются и идут на конницу с песнями, барабанным боем и со всяким гвалтом. Подойдя к переднему эскадрону, головная рота останавливается перед мордами коней. Команда: *оглаживай коней.* Люди подходят и оглаживают. Смотреть, чтобы это делали все, ибо есть такие, которые боятся коней.

В это время барабанщики и горнисты, по одиночке, сзади и спереди эскадрона, бьют и играют, что кому вздумается, только пошумнее.

Затем команды: 1) *перестать играть*; 2) *назад равняйся марш*. Когда люди отступят на шаг от морд: *Стой*. *Ружейные приемы*. Командовать те из них, которые размашистее, как, например, с вольно на руку, с вольно к ноге и т. п.

Затем с криком: «Здорово, товарищи», пробегать эскадрон насквозь, переходить в шаг и идти тем же порядком на второй и следующие эскадроны. Каждая рота исполняет в свою очередь то же самое.

Когда все пройдут, обе части поворачивают кругом, т. е. лицом друг к другу, и то же самое исполняется на заднюю шеренгу.

Для сквозных атак конницы на пехоту эта последняя располагается рота за ротою, шагах в 250, с рядами, разомкнутыми на пять шагов. Конница располагается прямо против пехоты шагах в 300—500, в эскадронной сомкнутой колонне, но с рядами, тоже разомкнутыми на пять шагов.

По соответствующей команде отделяется головной эскадрон и *рысью* проходит насквозь роту за ротою. Роты по сближении с ними эскадрона шагов на 100—150 дают залп и берут на руку.

Когда головной эскадрон пройдет переднюю роту, следующий за ним отделяется и исполняет то же самое и т. д. По прохождении всех эскадронов — то же самое на заднюю шеренгу.

76. В конце этих упражнений можно показать посадку на круп и бег, держась за стремя.

Для показа посадки на круп выбирать спокойных и не слабоспинных коней.

Исполнение: Всадник освобождает левое стремя и передает на правую сторону; пехотинец, с ружьем на перевязи (штык отомкнуть), садится при помощи левого стремени на круп и обхватывает всадника за туловище. Особенно наблюдать, чтобы пехотинцы не хватались за руки всадников. Этот прием достаточно показать на десятке — другом лошадей, чтобы его знали пехота и конница; но постоянного упражнения из него делать не следует.

Для бега, держась за путлице, пехотинец хватает за левое путлице правой рукой под ляжкой всадника; ружье держит в левой.

Д. ПОХОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ОТРЯДОВ ИЗ ТРЕХ РОДОВ ОРУЖИЯ В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С ПРОТИВНИКОМ

а) походное движение авангарда (арьергарда)

77. Показу походного движения полезно предпослать упражнения по карте местности, на которой оно будет произведено. Руководящий должен, разумеется, заблаговременно сообразить задачу и выбрать для нее направление, возможно более поучительное.

78. Примерно за час или полтора до выхода войск собираются командиры, до ротных эскадронных батареинных включительно, в помещении настолько просторном, чтобы можно было всем усесться за столами. Должно быть достаточное число экземпляров карты, чтобы все могли следить за объяснением. Предполагается авангард в составе: бригады пехоты, полка конницы с двумя — тремя пешими и одной конной батареями (восемь бат., шесть эскадр., 8—12 пеших, шесть конных орудий).

79. После приветствия и приглашения садиться руководящий говорит приблизительно следующее:

«Нам предстоит, господа, исполнить походное движение с военными предосторожностями, предполагая противника в расстоянии от нас не более перехода. Для верного достижения тактической цели походное движение должно быть исполняемо *в таком порядке*, чтобы была ежеминутная готовность к быстрому переходу в боевой порядок, *и таким образом*, чтобы к пункту назначения привести возможно более и притом годных для боя людей.

По особенностям службы, возлагаемой на авангард и аррьергард, нам придется разделить это занятие на два: сегодня сделаем только движение авангарда, наступая от лагеря к Фарладанам, и аррьергарда, при возвращении назад; а в другой раз присоединим к нему и движение несколькими колоннами.

Теория движения авангарда вам, господа, известна: по пути следования высылаются прежде всего головной, а по ближайшим к этому пути боковым дорогам — боковые отряды. Они наряжаются от конницы и только при полном ее недостатке — от пехоты. При движении по местам пересеченным иногда в эти отряды назначают пе-

хоту в поддержку коннице. Все эти отряды высылают от себя сторожевые дозоры, обязанные держать общую связь перед фронтом движения, осматривать встречающиеся по пути закрытия и доносить тотчас начальнику своего отряда, если неприятель будет замечен. Относительно того, насколько далеко эти дозоры раскидывать в стороны, нет нормы, ибо в каждом данном случае это делается по соображению с близостью противника, глубиною колонны и с местностью по сторонам движения. Во всяком случае за наименьшее нужно принять, что на доступной местности в каждую сторону следует освещать не менее расстояния, равного глубине колонны авангарда. Головной и боковые отряды идут на одной высоте; если боковые следуют несколько впереди головного, то это еще лучше. Верстах в двух за головным идет передовой пехотный отряд и при нем, если дорога испорчена, рабочая команда.

Авангард собственно выступает с таким расчетом, чтобы отпустить от себя головной и боковые отряды на час, а передовой отряд примерно на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа. При движении его следует иметь в виду: а) порядок движения, б) способ и характер его исполнения.

Порядок движения. В авангарде роды оружия идут в порядке, определяемом местностью: следовательно, где дорога пролегает по месту закрытому или пересеченному — впереди идет пехота, предшествуемая небольшим кавалерийским разъездом: это и лишние глаза, и ускорение передачи донесений обо всем, что впереди происходит; если по месту открытому — впереди идет конница: та и другая разумеется, со своею артиллериею. Значит, если местность переменная, приходится вести в голове колонны то конницу, то пехоту: большое неудобство, ведущее за собою утомление войск, но неудобство неустраняемое, ибо, ежеминутно ожидая противника, волею-неволею приходится держать впереди тот род оружия, который более способен действовать на подлежащей местности.

Характер и способ исполнения. Авангард должен быть в постоянной готовности перейти в боевой порядок быстро, но спокойно. Это возможно только при педантическом соблюдении строевого порядка движения: все на своих местах и ни малейшей оттяжки; ход в пехоте, для облегчения людей, конечно, не в ногу. Но оставления

рядов не допускать ни под каким предлогом, кроме болезни. На последнее, господа, обращаю особенное ваше внимание: разброд — страшное дело, его одного иногда достаточно, чтобы люди гибли десятками даже не от неприятеля. Если время будет, расскажу вам по этому случаю печальный, но поучительный случай¹. Да притом оставление рядов под разными предлогами вовсе не необходимость, а просто дурная привычка. Ведь странное дело! тот же солдат, который на походе не задумается отделиться в сторону, чтобы поправить портянку, сходить до ветру, никогда этого не сделает на ученье, даже довольно продолжительном, пока оно идет. Значит, обойтись можно.

А между тем подобные остановки не только нарушают порядок, но вредны и солдату, ибо, пока он возится в стороне, его рота *уйдет вперед по меньшей мере шагов 150, 200, иногда и больше; нужно догонять бегом: а ничто так не утомляет пешего человека, как неравномерность движения. Чтобы вывести эту вредную, дурную

¹ Случай был такой. В конце 58 или начале 59 года в Алжире, по дороге из Гельмы в Константину, шел французский батальон. Дело было к вечеру. По той же дороге ехал и я с нассауским офицером, капитаном Реслером. Место это значительно поднято над морем, и на нем зимою случаются вьюги, опасные тем в особенности, что во время их можно попасть попеременно под дождь, смеяющийся мелким градом, потом снегом, потом опять дождем, так что вас сначала промочит, потом подморозит, потом опять промочит и т. д. Температура была не ниже -2° . Ночью опустилась, кажется, до -5° . По дороге пришлось вдобавок проходить вздувшийся ручей, в котором в обыкновенное время совсем воды нет, а теперь было по пояс. В сумерки поднялся такой снег, что в пяти шагах ничего не было видно. Батальон шел вразброд, а версты за три до караван-сарая, где был назначен ночлег, гг. офицеры уехали вперед, предоставив свою часть на волю божию. Батальон пришел наконец на ночлег в понятном состоянии. На утро в окрестностях караван-сарая подобрали несколько человек замерзших и 60—70 с отмороженными руками или ногами. Всего погибшего и перепорченного народа оказалось, помнится, душ 80 с лишком. Замечательно, что потери были менее всего в ротах, где, по счастью, оказались старые унтер-офицеры, которые на походе то и дело криковали: «не отставать, не отбиваться от кучи, держаться вместе!» Вот что значит держаться или не держаться вместе в тяжелом положении и к чему ведет оставление своих мест офицерами! Ибо если бы они были при своих местах, то разброда, само собою, не было бы. То, что сделали некоторые унтер-офицеры, сделали бы они, только с большим авторитетом, обязательным для всех людей их части.

привычку, рекомендую, господа, весьма простой прием: на каждый час движения давайте остановку в 10, 15 минут. Тогда вы будете иметь право не только по службе, но и по человечеству требовать, чтобы на марше никто не оставлял своего места. Два — три часа действительно иногда трудно вытерпеть, а час может каждый.

Прошу об этом предупредить ваши части сегодня же и строго наблюдайте, чтобы сказанное безобразие вывести. Придется, конечно, над этим поработать, ибо привычка укоренилась давно; но если это сделаете, спасибо скажете, когда дойдет до настоящего дела. Верьте, что добившись этого, вы и в боевой порядок скорее будете переходить, и отсталых меньше будет, и в особенности будете делать более длинные переходы.

Если соблюдение мест обязательно для солдат, то для офицеров и подавно; там, где офицер держит свое место, солдату и в голову не придет оставить свое.

Господа! Держите ваши места, и тем строже, чем положение тяжелее. Оставлять их, особенно в тяжелые минуты — то же, что часовому оставить свой пост...¹

Как же добиться того, чтобы мест не оставляли? Путь всегда один и тот же, вечный, неизменный, без осечки, — когда имеют дело с человеком: непрерывная настойчивость и постоянство требований; только этим путем вы можете обратить их солдату в привычку — вторую натуру. Если, идя куда бы то ни было, вы не будете оставлять без внимания ни малейшей отяжки или потери места и сегодня, и завтра, и послезавтра, и всегда, то сами не заметите, как люди втянутся в стройное движение походом.

Для этого советую: 1) ротному командиру², идя на своем месте, от времени до времени оглядываться на роту и, при малейшем поползновении к разброду, ставить ему тотчас же препоны, замечая кому следует, чтобы не распускался. Убедительно прошу вас, гг. ротные командиры, проникнуться тою мыслью, что вы — основные устои поддержания порядка: ибо если роты идут в порядке, то и вся колонна будет в порядке, как бы она длинна ни была; 2) всем верховым командирам —

¹ Многозначие автора.

² Вводному, отделенному, начальнику команды, караула.

пропускать мимо себя свои части на походе: чем чаще, тем лучше¹. В особенности это следует делать на тех местах перехода, где легче всего возникнуть беспорядку, как: при прохождении мостов, деревень, при движении мимо колодцев в жаркую пору и т. п.

При этом, в видах сбережения людей, следует и еще одно помнить: в узких местах растяжка неустраима; затем, пройдя узкое место, люди обыкновенно добегают, чтобы скорее занять свои места,— опять сквернейшая и вреднейшая привычка: как добежит — так на переходе раза четыре — пять, смотришь, который послабее и попал в отсталые. От этого следует тоже отучить. Раз навсегда принять за правило самую строгую равномерность движения: на этом основании, в случае неустраимой растяжки, останавливать голову колонны, давать подтянуться (*Стоять! — Подтянись!*), ни малейше не ускоряя движения, и затем идти. Советую поступать так не только на походе, но и в боевом порядке. Наступаете, например, по густым кустам — поневоле растянетесь: остановите, прикажите подтянуться и возобновляйте движение; но никогда не требуйте добежания.

Некоторым может показаться, что такой способ движения замедляет его. Конечно, замедляет; но вопрос не в этом, а в том, что достигается ценою этого замедления. Наше дело все построено на противоречивых данных, т. е. на таких, которые живут не иначе, как одна на счет другой. Нужно, значит, на каждом шагу отдавать себе отчет в том, что на счет чего должно быть достигнуто. Так, на походе нужно: и по возможности быстро идти, и порядок в ожидании боя соблюсти, и людей сберечь. Что будет, если, увлекаясь быстротою движения, мы откажемся от установившейся вековым опытом четырехверстной скорости движений пехоты, и поведем ее, например, шесть верст в час? Будет то, что изморим людей, и они не в состоянии будут сделать в сутки, может быть, больше 18-ти верст, а при скорости в четыре версты они делают 25—30 свободно. Выйдет, значит, со скорого на

¹ Во избежание недоразумений напоминаю, что ротный действует на взводных, батальонный — на ротных, полковой — на батальонных и т. д., не перескакивая непосредственных подчиненных. На том же основании взводные налегают на отделенных, а не прямо на людей.

тихое. Что будет, если, увлекшись необходимостью порядка на марше, поведем их в ногу и с педантическим равнением? Опять же изморим людей и по соответствию или уменьшим переход, или увеличим число отсталых. Что будет, если, увлекшись сбережением людей, ограничим переход 15—16 верстами? — пойдем черепашьим ходом; а, между прочим, победа в ногах — это давно уже сказано, и сказано верно. Нужно, следовательно, идти так, чтобы сделать доступно-возможное число верст, не теряя толкового порядка и без крайнего утомления людей.

Конечно, в случае столкновения с противником может явиться необходимость и наддать ходу; но ведь и на это будет более способен сбереженный, а не изморенный солдат.

В том способе исполнения движения, который рекомендую вам, замедление будет заключаться, во-первых, в десятиминутных остановках; во-вторых, в остановках головы колонны после прохождения всякого узкого или трудного места (узкий мост, гать, топь, крутой подъем и т. п.). Посмотрим, насколько от этого замедлится переход, предполагая, что он в 30 верст и что на пути есть четыре трудных места. Положим, что мы разделяем этот переход большим привалом на 18 верстах от места выступления. 18 верст проходятся в $4\frac{1}{2}$ часа, следовательно, четвертьчасовые остановки потребуют час, а без первой остановки, необходимость которой и теперь всеми признается, $\frac{3}{4}$ часа. На второй половине перехода (12 верст) те же остановки возьмут полчаса. Итого на тридцативерстный переход час с четвертью: жертва, по моему убеждению, ничтожная, если ценою ее достигается порядок движения. Возьмем теперь остановки головы колонны для уничтожения неизбежных растяжек. Предполагая, что батальон растянется вдвое, т. е. вместо, примерно, 350 на 700 шагов, окажется, что если головы не останавливать, хвосту придется бежать три с половиною минуты. Если же голову остановить, хвост подтянется в те же три с половиною минуты. Разумно ли, из-за того, чтобы голова подвинулась на 300 шагов вперед, заставлять бегать людей утомленных и идущих не налегке, а с полной поклажей? Поступать таким образом — значит заведомо идти на увеличение числа отсталых на одном переходе и числа больных на нескольких переходах. Могут

сказать, что если колонна полковая только, то эти три с половиною минуты обращаются в 15, а если дивизионная, то — в час. Совершенно верно; но это показывает только одно: именно то, насколько следует стремиться к уничтожению устранимой растяжки, чтобы избежать замедления в переходе в боевой порядок. В случае же неустранимой растяжки всякому ясно, что в большой колонне и средства другого прийти в порядок нет, как остановить ее голову.

Остановить — не значит держать ее в ружье; как только остановились, тотчас же *«Составь! ложись!»* А если остановка продолжительная, то и *«Ранцы долой!»* Весьма много облегчает людей и то, если на привале их не тревожат при проезде начальства. Мы знаем, и весьма высокопоставленных, начальников, которые на походе строго требовали, чтобы при их проезде людей отнюдь не поднимали.

Если колонна длинна и предстоит проходить узкое место, то для сбережения людей и безостановочности переправы часть колонны, в ожидании своей очереди, также делает привал; например, в одной колонне идет дивизия, по порядку номеров полков, и подходит к узкому месту; начальник дивизии прикажет 2-му и 4-му полкам сойти в сторону от дороги и сделать привал. Тогда 3-й полк безостановочно переправляется за первым; за ним, снявшись с привала, следует 2-й, за вторым, в свое время, 4-й, 1-й и 3-й, переправившись, также привалют, пока 2-й и 4-й не подтянутся по переправе.

79. Соблюдение порядка на марше обязательно в равной мере для конницы и артиллерии, только он им легче дается, и потому еще обязательнее, нежели для пехоты, — если только можно делать разницу в столь важном деле. В случае неустранимой растяжки хвост в коннице и в конной артиллерии подтягивают, не останавливая головы.

80. При появлении противника авангард перестраивается в боевой порядок, сбивает и теснит его; наткнувшись на превосходные силы, занимает позицию и ведет оборонительный бой до прибытия главных сил.

81. Арьергард — тот же авангард, только повороченный кругом; и обязанности его прямо противоположны

обязанностям авангарда. Авангард со своими отрядами устраняет препятствия по пути движения; арьергард создает такие препятствия противнику, — и чем больше, тем лучше. Сообразно этому меняются время выступления и названия отрядов, высылаемых от арьергарда: головной отряд обращается в *тыльный* и выступает вместе с боковыми позже всех; передовой — в *задний* и выступает позже арьергарда на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа. Первый направляет дороги, второй портит их. В авангарде род оружия, коему по местности удобнее действовать, шел в голове колонны; в арьергарде он пойдет в хвосте. Авангард сбивал противника, арьергард задерживает его, для чего приостанавливается на всякой позиции, занимает ее по наружному виду, чтобы заставить противника потерять время на развертывание, и затем отступает на следующую позицию. В случае же необходимости выдержать натиск противника занимает ее в настоящую, т. е. резервы не оставляет в походной колонне, а распределяет их, как принято для упорного боевого расположения.

82. Наконец, о донесениях, которые необходимо делать во время похода. Начальник авангарда доносит: о времени прихода ко всякому резкому местному рубежу, предмету или к жилому месту. Если встречено препятствие движению (разрушенный мост, испорченная дорога и т. д.), то, сверх того, определяет приблизительно время, в которое оно может быть устранено. Доносит также о времени остановки на большой привал и когда снимается с него, — о появлении противника и о том, что предполагает делать, если противник занял позицию. Наконец — обо всем, что прямо или косвенно может помешать исполнению движения по диспозиции. Считаю излишним распространяться о первостепенной важности точного исполнения этой обязанности: всякому ясно, что, только благодаря подобным донесениям, начальник отряда, от которого авангард выслан, может знать каждую минуту положение дела в авангарде, а получая такие же донесения от начальников колонн, — судить об относительных расстояниях между частями отряда и о форме его движения, т. е. о степени готовности к переходу его в боевой порядок.

83. Самую задачу мы разыграем так: я буду объявлять часы выступления и затем движения, а гг. батальон-

ных командиров с их ротными прошу или отвечать изустно, или, когда понадобится, писать донесения за начальника авангарда. Случайности я введу в розыгрыш при помощи залечатанных конвертов; на сообщения, в них заключающиеся, тоже попрошу отвечать письменно.

84. Последнее замечание, господа: ради бога, не бойтесь ошибаться и решайтесь без колебаний. Ведь мы учимся — значит и невозможно не ошибаться, и кто боится ошибки, тот никогда не выучится. Притом наше дело такое, что в нем нельзя не ошибаться; да, наконец, и то верно, что иная ошибка дает повод к таким разъяснениям, что бывает поучительнее наилучшего решения.

«Нет ли, господа, каких вопросов, недоразумений?»

Примечание. Предполагается, что отряд собран на правом фланге оставленного лагеря (см. план, дорога dd).

85. Затем руководящий объявляет: «Авангард пойдет прямой дорогою на Фарладаны; выступление в восемь часов», и обращается с вопросом к которой-либо из батальонных групп: «Что делается?»

Ответ (изустно). Головной и боковые отряды трогаются.

Вопрос. По каким дорогам пошлете боковые отряды?

О. Правый боковой по Протягайловке версты две, после чего прямо через горы целиком, держась на высоте головного и верстах в двух от него. Левый боковой — на Гиску, отделив сильный разъезд на Суворовскую гору, и потом по Суворовской горе.

Примечание. На первых порах выбирают обыкновенно дороги слишком близко к колонне; руководящий напоминает, почему это неудобно, и указывает, какие дороги, по его мнению, выбрать предпочтительнее.

Общее правило при всех подобных разъяснениях: тон их должен быть такой, что «и так хорошо, как вы сделали; но если принять в расчет то-то и то-то, то можно сделать и так-то», но не такой: «Помилуйте, да это смысла человеческого не имеет», и прочее в том же роде. При первом тоне люди охотно занимаются делом и мало-

по-малу пристращаются к нему; при втором — приступают к делу с опаскою и затаенным отвращением, ибо ожидают каждую минуту, что вот-вот их оборвут. Приучить не бояться ошибки до такой степени важно, что руководящему не мешает иногда самому ошибаться, чтобы его поправили. При умелом применении этот прием сильно затягивает в дело. Но рядом с этим нужно отметить в сознаниях, что эти поправки уместны только при обсуждении, а в поле нет обсуждения, а есть только исполнение: значит там один закон — «Не делай своего — хорошего, а делай мое плохое».

В. Какой силы должны быть отряды?

О. Правый — взвод конницы; левый — пол-эскадрона.

После чего опять разбор.

В. Какой район должен осветить левый, какой правый боковые отряды? На какие места в полосе освещения каждого из трех отрядов должно быть обращено внимание?

О. Правый осматривает все овраги и виноградники по пути, до Гербовецкого оврага включительно; в конце движения — рошу S; головной — те же овраги и виноградники в своем районе движения; левый — Гиску и Суворовское плато.

В. 8 часов 30 минут?

О. Выступает передовой отряд.

В. Сила?

О. Батальон.

В. Если дорога испорчена?

О. Прибавляется рабочая команда.

В. 9 часов?

О. Выступает авангард.

В. В каком порядке?

О. Начинает конница.

В. Все ли снимаются разом?

О. Головной пехотный полк с двумя батареями выступает в 9 ч. 15 м., задний — в 9 ч. 45 м.

В. 9½ часов?

О. Начальник авангарда приказывает начальнику конницы, дойдя до оврага, приостановиться и пропустить пехоту.

В. 10¹/₄ часов?

О. Пишется донесение, что в 10 часов 30 минут авангард дошел до моста в овраге и начал переправу пехоту.

В. 11³/₄ часов?

О. Пишется донесение, что в 11 часов 45 минут (или как выйдет по расчету) хвост перешел мост, и авангард продолжает движение по диспозиции.

В. Нельзя ли как-нибудь облегчить переправу?

О. Пехоту пустить по сторонам моста, артиллерию по мосту.

В. Совершенно верно, и на самом деле так и будем делать, проходя такие маленькие ручьи; но сегодня мы делаем учебное движение и будем считать, что ручей непроходим вброд: как облегчить переправу при этом условии?

О. Дать привал по сую сторону моста задним двум батальонам в каждом полку.

В. Считаю, что на подтяжку хвоста за мостом потребуется ³/₄ часа, движение возобновится в 12¹/₂ часов. Час пополудни?

О. Пехота подходит к последнему оврагу перед Фарладанами; начальник авангарда выдвигает конницу вперед и вправо на высоты и приказывает ей, дойдя до роши S, приостановиться.

В. Не нужно ли отдать какого приказа головного и боковым отрядам?

О. Дойдя до глубокой лошины западнее роши S, приостановиться и ждать приказаний.

В. 1³/₄ ч. — 2³/₄ пополудни?

О. Пехота, пройдя Фарладаны, останавливается на отроге к С.-З. от Фарладан и располагается биваком.

В. Что дальше?

О. Начальнику конницы посылается приказание занять двумя эскадронами сторожевую линию по лошине, на которой стоят передовые отряды, и послать отдельный пикет к Хутору-Мимия; после чего убраться головной и боковые отряды.

В. Не много ли два эскадрона?

О. Придется занять линию верст в 7; по уставу меньше двух эскадронов нельзя назначить.

В. А нет ли тут такого обстоятельства, которое позволяет ограничиться нарядом одного эскадрона?

О. Открытое место, командующий берег лощины, вдоль которого станет сторожевая линия, ясная погода.

В. А не придется ли усилить сторожевое расположение и когда?

О. К ночи лучше усилить.

В. Не нужно ли еще что-нибудь сделать на ночь?

О. Передвинуть цепь вперед в лощину.

В. Но мы сегодня там ночевать не будем?

О. Тогда высылать сторожевой цепи не нужно.

Точно так же проходится работа арьергарда. Рядом вопросов и ответов указывается, что сначала можно занять позицию на отроге к С. от Фарладан по наружному виду, прикрывая правый фланг конницею; следующую, на отроге ББ, занять для упорной обороны; следующую — на отроге АА.

«Нет ли вопросов, гг.? — По местам, и начнем».

После этого начальники идут на свои места и вкратце объясняют людям, что предстоит делать. Затем последовательно обращают их внимание на то, что делается. «Вон, видите, это пошла конная охрана колонны спереди и с боков». «А вот пошел передовой отряд». Солдату тоже нужно знать, насколько далеко впереди колонны идет охранение, дабы воочию убедиться, что, в случае чего, ерзать и суетиться нечего, а нужно всегда и везде делать свое дело спокойно, отчетливо, толково, — и тем спокойнее, чем опасность ближе.

86. Мы настаиваем на необходимости сделать это упражнение именно перед самым исполнением движения или накануне его, дабы все дело, которое, как видно из предыдущего, далеко не так просто, как кажется в теории, закрепить в сознаниях действительным исполнением, пока оно в свежей памяти. В этом отношении на решение задач зимою плоха надежда; как бы не рационально велись эти занятия, в лучшем случае они приводят, пожалуй, и к верным, но схематическим решениям. Для начала знакомства с делом это годится, но для действительного его исполнения с войсками, в поле, даст мало. Да иначе и быть не может; мысль, что работаешь на плане местности, по которой сейчас пойдешь и притом пойдешь не шашкой или карандашом при помощи циркуля, сидя на стуле, а с войсками, — ставит в необходи-

мость подумать о многом таком, что вовсе не нужно, имея дело с планами воображаемой местности и с мнимыми войсками.

Сказанного выше достаточно также для убеждения в том, что походное движение должно быть выделено в особый показ, не осложняя такового никакими маневренными задачами, кроме тех, по возможности простых, предположений, которые необходимы для выяснения различных фазисов самого походного движения. И только после такого показа участники его в состоянии будут ходить походом и на маневрах умело, т. е. не забывая по пути исполнять, что следует, по части приказаний и доносений, да и прочего.

Работа при помощи запечатанных конвертов

87. Как выше сказано, исполнением походного движения авангардом (арьергардом) следует воспользоваться для введения в него тех случайностей, которые возникают при этом на самом деле. Достигнуть этого можно, прибегая к сообщениям, отдаваемым начальнику авангарда в запечатанных конвертах перед выступлением. На конвертах делаются надписи в таком роде: «Распечатать в таком-то часу»; «Распечатать, подойдя к такому-то месту».

Пример. Перед выступлением дается:

1) Начальнику передового отряда конверт с надписью: «Распечатать, подойдя к мосту в первом овраге».

2) Начальнику авангарда с такой надписью: «Распечатать в 9^{1/2} часов» (предполагается, что он идет в голове конницы).

В конверте первого заключается такое содержание: «Мост разрушен; на поправку потребуется два часа, 50 топоров и столько же лопат сверх того, что у вас есть. — Распоряжение?» Начальник передового отряда пишет: «9 часов 30 минут пополуночи. Начальнику авангарда. Мост разрушен; починка требует два часа времени. Необходимо 50 топоров, 50 лопат. Такой-то».

Начальник авангарда находит в своем конверте следующее: «Нач. передов. отряда доносит, что мост разру-

шен. — Распоряжения?» Пишет: 9 ч. 45 м. пополуночи. Начальнику NN отряда. Мост через такой-то овраг разрушен. Задержка два часа. Приступил к исправлению. Такой-то».

В том же роде делаются сообщения, предполагая появление противника, занятие им позиции по пути движения, появление на одной из боковых дорог и т. п.

Подобное упражнение совершенно достаточно делать в два, три года раз, если, конечно, и на маневрах следить за постоянным и точным соблюдением того, что указано.

б) Походное движение в нескольких колоннах¹

88. Предварительный показ по карте и самое движение должны иметь целью: 1) *утверждение в сознании офицеров всех степеней громадной важности донесений во время перехода о положении колонн*; 2) ознакомление последних с приемом движения на выстрелы.

«Вам, гг., известны меры, принимаемые для того, чтобы при наступательном движении головы колонн, а при отступательном хвосты шли на одной высоте. Г. штабс-капитан NN! Потрудитесь перечислить эти меры вкратце (часы выступления, привалы). Но на деле этих мер не всегда бывает достаточно, ибо в исполнение марша вторгаются различные случайности, которые иногда сильно уменьшают их действительность: сломанный мост, размякшая от дождя дорога, особенно при черноземном или глинистом грунте, и т. п. могут вам сделать разницу против первоначального расчета на целые часы. И потому начальники колонн должны быть постоянно озабочены мыслью о том, чтобы держать начальника всего отряда в известности, где их колонны в данную минуту находятся. Только при соблюдении этой обязанности отряд, как бы он ни раскинулся, не перестает быть одним существом, а начальник его получает возможность решать без затруднения, и возможно лучшим образом, все вопросы, возникающие в случае встречи с противником, в каком бы направлении он ни появился.

¹ За несколько дней до этого упражнения не мешает назначить нескольким младшим офицерам прочесть в курсе тактики или справочной книжке о порядке движения больших свд.

«Достигается это посылкою начальнику отряда донесений: о времени выступления с ночлега и прихода на следующий; о времени остановки на большой привал и об окончании его; о времени похода колонн к разным местным рубежам или предметам; о случайностях, задерживающих движение, в том числе и о встрече с противником.

«Предполагая последнюю случайность, прошу, гг., помнить прием *«итти на выстрелы»*. Соблюдение этого совета обязательно для всякого начальника колонны, не имеющей какого-либо специального назначения; но обязательно с толком и с разумением. Положим, что отряд идет в трех колоннах и что в левой загорелся бой: может ли нет средняя колонна сразу итти на выстрелы? Нет, ибо, соединившись с левой, она оторвется от правой и может подвергнуть ее отдельному поражению. Следовательно, средняя колонна может итти на выстрелы к левой только при том условии, когда правая колонна или может быть предоставлена собственным силам, или же находится от средней на расстоянии возможной поддержки.

«Имея даже искреннее желание итти на выручку, не следует менять направления слишком поспешно; иначе может случиться, что колонна будет сворачивать с дороги из-за всякой пустой перестрелки в авангарде, а так можно вконец изморить людей. Но, положим, по направлению, откуда доносится гул канонады, начальник колонны выводит заключение, что опасность грозит нашему флангу; тут нечего колебаться, и чем скорее решаться идти на выстрелы, тем лучше.

«Это прямо указывает на необходимость не только начальнику отряда, но и начальникам колонн обеспечить себе возможность судить о положении соседних колонн; лучшее для этого средство — держать при них своих ординарцев, которые и доносят своему начальнику о важных случайностях, возникающих у соседей».

«Во всяком случае, сворачивая с дороги, указанной диспозицией, нужно сделать что?» — Ответ кого-либо из присутствующих: «Донести об этом немедленно начальнику отряда».

Затем исполнение движения по карте, требуя решений от батальонных и ротных командиров.

«У нас есть: дивизия пехоты, дивизия конницы, бригада пешей, две батареи конной артиллерии. Им назначено

произвести наступательное движение за Фарладаны, к хуторам ММ, предполагая противника на переходе к западу от них. Считаю, что авангард выслан от других войск, наш отряд представляет главные силы и пойдет тремя колоннами:

1) Правая (см. план, дорога e.e.) N пехотный полк, N драгунский полк, N и N батареи пешей бригады — 4 бат., 6 эск., 8 пеш. ор.) выступит в 8 час. утра и двинется на Протягайловку, Гербовец, через рошу S, к хутору М; привал — пройдя Гербовицы, до 2-х часов пополудни.

2) Средняя (дорога f.f.) (N пехотный полк, N драгунский полк, N батарея пешей бригады — 4 б., 2 эск., 4 пеш. ор.) выступит в 8¹/₂ часов утра и двинется через Гиски, Фарладаны к тому же хутору; привал, пройдя Фарладаны, до 2-х часов пополудни.

3) Левая (дорога g.g.) (NN пехотные полки, NN драгунские, остальные три пеших и две конные батареи — 8 бат., 16 эск., 12 пеш., 12 к. ор.) выступит в 8 часов утра по Каушанской дороге, у Суворовского кургана свернет направо по проселочной дороге через рошу Т к хутору М. Привал у роши Т до 2-х часов пополудни.

Этот фронт, конечно, широк для отряда такой силы (8 верст с лишком); на самом деле мы бы его пустили в двух колоннах: на Фарладаны и по Суворовской горе; но мы делаем учебное движение и главное наше дело — доставить большому числу офицеров практику в приемах соблюдения связи на походе. — Читайте, гг., что меня здесь нет, и что нужно писать, пишите.

В. 7¹/₂ часов?

О. (изустный). Вызываются головные конные отряды по дорогам колонн, правый боковой (1¹/₂ эскадрона) по Кишиневской дороге через Борисовку, а на высоте Гербовцев сворачивает на запад, к хутору М. Левый боковой (1¹/₂ эскадрона) — по Каушанской дороге, а потом вправо на хутор Мимия.

В. 8 часов?

О. (письменный). «Лагерь под Бендерами. Начальнику отряда. 8 часов пополуночи. Правая колонна выступила по назначению. Начальник колонны N.»

То же самое и левая.

В. 8¹/₂ часов?

О. Письменное донесение начальника средней колонны о выступлении.

В. $8\frac{3}{4}$ часов?

О. «Протягайловка. 8 ч. 45 м. пополуночи. Начальнику отряда. Голова правой колонны вступила в Протягайловку. Начальник колонны N.»

В том же роде из правой — о достижении Суворовского кургана.

В. 9 часов?

О. (изустный). В правой и левой колоннах первый малый привал.

О. (письменный). «Гиска. 9 ч. пополуночи. Начальнику отряда. Голова средней колонны вступает в Гиску. Подпись».

В. $9\frac{1}{2}$ часов?

О. (изустный). В средней колонне первый малый привал.

В. $9\frac{3}{4}$ часов?

О. (письменный). «Протягайловка. 9 ч. 45 м. пополуночи. Начальнику отряда. Голова правой колонны выходит из Протягайловки. Начальник колонны N.»

В. $10\frac{1}{4}$ часов?

О. (письменный). «Гиска, 10 ч. 15 м. пополуночи. Начальнику отряда. Голова средней колонны выходит из Гиски. Начальник колонны N.»

О. (изустный). В правой и левой колоннах второй малый привал.

В. $10\frac{1}{2}$ часов?

О. Письменное донесение начальника правой колонны, что он спустился в Гербовецкий овраг и подходит к Гербовцам.

В. $10\frac{1}{2}$ часов?

О. Письменное донесение начальника левой колонны, что он подошел к роше Т и остановился на большом привале.

Словесное объяснение начальника средней колонны, что хотя по времени он должен бы был сделать второй малый привал, но так как до места большого привала остается не больше версты, то он идет безостановочно.

В. 11 часов?

О. Письменные донесения начальников средней и правой колонн, что они остановились на большой привал.

В. 2 часа?

О. Письменные донесения всех начальников колонн о том, что снялись с привала.

В. 3 часа?

О. (изустный). Во всех колоннах малый привал.

В. 3½ часов?

О. (письменный). Донесения всех колонных начальников о прибытии к пунктам назначения.

«Понимается, гг., само собою, что на самом деле многих из этих донесений не пришлось бы писать; зачем, например, едва выступив, доносить, что входим в Протягайловку, Гиску, дошли до кургана? Но навык ни на минуту не забывать этой обязанности до такой степени важен, что сегодня прошу сделать и на марше, как делали по карте; кроме, разумеется, донесений о малых привалах».

89. «Движение на выстрелы проделаем при помощи запечатанных конвертов. Если в конверте найдется требование «решения», тогда доносите и исполняйте; если же «решение без исполнения», тогда доносите, что вы сделали бы, но исполняйте по диспозиции. Задачи, гг., вам известны; они все будут вытекать из того же вопроса: «Что я сделаю, если противник появится с фронта, слева, справа, с тыла?»

«Нет ли вопросов, гг.? — По местам, и объясните людям, насколько им знать нужно, что будем делать».

Затем исполняется предположенный марш на самом деле. Здесь не оговорено об обозах и арьергардах; но упражнение с обозами, разумеется, лучше, нежели без них. Здесь они выпущены просто потому, чтобы не утомлять внимания длинными разъяснениями.

ОДНОСТОРОННИЕ МАНЕВРЫ

90. Односторонние маневры должны иметь целью систематический показ *в поле* отдела тактики об атаке и обороне местных предметов и позиций, составляемых какою-либо их совокупностью, — насколько окрестности лагеря то позволяют.

91. На односторонних маневрах следует стремиться

к укоренению следующих навыков в войсках и начальниках:

1) внимательной оценки позиции (решая задачу за неприятеля);

2) отчета, на основании такой оценки, какие пункты позиции должны быть заняты слабее, какие сильнее; а при наступлении — на какой пункт выгоднее ударить;

3) постоянной заботы о том, чтобы в отряде каждый до последнего солдата знал, что предположено сделать, насколько кому по его положению знать нужно;

4) постоянного внимания к ясному и точному распределению ролей между частями;

5) постоянной заботы о наблюдении за флангами.

92. На этом основании предположение должно быть просто; оно постоянно ограничивается одной темой — атаки, или обороны с переходом в наступление; разнообразие, забота о котором влечет некоторых к сложным предположениям, выразится разнообразием распоряжений в зависимости от мест и силы отрядов. Самое простое предположение будет в исполнении «разнообразно и поучительно», если при осуществлении его будет обращено внимание на принятие войскам только что перечисленных навыков.

Такого отношения к предположениям требует не только польза войск, но и умственная гигиена начальников. У кого ум взял навык в мирное время считать сложные и хитрые комбинации за лучшие, тот и на войне невольно будет предпочитать их простым. Склад ума весьма опасный, ибо на войне и в бою все делается просто, и сложные предположения обыкновенно приводят к неудаче. Да оно иначе и быть не может, ибо чем предположение сложнее, тем более вероятности, что оно кем-либо в отряде будет ошибочно понято; следовательно, в мысли начальника — единственном духовном токе, связующем отряд в одно существо, — образуется перерыв, т. е. единодушие в действии — главнейший залог успеха — исчезает. При этом исполнение сложного плана в деле всегда подвержено большим случайностям уже по тому самому, что он сложен. Наконец, влечение к сложным планам обнаруживает логическое извращение взгляда на дело, заключающееся в том, что ожидают успеха от сложной комбинации в деле, в котором он за-

висит исключительно и всецело от двух условий; готовности войск жертвовать собою и ясного представления в них о том, чего хочет начальник.

93. *Живой чертеж.* Тем не менее, даже и ограничивая предположение самую простую задачу, объяснение его в мирное время выйдет довольно сложно, ибо начальник должен выразить не только основную цель маневра, но, сверх того, и сделать предположение о противодействии, которое противник может оказать ее достижению. Для объяснения всего этого мало рассказа, а необходимо прибегнуть еще и к показу, который можно назвать живым чертежом. Заключается он в том, что предварительно маневра, в тот же день или накануне, собираются командиры, до батарейных, эскадронных и ротных включительно, с фельдфебелями и взводными унтер-офицерами, эскадронными и взводными вахмистрами и с орудийными фейерверкерами, и им показывается и объясняется маневр на небольшом пространстве. Таким образом, при исполнении маневра с войсками, в самой мелкой части, сверх начальника, будет не меньше пяти человек, которые уже знают, в чем дело. При этом трудно предположить, чтобы мог возникнуть в течение упражнения тот опасный и нежелательный перерыв в мысли начальника, о котором упомянуто выше, — особенно если во время показа подстерегать малейшие признаки непонимания, немедленно (но мягко) выводить их на чистую воду и тотчас же разъяснять. Да вдобавок самый сложный маневр объясняется в полчаса, много в час времени благодаря живому чертежу.

Этот прием в особенности хорош для дивизии, где частей так много, что объяснение без показа легче может дать повод к какому-либо недоразумению.

Само собою разумеется, что в частях, где командиры взяли уже навык быть внимательными к объяснениям, можно и обходиться без этого приема.

94. Пример: командир полка предположил показать расположение для обороны на высоте, избрав для этого южную оконечность отрога АА (см. план). «Мы должны прикрыть Фарладаны от противника, наступающего из лагеря, для чего я предположил оборонять эту высоту. Противник может атаковать или левый наш фланг, или правый, или прямо пойдет на фронт. Но вправо идти

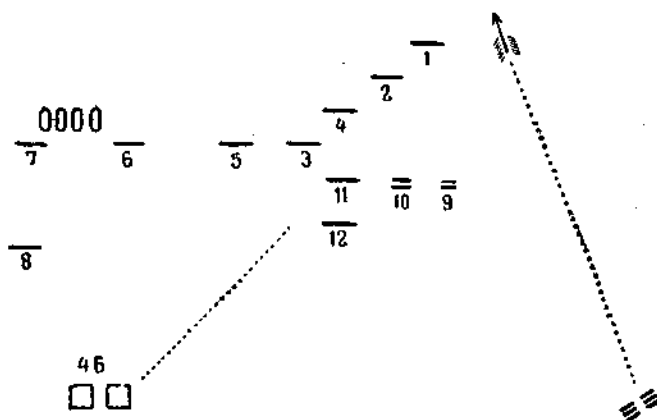
ему неудобно под нашими выстрелами; а если бы и пошел, тогда передвинем наш боевой порядок влево; если бы он пошел влево, т. е. на Гиску, тогда продолжим правый фланг боевого порядка и встретим его также фронтально. И потому останавливаюсь на предположении, что он пойдет на нас прямо с фронта.

«На этом основании расположимся так: 1-й батальон займет правую половину виноградников; сила занятия — 800 шагов; 2-й батальон с батареею расположится левее его; сила занятия, считая с батареею, — 700 шагов; назначение обоих — активная оборона. 3-й и 4-й батальоны назначаются в резерв за середину расположения. Конница обеспечит наш правый фланг. От нее же выслать по взводу для наблюдения за флангами: левому взводу в особенности смотреть за оврагом, по которому расположена дер. Протягайловка; правому — осматривать д. Гиску и держать постоянный разъезд на той горе (указывает на обрывистую гору южнее Гиски), к стороне кургана Суворова.

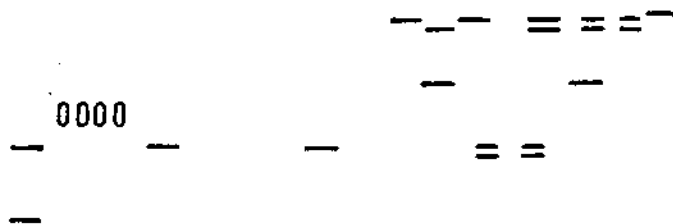
«Нет ли вопросов, гг.?» Один из батальонных командиров: «А если он пойдет по Суворовской горе?» — Командир полка: «То есть откажется от своего пути отступления? Он должен прикрывать лагерь точно так же, как мы Фарладаны. У него ведь не целая армия, а отряд приблизительно такой же силы, как и наш. Но если бы даже и так, тогда нам пришлось бы совсем переменить позицию, т. е. перейти вправо, на Суворовскую гору; и вместо маневра вышла бы бесплодная беготня. При учебных упражнениях, гг., необходимо ограничивать задачу, если хотеть, чтобы каждое из них что-нибудь приносило и нам, и людям. И потому, гг., предостерегаю на маневрах от дальних обходов: кто умеет брать с фронта, не затруднится брать с фланга, чего наоборот сказать нельзя».

«Ход маневра предполагаю такой: когда линия жалонеров, обозначающая противника, подойдет к высоте примерно на версту, конница атакует его левый фланг, чтобы задержать его под нашим огнем, и затем уйдет на свое место. Когда он дойдет до места расположения нашей цепи, передовая линия с батальонными резервами, в нее вдвинутыми, встретит его залпами и бросится в штыки. Затем, считая его опрокинутым, но способным возобновить атаку, все возвратятся на прежнюю пози-

командир полка поддерживает одним батальоном свой правый фланг; боевой порядок примет такой вид:

Наконец перед последней атакой боевой порядок примет такой вид:

95. По исполнении оборонительного маневра сбор начальников, разбор исполненного. Затем приказание для преследования, положим, такие:

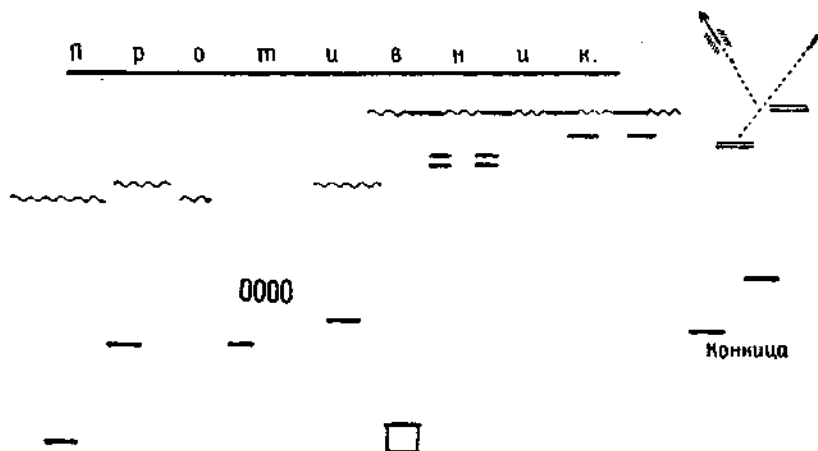
«Преследование начнет передовая линия и конница; считайте, что оно есть продолжение последней атаки. Затем, когда конница атакует, 1-му батальону пропустить вперед 3-й и 4-й, из них 3-й назначается в передо-

вую линию, четвертый к нему в резерв; 1-й поступает в общий резерв, но назад не уходит, а ждет на месте, пока боевая линия не отойдет. Левый фланг боевого порядка, уступом назад, составит 2-й батальон с батареею, которой выноситься вперед свободнее: при преследовании артиллерии иногда можно обходиться и без ближайшего видимого прикрытия, ибо у нее есть прикрытие нравственное — удача дела».

«Ход преследования будет такой: снова ударю атаку. После ура дам наступление — пехота переходит в шаг и на ходу приводится в порядок. Атака конницы; 3-й и 4-й батальоны проходят 1-й насквозь и на ходу принимают указанный боевой порядок. Затем, при дальнейшем преследовании, предположу, что неприятель сменил расстроенные части свежими, и снова атакуем его пехотою, а потом конницею. Боковым наблюдательным отрядам послать приказание, чтобы при нашем движении вперед они подавались вперед, держась на высоте флангов боевого порядка».

«Нет ли недоразумений, гг.? — По местам, и растолкуйте людям; а затем начнем».

Боевой порядок в момент второй атаки (т. е. на равнине, на пути к лагерю) примет вид в роде следующего:

96. Наступательный маневр от лагеря, с целью показать атаку той же самой высоты.

Офицерам объявляется следующее: «При атаке высот наступление происходит обыкновенным порядком, с постоянной заботой о возможном уменьшении потерь. Существенная разница атаки высот с атакою какого-либо предмета на ровной местности будет заключаться в том, что прицельная артиллерия не может сопровождать наступление пехоты до близких, последних перед атакою, позиций, ибо чем ближе она подойдет к высоте, тем более обнаружится влияние разницы командования и тем менее она будет в состоянии обстреливать высоту. При этой операции артиллеристы должны обращать особенное внимание на то, не находится ли перед атакуемою высотой холмов, расположение на коих могло бы способствовать уменьшению разницы командования; подобные холмы и представят, в разбираемом случае, окончательные артиллерийские позиции. Решая задачу за противника, я полагаю, что он займет виноградники и пространство влево от них, и потому решаю направить удар своим левым на его правый фланг. Боевому порядку я дам тот же вид, что и при обороне, т. е. сделаю его весьма глубоким в точке удара, на левом фланге, и тонким на остальном его протяжении. Но такой вид мы ему дадим только перед атакою; а до того будем вести резерв за серединою, чтобы не открывать заранее противнику наших намерений.

«На этом основании 3-й и 4-й батальоны назначаются в боевую линию; сила занятия — по 600 шагов на батальон; батарея между батальонами; 1-й и 2-й батальоны в резерв; конница назначается для прикрытия правого фланга. На нее же возлагается наблюдение за флангами; правому боковому отряду осмотреть Протягайловку; левому — Гиску. Сверх того, командиру 1-го батальона отрядить $\frac{1}{2}$ роты в Гискинские сады, отдав приказание командиру ее держаться на высоте левого фланга нашего расположения и обеспечивать его огнем от покушений противника». Ход маневра понятен.

97. Варианты наступательного и оборонительного маневров на том же месте: предполагая, что противник распространяется влево по Гиске, продолжим боевой порядок вправо, с частною переменою фронта направо,

передвинем сюда батарею или часть ее и вышлем передовую цепь в Гиску, насколько можно вперед. Предполагая движение наступающего вдоль Протягайловки, передвинем боевой порядок влево и т. п. Для показа случаев употребления передовых цепей можно также главную позицию занять на южной части отрога ББ, а отрог АА предоставить передовой цепи.

98. Бригадные и дивизионные маневры на том же месте можно делать по этим же предположениям; разница будет только в большей длине позиции, в большем числе вероятных точек удара и соответственно этому — в большем разнообразии форм боевого порядка. Распоряжения бригадного командира и дивизионного начальника по духу будут те же, что в изложенных примерах полкового. Разница будет в том только, что полковой работает батальонами; командиры бригад — полками; начальники дивизий — иногда полками, иногда бригадами.

99. На первых порах бригадные и дивизионные могут объявлять предположения всем офицерам; но впоследствии следует объявлять их только полковым командирам, которые, в свою очередь, объясняют их своим батальонным и ротным¹ и наблюдают, чтобы последние объясняли людям. Такой порядок передачи предположений в войска предпочтительнее, как потому, что более отвечает требованиям субординации, так и потому, что дает начальникам всех степеней практику в объяснении предположений: обстоятельство первостепенной важности для всякого признающего ту простую вещь, что исполнить хорошо можно только то, что хорошо понял. Если это верно, то верно также и то, что всякий начальник должен уметь дать себя понять; должен и подчиненного приготовить так, чтобы он был способен понять объясняемое; а для того и другого нужна практика.

¹ Строго говоря, еще правильнее было бы и полковому командиру объяснять предположение только батальонным, предоставляя сим последним объяснять его своим ротным командирам и прочим офицерам. Но в отряде, сколько-нибудь значительном, соблюдение такой последовательности было бы сопряжено с значительной потерей времени на объяснение предположения.

ДВУХСТОРОННИЕ МАНЕВРЫ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

100 На двухсторонних маневрах решают те же задачи атаки и обороны, но уже против видимого противника.

101. Двухсторонние маневры должны иметь целью *привитие войскам здоровых военных и боевых навыков, а не воспроизведение военных картин*; и потому приговоры о том, кто победил, кто побежден, не должны иметь на них места. Где нет борьбы, там не может быть и победы.

102. К тем навыкам, привитие которых достигается односторонними маневрами, здесь присоединяются:

- 1) управление тремя родами оружия;
- 2) исполнение движений с военными предосторожностями в виду определенной тактической цели;
- 3) практика в сторожевой и разведывательной службе;
- 4) постоянное внимание к определению сил противника и формы их расположения;
- 5) сосредоточение сил к точке удара, в зависимости от мер, принимаемых видимым противником, а не в исполнение предположения, делаемого начальником о действиях противника воображаемого;
- 6) исполнение охватов и противодействие им;
- 7) сквозные атаки, как единственно действительный прием приготовления к настоящей атаке.

103. Двухсторонние маневры производятся отрядами, состоящими из трех родов оружия, начиная с таких отрядов, которыми, в служебном порядке, могли бы командовать баталионные командиры и соответствующие им по чину и месту штаб-офицеры конницы и артиллерии.

Маневры этой степени составляют первый и самый существенный шаг в навыке управления тремя родами оружия: баталионному и соответствующим командирам учиться этому делу не поздно и удобно; нельзя того же сказать о командирах высших степеней; ибо поздно учиться, когда нужно учить других.

104. Полезно, если все помянутые штаб-офицеры прокомандуют в течение каждого лагерного сбора хотя один раз обороною и один раз наступлением.

105. За баталионными маневрами следуют полковые, бригадные и далее, смотря по величине лагерного сбора. При недостатке времени лучше сокращать число этих маневров, нежели баталионных.

106. Войска, в состав отряда входящие, собираются сначала на сборный пункт и уже оттуда распределяются по указанию начальника отряда.

107. На сборных пунктах строиться в таком порядке: пехота, за нею артиллерия, за нею конница; если в глубину нет места, тогда в линию.

108. Начальник отряда прежде всего объезжает свой отряд, принимает от частей оного установленные почести и со всеми здоровается, дабы всякий видел, кто командир, и затем уже собирает частных начальников для отдачи приказаний. Отдачу приказаний начинать с сообщения пароля (см. п. 128); затем объяснить цель и план маневра, не вдаваясь в подробности.

109. Начальнику не забывать брать к себе ординарцев от частей отряда, дабы в продолжение маневра возможно менее переменять свое место в отряде: это одно из основных условий поддержания связи в отряде. В случае необходимости переменить место на значительное расстояние, — оставлять на старом месте одного конного ординарца, который указывал бы, в каком направлении начальник уехал.

110. Постоянно помнить и соблюдать, что, отдав ординарцу приказание, следует требовать его повторения; требовать того же вторично по возвращении посланного. Письменные приказания (а для подчиненных донесения) предпочитать словесным. Отдачи приказаний не в порядке постепенности избегать.

111. При сквозной атаке на артиллерию (если случится при баталионных маневрах) пехоте отнюдь не бросаться на орудия и не хвататься за них, но быстро пробегать насквозь и останавливаться в порядке за зарядными ящиками. Артиллерии прекращать заблаговременно стрельбу.

112. Баталионные маневры заканчивать все сквозными атаками пехоты на пехоту. Коннице же останавливаться шагов за 300 до атакующей части.

113. По сигналу «все стой» (в коннице «слушай» и «стой») все должны останавливаться на том самом месте и в том положении, в котором этот сигнал кого застанет. По сигналу общий отбой, сверх того, люди составляют ружья и снимают ранцы, а в коннице и артиллерии слезают с коней.

114. После общего отбоя начальники по сигналу собираются для обсуждения маневра, а затем разъезжаются и ставят оба отряда для сквозных атак конницы на пехоту и обратно, в следующем порядке; одну или несколько линий составляет пехота обоих отрядов¹; против них эскадроны разомкнуто шага на два дистанции между рядами. Самую атаку делать, как известно, т. е. сначала пехота подходит, с песнями и барабанным боем, к конному строю и пехотинцы оглаживают коней; затем отступают шага на два и делают, по команде, разные приемы, сначала без барабанного боя, а потом с ним. Затем, по команде же, пехота проходит конный строй насквозь шагом, но крича как можно громче: «Здравствуйте, товарищи». Пройдя шагов 50, пехота останавливается, поворачивает кругом и повторяет прохождение насквозь, тоже с криком и притом бегом.

Пройдя от конного строя около 300 шагов, пехота останавливается, поворачивается лицом к коннице, после чего пехота становится на пять шагов интервала ряд от ряда. Затем конница идет насквозь в одну сторону, шагом; после поворота кругом, другой раз — рысью; после нового поворота кругом — третий раз, галопом.

По приближении конницы шагов на 100 пехота дает залп. Ближе стрелять воспрещается.

115. Артиллерии и пехоте зря не стрелять; заряды и патроны беречь. Думать о дистанции, не забывать прицела. Пехоте крепко помнить, что раньше 300—400 шагов залпами стрелять — на ветер пули пускать; разве при преследовании, тогда можно в догонку и до 500, 600 шагов. Ни один солдат ни разу не должен выстрелить, не сообразив расстояния, не поставивши прицела и не прицелившись действительно в избранного человека или часть.

116. На маневрах сигнал «атака» принимать не как приказание, а как разрешение, т. е. если дана атака, а часть до противника не дошла, то она только наступает, а бой к атаке подает сам начальник части на должной дистанции.

Коннице при боевых расположениях ни на одной линии с пехотой или артиллерией, ни тем более впереди их не становиться. Конница есть войско движения и мгновения: следовательно, подставляться под выстрелы,

¹ По такому расчету, чтобы протяжение фронта каждой пехотной линии равнялось протяжению фронта эскадрона.

стоя без действия, не имеет смысла. Только при атаках конница может прийти на одной линии с другими родами оружия или даже впереди их; но раз атака окончена — или преследовать, или уходить назад.

Полагается правилом: коннице стоять не ближе 600 шагов назад от артиллерийской или пехотной линии; а если место открытое, то и далее.

117. Начальникам отрядов обращать внимание, как при обороне, так и при атаке, на оценку позиции и с этим соотносить свои расположения, т. е. чтобы они не были равносильны по всему протяжению; а, напротив, были бы усиливаемы на важных пунктах — при обороне; против важных пунктов — при атаке.

118. Никогда не забывать наблюдения за флангами. Части, для этого назначенные, во все время маневра, до отбоя, остаются на высоте боевого порядка или несколько уступом назад и должны внимательнее следить, с помощью разъездов (или же постов, соответственно поставленных), не делает ли неприятель обхода. И если делает, то возможно скорее и определительнее доносить начальнику отряда — по какому направлению и в каких силах.

119. Если маневрирует батальон, то полезно знать, что делается в стороны не менее как на версту: а если полк, то и на две: тогда сюрпризов не будет.

Обходов не бояться: это скверно, да и смысла не имеет; ибо не обход страшен, а неожиданность, против которой должно быть: в 1-х, наблюдение за флангами, во 2-х со стороны начальников — счет наличных частей противника¹.

120. Никуда не торопиться и никуда не опаздывать — способность великая и в особенности великая в людях, от которых, как от воинских начальников, зависит благосостояние тысяч людей. Кто опаздывает — заставляет даром ждать других; кто приходит рано — своих людей даром утомляет; и потому для воинских начальников это даже не способность, а служебный долг, который можно выполнить удовлетворительно, только приучив себя во всем и всегда быть точным чуть не до минуты. В этом залог сбережения людей, которых изводит не работа, а бестол-

¹ Случалось иногда, что опасались обхода, когда весь отряд противника виден был весь как на ладони.

ковое ожидание без дела до работы и замедление роспуска, под пустыми предложениями, по окончании работы.

Гг. посредники приглашаются выезжать к сборным пунктам за полчаса до срока, назначенного для сбора, и записывать, кто в какой час и минуту привел туда свою часть. Начальники частей приглашаются идти к сборным пунктам без сноровок, т. е. не замедляя движения, если окажется, что приход будет ранее, чем следует, и отнюдь не ускоряя его, если случится опоздать. Лучше один раз ошибиться на несколько минут, дабы себя поверить и выработать на будущее время, вернее расчет времени. План дает возможность к совершенно точному расчету расстояния, а для расчета времени принять, что пехота ходит 4 версты в час, конница переменным аллюром — около 7 верст в час, артиллерия — как пехота или конница.

121. Не ждать также какой-либо общей команды для таких вещей, как, например, составить ружья, снять ранцы, слезать с коней и тому подобное. Каждый начальник части, приведя ее на сборный пункт, должен возможно скорее ее поставить и тотчас сделать распоряжение для отдыха. Для отдания почестей начальнику отряда и старшим начальникам приказывать: в пехоте — встать, в коннице и артиллерии — к коням; командиры — на соответствующих флангах.

122. Советуется начальникам первоначально соображать маневр по плану. Уже по плану нужно решить следующие вопросы: а) Если нужно обороняться, как бы неприятель наступал, и затем, как нужно расположиться для обороны, т. е. где слабее, где сильнее, как учредить наблюдение за флангами и т. д. Затем решить также вопросы: если он атакует мой правый фланг, что сделаю? Если левый, — что сделаю? (а в больших расположениях также и центр). Если попробует обойти справа, — что сделаю? если слева, — что сделаю? если появится в тылу, — что сделаю? б) Если нужно наступать (что всегда начинается с походного движения), то нужно решить сначала, где по всей вероятности неприятель расположится для обороны. Затем в каком порядке наступать, т. е. какой силы и насколько вперед авангард выслать? на сколько раскинуть освещение вправо и влево (следовательно, какой фланг способствует скрытному расположению неприятеля для засады)? Если неприятель во

время похода атакует с фронта, справа, слева, с тыла, — что сделаю? Затем, подступая к позиции, которую неприятель занял в действительности, — как бы я занял эту позицию для обороны? Сообразно этому, в какой пункт позиции выгоднее бить и, следовательно, какой боевой порядок принять для атаки? Где и как учредить наблюдение за флангами во время боя? Если неприятель перейдет в наступление против моего правого, левого фланга (в больших расположениях и против центра), — что сделаю? Если появится в тылу, что сделаю? Решив эти вопросы по плану, уже легко будет сделать те относительно небольшие изменения в решениях, которых требует осмотр местности. В решении вопросов за неприятеля никогда не считать его хуже себя, ибо тогда все ошибки его будут в вашу пользу.

123. Письменные ответы на эти вопросы должны быть представлены посреднику перед началом маневра; посредник передает их после маневра главному руководителю, со своими замечаниями. Для облегчения начальников сторон полезно заготавливать листки с вопросами и с местом против них для изложения решения.

124. Наступающему, соображаясь с местом, по которому ему предстоит производить движение, отдавать себе отчет, какой род войска следует пускать вперед.

125. Начальник должен всегда знать, через кого именно получил он известное приказание; отговорка незнанием в извинение не приемлется. Для полного в этом утверждения главному руководителю не мешает посылать иногда фальшивых ординарцев и с дикими, но имеющими вид вероятия, сообщениями.

126. Начальникам отрядов, перед маневром, озаботиться, чтобы всем подчиненным начальникам были известны в лицо те ординарцы, через которых он будет посылать настоящие словесные приказания.

127. Для удостоверения в том, действительный ли ординарец привез приказание или фальшивый, — начальник, при котором состоит ординарец, должен давать ему какой-нибудь знак, как, например, свою карточку, и предварять о знаке подчиненных начальников, которые должны требовать его показа. Само собою разумеется, что лица, специально назначенные для передачи приказаний, как, например, адъютанты штабов и бригадных управлений (каждый относительно своего начальника и

относительно подчиненных этому начальнику частей), в таких знаках не нуждаются.

128. В день маневра, перед выступлением из лагеря, руководителю сообщать пароль, отзыв и пропуск маневрирующих отрядов для сообщения лицам, которым понадобится проезжать сквозь цепи противных сторон.

129. Часовые в сторожевой цепи обязаны останавливать каждого подходящего к цепи и не пропускать, *не взирая ни на какие представления и никого*, пока пропуска не скажет. Это не распространяется на посторонних, едущих по дорогам, а относится только до военных.

Но для практики внимания можно требовать, чтобы запоминали, кто прошел или проехал, в какое время и в каком направлении, в каком экипаже, на скольких лошадях, какой масти, кто сидел и т. п.

130. Отдавая приказания разъездам и наблюдательным отрядам, всегда стараться указывать им направление точнее и обозначать местные предметы, до которых они должны доходить или на которых должны находиться, не ограничиваясь одним лишь указанием расстояния. Т. е. не говорить так: «Осмотреть на столько-то верст вправо и влево», но «до такой-то горы, дороги, реки, оврага и т. п.».

131. Во время маневра обращать особенное внимание на то, чтобы начальники всех степеней отдавали себе отчет в силах противника и в форме его боевого порядка. В первый период наступления, когда на позиции собственно нечего делать, начальники, соответственными вопросами, обращаемыми к офицерам, имеют полную возможность утвердить их в навыке постоянно думать о том, что перед ними. В особенности следить за тем, в каких местах замечается скопление частей у противника. То же самое, в мере возможности, делается и у наступающего. Конечно, в оборонительном расположении редко можно многое заметить; но нужно хоть на то обращать внимание, чего обороняющийся спрятать не может, как протяжение его цепи и места расположения артиллерии, выдвинутой на позицию. По этим признакам, зная план позиции, можно составить приблизительное заключение о всем боевом порядке.

132. Может показаться, что так как силы сторон взаимно известны, то и надобности определять их нет; но это не резон, чтобы не давать себе в них отчета, на-

против: ведь учиться только и можно на известном; ибо при обучении дело не в том, сколько у противника и каких частей, но именно в том, какое впечатление это число частей производит на глаз, т. е. какое они протяжение занимают и в каком порядке стоят или двигаются. Кто даст себе труд задержать это впечатление, тот будет в состоянии решать и обратную задачу, как она представляется в бою, т. е. по внешнему виду определять приблизительно силы противника; а по группировке их — его намерения.

Последняя данная, — т. е. группировка сил, — даже и при точном знании общего числа их, является неизвестною, которую можно найти и выяснить только при большом к этому внимании и навыке глаза, а такой навык не дается иначе, как путем постоянной и настойчивой практики.

БАТАЛИОННЫЕ МАНЕВРЫ

133. Предположения обеих сторон и состав отрядов объявляются за неделю и даже ранее, дабы начальники сторон со своими офицерами могли осмотреть место и, не торопясь, обдумать все распоряжения. Вместе с тем начальникам выдаются листки.

Сила и состав отрядов одни и те же у обеих сторон; баталион по военному составу, эскадрон или дивизион, два или четыре пеших орудия.

Оставлять на первых порах стороны в неизвестности насчет их задач и мест расположения не следует потому, что нужно начинать с простейшего, как и во всяком обучении, и постепенно переходить к более сложному. На этом основании вводить условия неизвестности о намерениях противника и о месте его расположения можно только начиная с полковых маневров, да и то не сразу.

Разнообразить силу и состав отрядов, маневрирующих друг против друга, нет надобности, если смотреть на маневр как на учебное упражнение, а не как на игру в победители и побежденные. При первом отношении к маневру давать наступающему перевес в силах (как обыкновенно делается) даже вредно, ибо ведет к дурной привычке мысли, будто наступать иначе, как с превосходными силами, нельзя. При втором взгляде такой перевес нужен для того, чтобы маневр получал так называемый

«более естественный» исход при определении, кого считать победителем и кого побежденным: забота, очевидно, праздная и более всего отвлекающая от учебных целей.

Пример предположения (см. план)

Обороняющийся:

Цель — прикрыть Фарладаны от наступающего со стороны лагеря.

Сборный пункт — на Протягайловской высоте (АА), у прямой дороги из Протягайловки в Фарладаны.

Состав отряда — батальон NN пехотного полка дивизион NN драгунского полка, N-N — батарея (1 б., 2 э., 4 ор.).

Начальник отряда — подполковник А.

Быть на месте к 7-ми, начало маневра в 8 часов утра.

Примечание. Назначение начальников сторон лучше соображать так, чтобы в состав их отрядов не входили части, постоянно ими командуемые.

Время от 7 до 8 часов употребляется на объяснение распоряжений, высылку обороняющимся сторожевой цепи, поверку посредниками и главным руководителем знания постами своего дела.

Затем начинается маневр. В случае какой-нибудь крупной ошибки руководитель дает «слушайте все», «стой», собирает начальников, которые верхом, указывает ошибку, спрашивает их, как было бы лучше сделать, предлагает исправить ее, после чего дает «наступление», по коему маневр продолжается до столкновения сторон. После сквозной атаки пехоты на пехоту общий отбой, сбор начальников, разбор маневра, после чего пехота обеих сторон спускается с высоты, строится в общую ко-

Наступающий:

Цель — атаковать отряд, прикрывающий Фарладаны.

Сборный пункт — в тылу лагеря, у Днестра.

Состав отряда — батальон N пехотного полка, дивизион N драгунского полка, N батарея (1 б., 2 э., 4 ор.).

Начальник отряда — полковник Б.

Быть на месте к 7-ми, начало маневра в 8 часов утра.

лонну лицом к лагерю, имея по фронту число рядов, приблизительно равное¹ числу рядов в эскадронах, которые строятся лицом к ней (т. е. тылом к лагерю), в расстоянии шагов 100, и эскадрон за эскадроном на дистанции шагов 50 или 100. Затем пехота и конница размыкают ряды шага на два. Эшелоны пехотной колонны последовательно проходят сначала один эскадрон, за ним другой, а когда все пройдут, пехотная колонна на ходу размыкается на интервал 5 шагов между рядами и на дистанцию шагов 150 рота от роты и притом так, чтобы рота, идущая в хвосте, отделилась от заднего эскадрона шагов на 200. После этого конница и пехота поворачиваются лицом друг к другу, и эскадроны на рысях проходят последовательно пехоту, которая, подпустив их на 100 шагов, дает залп, и т. д.

МАНЕВРЫ ПОЛКОВЫЕ И ВЫШЕ

134. Производятся в таком же роде, только стороны разводятся дальше, начальники отрядов представляют не листки, а диспозиции, и оквозными атаками маневра заканчивается только по особому приказанию. Если же такого не последует, то по сближении с позицией шагов на 300 наступление приостанавливается, обороняющемуся посылают приказание очистить позицию, после чего наступающий атакует ее.

О ТРЕВОГАХ

135. Войска нужно приучать быстро изготовляться к выступлению на позицию; ежедневные учения дают к достижению этой цели самое действительное средство. Людей нужно приучать быстро, *но не суетливо и вполне тщательно* одеваться, седлать и запрягать: точно так же, как приучают их, например, быстро заряжать.

Чтобы этого достигнуть, начальники должны из опыта определить наименьшее время, потребное на исполнение этих действий, и ни в каком случае от оного не отступать. Т. е., если, например, на вполне тщательную за-

¹ Считая, например, в роте по 80, в эскадроне по 40 рядов, построим пехоту в общую двухзвонную колонну и каждая рота пройдет конницу, а впоследствии встретит ее в четырехшереножном строе. Ближайшая к коннице полурота в каждом эшелоне будет давать залп с колена.

пряжку батареи достаточно полчаса, то давать на нее больше этого времени — значит, по просту говоря, приучать людей копаться; да, вдобавок, отнимать и у людей, и у лошадей время, которое они могли бы отдыхать.

Выдержав людей таким образом, сделают все нужное для толковой быстроты изготовления; кто идет дальше этой нормы, тот не учит, а портит войска, ибо заставляет их суетиться и приучает думать, будто в ожидании неприятеля так и быть должно.

Между тем в ожидании боя нужно людей успокоивать, а не суетить; и стараться достигать этого всеми зависящими мерами, вплоть до полного спокойствия и размеренности тона в отдаче малейшего приказа. Ожидание боевой встречи уже само по себе располагает к волнению, — нужно, следовательно, стремиться изо всех сил его ослабить, а не усилить.

Если это верно, то придется признать и то, что существующие взгляды на тревогу необходимо коренным образом изменить. Кто не знает безобразных сцен¹, разыгрывающихся в любой части при первом звуке боя «тревога»: люди начинают бегать, кричать не своим голосом «тревога!», ошалевают, толкаются, выбегают на линейку кто в чем попало. Достойно ли такое нравственное состояние людей, идущих на смерть? Да и есть ли резон так ошалевать и суетиться при нынешней системе охранения, когда даже в авангард известие о наступлении неприятеля приходит по крайней мере за час, а в главные силы не меньше как за два часа, а то и более? И когда притом есть дежурная часть?

А к чему приводит такая суета даже в мирное время? Вот к чему. Мы знаем один случай, когда тревога застала полк конницы на водопое. По первому звуку трубы люди, верхом на лошадях, на которых были только попоны и недоуздки, понеслись вскачь к конюшням, и тревога стоила жизни четверем человекам, а сколько оказалось перекалеченных людей и лошадей — уж и не знаю.

И потому думаю:

1) В случае тревоги давать на изготовление сбора не меньше полуторного срока против того, который назначен на выход для обыкновенного учения.

¹ Они не возмущают только потому, что к ним привыкли.

2) Хвалить не тех, которые окорее, а которые исправнее выйдут; ибо поспешно выйти и кой-как одеться, обуться, заседлать, запречь — одно и то же: тут неизбежны и наминка спин, и стирание ног.

3) Сигнал тревоги следовало бы заменить сигналом «подъем», так как самый мотив первого сигнала располагает к суете и ошалеванию.

4) Принять за постоянное и безусловное правило, чтобы такие отправления, как водопой и тому подобное, даже и в случае тревоги оканчивать спокойно; и спокойно же, т. е. шагом, возвращаться в расположение части. Может быть, даже лучше было бы водить на водопой на уздечках.

5) Еще лучше и в лагере назначать дежурную часть, и чтобы все люди знали, что тревога относится только до нее; а весь отряд поднимается только по особому приказанию.

Барабанщики и горнисты должны быть строго выдержаны в том, чтобы зря и по первому приказанию, данному первым встречным, тревоги не били. Дежурные музыканты — те же часовые, т. е. должны знать, чьи приказания они обязаны принимать и кроме чьих не смеют принимать. Поэтому, если им приказывает ударить тревогу кто-либо им неизвестный, то они должны отослать его к дежурному по части, и только по приказанию этого последнего бить тревогу.

Всякий без труда поймет, что с музыкантами, в этом неутвержденными, можно извести часть фальшивыми тревогами. Прием утвердить в этом музыкантов тот же, что рекомендован для часовых, т. е. прием искушения.

НОЧНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

136. Движения ночью обеспечивают скрытность приближения к противнику при наступлении, скрытность удаления от него при отступлении; действия ночью поражают противника неожиданностью, лишают его возможности судить о наших силах, обращают в ничто огнестрельное оружие. И потому ночью можно делать большие дела с малыми силами; и чем огнестрельное оружие будет становиться совершеннее, тем навык ходить и действовать ночью будет приобретать большее значение.

Но движения ночью сопряжены с большими случайностями: легко заблудиться, легко принять своих за чу-

жих, малейшее препятствие вырастает в грозную преграду, ибо воображение сильно возбуждается. Это делает упражнения в ночных движениях действительно необходимыми, дабы всякий испытал, какие ими представляются трудности, и усвоил и навык преодолевать эти трудности спокойно и не теряясь. Тут не поможет самое обстоятельное наставление, если навыка нет. И потому было бы полезно, если бы было исполняемо по одному ночному упражнению каждый год, в период ротных, полковых и общих сборов, дабы все части, начиная с малых, проделали такое движение сначала отдельно, а потом в совокупности с другими частями.

При ночных движениях следует обратить в рутину:

1) Оставление на перекрестках постов, которые указывали бы, по какой дороге направилась голова колонны. Каждая последующая берет с собою пост предыдущей части, оставляя на его месте свой, и так далее, до самого хвоста колонны. Если идет батальон, посты сменяются поротно; если полк — побатальонно, если несколько полков — по полкам. Начальникам частей должен быть совершенно точно известен порядок, в котором части друг за другом идут, а если движение в нескольких колоннах, то — кто вправо, кто влево идет. Имена людей, оставляемых на постах, должны быть записаны, дабы в случае путаницы легко было открыть, кто ей виноват.

2) Люди должны быть утверждены путем разъяснения, а затем и искушения, в том, что стрелять ночью не только на марше, но даже в деле — преступление; что что бы ни случилось, нужно идти молча, прямо перед собою, а, наткнувшись на неприятеля, работать только штыком. Поверку того, в какой мере люди этим прониклись, можно делать при помощи заблаговременно подстроенных случайных выстрелов, в роде того, как предложено при проверке залпов.

3) Должно быть также обращено в рутину полное соблюдение тишины и некурение при ночных движениях и

4) Соблюдение строжайшего порядка поротно.

Кроме установленных дистанций между батальонами и проч., между ротами оставлять дистанции шагов в десять, дабы неожиданные остановки в голове не передавались слишком резкими толчками по глубине колонны.

Охранение ночного движения учреждается ближнее, только по дорогам; посты всегда из нескольких человек.

При переходе в боевой порядок стрелки держатся в отделениях, размыкаясь не больше как на шаг друг от друга; сомкнутые части располагаются по возможности ближе, параллельность фронтов можно соблюсти, только указывая направление на какой-либо крупный возвышающийся предмет, если такой есть. Это указывает, что совершенно темных ночей для нападения лучше избегать; а в более или менее светлые приближаться к противнику, при малейшей возможности, низами.

При мирных упражнениях необходимо озаботиться выработкою глухих фонарей, могущих хотя несколько облегчить ориентировку при движении и, полагая, даже при перестроении в боевой порядок.

В военное время ничего не шадить для получения надежных и знающих проводников; при малейшей возможности должно изучить ночью местность, на которой придется действовать, как то было сделано, например, перед штурмом Карса в 1877 году.

При наступлении артиллерию и конницу держать в хвосте, при отступлении — в голове колонны.

Предпринимая атаку, следует при возможности обрабатывать движение так, чтобы перестроение в боевой порядок делать перед рассветом, когда начинает брезжить. Но если силы малы, то лучше нападать в темноте.

Но знать все это — ничего не значит без навыка ходить ночью, и потому — практика, практика и практика.

Пример ночного движения (см. план): от середины лагеря по Каушанскому шоссе до Суворовского кургана; по проселочной дороге на запад около 2¹/₂ верст до поворота на север в Гиску; по Гиске до дороги f.f.; по этой последней дороге — до лагеря.

ЗАМЕТКИ О ПОДГОТОВКЕ АРТИЛЛЕРИИ

137. Часто приходится слышать сетования на то, что тактика артиллерии не выработана, что нет по этому предмету подходящих руководств, хотя исписаны целые томы. Эти сетования объясняются все одним и тем же невысказываемым, но твердо укоренившимся ошибочным мнением, будто делу можно выучиться по книжке: *делу можно выучиться только самим же делом.*

Книжка может дать основные начала, может дать описание случаев рационального их применения выдаю-

щимися деятелями, но научить применению никого не может. Уже давно сказано, что в книжке «порядки писаны, а время и случаев нет»; а на практике именно с этими случаями и приходится иметь дело. Уразуметь случай, возникающий перед нами, воспользоваться благоприятным, парализовать или хотя по возможности уменьшить влияние неблагоприятного можно только при одном условии: именно когда глаз навяз подмечать эти случаи, ум напрактикован делать им надлежащую оценку, воля — принимать быстрые решения. Понятно и без объяснения, что подобных навыков ни глазу, ни уму, ни тем более воле, не может дать никакая книжка.

Это верно не только в отношении к тактике, но даже и к предметам, гораздо более простым, например, к строевому уставу. Всякому известно также и то, что можно прекрасно знать устав по книжке, а в строю путать, пока не приобретена строевая сноровка путем практики.

Если это верно в применении к уставу, то к тактике тем более. Только тот артиллерист будет в состоянии толково употреблять свою часть с другими родами оружия, который привык с ними долго и постоянно маневрировать. Только при этом условии он легко может ориентироваться в боевых порядках, особенно пехотных, которые раскидываются на столь значительные пространства; только при этом условии как для него, так и для других родов оружия станет ясным великое суворовское начало: «Артиллерия окажет, как сама хочет». Только при этом, наконец, определительно артиллерийские начальники размежуются с пехотными и кавалерийскими в том, чего последние могут и должны требовать от артиллерии и чего не могут и не должны. Итак, совместная практика в маневрировании летом, практика чуть не ежедневная, а не то, что пять — шесть раз в течение двух месяцев, — вот единственный путь, который может привести к сплочению артиллерии с другими родами оружия в один организм.

138. Обращаясь собственно к артиллерии, полагаем, что и ей пора принять независимость взводов в батареях и упражнения по прикладному уставу; пора также подумать о практике в маневрировании совокупности батарей. При нынешнем преобладании массирования артиллерии нужно приобрести навык выдвигать быстро и ловко несколько батарей на указанную позицию.

ПРИКЛАДНОЙ УСТАВ

139. Признав независимость взводов в батарее, явится полная возможность упростить устав, выбросив из него строи из середины, что уже давно сделано в уставах пехоты и конницы.

140. Упражнения по прикладному уставу могут быть исполняемы по типу, указанному для пехоты, с ответственной разницею в командах и в расстояниях, на которых противник предполагается.

Примеры:

ВЗВОДНАЯ КОЛОННА СПРАВА В НАСТУПНОМ ПОРЯДКЕ НА ПОЛНЫХ ИНТЕРВАЛАХ

1) Пехота (конница) с фронта 700 сажен (влево от батареи глубокая рывина). Батарея стройся вправо и пр. (рывина от фланга в расстоянии 50, 60 шагов). Батарея стройся вправо, 2-й взвод влево и проч.

2) Пехота (конница) вполоборота направо с фронта в 800 сажнях.

Повзводно пол-оборота направо марш; батарея стройся. Огонь.

3) Пехота (конница) вполоборота налево с тыла, в 700 сажнях.

Батарея направо (налево) кругом; повзводно пол-оборота направо; батарея стройся и т. д.

4) Пехота (конница) справа в 500 сажнях.

Повзводно поворот направо и пр.

ПОЛУБАТАРЕЙНАЯ СОМКНУТАЯ КОЛОННА СЛЕВА, НАСТУПНАЯ, ПОЛНЫЕ ИНТЕРВАЛЫ

1) Конница (пехота) в пол-оборота налево с фронта, 1 000 сажен.

Вторая полубатарея пол-оборот налево марш; прямо; равнение по 8-му орудью; полубатарея стой; с передков и пр.

Первая полубатарея налево марш; в пол-оборота направо; равнение по 4-му орудью и пр.

2) Пехота (конница) слева, 600 сажен.

Повзводно поворот налево; батарея стройся, и пр. 3-й взвод пристраивается правее 4-го, 1-й левее 2-го.

МАНЕВРИРОВАНИЕ БРИГАДЫ

141. В бригаде признается независимость батарей от порядка номеров. Бригадный командир работает батареями, как батарейный взводами.

142. В какой бы колонне бригада ни стояла, при развертывании сначала строятся батареи, а потом уже бригада. В колоннах дистанции между батареями полагаются в 50 шагов.

143. Развертывание бригады всегда выполняется по головной части — или в линию, или уступами. В том и другом случае в каждую сторону от головной батареи развертывается столько батарей, сколько место позволяет. Движение к позиции уступами предпочтительнее, чем линией, так как батареи при этом менее стеснены в случае необходимости принимать в стороны, что при большом числе орудий почти всегда приходится делать, выезжая на позицию, дабы оставлять на ней пустыми места, неудобные для артиллерии.

144. При движении развернутой бригады назначается батарея направления; ей указывается предмет, на который она должна идти; остальные с нею соображаются.

145. Перемена фронта в линии батарей выполняется побатарейно, одним из известных способов, после чего восстанавливается линия в новом направлении, по фланговой батарее, составляющей передний уступ.

146. Правило, в силу которого даже орудия не стеснены ни равнением, ни интервалами, лишь бы выбирали удобные для действия позиции, тем с большим основанием применяются к батареям. Следовательно, бригадная батарея на позиции только случайно может иметь вид прямой линии и с однообразными интервалами.

147. Принимая бригаду в шесть батарей, можно, смотря по месту, развернуть по головной батарее: а) все батареи в одну сторону; одну батарею в одну, четыре — в другую сторону; б) две батареи в одну, три — в другую сторону.

Примеры:

Бригадная взводная колонна на полных интервалах в наступном порядке.

1) Вправо от головной батареи свободного места нет: *бригада строй батареи влево, аллюр марш; бригада стройся влево, аллюр марш (или: бригада стройся влево уступами).*

2) Влево от головной батареи свободного места шагов 250—300. *Бригада строй батареи влево; бригада стройся вправо (стройся вправо уступами).*

3) Вправо свободного места шагов 500: *Бригада строй батареи вправо; такая-то батарея (т. е. следующая за головную) вправо: бригада стройся влево.*

4) Вправо свободного места шагов 750—800, влево сколько угодно: 1) *бригада строй батареи вправо;* 2) *бригада стройся влево; такие-то (две) батареи вправо.* Назначенные командой батареи пристраиваются к головной вправо, остальные три — влево.

148. При развертывании уступами батареям держать батарейную дистанцию от ближайшего переднего уступа.

149. При развертывании бригады в линию задние батареи пристраиваются к головной движением в пол-оборота усиленным аллюром, в задних четырех батареях с посаженной прислугой: при развертывании уступами задние батареи занимают свое место относительно передней во фланговом порядке, усиленным аллюром и с посаженной прислугой в тех батареях, которым приходится делать более 300 шагов.

Батареи в бригаде то же, что эскадроны в полку.

УЧЕНИЯ С БОЕВЫМИ ПАТРОНАМИ И ЗАРЯДАМИ

150. Учения с боевыми патронами и зарядами дают возможность достигнуть двух целей: 1) сводки боевой пехотной и артиллерийской стрельбы; 2) навыка артиллерии сосредоточивать огонь в данной точке позиции, маневрируя массами совместно с пехотными частями значительной силы.

Сводка боевой пехотной и артиллерийской стрельбы представляет учение с боевыми патронами и зарядами полка с батареей. Предположения для таких учений, как и расположение мишеней, делаются применительно к объясненному в «Подготовке роты». Разница будет только в том, что, желая дать практику в этом занятии каждым двум батальонам последовательно, придется приготовить и две мишенные позиции, одну за другую не ближе версты.

В состав отряда можно назначать и конницу, но употреблять ее на этих учениях нужно так, чтобы не поселить в ней превратных понятий о значении и случаях употребления ее огня.

Принимая за общеизвестные и бесспорные следующие два положения: 1) конница никогда не должна действовать спешною там, где она может действовать верхом, т. е. только *холодным оружием*; 2) никогда не должна спешиваться там, где есть пехота, — нужно и учения с боевыми патронами соображать так, чтобы эти два положения не только не потемнить в сознании конницы, но, напротив, укрепить. На этом основании в учениях с боевыми снарядами конница или начинает стрельбу задолго до пехоты (не меньше часа) и с приближением этой последней прекращает ее, поступая в резерв, или же завершает упражнение, предполагая преследование, т. е. прибегает к стрельбе, значительно опередив пехоту.

Сверх сказанного нужно при этом иметь в виду и соответствующие местные условия. По моему мнению, самое лучшее будет, если в начале конница будет стрелять, заняв позицию за переправу или в опушке рощи, или по окраине деревни; — если в конце учения мишени, назначенные для стрельбы конницы, будут расположены по опушке рощи или за оврагом, или за насыпью, и тому подобное.

151. Вторая и последняя ступень соединения стрельбы с маневрированием может быть показана только на дивизии пехоты или конницы с состоящею при них артиллериею. При этом пехота может стрелять или нет, хотя первое, конечно, предпочтительнее.

Ход занятия для дивизии пехоты с артиллериею будет заключаться в следующем:

Составляется и заблаговременно объясняется всем предположение для одностороннего маневра с походным движением. Осматривается путь к расположению противника, обозначаемому мишенями, и самое расположение, причем обсуждение что и как лучше сделать, дабы всем участникам маневра план его представлялся совершенно ясно.

В назначенный день и час исполняется движение, предшествуемое авангардом, который, увидев мишени, строит боевой порядок, артиллерия его открывает огонь, если позволено так выразиться, рекогносцировочный, т. е. не сосредоточивая его ни на одном пункте расположения; но направляя по всем более видным мишеням. Затем подходят главные силы, пристраиваются к авангарду в заранее условленном боевом порядке, наступают и открывают стрельбу тоже по всем более видным мишеням. Потом очередь или две наступления, смотря по расстоя-

нию до мишеней, причем когда пехота идет, артиллерия стреляет; а когда пехота остановилась, артиллерия наступает. Потому, предполагая, что пункт атаки указан и выбран, выдвигается из резерва вся оставшаяся там артиллерия на одну позицию, и все батареи, какие только могут, сосредоточивают огонь на этом пункте. Конечно, им придется при этом стрелять через головы своих, что и необходимо, ибо и в бою так бывает.

Одновременно с маневрированием артиллерии готовится штурмовой молот и, когда начальник признает благоприятным, пускается в атаку. Артиллерия производит усиленный огонь по пункту атаки так долго, как только можно без риска попасть в своих, а потом обращает его против мишеней, соседних с пунктом атаки.

152. Само собою разумеется, что хотя маневр, местность и расположение заранее известны, но все делается по приказаниям, отдаваемым руководителем маневра на месте.

153. Пока войска и начальники не ознакомятся совершенно с этими упражнениями, т. е. пока они не войдут в нравы, не следует исполнять их, вводя данную неизвестности о месте расположения противника; но затем это должно делать, дабы дать практику начальникам распоряжаться, а войскам исполнять распоряжения прямо в поле, не приготавливаясь к этому заблаговременно.

154. Маневры конницы с конной артиллерией производятся по тому же типу; только будут проще.

155. *Все степени учений с боевыми патронами и зарядами должны быть проходимы ежегодно и всеми частями.*

ЗИМНИЕ ЗАНЯТИЯ С ОФИЦЕРАМИ

156. При подобном ведении занятий в лагерных сборах и зимние с офицерами приобретут больший интерес. Строевого офицера нужно учить в порядке, обратном тому, который принят в школах: с ним нужно начинать с поля и кончать картой, ибо первое для него необходимо, а второе только желательно.

157. Занятия должны, по моему мнению, по крайней мере, ограничиваться изустным решением задач на планшетах, требуя не рассказа о том, как решена задача, а отдачи приказаний и произнесения команд, на которые решение разлагается. Задачи выбирать преимущественно такие, которых, по местности лагеря, не представлялось возможности решать в поле; тогда зимние занятия ста-

нут как бы дополнением летних. *Единственный и единственно мыслимый руководитель зимних занятий — начальник части.* В лекциях пользы не вижу, как потому, что и лекторов в частях нет таких, которые могли бы читать с пользою, так и в особенности потому, что назначение строевого офицера — уметь делать дело, а не говорить о нем.

ОБСТРЕЛИВАНИЕ

158. Настоящий труд был бы не полон без этого отдела; но применять его можно не иначе, как по особому приказанию высшего начальства. Логическое основание обстреливания заключается в том, что оно вызывает чувство опасности и дает хотя некоторую практику в навыке его преодолевать. Выучиться стрелять гораздо легче, нежели выучиться стоять под выстрелами.

Прием обстреливания одиночного заключается в том, что человек становится у мишени; отличный и спокойный стрелок, расположенный в 50 шагах, садит со станка три-четыре пули в мишень правее и столько же левее стоящего у оной солдата. Это упражнение должно быть обставлено так, чтобы имело характер молодецкой потехи, а не принудительного упражнения.

Учения под траекториями снарядов. Практическую стрельбою артиллерии можно пользоваться для производства учений пехоте и коннице на том пространстве между мишенями и батареями, над которым снаряды перелетают на безопасной высоте над головами.

Боевая стрельба артиллерии на две стороны. Поставив мишени двумя параллельными рядами верстах в четырех, а батареи также на две стороны между мишенями, каждая сторона от мишеней верстах в трех производит боевую стрельбу. Так как первоначальное расстояние между батареями будет две версты, то можно даже каждой стороне раз переменить позиции на полверсты вперед.

Конечно, подобные упражнения для личного чувства тяжелы, но теория должна указать все возможные приемы для достижения верховной цели — подготовки войск к бою; за практикою всегда остается право принять или не принять предлагаемое теориею¹.

¹ Приложения опущены.

ПОДГОТОВКА ВОЙСК В МИРНОЕ ВРЕМЯ

(Воспитание и образование)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Набранная и даже организованная масса — толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована в военном отношении.

Военное воспитание ведаёт, главным образом, областью воли, образование — областью ума.

Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более волевое, нежели умовое.

Хотя при современных сложных способах и средствах ведения войны военное образование стало делом более сложным, потому что усложнилось существо изучаемого и значительно расширился его объём, но наряду с таким явлением значение воспитания осталось все-таки первенствующим, так как усовершенствованные способы и средства ведения войны, для применения их и для сопротивления им, требуют от воина и большего нравственного напряжения, чем прежние, более простые.

Представьте себе, для примера, современную усовершенствованную скорострельную артиллерию; пусть офицеры искусны в стрельбе, а прислуга этой артиллерии прекрасно обучена действиям при орудиях; значение такой артиллерии все-таки будет ничтожно, если прислуга не выдержит впечатления разрывающихся над ее головами снарядов и побросает свои отличные орудия.

В последнее время, вероятно, под влиянием той головокругительной быстроты, с которой происходит развитие военной техники, в нашу армию проникли взгляды,

иной раз доходящие до убеждения, что в современном военном деле человек отошел на второй план, уступив первое место технике.

Такого рода положение покоится на наблюдениях над влиянием техники в условиях, близких к мирной обстановке, когда ее применение встречает сравнительно ничтожные препятствия. Операции русско-японской войны 1904—1905 гг., отличавшиеся крайней пассивностью с нашей стороны, подтвердили высокое значение техники только в тех случаях, когда войска были приковываемы на долгое время к своим позициям. Все операции этой кампании, сопряженные с маневрированием армии, как-то Тюрнчен, Вафангоу, Мукден и др., с поразительной ясностью доказали, что и в современную нам эпоху в военном деле на первом плане попрежнему остался человек, живая сила, с его нравственной энергией.

В критические минуты войны, когда именно и решается «победа» или «поражение», значение нравственной энергии рельефно выдвигается на первое место.

Таким образом, важнейшим военным элементом является человек; важнейшим свойством человека — его нравственная энергия.

Однако, имея дело с человеком; нужно брать его целиком, как он есть, а не создавать себе человека гипотетического, т. е. представляющего одну волю¹, или один ум², или, наконец, одну физику³.

Отсюда следует, что *военное воспитание должно касаться не только нравственной, но и физической стороны человека.*

Нравственные качества поставлены здесь первыми потому, что в бою, как и во всякой другой деятельности, человек делает, собственно, всегда одно и то же: приводит в исполнение свои умозаключения; если способность решаться приводить их в исполнение быстро развита в человеке, он достигает своих целей успешно; если нет, он претерпевает неудачи, т. е. так или иначе, но бывает бит.

¹ Как у большинства военных практиков, даже самых выдающихся (Наполеон, Фридрих), терявших к концу деятельности способность считаться с препятствиями.

² Как у большинства военных теоретиков.

³ Как бывает иногда при мирных увлечениях.

Наилучший стрелок или фехтовальщик, если он не проникнут сознанием долга или убежден, что не может одолеть неприятеля, ничего не сделает. Наоборот, слабый физически и не совсем искусный, но не допускающий мысли, что его могут побить, часто бьет и искусных, и сильных физически, но которые не совсем в себе уверены и не довольно проникнуты чувством круговой поруки. Поэтому-то Наполеон, Суворов и другие гениальные полководцы прежде всего стремились к развитию нравственной стороны в своих армиях; Наполеон даже положительно высказал, что во всяком боевом деле $\frac{3}{4}$ успеха зависит от нравственной стороны и только $\frac{1}{4}$ — от материальной.

В военное время это чувствуется всяким весьма сильно, ибо военная обстановка каждую минуту указывает на значение находчивости и энергии в солдате; но в мирное время, когда такой обстановки нет, большинство забывает значение нравственной стороны и часто совершенно пренебрегает условиями, которые благоприятствуют ее развитию.

Нравственное воспитание требует того же, что и физическое, т. е. если вы хотите, чтобы известный орган развивался, вы делаете им такие упражнения, которые усиливают мускулы органа. Если вы хотите, чтобы офицер и солдат были возможно более способны приводить себя в известное нравственное настроение, старайтесь обставить их таким образом, чтобы это настроение возникало в их душе по возможности чаще. Наоборот: должно избегать возбуждения тех настроений, которые противны назначению воина. А что в военном может быть презрительнее страха, который парализует и ум и волю? Следовательно, воин должен быть веден так, чтобы чувство страха возникало в его душе по возможности реже, ибо кто приучен бессознательно бояться своего, тот уже тем самым в известной мере приучен бояться и неприятеля. Уже и из этого видно, что нравственное воспитание и солдата, и офицера коренится в характере отношений его к старшим; чем менее они дают место безотчетному страху, тем лучше.

Значение закона Там, где солдат уверен, что если он сделает свое дело, его пальцем никто не имеет права тронуть, — чувство бессознательного страха развиться не может; там, где этой уверенности нет, — такой страх развивается. Что же может дать эту уверенность? Ее может дать только такое положение, при

котором солдат знает всегда наперед, что он должен делать и чего с ним не должны делать; такая система, при которой в мирное время произвол как со стороны старшего, так и со стороны младшего, одинаково являются преступлением; при которой закон становится выше личности каждого из служащих (законность отношений).

Это — неизбежное условие нравственного воспитания и начальников и подчиненных; без него чувство долга выработаться не может, ибо последнее возникает там только, где человек из практики видит, что закон, обязывая его, в то же время обеспечивает от неправых посягательств. При таком значении закона его заинтересован исполнять всякий подчиненный. Начальник, ясно сознающий свое положение, заинтересован исполнять его во всяком случае, ибо неисполнением подрывает одно из оснований собственной власти. Это подтверждает и практика: где закон не был поставлен в сказанное положение, началось тем, что начальник переставал его исполнять в случаях, его стесняющих, а кончалось тем, что и подчиненный делал то же. Поэтому-то во всех военных законодательствах так сильно налагается на то, что начальник должен подавать пример исполнительности не только в важных, но в самых мелочных вещах. Никогда не должно забывать, что пример равного не обязателен, но пример старшего, будучи обязательным в хорошем, по необходимости становится обязательным и в дурном.

Значение устава
внутренней службы

Высказанные здесь основания осуществляют уставом внутренней службы.

Этот устав точно определяет права и обязанности каждого чина и, получив строгое и неуклонное применение в жизни войск, наиболее всего способствует развитию и нравственной самостоятельности, и понятия о долге.

Распространение знания его должно составлять предмет первостепенной заботливости начальства предпочтительно перед знанием военно-уголовных законов, как потому, что последние относятся к самому ничтожному проценту людей, так и потому, что всегда разумнее заботиться о внушении человеку того, что он должен делать, нежели того, об чем честному человеку и думать не следует.

Имея подобное значение, законы, определяющие отношения между начальниками и подчиненными, должны

В то же время способствовать развитию инстинктивного чувства¹ разницы между главными и второстепенными служебными обязанностями. Это достигается *установлением строгой соразмерности дисциплинарных взысканий и правильным пониманием всех требований службы.*

Практика показывает всю необходимость этого разграничения не только в видах соблюдения справедливости, но и для пользы службы: дабы солдат понимал ясно, что неоправданно одеться или упустить отдать честь, — совсем не одно и то же, что, напр., не исполнить служебного приказа или заснуть на часах. Солдат, не исполняющий первого, — груб, мужиковат, но еще не преступлен; нельзя его гладить за это по головке, но не за что также и казнить; солдат, позволивший себе заснуть на часах, должен быть беспощадно наказан.

Это показывает, что в законоположениях строго должно быть проведено различие между воинскими обязанностями собственно и воинскими привычками.

Итак, нравственная самостоятельность в солдате вырабатывается тогда только, когда начальник внушает ему не безотчетный страх, а *веру* в то, что он никогда не отдаст незаконного приказа, и *уважение*, составляющее следствие этой веры.

Можно подумать, что строгая законность отношений в мирное время может сделать солдата не совсем гибким исполнителем воли начальника в военное; но это совершенно не верно: вынося из мирной практики убеждение в ненарушимости закона и веру в то, что требование начальника не может быть не дельно, или внушено личным капризом, он в военное время не может допустить мысли, чтобы требования того же начальника изменили свой характер. Должно помнить, что исполнительность на войне определяется для большинства людей не столько страхом наказания, сколько убеждением в том, что приказывающий требует дела.

Такая система отношений вырабатывает, следовательно, и нравственную самостоятельность, и привычку беспрекословного исполнения служебных требований; вырабатывает, наконец, то чувство внутреннего единства части, подчиненной общему начальнику, которое назы-

¹ Мы говорим «инстинктивного чувства» в том смысле, чтобы солдат понимал эту разницу, а в резонерство (т. е. в пространные рассуждения.— *Ред.*) об ней не вдавался.

вается ее духом и при котором выручка своих во всех смыслах становится для солдата и для начальника святейшим законом.

Но вырабатывает ли эта система находчивость? Непосредственно — нет; но она способствует развитию последней уже и тем, что приучает к спокойствию духа, т. е. к возможности яснее видеть и судить в опасные минуты, а следовательно, и легче находиться.

Великий наш Суворов, глубоко постигший человеческую природу и знавший, какое парализующее влияние на человека производит всякая неожиданность, имел свою оригинальную манеру возбуждать находчивость неожиданными вопросами, на которые требовал хоть какого-нибудь, но непременно положительного, ответа. Как бы ответ ни был неудовлетворителен, все же показывал в человеке способность решаться; и потому-то «не могу знать», как представитель отсутствия этой способности, так было ненавидимо им. «Тот», говорил Суворов, «кто растеряется от простого вопроса, растеряется наверно еще более от неожиданной атаки неприятеля».

Но когда возможна подобная манера развития находчивости? Опять тогда, когда спрошенный будет думать о том только, чтобы быстро и дельно ответить, а не о том, чтобы прочесть ответ в глазах спрашивающего.

Лучшую практику как в укоренении чувства долга, так и в развитии прочих нравственных качеств солдата в мирное время представляет так называемая гарнизонная или караульная служба в ее существенной части. Она есть первое применение всего того, что солдат должен чувствовать и знать. Она же есть, и при том единственная, действительная служба солдата и офицера в мирное время; все прочие отделы их занятий мирного времени представляют не более как подготовку к службе в военное время. Стоя на часах, солдат охраняет предметы иногда величайшей важности и облекается страшным правом употребления оружия против себе подобных; это право ставит его в положение, в высшей степени трудное; ибо несвоевременное употребление оружия является в мирное время одинаково преступным, как и несвоевременное воздержание от такового употребления; и решать вопрос: что делать в известном случае, — часовой должен сам, так как вблизи его руководителя нет. С честью

Значение
гарнизонной
службы

выйти из такого противоречивого положения может только человек, знающий свое дело, — с верно развитым чувством и умом; и обратно, только такие положения могут утвердить человека в способности оценивать положение и решать быстро, что делать в данном случае. Вместе с тем служба часового требует бдительности и безусловной честности; на ней он приучается преодолевать утомление усилием собственной воли; на ней же утверждается в правильном отношении к получаемым приказаниям, ибо относительно их часовой поставлен также в противоречивое положение, будучи обязан исполнять приказания только разводящего, караульного унтер-офицера и караульного начальника, и не имея права принимать приказаний даже от прямых своих начальников, коим в обыкновенное время обязан безусловно повиноваться. Таким образом, гарнизонная служба вызывает деятельность всех духовных и физических качеств, требуемых от солдата; и, рассматриваемая с этой точки, она должна быть по справедливости признана преобразованием в малом виде всей боевой службы и действительнейшей подготовкою к этой последней. Часть, твердая в существенной стороне гарнизонной службы (а не в одной формалистике оной), и в бою не может показать себя дурно.

Но как бы ни были хороши законы, они не пустят глубоких корней в жизни войск, если только практическая деятельность (т. е. занятия) последних не будет благоприятствовать этому.

С первого взгляда подобная тесная связь кажется мало вероятною; но кто припомнит, что всякая практическая деятельность налагает неизгладимую печать на понятия и характер человека, тот не может не признать ее. Отсюда и выводится то начало, что *род занятий определяет склад понятий и характер отношений*; ибо всякому занятию соответствует свой склад отношений и понятий и если требуется изменить понятие человека и характер отношений его к другим, то предварительно неизбежно должно изменить в том же смысле и его занятия. Без этого нельзя достигнуть коренной перемены в понятиях и отношениях.

Сказанное применяется к образованию солдата в полной мере: его образование состоит из ряда специальностей, и каждой из них соответствует умственный и нрав-

ственный склад, в основании, иной раз, даже противоречащий тому, какой требуется для боя. Ясно, что увлечение какой-либо из частных специальностей, составляющих ремесло солдата, неминуемо отклоняет его от боевого назначения. Из этого уже видна опасность увлечения и необходимость найти средства противостоять ему.

Таким образом, в вопросе о подготовке солдата нам предстоит, во-первых, определить влияние на нравственную и умственную сторону человека различных отделов солдатского ремесла; во-вторых, найти средства противодействия крайнему развитию их.

ПОДГОТОВКА СОЛДАТА

ВОСПИТАНИЕ

Нравственное воспитание

Теория военного искусства должна иметь целью исследование свойств военных элементов; если важнейшим из военных элементов является человек, а важнейшим из свойств человека — его нравственная энергия, то общая задача нравственного воспитания состоит в том, чтобы решить вопрос: как нужно поступать, чтобы эту энергию не только не подорвать, но, напротив, развить и укрепить.

Отсюда следует, что основной вопрос в этом деле: как *новобранца* обратить в солдата, т. е. специализировать, не ломая в нем человека.

Для достижения этой цели необходимо:

Основы методов воспитания

1) *Воспитывать и обучать новобранца, а затем и солдата, сообразаясь с общечеловеческими свойствами, не воображая, что военному служащему присущи сверхчеловеческие качества.* Например, не считать, что стоит только одеть новобранца в серую шинель и зачислить в тот или другой взвод, как сейчас же у него проявятся какие-то особые свойства, присущие казенному добру: необходимо понимать, что особые свойства, присущие солдату, появятся у новобранца только после некоторой упорной работы над ним.

2) *Сообразовать методы воспитания и обучения с основным свойством ума человека — расчленять на составные части всякий предмет, представляющийся цельным, т. е. изучать каждую составную часть порознь и, изучивши аналитически, непременно соединять, т. е.*

возвращаться к синтезу; в противном случае предмет не будет изучен всесторонне и в представлении о нем могут произойти односторонние увлечения; другими словами — некоторые частные свойства предмета могут быть приняты за общую его характеристику.

3) *Сообразоваться с другим общим свойством ума человека, в силу которого у него, что бы ни заставили его делать, невольно является вопрос: почему? зачем?* Удовлетворить этой потребности возможно, соображая все требования, предъявляемые к новобранцу, а затем и к солдату, и занятия таким образом, чтобы они были целесообразны, т. е. чтобы из них сама по себе была видна достигаемая цель.

Однако, стремясь к целесообразности, т. е. к объяснению цели каждого действия, надо избегать словесных увлечений и не объяснять того, что само собою понятно.

4) *В обращении никогда не унижать, а тем более не драться.*

5) *Требования ставить настойчиво и непрерывно наблюдать за их исполнением.* Непрерывность наблюдений за исполнением требований положительно необходима, потому что она приучает и начальника и подчиненного к равномерному напряжению по отношению к службе. У требовательного начальника безропотно исполняется и тяжелая служба; по привычке она даже не кажется тяжелой, а у того, кто бывает требовательным лишь периодически, или случайно, даже и невысокие требования вызывают ропот на строгость. Это явление происходит не от абсолютного затруднения исполнить требуемое, а благодаря резкости перехода от обычного халатного отношения к делу — сразу к строгости и точности.

6) *Помнить, что солдат человек и потому для него, как и для всякого человека, ни одна обязанность не должна обходиться без соответственного права.* Равным образом необходимо, чтобы неисполнение обязанности или же не вполне добросовестное ее исполнение влекло за собою и невозможность осуществить соответственное право или до известной степени ограничивало бы это осуществление. При такой постановке дела всякий, исполнивший свою обязанность, уже в этом одном будет чувствовать нравственное удовлетворение, которое будет поддержано явными, т. е. внешними результатами исполнения.

В общей сложности, нравственное удовлетворение и

внешние результаты исполнения обязанностей постепенно приведут к сознанию, что всегда и во всех отношениях выгоднее исполнять свои обязанности, нежели вовсе не исполнять их или исполнять не вполне добросовестно.

Задачи воспитания

Выше было сказано, что общая задача военного воспитания состоит в решении вопроса — как поступать, чтобы не только не подорвать, но, напротив, развить и укрепить нравственную энергию человека-солдата.

Нравственная энергия, развитая и укрепленная, нужна солдату для одержания победы над противником; победа будет, до известной степени, в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее хотя бы ценою собственной гибели, ибо тот только может победить, т. е. погубить другого, кто сам способен решиться на гибель.

Таким образом, нравственная энергия солдата должна быть развита до степени готовности — хоть и самому погибнуть, лишь бы погубить противника.

Для достижения такой решимости жертвовать собою солдату необходимы:

I. *Преданность государю и Родине до самоотвержения*; это составляет долг солдата по отношению к государю и Родине. Русский народ, из среды которого взята главная масса нашей армии, издревле отличается преданностью к России и любовью к своим законным государям. Таким образом, до известной степени эти чувства уже свойственны новобранцам и потому в этом отношении задача военного воспитания состоит в их укреплении. Средствами к этому служит торжественное приведение к присяге, объяснения ее значения и смысла; беседы с солдатами общего и военно-исторического характера, свидетельствующие об историческом прошлом нашего отечества и о славных подвигах российского воинства и пр. Наш простой народ склонен к историческим рассказам и, обыкновенно, исторические факты глубоко западают в сердца слушателей...

II. *Дисциплина*, сущность которой выражается так: 1) делай, что начальство приказывает, но против порядка не делай; 2) без разрешения никуда не отлучайся; 3) если что-нибудь с тобою случится особое, или кто будет подучать на злое дело, — докладывай по команде; а при возможности — злого человека задерживай и представляй.

Дисциплина — дело взаимное, т. е. бывает крепка только там, где она существует не только снизу вверх, но и сверху вниз, ибо тот же самый закон, который налагает на солдата известные обязательства, обеспечивает его от неправых посягательств, и начальствующие лица, которые позволяют себе подобные посягательства, суть нарушители и закона, и дисциплины.

Дисциплинированность солдата по отношению к исполнению приказаний должна быть доведена до самоотвержения, т. е. «скорее погибну, а приказание исполню».

К дисциплине должно отнести *чинопочитание*, иначе — правила воинской вежливости; это дело также взаимное; например, солдаты там лучше и внимательнее относятся к отдаванию чести, где и офицеры отвечают исправно на отдаваемую честь, понимая, что им даже неловко быть менее благовоспитанными, чем солдаты.

Воинская вежливость (*чинопочитание*) должна быть настолько привита войскам, чтобы, например, не представлялось надобности запрещать солдатам проходить по некоторым людным улицам, садиться в один трамвай с офицером и т. п. В то же самое время положительно необходимо, чтобы поведение солдата по отношению к гражданским лицам было выдержанное и имело в своей основе убеждение, что военный мундир налагает на носящего его обязанности быть во всяком случае вежливее и выдержаннее тех, кто военного мундира не имеет.

Развитию воинской дисциплины среди солдат во многом способствует рациональность отношений между начальствующими лицами на глазах у них. Во время занятий и других служебных отношений перед солдатами проходит целый ряд отношений старших начальников к младшим и обратно; можно с большою вероятностью утверждать, что характер этих отношений схватывается солдатами и пример старших невольно становится для них обязательным, как в хорошем, так и в дурном.

Затем проводниками дисциплины служат: равномерность требований по службе, строгое различие проступков от упущений и сообразное со степенью вины наложение дисциплинарных взысканий и *нормальные отношения начальствующих лиц к солдатам*¹.

¹ Об этом более подробно будет сказано ниже.

К исполнению приказаний, следовательно, и к дисциплине приучает солдат, между прочим, проверка начальником исполнения отданного приказа (контроль).

Начальник, отдающий приказание, разумеется, рассчитывает на то, что его приказание будет исполнено; предполагать неисполнение он не может, потому что этим предположением он подрывал бы в самой основе авторитет своей власти. Тем не менее всегда найдутся подчиненные, которые, благодаря своей недисциплинированности, попытаются не исполнить отданное им приказание. Факт неисполнения приказа важен и сам по себе; но еще важнее дурное влияние этого факта на окружающих, которые могут наблюдать и отдачу приказа, и неисполнение его. Во избежание возможности неисполнения каждый отдающий какое-либо приказание обязан: помнить отданные им приказания и убеждаться в том, что приказания действительно исполнены.

Такое отношение к отдаче и проверке приказа действует дисциплинирующим образом на младших и на старших, приучая первых к мысли, что не исполнить приказа невозможно, а вторых — к необходимости настаивать на исполнении раз отданного приказа.

Частными следствиями дисциплинированности армии являются: отсутствие мародерства, уважение к личности и собственности своих жителей и покоренного врага, гарантия общего порядка, тишины и спокойствия в районах пребывания военной силы...¹ Вообще, можно предпочесть армию не столь многочисленную, но прочно дисциплинированную армии многочисленной, но с неустойчивой дисциплиной, обещающей всевозможные неожиданности.

По словам маршала Саксонского: «дисциплина — душа воинского организма. Если она не установлена разумно и не применяется твердо, армии нет, а есть толпа, более опасная государству, чем неприятелю. Чем дисциплина строже, тем армия способнее на великие дела. Многие генералы воображают, будто все сделано, когда отдали приказ, и приказывают много, ибо видят злоупотреблений много. Это ложный принцип; этим путем они никогда не восстановят дисциплины, утраченной или ослабевшей. Нужно отдавать мало приказов, но с большим вниманием следить, чтобы они исполнялись, и вызы-

¹ Многозначие автора.

скивать без различия чина и рождения, не входя ни в какие соображения, иначе вас будут ненавидеть». С этими словами, конечно, нельзя не согласиться.

III. *Вера в нерушимость (святость) приказа*ния. Под этим должно разуместь сознание того, что для военнослужащего нет более тяжкого преступления, как неисполнение приказа начальника; это сознание должно быть внушаемо солдату всем обиходом его жизни.

В наложении взысканий за неисполненное приказание начальники должны быть до крайности строги, а случаи массового неисполнения приказа начальника должны наказываться беспощадно и, по возможности, немедленно. В этом вопросе ни у кого из военных, от генерала до солдата, не должно быть колебаний в применении строжайших мер до употребления оружия включительно и, по словам дисциплинарного устава, «начальник обязан неисполняющих свой долг принудить к повиновению силою или оружием», при этом¹, «всякий военный, несмотря на его звание и чин, должен содействовать начальнику в усмирении неповинующихся».

В вопросе об исполнении приказа, даже явно преступного по мнению исполнителя, офицер и солдат должны руководствоваться не статьями общих законоположений, если бы даже таковые были им доподлинно известны, а сущностью присяги, памятуя, что в деле исполнения приказа для него преступно только то, что против присяги, а в остальном ответчиком за последствия исполненного приказа всегда является начальник, отдавший приказание. Никакие иные толкования в этом вопросе недопустимы, потому что они нарушили бы святость приказа, способствовали бы увеличению числа случаев неповиновения в армии и в корне подрывали бы основы ее существования.

IV. *Храбрость* (решительность, неустрашимость) — качество, присущее далеко не всем людям, взятым в отдельности; при совместных же действиях нескольких людей это качество может проявиться и у тех, кто заранее не подавал к тому надежды. Развитию храбрости до некоторой степени способствует наблюдение за тем, чтобы никто из солдат не впадал в состояние трусости, а если бы кто и впал, то это следует подметить и вывести его из такого состояния, отнюдь не запугивая. Система обучения

¹ Из ст. 5 Дисциплинарного устава.

солдата, как будет указано ниже, во многом может способствовать развитию храбрости. На поле сражения, в решительную минуту, *личный пример начальника* зауряд¹ обращает заведомых трусов в самых отчаянных храбрецов.

V. *Решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские.* Возможность переносить лишения во многом, конечно, зависит от физической выносливости, но замечено, что предел этой последней выше у тех, кто заранее решил мириться со всякими лишениями. Решимость переносить лишения зависит от сознания святости долга и приказа начальника, а равно от решимости достигнуть намеченной цели во что бы то ни стало.

Ропот на претерпеваемые лишения, хотя бы и со стороны немногих, вредно отзывается на окружающих; число недовольных, обыкновенно, быстро возрастает в тех случаях, когда армия не устойчива в отношении понятий о долге, дисциплине, святости приказа.

Могучим средством, побуждающим безропотно переносить лишения, является *пример начальников*, разделяющих в тяжелые минуты с солдатом последний сухарь, последний пук соломы...²

В мирное время залог безропотно перенесения тягостей службы дает та армия, которая воспитана в духе всех вышеприведенных оснований.

VI. *Чувство взаимной выручки*, т. е. «сам погибай, а товарища выручай». Значение этого чувства в военном деле не подлежит сомнению по своей очевидности. Развитию его в мирное время способствуют: чувство принадлежности к данной войсковой части, воспоминание о прежнем совместном участии в боях и походах, чувство землячества, родственное чувство, принадлежность к одному сельскому обществу и т. д. Эти данные необходимо принимать во внимание при распределении новобранцев и запасных, прибывающих на укомплектование.

Развитие чувства принадлежности к данной части во многом зависит от влияния командира части, который может сделать службу для всего состава части — матерью, а иной раз — и мачехой.

¹ Обычно, часто.— *Ред.*

² Многозначие автора.

Итак, вот что необходимо привить солдату для того, чтобы он мог решиться жертвовать собою в бою; эти требования потому и являются задачами военного воспитания.

В общей сложности, достижение этих задач путем соответствующих методов воспитания приводит к тому, что солдат является сознательным участником военных действий и будет вполне пригодным для дела, если сделается способным к проявлению *частного почина*, свойственного и его обиходу, при теперешних способах ведения войны.

Частный почин Перечисленные выше задачи воспитания в результате их применения дадут солдата, преданного долгу по отношению к государю и Родине, дисциплинированного, чтущего святость приказания, храброго, безропотно переносящего лишения и готового во всякую минуту выручить товарища; однако такой солдат, будучи поставлен в необходимость решаться на то или иное действие самостоятельно, далеко не всегда окажется способным на это, потому что его воспитание не вложило в него сознания необходимости такого почина.

Поставленный в необходимость самому решаться, солдат, не воспитанный в духе частного почина, все-таки склонен будет ожидать приказания начальника, иначе говоря, такой солдат является как бы автоматом.

Уже появление нарезав в ружье потребовало от солдата самостоятельного рассуждения: ветер, солнце и проч., — куда прицеливаться?

Рассыпной строй, служба в дозоре, на сторожевом посту, разведка и проч., — все это требует от солдата проявления того же частного почина.

Проявление полезного частного почина, т. е. такого, который приближал бы к исполнению цели, поставленной приказанием, возможно лишь в том случае, когда солдат ясно воспринял эту цель, затем схватил те наличные условия, среди которых ему пришлось действовать, исполняя приказание начальника, и нашелся — что именно следует сделать.

Способность уразумевать сущность полученного приказания будет у солдата тем сильнее, чем выше его общее развитие; а способность прозревать боевую обстановку и соразмерять действия с нею обуславливается степенью его специально военного развития.

Таким образом, в настоящее время необходим солдат, обладающий всеми вышеперечисленными высокими нравственными качествами, в общем смысле — более развитой и в специальном — более подготовленный в тактическом отношении, при обязательном условии *воспитания в духе сознания необходимости проявления частного почина*.

Развитие частного почина в солдате возможно лишь при условии офицерской работы над ним; если же до настоящего времени наш солдат не всегда отличался способностью проявления частного почина, то дело здесь не в невозможности упражнять солдата в этом, а в недостаточной работе над солдатом со стороны офицерского состава. Практика караульной службы, маневров, каждого занятия в поле — дает множество случаев задать вопрос: как поступить в одном, в другом, в третьем случаях? Задавая такие вопросы, офицеры навели бы солдата постепенно на возможность проявления столь необходимого для дела частного почина. Между тем, к сожалению, все эти поучительные случаи так и остаются неиспользованными.

Все более и более развивающаяся техника также создала на войне много разного рода случайностей и затруднительных положений, устранимых иной раз только помощью частного почина.

Таким образом, общая обстановка, создавшаяся в современном военном деле, требует от солдата частного почина и тем более, что при численно больших армиях ему придется послужить не только за себя, но, может быть, и за офицера, потому что не всегда удастся заместить убыль в офицерах — офицерами же.

Итак, из предъявленных требований относительно исполнения приказаний и проявления частного почина выходит как бы противоречие в самой основе дела. С одной стороны: *«не смей рассуждать»*, а с другой: — *«не смей не рассуждать»*; — и все это в одно и то же время. Это противоречие не должно удивлять: всякий практический вопрос непременно состоит из противоречий, и от того-то ошибки в практике или увлечения так естественны и — даже — неизбежны.

Где же правда? Где выход из противоречий? Быть может, скажут — золотая середина. А как найти эту середину? Ведь всякий из нас убежден и в том, что всякое служебное приказание должно быть исполнено безус-

ловно, и в том также, что и безусловное исполнение требует неперменного рассуждения, что «заставь дурака богу молиться, — лоб разобьет», т. е. что и безусловное исполнение требует непременно рассуждения.

Не поняв приказания, не подумав о нем, можно ведь исполнить и буквально, да так, что выйдет по другой поговорке: «услужливый дурак — опаснее врага».

Примириется это противоречие так: *не смей рассуждать о существовании приказания и, напротив, напруги все силы ума, воли и физики, чтобы исполнить его толково, по духу и сердцу начальника (частный почин)*. Кто это понимает, тот одинаково не будет доволен как тем подчиненным, который умеет только рассуждать, так и тем, который умеет только не рассуждать. Но кто упустит то или другое из виду, тот и получит одностороннюю дисциплину, основанную или на одном только первом, или на одном только втором положении, а в такой односторонней дисциплине — верный залог быть непременно битым.

Влияние сокращенных сроков службы

Сокращение сроков службы повлияло на постановку важнейшего отдела подготовки солдата, т. е. на его воспитание. Не трудно было прежнему рекруту втянуться в воинский обиход, попав в массу людей, большинство которых считало свою службу десятками лет; он усваивал по рутине и то, как должен вести себя, и то, как должен служить; чего не узнавал в первый год, узнавал во второй, в пятый и т. д.

Теперь это немислимо, и остался один способ внушения солдату того, чем он должен быть — способ теоретического преподавания, как быстрейший. На усвоение чего-либо рутинным путем времени нет, да некому быть и примером рутины, так как обучаемых слишком много: ежегодно приливает около $\frac{1}{3}$ всего состава, между тем как прежде приливал около $\frac{1}{25}$ и несколько спустя — около $\frac{1}{15}$.

Это и поясняет, почему прежде на воспитательный отдел особенного внимания не обращалось; давался он сам собою, естественным путем продолжительного воздействия громадного большинства на ничтожное меньшинство. Однако, и в то уже время такое невнимание к делу воспитания безнаказанно не проходило...¹

¹ Многоточие автора.

Опыт минувшей войны с Японией безусловно показал, что пора, наконец, принять во внимание современные условия службы солдата (ее кратковременность) и изъять дело его воспитания из рук рутины, казармы, передав в более надежные руки — офицеров. По нашему убеждению, офицер не может быть только инструктором, но прежде всего он должен быть воспитателем и учителем солдата. Пора принять во внимание также и то, что если солдата не воспитает офицер в честном направлении, то он может быть воспитан злонамеренными людьми — в бессовестном.

Физическое воспитание

Физическое воспитание имеет свою задачу развитие в солдате выносливости. Для выносливости нужно укрепить силы солдата; это достигается гимнастикой.

Под военной гимнастикой должно разуметь совокупность всех упражнений, развивающих организм солдата, сообразно военным требованиям; следовательно, сюда относятся: гимнастика собственно, носка всего того, с чем солдат не расстается на войне; походные движения.

Гимнастика развивает силы, ловкость и до некоторой степени даже бесстрашие солдата: кто привык делать прыжки с значительной высоты, тот, не задумавшись, спрыгнет, например, в глубокий ров, и спрыгнет без вреда для здоровья; из неделавших подобного упражнения не всякий на это решится, да и, решившись, не всегда сделает прыжок удачно. Итак, польза гимнастики не подвержена никакому сомнению; но чем кончается увлечение ею? Тем, что, не соображаясь со складом человека, требуют от него упражнений, которые ему не полезны, но вредны, а иногда ведут к переломам рук, ног, к ослаблению груди. Тем также, что у начальника, увлекающегося гимнастикой, ловкий гимнастер удостоивается иногда таких преимуществ, которые по закону могут служить наградой только тем солдатам, которые надежны и знают хорошо все свое дело, а не одну только какую-либо часть его.

Средство отвратить подобное увлечение заключается в одном: гимнастика должна быть исключительно домашним занятием, т. е. таким, которому отдельных и в особенности заблаговременно назначаемых смотров не должно производить.

Приучение к выносливости. Солдат на строевых уче-

ниях, маневрах, смотрах и при отправлении караульной службы должен все свое иметь на себе; только при этом условии он может втянуться в носку тяжести, с которой не расстаётся на войне. Вести таким образом пехоту должно по следующим причинам: 1) чтобы переход к военному времени не был для нее крут (т. е. чтобы болезненность и смертность при этом переходе развивались по возможности меньше); 2) чтобы испытание обмундирования и снаряжения в мирное время происходило в условиях, близких к военному; 3) чтобы, наконец, начальники могли получить правильное понятие о том, чего можно требовать от человека, обремененного известною тяжестью.

Само собою разумеется, что молодых солдат следует не сразу заставлять носить все снаряжение, а начать с мешка или ранца пустых и исподволь увеличивать ношу до существующей в армии нормы.

Чем чаще часть находится в походе, тем лучше.

Носка полного снаряжения и частые походные движения составляли один из главных отделов суворовского воспитания солдат; результаты известны: суворовские марши вошли в пословицу и, несмотря на это, больных у него было мало. У него, часто ночью, войска по тревоге выводились в поле, шли быстро, переправлялись через реки, овраги, причем требовалась, конечно, немалая ловкость и отвага. Эту систему воспитания Суворов пояснил и освятил одним из бессмертных своих афоризмов: «тяжело в учении — легко в походе; легко в учении — тяжело в походе». Кто понимает, что успех войны «в ногах»¹, т. е. в быстроте движения (маневрирования), тот должен согласиться, что лучшего ничего нельзя придумать для того, чтобы сделать солдата выносливым в самых трудных положениях.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЛДАТА

Весь объем солдатской подготовки распадается, как известно, на *воспитание* и *образование*. Известно также, что воспитание должно стоять выше образования: солдат, плохо стреляющий и колющий, неумеющий ходить в ногу, все же солдат сносный, если он честен и проникнут со-

¹ Примечание не приводится.

знанием долга так, что одинаково исполнитель и на глазах начальника, и за глазами; наоборот, отличный стрелок, фехтовальщик, строевик, никуда не годен, как солдат, если он не надежен. Скажем больше: не только не годен, но опасен.

Если воспитательный отдел важнее образовательного, то естественно, что в роте, эскадроне, сотне, батарее он должен лежать на прямой ответственности их командиров; между тем, как отдел образовательный может быть распределен между ротным (эскадронным, сотенным, батарейным) командиром и младшими офицерами, для которых унтер-офицеры суть только помощники, и, разумеется, образование должно вести под общим наблюдением тех же командиров.

Умело преподавать новобранцу не легко.

Гладкое изложение, последовательная аргументация, буквальное следование уставу совсем не годятся и дадут плохой результат. Простолудин сам длинно не говорит и плохо понимает того, кто длинно говорит; в разговоре почти всегда пропускает то, что для него само собою разумеется; логическую цепь доказательств не всегда понимает и в ней зачастую не нуждается, принимая многое на веру.

Условия успеха преподавания

Это определяет условия успеха преподавания, заключающиеся в следующем: 1) *сообщать понемногу — одну, много две мысли враз и тотчас же требовать повторения; идти дальше не иначе, как вполне убедившись, что пройденное понято*; 2) *избегать книжных слов*; 3) *при малейшей возможности, прибегать к примеру или еще лучше к показу*; 4) *брать из преподаваемого не все сплошь, а в порядке важности, начиная с того, без чего солдат обойтись не может.*

Если из преподаваемого проходить все подряд, то в сознании обучаемого рядом с основами дела — второстепенное не только станет равноправным, но иногда даже и затемнит основы.

Подобную выборку, например, из устава может сделать только опытный человек и собственным опытом убедившийся, что, стремясь достигнуть многого, иногда не достигают ничего.

Итак, надо учить *вначале не многому, но много, т. е. основательно.*

Это немного по отношению, например, к уставу гарнизонной службы исчерпывается для молодого солдата обязанностями часового.

Но как это, повидимому, ни мало, и тут надо учить умеючи, т. е. умеючи не столько излагать, сколько внедрять, укоренять, давая всякую мысль со всеми ее разветвлениями, приучая солдата не пересказывать обязанности часового, а исполнять их.

Возьмем пример, действительно бывший: бойкий солдат, толковый и даже грамотный. «Кого слушаешься, стоя на часах»? Разводящего, в. п—во. «Так; ну, а если твой командир полка тебе что прикажет, когда ты стоишь на часах, исполнишь»? Не могу исполнить, в. п—во. «Ничего не исполнишь»? Ничего. «Ну, примерно, он заметит, что у тебя пуговица расстегнута, и прикажет ее застегнуть»? Не застегну, в. п—во. Пришлось разъяснить, что приказания его прямого начальства, касающиеся общего порядка службы, для него обязательны всегда; и только касающиеся его сдачи, как часового, не могут быть исполняемы. Еще пример: «Стоишь у арестантов на наружном посту; проходит генерал. Что сделаешь?»

Возьму на-краул, в. п—во. «А в это самое время бежит арестант, что сделаешь»? Буду стрелять, в. п—во. «Да ведь ты должен держать на-краул, пока генерал не пройдет; так как же?»

Солдат затрудняется ответить. Опять разъяснение на ту тему, что честь отдается только тогда, когда нет прямого дела, для которого часовой поставлен; если же такое дело есть, то сначала нужно исполнить его. Нужно ли напоминать, что отдание чести тоже входит в сдачу и что солдата должно направить так, чтобы при столкновении нескольких обязанностей он знал, исполнению которой из них он должен отдать преимущество? Казалось бы, что это само собою очевидно.

Эти два случая показывают достаточно, что в преподавание приходится вводить много такого, чего в уставе нет и быть не может. Устав — теория, могущая оживотвориться только тогда, когда человек, богатый служебным опытом, осветит различные положения оной конкретными случаями, и притом именно случаями, а не рассуждениями.

Великая трудность преподавания гарнизонной службы, как и всякого, впрочем, живого дела, и заключается

в том, что в ней нет ни одного правила, которое бы не допускало исключений, т. е. применения правила прямо противоположного.

Очень и очень нужно втянуться в служебный дух и обиход, чтобы в таком трудном деле дать простому, малоразвитому человеку руководящую нить для поведения. А употребление оружия? Во-время не употребит, идет под суд; не во-время употребит, — тоже идет под суд...¹

Но иллюстрация положений гарнизонной службы путем расказываемых случаев недостаточна для утверждения молодых солдат в знании обязанностей часового; *необходимо, сверх того, прибегать и к показу действительному.*

Заключается он в примерной выставке часовых и в испытании их по каждой обязанности путем искушения. Если вы хотите, чтобы он никому не отдавал ружья, попробуйте взять его под каким-либо предлогом; если хотите, чтобы, стоя на часах, ничего и ни от кого не брал, попробуйте дать ему награду за хорошее, например, знание обязанностей; если хотите утвердить в том, чтобы он слушал не разводящего вообще, а именно своего разводящего, попробуйте приказать сменить его другому разводящему, а не тому, который его поставил на часы, и т. п. Таким путем действительно достигается, что человек, взятый от сохи, в два, много в три месяца, становится способным быть действительным часовым, т. е. таким, которого не поймаете ни на какую штуку.

Иного пути для достижения цели обучения в срок, возможно кратчайший, нет и быть не может. Вести по этому пути может только человек, искушенный служебным опытом, т. е. офицер во всяком случае, а унтер-офицеры и учителя в этом деле будут только его помощниками, в свою очередь получающими от него указания и им подготовленными.

Условия рационального обучения войск следующие:

**Условия
рационального
обучения войск**

1) *Войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное.*

Всякое отступление от этой нормы вредно, потому что внушает солдатам и начальникам превратное понятие

¹ Многозначие автора.

о том, что можно и чего нельзя требовать в бою от человека. Люди, выученные лишнему, и перед неприятелем будут делать не то, что нужно, а то, что они умеют делать¹.

2) Учить солдат боевому делу должно в такой последовательности, чтобы они из самого хода обучения видели цель всякого отдела образования².

3) Учить преимущественно примером, т. е. показывать, что и как сделать, прибегая к изустным объяснениям только в случае действительной необходимости³.

Первое условие определяет объем образования солдата (чему учить?); второе и третье — его метод (как учить?).

Что требуется
от солдата
на войне?

Имея в виду аксиому — что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение — определим, что требуется от солдата на войне?

От него требуется:

1. Чувство долга к государю и Родине, доведенное до самоотвержения; готовность исполнить приказание, хотя

¹ Мысль марш. Саксонского; Суворов держался того же в образовании войск; он не высказал этой мысли нигде, но его система есть полнейшее ее осуществление.

² Так, обучение употреблению оружия должно начинаться со стрельбы и фехтования, как то у нас теперь принято, а не с приемов и т. п. Первые впечатления во всем имеют огромное значение; не нужно поэтому вести солдата так, чтобы он хотя на минуту мог остановиться, напр., на мысли, будто ружье есть машина для приемов, а не для поражения врага.

Что подобное убеждение, как оно ни кажется странным, может возникнуть, доказательством служит то время, когда подпиливали ружейные гайки. Человек, прибегающий к подобной операции, сколько бы он ни говорил, что ружье ему дано для того, чтобы стрелять, все-таки делом показывает убеждение в том, что оно ему дано для приемов: стрелку и в голову не придет подпиливать гайки для звучности приемов.

³ Большая часть изустных объяснений в занятии таким практическим, как солдатское ремесло, во-первых, ни сколько не подвигает дела, потому что оно виднее из исполнения, нежели из рассказа; во-вторых, простолудин вообще не охотник до разговоров, — ему подавай дело; в-третьих, солдат человек дела, а не человек слова, а известно, что одно развивается не иначе, как на счет другого, за чрезвычайно редкими исключениями; в-четвертых, объяснить даже причину, для чего то или другое требуется, нет надобности, если последовательность обучения хорошо соображена. Всякий поймет без объяснений, почему, напр., нужно уметь стрелять и колоть; но не понял бы и из объяснения, отчего нужно было ходить с носка, когда это требовалось.

бы для этого надо было погибнуть; вера в святость приказания.

2. Храбрость (неустрасимость); решимость безропотно переносить лишения и тягости военного времени; чувство взаимной выручки, способность проявлять частный почин (находчивость).

3. Искусное действие своим оружием.

4. Умение согласовать свои движения и действия с товарищами.

5. Умение и ловкость в преодолении встречаемых на местности препятствий и умение пользоваться ими для собственного укрытия от взоров и выстрелов противника, не лишаясь, однако, возможности видеть его и стрелять по нем (применение к местности).

Первые два пункта определяют *воспитание* солдата и выше рассмотрены; последние три — его *образование*.

ЧЕМУ УЧИТЬ СОЛДАТА В ПЕХОТЕ?

Стрельба. Для того, чтобы в бою выстрелы были действительны, человек должен быть в конце мирной практики предоставлен самому себе в определении расстояния, выбора места, минуты для выстрела; в соображении обстоятельств, имеющих на выстрел влияние, т. е. ветра, освещения, погоды. Ясно, что стрельба будет хороша тогда только, когда солдату дана полная свобода и когда он способен соображать.

Но, приучаясь поражать неприятеля издали и из-за укрытий, солдат, естественно, получает расположение к этому, относительно безопасному, способу нанесения вреда и неохоту к тому, при котором нужно более рисковать собою, т. е. к работе штыком.

Ясно, что увлекшись, положим, стрельбой, мы получим солдата более или менее развитого, может быть и хорошо стреляющего издали, но не особенно расположенного сходить на штык. Следовательно, стрельба дает в конечном результате умственное развитие, но дает мало практики нравственному. Но, раз став на этот путь, остановиться нельзя; стремление развить ум солдата при увлечении стрельбой рано или поздно приведет: 1) к превеличенному взгляду на значение грамотности; 2) к созданию чуть не целых наук, в которых мысли нет никакого дела, а все приводится к задалбливанию (раз-

борка и сборка ружья, теория стрельбы)¹; 3) к чрезмерному развитию болтовни, находящей обширное прище в желании все объяснить солдату, даже и то, что видно с первого взгляда и без всякого объяснения²; 4) к приданию преувеличенного значения умению укрываться от неприятеля, т. е. пассивному применению к местности.

2-е и 3-е последствия увлечения стрельбой нечего и разбирать и потому сделаем заметку только насчет придания слишком важного значения *грамотности и пассивному применению к местности*. Нет сомнения, что грамотность важна и что к развитию ее в войске должны быть прилагаемы меры настойчивые, но в число их не должны входить служебные награды. Должно помнить, что для того, чтобы быть унтер-офицером, нужно прежде всего уметь управляться с людьми и знать свои обязанности; неграмотный, но удовлетворяющий этим условиям, должен становиться на служебной лестнице выше не только грамотного, но даже, пожалуй, и ученого, который этих условий не представляет. Это в особенности должно иметь в виду в армиях, где грамотность мало еще распространена, т. е. где оба условия (способность управлять и грамотность) не всегда встречаются в одном лице.

Военная часть не есть школа грамотности; одно знание грамоты не может быть в ней служебным отличием; кто ставит вопрос иначе, тот, сам того не замечая, обращает военную часть в школу грамотности, отклоняет ее от прямого ее назначения. Вообще, сколько кажется, следует принять основным правилом, что *военное производство* (повышение по службе) должно стремиться к одному только: к расширению власти тех людей, которые, управляя меньшим числом себе подобных, показали, что могут справиться с большим, но не быть наградой за частное совершенство в каком-либо отделе образования.

Увлечение пассивным применением к местности составляет неизбежное следствие увлечения стрельбой, так как из-за укрытия человек стреляет более метко, потому

¹ И теперь еще не исчезли такие господа, которые разлагают, например, прикладку из ружья чуть что не на 100 приемов, сами верят в непогрешимость этих тезисов и заставляют их вызубривать.

² Для чего производится выстрел, всякому понятно без объяснения, а для чего надо перед выстрелом подать бедра вправо,— это и после объяснения остается столь же непонятным.

что будет хладнокровнее и может опереть ружье. Но в основании этого отдела образования лежит цель, щекотливая для военного человека, — удовлетворение инстинкту самосохранения. Ясно, что, налегая чрезмерно при обучении людей на развитие в них умения укрываться за местными предметами, мы благоприятствуем развитию этого инстинкта, между тем как в бою, и без особых к тому поощрений, он говорит слишком сильно.

Мало того: делать из подобного предмета особую науку, значит занимать человека делом, которое не имеет видимой цели, ибо укрываться можно от кого-нибудь; укрываться ни от кого, — то же, что играть с самим собою в прятки, т. е. учить его тому, что он знает, пожалуй, с четырехлетнего возраста, — ибо что такое игра в прятки, как не пассивное применение к местности, т. е. расположение на ней так, чтобы, не будучи видимым противнику, самому не упускать его из виду?

На понятиях о дисциплине увлечение стрельбой отражается тем, что человеку мало-помалу предоставляется свобода, большая той, какая может быть предоставлена солдату; это может быть сделано только в ущерб связкам, поддерживающим единство части.

При обучении стрельбе надо представлять выстрел разложенным на части, которые необходимо проделать отдельно, но оканчивать обучение должно стрельбою с неопределенных дистанций, на незнакомой местности, соединяющей все части в одно.

Составные части выстрела: 1) заряджение, 2) определение расстояния до цели и, сообразно ему, установка прицела, 3) прицеливание, 4) спуск курка, не нарушая прицельной линии, 5) звук выстрела, 6) выстрел боевой с отмеренного расстояния и, наконец, 7) соединение всех отделов, — выстрел с расстояния, определяемого на глаз самим стрелком. Ко всему этому нужно приучиться отдельно; но к чему должна привести продолжительная остановка на чем-нибудь одном, можно судить по холостой стрельбе, которая о необходимости определить расстояние, прицелиться и спокойно спустить курок не напоминает нисколько, к своему же собственному совершенству, т. е. к чистоте залпов, влечет неодолимую силою. Остановка на стрельбе с отмеренных расстояний влечет к так называемой тонкой стрельбе, т. е. порождает желание попасть, если можно, в точку: желание, очевидно, неосуществимое и для боя бесполезное, так как там совершенно достаточно, если вы не выходите из мишени,

имеющей размеры человека спереди. Одно из стремлений, сопровождающих исключительные занятия стрельбой с отмеренных расстояний, составляет также попытка установить точную оценку стрельбы целых частей, основываясь на процентных содержаниях попавших пуль. Стрельба массы людей подвержена таким случайностям, что наилучшая стреляющая рота не может наверное поручиться вперед ни даже за одну удачную стрельбу. Ясно, следовательно, что как средство соревнования между отдельными людьми, подобная оценка еще имеет значение; но как определение относительного искусства частей, она не имеет никакого и ведет только к различным уловкам для достижения наибольших процентов. Несмотря на это, процентные содержания считаются нужным выводить с большою точностью. Мало того, невозможность точной процентной оценки при стрельбе с неопределенных расстояний была одно время приводима как аргумент против введения этой стрельбы в занятия войск. Как будто их учат стрельбе для поверки, а не для того, чтобы поражать врага!

Из этого же видно, как всякая лишняя прибавка в обучении против того, что для войны требуется, опасна: в конечном результате она обращается в самостоятельный предмет занятий, не имеющий ничего общего с боевым делом.

Значение «частного почина» в современном бою приводит к необходимости обратить особое внимание на подготовку каждого солдата к стрельбе из рассыпного строя. Это занятие важно в том отношении, что продолжительный период медленного наступления под огнем противника, свойственный современным боям, надолго может вывести солдата из-под непосредственного влияния на него его начальников. При таких условиях солдат должен быть готов действовать по собственному почину, не теряя, однако, согласования своих действий с действиями товарищей. Лучшим приемом для достижения такой цели при одиночном обучении стрельбе следует признать развитие внимания и наблюдательности в солдате; поэтому весьма полезно, например, практиковать во время стрельбы перенос огня отдельными стрелками по указанию обучающего, требуя при этом определения дистанции до новой цели и точки прицеливания самим стрелком; полезно вызывать для командования отделениями не только коман-

диров отделений, но и других — по назначению обучающего и т. п.

Из сказанного видно, что одновременно с обучением стрельбе необходимо практиковать солдат в глазомерном определении расстояний.

Употребление холодного оружия. Чтобы броситься в штыки или в шашки, человек должен ожесточиться; думать и соображать при этом много не нужно, даже чем меньше думать, тем лучше: удар будет решительнее. Ясно, что при исключительной или даже предпочтительной практике в действии холодным оружием... частое возбуждение нравственной стороны до ожесточения должно повести за собою пренебрежение к умственному развитию. Но регулярные войска в мирное время не имеют подобной практики в употреблении холодного оружия и по необходимости должны ограничиваться только фехтованием и проделыванием обстановки холодного удара масс, т. е. движениями и перестроениями. Это ведет к увлечению сомкнутым строем, худшему двух первых (грамотность, пассивное применение к местности).

Фехтование. В бою только тот бьет, кто не столько заботится о собственной защите, сколько о том, чтобы наносить удары. Система обучения военному фехтованию должна быть построена самым строго последовательным образом на этой мысли.

Известно, что большая часть учителей фехтования основывает свою систему на обратном: не наноси удара, не отпарировав. Опять противоречие того, что кажется логическим при мирном взгляде на дело, с тем, чего требуют условия боя: в то время, когда мирная логика обрабатывает фехтование в искусство отражения ударов с возможностью их наносить, боевая логика требует, чтобы оно было искусством нанесения ударов с возможностью их отражать.

Фехтование также разлагается при обучении на отделы: 1) фехтовальные приемы без видимой цели; продолжительная остановка на них ведет к тонкостям вроде салютов. При обучении приемам должно принять необходимым условием, чтобы выпады делались не иначе, как против видимых целей и в назначенную точку; это необходимо в видах приучения к меткости и силе ударов. После удара приучать быстро отдергивать штык. Должно постоянно помнить, что при действии холодным оружием глазомер несравненно более важен, чем при стрельбе; там ошибка в определении расстояния или неверность руки ведет к потере пули; здесь она может повести к потере жизни.

На силу удара должно обращать особенное внимание для того, чтобы солдат других ударов, кроме наносимых «от сердца», не знал¹. 2) Бой с противником, приучающий солдата к ловкости и подвижности при нанесении ударов и к тому, чтобы видеть хладнокровно острие штыка у груди. Остановка на этом отделе развивает ловкость ударов в ущерб силе и меткости их.

Согласование своих движений и действий с движениями и действиями товарищей.

Каждая цель на войне вернее достигается соединенными усилиями многих, направленными к достижению общей цели: это составляет сущность так называемого *единства действия*.

Под единством действия должно разуметь его единодушные, но отнюдь не одновременность движения. Необходимо, вообще, различать между собою — *движение и действие*.

Движение должно вести к тому, чтобы стать в выгоднейшее положение относительно противника; действие же имеет целью начать поражать его, став в такое положение.

Понятно, что *при действии* единства во времени и в месте никогда или почти никогда не будет, а единодушные должны существовать, иначе цель достигнута не будет.

В *движении* возможно достижение и единства (во времени и месте), и единодушия, причем единство во времени и в месте явится здесь внешним выражением единодушия. Но так как в мирное время единодушные действия ничем не возбуждается, то и ограничиваются достижением единовременности движения; возникает, таким образом, зачастую увлечение стройностью движения, которое выражается увлечением *подготовкой солдата к сомкнутому строю*.

Чтобы показать, какие последствия влечет за собой это увлечение, необходимо обратиться к тому времени, когда стройности движений не существовало; а это было не далее как лет полтораста тому назад, т. е. в половине XVIII века². Для стройности движений необходимо, чтобы люди шли в ногу и шагом одинаковой скорости и

¹ Полагаем, что от требований колоть, запуская штык по трубку, можно отказаться, так как при уколе до трубки отдернуть штык быстро нет возможности. Но предостерегаем от того, чтобы удар не ослаблять; иначе будут не раны, а царапины.

² Римлянам и грекам была известна стройность движения, но с падением военного искусства в средние века она была совершенно забыта.

размера; как это ни просто кажется, но до половины XVIII века никому в голову не приходило. Можно себе представить, какая стройность тогда была возможна! Явился, наконец, великий человек, который открыл эту, столь, повидимому, простую вещь; это был маршал Мориц Саксонский. Долго ему не удавалось осуществить свою мысль на деле, ибо к новому люди трудно привыкают; но, наконец, мало-помалу поняли, что только при мерном шаге военная часть действительно может двигаться как один человек. Поняли, что этим приобретался громадный залог успеха в бою, особенно против частей, которым стройность движения не известна.

Но как же обучить мерному шагу? Даже и задумавшие это впервые не имели понятия о том, как нужно взяться за дело, чтобы добиться движения в ногу. О солдатах и говорить нечего: они не могли себе представить, чего от них хотят, они были в положении худшем, нежели нынешние новобранцы, которые, если сами не умеют ходить в ногу, то по крайней мере видят, как это делают старые солдаты.

Итак, в период введения мерного шага положение обрисовывается таким образом: высшие начальники знают, чего хотят, но практических приемов к осуществлению своей мысли не имеют; солдаты и низшие начальники не понимают даже совсем, чего от них хотят.

Как же взяться за дело, как добиться, чтобы сотни людей одновременно поднимали и потом ставили на землю одну и ту же ногу? Как поправить ошибку, если кто-нибудь начал движение не с той ноги или не с желаемой скоростью? Средство одно — замедлить человеческий шаг, т. е. заставить солдат ходить медленнее, чем при обыкновенной человеческой походке. Но для непривычного глаза и этого было недостаточно; что же сделать? Разложить шаг на составные части, и каждую исполнять не иначе, как по команде. Вот каким постепенным и совершенно логическим путем возникла та система обучения мерному шагу, которая во всех европейских армиях была признаваема за необходимую в течение почти ста лет; вот как вошли в употребление тихие учебные шаги в три, два, один прием и вовсе без приемов; скорый шаг в один прием, и только после него переходили к чему-то похожему на натуральный человеческий шаг — к скорому шагу.

Но, разделив шаг на составные части, скоро заметили; что и приемы можно исполнять довольно разнообразно: один поднимал ногу выше, другой ниже; один ее проносил скоро, другой медленно. Это резало глаз, начинавший получать навык к однообразию; а может быть, так как дело было новое, обучающим казалось, что если не уравнивать подобных мелочей, то не будет и мерного шага; как бы то ни было, но сказанное разнообразие, зависящее от разнообразия физического склада людей, вызвало целый ряд правил о высоте, на которую следует поднимать ногу, о скорости, с которою ее следует поднимать и опускать, о скорости проводки ноги подле каблука и проч. и проч. Решили, наконец, вытягивать носки; это противоречило строению ноги, но способствовало однообразию, ибо вытянутые носки легче было выровнять...¹ Но обучать всему этому на месте не совершенно ровном невозможно: начали устраивать плацы, строго горизонтальные, убитые, усыпанные песком, одним словом, вполне способствующие изучению теоретического мерного шага, весьма сложного, отнимавшего много времени и с боевым делом не имевшего более ничего общего.

Видно из этого, что значит ограничиться одною какою-либо стороною боевого дела: что стройность движения играет первостепенную роль в обучении масс, — об этом никто спорить не станет; что для этой стройности необходимо каждому человеку, входящему в состав массы, несколько отказаться от своих физических свойств, — это также верно; но чтобы для стройности, необходимой в бою, нужно было ходить с носка, этого уже никто не докажет. Чему же приписать введение подобного приема обучения? Ничему иному, как *увлечению стройностью движения и забвению прочих отделов обучения солдата.*

Но на этом остановиться было нельзя: требуя тонкого однообразия походки или, правильнее, маршировки, рано или поздно, но неминуемо должны были перейти к требованию того же тонкого однообразия и в стойке и в делании ружейных приемов. Дошло до того, что солдат начали выдерживать на стойке по целым часам враз; на тихих шагах останавливались по несколько месяцев; мало того, даже со старыми солдатами возвращались к таким шагам ежегодно, несмотря на то, что они в ногу

¹ Многоточие автора.

ходить не забывали. Вся эта система выработана была в последние тридцать лет XVIII столетия.

Наконец, обучили всю пехоту мерному шагу; тогда положение переменилось в диаметрально противоположную сторону, ибо начали с того, что прежде были десятки тысяч не знающих мерного шага и ни одного инструктора, а кончили тем, что явились тысячи инструкторов и малое число рекрут, ежегодно поступающих в войска и невольно обучавшихся мерному шагу, попав в массу людей, которые им ходили. Кажется, при таких условиях можно было бы и отбросить подготовительные приемы обучения, но целое поколение выросло на них и привыкло смотреть на учебные шаги уже не как на подготовительное средство, а как на самостоятельный предмет обучения сам по себе составляющий цель. Понятно, что при этих условиях не только нельзя было вдруг отказаться от тихого шага, но даже подобное предложение должно было встречать самое враждебное противодействие. И так продолжалось почти до нашего времени, только не так давно (у нас после крымской кампании) решились, наконец, отказаться от учебных шагов.

Вот вкратце ход введения мерного шага во всеобщее употребление и возникновения тех требований строго однообразия в строю, удовлетворение которым занимало большую часть времени солдата. Из сказанного видно, что все возникшие при этом тонкости составляют не злоупотребление, а только последовательное усовершенствование стройности движения до той степени, на которой она более приятна для глаз, нежели полезна для боя.

С усовершенствованием огнестрельного оружия, действия в рассыпном строю приобрели важность, какой до того не имели; явился также запрос на личную сметку солдата: таковой, конечно, не оказалось, и естественно приписали этот недостаток притупляющему влиянию сомкнутого строя; а отсюда до заключения, что сомкнутый строй должно изгнать из мирных занятий, — один шаг, который разумеется не замедлили сделать, — но, по счастью, пока в теории только и только те люди, которым никто не поверил и не поверит. Факт притупляющего влияния исключительного увлечения сомкнутым строем совершенно верен, но заключение, из него сделанное, неверно по следующим соображениям

Упускается при этом из виду, *во-первых*, что многое в бою не менее и даже более важное, нежели сметка, может быть развито только благодаря сомкнутому строю, а именно: привычка быстрой и точной исполнительности, подчинения, согласования своих движений и действий с товарищами: следовательно, *сомкнутый строй имеет большое воспитательное значение.*

Во-вторых, нерациональное отношение к сомкнутому строю, заключавшееся в том, что на него смотрели как на цель, а не как на средство, и добивались от него только одной внешней красоты, было принято за единственное возможное и вытекающее из его свойств, что опять неверно: можно заниматься сомкнутым строем толково и рассыпным бестолково. Все дело в том, что и как требовать, а вовсе не в том, на каком строе требовать; если на сомкнутый строй смотреть как на средство развития внимания людей; если упражняться в нем, применяясь к местности, роду противника, положению и расстоянию, в коем последний относительно строя находится; если, другими словами, вести занятия так, чтобы последнему солдату было ясно, для чего такой строй пригоден, — сомкнутый строй, не утрачивая дисциплинирующего (воспитательного), приобретает в то же время и высокое развивающее (образовательное) значение. В этом случае произошло то, что с человеком часто бывает: свою вину, заключавшуюся в несоответственном применении сомкнутого строя, приписали этому последнему, хотя давно известно, что *никакое средство не может отвечать за злоупотребление им.*

В-третьих, некоторые находят, что так как в сомкнутом строе, понимаемом в мирном смысле, не дерутся на войне, то и заниматься им — значит заниматься тем, что для боя непригодно. В этом возражении упущена из виду коренная разница, существующая между двумя родственными предметами: подготовлением вооруженной силы к бою и употреблением ее в бою. Отношение к войскам в мирное и в военное время представляет так называемую антиномию или *противоположение.*

Цель мирного времени — подготовка, накопление, сбережение силы; *цель военного времени* — употребление накопленного, т. е. так или иначе истребление силы. Отсюда неминуемая противоположность в приемах подготовки войск в мирное время и в употреблении войск в военное

время. Например, стремление воспроизвести картины боя в мирное время при обучении — совершенно не рационально, обратно — применение при обучении войск сквозных атак — вполне рационально, хотя оно никакой картины боя не воспроизводит. Вообще, приемы обучения в мирное время, будучи по внешности отличны от того, что войска будут делать в бою, по существу своему должны развивать и прививать войскам те свойства, на эксплуатации которых основан успех в бою, и заглушить те свойства, проявление которых нежелательно в военное время.

Например, из приемов подготовки в мирное время должно быть исключено все то, что хоть в ничтожной степени играет в руку инстинкту самосохранения и проч. На том же основании — обучение сомкнутому строю, который развивает в людях способность мгновенно подчиняться одной воле, положительно необходимо.

Для стройности движения человек должен отказаться от некоторых из своих физических свойств, следовательно, в основе этого занятия лежит автоматизм, т. е. подчинение разнообразных физических свойств различных личностей одной известной норме. Ясно, что при исключительном преобладании этого отдела ни ум, ни воля практики иметь не могут, ибо все внимание будет устремлено на развитие в каждом человеке одной способности — совершенно однообразно с другими ходить, стоять, махать руками, исполнять все, что ни потребуется. Ясно также, что отделы образования, не особенно благоприятствующие развитию этой способности, а вызывающие деятельность ума и воли, при таком увлечении остаются без внимания¹.

Влияние крайностей этого увлечения на склад понятий не трудно предугадать: 1) стремление к однообразию везде и во всем; 2) стремление довести до совершенства внешнюю сторону службы и забвение существеннейших ее обязанностей, потому что в них нет ничего показного, прельщающего глаз; 3) расширение власти начальника за пределы закона.

Увлечение этим отделом образования особенно было сильно в эпоху Фридриха II; и, будучи сам великим полководцем, он до-

¹ Известно, что во время увлечения стройностью движения ни на стрельбу, ни на обучение работе штыком, ни, наконец, на развитие одиночной ловкости не обращали никакого внимания.

шел однакож до убеждения, будто «солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятельской пули». Упущено было в этом афоризме одно из виду: можно бояться палки более, чем пули; но нельзя бояться ее более, чем штыка...¹ Но это упущение было совершенно естественным последствием увлечения стрелностью.

Отсюда видно, что увлечение эволюциями масс сообщает склад понятиям о дисциплине, противоположный тому, какой они получают при увлечении стрельбой. В первом случае личность солдата является более или менее подавленной; во втором — она слишком выдается в ущерб единству, особенно необходимому при действии холодным оружием. Между тем для боя нельзя удовольствоваться чем-нибудь одним, ибо там нужен человек, способный и на то, и на другое; способный в рассыпном строю быть самостоятельным, в сомкнутом — обращаться в автомата; способный быть спокойным во время действия огнестрельным оружием и обращаться в зверя при действии холодным. Таким образом, при современных условиях должно быть обращено серьезное внимание не только на подготовку солдата к сомкнутому строю, но и к действию в рассыпном строю; первое имеет скорее воспитательное значение, а второе является подготовкой к современному бою в прямом смысле.

Из всего сказанного легко убедиться еще в том, что, *каким бы отделом образования солдата мы ни увлеклись, мы неминуемо отклоним его от его боевого назначения и материально и нравственно.*

Остается сказать о средстве противодействовать этому увлечению: заключается оно в исполнении основного закона всякой человеческой деятельности, по которому человек, приступая к изучению какого-нибудь предмета, начинает с разложения его на составные части, изучает их отдельно и затем соединяет их в одно, не останавливаясь слишком долго на отдельном изучении. Учитесь ли вы читать, писать, пахать, плотничать, — вы постоянно держитесь этого пути. Следует его держаться и в образовании солдата.

Само собою разумеется, что до полного соединения всех отделов боевого ремесла дойти невозможно, так как в мирное время недостает для этого главной данной — неприятеля; но следует вести это соединение так далеко, как только допускает мирное положение.

¹ Многоточие автора.

Какие именно отделы с какими соединять, — показывает предшествующий разбор и условия боя; в бою не приходится перед неприятелем только ходить или располагаться, а должно сопровождать движение или расположение употреблением которого-либо из орудий, — будем делать то же и в мирное время против целей неодушевленных.

Применение к местности. Применение к местности состоит, как уже сказано, в умении преодолевать встречаемые преграды и пользоваться ими для своего укрытия от взоров и выстрелов противника. Гимнастика, развивая силу и ловкость, служит подготовкой к этому отделу, но еще не дает его: гимнастические преграды не то, что местные, и приучаться преодолевать последние можно только на местности.

Но так как местные препятствия бесконечно видоизменимы, то понятно, что большее или меньшее умение их преодолевать или ими пользоваться определяется исключительно личной сметливостью солдата, а не изучением каких-либо для того правил; очевидно также, что преподавание правил применения к местности может только помешать развитию сметливости.

Преодоление местных преград (активное применение к местности) есть неоспоримо важнейшая часть этого отдела; *умение же пользоваться преградами для своей защиты приобретаетса отчасти само собою, при стрельбе, вследствие необходимости искать опору ружью, но тем не менее должно составлять предмет одиночного обучения.* Так как пассивное применение к местности способствует развитию чувства самосохранения, которое, напротив, должно стараться притупить в солдате упражнениями, развивающими в нем отвагу и неустрашимость, то в обучении применению к преградам для укрытия не следует идти дальше показа — как стрелять из-за разных местных предметов. Притом не должно забывать, что в мирное время можно выучить ловко укрываться за местными преградами, но не упорно отстаивать их; между тем как в бою последнее только и важно, и это последнее может сделать только тот, кто не особенно думает о своем собственном укрытии. Рядом с этим активное применение к местности (преодоление преград) должно быть одним из главнейших мирных упражнений солдата, ибо оно представляет видимую цель, по свойству своему

менее дает простора мирному стремлению подчинять все определенным правилам, а более — сметке солдата; оно развивает ловкость и отвагу и притупляет инстинкт самосохранения.

Сказанное о пассивном применении к местности относится только до одиночного обучения, а не до обучения частей. Укрыть хорошо часть труднее, чем укрыться одному человеку; притом же там не каждый солдат распоряжается самим собою, а все подчинены начальникам и все исполняют не иначе, как по их приказанию или команде; следовательно, практика в укрытии частей боевого порядка должна составлять одну из главных забот начальников; такого рода применение к местности является главным из рациональных средств противодействия современному скорострельному огнестрельному оружию.

Окопное дело. Как необходимое подспорье применению к местности, окопное дело должно также составлять одно из занятий солдата в мирное время; там, где препятствия трудно одолимы, он должен уметь сделать их легко одолимыми при помощи искусства; там, где нет преград и закрытий, а пункт важен, он должен уметь создать их. Такого рода работы составят фортификационную подготовку солдата.

Но и здесь, во избежание увлечения и бесцельной работы, должно вести занятия так, чтобы они всегда были осязательно полезны. Для этого только первые, показательные занятия могут быть самостоятельными, а следующие затем занятия должны быть производимы одновременно с тактическим обучением части; при этом для успеха дела необходимо, чтобы фортификационные работы вытекали из сущности тактических действий наступающего и обороняющегося и непременно сообразовались бы с временем, в течение которого допустимо ими заниматься по ходу тактической задачи.

Часто случалось, что изучившие фортификационные правила думали на деле не столько о том, чтобы возводить постройки сообразно с обстоятельствами времени и места, сколько о том, чтобы изученное осуществить наперекор этим обстоятельствам. Да притом в поле и не требуется никаких хитрых сочетаний линий; и всякий, верующий в свой здравый смысл, без труда и сразу увидит, какое направление нужно дать фронту батареи или окопу.

Фортификационные формы то же, что уставные: в мирное время учат воспроизводить их с идеальной правильностью и нескольких только видов, а в военное их нужно будет строить где придется и как придется, т. е. разнообразить до бесконечности. Там уже, конечно, нельзя требовать правильности. Но кто привык требовать ее в мирное время, способен ли тот легко от нее отказаться в военное? Конечно, нет, и зачастую будет расположен требовать ее там, где она невозможна или бесполезна.

СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ ОДНОСТОРОННИМ УВЛЕЧЕНИЯМ КАКИМ-ЛИБО ОТДЕЛОМ

Из отделов обучения видно как то, что все они необходимы, так и вред увлечения одним или несколькими из них. Вред этот явствует и из того, что, занявшись только некоторыми отделами в ущерб остальным, мы получим солдата, который узнает не все дело, а только часть его, следовательно, вполне для боя подготовлен не будет, и из того еще, что увлечение каким-либо одним отделом дает понятиям и солдат, и начальников не тот склад, который нужен для боя. Очевидна настоятельная необходимость противодействовать возможности подобных увлечений. Цель эта достигается, во-первых, *распределением времени между отделами соответственно их важности*; во-вторых, *соединением строевых учений с действием оружием, насколько то в мирное время возможно*. Это последнее средство будет разобрано в отделе обучения частей. Здесь же укажем на первое, т. е. на то, как следует распределять время, употребляемое на одиночные занятия.

Рациональное распределение времени, или составление так называемого учебного плана, в особенности важно теперь, при коротких сроках службы, при которых нельзя терять даром ни минуты; без такого плана, и без строгого следования ему, успех немислим. Только учебный план, заранее соображенный, дает возможность чего-нибудь не забыть и соблюсти должную постепенность в том, что после чего проходить следует. Руководящими основаниями при составлении учебного плана служат:

а) относительная важность отделов; б) объем времени, данного на одиночную подготовку. Относительная важность предметов определяется следующими положениями: 1) воспитание должно быть поставлено выше образования; 2) образование представляет предметы двойного характера: одни имеют целью выучить солдата действию (употреблению оружия); другие ознакомить его с обстановкою действия (гимнастика, строй, применение к местности с землекопством). Понятно, что при недостатке времени следует первым предметам предоставлять время насчет вторых, а не наоборот. Положим, что на подготовку новобранцев нам была бы дана только неделя: мы употребили бы ее на внушение им обязанностей солдата вообще и часового в частности; на то, чтобы дать им понятия об ударе штыком, о стрельбе и чистке ружья, а остальные отделы пропустили бы совсем.

К этому необходимо прибавить, что учебный план заключается не в огульном назначении уроков общей цифрой на каждый предмет и на весь период занятий, но в распределении их по неделям. Необходимо это потому, что огульное распределение времени не указывает, в какой последовательности нужно вести различные предметы образования, и не представляет гарантии против увлечения каким-либо одним или несколькими излюбленными предметами в ущерб остальным.

КАК УЧИТЬ СОЛДАТА? МЕТОД

Метод обучения солдат, если припомним, выражается условиями:

1) *Учить солдат боевому делу в такой последовательности, чтобы они из самого хода обучения видели цель всякого отдела образования.*

Это положение вытекает из свойства ума человека, в силу которого у него, что бы ни заставили его делать, невольно является вопрос: почему? зачем?

Если постепенность занятий рассчитана на удовлетворение этому вопросу, то всё изучаемое, будучи во взаимной причинной связи, доступной пониманию солдата, будет им усвоено и прочнее, и в кратчайший срок.

В силу этого условия сам обучающий должен подготавливаться к обучению и каждый раз, как бы хорошо он

ни знал преподаваемое, должен намечать себе программу занятий. Вне всякого сомнения, что намеченная программа далеко не всегда будет исполнена в данный срок, потому что обучающий не должен переходить к следующему отделу или положению до тех пор, пока он наглядно не убедится в том, что преподанное в достаточной мере усвоено.

2) *Учить преимущественно примером, т. е. показывать, что и как сделать, прибегая к изустным объяснениям только в случае действительной необходимости.*

Это положение проистекает, главным образом, из свойств самого дела, которому обучают: военное дело — дело практическое; и из свойств того, кого именно обучают: солдат — простолюдин — не говорлив, не привык выслушивать и понимать длинные разговоры; да и при выполнении 1-го условия (целесообразность) в разговорах нет особой надобности.

Советуя прибегать к *показу* преимущественно *перед рассказом*, мы вместе с тем предостерегаем от увлечений этим приёмом, которые неоднократно наблюдались. Для пояснения приведем примеры, взятые из жизни, огласить которые мы считаем своим нравственным долгом. В некоторых войсковых частях, где увлечение «показом» было доведено до крайности, во время занятий люди, изображавшие возмущившихся арестантов, производили такой беспорядок, что часовые, которые не могли же их укрощать на самом деле, совершенно не в состоянии были с ними справиться и усмирять их приходилось ротному командиру; изображавший, весьма естественно, пьяного посетителя в роте, войдя в свою роль, начинал ругаться площадными словами и вступал в драку с дежурным, желавшим его удалить, пока не был призван к порядку также ротным командиром; люди, изображавшие новобранцев, окончательно ничего не хотели понимать, как бы ни объяснял им учитель, причем более остроумные вызывали своими выходками совершенно неуместную веселость в окружающих. Таким образом серьезные занятия превратились в какое-то дурачество, во время которого внимание людей более привлекалось остротами арестантов, пьяных и новобранцев, чем распоряжениями должностных, да добро бы в дурачество, — пожалуй, и в разврат: из-за желанья обучить одних, — как справиться с арестантами, — обращать других, хотя бы и примерно,

в арестантов, — педагогика по меньшей мере странная. Ведь солдата должно воспитать так, чтобы он осмотрел на арестанта, как на преступника; а тут человека честного заставляют разыгрывать преступника...¹

Бывало также, что для «показа» обязанности дневального в роте следить за целостью вещей — приказывали кому-нибудь залезть в чужой сундук, т. е. честного человека заставляли разыгрывать роль вора — педагогично, нечего сказать...² Придет ли, например, в голову честному отцу заставлять одного сына изображать вора для того, чтобы показать другому сыну, как нужно оберегаться от воров? Конечно, не придет. От такой науки вместо просвещения можно получить растление. И при любви к делу — всякий подобный приём, конечно, будет отвергнут даже без обсуждения. Но при казенном желании пройти все без исключения не иначе, как «показом», этот способ рекомендуется без зазрения совести.

Нужно помнить, что учитель для ученика, а не наоборот. И потому учитель должен удовлетворять не своей потребности учить, а потребности ученика — знать, следовательно, давать ему только то, что без пособия учителя ученик узнать не может, не размазывать ему того, что и без учителя понятно, и уже ни в каком случае, конечно, не загрязнять ему мысли и сердца такими вещами, которые для честного солдата должны быть мерзостью. А то — на одном уроке представляй арестанта, вора, а на другом — учишься быть честным солдатом...³ Выходит так, что это как будто только разные, но равноправные специальности. В приведенных только что примерах нравственная перспектива устранена в обучении из-за невоздержанного желания всё пройти непременно «показом».

К делу воспитания и образования солдата нужно прилагать более здравого смысла и в особенности более сердца; где этого нет, там прием самый лучший приведет: в лучшем случае — к нелепости, в худшем — к разврату.

И потому обращать святое дело воспитания и образования солдата в какое-то лицедейство и забаву, вплоть до раздачи нечистоплотных ролей, — не годится.

¹ Многоточие автора.

² Многоточие автора.

³ Многоточие автора.

УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УСПЕХ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ СОЛДАТА

«Каждый начальник должен развивать и поддерживать в солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите престола и отечества от врагов внешних и внутренних»¹, — столь высоко должно быть звание солдата. Такому почетному званию, казалось бы, должно соответствовать известное внешнее положение солдата среди окружающих его граждан; поэтому ограничения, вроде того, чтобы солдат не ходил по некоторым улицам, не входил в трамвай и многие другие, представляются несоответственными. Существование таких ограничений, с одной стороны, является наследием старины, а с другой — ограничением вынужденным, но вместе с тем и несоответствующим достоинству воина, призванного к защите престола и Отечества.

Вынужденность таких ограничительных правил проистекает из того, что солдат не воспитан в духе воинской вежливости и в убеждении, что военный мундир налагает на него обязанность быть вежливее и сдержаннее тех, кто такого мундира не имеет. Наш солдат в общем необуздан и потому не в силах держаться прилично и сдержанно во всех случаях. Такое обстоятельство, однако, не может быть поставлено солдату непосредственно в вину, так как он, про исходя из народной массы, далеко не всегда приносит с собою на службу даже и сознание в необходимости быть вежливым и сдержанным. Благодаря отсутствию офицерской воспитательной работы над солдатом, этот недочет не восполняется в нем и на службе.

Таким образом, недостаток достойного внимания и участия г.г. офицеров в деле воспитания солдата приводит, по необходимости, к таким ограничительным правилам, которые не соответствуют почетному званию солдата. В результате, требование ст. 4 «Устава дисциплинарного» — поддерживать в солдате сознание о высоком значении воина, далеко не всегда является практически уравновешенным с окружающей обстановкой.

Благодаря этому теряется главнейшее, т. е. то нравственное начало, ради которого солдат стремился бы вос-

¹ Из ст. 4 Дисциплинарного устава.

принять преподаваемое ему, стремился бы сделаться настоящим солдатом, звание которого почетно — и в рассказе учителя и на практике.

Г. г. офицеры, приложите всё ваше усердие к делу воспитания солдата в духе истинной воинской дисциплины, вежливости и сдержанности, тогда не нужны будут несообразные с почетным званием солдата разные ограничения, тогда звание солдата делается почетным в действительной жизни. Достигнув такого положения, вы вместе с тем привьете будущим поколениям, т. е. новобранцам, нравственную энергию, которая заставит их стремиться к скорейшему восприятию солдатского воспитания и образования, дабы достигнуть *действительно почетного* звания солдата.

Наряду с работой нравственного характера, успешному ходу воспитания и образования солдат в значительной мере содействует такое их содержание, которое не истомляет и не надрывает физических сил.

Не следует, однако, думать, что утомление вследствие непривычки к известного рода упражнениям может служить поводом к перерыву занятий; наоборот, при постоянном втягивании в работу такое утомление совершенно исчезает.

Таким образом, необходимо:

- 1) Кормить солдат по-людски.
- 2) Не изводить на бестолковой работе.
- 3) Из каждых трех ночей — две в кровати, кроме особых напряженных случаев несения службы.
- 4) В работу втягивать исподволь, не надрывая сил.
- 5) При обучении исправлять словом, а не руками: понятнее и не обидно; если слов не понимает, — показать на себе, а чтобы было виднее, — становиться от обучаемого не ближе трех шагов.

Успех обучения молодых солдат зависит от манеры обращения с ними. Обучающие должны помнить, что если молодой солдат не исполняет чего-либо или исполняет дурно, то это происходит, за весьма редкими исключениями, не от нерадения, а от непонимания требований; помочь этому можно только терпеливым и кротким объяснением молодому солдату того, что он должен делать, а не взысканиями; взыскания в подобных случаях могут только окончательно запугать и ошеломить его.

Только неисполнительность, происходящая от нерадения, должна быть преследуема соразмерными взысканиями.

Общие начала воспитания и образования, высказанные выше, одинаково относятся к воспитанию и образованию солдат всех главных и вспомогательных родов войск. Всё вышеизложенное относительно образования применимо полностью к подготовке пехотинца. Подготовка солдат в коннице и артиллерии имеет сверх высказанных общих начал некоторые особенности, о которых сейчас же и оговорим.

ДОПОЛНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ КОННИЦЫ

Общие начала воспитания и образования, если припомним, были:

1) Учить войска в мирное время только тому, что они должны уметь делать в военное; 2) учить в такой последовательности, чтобы новобранец из самого хода обучения видел, зачем его учат тому или другому; 3) учить больше показом, нежели рассказом.

Наиболее верное применение этих начал в отношении одиночной выработки всадников и лошадей представляют конницы естественно возникшие; система образования, в них выработанная, останется с боевой точки самую совершенную навсегда; можно ее испортить, но улучшить трудно. Причину такой, повидимому, странности объяснить легко: конница действует преимущественно холодным оружием, как известно, несовершенствуемым; нельзя себе также представить возможности развития быстроты лошади и сил человека более того, что есть теперь и что было с тех пор, как существует конница. Другими словами: так как она состоит главнейше из элементов, созданных природой (из человека и лошади), а не изобретенных умом человека; так как совершенствуемость этих элементов возможна только в пределах весьма ограниченных, то ясно, что такое состояние конницы, которое возникло под давлением боевой необходимости, будет, во-первых, лучшее, во-вторых, останется вечно одним и тем же...

Итак, в деле образования всадника есть образец, к которому должно стремиться; следует определить только,

в чем именно естественные конницы могут служить примером регулярным. Так как ни одна естественная конница не выработала сомкнутого строя, то ясно, что пример их может распространиться только на одиночную подготовку всадника; все же касающееся до действий и маневрирования в сомкнутом строю следует брать у тех регулярных кавалеристов, которые теперь, как Зейдлиц и Циттен в свое время, показывают на деле, что учили свои части сомкнутому строю сообразно боевым требованиям.

Воспитание. Нравственное воспитание всадника должно иметь целью развитие тех же качеств, что и в пехоте.

Разница будет в том, что некоторые из этих качеств в коннице должны быть оттенены большим порывом: так, решительность во всаднике должна переходить в сумасшедшую удадь, развитую до того, чтобы пущенный в атаку, он летел, сломя голову, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Но так как уже доказано, что известное нравственное настроение в человеке может быть достигнуто только соответственным направлением и его практических занятий, то понятно, что в одиночном образовании всадника все должно быть соображено так, чтобы развить в нем чувство чести, удадь и бесстрашие до возможной степени.

Образование. Сообразно тому, что всаднику нужно на войне, образование его представляет следующие отделы:

а) ОБУЧЕНИЕ ПЕШКОМ

1) Уход за лошадыю и сбережение оружия; седлание, взнуздывание и мундштученье.

2) Гимнастика; приучение к движению в пешем строю.

3) Нанесение ударов пикою и шашкою; стрельба боевыми патронами из револьвера и ружья.

4) Саперная подготовка.

б) ОБУЧЕНИЕ ВЕРХОМ

1) Езда различными аллюрами на уздечке и потом на мундштуке; в манеже и затем в поле. Вольтижирование без оружия. Прыганье через барьер. Плавание.

2) Действие оружием с лошади в поле (вольтижирование с оружием, действие оружием на медленных и бы-

стрых аллюрах в неподвижные и подвижные неодушевленные цели; нагибание на лошади, попадание в бросаемые предметы и проч.).

3) Подготовка к сомкнутому строю и к атаке в этом строю против неподвижных целей. Сквозные атаки.

4) Выработка выносливости в человеке и лошади (учения с постепенно увеличиваемым выюком, строевые проезды, продолжительные походные движения).

5) Подготовка к сторожевой службе.

6) Подготовка к разведывательной службе.

в) ВЫЕЗДКА ЛОШАДИ

Подчинение воле всадника лошади в движении, в поворотах, в остановке; развитие способности к быстроте до возможного предела.

Наконец, как подспорье развитию, грамотность не должна быть упускаема из виду ни в одном роде войск, следовательно, и в коннице. Необходимо также знание устава внутреннего и других...¹

ДОПОЛНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ АРТИЛЛЕРИИ

Воспитание. Нравственное воспитание артиллериста должно быть основано на стремлении развить в нем те же общие качества, что в пехоте и коннице. Кроме того, в артиллеристе должны быть особенно развиты: возможное спокойствие во всякого рода обстоятельствах, терпение, находчивость, привязанность к своему орудию и вера в него. Развитие нравственных качеств достигается и в артиллерии тем же путем. Значение точного исполнения устава внутренней службы и практики караульной службы — в артиллерии остаются те же, что и в других родах войск.

Привязанность к своему орудию и уверенность в том, что с ним можно делать дела, артиллерист приобретает тогда, когда будет знать его силу и значение в бою; когда будет ясно представлять себе ту роль, которую он вместе

¹ Подробности об обучении кавалеристов и сбережении лошадей опущены.

с ним будет играть в бою. Это достигается ознакомлением его с устройством, свойствами и действием орудия, насколько то возможно в мирное время; а равно и с особенно характеристическими случаями употребления орудий в бою и с выдающимися подвигами артиллеристов¹.

Образование. Сведения, которыми должен обладать артиллерист, следующие:

а) Артиллерийская специальность.

1) Знание артиллерии.

2) Арифметика и грамота, как пособие артиллерии.

3) Пеший строй, гимнастика и фехтование.

4) Занятия при орудиях.

5) Глазомер и подготовка наблюдателей.

6) Стрельба.

7) Подготовка разведчиков.

8) Вспомогательные действия.

9) Лабораторное дело.

10) Мастерства.

11) Окопное дело.

б) Занятия относительно лошади.

1) Содержание лошадей и выездка их.

2) Подготовка ездовых и обучение верховых чинов езде...²

Примечание. Ввиду тех значительных потерь, которые наблюдались в артиллерии в минувшую войну 1904—05 гг., и того высокого морального значения, которое имеет артиллерия в бою, не подлежит сомнению, что подготовка артиллеристов должна быть рассчитана таким образом, чтобы батарея, понеся потери в бою, все-таки не прекращала огня и могла бы действовать с наименьшим числом прислуги.

Убеждение: «скорее погибну, чем прекращу огонь в решительную минуту» — должно еще в мирное время укрепить в душе каждого артиллериста.

¹ Ряд хорошо подобранных, просто и правдиво изложенных фактов, поясненных соответствующими картинками волшебного фонаря, поможет воображению солдата получить верное представление и о значении орудия, и о том, что при нем он должен делать. Этим путем можно сделать больше, чем механическим заучиванием, которое, как известно, может быть достигаемо без малейшего представления о смысле заучиваемого.

² Подробности опущены.

СОВЕТЫ УНТЕР-ОФИЦЕРАМ И УЧИТЕЛЯМ, КАК УЧИТЬ МОЛОДЫХ СОЛДАТ ГАРНИЗОННОЙ СЛУЖБЕ

Гарнизонная служба — первейшее дело в мирное время; всякий офицер и унтер-офицер должны осмотреть, чтобы их люди твердо знали и свято исполняли эту службу.

Как же учить ей?

Припомни, как тебя самого учили? Верно заставляли заучивать правила, и ты заучивал их, ни разу не видевши ни часового, ни караула, ни разводящего; ничего, одним словом, из того, что составляет караул и как он служит. И трудно, чай, тебе доставалось, потому что трудно человеку запомнить и говорить то, чего он ни разу не видел. И только сходявши много раз в караул, начинал ты до-мекать, что и как нужно делать. Но ведь тебя бог не обидел толком (иначе бы ты и в унтера (или в учителя) не попал); а каково же иному тупому? Потеет он, трудится; двадцать раз ты заставишь его повторить то же и в двадцать первый видишь, — он только и задержал, что часовой должен не спать, не дремать, господам офицерам честь отдавать. Сам ты видишь, что из такой науки толку мало; что поставь его на важный пост с таким знанием, и он тебе, стоя на часах, и ружье отдаст, и даст себя сменить не тому, кто его на часы поставил, и чего доброго подарок или под сохранение чего-нибудь примет, и мало ли каких глупостей может наделать. А все почему? Потому что не так его учили.

Простого человека нужно учить не словом, а делом; примером, показом. Покажи ты ему что-нибудь раз, и он задержит, поймет и будет помнить это лучше, чем ты ему расскажешь двадцать раз.

Это первое правило.

Сразу о многом ему не толкуй.

Это второе правило.

Пока учишь, никогда не сердись; разве когда для самого показя дела нужно, тогда притворись и рассерженным.

Сроки службы теперь коротки, едва поступил, не успел оглянуться, уже и уходит: значит нужно и скоро, и толково учить. А это можно сделать только так, как я тебе только что сказал.

Можешь ты подумать: «сам говорит, что нужно учить с примера, а пока только рассказывает, а примеров не дает». Подожди, сейчас будут и примеры. Совсем без слов обойтись нельзя, и ты должен начинать со словесного объяснения; но только на нем не нужно долго останавливаться, а следует сейчас переходить к примеру.

ПОКАЗ ОБЩИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧАСОВОГО

Объяснение. Скажи ему, что он без разводящего никого не должен подпускать к предмету, который охранять поставлен; что, стоя на часах, никому, кроме государя императора, ружья отдать не может; что сменить его может только тот, кто его на часы поставил, а пока не сменят, то хоть бы его на куски резали, поста своего оставить не может; что ни от кого и ничего ни в подарок, ни на сохранение принимать не должен.

Показ. Положи какую-нибудь вещь (ружье, мундир или что иное), назначь разводящего и прикажи ему поставить молодого солдата на часы к этой вещи, чтобы он ходил подле нее, как разрешено на часах. Затем сам уйди подальше, но так, чтобы видеть, и подошли солдатика половчее, чтоб попробовал унести охраняемую вещь. Если часовой его отгонит, тот должен не послушаться и все-таки попробовать взять; если часовой на него бросится со штыком, — значит, знает; тогда подойди и похвали.

«Славно, молодец! Вот тебе гривенник (или что у тебя есть) на чай!» Если оплошает и возьмет: «Ах ты, срамник! Да разве часовой может что-нибудь от кого-нибудь принимать? Толковый солдат, а сразу надуть можно. Стыдно, стыдно!» А гривенник, разумеется, назад в карман.

Затем, сказавши, чтоб он тебя принимал за офицера и честь отдавал, опять отойди. Затем подходи и смотри, — станет ли он как следует, возьмет ли во-время на караул, проводит ли глазами.

А подойдя к нему, накинься на него сердито и постарайся затуркать: «Как руки держишь? Мало я тебя учил! Выше, ниже, вправо, влево! Да не так нужно держать, а вот так», и при этом бери у него ружье, как будто для

показа, как нужно держать на караул. Если оплошает и отдаст, пристыди и напомни, а не отдаст — похвали.

После этого скажи: «Ну, теперь будешь помнить, кому можешь ружье отдать, стоя на часах, и все другое?» Наверное ответит, что будет, и скажет правду, потому ты его испытал. Попадется ли он в ловушку, или нет, а помнить будет и в другой раз не попадется. «А теперь ступай, довольной!» Если сойдет, пристыди, а не сойдет, спроси, — почему не слушается. Он тебе ответит, что только разводящий его может сменить. Тогда похвали и пошли разводящего, только не того, кто его поставил, а другого.

Если послушается и сойдет, пристыди и объясни, что не всякий разводящий его может сменить, а только тот самый, кто его поставил на часы; не послушает — похвали.

Точно также испытай и на том, чтобы ничего на хранение не брал.

Само собою разумеется, что можно так перебрать молодых солдат и не поодиночке, а двух или трех разом; лишь бы ставить их часовыми на таком расстоянии, чтобы другие не слышали, как ты ловишь одного.

Для верности — одного урока мало, а нужно сделать два-три.

И когда это молодой солдат твердо узнает, тогда ты ему уже словесно передай, что он не может на часах сидеть, спать, есть, пить, курить, нюхать, петь, свистать, с посторонними разговаривать, ружейные приемы делать. Это можно уже объяснить на словах, потому что после таких уроков он поймет, что такое «часовой». Да и пример трудно подобрать такой, чтобы показать ему, что он спать не должен на часах. Но если молодой солдат глуповатый, то на всем остальном его испытать можно так же, как уже показано. Подослать солдатика поговорить с ним, предложить ему трубочку, кусок хлеба; а если найдется, то чего-нибудь и полакомее, селедку там или что! Для этого лучше выбрать время, когда ему очень хочется есть; примерно перед обедом или перед ужином. Попадется он на эту штуку, пристыди; а не попадется — похвали.

Вот тебе общие обязанности часового и готовы; при том готовы в два, много в три урока даже с глупым молодым солдатом, а умному и одного урока на это до-

вольно. Он тебе, может быть, не сумеет рассказать, да зато сумеет сделать, а ведь этого и нужно добиваться.

Не краснобаев мы должны готовить, а честных и толковых исполнителей службы.

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРА

При современных коротких сроках службы солдата, сформировать его может только офицер, конечно, при помощи унтер-офицеров и учителей, которых сформирует он же сам в предшествующие годы; и будут они ему помощниками в такой же степени, в какой он приложил к ним свою работу — добросовестно, настойчиво и толково.

Таким образом, *офицер должен сам воспитать и образовывать солдата.*

ЧТО НУЖНО ОФИЦЕРУ В ПРАВСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ, ЧТОБЫ СФОРМИРОВАТЬ СОЛДАТА?

Чтобы в том и другом достигнуть удовлетворительного успеха, выпускаемый из училища офицер должен:

1. *Быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата.*

Если припомним, эти основы были:

- а) преданность государю и Родине до самоотвержения;
- б) дисциплина;
- в) вера в нерушимость (святость) приказаний;
- г) храбрость (решительность, неустранимость);
- д) решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские;
- е) чувство взаимной выручки.

Эти основы должны быть *свойственны* всем без исключения выпускаемым из училищ и производимым по экзамену офицерам. Лица, которые призваны сказать про представляемых к производству последнее слово «достойн» или «не достоин» производства в первый офицерский чин, берут на себя большую нравственную ответственность за каждого произведенного в офицеры с заведомо неустойчивыми нравственными основами.

Вышеприведенные основы резко подразделяются на две группы:

Основы первой группы, каковы: преданность государю и Родине, дисциплина, вера в нерушимость приказа — *должны и могут* окончательно утвердиться в выпускаемых из училищ; при малейшем колебании в одной из этих основ молодой человек вовсе не может быть допущен до офицерского звания; пребывание такого офицера в войсковой части с первых же дней может оказаться пагубным и для него самого, и для вверенных ему солдат; никаких добрых надежд в будущем нет основания возлагать на такого офицера.

Основы второй группы, каковы: храбрость, решимость переносить тягости службы, чувство взаимной выручки — *не всегда могут* развиться на школьной скамье; поэтому лучше, если их проявление уже наблюдается у выпускаемых из училищ, но и при отсутствии этого проявления молодой человек не погиб еще для военной службы, потому что работой над собою он может выработать эти качества впоследствии; да кроме того, боевая обстановка столь сильно разнится от мирной, что для предрешения — кто будет храбр в бою и кто не будет, кто окажется выносливым и кто нет, кто проявит чувство взаимной выручки и кто его не проявит — едва ли найдутся заранее достаточно убедительные основания.

Твердость в основах первой группы настоятельно необходима по той причине, что без этих основ военная служба для человека обращается лишь в более или менее выгодное предприятие и будет для него таковым до той решительной минуты, когда измена присяге покажется ему более выгодной, чем ее исполнение. Чем больше столь ненадежных единиц будет терпимо в армии, тем ненадежнее будет сама армия и тем неожиданнее будут разрешаться ее операции, невзирая на численность состава, качество ее вооружения, состояние техники и проч. Скажем больше: *такая армия задолго до начала войны будет обречена на поражение.*

Поэтому в среде офицеров каждой отдельной части должны поддерживаться истинно товарищеские отношения, не допускающие перехода чувства товарищества в равнодушие к воинскому долгу или в попустительство по отношению мнений явно преступных против основ первой группы. Допустив из чувства товарищества то или другое, — офицеры тем самым извратили бы понятие о товариществе, которое есть чувство взаимное и зиждется на

убеждении: «сам погибай, а товарища выручай»; но какая же взаимность будет там, где один решился победить или погибнуть, а другой стремится к победе постольку, поскольку это ему выгодно, поскольку безопасно для его драгоценного существования...¹

При неустойчивости в основах первой группы у офицера не найдется и побудительных причин развивать в себе основы второй группы. *Массовая сдача в плен, дезертирство, пропажи без вести и т. под.* — вот признаки военного времени, характеризующие армию, в которой офицеры недостаточно устойчивы в нравственных основах.

Затем, возможно ли, чтобы офицер, сам не упрочившийся в нравственных основах, вложил эти основы в солдата и, мало того, вложивши, внушил бы ему убеждение, что следовать этим основам солдат должен до самоотвержения? Конечно, невозможно. Отсюда следует, что воспитать солдата в истинно воинском духе такой офицер не будет в состоянии.

II. *Обладать искреннею преданностью и любовью к военному делу.* Из отделов — «воспитание солдата» и «образование солдата» — нетрудно усмотреть, что «обращение новобранца в солдата, не ломая в нем человека» — дело нелегкое; оно требует от офицера значительного напряжения всех его сил; кроме того, это дело мало заметное со стороны, не казовое; добросовестно исполнять его может только тот, у кого есть любовь к нему, кто посвятил себя этому делу и решился служить ему не только за страх, но и за совесть; если всего этого нет, — то лучше бросьте это дело и снимите военный мундир: для всех оттого бесспорно будет только лучше: да и честнее это...²

III. *Помнить, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен применяться.* В этом смысле от офицера потребуется бесконечная терпимость и снисходительность.

Новобранец, за крайне редкими исключениями, является в часть всегда запуганным, задергать его недолго, да при том так, что и поправить после будет трудно.

¹ Многоточие автора.

² Многоточие автора.

Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо солдат уверует в офицера и, уверовавши, во всем послушает.

IV. *В мере возможной для младшего офицера быть внимательным к малейшим нуждам подчиненных:* загрустил который,— спросите: отчего? Нужно ли написать письмо — напишите и проч. Малейший знак внимания с вашей стороны отблагодарится сторицею. Загляните, при случае, в котел, в цейхгауз,— все это засчитается, да и вы будете готовым командиром, когда подойдет очередь получать в командование какую-либо часть.

Не пропускайте случайных встреч с людьми, вам введенными, не спросив их о чем-нибудь или не сказав с ними два-три слова. Не говоря о том, что этим вы общаете солдата к великому воинскому братству,— это вместе с тем самый действительный путь к его развитию.

Нельзя себе представить, до какой степени солдат это понимает. Люди, с которыми вы дадите себе труд так поработать, будут ваши в самые трудные минуты военной жизни и — не выдадут.

V. *Выработать в себе правильное отношение к приказанию.* Офицер должен добиваться совершенно точного исполнения всего по правилам уставов, не требуя на первых порах быстрого и ловкого исполнения: это приходит только со временем. Для того, чтобы добиться исполнения по уставу, офицер должен следить за самим собою, чтобы его требования и приказания не носили характера каприза: то, что он потребовал известным образом один раз, должно требовать таким же точно образом постоянно. Выработав таким образом *законность* в самом себе, офицер будет чуток к *беззаконности* и не даст развиться ей в своих подчиненных, т. е. уберезет их от того, что составляет основу самых разнообразных и ужасных преступлений.

Основанием законности требований является твердое знание и понимание офицером сущности присяги, уставов и инструкций. Знание уставов должно быть таково, чтобы офицер знал, в какой именно последовательности надлежит передавать их солдату и что пропускать до поры до времени, т. е. в первый год службы, так как если потребуете сразу всего, то не получите ничего или очень мало.

Офицеру надлежит твердо помнить, что только то приказание может быть точно исполнено подчиненным, которое подчиненный правильно и ясно понял. Дабы всегда иметь уверенность, понято отданное приказание или не понято,— начальники всех степеней, отдавши приказание, должны требовать его повторения; а также, выслушавши доклад, что приказание передано, требовать, чтобы было доложено, какое именно приказание, кому и когда передано.

VI. *Обратить особое внимание на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только после того обряд.* Солдат, например, знает все внешние приемы, как заступить на часы, а чьи приказания должен исполнять часовой — не знает. Все это происходит от беспорядка в преподавании, ибо с чего начнете учить, то солдат и почитает важным.

К несчастью, это же относится и к офицерам в некоторых частях: кому выходит караул для отдания чести — знают, а что он должен выходить в случае беспорядка вблизи караульного помещения, столпления народа, пожара — не знают.

У офицера, который строго и честно исполняет свои обязанности, и солдат будет такой же.

VII. *Делить с солдатом тягости службы.* Дорогие товарищи, молодые господа офицеры, делите с солдатом труды и лишения в мирное время, когда служба вас стесняет вместе, если хотите, чтобы он был сердцем и душою вашим в военное: солдат не щадит себя только для того офицера, который сам себя не щадит на службе. И только тогда самоотвержение солдата установится безграничным.

Говорят, в некоторых частях дошло до того, что караульному начальнику стало уж и то тяжело, чтобы сменившийся караул довести к месту назначения; караул идет, а господин офицер изволит ехать по той же дороге в трамвае или на извозчике...¹

На маневрах бывает и хуже: попадают такие господа, которые без зазрения совести набиваются в лазаретные линейки, назначенные, как известно, для больных, и, понятное дело, что нижний чин, как бы он ни был болен, не влезет в линейку, где водворился господин офицер. Все это, господа, бабство и бабство презрительное...²

¹ Многоточие автора.

² Многоточие автора.

VIII. Уметь держать себя по отношению к солдату, т. е. уметь установить свои отношения к солдату так, чтобы эти отношения способствовали делу воспитания и образования солдата, не обращая ни в стремление к излишней популярности, ни в излишнюю суровость, ни в излишнюю доступность и т. под. Популярничание, как фальшь, недостойно офицерского звания; излишняя суровость отдаляет солдата от офицера; излишняя доступность зауряд обращается в «амикошонство»¹, от которого и до преступления совсем недалеко...²

Все только что перечисленные основы, хотя бы в задачке, должны быть свойственны молодому, начинающему службу офицеру. Вложить зачатки этих основ в будущего офицера может только *семья* и *военная школа*; перевоспитать же офицера — задача крайне сложная и едва ли разрешимая. Ввиду этого лица, стоящие у дела подготовки будущих офицеров, должны особенно внимательно продумать свои обязанности, а вся система военно-учебных заведений должна заключать в себе такие положения, которые являлись бы контролем деятельности этих лиц, контролем, выясняющим пригодность их к столь высокому делу, каким является подготовка офицеров армии.

Офицер, подготовленный в духе здесь изложенного, будет близок солдату, и солдат будет верить такому офицеру безгранично. *В мирное время* эта близость офицера к солдату обеспечит правильное воспитание последнего и оградит его от вредных влияний злонамеренных лиц; стремящихся внести разлад в отношения солдата к офицеру и развратить армию увеличением числа случаев неповиновения солдат начальникам. *В военное время* — эта близость послужит той внутренней спайкой в армии, которая делает самоотвержение ее безграничным; армия, в которой офицер пользуется доверием солдата, имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным; *это — высшая степень совершенства армейского организма.*

¹ Бесцеремонность, фамильярность, панибратство.— *Ред.*

² Многоточие автора.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ОФИЦЕРУ, ЧТОБЫ ВОСПИТАТЬ И ОБРАЗОВАТЬ СОЛДАТА?

Для того, чтобы воспитать и образовать солдата, офицер, конечно, должен твердо знать все, что от солдата требуется.

Но одного этого мало.

Необходимо, чтобы офицер *умел хотя бы приступить к делу воспитания и образования солдата.*

Совершенно законченного в этом отношении офицера, разумеется, военно-учебные заведения не приготовят; воспитателя и учителя солдата в офицере окончательно выработает действительная практика.

Однако, возложить все надежды в этом вопросе на практику, — значит до известной степени отдать дело в руки случайностей и, в лучшем случае, породить большое разнообразие в методах и понимании основных задач военного воспитания и образования.

Если допустить, что методы могут быть различны, то все же приходится признать, что задачи, к достижению которых стремятся эти методы, *различными быть ни в коем случае не могут.*

При существовании раскола во взглядах на задачи воспитания и образования солдата, армия будет неустойчива в нравственном отношении и пестра — в военно-техническом; так, например, неправильно поставленные основные задачи воспитания, будучи привиты хотя бы в некоторых частях армии, послужат в будущем благоприятной почвой для развития каких угодно кривотолков, богатых печальными последствиями.

Итак, *единство и однообразие в понимании и толковании основных задач воспитания и образования солдата, для дела, положительно необходимы.*

Достигнуть такого единства возможно лишь в том случае, когда будущим офицерам еще на школьной скамье будут преподаны общие основания подготовки (воспитания и образования) солдата.

В надежде, что опыт минувшей войны побудит, наконец, обратить внимание на *«подготовку войск»*, мы сосредоточили в настоящем отделе необходимые указания по этому вопросу. По нашему убеждению этот отдел, сделавшись обязательным в курсе училищ, мог бы послужить подготовке будущих офицеров к делу воспитания

и образования солдата в духе единства понимания основных задач, положительно необходимого в настоящее время для правильного развития армии.

Программы военно-учебных заведений должны быть разработаны в объеме, необходимом для того, чтобы офицер, окончив курс, мог приступить к подготовке солдата и был бы знающим руководителем вверенной ему части во всех случаях боевой обстановки.

В частности, все то, что нужно знать строевому офицеру в наше время по тактике, мы изложили в I и II частях нашего учебника (издание 3-е, переработанное) ¹...

ЗАМЕЧАНИЕ О ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРА К БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Этим мы заканчиваем статью «Подготовка офицера», включив в нее соображения, непосредственно касающиеся *подготовки офицера к делу воспитания и образования солдата.*

Подготовкой к боевой деятельности для офицера является вся его служба в мирное время, которой руководят многие лица самых разнообразных взглядов. Поэтому излагать основания служебной подготовки офицера к боевой деятельности в настоящее время, при не установившихся еще взглядах на службу и подготовку солдата, считаем преждевременным. В этом вопросе мы ограничились предъявлением известных требований к офицеру, выполнение которых обуславливает большую или меньшую степень пригодности его к управлению войсками. Эти требования изложены во II-й части учебника, в отделе «Управление войсками». По тем же причинам и *вопрос о частном почине* отнесен к этому же отделу.

ПОДГОТОВКА ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЕЙ

Люди, составляющие войсковую часть, должны быть приучены, направляя усилия к достижению указанной цели согласовать свои движения и действия с товарищами. Это достигается следующими отделами образования:

I. Строевой подготовкой.

II. Соединением строя с действием оружием — учение с боевыми патронами — и сквозными атаками.

¹ Опущено «замечание о подготовке офицеров в коннице».

III. Согласованием движений и действий с другими родами войск и применением всего предыдущего к достижению данной тактической цели — *тактическая подготовка*.

СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Не касаясь программ и расписания строевых занятий, отметим лишь то, что войска, а в особенности командиры, должны твердо знать и точно исполнять строевые уставы. Но всех построений, которые могут потребоваться в деле, в зависимости от того, где, когда, против кого деремся, — устав не дает и дать не может, он дает: 1) только основные их типы; 2) команды, по которым можно построить не только типы, но и все видоизменения их, вызываемые только что указанными условиями (т. е. где, когда, против кого деремся).

Итак, постоянное и неизменное значение в строевых уставах имеют только командные слова, строевые же типы приходится применять к обстановке боя, а следовательно, и видоизменять. Это будет не отступление от устава, а напротив, разумное пользование им; еще Петр Великий воспрещал держаться устава «яко слепой стены», а приказывал применять оный «с рассуждением, под страхом жестокого истязания за нерассуждение». Но дабы строевые типы видоизменять с толком, необходимо знать их, их свойства, уметь оценить обстоятельства и решить, какой из типичных строев должно в данном случае употребить и как его видоизменить. Без практики в мирное время этого нельзя сделать в бою, и потому, как дальнейшее и необходимое развитие строевого устава, возникает устав прикладной. Он представляет применение к мирному обучению известного наполеонского совета — прилагать ко всякому расположению войск следующие вопросы: что я сделаю, если неприятель появится с фронта, с фланга, с тыла, в каком-либо облическом направлении? Что я сделаю, если это будет пехота, конница, артиллерия? Практика в приложении этих вопросов ко всякому строю отделения, взвода, роты и частей более сильных не должна быть подчиняема точным правилам, ибо имеет целью развитие находчивости, а не памяти. Если командир роты и всякой части, проходя каждый строй, практически ответит на эти вопросы, т. е. приучит своих подчи-

ненных спокойно и быстро принимать положения, соответствующие местности, роду противника, расстоянию до него и направлению, в котором он предполагается, — ни его часть, ни сам он не будут застигнуты врасплох никакой неожиданностью. Вместе с тем последний солдат увидит, а, следовательно, и поймет, для чего какой строй пригоден, и уничтожится вредное предубеждение относительно флангов и тыла, ибо будет самым делом показано, что у порядочной части фронт всегда там, где неприятель.

Отсюда следует, что нельзя строевые учения составлять только из перестроений; необходимо изучать на местности и свойства каждого строя.

Основанием прочного обучения роты служит работа над отделениями. Всякий ротный командир должен обращать особое внимание на подготовку командиров отделений, дабы они разумели себя вполне ответственными начальниками, как в мирное, так, особенно, в военное время. Если отделения будут в порядке, — рота непременно будет в порядке. Будут в порядке роты, — не трудно добиться толку с батальонами и т. д.

Отделения составляют органическое подразделение взвода, в котором они отнюдь не исчезают; их существование положительно необходимо, так как смотреть за 10-ю — 12-ю человеками легче, нежели за 50-ю.

Нечего и говорить, что это соображение особенно применимо к рассыпному строю, где отделенный командир должен являться ответчиком за действия каждого стрелка, за оставление строя людьми, за каждую бестолково выпущенную пулю.

Поэтому строевое обучение частей (роты) надо начинать с обучения отделениями, *практикуя их по всем отделам строевого образования*; в отделениях необходимо практиковать все строи: сомкнутый, разомкнутый, одношереножный, рассыпной.

Господа строевые начальники, попробуйте, производя смотр какой-либо войсковой части, начать поверку с отделений: если вы увидите, что отделения слажены, свободно маневрируют и если их командиры справляются с ними, — в большинстве случаев вы найдете, что и вся часть в строевом образовании — в порядке.

Если часть учится слабо, — ищите этому причину в недостаточной слаженности отделений, следовательно, и в недостаточной работе над ними.

При современных коротких сроках службы выработать отделенных командиров может только офицер, который, поэтому, и должен быть ответственным за слабую их подготовку.

Сверх сего необходимо помнить, что там, где командиры отделений толковы, надежны в нравственном отношении и умеют держать свои отделения в руках — офицерская работа с войсковою частью принесет неизмеримо большие плоды, нежели там, где офицеру придется самому работать и за отделенных.

К строевому обучению части должны отнести и выработку у всех начальников, не исключая младших, убеждения, что ни одна часть не может находиться без охранения ни на месте, ни в движении; поэтому при обучении частей надо принять за правило, чтобы всегда они охранялись соответственным образом во всех случаях.

Конечным элементом охранения является дозор.

Службу в дозоре должно практиковать по очереди всеми нижними чинами части. Только при постоянном наблюдении за тем, чтобы дозоры высылались во всех случаях, можно достигнуть, что дело высылки дозоров обратится в привычку, как обратилось в привычку, например, брать ружье на плечо перед началом движения и т. п.

Служба дозора основана на умении осматривать местные предметы, поэтому, высылая от данной части дозоры, необходимо назначать им руководителя, который во время самого движения дозоров практиковал бы их в осмотре встречающихся на пути предметов.

Для проверки бдительности службы дозоров части весьма полезно на пути движения ее устраивать засады: это возбудит интерес к делу и соревнование, а также послужит наглядным доказательством того, как поставлена служба дозоров в данной части.

СОЕДИНЕНИЕ СТРОЯ С ДЕЙСТВИЕМ ОРУЖИЕМ

Дабы определить, в чем должен заключаться этот отдел образования, нужно обратиться к бою.

Действия в бою пехоты представляют два периода: 1) период огнестрельный, 2) период удара в штыки, заключающий в себе движение в атаку и самый удар.

Упражнение в огнестрельном действии при тех усло-

виях, при каких оно имеет место в бою, достигается учением с боевыми патронами против мишеней; *подготовка войск к штыковому удару* достигается: 1) атаками против видимых неодушевленных целей; 2) сквозными атаками пехоты на пехоту, конницы на пехоту и пехоты на конницу.

Учение с боевыми патронами приучает солдата исполнять эволюции, предписываемые уставом, сопровождая их стрельбой. Следовательно, сюда войдут: не только наступление и отступление, но перемена фронта, развертывание части с открытием огня и все соответствующие эволюции цепи и резерва.

Подобные учения приносят следующую пользу:

Обучая войска при боевой обстановке (за исключением неприятеля), сразу видно, что из уставных построений удобоисполнимо, и что нет; все сложное и ненужное естественно исчезнет из уставов; исчезнет и стремление вводить что-либо подобное вновь. Начальники уедут за фронт, т. е. туда, где будут находиться в первый период боя, а люди привыкнут слушать команду сзади. Начальники и солдаты, имея цель впереди, будут обращать преимущественное внимание на нее, а не на чистоту равнения и т. п. Все это само собою заставит чаще вспоминать о бое и боевых условиях. Авось вспомнят и то, что бою репетиций делать нельзя и что, следовательно, и в мирное время должно вести войска так, чтобы они репетиций не знали; но так как репетиции возникли вследствие заблаговременно назначаемых смотров, то начальники, проникнувшись этими мыслями, заменят их смотрами, неожиданно назначаемыми. *Это будет большим улучшением, и нравственным, и боевым:* нравственным, — ибо заблаговременно назначаемый смотр служит более для того, чтобы скрыть настоящее состояние части, нежели показать его; боевым, — ибо в поверке знания войсками своего дела все должно быть основано на неожиданности, играющей в бою первостепенную роль¹.

¹ Под заблаговременно назначаемыми смотрами разумеются здесь только частные смотры, т. е. имеющие целью поверку какого-либо одного отдела образования. Смотры же общие, имеющие целью поверку всей годовой работы и по всем отделам образования, должны остаться и делу не вредят, ибо на таком смотре нельзя показаться хорошо после нескольких репетиций, а нужно работать круглый год.

Вместе с тем эта система смотров отразится благотворительно и на характере образования солдата вообще: начальники частей, не зная, что и когда у них будут смотреть, должны будут заниматься всем одинаково в течение круглого года; заблаговременно же назначаемые смотры должны притягивать их внимание исключительно к предмету смотра.

Изменится, наконец, и характер самых учений: в них будут обращать преимущественно внимание на спокойствие движений, а не на быстроту, доведенную до той степени, на которой она составляет уже суетливость, а не боевую ловкость войск. А в бою нет недостатка более вредного, как суетливость: кто привык суетиться, тот и теряется весьма легко.

Наконец, в отношении дисциплины, поймут, что одинаково вредно и предоставлять солдату излишнюю свободу, и излишне подавлять его, ибо первое повредит маневрированию, второе — стрельбе. Возникает, следовательно, из самых занятий понимание необходимости ставить закон выше личности и начальника, и подчиненного.

Сквозные атаки Способ подготовки ко второму периоду боя придуман еще бессмертным Суворовым, но был забыт после него, благодаря увлечению внешностью фридриховской системы воспитания войск. Заключается он в атаках сквозных и против видимых неодоушевленных целей.

Суворов требовал, чтобы атаке была непременно видимая цель¹, ибо понимал, что только при этом условии как солдаты, так и начальники могут привыкнуть к определению расстояний, с которых должно вести в атаку. К этому атака в пустое пространство приучить не может, а между тем привычка к глазомеру здесь так же важна, как в фехтовании. Вместе с тем предписывалось «во время учения командовать «стой» и бить «отбой» на том самом месте, на котором предполагается неприятель»: намек на то, что ранее не должно и думать останавливаться. К этому должно присовокупить, что при атаках требовалось одно равнение — «по передним», т. е. по тем, кто больше рвется вперед; ретирад (т. е. отступлений) не допускалось ни в каком случае: об них запрещено было даже и помышлять.

¹ Забор, канава, изгородь и т. п.

При двухсторонних маневрах других атак, кроме сквозных, не было. Вот как говорит о них сам Суворов в своей инструкции австрийцам, данной в 1799 году, в Италии: «В этом и весь секрет: пехота проходит сквозь пехоту и кавалерию, кавалерия сквозь пехоту и кавалерию; а как только прошли все насквозь,— строятся линии опять на прежнем расстоянии, где и командовать «стой».— Задняя линия проходит сквозь переднюю и налево кругом; кавалерия по четыре налево кругом. Тут уже станут на заднюю шеренгу. Тот же самый маневр повторяется снова. Армия, которая была атакующею, теперь уже стоит на месте; а стоявшая прежде, теперь атакует — и то же самое наблюдает». При сквозных атаках пехоты на пехоту нет надобности размыкать рядов, а должно требовать, чтобы противопоставленные строи протискивались один сквозь другой и затем немедленно восстанавливали порядок. При атаке конницы на пехоту, оба строя размыкаются на пять шагов между рядами, равно как и при атаке конницы на конницу.

Рассмотрим, что должна дать подобная система обучения.

Она приучает, во-первых, к виду масс, решительно на нас наступающих: эта привычка то же, что в одиночном фехтовании привычка видеть у груди острое штыка. Но, решаясь приучать к этому, какое правило принять для остановки? Остановка вдали не будет достигать цели: чем ближе остановиться, не дойдя до неприятеля, тем хуже: ибо остановка на расстоянии значительном от него может зависеть от разных причин: остановка вблизи показывает одно — нехватило духу сойтись на штык¹. Где же останавливать? Суворов разрешает гениально эту задачу: останавливать атаку, пройдя насквозь враждебную массу.

Кроме практики в глазомере, уже против живой цели, этот прием обучения давал возможность: 1) обойти ненавистные Суворову ретирады, ибо у него обе стороны оставались победителями; 2) учить войска так, чтобы для них не было различия между тем — на заднюю ли, или на переднюю шеренгу драться с неприятелем.

¹ Имея это в виду, станет ясно, что остановка атаки в 50 шагах от противника приучает не к атаке, а к остановке в тот именно момент ее, когда думать не должно об остановке.

То и другое показывает глубокое знание человеческого сердца: ретирадам обучать не должно, потому что это действие отвечает инстинкту самосохранения, который, как уже сказано, должно стараться притуплять, а не развивать в солдате. Атаками то на заднюю, то на переднюю шеренгу, безразлично, Суворов приучал свои войска не придавать большого значения тому, какая шеренга впереди, и, таким образом, предохранял их от впечатления, производимого неожиданным появлением неприятеля в тылу. И военная история показывает, что для суворовского солдата, действительно, не существовало ни тыла, ни флангов: был «фронт» везде, откуда ни появлялся неприятель. Вместе с тем, при сквозных атаках возникает сама собою практика в быстром восстановлении порядка вслед за свалкою: прием в высшей степени важный в бою и который должно обратить войскам в привычку, до такой степени сильную, чтобы после атаки они сами думали о порядке, не ожидая напоминания от начальников.

Польза и необходимость сквозных атак пехоты на конницу, и наоборот, еще осязательнее.

Сквозные атаки приучают всадников и лошадей к пехоте, особенно если последняя встречает ее залпом, и пехотинцев к коннице. Понятно, что при действительной атаке на пехоту нетрудно пустить вокачь ту лошадь, которая пехоты не боится, потому что ее знает, и наоборот — как бы отлично лошадь ни была наскакана, она не понесется с полною решительностью на пехоту, если не привыкла ее видеть близко в мирное время. То же относится и до пехотинца. Вид кавалерийской атаки не может быть не страшен и по быстроте движения, и по большой массе, которая грозит раздавить. Нужно, следовательно, приучить нервы солдата к тому, чтобы он спокойно и не дрогнув мог смотреть на приближающийся кавалерийский ураган. Суворовские сквозные атаки приучают его к этому самым лучшим и вполне отвечающим боевым требованиям образом.

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Тактические действия отрядов, состоящих из всех родов войск, требуют: 1) умения применить строевое образование войск и соединение строя с действием оружием к достижению данной тактической цели; 2) умения каж-

дого рода войска согласовать свои движения и действия с другими родами войск.

Первое требование достигается: 1) соответственной тактической подготовкой частей каждого рода войск и 2) совместными маневрами отрядов, составленных из разных родов войск.

Второе требование достигается: 1) взаимным ознакомлением разных родов войск и 2) правильным пониманием каждым родом войск своих отношений к прочим родам войск.

Тактическая подготовка войсковых частей Для достижения боевых целей одного знания уставов недостаточно, необходимо иметь понятие о том, как применять уставные формы при действиях против других родов войск, взятых отдельно и в совокупности; как пользоваться этими формами в зависимости от действий противника, свойств местности и проч.; иначе говоря, необходимо подготовить часть *в тактическом отношении*.

Переход сразу к решению тактических задач невозможен; сначала надо показать простые тактические приемы в отдельности, применяя их к различным, наиболее типичным, данным обстановки. Когда эти простые приемы будут усвоены, тогда уже возможно перейти к их комбинациям, т. е. к решению тактических задач.

С полным убеждением говорим, что до тех пор, пока тактика не будет показываема войскам в поле по приемам и пока всякий новый прием не будет показан самим начальником, нельзя и рассчитывать на толковое исполнение тактических комбинаций.

Только таким путем тактическое образование может быть действительным в войсках.

Пора, наконец, признать, что в этом отношении в нашей армии дело далеко не подвинулось.

В тактической выработке войск надо поступать точно так же, как поступаем в строевой выработке.

Никому ведь и в голову не придет потребовать, например, правильной стойки, прикладки, спуска курка и т. п., не показавши на себе, по частям, как это делается, а между тем многие у нас не затрудняются потребовать прямо, без предварительного показа по частям, вещей несравненно более трудных и сложных, как: прикрытие артиллерии, толковое вождение разъездов и, наконец,

даже самое сложное — наступление к противнику с целью атаковать его и проч.

Нельзя скрывать от себя, что усвоение тактики указанным путем — дело трудное, требующее солидных знаний и работы от офицерского состава. Подать ряд команд, не допускающих ни возражений, ни вопросов со стороны исполнителей, доступно всякому, знающему командный уставной язык, а чтобы толково объяснить, как, например, провести резерв под огнем противника, — господину офицеру придется поработать...¹ Так пусть и поработает; на то он и офицером называется.

Довольно существенные препоны следованию по такому пути в деле тактического образования полагают личное самолюбие и опасение офицеров-руководителей за свой авторитет.. Однако, руководитель, преданный своему делу, не должен бояться и сам учиться, следовательно, и ошибаться; тогда и руководимые не будут бояться ошибок. Должно искренне сознавать свои ошибки, а не притворяться безгрешным, тогда и руководимые будут поступать так же.

Объем тактической подготовки войсковых частей указан в части 1-ой нашего учебника тактики (издание 3-е, переработанное).

В развитие изложенного в этом учебнике следует:

а) Практиковать части *в прикладном уставе*; эта практика даст понятие о том, как должно встречать неприятеля, из всяких положений наших войск, с какой бы стороны он ни появился; о том — к чему каждый строй пригоден; она же приучает людей и младших начальников к вниманию по отношению к противнику и местности.

Таким образом практика в прикладном уставе явится связующим звеном между строевой и тактической подготовкой части.

б) Сделать *учебное походное движение* с мерами охранения для того, чтобы во время движения дать войскам практику в разного рода сноровках и приемах, касающихся собственно исполнения походного движения; во время решения более сложных задач (маневр), где внимание поглощается решаемой задачей, эти важные для дела мелочи — зауряд упускаются из виду.

¹ Многоточие автора.

Сюда относятся: 1) постоянное поддержание связи между колоннами тем, чтобы начальник каждой колонны доносил старшему начальнику о времени, в которое он достигает на походе известного рубежа или предмета (переправа, деревня и т. п.); когда стал на привал, когда снялся с него; если встретил препятствие движению, то какое и на сколько времени оно может задержать; 2) разные приемы уравнивания движения колонн; 3) движение на выстрелы; когда оно уместно, когда нет? Все это вещи настолько важные, что их необходимо обратить начальникам в рутину. Единственное для этого средство выделить походное движение в особое упражнение, посвященное исключительно тому, чтобы все сказанное было пунктуально исполнено на походе.

Когда все это показано в отдельности, можно приступить к решению тактических задач, т. е. к маневрам, и тогда один маневр будет поучительнее, нежели несколько, сделанных без перечисленных подготовительных занятий.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОБУЧЕНИЯ В МИРНОЕ ВРЕМЯ АТАКЕ И ЗАНЯТИЮ МЕСТНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Активное применение к местности заключается, как уже известно, в умении ловко преодолевать встречаемые преграды и так подходить к противнику, чтобы потерпеть от его огня возможно меньше; кроме того сюда же должно отнести: 1) умение выбрать в неприятельском расположении место для прорыва, возможно более легкого¹ и с возможно меньшими потерями, и умение организовать обход и охват; 2) привычку маневрировать на самых закрытых местах, не теряя связи ни в цепи, ни в резервах.

Это приобретается не преподаванием каких-либо правил, а практикой на пересеченных местах; поэтому учения на ровной местности для начальников и солдат не дают всей необходимой практики, приучая их к легчайшему из того, что придется исполнять на самом деле, и приучая зачастую не так, как нужно для дела.

¹ Эта легкость определяется не одною только удободоступностью, иногда легче всего прорваться на самых недоступных местах, потому что неприятель, понадеявшись на неудободоступность, не оберегает их.

Пассивное применение к местности имеет целью: 1) укрытие цепи для большей меткости огня и для сбережения людей; 2) укрытие резервов для сбережения их до удара в штыки. Имея в виду эти две цели, не трудно выбрать на всякой местности закрытия, удобные для цепи и выгодные для резервов; не трудно также видеть, какими средствами устранить, отчасти или вполне, неудобства, представляемые закрытиями, если вполне удобных нет.

Для цепи хороши те закрытия, которые не препятствуют ни одному стрелку видеть неприятеля и стрелять по нем; ясно, следовательно, что необходимое условие стрелковой позиции, заблаговременно избираемой, составляет пространство впереди ее, открытое на более или менее значительное расстояние. Если притом закрытие такого рода, что прорваться за него без потери сомкнутости нельзя, то это еще лучше.

В резервах нет надобности видеть каждому человеку, что происходит в цепи; достаточно, если это видит, или хоть знает, один начальник резерва, дабы быть в состоянии двинуть его к цепи в решительную минуту. Следовательно, здесь необходима свобода сообщения с целью, или с боевою частью, точно так же, как в цепи необходима возможность видеть неприятеля.

Имея в виду эти два условия, не трудно занять какой угодно местный предмет наивыгоднейшим образом. Так, напр., в деревне цепь расположится по окраине, обращенной к противнику, состоящей обыкновенно из изгородей, канав, земляных валиков и т. п.; резервы станут за ближайшими к окраине строениями; если между ними и цепью случатся изгороди или другие предметы, затрудняющие сообщение с нею, то в них должны быть сделаны удобные проходы для резервов.

В лесу цепь займет опушку; резервы же будут придерживаться таких мест, от которых движение к цепи удобно (дороги, просеки); там, где их нет, резервы заблаговременно становятся ближе к цели и, кроме того, начальники их должны принять меры, чтобы все происходящее в цепи узнавать немедленно и во-время поспевать к ней на помощь.

Во всяком предмете, чем он более затрудняет передвижение войск, тем легче может произойти столпление; следовательно, вообще, *местные предметы должно занимать самым необходимым только числом войск.* Это об-

стоятельство и еще возможность движения к цепи по некоторым только направлениям указывают на необходимость в предметах, наиболее пересеченных, иметь за цепью более частые, нежели сильные, подкрепления, т. е. на необходимость разделения не только батальона на роты, а иногда даже рот на полуроты или взводы.

Занимая высоту, пользуются небольшими закрытиями на скате для расположения цепи; если их нет, то цепь располагают вдоль края вершины так, чтобы люди могли обстреливать скат, обращенный к неприятелю, но сами были бы по возможности менее видимы. Резервы располагаются настолько отступая от вершины, чтобы не показываться неприятелю, но быть в состоянии во-время поспеть на выручку цепи.

Где нет естественных закрытий, уменьшают действительность неприятельских выстрелов, приказывая людям резерва ложиться, а также размыкая их или делая то и другое вместе. В цепи всякий человек, не ожидая приказания, располагается так, чтобы представлять меньшую цель, но не теряя возможности видеть противника и стрелять по нем.

Если время позволяет, то на открытых местах должно прибегать к закрытиям искусственным. Самое простое из них — окоп. Направление окопов определится направлением, которое намерены дать фронту своей цепи.

Вот каким образом устраняются невыгодные свойства места, занимаемого для боя, а выгодные обращаются в пользу. Из сказанного видно, что это достигается: 1) назначением соответственного количества войск на каждый местный предмет и их расположением, соответствующим свойствам предмета; 2) искусственными работами для уничтожения преград, нам мешающих, или для возведения таких, которые мешали бы неприятелю.

Действия цепи, занимающей позицию или предпринимающей атаку позиции неприятельской, объяснены в части 1-й учебника. Здесь заметим только, что насчет того, когда употребить штык, когда пулю, правил дать нельзя: все будет зависеть от глаза и толка распоряжающегося действиями, который должен взять в расчет и расстояние до противника, и состояние его и нашего духа, и местные обстоятельства, и, наконец, случайности минуты. Если неприятель не охотно сходитя на штык — чем скорее дело до штыка дойдет, тем лучше. Если на-

против, то лучше его сначала подержать под огнем, а затем уже перейти к удару в штыки.

Ясно, что в этом деле *спокойствие* и *находчивость* значат все. При маневрировании, собственно, практика в этих качествах возможна только тогда, когда, занимаясь им, не столько будут хлопотать о замечаниях за отступление от мелких тактических требований, сколько о соблюдении всеми основ военного искусства, давая простор самостоятельности в деталях исполнения.

Конечно, и в деталях могут случаться промахи, слишком уже резкие: их не должно оставлять без замечаний; но делать эти последние следует так, чтобы они являлись, как совет лучшего, а не как выговор за упущение.

Отделу *«атака и занятие местных предметов»* должно быть отдано более значительное внимание, чем это было до сих пор в нашей армии, и, по нашему убеждению, *ни один ротный командир не вправе считать свою роту подготовленной для боя, если он не добился толкового действия у местных предметов.*

Эти занятия состоят: а) в односторонних маневрах с обозначенным противником и б) в двухсторонних маневрах.

Односторонние маневры. Односто-

**Совместные
маневры отрядов
из разных родов
войск**

ронные маневры должны иметь целью практику войск в осуществлении определенных тактических предположений. В сущности это будет применение к решению известной тактической задачи

всего того, что на подготовительных упражнениях было показано по частям.

На этом основании, при систематическом ведении занятий, односторонние маневры должны иметь целью пройти атаку и оборону всевозможных местных предметов (высоты, рощи, деревни, овраги, переправы и проч.). При обороне следует показать так называемые *короткие атаки*, т. е. частное отражение атакующего и возвращение на прежнюю позицию. При атаке следует обратить внимание на *подпирание* из резервов.

Отправляясь от одного из основных Суворовских правил, что всякому упражнению должна быть непременно видимая цель, противник на односторонних маневрах должен быть обозначен или каким-либо резко очерченным местным рубежом, или же отдельными людьми. Нам кажется, что обозначение неприятеля командами, кото-

рые притом представляют собою известные части, иногда даже маневрирующие, представляется бесполезным усложнением. Достаточно, если обозначена линия предполагаемого расположения цепи противника.

На односторонних маневрах должно в особенности обращать внимание на то, чтобы приказание отдавались дельно и в порядке постепенности, доходили бы даже до рядовых, поскольку к ним относятся. На утверждение привычки всегда указывать цель исполнителям должно быть обращено особенное внимание.

Односторонние маневры, представляя все средства для методического ведения занятий, неудобны тем, что при них предполагаемому или обозначенному противнику всегда предоставляется более или менее пассивная роль. И потому курс тактического образования в поле должен быть завершаем двухсторонними маневрами всех трех родов войск. В настоящее время иной раз их начинают с полков, которым придают соответственное количество конницы и артиллерии. Но, принимая в расчет практику дела, нельзя не прийти к убеждению, что, для начала, подобные отряды слишком велики, ибо начальнику отдельной части поздно знакомиться с распоряжением другими родами войск. Сколько можно судить, двухсторонние маневры предпочтительнее начинать с двух батальонов, которым придавать 4—8 орудий и 1—2 эскадрона. Командирами таких отрядов назначать батальонных, штаб-офицеров из конницы, батарейных командиров и дивизионеров, по очереди, дабы штаб-офицеры каждого рода войска были ознакомлены с управлением всеми ими до назначения полковым командиром, когда уже поздно учиться, а нужно учить других. Маневры батальонные хороши и тем, что их весьма удобно заканчивать оквзными атаками. При силах более значительных это упражнение представляет некоторые затруднения.

Двухсторонние маневры. Двухстороннее маневрирование соответствует фехтованию с противником и представляет одинакие с ним выгоды и неудобства. Если припомним, фехтование с противником развивает примерные удары, т. е. ловкие, но несильные и неметкие. В двухстороннем маневрировании эта примерность выражается следующим:

1) Так как всякий маневр имеет целью занять выгоднейшее относительно противника положение, то обык-

новенно бывает, что тот, напр., кто обошел, считается победителем, между тем как в деле обойти мало, а нужно еще разбить, т. е. дело окончательно решается действием оружия, а не занятием выгоднейшего положения. Бывали в бою примеры, что обошедший оканчивал тем, что сдавался в плен. Следовательно, обход, сам по себе, еще не дает победы. От этого происходит, что в войсках, много занимавшихся двухсторонним маневрированием, является страх быть обойденными и желание обходить во что бы то ни стало. А между тем сомнения быть не может в том, что способный сойтись грудь с грудью не затруднится сделать обход, и наоборот: привыкший полагаться на обход не всегда бывает в состоянии сойтись на штык.

По нашему убеждению не следует, вообще, увлекаться обходами под влиянием примера минувшей войны 1904—1905 гг.; там обходы были безусловно необходимы, благодаря местным особенностям. Конечно, отсюда не следует, что мы отрицаем значение обхода, как маневра.

2) При двухстороннем маневрировании сходить на штыки позволить нельзя, ибо при этом в порядочных войсках неминуемо произойдет драка; поэтому полагается правилом не сходить ближе 50 шагов; это приучает солдата к остановкам на таком расстоянии от неприятеля, на котором он не должен сметь даже подумать, что можно остановиться.

3) Так как в деле успех основывается преимущественно на нравственном одушевлении, которого при мирном маневрировании принять в расчет нельзя, то кончается тем, что успех или неудача определяются чисто по материальным данным, т. е. по относительной силе маневрирующих, по силе позиции и т. д. Это приучает и солдат, и начальников придавать в успехе атаки слишком большое значение материальным данным, т. е. преклоняться перед численностью неприятеля, перед неудободоступностью позиций; между тем как в деле только тот и бьет, кто не считает своих врагов¹, кто и на стену лезть не считает невозможным.

4) Наконец, двухсторонние маневры, так или иначе, но приучают к отступлению, а также к мысли о возможности неуспеха атаки: нет ничего вреднее, как знакомить

¹ Если их начать считать, то в деле всегда насчитаешь, что они сильнее тебя и что, следовательно, атаковать нельзя.

начальников и солдат с подобными положениями; как выходить из них с честью — в мирное время научить нельзя, и все обучение кончается тем только, что и начальники, и солдаты приучаются считать отступление делом обыкновенным. «Я отступил», «мою атаку отбили», говорится совершенно просто, как будто это так и быть должно. Не нужно приучать войска к тому, чтобы подобные выражения легко шли с языка. Отступает упорно не тот, кто приучен отступать по маневренному, а тот, кто привык смотреть на отступление, как на оскорбление порядочного войска.

Исправление недостатков двухсторонних маневров. Имея в виду эти недостатки двухстороннего маневрирования в его настоящем виде, можно уже определить, какие изменения желательны в системе производства двухсторонних маневров, дабы занятия ими не вселяли ошибочных взглядов и вредных привычек. Они заключаются в следующем:

1) Не доводить дело до атаки, дабы приказание, соответствующие этому действию, не отдавались никогда даром; притом здесь имеется в виду приучить начальников только принимать выгоднейшее положение относительно противника, следовательно, доводить дела до атаки и нет надобности, а прекращать маневр, когда стороны сблизятся шагов на 300.

2) Отнюдь не позволять оставлять позиций в случае обхода, а требовать от обойденного распоряжений для противодействия обходу.

3) Ни в каком случае не делать приговоров насчет того, кто победил, кто побежден, так как собственно ни того, ни другого на маневрах и быть не может, а между тем такой приговор приучает слушать и говорить равнодушно слова, одна мысль о которых должна приводить в раздражение порядочного военного. Гораздо лучше, дав занять позицию обороняющемуся и поверив, хорошо ли он ее занял, приказать очистить ее, обозначив фронт позиции для наступающего, и затем приказывать наступающему атаковать эту позицию. При этом всякий сделает свое дело и в то же время не будет повода говорить: вы должны отступить, вы отражены и т. д.

Этот способ упражнения в двухстороннем маневрировании и тем еще хорош, что при нем не раздражается самолюбие того, кто мнимо побежден; а мнимый победи-

тель не рискует получить слишком высокое понятие о своих военных талантах. Устранить то и другое в высшей степени важно: первое потому, что подрывает товарищество; а без товарищества нет единодушия, без которого в бою успех невозможен; второе — потому, что ведет часто к составлению репутаций незаслуженных, со всеми понятными их последствиями.

4) Если решено кончить маневр атакой, то ее должно исполнять по-суворовски, т. е. насквозь.

5) Так как маневры должны иметь учебную цель, то и на них должно думать не столько о точном воспроизведении боевых картин; сколько быть внимательным к тому, чтобы путем маневров привить войскам здравые боевые навыки. Поэтому первое внимание должно быть обращено на то, чтобы приказания отдавались дельно и чтобы последний солдат знал, что предстоит исполнить части, в которой он состоит.

6) Требовать, чтобы во время маневра все люди и начальники внимательно следили за его ходом и давали себе отчет в степени участия каждой части в общей решаемой задаче. При таком условии у всех проявится работа головы, а не одних только ног и рук; интерес к делу возрастет и будет сделан крупный шаг в деле возбуждения в людях способности к решению по частному почину, столь необходимому при современных условиях ведения войны.

ЗНАЧЕНИЕ ДВУХСТОРОННИХ МАНЕВРОВ ОТРЯДОВ ИЗ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК

Маневры, особенно в тех случаях, когда они ведутся в течение нескольких дней, кроме практики в управлении массами, в наступлении и обороне, дают начальникам и войскам практику в походных движениях, расположении на отдыхе, в сторожевой службе, в разведке...¹ Вместе с тем, если в них участвует значительное количество войск, они позволяют испытать службу штабов и других административных учреждений, а также службу интендантства, обозов и проч.

Односторонние и двухсторонние маневры дают широкую возможность практиковать в применении к местности частей боевого порядка. Такого рода применение к местности является, при современной силе артиллерийского

¹ Многоточные автора.

и ружейного огня, единственным рациональным средством к уменьшению потерь; в то же время оно не соответствует развитию инстинкта самосохранения и потому практика в нем положительно необходима. Начальники, обучая свои части, должны непременно чередовать подчиненных им младших начальников так, чтобы каждый упражнялся в применении частей боевого порядка к местности.

Маневры должны служить также проверкой того, — насколько прочно в войсках вкоренилось убеждение, что *каждая войсковая часть, сколь мала она ни была бы, должна всегда охраняться и вести посильную разведку.* Для небольших частей органы разведки и охранения олицетворяются дозорами, а части более значительные высылают особо и разведку, и охранение, как о том сказано в учебнике. Проверка того, — существует ли в данной части такого рода обязательная привычка, должна составлять особую заботу для всех старших начальников, которые всеми способами должны стремиться к насаждению в войсках этой простой, но вместе с тем и часто нарушаемой истины.

Во время маневров удобно испытывать разного рода технические усовершенствования, способы поддержания связи и т. под.

Однако, приговоры о качествах технических элементов на основании маневренной практики должно ставить с большою осторожностью. С боевой точки зрения только те технические средства являются совершенными, которые действуют без отказа даже и в те критические минуты, когда решается вопрос «победа» или «поражение». Испытать техническое средство в этом отношении на маневрах едва ли удастся; поэтому, признав полезность какого-либо технического изобретения или усовершенствования, нет основания отказываться от простого средства, заменяющего его. Например, как бы совершенны ни были испытываемые телефоны, нельзя отказаться от необходимости иметь ординарцев, обученных толковой передаче приказаний, и т. под.

Таким образом, ничуть не умаляя значения техники, мы предупреждаем насчет опасности возлагать на нее исключительные надежды по опытам мирного времени.

С такой точки зрения мы признаем, что *на войне только то хорошо, что просто*, потому что это простое действует без отказа даже и в критические минуты.

**Взаимное
ознакомление
разных родов
войск**

Это занятие вести по отрядам, назначая в состав каждого примерно 2 батальона, 2 эскадрона, 8 пеших или 6 конных орудий. Можно составлять

отряды большей силы, тогда и времени на занятие потребуется больше.

Пехоте брать с собою хлеб или сухари (для лошадей).

Программа занятия примерно следующая:

Руководитель — старший из начальников частей отряда. Пехоте построиться батальон за батальоном в линиях взводных колонн; за последним батальоном становиться батарее в развернутом строю.

Дистанция между батальонами и батареей 100—150 шагов.

Коннице становиться в эскадронной сомкнутой колонне в 100 шагах перед пехотой, фронтом к ней.

Учение начинать с приучения лошадей к виду пехоты и артиллерийских орудий, для чего конницу вводить в ряды пехоты, а потом подводить к орудиям.

Исполнять это так:

По сигналу руководителя «шагом» головной эскадрон вытягивается повзводно слева (справа) по три и идет на пехоту; головной батальон поворачивается направо (или налево) и заходит ротами правым (левым) плечом вперед, навстречу подходящему эскадрону (не вздваивая рядов).

Когда роты вытянутся так, чтобы занять в глубину шагов 50, они останавливаются лицом к коннице.

Взводы головного эскадрона на ходу нацеливаются на соответствующие роты: 4-й взвод на 1-ю роту, 3-й на 2-ю, 2-й на 3-ю и 1-й на 4-ю; входят своими 1-ми, 2-ми и 3-ми №№-ами в интервалы между взводами рот и, дойдя головами колонн по три до последних рядов рот, останавливаются.

Когда всадники остановятся, пехотинцы поворачиваются к лошадям (каждая шеренга к ближайшим) и оглаживают их.

Подходить к лошади нужно смело, но отнюдь не братья за поводья и не соваться к заду, тогда и лошадь успокоится и подпустит доверчиво; а кавалеристам, вталкивать лошадей в пехотный строй шенкелями, отнюдь не прибегая к шпорам, и стараться успокоить голосом и

оглаживанием. В это время барабанщики ходят вокруг рот и бьют в барабаны.

Офицерам наблюдать, чтобы не было людей, сторонящихся от коня; робких непременно заставлять подходить к лошади, указывая, что если человек боится лошади, то она его еще больше.

Руководитель, дав лошадям успокоиться и заметив, что люди перестали их бояться, приказывает опять подать сигнал «шагом».

По этому сигналу:

Барабанщики перестают бить.

Головной эскадрон идет, не меняя строя, к следующему батальону, который поворачивается и заходит по-ротной плечом так, как перед этим делал 1-й батальон, и эскадрон въезжает повзводно в роты этого батальона.

Следующий за головным эскадрон вытягивается в каждом взводе слева (справа) по три и входит своими №№-ами в роты 1-го батальона так, как перед тем входил головной эскадрон. Втянувшись в пехоту, взводы конницы останавливаются, когда их головные №№-а поравняются с последними рядами рот пехоты, а барабанщики опять начинают бить в барабаны.

По новому сигналу «шагом»:

1-й эскадрон, выйдя из рот 2-го батальона, идет к батарее, на ходу перестраивается в каждом взводе справа (слева) рядами и нацеливает свои взводы на орудия (по взводу на орудие, если их 4, и по одной шеренге взвода на орудие, если их 8). Подъехав к орудиям, всадники останавливаются и окружают орудие не строем, а как кому удобнее, чтобы познакомиться по возможности с самим орудием; если лошади топорщатся на пушку, то всадники ездят вокруг нее; когда лошади успокоятся, артиллеристы снимают орудия с передка на ближний отъезд шага на 3—4, показывают кавалеристам устройство орудия, укладку патронов, легчайшую порчу орудия, зарядание (учебным патроном) и как произвести выстрел.

Хорошо потом вместо прислуги поставить к орудиям кавалеристов, спешив их.

В то же время 2-й эскадрон выходит из рот 1-го батальона и входит в роты 2-го батальона.

По следующему сигналу руководителя «шагом»:

1-й эскадрон выходит из артиллерийского строя, вы-

страивает фронт, отходит от батареи на 150—200 шагов и останавливается.

Руководитель, подавая сигнал «шагом», должен выждать время, чтобы дать кавалеристам ознакомиться с артиллерией.

По этому же сигналу на место 1-го эскадрона тем же порядком подходит к орудиям 2-й эскадрон и повторяет то же самое, а затем по сигналу руководителя «шагом» орудия надеваются на передки, а 2-й эскадрон выходит из артиллерийского строя, выстраивает фронт и смыкается по 1-му эскадрону.

Для вторичного прохождения конницы рысью сквозь пехоту и артиллерию — эти последние с одной стороны, конница — с другой поворачиваются кругом, т. е. становятся лицом друг к другу.

Конница проходит рысью поэскадронно сквозь артиллерию и пехоту, имея в каждом эскадроне взводы в колонне рядами при прохождении сквозь артиллерию, и в колонне по три — при прохождении сквозь пехоту. По окончании второго прохождения строй пехоты восстанавливается (линия колонн) и опять все поворачиваются кругом.

Для приучения коней к виду наступающей пехоты батальоны и эскадроны размыкаются на один шаг, так, чтобы фланги батальона были против флангов эскадрона; между эскадронами дистанция — 100 шагов. Головной батальон с песнями, криками, свистом, барабанным боем и сигналами на рожках идет на головной эскадрон и, подойдя к нему вплотную, останавливается, берет «к ноге», прекращает шум, люди оглаживают лошадей и дают им хлеба. Когда лошади успокоятся, — командир батальона командует: «шаг назад» и делает ружейные приемы; если лошади относятся к приемам спокойно, то командует внезапно «ложись», а затем «встать», и повторяет это несколько раз, пока лошади не приглядятся. Проделав все это, командир батальона приказывает людям пробежать сквозь головной эскадрон с криком. Тотчас за эскадронном батальон на ходу выравнивается, оставаясь разомкнутым на шаг, начинает, по приказанию батальонного командира, песни, шум, свист и барабанный бой и подводится ко 2-му эскадрону, где повторяет то же самое. Когда 1-й батальон пройдет с криком через 1-й эскадрон, тогда начинает движение 2-й батальон и тоже с шумом,

песнями и проч. подходит к 1-му эскадрону и проделывает все вышеизложенное; 1-й батальон, пройдя 2-й эскадрон, не смыкается в рядах и, отойдя от эскадрона шагов на 100—150, останавливается.

2-й батальон, пройдя 2-й эскадрон, смыкается по 1-му батальону.

Пехота и конница поворачиваются друг к другу фронтом и сразу оба батальона с песнями, шумом и проч. проходят безостановочно сквозь ряды обоих эскадронов, которые остаются разомкнутыми в рядах на один шаг.

После прохождения, пехота берет между батальонами 150—200 шагов дистанции; каждый батальон в линии взводных колонн, разомкнув ряды на 2 шага. Конница смыкает эскадроны друг к другу; каждый эскадрон размыкается в рядах так, чтобы его протяжение по фронту было равно протяжению по фронту разомкнутого в рядах (на 2 шага) батальона. Затем пехота и конница поворачиваются фронтом друг к другу. Батарея отходит на 400 шагов от последнего батальона, размыкает орудия так, чтобы протяжение фронта батареи равнялось протяжению фронта разомкнутого батальона, и снимается с передков, обращая орудия к стороне конницы.

В каждой роте вторые взводы смыкаются к первым, а 3-и и 4-е остаются на местах.

По сигналу руководителя «шагом» — 1-й эскадрон идет шагом на 1-й батальон. Батальон дает по коннице залп — в 100 шагах (головные взводы «с колена», вторые «стоя») и берет «на руку».

После залпа 1-й эскадрон переходит в рысь, проходит батальон насквозь и, вновь, перейдя в шаг, идет на 2-й батальон, который встречает его залпом со 100 шаг., и тогда 1-й эскадрон переходит в рысь и проходит 2-й батальон, а затем эскадрон идет шагом на батарею, которая открывает беглый огонь одним холостым патроном шагов с 200—250; после этого эскадрон переходит в рысь, проходит сквозь артиллерию и в 400 шагах за артиллерией останавливается.

То же самое делает затем и другой эскадрон.

Пройдя артиллерию, 2-й эскадрон смыкается по 1-му; пехота, конница и артиллерия поворачиваются кругом, причем последняя убирает передки за орудия.

Затем исполняется то же самое — *галопом*.

**Взаимные
отношения
родов войск
между собою**

Эти отношения выражаются, во-первых, в том, что один род войска должен оказывать другому поддержку, обеспечивающую успешное действие этого

последнего; например, пехота и конница прикрывают свою артиллерию и проч.; во-вторых, в том, что каждый род войск, действуя против другого, должен соответственным образом применять свои сильные стороны и уклонять слабые; напр., пехота известным образом атакует артиллерию и пр. Сущность этого указана в части 1-й учебника тактики (изд. 3-е, переработанное); показ войскам их отношений к другим родам войск необходимо производить на местности; разъясняя все по частям.

Взаимное ознакомление и показ взаимных отношений родов войск должны предшествовать маневрам отрядов из разных родов войск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего изложенного в отделе *«Подготовка войск в мирное время»* позволительно, как кажется, притти к следующему:

I. Дело воспитания и образования солдата огненные должно сделаться непосредственно офицерским делом, унтер-офицер и учителя — суть только помощники офицера.

II. Дело воспитания и образования не должно зависеть от частных взглядов того или другого начальника. *Необходимо во всей армии установить единство во взглядах на задачи военного воспитания и образования.* Это единство достижимо лишь в том случае, когда еще на школьной скамье будущим офицерам будут преподаны основания рациональной подготовки солдата и войсковой части.

III. Ввиду того, что воспитание и образование солдата всегда должны быть соображены с состоянием военного дела, настоятельно необходимо, чтобы офицеры были периодически поверяемы, путем экзамена, в знании тактики, уставов, и тех задач воспитания и образования солдата, которые являются в данное время вполне современными.

IV. Существующие ныне программы занятий с солдатами следует переработать, повысив специально военные

требования в соответствии с опытами последних войн, *но отнюдь не обращать армию в школу грамотности.*

V. Признать раз навсегда, что только всестороннее преобладание качеств одного солдата перед качествами другого дает право на повышение первого по службе, а не лучшее усвоение им нескольких или одного из отделов солдатского ремесла. В вопросах о предпочтении одного солдата перед другим нравственное развитие должно быть поставлено на первом месте.

VI. В деле подготовки войск должны быть резко ограничены: *подготовка одиночная* и *подготовка части.* К подготовке части нельзя переходить до тех пор, пока не будет закончена всесторонняя одиночная подготовка. Перейдя к подготовке части, надо начинать ее непременно с работы над отделениями (в коннице — взводами, в артиллерии — поорудийно) и обучать их всем отделам подготовки частей: строй, тактическая подготовка и проч. Чем лучше и всестороннее будут подготовлены отделения, тем прочнее будет и подготовка взводов, рот, батальонов и т. д.

VII. Не стремиться обратить военную службу для военнослужащих в приятное времяпровождение. Кормить, одевать и, вообще, вести солдата надо по-человечески, но на всей военной службе должен быть отпечаток той справедливой суровости, которая закаляет душу и тело офицера и солдата, делает их надежными, а всю армию способной на великие дела.

В этом вопросе пора, наконец, признать авторитет Суворова, который заповедал: *«тяжело в учении — легко в походе; легко в учении — тяжело в походе».*

VIII. В основу отношений младших к старшим и обратно *необходимо положить законность*, внушив каждому военнослужащему, что закон, обязывая его, вместе с тем защищает от неправых посягательств. Когда такое значение закона будет усвоено из практики, все будут заинтересованы в строгом его исполнении.

IX. Принять, что основанием для повышений офицеров по службе должен служить тот факт, что известное лицо, успешно управляя некоторым числом подчиненных, проявляло способность управлять, не менее успешно, еще большим их числом. *В противном случае к управлению крупными войсковыми частями всегда будут проходить лица, к такому делу непригодные.*

ПРИМЕЧАНИЯ

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА

Печатается по тексту «Солдатской памятки», изд. 1-ое, СПб., 1888.

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ НА ВОСПИТАНИЕ И ТАКТИКУ ВОЙСК

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомира 1858—1881 гг.», т. I, СПб., 1881. Впервые опубликовано в «Оружейном сборнике» № 1 за 1861 г.

О СРЕДСТВАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РАЗВИТИЮ ТАКТИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В ВОЙСКАХ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомира 1858—1880 гг.», т. I, СПб., 1881. Впервые опубликовано в «Оружейном сборнике» № 1 и 4 за 1862 г.

ХАРАКТЕР И ОБЪЕМ ТАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Печатается по тексту «Военного сборника» № 10 за 1865 г.

ОБ ОТНОШЕНИИ СТРОЕВЫХ УСТАВОВ К ТАКТИКЕ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомира 1858—1880 гг.», т. I, СПб., 1881. Впервые опубликовано в журнале «Военный сборник» № 1 за 1866 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К УЧЕБНИКУ ТАКТИКИ

Печатается по тексту «Учебника тактики» М. Драгомира. СПб., 1879.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ, ВЫЗВАННЫХ ПОСЛЕДНИМИ ДВУМЯ КАМПАНИЯМИ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг.», т. I, СПб., 1881. Впервые опубликовано в «Военном сборнике» № 12 за 1872 г. и № 1, 3 и 4 за 1873 г.

АРМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг.», т. II, СПб., 1881. Первая серия статей впервые была опубликована в «Военном сборнике» № 3, 4 и 5 за 1874 г., вторая серия впервые была опубликована в том же журнале № 7, 8 и 9 за 1875 г., четвертая серия — в «Русском инвалиде» № 56 и 77 за 1880 г.

АРМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова «14 лет» (1881—1894)», СПб., 1896. Вторая серия впервые опубликована в «Военном сборнике» № 3 за 1883 г., третья серия — в том же журнале № 6 и 7 за 1885 г.

«НАУКА ПОБЕЖДАТЬ» СУВОРОВА

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1881 гг.», т. II, СПб., 1881.

КАЛИБРЫ ОРУЖИЯ В ПОЛЕВЫХ АРМИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОСТАВА

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова «14 лет» (1881—1894)», СПб., 1895. Впервые опубликовано в журнале «Разведчик» № 52 за 1891 г.

ОТВЕТ «СТАРОМУ ОФИЦЕРУ»

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова «14 лет» (1881—1894)», СПб., 1895. Впервые опубликовано в журнале «Разведчик» № 117 за 1893 г.

ДИСЦИПЛИНА, СУБОРДИНАЦИЯ, ЧИНОПОЧИТАНИЕ

Печатается по тексту «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова «14 лет» (1881—1894)», СПб., 1896. Впервые опубликовано в журнале «Разведчик» № 176 за 1894 г.

ОПЫТ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЧАСТЕЙ К БОЮ

Часть I печатается по тексту 7-го, дополненного издания «Опыта руководства для подготовки частей к бою» М. Драгомирова, СПб., 1896; часть II — по 4-му, исправленному изданию, СПб., 1891; ч. III — по 3-му, исправленному изданию, СПб., 1895.

ПОДГОТОВКА ВОЙСК В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Печатается по тексту книги того же названия (Киев, 1906). Работа была подготовлена к печати М. Бонч-Бруевичем.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. И. Драгомиров	3
Солдатская памятка	43
Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск	46
О средствах, способствующих развитию тактических позна- ний в войсках	89
Характер и объем тактических исследований	103
Об отношении строевых уставов к тактике	125
Предисловие к учебнику тактики	153
По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями	164
Армейские заметки	187
Армейские заметки	312
„Наука побеждать“ Суворова	345
Калибры оружия в полевых армиях европейского состава	365
Ответ „старому офицеру“ (письмо к редактору-издателю)	375
Дисциплина, субординация, чиновпочитание (ответ г. „Воль- вому“)	382
Опыт руководства для подготовки частей к бою	393
Часть I — Подготовка роты	—
Часть II — Подготовка батальона	449
Часть III — Подготовка трех родов оружия ко взаим- ной выручке	494
Подготовка войск в мирное время (воспитание и образо- вание)	603
Примечания	685

М. И. Драгомиров
„Избранные произведения“

Редактор Г. М. ИГНАТКОВИЧ
Технический редактор Т. Ф. МЯСНИКОВА
Корректор В. А. ДОГАДИНА

Сдано в набор 27.7.55 г. Подписано к печати 2.3.56 г.
Формат бумаги 84 × 108^{1/32} — 21^{1/2} печ. л. = 35,26 усл.-печ. л. + 2 вкл. — 1 печ. л. =
= 1,64 усл.-печ. л. 37,237 уч.-изд. л.

Г-20128

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18
Изд. № 7/8248. Зак. № 3449

2-я типография им. К. Е. Ворошилова
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР
Ленинград, 65, почтовый ящик № 343
Цена 19 р. 60 к.

